

Иезуиты, 1534-1921. История Общества Иисуса от его основания до настоящего времени

Томас Дж . Кэмпбелл

THE JESUITS

1534-1921

A History of the Society of Jesus from Its
Foundation to the Present Time

BY

THOMAS J. CAMPBELL, S.J.

NEW YORK
THE ENCYCLOPEDIA PRESS

Электронная книга проекта Гутенберга иезуитов, 1534-1921

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: иезуиты, 1534-1921

Автор: Томас Дж. Кэмпбелл

Дата выхода: 3 января 2013 г. [Электронная книга № 41766]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Шарлин Тейлор, Чарли Ховард и команда онлайн-редакторов, распространяющих корректуру по адресу <http://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИЕЗУИТЫ", 1534-1921 ***

ИЕЗУИТЫ 1534-1921

История Общества Иисуса от его основания до настоящего времени

АВТОР: ТОМАС Дж. КЭМПБЕЛЛ, С.Дж.

НЬЮ- ЙОРК
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Permissu superiorum

ОБВИНЕНИЕ: АРТУР Дж. СКАНЛАН, доктор медицинских наук, *Цензор*

ОДОБРЕНИЕ: ПАТРИК Дж. ХЕЙС, доктор медицинских наук, *архиепископ Нью-Йорка*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Несколько лет назад автор этих строк, направляясь на так называемую генеральную конгрегацию Общества Иисуса, был спрошен попутчиком на атлантическом лайнере, знает ли он что-нибудь об иезуитах. Он ответил утвердительно и приступил к изложению характера и цели Заказа. Через несколько мгновений его прервал спрашивающий: "Вы вообще ничего о них не знаете, сэр; добрый день". Возможно, сами иезуиты ответственны за такое отношение к жизни, которое не свойственно людям на море, но встречается повсюду.

На самом деле, ни один иезуит до сих пор не написал полной или адекватной истории Общества; Орландини, Жуванси и Кордара пытались сделать это пару столетий назад, но их работа так и не вышла за рамки первых ста лет. Недавно были опубликованы два очень маленьких сборника иезуитов, один на итальянском языке Розой, другой на французском Брукером, но они слишком перегружены, чтобы удовлетворить среднего читателя, и Брукер останавливается на "Подавлении Общества Климентом XIV" в 1773 году. История Кретино-Жоли была написана в большой спешке; он часто выступает особым защитником, и даже иезуиты находят его слишком хвалебным. В настоящее время он безнадежно устарел, его последний том датирован 1833 годом. Б. Н. (Барбара Нив) опубликовала на английском языке историю Общества, основанную в основном на Кретино-Жоли. Следствием этого отсутствия авторитетных работ является то, что широкая публика получает информацию об иезуитах от авторов, которые предвзяты или плохо информированы, или которые, возможно, были наняты для того, чтобы опорочить Общество в политических целях. Другие авторы, опять же, сочли иезуитов романтической темой и в своих высказываниях в значительной степени опирались на их воображение.

Внимание на это положение вещей было привлечено Конгрегацией Общества, которая избрала отца Мартина на пост генерала иезуитов в 1892 году. В результате он назначил группу выдающихся писателей для сотрудничества в создании всеобщей истории Общества, которая должна была быть колоссальной по размеру, основанной на самых достоверных документах и соответствовать последним и самым строгим требованиям современной научной историографии. По завершении работы над различными частями они должны были скоординированы, а затем переведены на несколько языков, чтобы обеспечить материал для второстепенных исторических работ, доступных широкой публике. Такая схема обязательно предполагает очень значительное время до завершения всей работы, и, фактически, хотя несколько томов уже вышли на английском, французском, немецком, испанском и итальянском языках, авторы все еще обсуждают события, произошедшие два столетия назад. К счастью, их исследования пролили много света на раннюю историю Ордена; огромное количество опубликованных в изданиях документов, опубликованных Карайоном и другими, дали нам более глубокие знания о промежуточном периоде; было написано много биографий, а

огромный том "Liber sæcularis" Альберса доводит летопись до наших дней. Таким образом, хотя для широкого читателя уже предоставлено много ценной информации, великая совместная работа далека от завершения. Отсюда и нынешняя история иезуитов.

Содержание

ГЛАВА I

	Страница
Происхождения	
Названия — Оскорбительные значения — Карикатуры на Основателя — Цель Ордена — Ранняя жизнь Игнатия — Пампелуна — Обращение — Манреса — Упражнения — Авторство — Путешествие в Палестину — Университеты — Жизнь в Париже — Первые компаньоны — Первые обеты на Монмартре — Ассамблея в Венеции. В случае невозможности достичь Палестины — первое путешествие в Рим, — посвящение в священство — служение в Италии — представляет Конституций для папского одобрения — Guidiccioni оппозиции — вопрос быка <i>Regimini</i> — эскиз Института — крипто- иезуиты	1-35

Глава II

первоначальных мероприятий	
Португалия, Испания, Франция, Германия, Италия — избрание Игнатия — иезуиты в Ирландии — "доктор скотч" — Фабер и Меланхтон — Ле Джей — Бобадилья — Тридентского — Лайнес, Сальмерон, Канизиус — Катехизис — противостояние в Испании — Кано — Пия V — первой миссии в Америке — французских парламентов — постель — основание Germanicum коллегии в Риме — подобных учреждений в Германии — Клермон и колледжи во Франции — Colloque de Пуасси.	36-71

Глава III

концы земли

Ксавье отправляется на Восток — Гоа — вокруг
Индостана — Малакка — Молуккских островов
— возвращение в Гоа — доблестной Бельгии
неприятностей в Гоа — вступает в Японии —
возвращается в Гоа начинается в Китае
умирает от берега — останки привезли в Гоа —
Африка — Конго, Ангола, Caffreria, Абиссинии
— Бразилия, Nobrega, Аншиета, Азеведо —
провал Родригес в Португалии

72-95

Глава IV

заметных персонажей

Игнатия Лайнес — Борджиа — Беллармина —
Toletus — Lessius — Мальдонадо — Суарес —
Луго — Валенсия — Петавиуса — Warsewicz —
Николай — Possevin — Виейра — Меркурия

96-133

Глава V.

английская миссия

условия после Генриха VIII — Аллен — человек
— Кэмптон — вход в Англии — Кингсли
кариатура — Томас Rounde — Стефенс —
захват и смерть она, — и с другими
мучениками — Саутуэлле, Уолпол — иезуиты в
Ирландии и Шотландии — за английское
наследство — Раздоры — протоиерей
Блэкуэлл — заявители — до свидания-участок
вступления Якова I — Пороховой заговор —
гранат, Жерар

134-165

Глава VI

Японии

1555-1645

после того, как Ксавьер время — Торрес и
Хуан-Фернандес — Civandono — Nunhes и
Пинто — Король Hirando — первых гонений —
Гаго и Вилелья — Алмейда — восстание против
императора — Юстус Ucondono и Нобунага —
Valignani — основания Nangasaki — пыл и
верности новообращенных — посольство в
Европу, путешествие по Португалии, Испании
и Италии —прием Григория XIII и Сикста V —
вернуться в Японию — Великого гонения на

166-196

Taicosama, Daifusama, Сегун Сегун I и II, в —
Спинола и других мучеников — прилет
францисканцев и доминиканцев —
популярные стремление к смерти — Mastrilli —
попытки установить иерархию — закрытие
портов — обнаружение христиан.

ГЛАВА VII

великой бури
1580-1597

Manares подозревали амбиций — выборы
Аквавива — начало испанский недовольство
— Дионисио Васкес — "коэффициент
гуманитарных" — общества действий против
исповедников российских царей и
политических посольств — беда с испанской
инквизиции и Филипп II — попытки
испанскийраскола Ormanetto документы —
Ribadeneira подозреваемого — лишение
свободы иезуитов испанская инквизиция —
действия Toletus — Внеочередное собрание
под названием — реабилитация в Аквавива —
спор "де Auxiliis" — Антуан Арно атаки —
Генрих IV и Жан Шастель — примирение
Генриха IV от Церкви — Королевская защита —
Сент-Чарльз Борromeo — неприятности в
Венеции — Сарпи — Палафокс

197-227

Глава VIII

Азиатского континента

"Великий Могол" — Рудольфа Аквавива —
Жерома Ксавье — де Нобили — де Бритто —
Beschi — парии — входя в Тибете — из Пекина
в Европу — Менгрелия, Пафлагонии и халдеи
— маронитов — Александр де Родс — Риччи
поступает в Китай из Агры в Пекине — Адама
Шаля — прихода татар — гонения — Шаль
приговорены к смерти — Вербист — де Турнон
визит — французской королевской
математиков — Аврил путешествие

228-267

глава IX

сражение книг

aquaviva и испанской оппозиции — Vitelleschi 268-295
— в "Монита секреции"; Morlin — Родинг —
"истории Jesuitici Ordinis" — "Jesuiticum
Jejunium" — "зеркало Jesuiticum" — Паскье —
Марианские — "тайны ордена иезуитов" —
"иезуит кабинет" — "иезуит волки" — "театр
Jesuítico" — "мораль практика-де-иезуитов" —
"Conjuratio Sulphurea" — "изящной
словесности провинциальных" — "Causeries
дю Лунди" и Bourdaloue — запрещение
публикации Людовика XIV — папское
епископов Сенс — Сантарелли — Эскобар —
анти-Котон — Margry по "Descouvertes" —
Норберт

глава X

в двух Америк
1567-1673

Перу и Чили — Вальдивия — перуанский коры 296-342
— сокращение Парагвай — отец поля —
эмиграции из Бразилии — социальные и
религиозные процветания сокращений —
мученичество двадцать девять миссионеров —
сокращение Колумбия — Петр Клавер —
французская Вест — Сент-Китс — ирландских
эмигрантов — отец ванна или Destriches —
Монсеррат — эмиграция в Гваделупу — других
островов — Гвианы — Мексика Нижняя
Калифорния — благочестивый Фонда
Филиппины — Канада миссий — Brébeuf,
Лодиебыл, мойну, Маркетт — Мэриленд —
Белый — Lewger

глава XI

культуры

колледжах — их популярность —доходы — 343-386
характер воспитания: классика; наука;
философия; искусство — Уважаемые ученики
— поэты: Саутуэлл; Балде; Sarbievius; Страда;
фон Шпее; Грессет; Beschi. — Ораторы:
Виейра; Segneri; Bourdaloue. — Авторы: Исла;
Ribadeneira; Скарпа; Bouhours и т. д. —
Историки — изданий — ученые и
исследователи — философы — богословы —

СВЯТЫЕ

глава XII

от Vitelleschi, чтобы Риччи
1615-1773

учащихся в Тридцатилетней войне — кувшин; [387-423](#)
Пикколомини; Gottifredi — Мэри Уорд —
предполагаемого упадка общества — Иоанн
Павел Олива — иезуитов во дворах королей —
Яна Казимира — английский гонения. Лузанси
и Титус Оутс — Кардиналы — иезуиты -
Галликанство во Франции — Майбург - Дез -
Проблемы в Голландии. Де Нуайель и
Иннокентий XI — Попытка раскола во Франции
— Гонсалес и вероятностный подход — Дон
Педро Португальский — Новые нападения
янсенистов — Администрация Реца —
Избрание Риччи — Надвигающаяся буря

ГЛАВА XIII

Условия перед катастрофой

Состояние общества — Семилетняя война — [424-441](#)
Политические изменения — Правители
Испании, Португалии, Неаполя, Франции и
Австрии — Февроний — Настроения иерархии
— Папы Бенедикт XIV; Климент XIII; Климент XIV

ГЛАВА XIV Ранняя жизнь

Помбала

— Амбиции — Португальские миссии — Захват [442-477](#)
испанских владений. Изгнание миссионеров
— конец миссии в Бразилии — война против
общества, в Португалии — иезуит Республика
— кардинал Салдана — захват церковей и
колледжей — заговоре с целью убийства — в
тюрьмах — изгнанников — выполнение
Malagrida

глава XV

Шуазель

французский способ — цель врага — [478-503](#)
предварительные обвинения — Вольтера

показания — Ла-Валетт — La Chalotais — арест имущества — Ауто-да-Фе из произведений Lessius, Суарес, Валентия и т. д. — Обращение французского епископата — Кристоф де Бомон — спрос на французский наместник — "Синт ут соблюдении авт номера Синт" — протест Климент XIII — действия отца ла-Круа и иезуитов в Париже — Людовик XV подписывает акт подавления — занятия разгоняют иезуиты — спокойно в Канаде — исключен из Луизианы — Шуазель колонизации Гвианы

глава XVI

Карлом III

из династии Бурбонов в Испании — символ Карла III испанского Министерства — О'Рейли — В шляпе и плаще ОМОН — трусость Чарльз — обманываемая монарх — указ борьбе — горе папы — его смерть — неодобрение во Франции энциклопедисты — королевской тайной — одновременность борьбе — скитания изгнанников — Пиньятелли — высылка Tanucci

504-529

глава XVII

окончательный удар

Ганганелли — политическом заговоре на выборах — Бернис, Аранда, Обтер — в Zelanti — избрания Климент XIV обновление иезуит привилегии нового Папы — спрос Бурбонов на всеобщей борьбе — за три года борьбы — фанатизм Карла III — угрозы раскола — Moñino — Мария-Терезия — Spoliations в Италии — подписание кратко — заключение отец Риччи и специалисты — Молчание и подчинение иезуитов папы указ

530-554

глава XVIII

прибора

итог этой борьбы и ее дополнительный документ

555-576

глава XIX

исполнения

захват Джезу в Риме — ходовая часть священников — юридического разбирательства отца Риччи продолжались в течение двух лет — смерть потерпевшего — кровать заявление — признание его невиновности инквизиторы — похороны, — причину своего затянувшегося лишения свободы — освобождение из помощников по Пий VI — Получение Краткая вне Рима, — отказался Швейцарии, Польше, России и Пруссии чтения для заключенных в Португалии Помбаль — донос на него архиепископ Парижа — подавление документ епископом Квебека — принятие Австрия — приведении его в исполнение, в Бельгии — Кэрролл в Брюгге — неисправен обнародования в штате Мэриленд.

577-603

глава XX

продолжение подавления

провал папское Бреве чтобы дать мир Церкви — Лигуори и Таписси — Иосиф II гонения на Церковь в Австро — Voltaireanism в Португалии — болезни Климентом XIV — смерть — обвинения в отравлении — избрание Пия VI — Синод Пистоя — Febronianism в Австрию — посетить Пия VI к Иосиф II — в точках ЭМС — Испания, Сардиния, Венеция, Сицилия в оппозиции к папе — политический коллапс в Испании — падение Помбала — освобождение своих жертв — протест де Гусман — смерть Иосифа II — занятия разгоняют иезуиты — *Theologia Wiceburgensis* — валочно — Борегар пророчество — Заккариа — Tiraboschi — Боскович — миссионеры — донос о борьбе в Национальном собрании Франции — убиенных в годы Французской революции — без средств к существованию иезуитов в Польше — жилье в России

604-635

глава XXI

российского контингента

Фридриха Великого и "философы" — Защита
иезуиты — смерти Вольтер — Екатерине
России — четырех колледжей —
Императрица в Полоцке — Иосиф II в
Могилеве — Арчетти — Барон Гримм —
Черневич и послушники — Согласие Пия VI —
Потемкин — Сестренцевич — Генеральная
конгрегация — Бениславский — "*Одобрение;
Approbo*" — Вступление бывших иезуитов.
Грубер и император Павел — Александр I —
Миссии в России

636-664

ГЛАВА XXII

Сплачивающиеся

Отцы Святого Сердца — Отцы веры — Слияние
— Пакканари — Разрыв — Исход в Россию —
Варин в Париже — Клоривер — Сомнения
Кэрролла — Пиньятелли — Пуаро в Китае —
Одиссея Грасси

665-684

ГЛАВА XXIII

Реставрация

Трагическая смерть отца Грубера — падения
Наполеона — релиз папы — в обществе вновь
создан — Открытие колледжей — Clorivière —
Добро пожаловать в общество, в Испании —
отбили в Португалии — против католиков в
Англии, — объявил в Америке — Кэрролл —
Фенвик — Нил

685-715

глава XXIV

первое собрание

выдворение из России — Петруччи, Викарий
— пытаться разрушить Социум — Спас
Consalvi и Rozaven

716-733

глава XXV

век катастрофы

изгнания из Голландии — беда в Фрайбург —
изгнание и Напомним, в Испании — *Пти*
Séminaires — Берье — Montlosier — мужской

734-764

Sodalities — Санкт-Acheul окружавший
четырнадцать иезуитов убиты в Мадриде —
погребения Помбал — де Ravignan по памфлет
— Veuillot — современный — де Бональд —
архиепископ Affre — Мишле, Кине и
двоюродный брат — Джоберти, — изгнание из
Австрии — Культуркампфа — избиение
заложников в коммуне — Южная Америка и
Мексика — цветущем состоянии до начала
Первой мировой войны

глава XXVI

современных миссий

в ходе подавления — Рутана по апелляционной [765-824](#)
жалобе — в Южной Америке — Филиппин и
Соединенных Штатов Америки индейцы — Де-
Смет — канадский оговорок — Аляска —
Британский Гондурас — Китай — Индия,
Сирия, Алжир — Гвинея Египет — Мадагаскар
— Машоналенд Конго — миссий истощена
Первой мировой войной — Фактическое число
миссионеров

глава XXVII

колледжи

ответственность общества за утрату веры в [825-854](#)
Европе — Лой Фаллу — Бомбей — Калькутта —
Бейрут — американские колледжи — ученые,
Archæologists, метеорологи, сейсмологи,
астрономы — этнологов

глава XXVIII Всемирной

литературы,

грамматики и лексикона каждый язык — [855-890](#)
драмы — истории литературы — картография
— китаеведение — египтологии — санскрита
— Католической энциклопедии — каталоги
иезуитские писатели — отель Acta Санкторум
— иезуит отношений — номенклатурный
перечень изданий — философия —
догматическая, Нравственного и
аскетического богословия — канонического
права — толкование

глава XXIX

суверенные понтифики и обществе

преданности, доверия и привязанности друг 891-916

папы XIX-XX веков проявлялось в его

служебные и личные отношения с обществом

глава XXX

заключение

сменявшие друг друга генералы в

917-930

восстановленном общества — нынешний

состав, задачи и провинциях

РАБОТЫ, С КОТОРЫМИ КОНСУЛЬТИРОВАЛИСЬ

- Institutum Societatis Jesu.
- Jouvancy — Epitome historiæ Societatis Jesu.
- Jouvancy — Monumenta Societatis Jesu.
- Crétineau-Joly — Hist. религ., пол. et litt. de la Comp. de Jésus.
- Б. Н. — Иезуиты: их основание и история.
- Rosa, I Gesuiti dalle origini ai nostri giorni.
- Meschler, Die Gesellschaft Jesu.
- Böhmer-Monod — Les Jésuites.
- Feval, — Les Jésuites.
- Huber — Der Jesuitenorden.
- Duhr — Jesuiten-Fabeln.
- Brou — Les Jésuites et la légende.
- Беллок, Провинциальные письма Паскаля.
- Конфликт Фоули и иезуитов.
- Fouquerey — Histoire de la compagnie de Jésus en France.
- Bournichon — La Compagnie de Jésus en France: 1814-1914.
- Albers — Liber sæcularis ab anno 1814 ad annum 1914.
- Tacchi-Venturi — Storia della compagnia di Gesù in Italia.
- Monti — La Compagnia di Gesù.
- Duhr — Geschichte der Jesuiten in den Ländern deutschen Zunge.
- Kroess — Geschichte der böhmischen Provinz der Gesellschaft Jesu.
- Астрал — История. de la Comp. de Jesús en la asist. de España.
- Хьюз — История Общества Иисуса Северной Америки.

- Алегри — La Compañía de Jesús en la Nueva España.
- Frias — La Provincia de España de la compañía de Jesús, 1815-63.
- Поллард — иезуиты в Польше.
- Hogan — Ibernica Ignatiana.
- Tanner — Societas Jesu præclara.
- Жития святых-иезуитов.
- Менологии Общества Иисуса.
- Southwell — Bibliotheca Scriptorum Societatis Jesu.
- Sommervogel — Bibl. des écrivains de la comp. de Jésus.
- Chandlery — Fasti breviores Societatis Jesu.
- Мейнард — Исследования и учения Общества Иисуса.
- Daniel — Les Jésuites instituteurs.
- Сварка — Подавление Общества Иисуса в Португалии.
- De Ravignan — De l'existence et de l'institut des Jésuites.
- De Ravignan — Clément XIII et Clément XIV.
- Theiner — Geschichte des Pontifikats Klemens XIV.
- Artaud de Montor — Histoire du pape Pie VII.
- Carayon — Documents inédits concernant la Compagnie de Jésus.
- Bertrand — Mémoires sur les missions.
- Brou — Les Missions du xixe siècle.
- Моряк — Карта иезуитских миссий в Соединенных Штатах.
- Маршалл — христианские миссии.
- Бэнкрофты — коренные жители Тихоокеанских штатов.
- Кэмпбелл — священник-первопроходец Северной Америки.
- Charlevoix — Histoire du Japon.
- Charlevoix — Histoire du Paraguay.
- Charlevoix — Histoire de la Nouvelle-France.
- Crasset — Histoire de l'église du Japon.
- Avril — Voyage en divers états d'Europe et d'Asie.
- Отношения Туэйтса и иезуитов.
- Исторические мемуары Болтона — Кино.
- Янссен — История немецкого народа.
- Lavissee — Histoire de France.
- Ранке — История римских пап.
- Лингард — История Англии.
- Тирни-Додд — Церковная история Англии.
- Пыльца — Учреждение протоиерея Блэквелла.
- Хайле-Бонни — Жизнь и письма Джона Лингарда.
- Поллок — Заговор папистов.

- Гилдей — английские католические беженцы на Континенте.
- Макджеган — История Ирландии.
- Фланаган — Церковная история Ирландии.
- О'Рейли — Жития ирландских мучеников и исповедников.
- Rochefort — Histoire des Antilles.
- Eyzaguirre — Historia de Chile.
- Tertre — Histoire de St. Christophe.
- Порбахер — История церкви.
- Hübner — Sixte-Quint.
- Нус — христианство в Китае, Татарии и Тибете.
- Робертсон — История Карла V.
- Ши — Католическая церковь в колониальные времена.
- Расса — Memorie storiche del ministero.
- Сент-Бев — Козери.
- Petit de Julleville — Histoire de la littérature française.
- Godefroy — Littérature française.
- Шлоссер — История Восемнадцатого и девятнадцатого веков.
- Cantù — Storia universale.
- Кембриджская современная история, тома. VIII, XII.
- Месяц.
- Католическая энциклопедия, passim.
- Британская энциклопедия, passim.
- Realencyclopädie für protestantische Theologie und Kirche, passim.

ИЕЗУИТЫ 1534-1921

ГЛАВА I ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Название — Оскорбительные значения — Карикатуры на Основателя — Цель Ордена — Ранняя жизнь Игнатия — Пампелуна — Обращение — Манреса — Упражнения — Авторство — Путешествие в Палестину — Университеты — Жизнь в Париже — Первые компаньоны — Первые обеты на Монмартре — Ассамблея в Венеции. Неудача в Палестине — Первое путешествие в Рим — Рукоположение в священники — Труды в Италии — Представляет Конституции на утверждение Папы — Оппозиция Гуидиччони — Выпуск Буллы *Regimini* — Эскиз Института — Кriptoиезуиты.

Название "иезуит" обычно имеет зловещее значение в умах дезинформированных людей. Кальвина обвиняют в его изобретении, но это ошибка. Оно было широко распространено за два-три столетия до Реформации и, как правило, подразумевало духовное различие. Действительно, в своем знаменитом труде, известном как "Великая жизнь Господа нашего Иисуса Христа", который появился где-то около 1350 года, святой старый картезианский аскет Людольф Саксонский использует это так, что это почти вызывает улыбку. Он говорит своим читателям, что "точно так же, как мы называемся христианами, когда крестимся, так и мы будем называться иезуитами, когда войдем в славу". Возможно, такое обозначение было бы очень неудобным даже для некоторых благочестивых людей наших дней. Оскорбительное значение этого слова вошло в обиход с приближением протестантской реформации. Таким образом, когда небрежность в соблюдении своих правил начала проявляться у некогда ревностных последователей святого Иоанна Колумбини, которых называли иезуатами из—за частого использования ими выражения: "Хвала Иисусу Христу", — их имя закрепилось в обиходной речи как синоним лицемерия. Возможно, это объяснит любопытный вопрос в "Экзамене совести" в старом немецком молитвеннике, датированном 1519 годом, где кающемуся предлагается спросить себя: "Не забывал ли я учить Слову Божьему из страха быть названным фарисеем, иезуитом, лицемером, бегинкой?"

Ассоциация термина "иезуит" с фарисеем и лицемером достаточно неприятна, но особенно оскорбительно связывать его с бегинкой. Слово "Бегинка" стало обозначать женщину-еретичку, мистику, иллюминатку, пантеистку, которой, хотя и приписывали внешность святой, приписывали проведение тайных собраний, на которых предавались самым непристойным оргиям. Идентичность бегинок с иезуитами считалась не подлежащей сомнению, и один из первых кальвинистских писателей сообщил своим единоверцам, что в определенные периоды иезуиты использовали таинственные и магические приспособления и совершали множество странных ужимок и корчей в подземных пещерах, из которых они выходили изможденными, как будто боролись с демонами ада (Janssen, Hist. of the German People, Eng. tr., IV, 406-7). К сожалению, в то время определенная часть ассоциации бегинок настаивала на том, чтобы их называли иезуитами. Было много вариаций на эту тему, когда наконец появились настоящие иезуиты. В Германии их осудили как идолопоклонников и развратников, а их великий лидер Канисий, как сообщалось, сбежал с аббатисой. Во Франции их считали ассасинами и цареубийцами; Кальвин называл их *la racaille*, то есть сбродом, негодяями, отбросами общества. В Англии их считали политическими заговорщиками и шпионами. Позже, в Америке, Джон Адамс, второй президент Соединенных Штатов, отождествил их с квакерами и решил подавить их. Коттон Мэзер или кто-то еще в Бостоне называл их кузнечиками и молился о том, чтобы восточный ветер унес их прочь; индейцы сжигали их на кострах как колдунов, а японские бонзы настаивали на том, что они каннибалы, обвинение, повторенное Чарльзом Кингсли, капелланом королевы Виктории, который в "Вестуорд Хо" рассказывает пожилой женщине об иезуитах, впервые прибывших в Англию, что "они, вероятно, убили ее старика и засолили его, чтобы провизировать на пути к папе Римскому". Неудивительно, что Ньюман посоветовал Кингсли улететь в космос.

Кульминация клеветы была достигнута в декрете парижского парламента, изданном 6 августа 1762 года. Оно начинается с вступления, в котором излагаются мотивы обвинительного заключения, и заявляет, что "иезуиты признаны виновными в том, что они всегда, непрерывно и с одобрения своих начальников и генералов преподавали симонию, богохульство, святотатство, черное искусство, магию, астрологию, нечестие, идолопоклонство, суеверия,

нечистоплотность, подкуп правосудия, грабеж, отцеубийство, человекоубийство, самоубийство и цареубийство". Затем в указе излагаются восемьдесят четыре пункта обвинения, по которым они признаются конкретно виновными в поддержке греческого раскола, отрицании исхождения Святого Духа; в одобрении ересей арианства, савеллианства и несторианства; в нападениях на иерархию, мессу и Святое Причастие, а также авторитет Святого Престола; в переходе на сторону лютеран, кальвинистов и других еретиков шестнадцатого века; в воспроизведении ересей Уиклиффа, пелагиан и полупелагиан; в добавлении переход от богохульства к ереси; принижение первых Отцов Церкви, Апостолов, Авраама, пророков, святого Иоанна Крестителя, ангелов; оскорбление и богохульство Пресвятой Девы; подрыв основ Веры; разрушение веры в Божественность Иисуса Христа; постановка под сомнение тайны Искупления; поощрение нечестия деистов; предложение эпикурейства; учение людей жить как животные, а христиан - как язычники (де Равиньян, "О существовании и институте спасения"). Евреи, iii).

Таков был вклад янсенистов в создание иезуитской комнаты ужасов. Это было одобрено правительством и послужило оружием для атеистов восемнадцатого века по уничтожению религии Франции, и, наконец, лексиконы всех языков придали одиозное значение названию "иезуит". Типичный пример такого рода недоброжелательства можно найти в "насьонале" Домингеса. В статье об иезуитах автор сообщает миру, что орден превосходил в образованности все остальные; и производил на свет относительно в каждый период своего существования все больше выдающихся людей, и с большим рвением посвящал себя проповеди Евангелия и воспитанию молодежи — изначальным и возвышенным целям своего Института. Тем не менее, его влияние в политических вопросах, столь же могущественное, сколь и скрытое, его поразительное накопление богатства и амбициозные цели навлекли на него стрелы зависти, породили ужасных противников и непримиримых преследователей, пока ученый Климент XIV, бессмертный Ганганелли, не подавил его 21 июля 1773 года за злоупотребления и неповиновение Святому Престолу. Трудно понять, почему "ученого Климента XIV" следует называть "бессмертным" за то, что он подавлял, а не сохранял или, по крайней мере, реформировал орден, который, по мнению автора, сделал больше всех остальных для распространения Веры, но логика не является необходимым условием лексикона. "Несмотря на их подавление, - продолжает он, - им с присущим им упорством удалось снова возродиться к жизни, и в настоящее время они существуют в нескольких частях Европы". "Diccionario" датирован Мадридом, 1849 годом. Другими словами, святой Пий VII совершил очень нечестивый поступок, восстановив Орден.

Конечно, основатель этого ужасного Общества должен был быть представлен публике как должным образом подготовленный для той пагубной задачи, которую он перед собой поставил; поэтому писатели наперебой распространялись о том, что они называют его сложной индивидуальностью. Так, немецкий психолог настаивает на том, что Порядок, установленный этим испанцем, на самом деле был творением тевтонов. Француз Дрюмон считает, что "это антисемитизм по своему характеру", хотя Поланко, пожизненный секретарь Лойолы, был еврейского происхождения, как и Лаинес, второй генерал, и великий кардинал Толетус. Третий энтузиаст, Чемберлен, англичанин по происхождению, отвергает все другие точки зрения и настаивает на том, что, поскольку Лойола был баскомианином и иберийцем, он не мог иметь германского или даже арийского происхождения, и он утверждает, что примитивные черты каменного века постоянно проявляются в его характере. Читая "Духовные упражнения", он говорит: "Я слышу этот могучий рев пещерного медведя и содрогаюсь, как содрогались люди

диллювиальной эпохи, когда бедные, нагие и беззащитные, днем и ночью окруженные опасностью, они дрожали от этого голоса". (Основы девятнадцатого века, I, 570.) "Если это правда, - говорит Бру в "Приключениях и легенде", - то, следуя тому же процессу рассуждений, следует заключить, что поскольку Ксавье был баскомцем, его голос также был медвежьим и троглодитским; а поскольку Фабер был савояром, его следует классифицировать как брахицефального человека альпийского". Герман Мюллер в книге "Происхождение компании Иисуса" претендует на честь выдвинуть совершенно новую теорию о личности Лойолы. ""Упражнения" представляют собой смесь исламского гностицизма и воинствующего католицизма, - говорит он нам. - но где Игнатий познакомился с этими мусульманскими конгрегациями? У нас нет ничего положительного на этот счет, хотя мы знаем, что однажды он встретил на дороге мавра и собирался проткнуть его насквозь своим мечом. Тогда в Каталонии тоже было очень много мавров и морисков, и мы не должны забывать, что Игнатий намеревался отправиться в Палестину, чтобы обратить турок в свою веру. Следовательно, он должен был знать их и поэтому был подвержен их влиянию". Странно, но Мюллер чувствует себя обиженным из-за того, что иезуиты не принимают эту весьма нелогичную теорию, в которой, как он настаивает, нет ничего порочащего.

Опуская многие другие авторитетные источники, Волле в "Великой энциклопедии" (с. в. Игнаций де Лойола, святой) сообщает своим читателям, что "беспристрастная история может обнаружить в Лойоле бесчисленные черты фантастической экзальтации, болезненной мечтательности, суеверия, морального мракобесия, фанатичной ненависти, обмана и лживости. С другой стороны, невозможно не признать, что он был человеком железной воли, неукротимого упорства в действиях и страданиях и непоколебимой веры в свою миссию; несмотря на пылкое воображение, он обладал проницательным умом и удивительной способностью читать мысли людей; он обладал мягкостью и гибкостью, которые позволяли ему быть всем для всех. Каким бы дальновидным он ни был, он в высшей степени обладал гением организации и стратегии; он мог создать армию, в которой нуждался, и использовать имевшиеся у него под рукой средства с благоразумием и осмотрительностью. Мы даже можем обнаружить в нем нежное сердце, легко поддающееся состраданию, привязанности и самопожертвованию ради своих ближних". Мишле говорит, что в нем сочетались черты святого Франциска Ассизского и Макиавелли. Наконец, Виктор Гюго достиг вершины абсурда, когда в 1850 году заверил Французскую ассамблею, что "Игнатий был врагом Иисуса". На самом деле поэт ничего не знал ни о том, ни о другом, как и многие из его слушателей.

Насколько нам известно, святой Игнатий вообще никогда не употреблял термин "иезуит". Он назвал свой Орден *Compañía de Jesús*, что по-итальянски *Compagnia*, а по-французски - *Compagnie*. Английское название Society, так же как и латинское *Societas*, является неуклюжей попыткой перевода и не является ни адекватным, ни живописным. Компания, очевидно, была воспоминанием о ранней военной жизни Лойолы и означала для него батальон легкой пехоты, всегда готовый к службе в любой части мира. Использование имени Иисус сильно оскорбило его. Как на Континенте, так и в Англии он был осужден как богохульный; королям, гражданским и церковным трибуналам были направлены петиции с требованием изменить его; и даже папа Сикст V подписал Распоряжение об отмене этого. Возможно, лучшее извинение за это принес добродушный монарх Генрих IV, когда Парижский университет и парламент умоляли его использовать свое влияние против его использования. Пожав плечами, он ответил: "Я не понимаю, почему мы должны беспокоиться об этом. Некоторые из моих офицеров - рыцари Святого Духа; в Церкви есть орден Святой Троицы; а в Париже у нас есть конгрегация монахинь,

которые называют себя Божьими Дочерьми. Почему же тогда мы должны возражать против Общества Иисуса?"

Испанцы, должно быть, были поражены этими возражениями, потому что имя *Иисус* было, как и до сих пор, в их обиходе. Они дают его своим детям, и оно используется как восклицание удивления или страха; например, *Боже мой!* по-французски. Они даже употребляют такие выражения, как: *Иисус Христос! Jesu mille veces or Jesucristo, Dios mio!* Обычай довольно странный для других национальностей, но это всего лишь вопрос *того, кто платит, того, кто покупает*. Однако на данный момент был достигнут компромисс, назвав организацию "Обществом имени Иисуса", но впоследствии это было запрещено генералом.

Как правило, иезуиты не отвечают на эти нападки. Прославленный Якоб Грецер попытался это сделать давным-давно, но, несмотря на свою святость, в своем ответе он проявил столько гнева, что ему было велено помалкивать. Такова общепринятая политика, и Общество утешает себя размышлениями о том, что ужасный баск Игнатий Лойола и множество его сыновей были коронованы Вселенской Церковью как славные святые; что августейший Тридентский собор торжественно одобрил Орден как "благочестивый институт"; что двадцать или тридцать сменявших друг друга Суверенных понтификов благословляли его и благоволили к нему, и что после того, как страшная буря, вызванная его врагами, утихла, одним из первых официальных актов Папы было восстановление Общества на его древнем месте в Церкви. Шрамы, полученные ею в бесчисленных битвах, являются не уродством, а украшением; и кардинал Аллен, близко видевший ее членов в кровавой борьбе английской миссии, напомнил им, что "ненависть к еретикам - великая слава святого Иеронима".

Часто утверждается, что Общество было организовано с явной целью борьбы с протестантской реформацией. Это не так. Напротив, святой Игнатий, по-видимому, не отдавал себе отчета в масштабах религиозного движения, происходившего в то время. Его единственной целью было обратить турок в свою веру, и только неспособность раздобыть корабль в Венеции помешала ему осуществить этот план. Действительно, вполне вероятно, что, когда он впервые подумал о посвящении себя Богу, даже имя Лютера еще не достигло Монтсеррата или Манресы. Они, конечно, были современниками, поскольку Лютер родился в 1483 году, а Лойола - в 1491 году или около того; и их направления деятельности часто находились в прямом антагонизме, но ни один из них не осознавал этого. Таким образом, в 1521 году, когда Лойола подавал безнадежные надежды в Пампелуне спасти цитадель для Карла V, Лютер находился в замке Вартбург, замышляя свергнуть этого властителя. В 1522 году, когда отшельник из Манресы писал свои "Упражнения" с целью сделать людей лучше, Лютер выдавал себя за священнослужителя Виттенбергского и провозглашал бесполезность Десяти заповедей; а когда Лойола был в Лондоне, прося милостыню для продолжения учебы, Лютер кокетничал с Генрихом VIII, чтобы побудить этого буйного короля принять новое Евангелие.

Игнатий Лойола родился в самом сердце Пиренеев, в затонувшей долине, на одном конце которой находится маленький городок Аскойтия, а на другом - такой же крошечный городок Азпейтия. Над ними обоими Лойолы на протяжении веков были властителями либо благодаря браку, либо по наследству. Их родовой замок все еще стоит; но, в то время как в старые времена он был наполовину скрыт окружающими лесами, сегодня он воплощен в огромном сооружении, которое почти замыкает этот конец долины.

Замок перешел во владение Общества благодаря щедрости Анны Австрийской, и вокруг него был построен колледж. Пристроенное здание теперь образует огромный четырехугольник с четырьмя внутренними дворами. Из центра фасада выступает большая церковь круглой формы и высотой в двести футов. Его завершение надолго откладывалось, но сейчас возведение массивной сваи завершено. Сбоку от него, но совершенно невидимый снаружи, находится сам замок, несколько разочаровывающий тех, кто сформировал свои собственные представления о том, какими были замки в те дни. Его высота всего пятьдесят шесть футов, а ширина пятьдесят восемь. Нижняя часть сделана из тесаного камня, а верхняя часть из кирпича. Над входом грубо высечен в камне фамильный герб, изображающий двух волков, свирепого и сверкающего, между которыми на цепи подвешен котел. Это устройство является геральдическим символом имени Лойола. Интерьер тщательно оформлен, а верхний этаж, где Игнатий лежал на одре страданий после катастрофы при Пампелуне, был превращен в молельню.

Церковь обращена в сторону Аспейтии. Небольшой ручей протекает сбоку от хорошо проложенной дороги, соединяющей два города. По всей его длине были построены святилища, а также убежища для путешественников, если их застигнет буря. Здешние жители красивы и исполнены достоинства, величественны в своей осанке — ведь они альпинисты - и столь же бережливы в возделывании своих крутых холмов, по которым они взбираются террасами до самой вершины, как бельгийцы возделывают свои ровные поля в Низменностях. Здесь нет богатства, но нет и отвратительной бедности; и повсюду налицо радостное благочестие. Азпейтия славится тем, что там крестили святого Игнатия; и когда несколько лет назад было предложено убрать купель и заменить ее новой, женщины взбунтовались. Их дети должны были стать христианами в том же святом бассейне, что и их великий соотечественник, каким бы старым и потрепанным он ни был.

Игнатий был младшим в семье из тринадцати человек или, по крайней мере, младшим из сыновей; его окрестили Энеко или Иниго, но позже он сменил свое имя на Игнатиус. Его ранние годы прошли в замке Аревало; и, по словам Маффеи, одно время он был пажом короля Фердинанда. Он любил мир, его суету, его развлечения и улады, и хотя ничто не указывает на то, что в его поведении когда-либо было какое-либо серьезное нарушение морального закона, он не был и необычайно набожным юношей, таким, каким его изображают в фантастических рассказах Ньеремберга, Ноларчи, Гарсиа, Энао и других. Следуя моде агиографов семнадцатого века и позже, они описывают его как своего рода Алоизия, который под опекой доньи Марии де Гевары посещал больных в больницах, считая их образами Христа, ухаживал за ними с нежнейшей благотворительностью и так далее. Все это чистое воображение и неразумная попытка сделать из него святого раньше времени.

Действительно, о ранней жизни Игнатия известно очень мало, за исключением того, что, когда ему было около двадцати шести лет, он отличился в военном деле при нападении на маленький городок Наджара. Конечно, он отличился в битве при Пампелуне, но командовал ли он крепостью или был просто послан ей на выручку, чтобы удерживать ее до прибытия вице-короля, остается предметом догадок. В любом случае, даже после того, как жители согласились сдать город, он был полон решимости продолжать борьбу. Сначала он исповедался своему брату-рыцарю, поскольку под рукой не было священника, а затем началась, в лучшем случае, безнадежная борьба. Вскоре враг пробил брешь в стенах и, собирая своих сторонников для отражения атаки, был поражен пушечным ядром, которое раздробило одну ногу и оторвало плоть от другой. На этом осада закончилась, и флаг цитадели был спущен. Восхищенные его

мужеством, французы бережно отнесли его в Лойолу, где некоторое время опасались за его жизнь. Кризис наступил в праздник святого Петра, которому он всегда питал особую преданность. С того дня ему стало лучше. Верность престолу Петра - одна из отличительных черт Компании, которую он основал.

Почти забавно видеть эти раздробленные конечности Игнатия в обличительных речах старшего Арно против Общества спустя шестьдесят или семьдесят лет после осады. "Вражда иезуитов к Франции, - сказал он, - проистекает из того факта, что Лойола в тот раз поклялся, как Ганнибал поклялся Риму, заставить Францию заплатить за его сломанные ноги". Английский протестантский прелат также посетовал на "разрушения, которые были вызваны фанатизмом этого хромого солдата". Можно привести и другие примеры. Чтобы скрасить время своего выздоровления, Игнатий попросил роман "Амадис де Галль", любимую книгу молодых кавалеров того периода; но ему пришлось довольствоваться "Жизнью Христа" и "Цветами святых". Они, однако, оказались более полезными, чем история мифического Амадиса, ибо чтение закончилось решением, оказавшим огромное влияние на историю человечества. Игнатий решил что-то сделать для Бога. "Жизнь Христа", которую он прочитал, по-видимому, принадлежала Людольфу Саксонскому, в котором встречается имя "Иезуит". Она была переведена на испанский и опубликована в Алькале еще в 1502 году. Таким образом, книга из страны Мартина Лютера помогла сделать Игнатия Лойолу святым.

Достаточно восстановив здоровье, он отправился в святилище Монтсеррат, где находится мадонна, тысячелетний юбилей которой отмечался несколько лет назад. Он установлен над главным алтарем церкви бенедиктинского монастыря, который возвышается на три тысячи футов над темным ущельем, через которое река Льобрегат стремглав устремляется в Средиземное море. Из окон монастыря можно мельком увидеть голубую морскую гладь вдалеке. Перед этой статуей Игнатий нес свою романтическую Боевую Вахту, подобно воинам древности накануне посвящения в рыцари; ибо он собирался вступить в духовную битву за Царя Царей. Он оставался в молитве у святилища всю ночь напролет, однако не в одеянии всадника, а в обычной грубой одежде нищего паломника. Оттуда он направился в маленький городок Манреса, примерно в трех милях к северу, на окраине которого находится знаменитая пещера, где он написал "Духовные упражнения". Он расположен на склоне скалы, такой низкий, что вы можете дотронуться рукой до крыши, и такой узкий, что в нем остается место только для небольшого алтаря в одном конце. Возможно, когда-то здесь был ремонт диких зверей. Однако было бы ошибкой воображать, что он проводил там все свое время. Он жил либо в больнице, либо в доме какого-нибудь друга и прибегал к пещере, чтобы медитировать и каяться за свои прошлые грехи. В настоящее время он включен в обширное здание, которое испанские иезуиты возвели над ним и вокруг него.

Пожалуй, никогда не было написано книги, которая вызывала бы более нелепые комментарии по поводу своего содержания и своей цели, чем этот очень маленький томик, известный как "Духовные упражнения св. Игнатий". Сама его простота возбуждает подозрение; его кажущаяся однообразность наводит на мысль о всевозможных таинственных и злобных замыслах. Однако, на самом деле, это не что иное, как руководство по христианскому благочестию и набожности. Она начинается с рассмотрения великих фундаментальных истин религии, таких как наш долг перед Богом, отвратительность греха, ада, смерти и суда, над которыми от практикующего ожидается размышление, прежде чем спросить себя, разумно ли разумному существу, которое вскоре должно умереть, продолжать бунтовать против Всемогущего. Те, кто руководит другими в

этих "Упражнениях", не прибегают к риторике или ораторскому искусству, даже к таким, которые использовал бы за кафедрой обычный приходской проповедник. Это всего лишь вопрос того, чтобы человек поговорил по душам сам с собой. Если он принимает решение избегать смертных грехов в будущем, но больше ничего не делать, то, насколько ему известно, его уединение окончено. Но даже достичь этой точки - значит многого достичь.

Однако в мире очень много людей, которые желают чего-то большего, чем просто избежать смертного греха. Для них "Упражнения" предлагают помимо только что упомянутых фундаментальных истин изучение жизни Христа, изложенной в Евангелиях. Этот план не заполняется руководителем ретрита, по крайней мере, в какой-либо значительной степени. Это остается на усмотрение упражняющегося; ибо *словоупражнение* подразумевает личное действие. Следовательно, ему предлагается спросить себя: "Кто такой Христос? Почему Он это делает? Почему Он избегает этого? Что предполагают Его команды и пример?" Другими словами, его заставляют глубоко задуматься о себе, возможно, впервые в жизни, по крайней мере, на такие серьезные темы. Неизбежно его мысли будут обращены внутрь себя, и он задастся вопросом, почему терпение, смирение, кротость, послушание и другие добродетели, которые так ярко проявляются в личности Идеального Человека, так слабы или, возможно, вообще отсутствуют в его собственной душе. Это исследование совести, которое есть не что иное, как самопознание, является одним из основных упражнений, поскольку оно помогает нам обнаружить то, что, возможно, никогда раньше не приходило нам в голову, а именно, что глубоко в нашей природе существуют тенденции, наклонности, симпатии, антипатии, аффекты, страсти, которые чаще всего являются контролирующими и решающими силами почти всех наших поступков; и что некоторые из этих тенденций или наклонностей помогают, в то время как другие препятствуют росту добродетели. Те, которые не помогают, а, напротив, препятствуют нашему духовному прогрессу, святой Игнатий называет чрезмерными привязанностями, то есть тенденциями, которые не в порядке вещей, которые не ведут прямо к полноте и совершенству характера человека, а, напротив, ведут в противоположном направлении. Хорошо уравновешенный ум будет бороться с такими тенденциями, чтобы иметь возможность формировать свои суждения и определять свой образ действий как в больших, так и в второстепенных вещах жизни, не поддаваясь давлению, напряжению или тяжести страстей. Оно будет рассматривать факты в холодном свете разума и открытой истины, а затем направит всю свою энергию на достижение своей цели духовного продвижения.

Такова точка зрения тех, кто пишет об "Упражнениях", не имея знаний, или тех, кто увлечен предрассудками, чрезмерным воображением, чрезмерным сомнением или религиозными предубеждениями или, возможно, из-за отказа признать существование какого-либо духовного элемента в человечестве. Трудно убедить таких людей в том, что в Учениях не используются никакие "таинственные приемы"; никаких "подземных пещер", никаких "оргий", никаких "бледных и изможденных выходов из борьбы", никакого "иллюминизма", никакого "моноидеизма", как описывает их Уильям Джеймс на своем загадочном английском; никаких "фантазмагорий или иллюзий"; никаких "заговоров с целью убийств", как притворялся парижский парламент, допрашивая Жана Шастеля, покушавшегося на жизнь Генриха IV; никаких "Магометанство", как воображает Мюллер в своем "Происхождении общества Иисуса", не что иное, как спокойное изучение самого себя, которое, как уверяют нас даже языческие философы и современные поэты, является лучшим видом мирского занятия.

Даже если некоторые авторы настаивают на том, что "их совершенство сильно преувеличено", что они "скучные и заурядные, а не те ослепительные шедевры, которыми их считают", или что это "японская культура подделки карликовых деревьев", как описывает их Гюисманс в своей книге "В пути", с другой стороны, их без устали хвалили такие компетентные судьи, как святые Филипп Нери, Чарльз Борромео, Фрэнсис де Салес, Альфонс Лигуори, Леонард Порт-Морисийский, а также папы Павел III, Александр VII, Климент XIII, Пий IX и Лев XIII. Камю, друг святого Франциска Сальского, думал, что "они были из чистого золота; более ценные, чем золото или топаз"; Фреппель называет их "замечательным произведением, которое, наряду с "Подражанием Христу", возможно, из всех книг привлекает больше всего душ для Бога". Вайзман сравнивает книгу с "очевидно бесплодной почвой, которая, как оказалось, содержит богатейшие сокровища", а Янссен сообщает нам, что "небольшая книга, которую даже ее оппоненты называли психологическим шедевром высочайшего класса, также считается одним из самых замечательных и влиятельных произведений последующих веков в области религии и культуры в Германии".... Как руководство к упражнениям, оно дало результаты, которыми едва ли могут похвастаться какие-либо другие аскетические писания" (Hist. немецкого народа, VIII, 223).

Что бы об этом ни думали, это руководство иезуита, *vade tecum*, на основе которого он формирует свою особую и характерную форму духовности. В послушничестве он выполняет эти "Упражнения" тридцать дней подряд; и вскоре после того, как он становится священником, он выполняет их еще раз в течение того же периода. Более того, все иезуиты обязаны по правилу повторять их в сжатой форме в течение восьми дней в году; а в летние месяцы священники обычно разъясняют их духовенству и религиозным общинам. Действительно, в настоящее время это употребление стало настолько распространенным в Церкви, что были открыты дома, где миряне могут таким образом посвятить несколько дней изучению своей души. Даже сами Суверенные понтифики используют их как средство духовного продвижения. Таким образом, мы находим в сегодняшней прессе объявление, как об обычном событии, о том, что "в Ватикане за Духовными упражнениями, которые начались в воскресенье, 26 сентября 1920 года, и закончились 2 октября, последовал Его Святейшество Бенедикт XV с прелатами и духовными лицами его Двора; на это время все публичные аудиенции были приостановлены. После ретрита два директора и те, кто принимал в нем участие, были представлены Суверенному понтифику, который произнес пламенную хвалебную речь тому, что он назвал "Святыми" Упражнениями".

ST. Авторство Игнатия на эти "Упражнения" часто оспаривалось, и их описывали как не что иное, как плагиат книги, известной как "Ejercitatorio de la vida espiritual", которая была подарена ему бенедиктинцами Монтсеррата. Совершенно верно, что он держал эту книгу в руках все время, пока находился в Манресе, и что он каждую неделю ходил исповедоваться к дому Чанонесу, монаху Монсеррата, но между "Ejercitatorio" и "Духовными упражнениями" есть очень положительные различия.

Прежде всего, следует отметить, что это название было широко распространено задолго до этого и использовалось Братями Общей жизни для обозначения любого из их благочестивых изданий. Даже Людольф Саксонский говорит о "Studia spiritualis exercitii". Во-вторых, "Ejercitatorio" жестко разделен на три недели по семь дней в каждой, тогда как святой Игнатий воспринимает недели в метафорическом смысле и удлиняет или укорачивает их по своему усмотрению. В-третьих, цель бенедиктинского руководства состоит в том, чтобы провести практикующего через очищающую и просветляющую жизнь вплоть до объединения; тогда как

святой Игнатий нацелен главным образом на избрание того состояния жизни, которое наиболее угодно Богу, или, по крайней мере, на исправление или улучшение того, в котором мы находимся. Наконец, в "Ejercitatorio" даже не упоминаются основание, Царство, конкретный экзамен, Два Стандарта, избрание, различение духов, правила ортодоксального мышления, регулирование диеты, три степени смирения, три класса или три метода молитвы. Были приняты лишь некоторые из бенедиктинских советов, как указано в Примечаниях 2, 4, 13, 18, 19 и так далее. Некоторые мысли, действительно, схожи в первую неделю; но три последующие недели святого Игнатия полностью принадлежат ему. В любом случае, сама "Ejercitatorio" - не что иное, как компиляция произведений Людольфа, Жерсона, Кассиана, Сенбернара, Святого Бонавентуры и современных писателей. (Дебюши, статья "Духовные упражнения святого Игнатия" в "Католической энциклопедии", XIV, 226.)

Было бы гораздо легче найти источник "Упражнений" в "Великой жизни Христа" Людольфа Саксонского, которая, как уже было сказано, была одной из книг, прочитанных Игнатием во время выздоровления. На самом деле это не жизнь, а серия медитаций, и в ней мы находим ряд вещей, которые, как предполагается, присущи Упражнениям Св. Игнатий, например, о композиции места, применении чувств и разговорных речах. С другой стороны, в нем нет ничего от "первой недели", такого как конец человека, использование созданий, грех, ад, смерть, суд и т.д., Помимо многих других вещей, которые используются в качестве "Упражнений" в книге Игнатия.

Для многих будет сюрпризом узнать, что знаменитая медитация "Царства", которая считается особенно игнатианской, является всего лишь адаптацией. Отец Крейтен, С. Дж., пишущий в "Стиммене", восходит к хорошо известному роману, который долгое время фигурировал в рыцарских сказаниях, но который, к сожалению, связан с именем, наиболее отвратительным для католиков; Вильгельм Оранский. Средневековый Уильям, однако, никоим образом не отождествляется с его современным омонимом. Он был преданным рыцарем Креста, возмущенный тем, что его доблесть не была признана королем, и попросил какой-нибудь королевский феодал в качестве награды. "Отдайте мне Испанию, - кричит он, - которая все еще во власти сарацин". Любопытная просьба удовлетворена, после чего Уильям вскакивает на стол и кричит окружающим: "Слушайте, благородные рыцари Франции! Клянусь Господом Всемогущим! Я могу похвастаться тем, что владею поместьем большим, чем у тридцати моих сверстников, но пока оно непокорено. Поэтому я обращаюсь к бедным рыцарям, у которых есть только хромя лошадь и рваная одежда, и я говорю им, что если до сих пор они ничего не получили за свою службу, я дам им деньги, земли и испанских лошадей, замки и крепости, если вместе со мной они бросят вызов военной удаче, чтобы помочь мне осуществить завоевание страны и восстановить в ней истинную религию. Я делаю то же самое предложение бедным оруженосцам, предлагая, более того, вооружить их как рыцарей". В ответ на эти слова все восклицают: "Клянусь Господом Всемогущим! Сэр Уильям! поспевай, поспевай; тот, кто не может последовать за тобой верхом, составит тебе компанию пешком". Со всех сторон к нему стекались рыцари и оруженосцы со всем оружием, какое только могли достать, и вскоре тридцать тысяч человек были готовы выступить в поход. Они присягнули на верность графу Вильгельму и пообещали никогда не покидать его, даже если их изрубят на куски. Святой Игнатий применяет эту легенду к Христу в "Упражнениях".

Наконец, "Два стандарта" - это изображение тех, кто хочет делать больше, чем просто соблюдать Заповеди. Их "Командир", Божественный Искупитель, раскрывает им коварство врага, которого они решают победить.

Что особенно отличает "Упражнения", так это их согласованность. С помощью неумолимой логики каждое заключение выводится из того, что ранее признавалось бесспорным. Таким образом, в конце первой "недели" становится ясно, что смертный грех - это акт или состояние высшей глупости; а в ходе второй, третьей и четвертой нам показывают, что пока человек не выберет то особое состояние жизни, к которому призывает его Бог, или пока он не исправит то, в котором он уже находится, у него нет ни характера, ни мужества, ни мужественности, ни благодарности Богу, ни чувства опасности. Четвертая "неделя", помимо усиления того, что предшествовало, может рассматриваться как указание на высший мистицизм, хотя и не развитие его.

На протяжении всех "Упражнений" настойчивое рассмотрение фундаментальных истин христианства и созерцание тайн или эпизодов жизни Христа настолько просветляют разум и воспаляют сердце, что мы не можем не захотеть, если мы разумны, по крайней мере, сделать любовь ко Христу доминирующим мотивом нашей жизни; и, принимая во внимание эту цель, нам на каждом шагу дается новое понимание наших обязанностей перед Богом, главным образом в двойном аспекте нашего Сотворения и Искупления; нас учат тщательно анализировать наши мысли, тенденции, влечения, страсти и устремления, а также то, что мы должны делать. и выявлять приемы самообмана; нам показывают опасности, которые нас окружают, и доступные средства обеспечения безопасности; нас учат молитве, медитации и самоанализу. Надлежащая координация этих различных частей настолько важна, что если пренебречь их взаимозависимостью, если нарушить расположение и регулировку и пренебречь связующими звеньями или сместить их, то цель, намеченная святым Игнатием, потерпит крах. Отсюда необходимость в режиссере. Следует отметить, что "Упражнения" не производились в Манресе в том виде, в каком мы имеем их сейчас. К ним прикасались и ретушировали вплоть до 1541 года, то есть через двадцать лет после пребывания Лойолы в "Куэве", но они по существу идентичны книге, которую он тогда написал.

Проведя около года в пещерных аскезах, Игнатий выпросил дорогу в Палестину, но пробыл там всего шесть недель. Хранитель Святых мест очень категорично настоял на его уходе, потому что его благочестие и неприступность к страху подвергли его плохому обращению со стороны неверных. Затем он вернулся в Испанию и занялся изучением основ латыни в классе для маленьких мальчиков в одной из начальных школ Барселоны. Это было суровое испытание для человека его лет и прошлого, но он никогда не уклонялся от трудностей, и, более того, не было другого доступного способа подготовиться к курсу философии, который он предполагал изучать в Алькале. В этом последнем месте он имел счастье встретиться с Лаинесом, Сальмероном и Бобадильей, но он также познакомился с тюрьмами инквизиции, где его продержали сорок два дня по подозрению в ереси, помимо того, что он находился под наблюдением с ноября 1526 года по июнь следующего года. Случилось также, что, когда его тащили по улицам в тюрьму, толпу встретила блестящая кавалькада, и были наведены справки о том, что все это значит и кто такой заключенный. Кавалер, задавший этот вопрос, был тем, кому впоследствии суждено было стать преданным последователем Игнатия; он был не меньшей личностью, чем Франциск Борджиа. Через шесть лет после основания Общества Игнатиус отплатил Алькале за жестокое

обращение, основав там знаменитый колледж, кафедры которого занимали такие преподаватели, как Васкес и Суарес.

В Саламанке Игнатию повезло не больше. Там ему даже не разрешили учиться, его три недели держали в цепях, пока проверяли на предмет его ортодоксальности. Но как с Алькалой, так и с Саламанкой. Позже он основал колледж и в этом университете и прославил его, дав ему образование де Луго, Суаресу, Валенсии, Мальдонадо, Рибере и множеству других выдающихся преподавателей. Покинув Саламанку, Игнациус отправился в Париж пешком, позади маленького ослика, единственной ношей которого были книги возницы. Была середина зимы; между Францией и Испанией была объявлена война, и ему пришлось выпрашивать еду по дороге; но ничто не могло остановить его, и он прибыл в Париж целым и невредимым в начале февраля 1528 года. В 1535 году он получил степень магистра искусств после "каменного испытания", как его называли, а именно самого строгого экзамена. Некоторое время назад он посвятил себя изучению теологии, но слабое здоровье помешало ему представить себя на соискание докторской степени. Он жил в колледже Сент-Барб, где его соседями по комнате были Питер Фабер и Фрэнсис Ксавье. Достаточно необычно и почти пророчески предсказывало будущее то, что Кальвин учился в том же колледже. Сегодня на стенах здания высечены имена Лойолы и Кальвина. Говорят, что в 1533 году Кальвин вернулся, чтобы убедить ректора колледжа, доктора Коппа, принять новые доктрины. Ему это удалось, и на глазах у всего университета Копп объявил себя кальвинистом. Кальвин подготовил почву, расклеив по городу плакаты с богохульным осуждением Благословенной Евхаристии. Последовало народное восстание, и Кальвин бежал. В знак возмещения ущерба 21 января 1535 года была организована торжественная процессия. Однако есть некоторые сомнения в подлинности этой истории.

Игнациус столкнулся с неприятностями во Франции так же, как и в Испании. Однажды его приговорили к порке в присутствии всех студентов; но ректор колледжа, изучив выдвинутое против него обвинение, публично извинился. Было также ходатайство инквизиции, но когда он потребовал немедленного судебного разбирательства, ему сказали, что обвинительное заключение отменено. До этих унижений и оправданий он собрал вокруг себя множество блестящих молодых людей, все из которых оставили свой след в истории. Они дают прекрасный материал для исчерпывающего изучения психологии Святых.

Самым заметным среди них был Фрэнсис Ксавье, который навсегда останется чудом истории. С ним были Лаинес и Сальмерон, которым вскоре предстояло стать светилами Тридентского собора, первый из которых едва избежал возведения на кафедру Святого Петра, да и то только бежав из Рима. Был также Бобадилья, будущий фаворит королей, принцев и прелатов, кумир австрийских армий, неутомимый апостол, проповедовавший евангелие семидесяти семи епархиям Европы, но, к сожалению, оттолкнувший Карла V от Общества, неосторожно сказав ему то, что должно было прийти из другого источника или иным способом. Там был Родригес, которому предстояло духовно держать Португалию, Бразилию и Индию в своих руках; и Фабер, который должен был предшествовать Канисию в деле спасения Германии.

Каждый из этих замечательных людей отличался характером от остальных. Бобадилья, Сальмерон, Лаинес и Ксавье были испанцами; но чистокровный и несколько "надменный" Ксавье, должно быть, испытывал искушение с презрением взглянуть на человека с еврейской

жилкой, подобного Лаинесу. Сальмерону было всего лишь девятнадцать лет, но он уже был великолепно образован; а Бобадилья был безденежным профессором, которому Игнатиус помог заработать на жизнь в Париже, но чей вспыльчивый нрав был постоянным источником беспокойства; Родригес был человеком скорее благородства, чем действия, и его идеи аскетизма противоречили идеям Игнатиуса. Самым послушным из всех был савояр Питер Фабер, который начал жизнь мальчиком-пастухом и уже далеко продвинулся в святости, когда встретил святого Игнатий. Однако, несмотря на все это расхождение черт характера и предшествующего окружения, замечательная личность их лидера оказывала неоспоримое влияние на них всех, но не благодаря жесткому единообразию направления, а благодаря адаптации к особенностям каждого. Его глубокое знание их характеров в сочетании с сильной личной привязанностью к ним было настолько эффективным, что гордая отчужденность Ксавье, взрывной характер Бобадильи, скрытое упорство Лаинеса, изобретательность и нерешительность Родригеса, мальчишеский энтузиазм Сальмерона и мягкость Фабера - все это отдавало ему дань искренней привязанности и готовности следовать малейшему его совету. Родригес был единственным исключением в последнем отношении, но он потерпел неудачу только дважды. Ранее вокруг Игнатиуса собирались две другие группы молодых людей, но одна за другой они покидали его. Все последние из упомянутых выстояли и стали краеугольными камнями Общества Иисуса.

15 августа 1534 года Игнатий привел своих спутников в маленькую церковь на холме Монмартр, тогда в лиге за городом, но теперь на улице Антуанетты, ниже нынешней великой базилики Святого Сердца. В его склепе, который, очевидно, был в их полном распоряжении в то утро, они произнесли свои обеты бедности, целомудрия и послушания. Фабер, единственный священник среди них, отслужил мессу и причастил их. Таково было начало нового порядка в Церкви. Медная табличка на стене часовни провозглашает ее "колыбелью Общества Иисуса". Почти поразительно вспоминать, что во время учебы в Парижском университете не только Игнатий, но и Фрэнсис Ксаверий и Питер Фабер, которым за короткое время предстояло стать такими известными в мире, находились в стесненных обстоятельствах. У них не было денег даже на оплату жилья, и они занимали единственную комнату, которую им предоставили из благотворительности, в одной из башен Сент-Барба. Однако это было провидением судьбы, поскольку в том же колледже, но за свой счет, учился бывший одноклассник Фабера и, как и он, уроженец Савойи. Это был Клод Ле Джей, или Джей, как его иногда называют. Конечно, он заметил Игнатиуса и группу блестящих молодых испанцев, но почти не имел с ними ничего общего, пока однажды, когда Игнатиус отсутствовал в Испании, Фабер не посвятил его в секрет их великого плана обращения турок. В результате, когда в следующем году партнеры отправились на Монмартр, чтобы обновить свои обеты, Ле Жей был с ними, как и два других студента университета: Жан Кодюр из Дофине и пикардиец Паскье Бруэ, который уже был священником.

Было условлено, что в 1536 году, когда их учебные курсы будут закончены и они получают степени и сертификаты, они должны были встретиться в Венеции, чтобы отправиться в Святую Землю. Им предстояло совершить путешествие в Венецию пешком. Поэтому они отправились двумя группами, по священнику в каждой, по маршруту, который проходил мимо Мо, а затем через Лотарингию, через Швейцарию в Венецию. Это было дерзкое путешествие продолжительностью в пятьдесят два дня посреди зимы, через горные перевалы, без денег, чтобы оплатить дорогу или купить еду; в бедной одежде, которой не хватало, через страны, заполненные солдатами, готовящимися к войне, или разъяренными фанатиками, которые

насмехались над четками у них на шее и которые могли жестоко с ними обойтись или предать смерти; однако они перенесли все это не только терпеливо, но и беззаботно, и 6 января 1537 года прибыли в Венецию, где их ждал Игнатий. К ним присоединился новый член ассоциации, Диего Хозес, который знал Игнатия в Алькале, а теперь приехал к нему в Венецию.

После короткого отдыха, которым они воспользовались, ухаживая за бедными и больными в худшей больнице города, им было велено отправиться в Рим, чтобы попросить у папы разрешения осуществить свои планы. Это путешествие было не таким долгим и опасным, как то, которое они только что совершили, но плохая погода, долгие посты, болезни некоторых из них, отказы и оскорбительные выражения, которые они получали, когда просили милостыню, сделали его достаточно тяжелым для плоти и крови; однако их преданность цели, которую они имели в виду, или то, что мир мог бы назвать их донкихотским энтузиазмом, вела их вперед. Однако они опасались, что их примут в Риме, правда, не от самого Отца верующих, а от некоего великого испанского канониста, доктора Ортиса, который как раз в это время находился при папском дворе, подавая Верховному понтифику апелляцию от имени Екатерины Арагонской против Генриха VIII.

Ортис познакомился с Игнациусом в Париже и был настроен против него крайне предвзято. Это, действительно, было причиной, по которой маленькая группа появилась в Святом Городе без своего лидера, но ни он, ни они не знали, что Ортис передумал и теперь был восторженным другом. Поэтому, когда явились запачканные дорожной одеждой посланцы из Венеции, они едва могли поверить своим глазам. Ортис принял их со всеми проявлениями уважения и привязанности. Он представил их папе и убедил его удовлетворить все их просьбы. Впоследствии Фабер выступал в качестве теолога Ортиса, когда этот сановник представлял Карла V в Вормсе и в Испании. Конечно, понтифик был вне себя от радости и не только благословил членов маленького отряда, но и дал им значительную сумму денег, чтобы оплатить проезд в Святую Землю. Поэтому они поспешили обратно к Игнатию с благой вестью, и 24 июня все, кто не был священником, были рукоположены.

Обычай, который преобладает в Церкви в наши дни, заключается в том, что новоиспеченный священник отслужит мессу утром после своего рукоположения; но Игнатий и его спутники героически подготовились к этому великому деянию. Они хоронили себя в пещерах или в развалинах полуразрушенных монастырей на целый месяц, предаваясь посту и молитве, иногда проповедуя в каком-нибудь соседнем городе или деревушке. Именно в этом случае проявился колеблющийся характер Родригеса. Они с Ле Джеем поселились в скиту близ Бассано, где почтенный старец по имени Антонио возрождал в самом сердце Италии обычаи старых отшельников Фиваиды. Родригес заболел и был при смерти, когда прибыл Игнатиус и сказал ему, что он выздоровеет. Так, действительно, и случилось, но, как ни странно, ему не терпелось продолжить свою отшельническую жизнь, и, не говоря о своих сомнениях Игнатию, он отправился посоветоваться по этому поводу со старым отшельником, но его мучили угрызения совести еще до того, как он прибыл. "О маловерный, почему ты сомневался?" это все, что сказал святой Игнатий, когда Родригес признался в том, что он сделал. Тем не менее, это не излечило его, поскольку желание вести жизнь в аскезе овладело им и стало причиной неприятностей, которые он впоследствии вызвал в Португалии, а также когда в 1554 году он умоляюще написал папе Юлию III о разрешении покинуть Общество и стать отшельником (Прат, Ле П. Клод Ле Жей, 32 года, примечание).

По окончании ретрита все они вернулись в Венецию, где тщетно ждали корабля, который доставил бы их в страну мусульман. Только когда не осталось абсолютно никакой надежды, они решили вернуться в Рим и предоставить себя в распоряжение папы для любой работы, которую он мог бы им поручить. Поскольку это произошло целых двадцать лет спустя после того, как Мартин Лютер прибил свой тезис к дверям церкви в Виттенберге, ясно, что Игнатию и в голову не приходило нападать на протестантизм, когда он основывал Общество Иисуса.

Возможно, это пребывание в Венеции как-то связано с решением вопроса, который часто поднимался и торжественно обсуждался на конгрессе врачей в Сан-Франциско еще в 1900 году, а именно: зачем Везалий, великий анатом, отправился в Святую Землю? Обычное предположение состоит в том, что это было сделано для исполнения епитимьи, наложенной инквизицией в связи с некоторыми предполагаемыми еретическими высказываниями знаменитого ученого. Однако сэр Майкл Фостер из Кембриджского университета, который был главным докладчиком на Конгрессе, предложил другое объяснение. "Вполне вероятно, - сказал он, - что, продолжая свое обучение в венецианских госпиталях, Везалий часто беседовал с другим молодым человеком, который был там в то время и который был известен как Игнатий Лойола". Такая встреча действительно могла произойти, ибо Игнатий часто посещал госпитали, и его острый глаз распознал бы заслуги Везалия, который был искренне набожным человеком. Следовательно, совсем не маловероятно, что молодой врач мог выполнять "Духовные упражнения" под руководством Игнатия и что его путешествие в Святую Землю было результатом его общения с группой блестящих молодых студентов, у которых как раз тогда не было другой цели в жизни, кроме обращения турок.

По пути в Рим Игнатий отправился вперед с Фабером и Лаинесом, и именно тогда у него было видение Христа, несущего крест, и он услышал обещание: "Ego vobis Romæ propitius ero" (Я буду благосклонен к вам в Риме). Папа римский принял их с любовью и доверием, который отправил Лаинеса и Фабера преподавать в Сапиенца, где один читал лекции по священному Писанию, а другой - по схоластическому богословию; в то время как Игнатий давал "Духовные упражнения" везде, где и когда представлялась возможность. Когда прибыли остальные четверо, они немедленно были заняты в различных частях Рима благотворительностью и усердием.

Именно в Риме Игнатий впервые лично соприкоснулся с Реформацией. Прибывшему в город кальвинистскому проповеднику удалось вызвать всеобщий протест против новых священников, обвинив их во всевозможных преступлениях. Поскольку подобные обвинения, прежде всего, были бы фатальными в этом месте, если бы их не опровергли, обычная политика умолчания соблюдена не была. По совету папы дело было передано в суд, где жалоба была немедленно отклонена, а судья дал официальное подтверждение невиновности. Результатом стала контрдемонстрация, которая вынудила обвинителя бежать, спасая свою жизнь, в Женеву. В подтверждение своего доверия к ним Суверенный понтифик использовал их в нескольких частях Италии, где доктрины Реформации набирали угрожающие обороты. Таким образом, Бруз и Сальмерон были отправлены в Сиену; Фабер и Лаинес сопровождали папского легата в Парму; Ксавье и Бобадилья отправились в Кампанию; Кодуре и Хозес - в Падую; а Родригес и Ле Жей - в Феррару. Невозможно проследить за ними всеми в этих различных местах, но краткий обзор трудностей, с которыми столкнулись Родригес и Ле Джей в Ферраре, можно рассматривать как типичный для остальных.

В соответствии с указаниями Игнатия они поселились в больнице, проповедовали везде, где могли, в церквях или на улицах, преподавали детям катехизис и охотились на закоренелых грешников. Пожилая женщина в больнице обнаружила, заглянув в щель в двери, что большую часть ночи они провели на коленях. В этот момент Хозес умер в Падуе, и Родригесу пришлось заменить его; таким образом, Ле Джей остался один в Ферраре. Герцог Геркулес II стал его другом, но герцогиня Французская Рене, дочь Людовика XII, избегала его. Она была предположительно образованной женщиной, так сказать, предшественницей *насмешек* Мольера и ярой покровительницей Кальвина, частой гостьей при дворе наряду с похотливым поэтом Клеманом Маро, который перевел Псалмы в стихи, чтобы популяризировать еретическое учение Кальвина. Другой зловещей фигурой, вырисовывавшейся в Ферраре, был знаменитый капуцинский проповедник Бернардо Очино, человек замечательного красноречия, которое, однако, носило скорее литературный и драматический, чем апостольский характер. Его изможденное лицо, длинная развевающаяся белая борода и горячие призывы к покаянию произвели глубокое впечатление на людей. Они считали его святым, даже не подозревая, что он скрытый еретик, который в конце концов отступит от веры и нападет на Церковь. Герцогиня очень восхищалась им, которая возненавидела Ле Джея и даже не допускала его к себе. Беспокойство иезуита усилилось из-за позиции епископа, который, зная истинный характер Очино, с подозрением смотрел на Ле Джея, возможно, как на очередного волка в овечьей шкуре; но его подозрения вскоре развеялись, и он предоставил Ле Джею все средства, которые были в его силах, для возрождения веры и морали в городе. Герцогиня, однако, стала настолько агрессивной в своем прозелитизме, что герцог приказал ей уединиться, а когда он умер, его сын и преемник отправил ее обратно к ее народу во Францию, где она умерла упрямой еретичкой.

Из Феррары Ле Жей поспешил в Баньорею, чтобы положить конец тамошнему расколу, и хотя поначалу ни одна из сторон не захотела его слушать, все же его терпение преодолело все трудности, и, наконец, все встретились друг с другом в великой церкви, обнялись и приступили к Святому Причастию. Тогда в городе воцарился мир. Другие посланники добились аналогичных успехов в других местах полуострова; и Кретино-Жоли говорит, что их совместные усилия сорвали заговор еретиков с целью уничтожить Веру в Италии. Зима 1538 года в Риме была чрезвычайно суровой, и нехватка провизии привела к тому, что почти привело к голоду. Это бедствие дало Игнатию и его товарищам возможность проявить свою преданность страждущим беднякам; и они не только ухитрились тем или иным способом накормить в своем собственном доме до четырехсот голодающих, но и вдохновили многие состоятельные слои населения последовать их примеру.

Имея в своем активе это и другие добрые дела, они теперь могли просить разрешения Суверенного Понтифика на свое предприятие. Поэтому 3 сентября 1539 года они представили проект Конституции и были рады услышать, что он вызвал у папы восклицание: "Перст Божий здесь". Но им не так повезло с комиссией кардиналов, которой затем было передано это дело. Председательствовавший Гвидиччони был не только явно настроен враждебно, но и выразил мнение, что все существующие религиозные ордена должны быть сокращены до четырех, и поэтому он презрительно отбросил петицию в сторону. Только через год он снова взялся за нее — сам не зная почему — и, внимательно прочитав ее, полностью обратился и поспешил сообщить о ней следующее: "Хотя, как и прежде, я по-прежнему придерживаюсь мнения, что не следует учреждать новый религиозный орден, я не могу удержаться от одобрения этого. Действительно, я рассматриваю это как нечто, что сейчас необходимо, чтобы помочь христианскому миру в его бедах, и особенно для уничтожения ересей, которые в настоящее

время опустошают Европу ". Таким образом, именно Гвидиччони несет ответственность за то, что заставил Общество перечеркнуть работу Мартина Лютера.

Папа был чрезвычайно доволен отчетом комиссии, и 27 сентября 1540 года он издал Буллу "Regimini Ecclesiae", одобряющую "Институт общества Иисуса". В этой Булле и Булле Юлия III, преемника Павла III, мы имеем официальное заявление о характере и целях Общества. Его цель - спасение и совершенствование душ своих членов и ближних. Одним из главных средств для достижения этой цели является безвозмездное обучение молодежи. Никаких покаяний по правилу нет; но предполагается, что умерщвление плоти практикуется и применяется, хотя и только под руководством. Большое внимание уделяется приему и воспитанию послушников, и чтобы более поздние длительные периоды обучения не охладили пыл их набожности, должны проводиться полугодовые духовные обновления, а когда учеба заканчивается и ученик рукоположен в сан священника, проводится третий год испытательного срока, в чем-то схожего с упражнениями послушничества. В Обществе есть два уровня — один из исповедуемых, другой из соадьюторов, как духовных, так и светских.

Все должны быть связаны тремя обетами бедности, целомудрия и послушания, но обеты помощников просты, в то время как обеты тех, кто так себя называет, торжественны. Последние дают четвертый обет, а именно обет повиновения Верховному Понтифику, который обязывает их идти туда, куда он их пошлет, и делать это без каких-либо оправданий и без провизии для путешествия. Генеральный отец избирается пожизненно. Он проживает в Риме, чтобы быть в полном распоряжении Суверенного понтифика, а также из-за международного характера Общества. Все начальники назначаются им, и он регулярно информируется через провинциалов обо всех членах Общества. Каждые три года проводится совещание прокураторов для представления отчетов по их соответствующим провинциям и решения более серьезных вопросов. В управлении генералу помогают помощники, выбранные в основном в соответствии с расовыми различиями, которые, в свою очередь, могут быть подразделены. Есть также наставник, который видит, что генерал правит в соответствии с законами Общества и для общего блага. Нарушители спокойствия Ордена подлежат строгому наказанию, и, если они неисправимы, изгнанию. Когда увольняются признанные схоласты или сформированные коадьюторы, они освобождаются от своих простых обетов. Простой обет целомудрия, данный схоластами, является основным препятствием для вступления в брак. Из—за возможного изъятия или увольнения из Общества должно сохраняться господство над собственностью, которой ранее владел генерал, до тех пор, пока это сочтет нужным, но не узурпатор - соглашение, которое неоднократно одобрялось сменяющимися друг друга понтификами, а также Тридентским советом.

Все стремления к церковным почестям пресекаются специальным обетом на этот счет. Здесь нет хора или специальной одежды. Бедность Общества строжайшая. Дома, исповедующие религию, вынуждены питаться подаванием и не могут получать даже обычных стипендий. Более того, исповедующие связаны особым обетом следить за любым послаблением в этом отношении и не допускать его. Правило является отеческим, и, следовательно, должен быть сделан отчет совести, либо скрепленный печатью исповеди, либо любым способом, который человек сочтет наиболее приятным. Общее собрание может созываться так часто, как это необходимо. Его целесообразность определяется на совещании прокураторов. В первой части Конституции рассматриваются препятствия и способ приема; во второй - порядок увольнения; в третьей и четвертой - средства поощрения благочестия и учебы, а также все остальное, что

касается духовного продвижения, главным образом схоластики; в пятой объясняется характер тех, кто должен быть принят, а также различные степени; в шестой рассматриваются занятия членов; в седьмой рассматриваются занятия вышестоящих; восьмая и девятая относятся к генералам; а в десятой определяются пути и средства правления. Прежде чем Конституции были обнародованы, Игнатий представил их главным представителям различных национальностей, входивших в то время в Орден, но они не получили силы закона до тех пор, пока не были одобрены первой генеральной конгрегацией всего Общества. После этого они были представлены папе Павлу III и изучены четырьмя кардиналами. Когда их вернули, в них не было изменено ни слова. Суверенный понтифик заявил, что они были скорее результатом Божественного вдохновения, чем человеческого благоразумия.

Для тех, кто читает эти Конституции без каких-либо предвзятых представлений, смысл очевиден, тогда как намерение обнаружить в них что-то таинственное и зловредное неизбежно приводит к самым нелепым неправильным толкованиям текста. Так, например, некоторые авторы сообщают нам, что святой Игнатий - не автор Конституций, а Лаинес, Меркуриан или Аквавива. Другие уверяют своих читателей, что ни один папа никогда не может изменить даже текст; что генерал обладает особой властью отпускать послушникам любые смертные грехи, которые они, возможно, совершили до вступления; что общие признания новичков тщательно регистрируются и хранятся; что им отводится особое время для чтения отчетов о чудесных явлениях и демонических навязчивых идеях; что до истечения двух лет послушничества необходимо дать обет, чтобы вступить в Общество; что все завещания, составленные в пользу чьей-либо семьи, должны быть аннулированы; что во время медитации глаза должны быть устремлены на определенный момент и мысли сосредотачиваются на Pater Noster до тех пор, пока не наступает состояние квазигипноза; что оценки в Обществе достигаются после тридцати или тридцатипятилетнего испытательного срока, после чего соискатель становится стажером; исповедуемых называют "нашими"; духовных помощников - "экстернами". Последние замышляют заговор и вызвали всю недоброжелательность, объектом которой было Общество; в то время как те, кто так себя называет, посвящают себя молитве, и ими восхищаются и их любят.

Есть также, как нас уверяют, тайные, сторонние иезуиты. Императоры Фердинанд II и III, а также Сигизмунд Польский отнесены к этому классу, и, вероятно, также Иоанн III Португальский и Максимилиан Баварский; в то время как Людовик XIV подозревается в принадлежности к нему. Отец-генерал освобождает таких членов церкви от священства и от ношения сутаны.

"Представьте себе Людовика XIV, - говорит Бру, приводящий эти подробности, - который просит генерала иезуитов не носить сутану!" В отличие от других иезуитов, этим криптокам не нужно было ехать в Рим для произнесения своих обетов. Опять же, говорят, папе Павлу IV было очень трудно убедить иезуитов принять разрешение на ежедневное чтение требника. Возможно, самым очаровательным из всех этих "открытий" является то, что знаменитая фраза *perinde ac cadaver* "ты должен повиноваться, как если бы ты был мертвым телом" была заимствована у шейха Си-Сенусси, который установил правила для своих сенусси в Африке примерно через два столетия после смерти святого Игнатия. Авторами этих экстраординарных концепций являются Мюллер, Ройсс, Картрайт, Поллард, Волле и другие, все они удостоены чести получить уведомление, размещенное в Британском музее, как заслуживающее консультации по загадочному предмету иезуитизма, и все же Устав Общества и объяснения к нему выдающихся иезуитских писателей можно найти в любой публичной библиотеке.

ГЛАВА II ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Португалия, Испания, Франция, Германия, Италия — Избрание Игнатия — Иезуиты в Ирландии — "Шотландский доктор" — Фабер и Меланхтон — Ле Жей — Бобадилья — Совет Трента — Лаинес, Сальмерон, Канисий — Катехизис — Оппозиция в Испании — Кано — Пий V — Первые миссии в Америку — Парламенты Франции — Постельский — Основание Коллегиума Германикум в Риме — Аналогичные учреждения в Германии — Клермон и другие колледжи Франции — Коллоквиум Пуасси.

Сдерживаемая энергия новой организации немедленно нашла выход не только в Европе, но и на краю света. Португалия оказала своим членам первый прием, когда Ксавье и Родригес отправились туда, причем последний остался там навсегда, а первый — лишь ненадолго. Араос проповедовал евангелие в Испании и был первым иезуитом, вступившим в отношения с Франциском Борджиа, вице-королем Каталонии, который впоследствии стал генералом Общества. В Париже был открыт колледж, в котором работали такие профессора, как Страда, Рибаденейра, Овьедо и Меркуриан. Фабер сопровождал Ортиса, папского легата, в Германию; Бруэ, Бобадилья, Сальмерон, Кодуре и Лаинес ездили повсюду по Италии; в то время как Игнатиус оставался в Риме, руководя их операциями и тем временем создавая сиротские приюты, ночлежки, приюты Магдалины, убежища для преследуемых евреев и подобные учреждения. Как ни странно, Игнатий еще не был Генералом Общества, поскольку никаких выборов до сих пор не проводилось. Однако, строго говоря, в них не было необходимости, поскольку никто из сподвижников никогда не мечтал о каком-либо другом лидере. Однако 5 апреля 1541 года состоялось голосование; те, кто отсутствовал, прислали свои голоса с посыльными. Имя Ксаверия не могло прибыть вовремя, поскольку он уже покинул Португалию и отправился на Восток; более того, он отбыл до официального утверждения ордена папой римским — две вещи, которые натолкнули некоторых изобретательных историков на мысль, что Франциск Ксаверий на самом деле не был иезуитом. Они бы лучше доказали свою точку зрения, если бы могли доказать, что Ксавье остался в Европе после того, как ему было приказано уехать. На самом деле, он был одним из сотрудников Игнатиуса в разработке Конституций и все еще находился в Португалии, когда пришло известие о том, что Гвидиччони изменил свое мнение.

На выборах все голоса, кроме одного, были отданы за Игнатиуса. Недостающий был его собственным. Он был недоволен и попросил провести еще одни выборы. Из уважения к нему просьба была удовлетворена, но с тем же результатом — следует отметить, что такая уступка теперь никогда не предоставляется. Тот, кого выбирают, подчиняется без единого слова. Должность пожизненная, но предусмотрены условия для смещения — непредвиденный случай, который, к счастью, никогда не возникал. Как и в начале, эти выборы проводятся на так называемых общих собраниях. Первая состояла из всех имеющихся отцов, но в настоящее время они состоят из помощников отцов, а именно представителей основных языковых групп в Обществе или их подразделений — группы мужчин, которые составляют так называемую Курию и живут с генералом; провинциалов; двух делегатов от каждой провинции; и, наконец, прокурора Общества. За одним исключением, эти конгрегации всегда собирались в Риме; исключением является та, которая выбрала отца Луиса Мартина в 1892 году и которая собралась в Лойоле в Испании. Чтобы эти выборы были абсолютно свободны от какого-либо

внешнего и внутреннего влияния, делегаты находятся в строгой изоляции и не общаются с другими членами Общества. Четыре дня мы проводим в молитвах и поиске информации у различных избирателей, но пропаганда какого-либо конкретного кандидата категорически запрещена. Голосование является тайным, и непосредственно перед голосованием проводится часовая медитация в присутствии распятия. Избиратели голодают, но метод голосования таков, что тупик или даже какая-либо значительная задержка практически невозможны. До момента подавления Общества в 1773 году в нем было восемнадцать генералов. В промежутке между этой катастрофой и восстановлением было три генеральных викария, которые в силу обстоятельств были вынуждены жить в России. В 1802 году, после получения Краткого документа "Catholicæ Fidei", титул последнего викария был изменен на титул генерала. С тех пор на этом посту сменилось восемь преемников.

ST. Игнатий был избран генералом в Пасхальное воскресенье 1541 года. После выборов компаньоны отправились в собор Святого Павла за его стенами и там обновили свои обеты. По этому случаю было предписано, что каждый называющий себя отцом должен после принятия своих обетов преподавать катехизис детям или невежественным людям в течение сорока дней; впоследствии это обязательство было распространено на ректоров колледжей после их вступления в должность. Игнатий справился с этой задачей в церкви Придорожной Богоматери у подножия Капитолия.

В 1541 году мы находим Сальмерона и Бруэ на пути в Ирландию в качестве папских нунциев. О них просил архиепископ Уошоуп из Армы, когда Генрих VIII пытался искоренить Веру в Англии и Ирландии. Уошоуп - очень интересный исторический персонаж. Он был назначен архиепископом Армы после того, как Браун из этого престола отступил. Он был широко известен как "Шотландский доктор" и был делегатом папы Павла III в Шпайерсе, где Карл V тщетно пытался примирить немецких князей. С ним в качестве советников были Ле Джей, Бобадиля и Фабер. Что делало его особенно заметным тогда и впоследствии, так это тот факт, что он дослужился до сана архиепископа и папского делегата, хотя и родился слепым. Это утверждается множеством авторов, среди них Пратом в его "Жизни Ле Джея" и Кретино-Жоли, Макджиганом и Муром в их "историях".

С другой стороны, в "Acta Sanctæ Sedis" (XIII) мы находим категорическое отрицание этого не кем иным, как папой Бенедиктом XIV. Это случайно встречается в решении, вынесенном 20 марта 1880 года в связи с апелляцией молодого теолога, у которого очень сильно ухудшилось зрение по окончании богословского курса. Заявители ссылались на дело архиепископа Армы, и суд ответил следующим образом: "Необходимо привести пример для суда Роберти Скоти, чтобы доказать, что он является государством-пуэрильщиком, признать будущие факультеты недум и священный сан, этиам и епископатум, восходящий, *uti tenent Maiol. (De irregularitate), et Barbos (De officio episcopi)*. Ответ от имени Бенедикта XIV, "Квод реликвий скрипторов", "Вопрос о главном правителе", *Robertum non oculis captum sed infirmum fuisse dicunt*"; что вкратце означает: "Бенедикт XIV заявляет, что наиболее надежные историки утверждают, что шотландец Роберт не был слепым, но обладал слабым зрением". Поскольку Бенедикт XIV был, возможно, величайшим ученым, когда-либо занимавшим кафедру Петра, и поскольку его экстраординарные интеллектуальные способности с самого начала его карьеры были посвящены историческим, каноническим и литургическим исследованиям, в которых он считается высшим авторитетом, такое высказывание может быть принято как окончательное в отношении слепоты "шотландского доктора".

Кодуре должен был быть одним из ирландских делегатов, но он умер, и поэтому Сальмерон, Бруэ и Сапата взяли на себя эту опасную миссию. Последним упомянутым был богатый священнослужитель, который собирался вступить в Общество и предложил покрыть расходы на поездку. В инструкциях по их поведению Игнациус приказал, чтобы Бруэ выступал представителем всякий раз, когда придется иметь дело с дворянами или важными персонами. Поскольку Бруэ обладал внешностью и нежностью ангела, в то время как Сальмерон временами бывал резок, мудрость выбора была очевидна. Они отправились через Францию в Шотландию, и, оказавшись в замке Стерлинг, получили письмо от Якова V, отца Марии, королевы Шотландии, в котором выражался их интерес к его народу. Кретино-Жоли говорит, что они лично видели короля. Фукере лишь намекает на вероятность этого. Из Шотландии они перешли в Ирландию и обнаружили, что враг знал об их прибытии. За их головы была назначена награда, и им приходилось спешить с места на место, чтобы не скомпрометировать тех, кто дал им приют. Но за тот короткий месячный период, который был в их распоряжении до того, как они были отозваны Папой Римским, у них было достаточно возможностей воспользоваться сложившимися условиями. Они вернулись тем же путем, что и уехали, через Шотландию в Дьепп, а затем направили свои стопы в Рим, но были арестованы как шпионы близ Лиона и брошены в тюрьму — новость, которую Пейджет, английский посол во Франции, поспешил сообщить Генриху; кардиналам де Турнону и Гадди, однако, удалось добиться их освобождения, и затем они отправились в Святой город, чтобы сообщить о случившемся.

Восемнадцать лет спустя отец Майкл Годан был направлен папским нунцием к Марии Стюарт. Он проник в Эдинбург под видом шотландского разносчика и сумел добраться до королевы. Поскольку француз не смог бы сыграть роль шотландского разносчика, более чем вероятно, что Годан - это галлизированная форма Гордона. Действительно, в записях есть отец Джеймс Гордон, С.Дж., который так разозлил кальвинистов своим опровержением их ошибок, что его изгнали из страны. Однако он немедленно вернулся обратно, поскольку просто нанял лодку, которая доставила его с корабля, уносившего его в изгнание, и на следующий день он снова оказался на своей родной пустоши, оставаясь там в течение нескольких лет, поддерживая своих преследуемых братьев-католиков (Клод Нау, секретарь Марии).

То, что "слепому архиепископу" также удалось достичь своего престола, ясно из отрывка из "Истории Ирландии" Мура (xlvii), в котором рассказывается, как во время правления Эдуарда VI два французских джентльмена, барон де Фуркево и сьер Монлюк, впоследствии епископ Валанса, отправились в Ирландию в качестве посланников французского короля и были спрятаны в форте Калмер на озере Лох-Фойл. Они вели дневник своего путешествия, который, как нас уверяют, можно найти в "Гербовом генеральном реестре дворян Франции". В дневнике говорится, что во время пребывания в форте "их посетил Роберт Уошоуп, более известный под псевдонимом Венанций, священнослужитель, чья эрудиция была тем более замечательной, что он был слеп от рождения и в то время был титулярным архиепископом Армы". Однако он не остался в Ирландии. Макджогеган говорит, что "он вернулся на Континент и умер в доме иезуитов в Париже в 1551 году". Стюарт Роуз в своей книге "Святой Игнатий Лойола и ранние иезуиты" рассказывает нам, что это было в Лионе, но это было невозможно, поскольку в Лионе не было иезуитского учреждения до великой эпидемии 1565 года, когда власти предложили Обществу муниципальный колледж Святой Троицы в знак благодарности отцу Оже. Щедрость этого предложения, однако, не была чрезмерной. Отцы должны были принять его в течение двух лет в качестве испытания. Они сделали это, а затем провинциал настоял, чтобы подарок был абсолютным, иначе посох будет изъят. После некоторых препирательств со стороны ряда

кальвинистских эшвинов или олдерменов грант был предоставлен бессрочно и подтвержден Карлом IX в 1568 году.

Тем временем Фабер работал в Германии. Он должен был стать католическим оратором в Вормсе в 1540 году, но условия были таковы, что он не выступил публично. Меланхтон присутствовал, но встречались ли они с Фабером, неясно. В 1541 году Фабер получил восторженный прием в Ратисбоне от католиков, особенно от Кохлеуса, великого антагониста Лютера. Среди его противников на сейме были Буцер и Меланхтон; дискуссия, как обычно, не привела ни к какому результату. В одном из своих писем он отмечает неспособность императора предотвратить всеобщее крушение Веры. Из Ратисбона он отправился в Нюрнберг, но поскольку легат был отозван, работа Фабера неизбежно подошла к концу. Ле Жей и Бобадилья сменили его в Германии. Первый выступал перед собранием епископов в Зальцбурге, проповедовал в лютеранских церквях, избежал отравления в одном случае и утопления в другом; однако ему не удалось остановить поток ереси, который не только полностью поглотил Ратисбон, но и угрожал захлестнуть католическую Баварию, хотя герцог Вильгельм утверждал, что такое событие невозможно. Ингольштадт уже сильно пострадал, как в доктринальном, так и в моральном плане, и легат отправил туда Бобадилью посмотреть, что можно сделать.

Тем временем Фабер вернулся в Германию. Несмотря на нападения разбойников с большой дороги, тюремное заключение, жестокое обращение со стороны неорганизованных банд солдат и еретиков, он достиг Шпилей и полностью возродил дух духовенства. Оттуда он поспешил в Кельн, но в разгар работы его отправили в Португалию на свадьбу дочери короля. К тому времени, когда он добрался до Лувена, он был болен и измучен, так что приказ следовать в Португалию пришлось отменить. Затем он вернулся в Кельн, где снова встретился с Буцером и Меланхтоном, которые пытались склонить епископа к отступничеству. Опасаясь их успеха, он приказал изгнать их обоих из города. Снова его вызвали в Португалию, и в 1547 году король по его просьбе учредил для общества колледж Коимбры. Подобные заведения были открыты примерно в то же время в Испании — в Валенсии, Барселоне и Вальядолиде, главным образом под влиянием Араоса.

Тем временем Ле Жей был назначен профессором богословия в Инсбруке после смерти знаменитого доктора Экка, и университет обратился к папе с просьбой продлить его назначение на бессрочный срок; но за него требовали одновременно несколько епископов, и впоследствии мы находим его в Аугсбурге, Зальцбурге, Диллингене и других местах, непрестанно сражающимся за дело Веры. Ему удалось убедить епископов, собравшихся в Аугсбурге, запретить обсуждение религии на сейме, а чуть позже он помогал в церковном совете провинции. С ним на этом собрании был Бобадилла, который, по словам хрониста, "походил на него энергией и рвением, но совершенно не походил на него по характеру". Ле Джей был мягким и убедительным; Бобадилья - порывистым и вулканическим. Однако пылкость Бобадильи, похоже, понравилась немцам. Он укреплял дворян и жителей Инсбрука в их вере, консультировался с королем Фердинандом по самым серьезным вопросам, добился блестящих успехов в публичных спорах и был назначен общественным нунцием Апостольского ордена в Нюрнберге, где, как подозревали, зрел глубокий заговор с целью полного искоренения Веры. По просьбе короля он присутствовал на вормсском сейме и своей бдительностью и знаниями оказал огромную услугу католической партии. Вскоре после этого он был вызван королем в Вену, где неустанно проповедовал народу и возродил церковный дух духовенства. Он снова был

в Вормсе на очередном сейме и убедил императора и Фердинанда выступить против лютеранского плана созыва генерального собора в Германии. По предложению св. Игнатий, через Ле Джея к епископам был обращен призыв учредить семинарии в их епархиях. Все они одобрили проект, и некоторые немедленно приступили к его осуществлению.

Когда заседание сейма было закрыто, Ле Джей покинул Германию, чтобы принять участие в Тридентском соборе, в то время как Бобадилья остался при короле в качестве духовного советника при дворе и главного надзирателя за больными и ранеными солдатами королевских армий. В последнем качестве он проявил себя со своей обычной энергией — его порывистый характер часто выводил его на передний край битвы, где он заслужил несколько почетных шрамов за свою отвагу. Ему также удалось стать жертвой эпидемии, опустошавшей страну; он был ограблен и подвергся жестокому обращению со стороны мародеров, но прошел через все это благополучно, и мы находим его на сеймах Ратисбона и Аугсбурга, повсюду проявляющим себя подлинным апостолом, как сообщил Игнатию архиепископ Вены. Король предложил ему епископство, но он отказался. Однако вскоре он перестал знать Германию.

Тридентский собор заседал уже три года, когда Карл V издал эдикт, известный как Временный, который запрещал любую смену религии до тех пор, пока собор не завершит свою работу; но в то же время он пошел на уступки еретикам, что вызвало гнев католиков, как мирян, так и клерикалов. Бобадилья был особенно откровенен в этом вопросе и в публичном выступлении имел неосторожность осудить имперскую политику. Очевидно, он еще не приобрел характерных качеств своего великого лидера. Своим невоздержанным красноречием он не только не исправил положение, но и вызвал в сознании Карла V отвращение к Обществу, которое сохранялось до времен святого Франциска Борджиа. Кроме того, он фактически разрушил свою карьеру. Святой Игнатий приказал ему отправиться в Неаполь и запретил появляться в доме иезуитов, когда он проезжал через Рим. Позже он появляется только один раз, и то в манере, едва ли делающей ему честь: возражает против избрания Лаинеса викарием, хотя ранее голосовал за него и подчинялся ему в течение года. К счастью, блестящие заслуги его собратьев-иезуитов, которые были на Тридентском соборе и в других местах, а также его собственное блестящее прошлое предотвратили нанесение очень большого ущерба Обществу.

Хотя Игнатиуса пригласили присутствовать на заседаниях в Тренте, он старательно избегал известности, которую это придало бы ему лично; более того, отсутствие на его посту генерального директора новообразованного Института существенно помешало бы задаче подготовки преемников великих людей, которые уже приступили к работе. Таким образом, Сальмерон и Лаинес были папскими богословами, и отец Фабер был вызван с постели больного в Португалию, чтобы помочь им, но он прибыл в Рим только для того, чтобы умереть на руках Игнатия и так и не появился на соборе. Ле Джей присутствовал в качестве богослова кардинала-архиепископа Аугсбурга; Каваллино представлял герцога Баварского; а позже к этой группе добавились Канисиус и Поланко. Приход Канисия был более или менее обусловлен несчастным случаем. Он трудился в Кельне, чтобы помешать архиепископу Герману фон Вейду открыто вероотступничать; когда уступки Меланхтону и Буцеру стали слишком возмутительными, чтобы их можно было терпеть, он поспешил на встречу с императором и королем Фердинандом, чтобы потребовать низложения прелата. У короля он встретился с Трюхзессом, великим кардиналом Аугсбурга, и без труда добился своего, но кардинал был настолько очарован способностями молодого защитника, что настоял на том, чтобы взять его в Трент в качестве своего теолога, несмотря на протесты всего Кельна.

Естественно, у многих Отцов Собора были свои подозрения по отношению к этим новым богословам. Они были членами религиозного ордена, порвавшего с традициями прошлого, и, возможно, были переодетыми еретиками. Более того, они были пугающе молоды. Канисиусу было всего двадцать шесть, Сальмерону тридцать один, Ле Жей примерно того же возраста, а Лаинесу, главной фигуре в совете, не больше тридцати четырех. Но несомненная святость их жизни, их поразительная образованность и бескомпромиссная ортодоксальность вскоре рассеяли все сомнения относительно них. Особенно выделялись Лаинес и Сальмерон. Им разрешалось говорить сколько угодно на любую тему. Таким образом, после того, как Лаинес целый день рассказывал о Жертвоприношении во время Мессы, ему было приказано продолжить на следующее утро. Целые разделы Деяний собора были написаны им; и по приказу папы и он, и Сальмерон должны были присутствовать на всех заседаниях собора, которые длились с перерывами с 1545 по 1563 год. Лаинесу были предложены епископство и кардинальская шапка, а после смерти Павла IV за него как за папу было подано двенадцать голосов. Действительно, одна часть кардиналов решила избрать его, но, узнав об этом, он бежал и скрывался до тех пор, пока опасность не была предотвращена. В то время он был генеральным директором Общества.

После первого перерыва в заседании совета этим людям, чьи колоссальные труды, казалось бы, требовали некоторого отдыха, не было предоставлено вообще ничего. Таким образом, мы обнаруживаем, что Лаинес был вызван герцогом Этрурии для основания колледжа во Флоренции. Викарий папы хотел, чтобы он позаботился о церковных нуждах Болоньи, куда он отправился вместе с Сальмероном, в то время как Ле Жей работал в Ферраре и других частях полуострова. Однако самым замечательным из них в том, что касалось работы во время этих перерывов, несомненно, был Питер Канисиус (Канис, Капус или Де Хондт, как его по-разному называли). Естественно было бы предположить, что его отправили обратно в Кельн, на место его прежних триумфов. Напротив, ему было приказано преподавать риторику в недавно основанном колледже Мессины на Сицилии. Затем он был отозван в Рим, где совершил свое торжественное исповедание в руках святого Игнатий; после этого он вместе с Ле Жеем и Сальмероном отправился в Ингольштадт, где преподавал теологию и начал свои курсы катехизических наставлений, которые должны были восстановить утраченную веру в Германии.

По пути к месту своих трудов он получил степень доктора в Болонье. В 1550 году он был назначен ректором Ингольштадтского университета, но, тем не менее, был отправлен в Вену основать новый колледж. Он был одновременно придворным проповедником, директором больниц и тюрем, а во время Великого поста - апостолом заброшенных приходов Нижней Австрии. Ему предлагали Венский престол, но он трижды отказывался от него, хотя ему приходилось управлять епархией в течение 1557 года. За пять лет до этого он открыл колледжи в Праге и Ингольштадте, после чего был назначен первым провинциалом Германии. Он был советником короля на Ратисбонском сейме и по приказу папы римского принимал участие в религиозных дискуссиях в Вормсе. Он начал переговоры о создании колледжа в Страсбурге и совершал апостольские экскурсии в это место, а также во Фрайбург и Эльзас. Принимая участие в генеральной конгрегации ордена в Риме, он был направлен папой Павлом IV на имперский сейм в Питеркове в Польше. В 1559 году император вызвал его на сейм Аугсбурга, и ему пришлось оставаться в этом городе с 1561 по 1562 год в качестве соборного проповедника; за это время зафиксировано, что помимо проведения ретритов, преподавания катехизиса и слушания исповедей, он появлялся за кафедрой двести десять раз. В 1562 году он снова вернулся в качестве папского богослова в Трент, где у него возникли разногласия с Лаинесом,

тогдашним генералом Общества, по вопросу о предоставлении чаши мирянам — Лаинес выступал против этой уступки, которую он отстаивал. Он оставался на соборе всего несколько заседаний, но вернулся снова после того, как примирил императора с папой. Благосклонность императора, однако, он потерял позже, когда изменил свои взгляды на Общение под обоими видами, а также по причине необоснованного обвинения в разглашении имперских секретов, которое было выдвинуто против него.

В том же году Канисиус открыл колледж Инсбрука и руководил духовной жизнью Магдалины, святой дочери Фердинанда I. В 1564 году он открыл колледж Диллингена и стал администратором тамошнего университета; он также был назначен тайным нунцием Пия IV для обнародования постановлений совета в Германии. Его миссия была прервана смертью папы римского, и хотя Пий V желал, чтобы он продолжал занимать этот пост, он отказался, поскольку это подвергало его обвинению во вмешательстве в политику. В 1566 году он был теологом легата на сейме Аугсбурга и убедил этого сановника не издавать указ, направленный против так называемого религиозного мира. Таким образом, он предотвратил новую войну и дал новую жизнь католикам Германии. В 1567 году он основал колледж в Вюрцбурге и проповедовал евангелие Майнцу и Шпайерсу. В Диллингене он условно принял молодого Станислава Костку в Общество и отправил его в Рим; он разрешил философский спор в Инсбруке и основал колледж в Галле. Наконец, в 1569 году по собственной просьбе он был освобожден от должности провинциала, которую занимал в течение тринадцати лет; в 1570 году он был придворным проповедником эрцгерцога Фердинанда II; в 1575 году он был папским посланником в Баварии и теологом при папском легате на Ратисбонском сейме. Он ввел Братство Пресвятой Богородицы в Инсбруке и по приказу папы построил колледж во Фрайбурге, где оставался до конца своей жизни.

В течение многих лет Канисий убеждал свое начальство, а также умолял Тридентский собор учредить писательские коллегии в различных странах для защиты Веры. Он поддерживал постоянную связь с великими печатниками и издателями того времени, такими как Плантен, Холин и Майер; он опубликовал первые отчеты об иностранных миссиях и убедил городской совет Фрайбурга установить типографию. Все это время он активно писал, и список его публикаций занимает тридцать восемь страниц кварто в "Библиотеке чудес Иисуса". Пий V поручил ему опровергнуть магдебургских центуриаторов — общество писателей, которые под вдохновением Флация Иллирика век за веком пытались фальсифицировать труды первых Отцов Церкви, чтобы представить исторические доказательства в поддержку ошибок Лютера. В 1583 году он объединил в одном томе две книги, которые ранее издал в 1571 и 1577 годах, назвав их "Commentaria de Verbi corruptelis", тем временем опубликовав подлинные тексты святых Кирилла и Льва.

Его "Катехизис" был его самым известным достижением. Он состоял из двухсот одиннадцати, а позже из двухсот двадцати двух доктринальных вопросов и предназначался в основном для продвинутых студентов; но к нему прилагался сборник для детей и еще один для учащихся средних и младших классов. Она признана шедевром даже такими протестантскими писателями, как Ранке, Менцель, Каверау и другими. При его жизни было опубликовано двести ее изданий в той или иной форме на двенадцати разных языках. "Я знаю своего Канисиуса" стало в Германии синонимом "Я знаю свой катехизис". Короче говоря, он сделал больше, чем кто-либо другой, чтобы спасти Германию для Церкви, и его считают еще одним святым Бонифацием. Он умер 21 ноября 1597 года и был беатифицирован Пием IX 17 апреля 1864 года.

Катехизис, по-видимому, был впервые предложен Фердинандом I Ле Джею, который с энтузиазмом взялся за эту работу. Но вместо того, чтобы втиснуть все в один том, он разделил его на три: первый - краткий курс теологии для университета; второй - том для священников, занятых служением; а третий - для школьных учителей. Он изложил этот вопрос святому Игнатию, который поручил первую часть Лаинесу, а вторую - Фрузиусу, тогдашнему настоятелю Вены. Но когда Фрузиус умер, а Лаинес был назначен генералом Общества, Канисий взял на себя всю работу.

По-видимому, именно Ле Джею также пришла в голову идея основать Collegium Germanicum в Риме, хотя кардинал Мороне утверждает, что это его концепция. Ле Джей, действительно, обсуждал с ним этот вопрос, но ранее провел гораздо более серьезное изучение вопроса с кардиналом Трюхзессом, архиепископом Аугсбурга. Поскольку целью Коллегии было предоставить Германии хорошо образованное духовенство, Трюхзесс мог оценить потребность в этом больше, чем Мороне, чьи идеи о необходимости добрых дел, жизненно важном вопросе в Германии в то время, были чрезвычайно любопытными, согласно его собственному отчету о бурном интервью, которое он имел с Сальмероном на эту тему. Он упрекнул Сальмерона в том, что тот слишком много делает добрых дел. Действительно, одно время Мороне находился под наблюдением инквизиции из-за определенных высказываний. Однако его ортодоксальность, должно быть, была вне подозрений из-за высокого положения, которое он занимал.

Сердце Ле Жея было разбито, когда Морис Саксонский, предводитель имперских войск, бросил всю свою армию на тех самых лютеран, которых он только что разбил при Мюльберге. Ужасное состояние религии в Империи до такой степени поразило его, что он умер в Вене 6 августа 1552 года в возрасте пятидесяти двух лет. Канисиус, произнесший надгробную речь, сказал, что он был "достойным преемником Фабера, и что его инстинкт был настолько верен, что характер, который он придал венскому колледжу, которым он руководил, был принят в качестве образца по всей Германии". По этому поводу также можно было бы процитировать Ранке. Он указывает, что "в начале 1551 года иезуиты не имели определенного места в Германии — Ле Жей был назначен ректором только в июне того же года, — но в 1566 году они оккупировали Баварию, Тироль, Франконию, большую часть Рейнской провинции и Австрии, а также проникли в Венгрию и Моравию. Это был первый серьезный антипротестантский чек, который получила Германия".

При нормальных условиях Испания, конечно, приняла бы этих своих выдающихся сыновей с распростертыми объятиями; но, к сожалению, в высших кругах как Церкви, так и государства царил плачевное положение дел, почти такое же открытое и бесстыдное, как в других частях Европы. Князья и знать носили титулы епископов и архиепископов и присваивали доходы епархий. Одно это делало невозможными любые усилия по проведению реформы. Вдобавок к этому, неосторожность Бобадильи в нападениях на политику Карла V в Германии, как мы уже говорили, настроила этого монарха и, следовательно, многих его подданных против всего Общества; но поскольку император открыто не вмешивался в их дела, они основали колледжи в Барселоне, Гандии, Валенсии и Алькале еще в 1546 году; но два года спустя, когда они появились в Саламанке, они нашли непримиримого врага в лице выдающегося доминиканского богослова Мельхиора Кано.

С кафедры, с трибуны и в прессе Кано осуждал новых религиозных не только как представляющих опасность для Церкви, но и как не что иное, как предшественников

Антихриста. Его собственный генеральный магистр написал письмо, восхваляющее Общество и запрещающее своим братьям нападать на него; но это никак не подействовало на Мельхиора, равно как и тот факт, что новый Орден был одобрен папой, не смог заставить его замолчать. Наконец, чтобы успокоить его, его сделали епископом Канарских островов, но на самом деле он оставил этот престол, чтобы вернуться к нападению. Его враждебность продолжалась не только до его смерти, но и после нее, ибо перед своим уходом он оставил в руках друга документ, который оказал большую услугу врагам Общества во время Подавления. "Дай Бог, - писал он, - чтобы я не был Кассандрой, в которую поверили только после разграбления Трои. Если религиозные члены Общества будут продолжать в том же духе, что и начали, может наступить время, которое, я надеюсь, Бог предотвратит, когда короли Европы захотят противостоять им, но не смогут этого сделать ". Одной из причин враждебности Кано к Обществу было то, что отцы Церкви призывали католиков часто посещать таинства (Suau, *Vie de Borgia*, 136). Это противодействие Кано было поддержано архиепископом Сарагосы, который приходился дядей Франциску Борджиа. Группы беспризорников с транспарантами, на которых были нарисованы отвратительные дьяволы, прошли маршем к новой церкви Общества и забросали ее камнями. Затем толпа изгнала несчастных Отцов из города; когда сестра Борджиа приютила изгнанников в своем замке, ее дядя, архиепископ, отлучил ее от церкви. Но таков был образ жизни в те дни. Даже прославленный кардинал Карранса семнадцать лет содержался в тюрьме испанской инквизиции из-за чего-то, обнаруженного в его трудах его братом доминиканцем Мельхиором Кано (Suau, *op. cit.*, 136).

Однако мало-помалу предрассудки рассеялись, и Алькала, и Саламанка пригласили Страду прочитать лекцию в своих залах. Тем не менее, каждый новый успех вызывал только новую бурю. Таким образом, было достаточно скверно, когда ректор Университета Саламанки Антоний из Кордовы, которого как раз собирались сделать кардиналом, вошел в Общество; но волнение усилилось, когда в 1550 году Франциск Борджиа, который был герцогом Гандии, вице-королем Каталонии, другом императора, солдатом, отличившимся при вторжении в Прованс и на чью будущую полезность рассчитывали на службе своей стране, объявил, что он тоже собирается стать иезуитом. Чтобы предотвратить это, папе было настоятельно предложено сделать его кардиналом, но Борджиа, который тогда находился в Риме, бежал обратно в Испанию. Однако, когда он, наконец, появился в качестве члена Ордена, дома и колледжи были возведены там, где он пожелал их иметь: в Гранаде, Вальядолиде, Сарагосе, Медине, Сан-Лукаре, Монтерее, Бургосе, Валенсии, Мурсии, Плацентии и Севилье. В 1556 году Карлу V наследовал Филипп II, который попросил передать кардинальскую шапку Борджиа, но в этой чести ему снова было отказано. В трех других случаях повторялись те же предложения и отказы.

К тому времени, когда Фрэнсис Борджиа стал генералом Ордена, он уже распространился на восемнадцать провинций со ста тридцатью учреждениями и насчитывал три тысячи пятьсот членов. Помимо попыток обратить в свою веру еретиков-водуа, Общество поддерживало миссии в Бразилии и Индии и основало новые в Перу и Мексике; с помощью знаменитого Педро Менендеса, который является особым объектом ненависти со стороны американских протестантских историков, оно направило первых миссионеров на территорию нынешней Флориды в Соединенных Штатах. Сегура и его спутники были казнены на Раппаханноке; Мартинес был убит дальше по побережью, в то время как Санчес, бывший настоятель Алькалы, в 1572 году с двенадцатью спутниками добрался до Вера-Крус в Мексике, чтобы присматривать за испанцами и местными жителями и заботиться о несчастных чернокожих, которых испанцы ввозили из Африки.

Когда Пий V был избран папой, все опасались, что он подавит Общество; но понтифик развеял все сомнения, когда по пути на коронацию в Сент-Джон-Латеране подозвал Борджиа к себе и обнял его. Он также сделал Сальмерона и Толетуса своими официальными проповедниками и поручил иезуитам работу по переводу "Катехизиса" Тридентского собора и изданию нового издания Библии. Он, однако, собирался отменить освобождение Общества от должности хориста; но Борджиа убедил его изменить свое мнение по этому вопросу и даже добился бессрочного освобождения от публичного исполнения этой Должности, а также отмены ограничения священства для представителей Общества. Более того, когда возникла опасность турецкого вторжения, Борджиа был отправлен с племянником папы римского в Испанию и Францию для организации лиги защиты христианского мира, в то время как Толетус сопровождал другого кардинала в Германию.

Филипп II попросил миссионеров для евангелизации Перу, и поэтому в конце марта 1568 года Портильо и семь иезуитов высадились в Кальяо и, отправившись в Лиму, основали там церковь и колледж великолепного масштаба. Однако сделать это было легко, поскольку испанские колонисты купались в богатстве. В то же время индейцами и неграми не пренебрегали. В 1569 году прибыли двенадцать новых миссионеров, и один из них, Алонсо де Барзана, ко всеобщему изумлению, проповедовал на языке инков, как только сошел на берег. Он изучал его каждую минуту долгого путешествия из Испании. В 1574 году в Куско, в старом дворце инков, был основан колледж, а еще один - в городе Ла-Пас.

На этом этапе работы возникла первая домашняя проблема в Новом Миров. Провинциал Портильо допускал в Общество нежелательных кандидатов и размещали исповедующих в приходах, тем самым бросая их в гущу гражданских и церковных беспорядков, которые тогда царили. Однако, несмотря на его способности, он был немедленно отозван в Испанию. Очень приятно узнать, что за пределами страны никто так и не узнал о причине этой решительной меры. Свобода от приходских обязанностей оставила Отцам время для их обычной работы, и они немедленно открыли школы почти в каждом городе Перу. Учебное заведение на озере Титикака, в частности, было очень мудрым и дальновидным предприятием, поскольку там миссионеры могли посвятить себя исключительно изучению родного языка, а также историческим, литературным и научным занятиям. В результате некоторые из самых выдающихся людей того периода вышли из этого образовательного центра. Говорят, что печатный станок, который они привезли из Европы, был первым, установленным в этой части Нового Света. Титикака процветала еще в 1767 году, но в то время Карл III изгнал иезуитов из Перу, и Титикака перестала существовать.

Обществу предстояла долгая и отчаянная борьба, прежде чем оно смогло закрепиться во Франции в сфере образования. Возможно, это была подготовка к будущей славе, которую ему предстояло завоевать там. Его главными врагами были Парижский университет и, между прочим, парламент, который попал под влияние докторов Сорбонны. Прибыла первая группа иезуитов под предводительством Доменека, который был каноником в Испании, но отказался от своего богатого пособия, чтобы вступить в Общество, — поступок, который в глазах его друзей казался настолько в высшей степени глупым, что они обвинили Игнатия в том, что он околдовал его. Позже он стал чем-то вроде Святого Винсента де Поля для Италии. Он обнаружил, что Палермо кишит толпами полуголых и голодающих детей, и немедленно построил для них приют. Он основывал больницы, приюты Магдалины, убежища для престарелых и ходил по городу, протягивая руку за подаянием, чтобы отремонтировать полуразрушенные монастыри монахинь,

которых постоянные войны оставили бездомными и голодными. Выполнение Духовных упражнений было одним из его особых занятий.

В этой группе также был Овьедо, будущий патриарх Абиссинии, которому предстояло провести свою жизнь в дебрях Африки. Там же был Страда, оратор, поэт и историк, которому суждено было стать одним из самых выдающихся людей своего времени; он пятнадцать лет преподавал риторику в Римском колледже, был официальным проповедником и близким другом пап Климента VIII и Павла V и написал "Историю войн во Фландрии", которая была встречена всеобщими аплодисментами. Наконец, был знаменитый молодой Рибаденейра, тогда ему было всего четырнадцать лет; он покинул один из самых блестящих дворов Европы — кардинала Фарнезе, брата принцев и пап, — и позже прославился как выдающийся латинист, успешный дипломат, избранный оратор на церемониях инаугурации Германской коллегии, выдающийся проповедник в Лувене и Брюсселе и посланник Марии Тюдор во время ее последней болезни. Он был провинциалом, гостем и помощником Борджиа и Лаинеса, великим защитником Общества в Испании от Васкеса и его товарищей-заговорщиков, а также автором, чьи произведения на его родном кастильском языке причислены к классике языка.

Их верным другом был дю Пра, епископ Клермона, который подарил им дворец, который до того времени был его резиденцией во время визитов в метрополию. До того, как им было предоставлено это убежище, они жили пансионерами, сначала в Колледже Тресорье, а затем в Ломбардском колледже, но не как иезуиты, а как обычные студенты, чье сходство вкусов в вопросах благочестия, как казалось внешнему миру, сблизило их. Конечно, вскоре стал известен их настоящий характер, и тогда начались их неприятности. В следующем году в Турноне была предпринята попытка создания колледжа с Оже в качестве ректора, но бушевала гражданская война, и в течение двенадцати месяцев Адрец, самый кровожадный монстр гугенотского восстания, чьим любимым развлечением было заставлять своих пленников прыгать с крепостного вала на скалы внизу, положил конец всему католическому в Турноне.

Кретино-Жоли придерживается мнения, что признанию Общества во Франции помешал его отказ принять в свои ряды знаменитого Гийома Постеля. Это кажется абсурдным, но именно тогда случилось так, что Франция сошла с ума по Постелю, и Маргарита де Валуа часто говорила о нем как о "Чуде света". Он действительно был очень примечательной личностью. Хотя он был всего лишь самоучкой, он знал почти все языки; он погрузился в глубины раввинских и астрологических знаний; чтобы получить глубокие знания о Востоке, он сопровождал султана в экспедиции против персов; он потратил огромные суммы денег на покупку редких рукописей; его искали во всех университетах; он привлекал огромные толпы на свои лекции и писал книги на все мыслимые темы, но в то же время, при всей своей гениальности, он, несомненно, был безумцем. Так что, когда он отправился в Рим и рассказал о своем духовном общении с мифической матерью Жанной и о том, как он предложил объединить всю человеческую расу силой меча или слова под знаменем папы Римского и короля Франции, который, по его словам, был прямым потомком старшего сына Ноэ, проницательности Лойолы не требовалось, чтобы понять его душевное состояние. Его отказ должен был быть рекомендацией, а не упреком.

Обосновавшись в своем новом доме, иезуиты принимали ученых и просили принять их в университет, но просьба была категорически отклонена якобы по той причине, что они не были ни светскими священниками, ни монахами, а представляли собой невзрачную и новую

организацию, цель которой была таинственной и подозрительной. Кроме того, все они были испанцами — настоящая трудность в то время, когда Карл V и Франциск I угрожали начать войну друг с другом. Случилось также, что архиепископ Парижа дю Белле был их заклятым врагом; он обвинил их в растлении молодежи и изгнал из маленькой часовни Сен-Жермен-де-Пре, которую предоставил в их распоряжение бенедиктинский аббат. Наконец, когда война казалась неминуемой, иностранцев отослали, одних в Лион, других в Лувен. Какое-то время тех, кто остался, защищал папский нунций в Париже, но его отозвали. Затем архиепископ Реймский и кардинал Лотарингский выступили в качестве их защитников. Они даже добились выдачи устава для колледжа и очень надеялись на его открытие, но, поскольку концессия должна была быть одобрена парламентом до того, как она вступит в силу, они были в таком же плачевном положении, как и всегда. Кроме того, отсутствие у них друзей оставило колледж без средств, поскольку преподавание в их доме было бесплатным — практика, которая была главной образовательной претензией, заявленной университетом. Очевидно, штат умных профессоров, преподававших бесплатно, представлял угрозу для всех других учебных заведений. Условия стали настолько отчаянными, что одно время в Клермоне было всего четыре ученика. Тем не менее, с поразительной уверенностью в будущем успехе Общества во Франции, именно в этот момент Св. Игнатий основал французскую провинцию и назначил настоятелем любимого Паскье Бруэ.

Бруэ уже доказал свою способность справляться с трудностями; поскольку вместе с Сальмероном он столкнулся со смертельной опасностью в Ирландии, и когда встал вопрос о назначении Патриарха Абиссинии или Эфиопии, еще одного места предполагаемого мученичества, он был выбран первым, хотя в конечном итоге был выбран Овьедо, вероятно, из-за его национальности. Вскоре после его прибытия в Биллом была предпринята попытка создания нового колледжа, но отец де ла Гутт, который был назначен ректором, был схвачен турками и умер на острове у берегов Туниса. Однако была назначена замена, и через несколько лет в колледже числилось пятьсот студентов. Заявки были поданы также на учебные заведения в Монтарже, Периге и других местах. В 1560 году умер первый друг Общества во Франции, епископ Клермонский, оставив в своем завещании богатые завещания колледжам в Париже и Билломе, но они были отклонены судами, поскольку Общество не было авторизованной корпорацией. Ибо, несмотря на то, что была дана санкция не только Генриха II, но и Франциска II, университет и архиепископ Парижский ухитрялись всевозможными уловками оттягивать полное официальное признание учреждения. В последовавшей долгой борьбе с этой несправедливостью отец Когордан, который был прокурором провинции, отличился своей находчивостью в преодолении различных ситуаций.

В конце концов оппозиция потерпела сокрушительное поражение. Карл IX находился на троне, но бразды правления находились в руках его матери, Екатерины Медичи, которая, вопреки прямому желанию Суверенного понтифика, согласилась с требованиями гугенотов о созыве генеральной ассамблеи, на которой требования новой религии могли быть представлены представителем католикам королевства. Коллоквиум, как его называли, состоялся в Пуасси в 1561 году. Опыт Германии, разрешившей подобные собрания, очень ясно показал, что вместо того, чтобы способствовать религиозному миру, они только увеличили пропасть между католиками и протестантами. Спокойное изложение догматических разногласий было проигнорировано заявителями, и заседания были намеренно превращены в серию беспорядочных и яростных обвинений.

Беседа в этом случае была очень впечатляющей. Присутствовали королева-мать, Карл IX и весь двор. Там были пять кардиналов, сорок епископов и толпа ученых богословов со всех концов Франции. Председательствовал кардинал де Турнон; Опиталь был представителем короны; в то время как король Наварры и принц де Конде представляли партию гугенотов. Среди протестантских священников были Теодор Беза и Петр Мученик, бывший монах. Восемь дней прошло в бесполезных препирательствах, когда в ассамблею вошел Джеймс Лаинес, который в то время был генеральным директором Общества и был направлен туда папой римским в знак протеста против Коллоквиума. Беза уже был уничтожен кардиналом Лотарингии, и Питер Мартин говорил, когда вошел Лаинес. Великий человек, покоровший Тридентский собор своими взглядами и красноречием, некоторое время слушал своего недостойного противника, а затем встал. Обращаясь к королеве, он сказал: "Возможно, иностранцу неприлично повышать голос в этом присутствии, но поскольку Церковь не ограничена ни одной нацией, для меня не может быть неуместным высказать мысли, которые приходят мне в голову по этому поводу. Сначала я обращаю внимание на опасность этих собраний и особенно обращаюсь к тому, что выдвинули брат Питер и его коллега".

Использование имени "монах" публично пригвоздило отступника к позорному столбу. Он корчился под ним, но не мог вырваться. Это повторялось снова и снова по мере того, как раскрывалась тактика Безы и его сообщников. Затем, повернувшись к королеве, Лаинес сказал: "Первое средство, которое необходимо предпринять, чтобы избежать обмана врага, - это, чтобы ваше Величество помнили, что ни ваше Величество, ни какой-либо другой временный правитель не в компетенции обсуждать и решать вопросы, относящиеся к Вере. Это принадлежит Суверенному понтифику и Советам Церкви. В гораздо большей степени это относится к тому случаю, когда, как в настоящее время, заседает Генеральный совет Трента. Если эти учителя новой религии искренне ищут истину, пусть они отправляются туда, чтобы найти ее". Добавив свой авторитет к великолепному ответу, уже произнесенному кардиналом Лотарингии, Лаинес сказал: "Поскольку брат Питер попросил нас об исповедании веры, я исповедую католическую веру, за которую я готов умереть; и я умоляю Ваши Величества, как вас, мадам, так и вашего сына, Самого христианского короля, защитить ваше брэнное королевство, если вы хотите обрести Царство Небесное. Если, напротив, вас меньше заботят страх и любовь к Богу, чем страх и любовь к человеку, не рискуете ли вы потерять свое земное, а также небесное царство? Я верю, что это бедствие не обрушится на вас. Напротив, я ожидаю, что Бог в своей благодати дарует вам и вашему сыну милость стойкости в вашей вере и не допустит, чтобы эта прославленная знать, стоящая сейчас передо мной, и это самое христианское королевство, которое было таким примером для мира, когда-либо отказались от католической веры или были осквернены пагубным влиянием этих новых сект и религий".

Эта речь была особенно смелым поступком со стороны Лаинеса. Согласно недавнему источнику (Martin, Gallicanisme et la Réforme, 28, примечание 4), Дю Ферье, правительственный делегат в Тренте, распространил записку, в которой, среди прочего, говорилось: "Что касается Пия IV, мы отказываемся от его правления; какие бы решения он ни принимал, мы отвергаем, плюем в него (*respuimus*) и презираем. Мы презираем и отрекаемся от него как от наместника Христа, Главы Церкви и преемника Петра". Далекий от того, чтобы порицать своего посла за эти яростные слова, Карл IX и, конечно же, Екатерина безоговорочно похвалили посла. До этого Екатерина занималась тем, что пыталась убедить различные правительства созвать собор, на котором папе было бы нечего сказать, собор, целью которого было бы не определение догмы или обеспечение дисциплины, а выработка формулы примирения, которая удовлетворила бы

протестантов. Даже французские епископы, хотя и признавали, что папа является высшей властью в Церкви, отрицали, что он обладает высшей властью над ней, и отказывались признать "полноту его власти питать, править и управлять Вселенской Церковью". В то время открыто пропагандировалось отделение Франции от Церкви. Поскольку таковы были условия во Франции в то время, ясно, что Екатерина никогда не ожидала нападения такого рода, которому подвергла ее Лаинес. Она разрыдалась и покинула Беседу. Другого публичного заседания так и не было. Кретино-Жоли говорит, что Лаинес сказал Конде: "Слезы королевы - это немного комедийно"; но подобное высказывание человека с характером Лаинеса и в такой обстановке, где об оскорблении немедленно сообщили бы королеве, просто немыслимо. Он никогда не был бы виновен в такой непростительной неосмотрительности.

Тем временем епископы и архиепископы Франции собирались в перерывах между Совещаниями, чтобы рассмотреть вопрос о законодательстве для иезуитских колледжей. За исключением кардинала де Шатийона и архиепископа Парижского, все они стремились положить конец проскрипциям, которым Общество подвергалось так долго и так несправедливо. Поскольку случилось так, что кардинал де Шатийон, брат знаменитого адмирала Колиньи, святого покровителя французских кальвинистов, как раз в то время был на грани вероотступничества и женитьбы, а поскольку скандал был общеизвестен, очевидно, что архиепископу Парижскому не следовало становиться на его сторону. Это и, вероятно, тот факт, что он был утомлен долгой борьбой, которая затянулась только из-за его природного упрямства, заставили его уступить, и Общество было легализовано во Франции. Без сомнения, присутствие Лаинеса и то, что он завершил Беседу своей смелой речью, во многом помогло добиться такого результата. Правда, к гранту были добавлены некоторые неприятные ограничения, но они были отменены несколько лет спустя королевским указом. Парламент, наконец, уступил и подписал устав колледжа 14 января 1562 года. Лаинес часто виделся с королевой после Беседы и некоторое время оставался во Франции, неустанно стремясь вернуть к Вере таких людей, как Конде, король Наварры и другие, и продолжая предупреждать королеву, что ее неразумная терпимость приведет к катастрофе для королевства. К сожалению, к нему не прислушались.

Пока все это происходило, в Памье, который находился на еретической территории Наварры, был основан еще один колледж. Его основателями были не кто иные, как ректор Римского колледжа Жан Пеллетье и Эдмон Оже. Но вначале жители были подозрительны и отказывали новоприбывшим в самом обычном гостеприимстве, так что их первое жилище имело то преимущество, что походило на Вифлеемский хлев - хижину без дверей и окон. В конце концов, однако, их проповеди в церквях покорили людей, и "иезуитам", как их называли, удалось обзавестись респектабельным домом и начать свои занятия. Это было в 1559 году, но до конца 1561 года "иезуиты" были изгнаны возбужденными гугенотами и были вынуждены укрыться в Тулузе.

Только что упомянутый Эдмон Оже был, пожалуй, самым красноречивым человеком того периода во Франции. Его называли Златоустом своей страны. Куда бы он ни шел, послушать его стекались толпы как фанатичных кальвинистов, так и преданных католиков. Его первая проповедь состоялась в Валенсии, где епископ только что отступил, а гугеноты были в полной власти. В результате вспыхнула яростная вспышка, он был схвачен и приговорен к сожжению заживо. Стоя у костра, он обратился к людям с речью перед тем, как был поднесен факел, и

настолько пленил толпу, что они требовали его освобождения. Его преданность больным во время эпидемии в Лионе завоевала сердца людей, и было предложено открыть колледж. В разное время он был капелланом войск, духовником Генриха IV, ректором и провинциалом; но, к сожалению, он был настолько откровенен в своем осуждении Лиги, что жители Лиона, которые когда-то восхищались им, были доведены до ярости его высказываниями о политической ситуации и были готовы сбросить его в Рону. Таким образом, его неразумное рвение нанесло серьезный ущерб Обществу.

Когда Тридентский собор завершил свои заседания, папа римский отправил Канисия обратно в Германию, чтобы проследить за тем, чтобы указы были обнародованы и приведены в исполнение. Он трудился в течение пяти лет, чтобы выполнить эту задачу, но потерпел полную неудачу. За исключением некоторых епископов, таких как Трюксесс Аугсбургский, очень немногие обратили какое-либо внимание на желание папы, причина была в том, что в основном они были отпрысками знати, которые привыкли жить в роскоши и приняли церковную профессию исключительно из-за богатых доходов епархий, на которые их назначили их родственники. В то самое время четырнадцать из них, как утверждает из лучших источников, носили свои митры, даже не уведомив папу о своем избрании и не испросив его одобрения. Они в большей степени, чем Мартин Лютер, были ответственны за гибель Германии. Их жизни были таковы, что Канисий запретил своим священникам принимать должность исповедника для кого-либо из них. Конечно, такие люди оставались глухи к папскому указу об учреждении епархиальных семинарий; а тем, кто желал их, мешали их каноники, некоторые из которых даже не были священниками. Именно по этой причине Канизий умолял папу учредить стипендии в зарубежных семинариях, где могли бы обучаться достойные священнослужители, чья жизнь настолько контрастировала бы с общей порочностью и невежеством духовенства, что епископы, возможно, устыдились бы своей апатии.

Учреждение бирз, однако, было лишь временной мерой, поскольку те немногие светские священники, которых они могли предоставить, едва ли могли выдержать нагрузку, которой они подвергались бы в ужасной изоляции, которую повлекло бы за собой их небольшое число. У них не было бы компактной организации религиозного ордена, которая поддерживала бы их устойчивость, и все же они стали бы жертвами того же рода преследований, которому пришлось подвергнуться Канисию и его сподвижникам. Из этой трудности возникла идея уже упоминавшегося Collegium Germanicum, учреждения в Риме под руководством иезуитов, в которое молодые немцы, отличающиеся своими интеллектуальными способностями и добродетелью, могли бы направляться и обучаться, чтобы стать апостолами в своей родной стране. Именно Германская коллегия спасла для Веры то, что осталось от Германии, и отвоевала многое из того, что было утрачено.

"Немецкий колледж в Риме, - сказал протестантский проповедник в 1594 году (Nothgedrungene Erinnerungen, Стр. 8), - является рассадником, исключительно благоприятным для развития наихудшего вида иезуитизма. Наши молодые немцы получают там бесплатное образование, а по окончании учебы их отправляют домой, чтобы они вернули папизм на его прежнее место и боролись за него всеми силами. Вы обнаруживаете, что они осуществляют служение во множестве коллегиальных церквей и приходов. Они становятся советниками епископов и даже архиепископов; и мы видим этих иезуитов у себя на глазах, защищающих католическое дело с таким рвением, что мы, евангелисты, вполне можем спросить себя, в каких землях и в каких городах такое горячее рвение к возлюбленному Евангелию встречается среди нашей

собственной партии. Они соблазняют у нас так много душ, что слишком тяжело даже перечислять их ". Мартин Хемниц, протестантский богослов, сказал, что если бы иезуиты ничего не сделали, а только основали Немецкий колледж, они заслуживали бы того, чтобы их считали за одно это достижение самым опасным врагом лютеранства. "Эти молодые люди, - сказал другой протестантский полемист в 1593 году, - похожи на своих учителей дьявольской хитростью, лицемерным благочестием и идолопоклонством, которое они распространяют среди людей. Они часто проповедуют, притворяясь добрыми христианами, они часто посещают больницы и навещают больных дома, и все это из чистого лицемерия, пропитывающего саму шкуру этих негодяев. Они снова убеждают простых и доверчивых людей вернуться к своему проклятому папизму" (Janssen, op. cit., IX, 323, кв.).

Эхсфельд, Эрфурт, Ашаффенбург, Майнц, Кобленц, Трев, Вюрцбург, Шпайерс и другие места вскоре ощутили на себе действие усердия этих студентов Collegium Germanicum. Их образ жизни означал лишения и опасности любого рода; нападения со стороны выродившихся католиков и разъяренных еретиков; бдения в жалких лачугах и зараженных чумой больницах, что иногда приводило к болезням и насильственной смерти; но "эти посланцы дьявола", как называли их проповедники, продолжали свою работу и вскоре вернули к Вере бесчисленное количество своих соотечественников. Подобные заведения также возникли в Браунсберге, Диллингене, Фульде, Мюнхене и Вене. Представители других религиозных орденов присоединились к движению и придали ему новую жизнь и энергию. Янссен (IX, 313) сообщает нам, что основанием семинарий для бедных студентов также были обязаны Канисий и его коллеги по работе. По их предложению Альберт V основал Григорианум в Мюнхене в 1574 году; вскоре аналогичные учреждения появились в Ингольштадте, Вюрцбурге, Инсбруке, Галле, Граце и Праге. Еще в 1559 году Канисий взял на себя ответственность за двести бедных студентов и, поселив их в общежитии, смог удовлетворить все их потребности. После каждой своей проповеди в соборе он обходил великих людей, собравшихся послушать его, чтобы попросить милостыню на содержание своих заведений. Отец Вот, последовав его примеру сорок лет спустя, собрал за один год 1400 флоринов для той же цели.

Работа по возрождению не ограничивалась основанием церковных семинарий. Янссен (l.c.) приводит нам целую страницу названий колледжей, взятых из "Ежегодника литературы", в некоторых из которых было девятьсот, тысяча и даже тысяча тринадцать сотен студентов. Между 1612 и 1625 годами в Германии насчитывалось сто иезуитских колледжей. Во всех них были созданы братства, члены которых помимо выполнения своих собственных религиозных упражнений в часовне, посещали больницы, тюрьмы и лагеря и совершали другие дела милосердия и усердия. В их списках можно увидеть имена людей, достигших высокого положения в Церкви и государстве — королей, принцев, кардиналов, солдат, ученых и т.д. Эти братства также установили тесные отношения с аналогичными организациями по всей Европе. Естественно, что такая интенсивная деятельность вызвала ярость еретиков. Были изобретены всевозможные клеветнические измышления; и в 1603 году проповедник в Штирии объявил, что готовятся самые отвратительные и кровопролитные заговоры с целью утопить всю Империю в крови, чтобы свести на нет учение Евангелия. "О бедная Римская империя! - воскликнул он. - ваши единственные враги, единственные враги императора, нации, религии - это иезуиты". Янссен добавляет: "Факты говорят о другом".

Отец Петер Пазмани занимает заметное место в этот период. Он был венгром из Надь-Варада, также известного как Гроссвардейн. Его родители были кальвинистами, но он стал католиком и

в возрасте шестнадцати лет вступил в Римское общество, где был учеником таких ученых, как Беллармин и Васкес. Он преподавал в колледже Граца, который был основан иезуитами в 1573 году с теологическим и философским факультетами. Эрцгерцог Фердинанд обогатил его новыми зданиями и обеспечил обильными доходами, предоставив ему также церковное превосходство в Каринтии и других владениях короны. Пазмани стал апостолом своих соотечественников как благодаря своим книгам, так и благодаря своим проповедям. Он был мастером своего родного языка, говорит Ранке ("История пап", IV, 124), и его духовный и ученый труд "Калаус" произвел неотразимое впечатление. Наделенный живым и подкупающим красноречием, он, как говорят, лично обратил в свою веру пятьдесят самых выдающихся семей, одна из которых выгнала двадцать священников из своих приходов и заменила их таким же количеством католических священников. Правительство также было приведено в соответствие; католики имели большинство в сейме 1625 года, и Эстерхази был назначен палатином. Пазмани предложили епископство, от которого он отказался, но в конце концов папа, уступив требованию князей и народа, назначил его примасом, а затем сделал кардиналом. Его "Руководство к католической истине" было первой полемикой на венгерском языке. Он основал университет в Тырнау, который впоследствии был переведен в Будуу. Венгерский колледж в Риме был его творением, как и Пазманеум в Вене. Его имя недавно было внесено в римский требник в связи с тремя венгерскими мучениками, двое из которых были иезуитами, Понграч и Гродеч, которые были казнены в 1619 году.

Италия демонстрировала аналогичную энергию от одного конца полуострова до другого. Чандлери в своих "Fasti Breviores" (стр. 40) сообщает нам, что "первая школа Общества была открыта на площади Ара Кели в 1551 году и вскоре превратилась в знаменитый Римский колледж. В 1552 году он был перенесен в дом недалеко от Минервы; в 1554 году - в место недалеко от нынешнего места; в 1562 году - в дом папы Павла IV; а в 1582 году - в новые здания Григорианского университета." Именно в этом колледже 25 марта 1563 года бельгийский схоласт Джон Леунис организовал первое братство Пресвятой Богородицы. Фукере, однако, оспаривает это утверждение школы Ара Чели и утверждает, что первый колледж находился в Мессине и был основан в 1547 году, и что св. Игнатий решил сделать его образцом для всех подобных заведений. Его правление основывалось на методах, которые преобладали в колледжах Парижского университета, с изменениями, однако, в его дисциплине и религиозном направлении. Его учебным планом был первый "Ratio studiorum". В нем было два занятия по два-три часа каждое в день; в качестве языка дома всегда использовалась латынь, но преподавались и иврит, и греческий. Каникулы длились всего пятнадцать дней для учащихся гуманитарных факультетов и старших классов; и только восемь дней или меньше для учащихся младших классов. Студенты ходили на исповедь каждый месяц и ежедневно помогали на мессе. Почти во всех городах полуострова были созданы подобные колледжи. На территории нынешней Бельгии было тридцать четыре колледжа или школы, что, по-видимому, является чрезмерным числом, но тот факт, что они были, за двумя исключениями, дневными школами и что маленькие мальчики были исключены, объясняет возможность управлять ими со сравнительно небольшим количеством профессоров. Шести или семи хватало на сто учеников. Более того, до ее основания всегда требовалось что-то вроде фонда для поддержки школы.

В 1564 году Обществу была передана Римская семинария, а в 1578 году - Римский колледж. Пятью годами ранее Германский коллегиум, после того как Канисий представил Григорию XIII памятную записку о тех услугах, которые он должен был оказать, получил субсидию для определенного числа студентов. Булла, датированная августом 1573 года, призывала католиков

Германской империи обеспечить сотню студентов философии и теологии. Папа подарил ему дворец Святого Аполлинария, монастырь Святого Саввы и доходы святого Стефана на Монте-Клио. Сверх этого, он гарантировал получение 10 000 крон из доходов Апостольской казны. В 1574 году в нем обучалось сто тридцать студентов, а через несколько лет - сто пятьдесят. Философы прошли трехлетний курс обучения, теологи - четырехлетний. В период с 1573 по 1585 год папа потратил только на Германскую коллегию около 235 649 крон, что эквивалентно примерно четверти миллиона долларов. Кроме того, еще в 1552 году святой Игнатий получил от Юлия III Буллу о создании колледжа для изучения гуманитарных наук, в котором молодые немцы могли готовиться к изучению философии и теологии. В первый год существования в нем обучалось двадцать пять студентов, а в следующий - вдвое больше. При Павле IV, когда истеблишмент испытывал острую нужду, святой Игнатий поддерживал его попрошайничеством и сказал кардиналу Трюхзессу, что скорее продаст себя в рабство, чем оставит своих немцев. Погруженный в эту работу, Игнатий умер. Память о нем бережно хранят в Германской коллегии по сей день. Когда 31 июля в Мартирологе зачитывают его имя, все студенты встают и с непокрытыми головами благоговейно слушают объявление о празднике их основателя.

ГЛАВА III КРАЯ ЗЕМЛИ

Ксавье отправляется на Восток — Гоа — Вокруг Индостана — Малакка — Молуккские острова — Возвращение на Гоа — Доблестный бельгиец — Проблемы в Гоа — Входит в Японию — Возвращается на Гоа — Отправляется в Китай — Умирает у побережья — Останки доставлены на Гоа — Африка — Конго, Ангола, Кафрерия, Абиссиния — Бразилия, Нобрега, Анчиета, Азеведо — Провал Родригеса в Португалии.

Когда Иоанн III Португальский попросил прислать миссионеров для евангелизации колоний, которые были завоеваны короной благодаря открытиям Да Гамы и других на Дальнем Востоке, Бобадилья, Родригес и Ксавье были привлечены к этой работе. Болезнь Бобадильи помешала ему уехать, итогда его величество рассудил, что он был слишком щедр к своим новым владениям и недостаточно добр к метрополии; поэтому было решено оставить Родригеса в Португалии, на его родине, а Ксавье отправить в Индию.

Ксавье прибыл в Лиссабон в июне 1540 года и восемь месяцев ждал там отправления судна, за это время они с Родригесом полностью изменили нравы города. Затем Он начал серию апостольских путешествий, которые были не что иное, как грандиозными по своему характеру, не только из-за расстояний, пройденных за те одиннадцать лет, на которые они были ограничены, но и из-за необычного и часто немореходящего судна, на котором он пересекал еще не нанесенные на карту восточные моря, которые были охвачены тайфунами и кишели пиратами, и где существовала постоянная опасность потерпеть крушение у негостеприимных берегов и быть убитыми дикарями-туземцами. Трижды его корабль разбивался вдребезги о скалы, и однажды ему пришлось целыми днями цепляться за доску, пока волны захлестывали его. Несколько раз он был на волосок от отравления, а однажды ему пришлось долго прятаться в кустах, спасаясь от охотников за головами с Молуккских островов. Расстояния, которые он преодолел, можно оценить, только имея под рукой атлас во время чтения рассказа.

Покинув Европу, он направился вдоль западного побережья Африки, обогнул мыс Доброй Надежды и затем направился к далекому Мозамбику. Оттуда он указал через Аравийское море на Гоа на западном побережье Индостана. Вскоре после этого он продолжил путь вдоль побережья к Кочину и мысу Коморин, а затем на Цейлон, затем вдоль восточной стороны полуострова к местам ловли жемчуга и обратно в Гоа. Вскоре после этого он плывет через Бенгальский залив к далекой Малакке, лежащей к северу от Суматры; оттуда он проникает в Китайское море и, обогнув Борнео и Целебесские острова, прибывает к Молуккским островам, проходя через них с севера на юг и обратно. Возвращаясь в Гоа, он снова направляется в Малакку и указывает на север, в Японию, проезжая по пути Филиппины, хотя утверждается, что он высадился на Минданао. Из Японии он возвращается в Гоа, а затем отправляется в Китай. Он добрался до острова напротив Кантона и томился там месяц или около того, поскольку никто не осмеливался перевезти его на берег. Затем он улетел на небеса, которые были совсем рядом.

Это был великий день для Лиссабона, когда 7 апреля 1541 года, в свой день рождения, Ксавье отплыл в Индию. Он был папским нунцием и послом короля Иоанна при императоре Эфиопии. Тем не менее принцы и властители, которых этот бедно одетый посол встречал на своем пути, должно быть, смотрели на него с удивлением; ибо, несмотря на оказанные ему почести, он сам вымылся и починил свою одежду, а находясь на борту корабля, отказался от помощи слуги и почти ничего не ел. Команда была сборищем негодяев, как и большинство морских разбойников тех дней; но этот выдающийся папский нунций и посол проводил время среди них, всегда бодрый, доступный и счастливый, ухаживал за ними, когда они болели, и мягко отчитывал их за их плохо прожитую жизнь. Весь день он был занят с ними, а ночью бичевал себя или молился. К тому времени, когда корабль достиг места назначения, это была плавучая церковь.

Гоа был столицей португальской Индии. Это еще не был золотой Гоа семнадцатого века, но в нем были церкви, часовни и кафедральный собор, начальный колледж, епископ и францисканский монастырь. Однако с христианским населением смешалась орда идолопоклонников, мусульман, евреев, арабов, персов, индусов и других, всех их португальцы, которые были идальго или фидальго Гоа, считали низшими расами, даже если они были поварами и подметальщиками улиц в Лиссабоне или Порту. Теперь они были одеты в шелка и парчу, в изобилии носили золото и драгоценные камни; они наслаждались религиозными проявлениями; но в нравственном отношении они были более унижены, чем самые отъявленные язычники, с которыми они сталкивались на улицах. Имели место открытый разврат, сожительство, полигамия и родственные преступления.

Приход папского нунция был великим событием, но он отказался от всякого признания своего официального ранга. Он жил в больнице, ухаживал за прокаженными в их сараях или преступниками в тюрьмах, учил детей катехизису и беседовал с людьми любого класса и положения. Он выведал тайны их совести, и через пять месяцев Гоа, по крайней мере, в части своего христианского населения, был таким же порядочным в своей морали, каким раньше был коррумпированным и развращенным. На конце полуострова, но за мысом Коморин, находились Жемчужные промыслы, где жила деградировавшая каста, которую несколько лет назад посетили францисканцы и крестили; но они остались в своем невежестве и пороке, и теперь никто в Гоа не обращал на них внимания. Туда Ксаверий отправился со своей чашей, облачением и требником, но без каких-либо припасов для пропитания.

По пути он миновал Сальсетт, где позже принял мученическую смерть Рудольф Аквавива; он увидел Канару, Мангалор и Кананон, где находилась миссионерская станция. Затем он отправился в Каликут, Кранганор и на мыс Коморин, где поклонялись богине Дурге, и, наконец, прибыл на Рыбные промыслы, где нашел народ, который был ужасно беден, у них не было ничего, что могло бы прикрыть их, кроме тюрбана и набедренной повязки, и которые жили в хижинах на зыбучих песках рядом с кокосовыми деревьями. Со своими крошечными лодками и плотами они умудрялись добывать средства к существованию морем, но другие индусы избегали их, потому что крещение сделало их изгоями, и они также были беспомощными жертвами пиратов, которые постоянно рыскали вдоль побережья. Ксаверий жил в их грязных домах, разговаривал с ними через переводчиков, давал им все инструкции, которые они были способны воспринять, и крестил всех, кто еще не стал христианином. Он оставался с ними два года и после того, как португальские корабли отправились патрулировать море, послал других миссионеров заменить его, когда он построил катехуменаты и маленькие церкви тут и там. Хотя Ксаверий, по-видимому, оправдывал эти быстрые обращения прецедентом, когда 3000 человек стали христианами после первой проповеди святого Петра, Игнатий, хотя и не осуждал его методы, позже написал ему, что инструкции должны предшествовать крещению, а не следовать за ним, и что руководством при присоединении к Вере должно быть качество, а не количество.

Ксаверий вернулся оттуда в Гоа, но мы находим его в последних числах сентября 1545 года, когда он на время покинул Индию и сошел на берег недалеко от португальского поселения в Малаккском проливе. Это был опасный пост, потому что он кишел мусульманами. На близлежащих побережьях Суматры обитали свирепые *экумейры де мер*, или морские разбойники, а на острове Битанг свергнутые султаны ждали удобного случая, чтобы изгнать португальцев, в то время как во внутренних районах Страны обитали свирепые и неприступные дикие племена. Помимо всего этого, белые, поселившиеся там для торговли, были развращенной толпой; записано, что Ксавьер провел целых три дня без еды, слушая их исповеди, и проводил целые ночи в молитвах об их обращении. Несмотря на все это накопление труда, он ухитрился написать катехизис и молитвенник на малайском. В 1546 году он отправился дальше на восток, мимо Явы и Флореса, и через полтора месяца достиг Молуккских островов. Он везде был в дружеских отношениях, с солдатами, матросами, комендантами постов, а также с каннибалами, и легкомысленно относился ко всем трудностям и опасностям в своих попытках привлечь души к Богу. Он путешествовал вверх и вниз по островам архипелага, на каждом шагу встречая вырождение самого худшего сорта. Но он учредил миссионерские посты, и в результате десять лет спустя у Де Бейры, которого он отправил туда, было сорок семь станций и 3000 христианских семей на этих островах. Ксавьер провел два года на Молуккских островах, чтобы подготовить дорогу, и снова вернулся в Гоа в 1548 году.

Во время его отсутствия из Португалии было прислано несколько миссионеров, всего шесть священников и девять братьев-коадьюторов. С ними была дюжина доминиканцев. Среди иезуитов были Фернандес и Космо де Торрес, которым позже предстояло стать вместе с Ксавьером основателями великой миссии в Японии. Приехал также Антонио Гомес, выдающийся студент Коимбры, магистр искусств, доктор канонического права и известный оратор. Но, кроме как как оратор, ему не суждено было добиться в Гоа такого успеха, какого он добился в Лиссабоне. Также в группе был Гаспар Берц, фламандец, сделавший разнообразную карьеру: магистр искусств в Лувене, солдат армии Карла V, отшельник на Монсеррате, иезуит в Коимбре, а теперь миссионер в Индии. Именно работоспособность Баэрца побудила Ксавье

обратиться с известной петицией: "Da mihi fortes Belgas" (Дайте мне крепких бельгийцев). Криминали, первый член Общества, принявший мученическую смерть на Востоке, прибыл раньше, как и Ланчилотти, чахоточный, который, казалось, был особенно активен в написании писем в Рим с жалобами на частые отлучки Ксавье из Гоа.

Гомес был назначен ректором неприметного колледжа, принадлежавшего епископу Гоа и до того времени частично управлявшегося Ланчилотти. Новый начальник немедленно перевернул все с ног на голову, и его жесткие, авторитарные методы правления немедленно вызвали недовольство. По словам Ланчилотти, он совершенно не привык к тому, как общество общается не только с членами общины, но и со студентами-туземцами. Его идея состояла в том, чтобы сделать колледж еще одной Коимброй — великим учебным заведением с филиалами в Кочине, Бакайме и других местах. Однако этот план соответствовал не совсем его концепции. Нечто в этом роде планировалось для Индии в связи с великим образовательным движением, которое в то время волновало Португалию. В письме в Лиссабон и Рим по этому поводу Ксавье случайно раскрывает свои идеи по вопросу местного священства. Для этого ему потребовалось несколько предыдущих поколений респектабельных родителей-христиан. Разделение каст в Индии также создавало трудности по той причине, что священнику, взятому из одной касты, никогда не разрешалось вступать в сношения с теми, кто принадлежал к другой; и, наконец, он указал, что для португальца исповедоваться перед туземцем немыслимо.

Тем временем, хотя внутренние дела были не такими удовлетворительными, как могли бы быть, Ксавье планировал свой отъезд в Японию. Сначала он посетил несколько постов и уладил возникшие трудности. Гомес был его главным источником беспокойства, и нет никаких сомнений в том, что его сняли бы с поста ректора из-за недовольства, которое он вызвал, если бы не его огромная популярность в городе как проповедника. Именно тогда перемена могла вызвать вспышку среди народа и разрыв с епископом. Поэтому Ксавьер удовлетворился тем, что ограничил деятельность Гомеса мирскими делами, а заботу о духовных интересах общины возложил на Сиприано. Он больше ничего не смог бы сделать, даже если бы остался в Гоа.

Эти неоднократные отлучки Фрэнсиса Ксавье из Гоа часто выдвигались против него как свидетельство серьезного недостатка в его характере; уступки тому, что называлось "баскской непоседливостью", которая побуждала тех, у кого это было в крови, постоянно находиться в путешествиях в поисках новых сцен и романтических приключений. Настоящей причиной, по-видимому, было его отчаяние что-либо делать в Гоа, с его беспорядочным скоплением мусульман, язычников и коррумпированных португальцев, и чередой военных постов, где каждый мелкий политический комендант постоянно мешал миссионерским усилиям. Он никогда не смог бы стать центром великого миссионерского движения. "Я хочу быть там, - сказал он, - где нет мусульман или евреев. Назовите мне всех язычников, людей, которые стремятся узнать что-то новое о природе и Боге, и я полон решимости найти их". Он слышал кое-что о Японии, подтверждающее эти условия; и, хотя он уже много путешествовал и знал о жалобах на себя, он решил отправиться еще дальше; поэтому, взяв с собой де Торреса и Фернандеса, а также новообращенного японца Ксаку и двух слуг, он повернулся лицом к Стране Восходящего Солнца. Ему было тогда сорок три года.

Он был в Малакке с 31 мая по 24 июня 1549 года и обнаружил, что миссии, которые он там основал, работают на удивление хорошо, как и другие на Молуккских островах. Последнего, однако, он не посетил. Он отправился в Японию на жалкой китайской джонке, тем временем к

нему присоединились еще трое товарищей — португалец, китаец и малаец. Прошло два месяца, прежде чем он увидел на горизонте вулканы Киу-Сиу, и только 15 августа 1549 года он сошел на берег в Кагосиме, родном городе своего японского компаньона. День был благоприятным. Это была годовщина его первых обетов на Монмартре.

Ксаверий начал изучать язык страны и некоторое время оставался более или менее в уединении; с помощью Ксаки, или Павла, как они его называли, было составлено краткое изложение христианской веры. С этим снаряжением, получив необходимое разрешение, он, Фернандес и Хака отправились в свою первую проповедническую экскурсию. Их появление вызвало живейшее любопытство. В глазах людей Ксавье был просто бонзой нового типа, и они слушали его с величайшим вниманием. Принятая программа заключалась в том, что сначала Хака созывал толпу и обращался к ней, затем Ксавье читал свой доклад. Они всегда были готовы остановиться на любом участке дороги или на любом собрании и повторить свое послание. Вскоре их работа вышла за рамки простых уличных проповедей. Их приглашали в дома великих людей, которые слушали более или менее из любопытства или в поисках новых ощущений. Сделав все, что было возможно в одном месте, они отправлялись в другое, всегда пешком, в убогой одежде, через города и покрытые снегом горы, однако всегда с целью добраться до столицы империи, увидеть императора и добраться до великого университета, о котором они слышали еще до того, как отправились в Японию. Естественно, учение этой новой религии привело Ксавьера к конфликту с бонзами, которые были крайне аморальными людьми, хотя внешне и претендовали на большую аскетичность. Люди, однако, прекрасно понимали их и были более чем довольны, когда лицемеры были выставлены на посмеище.

К этому времени он осознал свою ошибку, разгуливая в одежде нищего, и с этого момента решил должным образом использовать свое положение посланника губернатора Индии и епископа Гоа. Поэтому он предстал перед дайме Ямагути в своем лучшем наряде, с верительными грамотами, начертанными на пергаменте, и обильным запасом богатых подарков — аркебузой, спиннетом, зеркалами, хрустальными кубками, книгами, очками, португальским платьем, часами и другими предметами. Условия немедленно изменились. Дайме дал ему солидную сумму денег, помимо полной свободы проповедовать, куда бы он ни пошел. Он жил в доме японского аристократа в Ямагути, и толпы слушали его в почтительном молчании, когда он говорил о творении и душе — предметах, о которых японцы ничего не знали. Все хвалили его ученость и восхищались его добродетелью; вскоре последовало несколько заметных обращений. Пробыв в этом месте шесть месяцев, Ксавье отправился в столицу Меако, нынешний Киото, но, по-видимому, он не произвел там особого впечатления. Затем из Гоа пришли новости, которые вынудили его вернуться в Индию. Поэтому, оставив своих верных друзей, де Торреса и Фернандеса, продолжать работу, которая была так удачно начата, он отправился в Гоа где-то между 15 и 20 ноября 1551 года. Он достиг своей цели — он открыл Японию для христианства.

На корабле, который доставил его обратно в Гоа, Ксавье договорился с торговцем по имени Перейра организовать экспедицию в Китай. Перейра должен был отправиться в качестве постоянно аккредитованного посла вице-короля Индии, в то время как Ксавье должен был получить разрешение императора проповедовать Евангелие и просить об отмене законов, враждебных иностранцам, и, среди прочего, об освобождении португальских заключенных — мечты, которые так и не были осуществлены, но которые раскрывают жизнерадостную и почти мальчишескую оптимистичность характера Ксавье. На обратном пути он услышал о трагической

гибели Криминали на мысе Коморин - первого иезуита, пролившего свою кровь в Индии. Это произошло во время одного из восстаний дикарей бадажей против португальцев. Позже на том же месте был убит брат. Успех, однако, сопутствовал трудам Криминали и его сподвижников; ибо, согласно Поланко и неполной правительственной переписи, на тот момент в 1552 году насчитывалось от 50 000 до 60 000 христиан. В феврале того года все было в полном разгаре, когда Ксавьер сошел на берег в Гоа.

За время его отсутствия все миссии добились замечательного успеха. Среди них был новый пост в Ормузе у берегов Аравии, где мусульмане Персии, евреи издалека и вблизи, даже из Португалии, индийские брахманы и джайны, парсы, турки, арабы, христиане Армении и Эфиопии, итальянцы-отступники, греки, русские и португальский гарнизон встречались для торговли и сопутствующего разврату подобных восточных центров. Бельгийский миссионер Баэрс преобразил это место. Все это было удовлетворительно; но колледж в Гоа, где Гомес руководил, был в беспорядке. Прежде чем этот неосторожный человек смог познакомиться с обычаями новой страны, он позволил одурачить себя одному из местных вождей, который притворялся новообращенным, но на самом деле был подлым предателем. Он также свел на нет авторитет своего коллеги в правительстве колледжа и вел себя почти как начальник всей миссии. Среди людей он вызвал сильное раздражение, изменив традиционные церковные службы; он уволил студентов колледжа и поставил на их место послушников; он присвоил церковь, принадлежащую братству, и, как следствие, втянул и себя, и Общество в конфликт с генерал-губернатором. Но, несмотря на все это, низложить его по-прежнему было трудно из-за его популярности и потому, что епископ смотрел на него как на ангела. К сожалению, Гомеш отказался признавать свои недостатки и даже оспаривал права своего преемника, который уже был назначен. Следовательно, каким бы популярным он ни был, ему выдали его рекомендательные письма. Он обратился в Рим и по пути туда заблудился в море. Довольно поразительно обнаружить, что Франциск Ксаверий не только сам использовал это право увольнения, но и передал его даже местному начальству (*Monumenta Xaveriana*, 715-18). Возможно, этот метод был принят именно из-за трудности связи с Римом, но в наши дни это было бы немыслимо.

Когда все это было улажено, Ксаверий назначил Баэрса вице-провинциалом и 17 апреля 1552 года отбыл в Китай. Прибыв в Кочин, он услышал, что с одним из миссионеров плохо обращались местные жители, что миссия испытывает острую нужду и что Ланчилотти находится в тяжелом положении в Куламе. Но все это его не остановило. Он просто написал Баэрцу, чтобы тот исправил это зло, а затем продолжил свое путешествие. Конечно, было бы невозможно судить о таких миссионерских методах с чисто человеческой точки зрения. Экстраординарные магические способности Ксавьера, его дары молитвы и пророчества легко объясняют, как он мог не только обратить множество людей в Веру за невероятно короткий промежуток времени, но и сохранять их твердыми и постоянными в отправлении религиозных обрядов еще долгое время после того, как он доверил заботу о них другим. Память о его чудесных деяниях, которые поражают своим количеством, обязательно останется в умах его неофитов, в то время как милость, которую он приобрел за них молитвами, даст им более разумное понимание доктрин, которым он их научил, чем если бы они были обращенными обычным миссионером.

До момента его отъезда в Китай его апостольская карьера была подобна триумфальному прогрессу. Теперь ему предстояло встретить катастрофу и поражение, но именно этот мрачный момент его жизни придает ему наибольший блеск. Его друг Перейра был должным образом

аккредитован в качестве посла вице-короля и вложил большую часть своего состояния в судно, которое должно было доставить Ксавье в качестве папского нунция ко двору императора Китая. Это был единственный способ въехать в страну и добраться до императорского двора, но губернатор Малакки разрушил весь план. Он был игроком и развратником и хотел получить пост посла для себя, чтобы расплатиться со своими долгами. Поэтому, несмотря на мольбы Ксаверия и угрозу гнева как короля, так и папы римского, он конфисковал груз и оставил двух посланников в затруднительном положении как раз тогда, когда успех был обеспечен. В результате Перейре пришлось скрываться, в то время как Ксавье отряхивал пыль со своих ног, не в переносном смысле, а на самом деле, чтобы вселить ужас в сердце дон Альваро. Он сел на свой собственный корабль "Святой крест", который теперь был переоборудован в торговое судно и битком набит людьми. Таким неподобающим образом он отправился в Китай.

Высадка была произведена на острове Санчиан, который лежал примерно в тридцати милях от материка, на одной линии с городом Кантон. На таком расстоянии разрешалась торговля, но любое приближение к побережью означало тюремное заключение и смерть. Этот остров был последним пристанищем Ксавье на земле; там он оставался месяцами, глядя на землю, на которую ему никогда не суждено было попасть. В море было несколько кораблей, но экипажи избегали его, опасаясь ужасного Альваро, который официально был "хозяином морей" и мог наказать их за то, что они были друзьями его врага. По крайней мере, китайские торговцы, прибывшие на остров, были доступны, и Ксавье удалось уговорить одного из них за денежное вознаграждение высадить его где—нибудь на побережье - ему было все равно где. Но как только о сделке стало известно, среди экипажей кораблей поднялся переполох. Если бы его поймали, они все были бы перебиты, и поэтому он согласился подождать, пока они не уплывут.

Медленно тянулись недели, одно за другим суда поднимали паруса и исчезали за горизонтом. Силы Ксавьера быстро убывали, и он лежал, растянувшись без присмотра, под жалким навесом, который был построен на берегу, чтобы защитить его от суровой погоды. Постоянно обращая свой взор к побережью, которого он так жаждал достичь, он испустил дух 2 декабря 1552 года со словами на устах: "На Тебя, о Господь, я надеялся, да не буду посрамлен вовеки". Ему было всего сорок шесть лет; прошло одиннадцать лет и семь месяцев с тех пор, как он отплыл вниз по Тежу на Неизведанный Восток. Только четыре человека набрались смелости похоронить его с соблюдением приличий, остальные наблюдали с борта корабля, пока его могилу рыли на берегу. Его тело поместили в ящик с негашеной известью, чтобы мясо можно было быстро съесть, а кости отвезли обратно в Гоа; опустив его в могилу, вырытую на небольшом холме над морем, маленькая группа удалилась.

Два месяца спустя, когда корабль уже собирался отчаливать, коробку вскрыли, и, ко всеобщему изумлению и почти ужасу, оказалось, что не только плоть цела, но и лицо приобрело румяный оттенок, а из разреза, сделанного ниже колена, текла кровь. Это была победоносная команда корабля, которая теперь везла драгоценный груз в Малакку. Они больше не боялись, потому что их корабль был святилищем, охраняющим мощи святого. Церемонии были впечатляющими, когда они достигли Малакки, хотя дон Альваро пренебрег даже замечанием о них; но когда судно вошло в гавань Гоа, великолепие приема, оказанного погибшему герою, превзошло все, что когда-либо видел Восток. Ксаверий покоится там до сих пор, и его тело все еще нетленно. Это было достойное завершение земной карьеры величайшего миссионера, которого знал мир со времен Апостолов. В 1622 году он был канонизирован вместе со своим другом Игнатием папой Григорием XV.

Разительным контрастом со всем этим великолепием является провал всех миссий на Мрачном Африканском континенте. Между 1547 и 1561 годами они посетили Конго и Анголу, но постоянного поста создано не было. В Каффрии отец Сильвейра и пятьдесят его неофитов приняли мученическую смерть. В 1555 году Нуньес, Карнеро и Овьедо были отправлены в Абиссинию, первый - в качестве патриарха, остальные - в качестве суфражисток. Впоследствии патриархат перешел к Овьедо, который был единственным, кто добрался до страны. Он был хорошо принят негусом Аснафом и получил разрешение осуществлять свое служение, но в 1559 году король был убит в битве, и его преемник изгнал миссионера и его небольшую паству в пустыню Адова, регион, прославившийся в наши дни катастрофическим поражением итальянских войск при встрече с Менеликом и его абиссинцами. Овьедо продолжал жить там в течение двадцати лет невероятных страданий. В 1624 году Паэсу, одному из его преемников, удалось обратить императора Социмоса в свою веру и заставить Абиссинию отречься от евтихианства, но когда Василид взойшел на трон в 1632 году, он предал иезуитов топорю палача. После этого Абиссиния оставалась закрытой для христианства до 1702 года.

Наиболее любопытная из этих попыток привлечь Африку к Вере произошла еще в 1561 году, когда Пий IV по просьбе патриарха Александрийского направил делегацию к коптам в попытке воссоединить их с Церковью. Среди папских представителей был иезуит по имени Элиано, который был обращенным евреем. Он был воспитан как строгий еврей, и когда его брат стал христианином, он поспешил в Венецию, чтобы призвать его к иудаизму. Произошло неожиданное. Сам Элиано стал христианином, а позже иезуитом. Поскольку он проявил большую активность в евангелизации своих бывших единоверцев, считалось, что в данном случае он был доступен, но, к сожалению, по прибытии в Александрию его узнали евреи, которые были там многочисленны и влиятельны, и последовал дикий бунт, голос, который громче всех кричал о том, что в его жилах течет кровь его собственной матери. Его друзья с большим трудом предотвратили его убийство. Он вернулся в Европу, и свои последние дни провел в Риме, где был дружелюбным соперником великого кардинала Фарнезе в заботе о бедных города. Они умерли в один и тот же день, и их скорбящие родственники считали их могилы святынями.

В западном мире первая миссионерская деятельность иезуитов была начата во владениях Португалии в Бразилии. После того, как Кабрал случайно открыл континент в 1500 году, ряд португальских дворян основали важные колонии вдоль побережья; и когда впоследствии некоторые французские кальвинисты под предводительством Вильеганьона попытались основать поселение в Рио-Жанейро, король поручил Томасу да Сузе объединить разрозненные португальские поселения и изгнать французских захватчиков. Он выбрал залив Всех Святых в качестве своего центрального пункта и там построил город Сан-Сальвадор. Были возведены укрепления, кафедральный собор, губернаторский дворец и таможня, а также большое количество домов для поселенцев. В отличие от Франции и Англии, Испания и Португалия не жалели денег на свои колонии. С да Соузой было шесть миссионеров-иезуитов, главным из которых был великий Нобрега. Им был выделен обширный участок земли на некотором расстоянии от Сан-Сальвадора, и там со временем возник город Сан-Паулу. В различных поселениях было чем заняться с белыми дегенератами, но наибольшую проблему представляли дикари. Они были каннибалами развитого типа, и никакая пища не радовала их больше, чем человеческое мясо. Что еще хуже, белые поселенцы поощряли их в их ужасных поступках, вероятно, в надежде, что они вскоре съедят друг друга.

Нобрега, полный решимости положить конец этим мерзостям, отправился к индейцам, говорил с ними по-доброму, исцелял их телесные недуги, защищал их от белых, и вскоре эти дикие существа стали считать его своим другом и благодетелем. Наконец, придя к выводу, что пришло время для мастерского удара, он однажды наткнулся прямо на группу женщин, готовивших искалеченное тело к сожжению, и с помощью своих товарищей унес труп. Это в одно мгновение перечеркнуло все их прошлые традиции, и, как следствие, все племя в ярости поднялось и столпилось у стен города, преисполненное решимости покончить с белыми. Но Союза вызвал свои войска, и, то ли индейцы были напуганы пушками, то ли смягчены добрыми словами губернатора, в результате они отступили и пообещали прекратить есть человеческое мясо. Этот дерзкий поступок имел дополнительный эффект, вызвав гнев колонистов против Нобреги и его сообщников. Однако было подчеркнуто, что каннибализм отныне является наказуемым преступлением, и за этим последовали большие результаты. Племя за племенем принимали миссионеров и обращались в христианство. Но было очень трудно сохранять их непоколебимыми в своей вере. Эпидемии или нехватки пищи было достаточно, чтобы заставить их вернуться к своим старым привычкам; более того, они легко поддавались влиянию полукровок, которые снова и снова побуждали их восстать против белых. Но да Союза был исключительным человеком и хорошо держал ситуацию в руках. Он преследовал индейцев до самых их логовищ, и, поскольку его карательные экспедиции почти всегда возглавлял священник с поднятым крестом, он часто примирял их без пролития крови.

Еще одно препятствие в этой работе по покорению было обнаружено в остатках старого французского гарнизона Вильганьона. Одно время им удалось объединить всех дикарей страны в лигу для истребления португальцев. Считавшийся неприступным форт Вильганьона был взят, и португальцы выигрывали битву за битвой, но война, казалось, никогда не закончится. В конце концов Нобрега взял дело в свои руки. "Позволь мне пойти, - сказал он, - посмотреть, не смогу ли я договориться об условиях мира с врагом". Это было рискованное предприятие, поскольку могло означать, что через несколько дней его тело будут жарить на костре в лесу, готовясь к дикарскому пиршеству. Но это его не остановило. Он и его товарищ-миссионер Анчиета отправились в путь и обнаружили, что индейцы обезумели от ярости против белых. Звучала просьба за просьбой, но тщетно. Наконец он заставил их пойти на некоторые уступки, а затем вернулся, чтобы объяснить ситуацию губернатору, оставив Анчыету наедине с индейцами. Однако они не причинили ему никакого вреда; напротив, он покори их сердца своей добротой и поразил их своими долгими молитвами, чистотой жизни, пророчествами и чудесной силой. Проходил месяц за месяцем, а от Нобреги все не было никаких вестей. Наконец губернатор, приняв условия, на которых настаивали индейцы, уступил, и был заключен мир.

Интересно узнать, что одинокий человек, который все это время оставался в лесу, Хосе Аньета, в совершенстве владел латынью, кастильским и португальским языками; помимо того, что он был немного сведущ в медицине, он был превосходным поэтом и даже известным драматургом. Он составил грамматики и словари родного языка после того, как вернулся туда, где были доступны перо и чернила; говорят, что он напечатал длинное стихотворение, которое обдумывал и заучивал наизусть в течение шести ужасных месяцев своего заточения. Он умер в 1597 году; но перед тем, как отправиться на небеса, он увидел, что маленькая группа из шести иезуитов, прибывших с Нобрегой, увеличилась до ста двадцати, а когда его карьера закончилась, еще сотня примчалась из Португалии, чтобы заполнить пробел.

Что касается Нобреги, то за день до смерти он отправился навестить своих друзей. "Куда ты идешь?" они спросили его. "Домой, в свою страну", - ответил он, и на следующее утро они стояли на коленях вокруг его гроба. Саути говорит, что "Нобрега и Анчиета так хорошо обучили своих учеников, что в течение полувека все народы вдоль побережья Бразилии, насколько простирались португальские поселения, были собраны в деревни под их руководством" (История Бразилии, х, 310). "Нобрега умер в конце шестнадцатого века, - говорит Ранке, - и в начале семнадцатого мы обнаруживаем, что гордое здание католической церкви полностью выросло в Южной Америке. Там было пять архиепископств, двадцать семь епископств, четыреста монастырей и бесчисленное количество приходских церквей." Конечно, при всем уважении к Ранке, все это не было работой иезуитов, но люди его круга во всем видят "иезуитство". Однако можно сказать, что они в немалой степени способствовали достижению этого результата.

В 1570 году Азеведо провел тридцать девять иезуитов с Мадейры в Бразилию. Одновременно еще тридцать человек на двух других кораблях отплыли из Лиссабона в то же место назначения. Но на следующий день после того, как группа Азеведо покинула Мадейру, знаменитый пират-гугенот Жак Сория напал на них, разрубил на куски прямо на палубе, а затем бросил искалеченные останки акулам. Удивительный Саути рассказывает об этом событии следующим образом: "Он поступил с иезуитами так, как они поступили бы с ним и со всей их сектой: предал их смерти". Когда новость достигла Мадейры, братья-мученики спели "Те Деум", который, как сообщает нам Саути, "был в такой же степени языком политики, как и фанатизма". Четыре дня спустя один английский и четыре французских крейсера, о которых Саути не сообщает, что ими командовал гугенот Капдевилль, поймали других миссионеров и выполнили свою работу так эффективно, что из шестидесяти девяти великолепных людей, с которыми Азеведо отправлялся в путь, только один прибыл в Бразилию. Борьба не закончилась резней. Шестидесять лет спустя тот же враг напал на миссии Пернамбуку в Бразилии, где "сто пятьдесят племен" — протестантский летописец называет их "ордами" — вступили в союз с португальцами и быстро продвигались вперед как в христианстве, так и в цивилизации; в Страстную пятницу 1633 года флибустьеры, пройдя в полночь через дымящиеся руины Олинды, напали на Гарассу ранним утром, когда жители собирались на мессу, в результате чего, по словам Саути, "мужчины, которые попадались им на пути, были перебиты, женщины раздеты догола". , и грабители с жестокостью вырвали серьги через ушную раковину и отрезали пальцы ради колец, которые были на них. Затем они разграбили и сожгли город".

Примерно в это же время подобный героизм был проявлен и в других частях света. Так, в 1549 году Рибейра был отравлен в Амбоине; подобная участь постигла Гонсалеса в 1551 году в Базаиме, Индия; в 1555 году три иезуита потерпели крушение на необитаемом острове по пути на Восток и умерли от голода; в 1573 году посетитель Японии Альварес и четверо его спутников пропали в море; а в 1575 году еще один иезуит умер в Анголе в Африке после четырнадцати лет жестокого заключения.

Однако на всем этом великолепии лежит тень. Симон Родригес, который был, так сказать, создателем всего этого апостольского энтузиазма, был очень близок к изгнанию из Общества. Он был кумиром Португалии, близким другом и советником короля Иоанна III, который неустанно продвигал миссионерскую деятельность в обширных регионах, над которыми он имел власть, как в Восточном, так и в западном мире. Это общение, однако, предполагало частые визиты ко двору, и вскоре привлекательность работы для Родригеса возросла, хотя со

свойственной ему неуверенностью он писал Ксавьеру и другим, чтобы сказать, что ему очень хотелось отправиться в миссии, и это желание он никогда не удовлетворял. Более того, его суждения при выборе миссионеров были наихудшими. Необученных новичков отправляли в большом количестве, и они, естественно, были признаны непригодными для работы, в результате чего им пришлось вернуться в Европу. Тем временем другое влияние вытесняло истинный дух Общества из души этого избранного человека, которого обучал сам Игнатий. Повальное увлечение умерщвлением плоти охватило Португалию, и Брау в своей "Жизни Святого Франсуа Ксавье" рассказывает нам, что нередко было видеть, как восемь или десять тысяч флагеллантов бичевали себя, когда они процессией проходили по улицам Лиссабона. Тамошние иезуиты, естественно, были затронуты этим движением, в результате чего, хотя в практике этой добродетели проявлялось большое рвение, домашняя дисциплина пострадала. Тот факт, что послушание было характерной чертой Общества, никогда не был до конца оценен или понят Симоном Родригесом, хотя он был одним из первых сподвижников святого Игнатия.

Астрейн в своей "Истории компании Иисуса в Испании" не придавал значения этому вопросу (I, xix). Действительно, провинциальность Родригеса в Португалии едва не привела к трагедии в истории Общества. Поддавшись популярному увлечению публичными покаяниями, его подданные уделяли мало внимания умерщвлению воли, в результате чего дезертирство из Общества в этой стране, как по количеству, так и по качеству, вылилось в общественный скандал. Наконец, отстранение Родригеса стало насущной необходимостью, но, к сожалению, его преемнику, отцу Мирону, прискорбно не хватало самих элементов благоразумия. Пренебрегая советом Фрэнсиса Борджиа и официального посетителя де Торреса, которые были отправлены с ним в качестве советников, он один отправился в Португалию и внезапно сместил Родригеса со своего поста. Поскольку Родригес был тогда почти обожаем народом Португалии и пользовался большим восхищением и любовью короля Иоанна III и всей королевской семьи, к ним следовало сначала обратиться и объяснить причину перемены. Пройти мимо таких преданных друзей, которые расточали благосклонность Обществу и которые могли причинить так много вреда, если их оттолкнуть, было не только в высшей степени невежливо, но и вопиюще невежливо. Любой другой, кроме Иоанна III, вполне мог бы не только изгнать их из Португалии, но и отозвать из Бразилии и Индии, в результате чего в Обществе, вероятно, никогда бы не было Анхиты или Франциска Ксаверия. К счастью, такое бедствие было предотвращено. Последующее управление Миром соответствовало его первоначальному действию, и когда, наконец, посетитель прибыл и восстановил нормальные условия в провинции, не менее ста тридцати семи членов провинции либо покинули Общество, либо были уволены.

Родригес был вызван в Рим и мог бы быть немедленно помилован, если бы признал свою вину, но он потребовал канонического суда. Поэтому были назначены несколько серьезных отцов, и их приговор был чрезвычайно суров, но Игнатий заставлял их пересматривать его снова и снова и смягчать. Он даже изменил их окончательный вердикт. Родригес больше никогда не возвращался в Португалию в официальном качестве.

Этот унижительный эпизод несколько замалчивается Кретино-Жоли, но историки-иезуиты, такие как Жуванси, Бру, Астрейн, Валиньяно, Поллен, не пытаются скрыть или смягчить его. Неудача Родригеса лишь иллюстрирует трудности, с которыми столкнулся святой Игнатий в том, чтобы заставить своих последователей осознать фундаментальную идею Общества.

Немецкий протестантский историк Паульсен потрясен, обнаружив, что в иезуитах, как правило, присутствует "что-то от безмолвного, но непрекращающегося действия сил природы. Без страсти, без призывов к войне, без агитации, без неумеренного рвения они никогда не прекращают наступать и почти никогда не вынуждены делать шаг назад. Уверенность, благоразумие и предусмотрительность характеризуют каждое их движение. На самом деле, это не привлекательные качества, - говорит он, - ибо тот, кто действует без какой-либо человеческой слабости, никогда не бывает дружелюбным". "Шаг назад", сделанный Родригесом в данном случае, должен был удовлетворить требования Полсена к той дружелюбности, которая, по его словам, связана с "человеческой слабостью". Нет нужды напоминать, что это любопытная психология, которая может находить дружелюбие в болезни или уродстве. Дружелюбие присуще человеку, который с этим мирится, а не обидчику. Анри Жоли в своей "Психологии святых" приводит еще один пример того пренебрежения фактами, которое так часто влияет на видение человека в погоне за теорией. Чтобы доказать удивительную власть, которую Игнатий оказывал над людьми, он рассказывает нам, что, когда Родригеса вызвали в Рим, "единственным чувством в его душе была почти безумная радость от того, что он снова увидел товарища своей юности, своего друга и учителя". Факты, изложенные выше, подразумевают, что в сознании Родригеса до, во время или после суда было что угодно, только не безумная радость, и факты также показывают, что иногда для этого требуется нечто большее, чем чудесная сила Святого. Игнатий способен контролировать даже святого человека под влиянием страсти или заблуждения.

Этот инцидент также рассеивает галлюцинацию о том, что все иезуиты созданы по одному образцу и, следовательно, легко узнаваемы как члены Ордена. Это далеко не так. Это правда, что, поскольку Общество управляется в определенной степени на военных принципах, его характерной чертой является веселое и быстрое повиновение. Генерал является верховным главнокомандующим и поддерживает связь с каждым членом организации; он может в любой момент определить, где находится данный человек, что он делает и каковы его хорошие качества и недостатки. Он может назначить его в любую страну или на любой пост; об отказе подчиняться не может быть и речи. Такова особая черта Общества, но помимо этого, оно представляет собой совокупность настолько разрозненных единиц, насколько только можно себе представить. Люди всех рас, условий, склонностей, стремлений и достижений, американцы, англичане, французы, итальянцы, испанцы, сирийцы, венгры, индусы, китайцы, японцы, мальгаши и другие живут в одном доме, следуют одним и тем же правилам и поддерживают абсолютный мир друг с другом. Любое нарушение братской любви осуждается и сурово наказывается, а продолжающиеся разногласия или мятежи означают изгнание. Эти люди, от высших до низших, не уклоняются от опасности — как настоящие солдаты, они жаждут ее; и их не угнетают повторяющиеся изгнания, изгнания, грабежи и преследования, которым всегда подвергалось Общество. Наученные опытом прошлого, они знают, что выйдут из борьбы сильнее и совершеннее, чем раньше, и добьются дальнейших отличий в битве за Бога.

ГЛАВА IV

ИЗВЕСТНЫЕ ЛИЧНОСТИ

Игнатиус — Лайнес — Борджиа — Беллармине — Толетус — Лессиус — Мальдонадо — Суарес — Луго — Валенсия — Петавиус — Варшавич — Николай — Поссевин — Виейра — Меркуриан.

ST. Игнатий умер 31 июля 1556 года. За свои короткие пятнадцать лет на посту генерала он видел, как некоторые из его сыновей отличились на одном из величайших церковных соборов; другие обратили вспять волну протестантизма в Германии и других местах; третьи снова обратили в веру значительную часть Востока; и третьи реорганизовали католическое образование по всей возрожденной Европе в масштабах, которые приводили в замешательство как по количеству созданных ими школ, так и по великолепию их успеха. Великие святые рождались в Обществе, а также за его пределами благодаря его служению. Тем временем его развитие было настолько велико, что небольшая группа людей, собравшаяся вокруг него несколько лет назад, выросла до тысячи с сотней заведений в каждой части мира.

Каким бы великолепным ни было это достижение, он не позволил ему навлечь какую-либо славу на себя лично. Напротив, он все больше и больше удалялся от общественного наблюдения и посвящал учреждению своих многочисленных и обычных благотворительных организаций среди самых скромных и заброшенных классов города Рима то время, которое у него оставалось от всепоглощающей заботы направлять, давать советы, увещевать и вдохновлять своих сыновей, которые были рассеяны по земле в постоянно меняющихся и опасных ситуациях. Дворцы великих редко, если вообще когда-либо, видели его, и он был самой положительной и стойкой противоположностью тому, в чем его так часто обвиняют: интригану, заговорщику, политику, отравителю общественной морали и тому подобное. Он также не стремился оказывать доминирующее влияние ни в Церкви, ни в государстве, в чем его клеветнически обвиняют. Слава Божья и продвижение духовного царства на земле были его единственной мыслью, и он был настолько далек от представления, что Общество было важным фактором в организации Церкви, что без колебаний сказал, что если бы оно было полностью разрушено, или, как он выразился, "если бы оно растворилось, как соль в воде", четверти часа размышлений о Боге было бы достаточно, чтобы утешить его и восстановить мир в его душе, при условии, что катастрофа произошла не по его вине.

Он не был, как его часто обвиняли, суровым, деспотичным, резким, тираническим; напротив, его манеры были в высшей степени обаятельными и привлекательными. Он любил цветы; музыка обладала способностью заставлять его забывать о величайшей телесной боли, а ночные звезды наполняли его душу восторженным блаженством. Он с бесконечным терпением выслушивал самого скромного и молодого человека, и каждая важная мера, прежде чем быть приведенной в исполнение, выносилась на обсуждение всеми, кто имел к ней какое-либо отношение. Правда, он проявлял сильное и откровенное негодование по поводу вопиющих ошибок и правонарушений, особенно если они совершались теми, кто пользовался властью в Обществе; его гнев, однако, был направлен не против виновника, а против вины. Более того, осуждая, он держал свои чувства под абсолютным контролем. Действительно, его долготерпение в делах Родригеса и Бобадильи поразительно, и очень сомнительно, что святой Франциск Ксаверий, которого он хотел видеть своим преемником, был бы таким же терпимым или мягким. В своих указаниях относительно предстоящих работ он не был ни дотошен, ни

скрупулезен, но оставлял максимально широкие возможности для личной инициативы; он также не потерпел бы повиновения, продиктованного рабским страхом. Он постоянно настаивал на том, что единственным мотивом действий в Обществе является любовь к Богу и ближнему.

Кроткий Лайонел Джонсон, каким бы поэтом он ни был, дает нам довольно точную оценку характера святого Игнатия. "В святых Испании, - говорит он, - часто выделяются черты рыцарства. Даже великий святой Иаков, апостол и патриарх Испании, предстает в испанской традиции и в испанском воображении как *кадальго*, рыцарь в сверкающей кольчуге, который прищипоривает своего белого боевого коня против мавров. И ни к кому из них это не относится в большей степени, чем к основателю Общества Иисуса. Кардинал Ньюман, описывая его в своей самой известной проповеди, не находит более подходящей фразы, чем "величественный патриарх Святой Игнатий, Святой Георгий современного мира, своим рыцарским копьем пронзивший корчащегося врага". Он всегда был бойцом, капитан-генералом людей, неукротимым, бесстрашным. Секрет его характера заключается в его воле; в ее дисциплинированной силе; в ее неизменной практичности; в ее целеустремленности и влиянии на другие воли. Вряд ли францисканская мягкость привлекла к нему его последователей, которые из знаменитой шестерки на Монмартре так быстро превратились в великую группу; это было не превосходство интеллекта или красноречия; это даже не было свидетельством его глубокой преданности и самоотречения. Это была его непревзойденная точность и упорство в достижении цели; это была его воля и ее метод. Но мы не можем обнаружить никаких следов тех гордых личных амбиций и властолюбия, которые ему часто приписывают. Он просто усвоил образ жизни, который был полезен религии, которая была для него всем во всем, и он не мог быть равнодушным к ее служению. *Благородство обязывает*, и христианин имеет патент от Царя царей. Иезуит А.М. Д.Г. был его руководящим принципом. Бывший героический солдат Испании все еще был солдатом, фехтовальщиком, стратегом, но в священной войне. Его глаза всегда были обращены к битве, но он был далек от того, чтобы быть неприступным, суровым, мрачным. Он был нежным и суровым и, подобно Данте, сосредоточивал свои мысли на тайнах добра и зла".

Его смерть соответствовала его жизни. В этом не было ни шоу, ни показухи, ничего "драматичного", как представляет себе Анри Жоли в своей "Психологии святых". Не было торжественного собрания его сыновей у его постели, никаких прощальных наставлений или благословений, как можно было бы ожидать от такого замечательного человека, основавшего религиозный орден, к которому были прикованы взоры всего мира. Он прекрасно понимал, что настал его последний час, и просто сказал Поланко, своему секретарю, пойти и попросить благословения у папы Римского. Поскольку врачи не сказали определенно, что существует какая-либо непосредственная опасность, Поланко спросил, может ли он отложить это на данный момент, поскольку необходимо оказать неотложную помощь; на что умирающий Святой ответил: "Я бы предпочел, чтобы вы ушли сейчас, но поступайте так, как кажется лучшим". Это были его последние слова. Он не оставил ни завещания, ни инструкций, и, что поначалу кажется непостижимым, он даже не попросил о Чрезвычайном Соборования — возможно, потому, что знал, что врачи расходятся во мнениях относительно серьезности его болезни, и он не хотел дискредитировать кого-либо из них; возможно, также, он сделал это для того, чтобы проиллюстрировать правило, которое он установил для своих сыновей: "проявлять абсолютное послушание во время болезни тем, кто заботится о теле". Когда, наконец, они увидели, что он действительно умирает, кто-то побежал за святыми маслами, но Игнатий уже был в агонии.

По той или иной причине он не назначил викария, который, согласно Конституции, должен был управлять Обществом, до тех пор, пока не будут регулярно избираться генералы.

Следовательно, поскольку условия времени не позволяли собрать исповедующих из разных стран Европы, отцы церкви, находившиеся в Риме, избрали Лаинеса. Поэтому он созвал паству на Пасху 1557 года, но как раз тогда случилось, что Филипп II и папа римский поссорились друг с другом, и ни одному испанцу не разрешили поехать в Рим. Из-за этого Борджиа, Араос и другие направили петицию о созыве собрания в Барселоне. Это разозлило папу, и он спросил Лаинеса, который изложил ему суть дела: "Ты хочешь присоединиться к расколу этого еретика Филиппа?" Тем не менее, когда папский нунций в Мадриде поддержал просьбу испанских иезуитов, его святейшество несколько смягчился и сказал, что подумает об этом.

Ситуация с папой римским, который не был слишком дружелюбен, была достаточно критической, когда произошло нечто очень поучительное и неловкое. Неугомонный Бобадилья, который не только голосовал за избрание Лаинеса викарием, но и служил под его началом в течение года, внезапно обнаружил, что все предыдущее разбирательство было недействительным, и он притворился, что, поскольку Святой Игнатий не назвал викария, управление Обществом перешло к общей массе исповедующих. Этот вопрос был обсужден Отцами Церкви, и его решение было отклонено, но он все еще настаивал и потребовал решения Карпи, главного защитника Общества. Когда этот чиновник заслушал дело, он вынес решение против Бобадильи, который немедленно обратился к Папе Римскому. На этот раз кардиналом, которому было поручено расследование, был не кто иной, как будущий святой Пий V. Он оценил ситуацию с первого взгляда и отверг Бобадилью почти с презрением. Был еще один нарушитель, Когордан, который, по-видимому, не возражал лично против Лаинеса, но отправил его святейшеству письменное сообщение, в котором говорилось, что Лаинес и некоторые другие действительно хотели поехать в Испанию, чтобы освободиться от римского контроля. Это настолько разгневало папу, что Лаинес, хотя и пользовался большим восхищением Павла IV, лишь с большим трудом добился аудиенции, а затем ему было приказано передать Конституции на экспертизу. К счастью, был послан тот же самый святой инквизитор, и Когордан никогда не забыл урок, полученный им в тот раз за то, что он осмелился предположить подобное о Лаинесе. Тем временем Филипп разрешил испанским иезуитам отправиться в Рим, и 2 июля 1558 года Лаинес был избран генералом. Как уже было сказано, говоря о Родригесе, этот инцидент является еще одной иллюстрацией огромной трудности задачи, которую взял на себя святой Игнатий, когда он собрал вокруг себя этих необычайно блестящих людей, которые привыкли принимать участие в диетах Империи, быть советниками принцев, королей и даже пап. Он предложил заставить их всех, как он сказал, "думать одинаково, согласно Апостолу". В конечном итоге ему это удалось.

Великолепная работа, проделанная Лаинесом на Тридентском соборе, естественно, сделала его видной фигурой в Церкви того времени. Лично он также был наиболее приемлем для правящего понтифика Павла IV; тем не менее, из-за давления извне в ряде случаев существовала неминуемая опасность внесения серьезных изменений в Конституции общества. Папу отговорили настаивать на большинстве из них, но он отказался удовлетвориться одним пунктом, а именно повторением Божественного Служения. Он настаивал на том, что ее нужно петь хором, как это было принято в других религиозных орденах. Лаинесу пришлось уступить, и какое-то время Общество подчинялось этому решению, но вскоре папа умер, и в течение года его преемник, Пий IV, объявил, что орден является всего лишь личным желанием его предшественника, а не указом Святого Престола.

Во время этого генералитета в различных частях Европы произошли серьезные беспорядки. Так, в Испании, когда Карл V удалился в уединение Юсте, он очень хотел иметь в качестве компаньона на пенсии своего многолетнего друга Франциска Борджиа. Трудно было воспротивиться выраженному желанию такого властелина, как Карл, но Лаинес преуспел, и Борджиа продолжал использовать свое огромное влияние в Испании, чтобы защитить своих братьев в буре, которая тогда бушевала против них. Беспорядки были и по всей Италии. В Венеции началось настоящее преследование; в Милане была предпринята попытка оттолкнуть святого Карла Борromeо; в Палермо был убит ректор колледжа. Самому генералу пришлось отправиться во Францию, чтобы встретиться лицом к лицу с врагами Веры на знаменитом Коллоквиуме в Пуасси; Канисий продолжал свою тяжелую борьбу в Германии; два иезуита приняли мученическую смерть в Индии, где, как и в Бразилии, члены Общества проявляли величайший героизм в выполнении своей опасной миссионерской работы.

Лаинес умер в 1565 году, и ему наследовал Фрэнсис Борджиа, который в течение многих лет был самым заметным грандом Испании. Он был маркизом Ломбейским, герцогом Гандийским и в течение трех лет занимал пост вице-короля Каталонии. Его близость с императором Карлом V, помимо его выдающихся личных качеств, естественно, привела к тому, что на него посыпались всевозможные почести. Астрейн в своей "истории общества в Испании" отмечает разницу в точке зрения, с которой на семью Борджиа смотрят испанцы и другие смертные. Первые всегда думают о святом Франциске, вторые видят только Александра VI. Однако это неудивительно, поскольку это одна из слабостей человечества - радоваться его величию и быть слепым к его недостаткам. Фрэнсис Борджиа был правнуком Александра по отцовской линии, и короля Фердинанда по материнской; однако в обоих происхождениях есть свои недостатки, на которые неприятно смотреть, и Суау говорит: "ему не повезло в его происхождении".

Родившийся 28 октября 1510 года, Борджиа начал свое обучение в Сарагосе, ненадолго прервав его, чтобы стать пажом инфанты Катарини, дочери Джоанны Безумной. В восемнадцать лет он был одной из блестящих фигур при дворе Карла V. В девятнадцать лет он женился на Элеоноре де Кастро, которая принадлежала к высшей знати Португалии, и в то время он был назначен маркизом Ломбейским. Когда ему было двадцать восемь, произошел знаменитый инцидент, ставший предметом многочисленных ораторских и живописных преувеличений, — его ужас при виде разлагающихся останков прекрасной императрицы Изабеллы и его решение навсегда покинуть двор и мир. Астрейн, говоря об этом событии, просто говорит: "он был глубоко тронут"; Суау в своей "Истории святого Франсуа де Борджиа" не упоминает о каком-либо душевном смятении и приписывает призвание Борджиа скорее последующим событиям. Болландисты не ручаются за историю его испуга, но отмечают, что он был единственным, кто осмелился приблизиться к гробу, остальные держались в стороне из-за неприятного запаха. Они добавляют, что его биографы заставляют его сказать: "Мирским князьям было дано достаточно". На самом деле, позже он охотно принял должность мажордома принца Филиппа, который собирался жениться на инфанте Португалии. Однако, поскольку король и королева Португалии отказались принять его в этом качестве, он был просто опозорен в глазах всей дипломатической Европы и вынужден был целых три года не появляться при дворе своего собственного государя. "Это и другие серьезные испытания того периода, - говорит Суау, - вероятно, развили в нем работу освящения, начатую в Гранаде".

Борджиа было тридцать шесть лет, когда в 1546 году умерла его жена, и затем он проконсультировался с отцом Фабером, который в то время находился в Испании, о

целесообразности вступления в религиозный орден. Он занимался Духовными упражнениями под руководством Овьедо и решил записаться в качестве одного из членов Компании, основанной Игнатием, с которым он некоторое время поддерживал связь. Он был принят и получил три года на то, чтобы уладить свои мирские проблемы. Специальным рескриптом папа разрешил ему немедленно принести обеты исповедания. В январе 1550 года ему было разрешено явиться для рукоположения в священники всякий раз, когда он находил это возможным. 20 августа того же года он получил степень доктора богословия и десять дней спустя с небольшой свитой отправился в Рим. Его сопровождали девять иезуитов, среди которых был отец Араоз, провинциал. В каждом городе его принимали официально, знать выходила встречать его в Риме. Он был роскошно размещен в доме иезуитов, часть которого святой Игнатий оборудовал за большие деньги, чтобы оказать честь знаменитому гостю. Вскоре, однако, поползли слухи, что его собираются сделать кардиналом, после чего он сбежал и поспешил в Испанию, без всякого блеска и огласки, которые окружали его три месяца назад. Его единственной целью было скрыться от наблюдения. Прибыв в Испанию, он посетил Лойолу, родину Игнатия, а затем поселился в эрмитаже Оньяте, где, получив разрешение императора, отказался от всех своих почестей и владений в пользу своего сына Карла. Он был рукоположен в сан священника 23 мая 1551 года.

После шести месяцев, проведенных в евангелизации басков, Борджиа был отправлен в Португалию, чтобы положить конец смутам, вызванным Симоном Родригесом, но прибыл в эту страну только в 1553 году. Между тем, как это ни печально, отец Араоз поразил всех, проявив сильную ревность к Борджиа, который стал независимым от всех начальников, кроме самого Игнатия, и потребовал, чтобы его бывший друг и благодетель поменьше показывался на публике и демонстрировал большее смирение. Его жалобы были непрерывными, и, к сожалению, случайная непопулярность, затронувшая всю семью Борджиа, которая как раз тогда возникла, придала некоторую окраску обвинениям. Тем временем папа снова настоял на том, чтобы присвоить Борджиа звание кардинала, и на мгновение Надаля, генеральный комиссар Испании, испугался, что оно может быть принято не из-за каких-либо амбиций со стороны Франсиска, а из-за его глубокого почтения к воле Суверенного понтифика, тем более что он еще не произнес простого обета исповедуемых против получения церковных почестей. После чего Игнатий приказал ему принести обет, и с этого момента его совесть была спокойна в вопросе о том, что он идет вразрез с желаниями папы.

В 1554 году он был назначен генеральным комиссаром вместо Надаля, который был вызван в Рим для оказания помощи Игнатию, ныне слабеющему. Назначение Борджиа на такой пост было в высшей степени экстраординарным по той причине, что он так недолго пробыл в Обществе и никогда не занимал подчиненного положения. Сложность его задачи усугублялась тем фактом, что ему было поручено разделить испанскую часть Общества на четыре отдельные провинции и взять на себя в этом и других вопросах обязанности и функции должности, которая не имела определенных ограничений и которая неизбежно привела бы его к конфликту с другими начальниками. На самом деле комиссариат был настолько неуклюжим изобретением, что с ним вскоре пришлось покончить.

Араос и раньше был в ссоре с Надалем, но ему было еще труднее ладить с Борджиа. Этот унижительный антагонизм продолжался некоторое время, и говорят, что старое светское

превосходство вице-короля время от времени проявлялось в Борджиа. Его диктаторские методы правления, его возмущение вмешательством в его планы, даже когда Нададь разговаривал с ним, показывали, что он еще не был святым-иезуитом. Как будто он все еще обладал неограниченными доходами, он основал не менее двадцати новых домов; и, когда не было достаточных средств для их содержания, он ожидал, что его подданные будут жить в бедности, несовместимой с общим содержанием и губительной для существования институтов. Более того, его давняя склонность к великому умерщвлению плоти проявилась до такой степени, что возникла опасность того, что подчиненные ему иезуиты станут картезианцами в своем образе жизни. Действительно, он придерживался мнения, что старая монастырская тюрьма и колодки должны быть введены в Обществе, и он направил *postulatum* или петицию на этот счет конгрегации, которая избрала Лаинеса. Результатом стало то, что в Испании начал проявляться дух восстания, и Нададь, который временно находился там, был счастлив, когда его отозвали в Рим.

Трудно сказать, как все это можно согласовать с, по общему признанию, замечательным благоразумием святого Игнатия и его глубоким знанием характера тех, с кем ему приходилось иметь дело. Возможно, он получил какое-то божественное указание на то, кем Борджиа еще предстоит стать? С другой стороны, следует иметь в виду, что эти единичные случаи нетерпения, властности, негодования и тому подобного, естественно, привлекают больше внимания, когда наблюдаются у человека, обладающего блестящими качествами, чем у любого обычного персонажа. Более того, они возникали только в его отношениях с иезуитами того же официального положения и никогда не отмечались, когда ему приходилось иметь дело с рядовыми людьми, которые были вверены его заботе и руководству. В любом случае, это были ошибки в суждениях, а не порочность воли. Действительно, он так стремился обрести добродетель послушания, что впал в состояние почти уныния и огорчения, когда его предупредили, что Игнатий не одобрит его методы и меры. В конце концов, тогда он был только на пути к святости; он еще не достиг ее.

Однако следует признать, что Нададь был совсем не доволен позицией Борджиа и других испанских иезуитов, когда прозвучал призыв к избранию нового генерала. Он полагал, что это было началом раскола. Когда, как указывалось ранее, Филипп II разрешил испанским делегатам посетить конгрегацию, Борджиа остался в Испании. Страх перед красной шляпой все еще преследовал его. Знаменитый *постулат* о тюрьме и запасах, который он послал прихожанам, был, конечно, немедленно отвергнут. У Борджиа, однако, были и другие причины не ехать в Рим. Несколько испанских городов подняли оружие против Общества; Мельхиор Кано открыто напал на него в церкви; книга, которую он написал или в написании которой обвиняли, была осуждена инквизицией, и он ожидал, что его немедленно арестуют; о его характере также говорили злые вещи. К несчастью, Араос воспользовался всем этим и начал писать генералу серию обвинительных писем против Борджиа, и, хотя его за них упрекнули и публично возместили нанесенный им ущерб, вскоре он вернулся к своему обычному антагонизму. Чтобы положить всему этому конец, Лаинес вызвал Борджиа в Рим и присвоил ему звание помощника. Даже этот урок Араос не смог принять близко к сердцу.

Франциск добрался до Рима только в 1561 году. В следующем году, когда Лаинесу пришлось присутствовать на вновь открывшемся Совете Трента, он назначил Борджиа генеральным викарием, а когда Лаинес умер в возрасте пятидесяти трех лет в январе 1565 года, конгрегация, созданная в июле того же года, избрала Борджиа на его место. В то же время были приняты

строгие законы против поспешного умножения палат и неизбежного отсутствия формирования, которое последовало за этим. Это было уведомление, врученное новому генералу, чтобы сдерживать его рвение в этом направлении. Борджиа учредил послушничества в каждой провинции; он распространил книгу упражнений и установил правила для обычной жизни, которые из-за огромного роста Общества теперь стали делом первостепенной важности. Вместо того чтобы проявлять какую-либо склонность к отшельнической жизни или желать навязать ее Обществу, он привел пример огромной и интенсивной активности в общественных делах. Таким образом, он имел большое отношение к пересмотру Библии, переводу "Катехизиса" Тридентского собора; основанию пропаганды; и, опуская другие примеры своих административных способностей, когда в 1566 году в Риме разразилась чума, он так успешно организовал финансовую и медицинскую машину города, что два года спустя, когда чума появилась снова, все государственные средства были немедленно переданы в его руки.

Впечатление о том, что его администрация была суровой, требовательной, резкой и ограниченной, на самом деле не имеет под собой никаких оснований. Достаточно взглянуть на пять объемистых томов, составленных в основном из переписки и документов "Monumenta Borgiana", чтобы убедиться в обратном. Доброта, сострадание, даже радостность прослеживаются в них на каждой странице. Он даже вел список всех больных в Обществе и утешал их при каждом удобном случае. Обширность его переписки просто поражает; его письма адресованы самым разным людям, как самым низким, так и самым высоким, и затрагивают самые разнообразные темы. Наконец, не было генерала, который развивал миссии Общества так широко и так основательно, как святой Франциск Борджиа. Он реформировал государства Индии и Дальнего Востока, создал государства Америки, и перед смертью утешился тем, что шестьдесят шесть его сыновей приняли мученическую смерть за Веру во время его генералитета. Открытие его святым Игнатием послужило источником вдохновения, поскольку Борджиа - одна из величайших фигур Общества. Он закончил свою замечательную жизнь великолепным актом послушания Папе и преданности Церкви.

27 июня 1571 года святой Пий V, его близкий друг, попросил его сопровождать кардинала Бонелли в посольстве в Испанию и Португалию. Он как раз тогда выздоравливал после тяжелой болезни и был совершенно уверен, что путешествие приведет к его смерти, но все же принял вызов. В Испании его приняли с самым диким энтузиазмом. Действительно, папский легат был почти забыт за бурными овациями публики. Португалия также оказывала ему почести, и когда в соответствии с новыми приказами папы посольство продолжило путь во Францию, чтобы умолять Карла IX и Екатерину Медичи, в этой стране его приняли таким же образом. 25 февраля он покинул Блуа, но к тому времени, когда добрался до Лиона, у него началась заложенность легких. Из Лиона маршрут пролегал через покрытую снегом гору Сенис и продолжался через Турин в Александрию, куда они прибыли 19 апреля.

Поскольку состояние больного было слишком тяжелым, чтобы позволить ему ехать дальше, его родственник, герцог Феррарский, оставил его у себя на лето до 3 сентября, когда был предпринят еще один отъезд в Рим, где он хотел умереть. Последний этап его путешествия причинил ему невыразимые страдания, но он никогда не жаловался. 28 сентября он прибыл в дом исповеди в Риме, и толпы кардиналов и прелатов поспешили повидаться с ним, чтобы получить его благословение, поскольку в народном сознании он уже был канонизирован. В течение двух дней он оставался в полном сознании, время от времени беседуя с окружающими, но большую часть времени был поглощен молитвой. Когда его попросили назвать имя его

викария, он рассмеялся и сказал: "У меня достаточно дел, чтобы дать отчет о моем собственном управлении". Ближе к вечеру он потерял дар речи и около полуночи мирно скончался, завершив карьеру, с которой трудно было бы сравниться по романтичности, — великолепный гранд Испании, герцог, вице-король, любящий друг величайшего властелина на земле, а теперь умирает в бедной комнате священника-иезуита, искупая своей великолепной святостью те оскорбления, которые сделали имя семьи, к которой он принадлежал, достоянием гласности. синоним всякого рода беззакония.

Вслед за святым Франциском Борджиа пришел ряд людей, прославивших Церковь и Общество, некоторые из них были самыми выдающимися теологами современности, а другие действовали как дипломатические агенты великих наций Европы в предварительных, но обычно безуспешных попытках воссоединить христианский мир. Мы имеем в виду Беллармина, Толетуса, Суареса, Петавиуса, Поссевина и Виейру.

Говоря о Беллармине, Эндрю Уайт в своей книге "Конфликт науки и религии" сообщает нам, что "в Беллармине, должно быть, был сорт шотландского виски из-за его имени Роберт" — типичная иллюстрация ненадежности Эндрю Уайта как свидетеля. Первый Роберт, который появляется в истории Шотландии, является сыном Вильгельма Завоевателя и, следовательно, нормандцем. Даже имя Роберта Брюса часто встречается как Роберт де Брюс, точно так же, как есть Джон де Балиоль; Роберт де Пинкени и т.д. Есть также Роберт Арбриссельский, связанный с Урбаном II проповедью Крестовых походов; Роберт Женевский, антипапа; Роберт де Лузарш, который имел отношение к строительству Собора Парижской Богоматери, и можно привести множество других.

Роберт Беллармин родился в Монтепульчано в 1542 году. Он был племянником папы Марцелла II и после вступления в Общество был немедленно допущен к своим обетам. Он три года изучал философию в Римском колледже, а затем был назначен преподавать гуманитарные науки. В 1567 году он начал изучать богословие в Падуе, но ближе к концу своего курса отправился в Лувен, чтобы вблизи изучить преобладающие ереси того времени. Во время пребывания там его репутация проповедника была такова, что послушать его приезжали протестанты из Англии и Германии. В 1576 году он был отозван в Рим, чтобы занять недавно созданную кафедру полемики, и лекции, которые он читал в то время, легли в основу его замечательного труда "О полемике". Оно оказалось настолько всеобъемлющим, окончательным и убедительным по своему характеру, что в протестантских странах были учреждены специальные кафедры для его опровержения. Оно по-прежнему остается классическим. Достаточно странно, что, хотя Сикст V разрешил посвятить это произведение ему, позже он решил включить его в Указатель, поскольку оно давало Святому Престолу лишь косвенную власть в мирских вопросах. Но он умер, так и не приведя в исполнение свою угрозу, и его преемник, Григорий XIII, особо одобрил книгу и назначил ее автора членом комиссии по пересмотру Вульгаты, которую открыл Сикст, но в которую вкрались определенные недостатки. По предложению Беллармина редакция была названа "Шестидесятилетним изданием", чтобы спасти репутацию покойного понтифика.

В 1592 году он был ректором Римского колледжа, а в 1595 году - провинциалом Неаполя. В 1597 году он был назначен теологом папы Климента VIII, экзаменатором епископов, консультантом Святой канцелярии, кардиналом в 1599 году и ассессором Конгрегации "de Auxiliis", которая была учреждена для разрешения спора между томистами и молинистами по вопросу о согласовании действия Божественной благодати со свободной волей человека. Беллармин хотел, чтобы это

решение было отложено, но папа не согласился с ним, хотя впоследствии он принял это предложение. Тем временем папа посвятил его в сан архиепископа Капуи, и ему дважды грозила опасность возведения на папский престол. Он пробыл в Капуе всего три года, а остаток своей жизни провел в Риме в качестве главного теологического советника Святого Престола. В этот период произошел спор между Венецией и Святым Престолом, в ходе которого Беллармин и Барониус выступили против притязаний Паоло Сарпи и Марсильо, защитников Республики. В то время также рассматривалась английская клятва верности. В этом споре Беллармин оказался в конфликте с Яковом I английским. Он также был замечен в деле Галилея. Его жизнь была настолько замечательна своей святостью, что несколько раз выдвигалась причина его беатификации, но тогда не было принято никаких мер, потому что его имя было связано с доктриной папской власти, которая была крайне неприятна французским политикам-регалистам. Однако недавно он был введен вновь.

Когда Байус, теологический декан Лувена, впервые затронул тему своих заблуждений относительно благодати, ему ответил Беллармин; а в 1579 году, когда он снова защищал их, за него взялся Толетус, который, опровергнув его, побудил его признать свою ересь перед объединенными факультетами университета. В отличие от Беллармина, который был благородных кровей и племянником папы римского, Толетус происходил из очень скромных испанских семей. Роза говорит, что он был одним из "новых христиан", то есть еврейской или мавританской крови. Он родился в Кордове в 1532 году и, следовательно, был на десять лет старше своего друга и собрата-иезуита Беллармина. Он учился в Саламанке, где его учитель, знаменитый Сото, описал его как интеллектуального вундеркинда; должно быть, он был таковым, поскольку в пятнадцать лет занял кафедру философии. Он вступил в Общество в 1558 году и был направлен в Рим в качестве профессора богословия. Он был назначен теологом и проповедником Пия V, Григория XIII, Сикста V и Урбана VIII последовательно. Он сопровождал кардинала Коммендоне в его дипломатическом визите в Германию, чтобы сформировать лигу против турок, точно так же, как Беллармину было поручено отправиться с Гаэтано во Францию во время смуты гугенотов. В 1593 году он стал кардиналом, а в 1595 году убедил папу Климента даровать Генриху IV отпущение грехов, которое принесло мир во Францию. Он предупредил понтифика, что отказ в этом случае был бы тяжким грехом. Вскоре после этого он был назначен легатом в эту страну, но, поскольку он оскорбил своих соотечественников, проявив враждебность к Филиппу II в вопросе престолонаследия Генриха IV, было сочтено целесообразным послать кого-то другого вместо него. Он умер в следующем году, и это дало повод ныне дискредитировавшему себя историку д'Этуаль заявить, что испанцы отравили его.

Труды Толетуса очень многочисленны. Боссюэ был большим поклонником его "Наставлений священникам", в которых, как и в его "Комментариях", его враги обнаружили "слабые" принципы вероятностного подхода, ультрамонтанизма и тому подобного, и его обвиняли даже в лжесвидетельстве, симонии и цареубийстве. Он был проповедником и богословом четырех пап, советником князей и великим защитником Веры в северных странах. Кабассут, один из самых образованных французских ораторов времен правления Людовика XIV, заявил, что нам придется подождать несколько столетий, прежде чем появится человек, равный кардиналу Толетусу. Таннер говорит, что его жизнь не могла бы быть более полезной для Иисуса Христа, если бы он путешествовал по всей земле, проповедуя Евангелие. Григорий XIII с негодованием осудил то, что он назвал ложью тех, кто нападал на его характер. "Мы противопоставляем этой клевете наше собственное свидетельство, - писал он, - и мы подтверждаем со всей правдивостью, что он, бесспорно, самый образованный человек из ныне живущих; мы еще

более высокого мнения о его честности и безупречной жизни. У нас были личные доказательства того и другого. Мы знаем его в совершенстве и свидетельствуем о том, что знаем. Мы умоляем ваше Высочество полностью поверить в истину и искренность нашего свидетельства и отныне считать этого человека истинным слугой Иисуса Христа, удивительно полезным для всего христианского мира". Эти слова были произнесены до того, как Толетус облачился в пурпур. Он снова появится на выборах Аквавивы.

Очень разгневанный наказанием, которое он получил от Беллармина и Толетуса, Байус набросился на Лессиуса, который в то время преподавал в иезуитском колледже в Лувене, где, действуя на основе дезинформации, университет осудил тридцать четыре утверждения, которые приписывал ему Байус. Лессиус заявил, что они не принадлежат ему, но университет отказался принять его слова. Поэтому Байус продолжал обличать Лессиуса в частности и иезуитов в целом как лютеран и еретиков. После чего не только другие университеты, но и вся страна подняли спор. Когда вопрос в конечном итоге был передан папе, он ответил, что сам преподавал ту же доктрину, что и Лессиус. Помимо того, что Лессиус был одним из величайших богословов Общества, он отличался святостью своей жизни. Папа Урбан VIII, издавший такие строгие законы о канонизации и лично знавший Лессиуса, отдал особую дань его святости. Теперь он, как и Беллармин, причислен к почтенным, и процесс его беатификации продолжается.

Другим великим богословом-иезуитом того периода был испанец Хуан Мальдонадо, родившийся в 1533 году в Касас-де-Рейна, примерно в шестидесяти шести лье от Мадрида. Он поступил в Университет Саламанки, где изучал латынь у двух слепых профессоров. Он изучал греческий у Эль Пинчиано, философию у Толетуса и теологию у Сото. Он был наделен потрясающей памятью и никогда не забывал ничего из того, что когда-либо узнал. Сначала он стремился к юриспруденции, но затем обратился к теологии, а после получения докторской степени преподавал теологию, философию и греческий язык в университете. Он вступил в Общество в 1562 году, а в следующем году был рукоположен в сан священника. Он читал лекции по Аристотелю в новом колледже Клермона в 1564 году, а затем преподавал теологию в течение четырех последующих лет; после годичного перерыва он продолжал свои курсы до 1576 года. Его лекции привлекали такие толпы, что временами зал заменялся внутренним двором колледжа. Он был назначен членом комиссии по пересмотру Септуагинты; его знание латыни, греческого, иврита, сирийского, халдейского и арабского языков, а также всесторонние знания истории, первых Отцов Церкви и всех ересей обеспечили ему первое место среди толкователей Священного Писания своего времени. По мнению Корнели, его "Комментарии к Евангелиям" - лучшие из когда-либо опубликованных. Прежде всего, он был человеком исключительной святости, наделенным необычайным чутьем к православию и непоколебимым мужеством в борьбе за Церковь, пока у него была жизнь. "Его постоянным желанием, - говорит Прат, - было сделать так, чтобы все, за что берется Общество, несло на себе отпечаток величия и святости, которые святой Игнатий наложил на Институт".

Был также великий Суарес, который родился в Гранаде в 1548 году и стал иезуитом в 1564 году. Папа Павел V назначил его ответчиком королю Англии Якову и хотел оставить его в Святом городе, но Филипп II потребовал его в Коимбру, чтобы придать престиж университету. Когда он посетил Барселону, доктора университета вышли ему навстречу, чтобы воздать почести. Боссюэ заявил, что в его трудах содержится вся схоластическая теология. В схоластике он основал собственную школу и модифицировал молинизм своей системой конгруэнтности. Его

книга "О защите веры" была сожжена в Лондоне по королевскому приказу и запрещена как содержащая доктрины, направленные против власти монархов. Одно издание его сочинений состояло из двадцати трех, а другое - из двадцати восьми томов in folio. Де Скорай написал замечательную биографию этого великого человека.

Кардинал де Луго также должен быть включен в этот каталог; действительно, он один из самых выдающихся теологов современности. Его раннее развитие в детстве было почти сверхъестественным, он читал книги, когда ему было три года, и принял постриг в десять; в четырнадцать лет он защитил публичную диссертацию по философии, и примерно в то же время Филипп II назначил его на церковный бенефис. Он изучал юриспруденцию в Университете Саламанки, но вскоре последовал за своим братом в Общество. После преподавания философии в Медина-дель-Кампо и теологии в Вальядолиде он был вызван в Рим на должность профессора теологии. Его лекции были распространены по всей Европе еще до того, как их напечатали, и только по приказу начальства он оформил их в виде книги. Между 1633 и 1640 годами он опубликовал четыре тома, которые охватывают всю область догматического богословия. Их характерной чертой является то, что в них практически нет повторения того, что уже было сказано другими авторами. Святой Альфонс Лигуори ставил его всего лишь чуть ниже святого Фомы Аквинского, а Бенедикт XIV называет его "светом Церкви". Он был возведен в сан кардинала в 1643 году.

Уважаемый отец Лемкюль поместил четыре длинные колонки в "Католической энциклопедии", чтобы выразить свое восхищение Грегори де Валенсией, который родился в 1541 году и умер в 1603 году. Он приехал из Медины в Испании и изучал философию и юриспруденцию в Саламанке, когда, привлеченный проповедью отца Рамиреса, он поступил в послушничество и имел честь пройти обучение у Бальтасара Альвареса, который был одним из духовных наставников Святой Терезы. Святой Франциск Борджиа призвал его в Рим, где он преподавал философию с таким отличием, что вся Северная Германия и Польша ходатайствовали о его назначении в свои университеты. Его перевели в Диллинген, а два года спустя в Ингольштадт, где он преподавал в течение двадцати четырех лет. Его "Комментарий" в четырех томах к "Сумме богословия" святого Фомы является одним из первых всеобъемлющих богословских трудов Общества. Он написал около восьми полемических трактатов для войны с лютеранством, которая в то время была доведена до белого каления; но он не был согласен со своим другом фон Шпее в вопросе о колдовстве. Фон Шпее хотел упразднить как суды, так и судебные процессы; Грегори считал, что их суровость можно было бы смягчить. Он имел большое отношение к изменению взгляда в моральном богословии на предмет ростовщичества; и два последних тома его великого труда "Анализ веры католической" завершаются доказательством папской непогрешимости, которое почти буквально выражает определение Ватиканского собора.

В 1589 году он был вызван в Рим, чтобы принять участие в великой теологической битве о благодати. Поставленная перед ним задача состояла в том, чтобы доказать ортодоксальность Молины, что он сделал так эффективно и с таким непревзойденным мастерством, что и друзья, и враги присудили ему пальму первенства. Но битва еще не закончилась, поскольку было выдвинуто обвинение в том, что отдельные утверждения, взятые из книги Молины, противоречат святому Августину. Следовательно, все высказывания св. Работы Августина должны были быть изучены; тщательное изучение, которое, конечно, требовало бесконечного и изнурительного труда, но он так энергично взялся за эту задачу, что, когда дебаты возобновились, его здоровье

пошатнулось, и ему разрешили оставаться на месте во время дискуссий. Томас де Лемос был его противником на этом этапе. На девятой сессии силы Грегори оставили его, и он потерял сознание прямо в кресле. Его враги говорили, что это произошло потому, что папа упрекнул его в вмешательстве в дела св. Текст Августина, но поскольку его святейшество наградил его титулом "Doctorum doctorum", это обвинение должно быть отнесено к той же категории, что и другое, в котором иезуитов обвиняли в отравлении Климента VIII, чтобы помешать ему осудить их доктрину.

Согласно "Всемирной биографии", Дени Петау, или Петавиус, был одним из самых выдающихся ученых своего времени. Он родился в Орлеане 21 августа 1583 года и там начал свое обучение. Позже он отправился в Париж и по окончании курса философии защитил диссертацию по греческому языку. Он не любил отдыхать, но часто посещал королевскую библиотеку и развлекался коллекционированием древних рукописей. Именно во время этих исследований он познакомился со знаменитым Кейсобоном, который убедил его подготовить издание трудов Синезия. Занимаясь этой работой, он был избран на кафедру философии в Бурже, хотя ему тогда было всего девятнадцать лет. Как только он был рукоположен в сан священника, его сделали каноником кафедрального собора его родного города. Там он познакомился с отцом Фронтонем дю Дюком и вступил в Общество. После послушничества он был направлен в университет Понт-а-Муссона на курс теологии. Затем он преподавал риторику в Ла Флеше, а оттуда отправился в Париж. В это время его здоровье пошатнулось, и он занялся подготовкой некоторых работ, которые Кейсобон ранее советовал ему опубликовать. В 1621 году он сменил Фронтоня дю Дюка на посту профессора позитивного богословия и оставался на этом посту в течение двадцати двух лет со все возрастающими отличиями.

Свободное время Петау посвящал расшифровке старинных рукописей и изучению истории. Каждый год из его рук выходила какая-нибудь новая книга; между тем его обширная переписка и ответы критикам требовали огромного количества другой работы. Несмотря на мягкий нрав от природы, его полемика, к сожалению, приобрела резкий и оскорбительный тон того периода. Это был общепринятый метод. Его великая работа по хронологии появилась в 1627 году и вызвала всеобщие аплодисменты; Филипп IV Испанский предложил ему кафедру истории в Мадриде, но он отказался по состоянию здоровья. В 1637 году он посвятил папе Урбану VIII "Пересказ Псалмов греческими стихами", за что был приглашен в Рим, но избежал этой чести под предлогом возраста. На самом деле он был так напуган перспективой стать кардиналом, что опасно заболел и выздоровел только тогда, когда его имя было вычеркнуто из списка. Он прекратил преподавать в 1644 году, всего за восемь лет до своей смерти. Полный список его книг занимает двадцать пять столбцов в каталоге иезуитских публикаций Зоммервогеля. Они касаются хронологии, истории, полемики и истории догм. Его "Богословские догматы" являются неполными, поскольку не вышли за рамки пятого тома.

В те дни многие сановники Церкви были чрезвычайно преувеличенно уверены в том, что иезуиты обладают особыми способностями к разрешению политико-религиозных трудностей, которые нарушали мир в Европе. Таким образом, мы находим, что отец Варшавич был отправлен в Швецию в 1574 году, чтобы укрепить решимость короля этой страны, который под влиянием своей королевы-католички желал вернуть нацию к вере. Варшавич появился при дворе короля Иоанна не как представитель папы римского, а как посол короля Польши, который состоял в родстве с королевой Екатериной. Именно она предложила такой способ приблизиться к королю. Соответственно, частные встречи с монархом проводились в течение

целой недели, по пять и шесть часов подряд, поскольку Джон гордился своей богословской эрудицией. Он согласился восстановить католицизм в своем королевстве при условии, что чаша будет дарована мирянам и что будут разрешены браки духовенства и замена шведского языка латынью в литургии. У него не было никаких затруднений с вероучением Церкви.

Условия короля были, конечно, неприемлемы, и в 1576 году отца Николая послали посмотреть, сможет ли он убедить его изменить свое требование. Согласно "Реальной энциклопедии протестантского богословия и кирхи" и Бемер-Моно, Николай представлял себя лютеранским священником и преподавал в протестантских семинариях. "Настоящая энциклопедия" добавляет: "ему почти удалось контрабандой пронести то, что фактически было римской литургией". Но, во-первых, эта "литургия" не была "ввезена контрабандой" иезуитом или кем-либо еще. Он был введен королем и использовался до его смерти, которая наступила семнадцать лет спустя (Католическая энциклопедия). Во-вторых, Николай не мог выдавать себя за священника, поскольку он дал понять, что учился в Лувене, Кельне и Дуэ, которые были католическими семинариями. Это правда, что он не заявлял, что он иезуит; но, конечно, можно быть католиком, не будучи иезуитом. Более чем вероятно, что школа была своего рода объединенной семинарией, которая стремилась прийти к примирению, поскольку, по словам короля, то, что разделяло эти две секции, было всего лишь вопросом церковных обычаев. Наконец, аугсбургское вероисповедание не было признано в Швеции государственной религией до 1593 года. Если бы Николай защищал доктрины Лютера либо с кафедры, либо с профессорского кресла, он был бы немедленно изгнан из Общества.

Следующим иезуитом, появившимся в Швеции, был Энтони Поссевин, итальянец из Мантуи, родившийся то ли в 1533, то ли в 1534 году. Он начал свою карьеру в качестве секретаря кардинала Эрколе Гонзаги и стал иезуитом в возрасте двадцати пяти лет. Он многого добился во Франции как проповедник и основатель колледжей, а в 1573 году был назначен секретарем Общества при Меркуриане. В 1577 году он был направлен в качестве специального легата папы римского к Иоанну III Шведскому, а также ко дворам Богемии и Баварии, чтобы заручиться их поддержкой Иоанна в случае определенных политических осложнений. Эти политические особенности миссии делали ее очень нежелательной для иезуитов из-за их возможной реакции на все общество. Но поскольку приказ исходил от папы римского, а главной идеей миссии было обращение короля и всей Швеции в христианство, попытка была предпринята, несмотря на ее возможные последствия.

Как и его предшественник, он не появлялся ни в облачении священника, ни даже в качестве папского легата. Такое вряд ли допустили бы в такой протестантской стране, как Швеция, но он прибыл в качестве чрезвычайного посла императрицы Германии, вдовы Максимилиана II. С ним были еще два иезуита — англичанин Гуд и француз Фурнье. Кретино-Жоли вполне подходит ирландцу, но в английской "Менологии" за 5 июля говорится, что он родился в Гластонбери в Сомерсетшире и был одним из первых англичан-мужчин, принятых в Общество. После послушничества его отправили в Ирландию, где он в течение четырех лет трудился под началом архиепископа Арма. Затем он сопровождал Поссевина в Швецию и Польшу и, проведя в последней стране четыре года, умер в Неаполе в 1586 году.

Когда Поссевин закончил обсуждать политическую ситуацию с королем, он приступил к своей работе в качестве посла Господа. У него было много частных бесед с его величеством, и он убедил его в своих ошибках в вопросах веры; но король настаивал на вопросах дисциплины и

богослужения, которые не могли быть соблюдены. Короче говоря, он был католиком, но государственные соображения не позволяли ему делать какие-либо публичные заявления. Однако 16 мая 1578 года он решил сделать этот шаг, и в одной из комнат его дворца был воздвигнут алтарь. Там он присутствовал на мессе и в присутствии королевы, губернатора Стокгольма и своего секретаря объявил себя католиком. Но он все еще колебался, сообщать ли об этом своему народу, и умолял Поссевина вернуться в Рим, чтобы посмотреть, не сможет ли он получить разрешение, о котором уже просил, — например, Причастие обоими видами, мессу на шведском, брак священников, который, как знал Поссевин, никогда не будет предоставлен. Однако он отправился в Рим с семьей молодыми новообращенными и отправил двух иезуитов в Стокгольм в качестве проповедников. Он также подготовил других в Австрии, Польше и Моравии и договорился с императором Рудольфом выдать свою дочь замуж за сына короля Иоанна, Сигизмунда. Наконец он добрался до Рима, но конгрегация кардиналов, разумеется, отклонила малодушную петицию короля.

Несмотря на эту неудачу, затем Поссевин был направлен легатом в Россию, Литву, Моравию, Венгрию и, в целом, во все страны Севера; в то время как Филипп II Испанский доверил ему конфиденциальную миссию к королю Швеции. В Баварии он должен встретиться с герцогом; в Аугсбурге он договаривается для папы римского со знаменитой банковской фирмой Фуггера, Ротшильдами тех дней, которые так заметно фигурировали в вопросе об индульгенциях во времена Лютера. Оттуда он направился в Прагу, чтобы передать послание императору, а в Вильно посовещался с Батори, королем Польши. Шведский фрегат ждал его в Данциге, и после четырнадцатидневного путешествия он высадился в Стокгольме 26 июля 1579 года. Он больше не был одет как мирянин, но явился ко двору в своей иезуитской сутане и был с большой церемонией принят сановниками королевства.

Однако тем временем брат и невестка короля взбунтовали лютеран; шведские епископы объединились против него, и, наконец, когда король узнал, что ни одно из его требований не было удовлетворено, за исключением сохранения конфискованной церковной собственности, он пал духом и вернулся в протестантизм. Заверения Поссевина в том, что он может рассчитывать на помощь Испании, императора и католических князей Германии, не тронули его. Он видел перед собой восстание своих подданных и восшествие на престол своего брата; и, настаивая на том, что в душе он католик, он отказывался действовать, пока папа не удовлетворит все его требования. 19 февраля он созвал сейм в Вадштене, на котором присутствовал Поссевин, но поскольку большинство было явно против возвращения к старой вере, легату пришлось довольствоваться тем, что он был просто наблюдателем, в то время как король, убежденный, что он действует против своей совести, уступил народному протесту. Была проведена еще одна диета с тем же результатом. Тем временем легат оставался в Стокгольме, занимаясь больными и умирающими во время эпидемии, которая тогда опустошала город. Ему также удалось настолько укрепить веру молодого Сигизмунда, очевидного наследника престола, что, когда впоследствии возник вопрос о его отказе от католичества ради восхождения на трон, у него хватило смелости сказать, что он скорее откажется от всех своих прав и уйдет в частную жизнь, чем откажется от Веры.

Гораздо более любопытное проявление дипломатии попало на пути Поссевина во время ссоры между королем Польши и правителем Московии. Последний совершил обширные завоевания на Востоке, а затем обратил свое внимание на Ливонию, которая была польской территорией. Батори, который был правителем Польши, встретился с захватчиком и победил

его в серии успешных сражений. После чего царь, зная о преданности Батори Святому Престолу, попросил Суверенного понтифика Григория XIII вмешаться. Снова был вызван Поссевин, назначенный полномочным представителем для установления мира между двумя нациями. Между прочим, намерение папы римского состояло в том, чтобы добиться терпимости к католикам в российских владениях, обеспечить безопасный проезд миссионеров в Китай через Россию, побудить царя объединиться с христианскими князьями против турок и даже добиться объединения греческой и латинской церквей.

Поссевин прибыл в Вильно в 1581 году. Он застал Батори в приподнятом настроении от своих побед, но не в настроении принимать предложения о мире, которые, по его мудрому мнению, были всего лишь уловкой его противника, чтобы выиграть время. Однако он поддался уговорам, и Поссевин отправился на поиски русского государя в Старицу. Он был принят со всеми почестями, подобающими послу, и ему удалось добиться приостановки военных действий, сдачи Ливонии Польше, а также согласия на требования папы Римского о веротерпимости и прохода через Россию в Китай для католических миссионеров. Было принято даже предложение присоединиться к крестовому походу против турок в надежде, что это передаст Константинополь в руки России. Но когда был поднят вопрос об объединении Церквей, что, конечно, подразумевало признание папы Римского Верховным Пастырем, в царе проснулся дикарь, и на мгновение показалось, что на карту поставлена жизнь посла. Мирный договор был окончательно подписан 15 января 1582 года, делегаты собрались в часовне, где посол отслужил мессу; все представители Польши и России поцеловали крест в знак подтверждения своей верности присяге. Затем, ближе к концу апреля, Поссевин и его помощники отправились в Рим. Они были нагружены подарками от царя, но, к изумлению варваров, они раздали их городской бедноте.

Однако к этой миссии было приложение. Хотя польский король делал все, что было в его силах, чтобы сохранить Веру в Ливонии, немецкие лютеране, кальвинисты, баптисты и другие еретики уже вторглись в страну и разжигали в населении ненависть к папе Римскому и Церкви. К этому добавилась тревога, пробудившаяся в сознании императора Германии по поводу растущего могущества поляков. Снова Поссевину пришлось вернуться к местам своих трудов, но на этот раз скорее как священнику, чем дипломату. Действительно, большая часть его энергии была потрачена на то, чтобы доказать, что он не немец и не поляк, а посланник Христа, посланный укреплять Веру обоих народов против ереси. Мы снова слышим о нем в связи с примирением Генриха IV Французского со Святым Престолом. Ему и Толетусу принадлежала заслуга в том, что они убедили папу отпустить грехи королю и тем самым спасти Францию от раскола. Когда это было сделано, Поссевин стал обычным иезуитом, трудившимся то здесь, то там исключительно для спасения душ. Это любопытная история, и было бы трудно найти что-либо подобное в церковных хрониках, за исключением, возможно, карьеры знаменитого португальского иезуита Антонио Виейры, прозванного своими соотечественниками "Великим".

Виейра родился в Лиссабоне 5 февраля 1608 года и умер в Баии, в Бразилии, 18 июля 1697 года. Фактически он был бразильцем, поскольку еще ребенком отправился в колонию и, закончив обучение в тамошнем иезуитском колледже, вступил в Общество в 1623 году, когда ему было всего пятнадцать лет. В восемнадцать лет он преподавал риторику и писал комментарии к "Песне песней", трагедиям Сенеки и "Метаморфозам" Овидия, но прошло двенадцать лет, прежде чем он был возведен в сан священника. Красноречие его первой проповеди поразило всех.

В 1640 году Португалия провозгласила свою независимость от Испании, которой она подчинялась в течение шестидесяти лет. Поскольку объединение было осуществлено обманом и силой, и поскольку все бывшие португальские владения на Востоке и часть Бразилии были отняты у Испании голландцами и англичанами; и поскольку налоги, наложенные на Португалию, были чрезмерно обременительными, существовало сильное чувство ненависти к испанцам. Эта вражда в конце концов вылилась в революцию, и Иоанн IV вззошел на трон Португалии, но смена правительства втянула страну в катастрофическую двадцатилетнюю войну.

Перед началом восстания иезуиты были торжественно предупреждены своим начальством соблюдать строгий нейтралитет. Но в возбужденном состоянии общественного сознания отец Фрейре забыл об этом предписании и в адвентистской проповеди 1637 года позволил вырваться у себя словам, которые подожгли страну. Кретино-Жоли говорит, что "провинциал немедленно заключил его в тюрьму", что, вероятно, означало, что его держали в его комнате, поскольку в домах иезуитов нет тюрем. Но даже это уединение вызвало всеобщее волнение. Провинциал был осажден протестами, и в Мадрид даже была направлена делегация, чтобы выразить протест против того, что слова проповедника были неверно истолкованы. Испанский король принял это объяснение, и когда послы вернулись в Лиссабон, Фрейре уже был освобожден.

Ранке утверждает в своей "Истории пап", что, поскольку в то время стоял вопрос об установлении республики в Португалии, возможно, Испания предпочла видеть королем безобидного Иоанна Браганского, чей сын был распутным негодяем, чем рисковать республикой, подобной той, которую в то время проектировали кальвинисты во Франции и лютеране в Швеции. Позже, однако, было назначено расследование, и иезуит по имени Корреа был заключен в тюрьму за то, что несколькими годами ранее на приеме в колледже, устроенном Джону Браганскому, предсказал, что однажды он наденет корону. Тем временем произошел взрыв, и в 1640 году Иоанн Браганский был провозглашен королем независимой Португалии.

В следующем году Виейра прибыл из Бразилии и был не только назначен наставником инфанта дона Педро, а также придворным проповедником, но и назначен членом королевского совета. В последнем названном офисе он реорганизовал департаменты армии и флота, дал новый импульс торговле, призвал к созданию национального банка и организации Бразильской торговой компании, скорректировал налогообложение, обуздал португальскую инквизицию и в основном способствовал национальным победам при Эльвасе, Алмейшале, Каstellо Родриго и Монтесе Кларосе.

Между 1646 и 1650 годами он побывал с дипломатическими миссиями в Париже, Гааге, Лондоне и Риме, но отказался от звания посла, а также от предложения епископства. Ему хотелось чего-то другого, а именно работать среди своих индейцев, и он вернулся в Бразилию в 1652 году. Там он вызвал гнев рабовладельцев своим разоблачением их жестокого обращения с неграми и индейцами и вскоре вернулся в Лиссабон, защищая интересы жертв. Он выиграл свое дело, и в 1655 году мы снова застаем его за миссионерскими трудами в Бразилии, проповедующим евангелие каннибалам, переводящим катехизис на их диалекты, путешествующим по крутым горным хребтам и проплывшим сотни миль на веслах по Амазонке и ее бесчисленным притокам. Одиннадцать раз он посетил каждый миссионерский пункт на Мараньоне, что означало двадцать путешествий по нескончаемым рекам Южной Америки, на некоторых из которых ему приходилось сидеть за веслом по месяцу кряду. Подсчитано, что он

прошел пешком 15 000 лиг и продвинулся на 600 лиг дальше в глубь континента, чем кто-либо из его предшественников. Он продолжал эту работу до 1661 года, а затем рабовладельцы восстали против него с еще большей яростью, чем когда-либо, и отправили его пленником в Лиссабон. Он уже не был так желанен при дворе, как раньше, поскольку на троне находился дегенерат Альфонсо, которого впоследствии пришлось свергнуть. В 1665 году инквизиция запретила ему проповедовать и бросила в темницу, где он пролежал до 1667 года, когда был освобожден новым королем Педро II. Затем он отправился в Рим, где был встречен папой римским, кардиналами и генералом ордена отцом Оливой.

Находясь в Риме, он познакомился с Кристиной Шведской, которая отреклась от престола, чтобы стать католичкой. Ранке в своей "Истории пап" посвящает целую главу этой необыкновенной женщине, и она упоминается здесь только из-за ее восхищения Виейрой, а также чтобы привлечь внимание к тому факту, что первым священником, с которым она заговорила о своем обращении, был иезуит Антонио Маседо, который был духовником Пинту Перейры, посла Португалии в Швеции. "Менология" сообщает нам, что Маседо не носил своего священнического одеяния в этой стране. Он был секретарем и переводчиком посла, но привлек внимание королевы, которая, без сомнения, помнила, что иезуит Поссевин появлялся при том же дворе во времена Иоанна III, переодетый офицером. Наконец она спросила Маседо об этом, и он признался, что он иезуит. Затем началась серия бесед на латыни, которой Кристина владела в совершенстве, как и несколькими другими языками. В конце концов она сказала ему, что решила стать католичкой, даже если лишится своей короны, и поручила ему проинформировать Суверенного понтифика о ее намерении. Чтобы вознаградить Маседо, она попросила папу сделать его епископом, но поскольку он был миссионером в Африке, митра ему не понравилась, и он вернулся в Лиссабон, где умер после шестидесяти семи лет, проведенных в Обществе.

Отъезд Маседо из Стокгольма был настолько внезапным, что вызвал бурные обсуждения, и, возможно, чтобы убедить общественность, что она не имеет к этому никакого отношения, королева сделала вид, что отправила за ним гонцов. На самом деле, она попросила генерала Общества отправить нескольких наиболее доверенных членов Ордена в Швецию. Возможно, старая африканская миссионерка Маседо была недостаточно искусна в разъяснении некоторых метафизических проблем, которые она обсуждала. "В феврале 1652 года, - говорит Ранке, - иезуиты, о которых просили, прибыли в Стокгольм. Это были двое молодых людей, которые представились итальянскими дворянами, путешествующими, и в этом качестве они были допущены к ее столу". Это были отцы Кавати и Моления, которые были способными математиками, а также теологами. Примерно в то же время там был и Декарт. Королева не узнала молодых дворян на публике, но, по словам Ранке, "когда они шли перед ней в столовую, она тихо сказала одному из них: "Возможно, у вас есть письма для меня". Не поворачивая головы, он ответил, что да. Затем она коротко велела ему хранить молчание. На следующее утро их тайно провели во дворец. Таким образом, - продолжает Ранке, - в королевское жилище Густава Адольфа прибыли послы из Рима с целью провести переговоры с его дочерью о присоединении к католической церкви. Очарование этого дела для Кристины заключалось главным образом в уверенности, что ни у кого не возникнет ни малейшего подозрения о ее действиях".

Переговоры, по-видимому, затянулись надолго, хотя впоследствии посланники сообщили, что "Ее Величество с величайшей проницательностью восприняла всю силу аргументов, которые

мы ей представили. В противном случае мы бы потратили много времени. Внезапно она, казалось, оставила всякое желание осуществить свою цель и приписала свои сомнения нападкам сатаны. Ее духовные советники были в отчаянии, когда она так же внезапно воскликнула: "Это бесполезно. Я должен отказаться от своей короны". Отречение было совершено с большой торжественностью под слезы и протесты ее подданных. Она покинула свою страну и провела остаток своей жизни в Риме, где ее необычные интеллектуальные способности и большая образованность вызывали всеобщее удивление. Ее героизм, проявленный при пожертвовании своим королевством, был, конечно, главным предметом восхвалений, которыми она была осыпана.

Когда Виейра прибыл в Рим и очаровал всех своим необычайным красноречием, Кристина захотела, чтобы он стал ее духовным наставником. Но старый герой предпочел более грубую работу, и к 1681 году он снова был в Бразилии, среди своих индейцев. Даже в преклонном возрасте он был центром бури, и хотя он так много сделал во славу Божью и на благо человечества, он был лишен как активного, так и пассивного права голоса в Обществе, то есть он не мог ни голосовать за какие-либо административные меры, ни иметь право на какую-либо должность, потому что предполагалось, что он опросил провинциальную общину. Только после того, как он скончался в возрасте девяноста лет, его невиновность была установлена. Его знания Священного Писания, теологии, истории и литературы были колоссальными, и, как говорят, он был знаком с языком шести местных рас. Саути в своей "Истории Бразилии" называет его одним из величайших государственных деятелей своей страны. Он был патриотом, единственной мечтой которого было видеть Португалию знаменосцем христианства в Старом и Новом Свете. Как оратор он был одним из мировых мастеров, а как прозаик - величайшим из всех, кого когда-либо создавала Португалия. Одни только его проповеди занимают пятнадцать томов, и многие из его рукописей можно найти в Британском музее, Национальной библиотеке Парижа и других местах.

Когда святой Франциск Борджиа, третий генерал Общества, умер в 1572 году, его наиболее вероятным преемником был Поланко, который был секретарем Святого Франциска Борджиа. Игнатий, и обычно считалось, что он впитал подлинный дух святого Игнатий. Если бы он был избран, он был бы четвертым испанским генералом подряд. В то время это было бы несчастьем и закрепило бы за членами Общества название, которое уже было дано им в некоторых частях Европы: "испанские священники", обозначение, которое было бы косвенным отрицанием католицизма Ордена, даже несмотря на то, что испанский монарх был "Его католическим Величеством".

Их преданный друг, папа Григорий XIII, увидел опасность и решил предотвратить ее. К счастью, Филипп Испанский, Себастьян Португальский и кардинал-инквизитор только что попросили его не допустить избрания Поланко, который был еврейского происхождения. Папа римский решил пойти дальше и на время отстранить от должности любого испанца. Во время обычного визита делегатов перед выборами он намекнул, что, поскольку испанских генералов сменяло друг друга три, возможно, было бы разумно, учитывая всемирную экспансию Общества, избрать кого-то другой национальности, и он предложил меркурианца. Несомненно, его слова нашли живой отклик в сердцах многих из тех, к кому они были обращены, и даже большинство испанцев, должно быть, осознали мудрость произошедших перемен. Однако было сделано уважительное замечание, что Его Святейшество таким образом лишает Общество права на свободу выборов, на что папа ответил, что это не входило в его намерения; но в случае избрания

испанца он хотел бы, чтобы ему сообщили, кто он такой, до того, как будет сделано публичное объявление. Поскольку слово папы римского - закон, испанцы были исключены из числа кандидатов, и, по-видимому, в качестве меры примирения был избран Эверард де Меркур, или Меркурианец. Поскольку его родная страна, Бельгия, в то время находилась под властью Испании, удар, нанесенный таким образом испанцам, был в определенной степени смягчен. Но это было началом неприятностей, которые в свое время почти угрожали Обществу разрушением. К счастью, преемнику Меркуриана, Аквавиве, пришлось иметь дело с этим, когда оно пришло.

Меркуриан пока не сделал ничего достаточно выдающегося, чтобы привлечь общественное внимание, но он, очевидно, пользовался безоговорочным уважением папы римского. В самом Обществе он занимал много важных постов, таких как вице-президент исповедального дома в Риме, ректор нового колледжа Перуджи, гость и провинциал Фландрии и Франции, а также помощник Фрэнсиса Борджиа. И во всех этих обвинениях он, как утверждалось, воспроизвел в своем правительстве живой образ святого Игнатия. Человек с такой репутацией был бесценен, особенно для духовной жизни Общества, а это бесконечно важнее, чем внешняя демонстрация. Есть одна вещь, за которую Орден особенно благодарен ему, а именно, "Краткое изложение Конституций", "Общие правила" и регламенты для каждой должности, которые он разработал в начале своего правления. Этот сборник читается каждый месяц в трапезной каждого иезуитского дома, и выдержки из него составляют основу домашних наставлений, которые дважды в месяц читает общинам настоятель или духовный отец. Таким образом, характер и цель Института постоянно держатся перед глазами каждого иезуита, от самого молодого послушника до старейшего исповедующего, и они ясно видят, что в управлении Обществом нет ничего загадочного или эзотерического. Следовательно, когда священник после своего рукоположения проходит так называемый третий год испытательного срока, в течение которого изучение Института составляет большую часть его работы, ничего действительно нового ему не представляется. Это знакомый вопрос, изученный более глубоко.

Были и другие великие люди, чьи имена можно было бы упомянуть здесь, но они появятся позже в ходе этой истории.

ГЛАВА V АНГЛИЙСКАЯ МИССИЯ

Условия после Генриха VIII — Аллен — Персоны — Кэмптон — Въезд в Англию — Карикатура Кингсли — Томас Паунд — Стивенс — Поимка и смерть Кэмптона — Другие мученики — Саутвелл, Уолпол — Иезуиты в Ирландии и Шотландии — Английская преемственность — Разногласия — Протоиерей Блэкуэлл — Заявители — Заговор прощения - Восшествие на престол Якова I — Пороховой заговор — Гарнет, Джерард.

Когда доктор Аллен предложил отцу Меркуриану направить иезуитов в английскую миссию, Клавдий Аквавива выступил восторженным сторонником этого начинания и был одним из первых, кто вызвался добровольцем. Однако его не приняли, потому что, очевидно, там могли быть полезны только англоговорящие священники. Но вскоре после этого его избрание

генералом придало Кэмпioniу и его товарищам нового мужества, когда они оказались в гуще сражения.

Доктор Аллен покинул Англию в 1561 году и нашел убежище в Бельгии, но вернулся в следующем году и ходил среди преследуемых католиков, увещевая их быть непоколебимыми в своей вере. Он обнаружил, что эти люди были протестантами не по своей воле, и он был убежден, что все, в чем они нуждались, - это организованная группа обученных людей, которые заботились бы об их духовных потребностях, утешали бы их в их испытаниях и хорошо обучали их своей религии. Из-за отсутствия такой помощи они не только становились безразличными, но и были почти готовы пойти на компромисс со своими преследователями. Генрих конфисковал девять колледжей, две тысячи триста сорок часовен и десяти госпиталей, кроме того, казнил семьдесят шесть священников и монахов, начиная с Фишера, епископа Рочестерского, а также множество других, добрых и простых, среди которых выделялся прославленный канцлер Томас Мор. Преследования частично прекратились, когда на трон взошел мальчик Эдуард VI, и, конечно, условия полностью изменились, когда Мария Тюдор стала самостоятельной. Но когда ужасная Елизавета, взбешенная своим отлучением от церкви, взяла бразды правления в свои руки, никто не был в безопасности. Однако, к сожалению, за это время люди привыкли к сложившейся ситуации, и для них стало обычным делом прибегать ко всевозможным уловкам, даже ходить в протестантские церкви, чтобы скрыть свою Веру. Следовательно, существовала большая опасность того, что в самом ближайшем будущем католицизм в Англии полностью исчезнет. Аллен предложил отцу Меркуриану нанять Общество, чтобы предотвратить эту катастрофу.

Некоторые генеральные консультанты воспротивились этому проекту, потому что он подразумевал абсолютно новые условия миссионерской жизни. Не было никакой общественной помощи, доступной даже в Индии и Японии; ибо в Англии священнику пришлось бы работать разносчиком, или солдатом, или матросом, или тому подобным, смешиваясь со всевозможными людьми, в всевозможном окружении, и, таким образом, он подвергался бы опасности потерять свой религиозный дух. Очевидный ответ состоял в том, что если человек пренебрегает подручной помощью, он, без сомнения, рискует потерять свое призвание, но в остальном Бог все предусмотрел. Аллен уже основал миссионерский дом в Дуэ в 1568 году, и о его успехе можно судить по тому факту, что сто шестьдесят священников, большинство из них из светского духовенства, получивших там образование, приняли мученическую смерть за Веру. Ему также удалось получить еще одно заведение в Риме. Однако в 1578 году, когда жители Дуэ были изгнаны, их поселили в Реймсе в доме иезуитов. Тем временем римский фонд был доверен Обществу; и теперь, имея в своем распоряжении эти два источника снабжения, отец Меркуриан решил начать великую работу.

Наиболее заметной фигурой в этом героическом предприятии был Эдмунд Кэмпioni. Он родился в Лондоне и после обычного обучения в начальной школе был отправлен в Больницу Христа. Там он возвышался над всеми на голову, и когда королева Мария торжественно въезжала в Лондон, именно он обратился к ней с приветственной речью в школе Святого Павла. С королевой в тот раз была ее сестра Елизавета. Позже, когда сэр Томас Уайт основал колледж Святого Иоанна в Оксфорде, Кэмпioniа назначили туда младшим научным сотрудником, и "в течение двенадцати лет", - говорится в "Католической энциклопедии", - "он был кумиром Оксфорда, за ним следили и ему подражали так, как никому еще в английском университете, кроме него самого и Ньюмана". "Национальный биографический словарь" идет дальше и

сообщает нам, что "им так восхищались за изящество красноречия, что молодые люди подражали не только его фразам, но и походке и почитали его как второго Цицерона". Он был выбран для произнесения речи на повторном погребении Эми Робсарт, убитой жены Роберта Дадли, впоследствии графа Лестера. Ему также была поручена заупокойная речь об основателе колледжа. В 1566 году, когда королева Елизавета посетила Оксфорд, Кэмпбелл приветствовал ее от имени университета и был защитником в латинском диспуте, проходившем в присутствии ее величества. Королева выразила свое восхищение его красноречием и особо похвалила его перед Дадли за продвижение по службе.

Отец Персонс уверяет нас, что "Кэмпбелл всегда был католиком в душе и категорически осуждал всю форму и содержание новой религии. И все же слащавые слова знатных людей, особенно королевы, в сочетании с лелеемыми надеждами на скорое и великое возвышение, так соблазнили его, что он не знал, в какую сторону обратиться ". Находясь в таком состоянии духа, Чейни, епископ Глостерский, сохранивший большую часть древней Веры, убедил его принять сан дьякона и принести клятву первенства, но упреки друга открыли ему глаза на его грех; и в душевных муках он отказался от всех своих университетских почестей. В августе 1569 года он отправился в Ирландию. Причиной поездки туда было участие в движении за возрождение старого папского университета в Дублине, руководство которым было в значительной степени поручено ему. План, однако, провалился, главным образом из-за Кэмпбелла, но в значительной степени к его чести. Его папизм был слишком открытым. Тем временем он написал "Историю Ирландии", основанную главным образом на Хиральдусе Камбрэнсисе, который с тех пор сильно настроил ирландцев против него, несмотря на его святость. Но его доброе имя недавно было восстановлено выдающимся историком-иезуитом отцом Эдмундом Хоганом, который рассказывает нам, что, когда Кэмпбелл бежал из Дублина, спасаясь от ареста за то, что был католиком, его рукопись попала в руки его преследователей, которые исказили и изуродовали ее по своему усмотрению. Сам он так и не опубликовал эту книгу.

Изучающим литературу будет интересно узнать, что один из самых известных отрывков Шекспира был заимствован из этой "Истории", а именно описание кардинала Вулси в "Генрихе VIII". В пьесе были включены целые отрывки. Поскольку Кэмпбелл написал ее в 1569 году, когда Шекспиру было всего четыре или пять лет, ее авторство не подлежит сомнению. В конце концов условия в Дублине стали настолько неприятными, что он был вынужден обратиться в бегство. Он покинул Ирландию под видом слуги и добрался до Лондона как раз вовремя, чтобы стать свидетелем казни доктора Стори в июне 1571 года. Это завершило работу по его обращению, и он отправился в Дуэ, где после отречения от своей ереси возобновил курс схоластического богословия; год спустя он отправился в Рим как паломник без гроша в кармане, прибыв туда босиком и в лохмотьях, к большому изумлению одного из своих бывших оксфордских поклонников, который встретил его на улице.

Он был принят в Общество отцом Меркурианом и принял послушничество в Праге в Богемии, где был рукоположен в 1578 году. Он был одним из первой группы миссионеров, которые покинули Континент и отправились в Англию под руководством Нескольких человек. В группе были доктор Голдуэлл, епископ Святого Асафа, тринадцать светских священников, три иезуита: Персонс, Кэмпбелл и Ральф Эмерсон, брат-мирянин, а также двое молодых людей, не состоящих в орденах. Голдуэлл был посвящен в сан еще в 1555 году и сопровождал кардинала Поула в Англию; он был единственным представителем Англии на Тридентском соборе. Теперь он снова был на пути в свою родную страну, но заболел в Реймсе и, согласно "Словарю национальной

биографии", был отозван папой римским. "Это, - говорит д-р Гилдей (Английские беженцы, стр. 125), - было разочарованием для людей. Присутствие епископа в Англии было условием принятия иезуитами бремени обращения отпавших католиков, и, несмотря на все отпоры, которые встречало требование об иерархии в Риме, сами иезуиты постоянно обновляли его ". Эти слова выдающегося историка, который является самым последним свидетелем по делу архипресвитерата, являются бесценным свидетельством по крайне спорному вопросу.

Миссионеры покинули Рим пешком и, проезжая через Милан, были задержаны на неделю святым Чарльзом Борромео, который каждый день заставлял Кэмпiona читать проповеди в епископальном доме на какую-нибудь теологическую тему. Оттуда они направились в Женеву и набрались смелости навестить Теодора Безу в его собственном доме, но он отказался обсуждать религиозные вопросы. В Реймсе Кэмпion говорил со студентами о славе мученичества. Наконец он и Персонз прибыли в Кале и построили свои планы по пересечению Ла-Манша; другие миссионеры тем временем разбрелись по побережью, поскольку всем было бы явно небезопасно садиться в одном и том же месте. Люди поднимались на борт лодки под видом морских офицеров и, сойдя на берег в Дувре, с величайшей дерзостью представлялись начальнику порта или губернатору и просили разрешения для своего друга "Патрика", торговца, который ждал на другом берегу разрешения на переправу. "Патрик" был Кэмпion. Он использовал это имя, когда бежал из Ирландии, и поскольку оно сослужило ему хорошую службу тогда, он снова взял его.

Кэмпion, однако, сыграл свою роль не так хорошо, как другие, потому что губернатор пристально посмотрел на него и сказал: "Вы доктор Аллен". "На самом деле, это не так", - ответил Кэмпion. "Ну, в любом случае, вы подозрительный тип, и ваше дело должно быть рассмотрено". Соответственно, был создан совет, и было решено отправить новоприбывшего в Лондон под вооруженным конвоем. Кэмпion считал себя погибшим, но в его сердце зародилась молитва: "О Господь, позволь мне поработать хотя бы один год на благо моей страны, а потом делай со мной, что пожелаешь". Лицо губернатора сразу же изменилось, и, ко всеобщему изумлению, он сказал: "Я ошибся; вы можете идти". Полный благодарности к Богу, будущий мученик поспешил в Лондон, где кто-то его разыскивал, и вскоре он встретился с отцом Персонсом.

Таковы простые факты, взятые из писем Кэмпiona своему начальству, описывающих его прибытие в Англию. Но общественное мнение должно было быть искажено по этому поводу, как и по любому другому пункту, касающемуся иезуитов, даже за счет человека, которым Оксфорд до сих пор гордится как ученым и джентльменом, которого Сесил назвал "одним из бриллиантов Англии", и чья грация, красота и красноречие сделали его любимцем Дадли и Елизаветы. Однако, несмотря на все это, Кингсли в своей книге "Хо на запад" (глава iii) описывает Кэмпiona на данном этапе его жизни как "гротескного карлика, чей меч, попадая между его веретенообразных голеней, временами придавал ему вид трех ног, а иногда принимал вид хвоста, когда он торчал сзади. Он был таким маленьким, что мог только царапать ребра своей лошади, на которую пытался взобраться не с той стороны, но в конце концов ему удалось усесться с помощью табурета ". Нам сообщают, что он также носил "тонзуру", "постриженную апостольскими ножницами", и, хотя он был лондонцем, его заставляют говорить о своих соотечественниках как об "островитянах". Персонс также описывается как буйный, богохульствующий хулиган, который дает себе отпущение грехов за свои собственные проступки. Однако все это опущено в школьном издании "Вестуорд Хо".

Персон и Кэмпиион немедленно приступили к работе, и вскоре им удалось созвать собрание священников, скрывавшихся в разных местах страны. Цель вызова состояла в том, чтобы дать им понять, что вновь прибывшие получили строжайший приказ от своего начальства держаться абсолютно в стороне от всего, что имеет отношение к политике. В Хокстоне Кэмпиион сделал письменное заявление на этот счет; и именно там его навестил один из самых интересных и, в какой—то степени, самых странных английских миссионеров — человек, ставший иезуитом благодаря письму, - знаменитый Томас Паунд.

Паунд начал с того, что был очень заметным щеголем при дворе королевы Елизаветы. Он был фаворитом королевы и однажды подготовил великолепное представление, на котором присутствовала ее величество. Одной из его особенностей был танец, *па сыль* в одиночестве. Однако, как назло, он споткнулся и упал прямо к ногам королевы. Несчастный случай был достаточно нелеп, чтобы унижить его, но когда его милостивый государь удостоил его жестокого пинка и насмешливо крикнул: "Вставай, сэр Бык", Паунд действительно встал, но не как бык. Он изменился. До этого, хотя и был католиком, он полностью отрекся от своей религии. Теперь он открыто провозглашал свою веру и призывал других поступать так же. В результате он был заключен почти во все подземелья королевства. На него надели кандалы и заперли в камерах, куда не проникал ни один луч света; а когда его освободили, либо благодаря влиянию друзей, либо потому, что он отсидел назначенный срок, он снова был заключен в тюрьму. Везде и во все времена он проповедовал истины Веры не только мужественно, но и необычайно радостно своим товарищам по заключению или людям за пределами тюрьмы, обращая многих в свою веру и побуждая других изменить свою жизнь. К последнему классу принадлежал некий Томас Коттам, оксфорд, который благодаря своему другу Паунду не только стал очень набожным, но и, после того как ему удалось добраться до Континента, стал иезуитом и, вернувшись позже, принял мученическую смерть в Тайберне 30 мая 1582 года.

Случайное чтение о миссиях иезуитов в Индии весьма пленило Паунда, а также его друга по имени Томас Стивенс, который обычно ходил под видом слуги Паунда. Они решили отправиться на Континент и попросить о приеме в Общество. По дороге Паунд был схвачен за то, что слишком долго пытался обратить в свою веру протестанта, давшего ему приют; Стивенс, однако, добрался до Рима и был принят в Общество. Но вместо того, чтобы быть отправленным обратно в Англию, как можно было бы ожидать, его тоска по Индии была удовлетворена, и мы находим его в Гоа 24 октября 1579 года. Там он был известен как падре Эстебан, или Эстебан, или снова как падре Бустен, Бустон или де Бустон, причем последние имена португальцы пытались произнести как Булстан, в Уилтшире, Англия, где Стивенс родился около 1549 года. Как мы видим из дат, ему тогда исполнилось 30 лет. Он упоминается в "Путешествиях" Хаклюта как первый англичанин, когда-либо побывавший в Индии. Информация Хаклюита почерпнута из серии писем, которые Стивенс написал своему отцу, "предлагая лондонским купцам сильнейшие стимулы для спекуляций с индией". Эти письма содержали такое свидетельство глубоких коммерческих познаний, что считается, что они послужили толчком к созданию Английской Ост-Индской компании.

Отец Стивенс провел свои первые пять лет в качестве священника исповедального дома в Гоа, а затем был направлен в Сальсетт в качестве настоятеля и какое-то время был общительным с посетителями. После этого он провел тридцать пять лет в качестве миссионера среди католиков-браминов Сальсетта, но его труды на этом поприще не помешали ему заняться большой и кропотливой литературной работой. Таким образом, он был первым, кто занялся

научным изучением канарецкого. Он также углубился в хиндустани и написал грамматики и религиозные книги на этих языках. Однако большая часть его трудов была утрачена во время подавления Общества. Он умер в Гоа в 1619 году. (Католическая энциклопедия, XIV, 292.)

Иезуитская деятельность Паунда сильно отличалась от деятельности Стивенса. Не имея возможности лично представиться генералу, он в письме попросил принять его в Орден. 1 декабря 1578 года, когда он был заключен в Тауэр, от отца Меркуриана пришел ответ, удовлетворивший его просьбу. Это побудило его трудиться усерднее, чем когда-либо, и в течение тридцати лет он продолжал бросать вызов правительству. Лингард приводит один примечательный пример его дерзости, хотя великий историк, похоже, не знал, что Паунд был иезуитом. В ходе судебного разбирательства, связанного с "Пороховым заговором", кто-то был осужден за укрывательство иезуита. Паунд явился в суд, чтобы выразить протест против решения судьи, в результате чего он сам был арестован. Его приговорили к отрезанию одного уха, пожизненному заключению и выплате штрафа в тысячу фунтов, если он не расскажет, кто посоветовал ему поступить так, как он поступил. Он не лишился слуха; пока он находился в Тауэре, королева Дании Анна вступилась за него. Однако ее любящий муж, король Яков I, сказал ей: "никогда больше не открывай рта в пользу католика". В конце концов он отделался тем, что целый день простоял у позорного столба, и этот опыт, вероятно, ему понравился, потому что, несмотря на темницы и цепи, потерю имущества и собственную ужасную аскетичность — он часто бичевал себя до крови, — он никогда не терял веселого настроения. Он закончил свою замечательную карьеру 5 марта 1615 года в возрасте 76 лет в Бельмонте, испустив последний вздох в комнате, в которой родился.

Когда Кэмпiona поймали по пути в Ланкашир и привезли в Лондон, где его растянули на дыбе и допрашивали снова и снова, подвергая пыткам, была распространена история о том, что он, наконец, не только отрекся, но и раскрыл секреты исповеди. Паунд был в ярости из-за этого и написал Кэмпioniу возмущенное письмо, но узнал, что это была одна из обычных уловок английского правительства. Такое же злодейство отец Элизабет применил к Мору и Фишеру, но, как и они, Кэмпиион был слишком верным человеком, чтобы поддаться страданиям. 31 августа по приказу королевы, несмотря на то, что он был весь в синяках и почти расчленен в результате долгих и повторяющихся истязаний, его вместе с Шервином повели на публичный диспут в королевском присутствии. Против них были Новелл и Дэй, два самых отважных поборника ереси, которых только можно было найти в королевстве. Спор длился четыре часа утром и четыре часа пополудни - предполагалось, что он продлится несколько дней. Именно во время этой дискуссии слушатели с ужасом увидели, как Кэмпиион вытянул руки, чтобы жестом подчеркнуть свои слова, что ногти были сорваны с пальцев обеих рук. Общественные обсуждения закончились после второй сессии, поскольку Ноуэлл и Дэй были полностью побеждены. О том, что произошло на экзаменах, проведенных после этого за закрытыми дверями, власти никогда не сообщали миру, но просочилось наружу, что Кэмпиион обратил в свою веру многих из тех, кто приходил послушать его. Одним из них был Арундел, который впоследствии погиб за свою веру на эшафоте.

14 ноября иезуиты Кэмпиион и Томас Коттам, а также Ральф Шервин, Босгрейв, Ристон, Люк Кирби, Роберт Джонсон и Ортон, светские священники, предстали перед судом. Все они признали себя невиновными в уголовном преступлении и мятеже. "Как мы могли быть заговорщиками?" Кэмпиион спросил: "Мы, восемь человек, никогда раньше не встречались, а некоторые из нас никогда не видели друг друга". 16 ноября были упомянуты еще шесть человек.

Именно по этому поводу Кэмптон ответил на вопрос: "Считаете ли вы Елизавету законной королевой?" "Я сказал это ей самой, - сказал он, - в замке герцога Лестерского". Туда он был вызван для частной беседы, и Елизавета узнала в нем выпускника Оксфорда и маленького мальчика из Крайст-Черча, который, не подозревая тогда об уготованном ему ужасном будущем, засвидетельствовал почтение и, возможно, нежную преданность ее величеству. На этой встрече присутствовали Лестер, граф Бедфорд, два государственных секретаря и королева. Поскольку обвинение было таким слабым, а защита Кэмптона - такой неопровержимой, все ожидали оправдательного приговора, но, к их изумлению, был вынесен обвинительный вердикт. "Судебный процесс, - говорит Халлам, - был проведен настолько несправедливо и подкреплен самыми скудными доказательствами, какие только можно найти в наших книгах". (Конституционная история Англии, I, 146.)

Когда председательствующий судья спросил обвиняемых, хотят ли они что-нибудь сказать, Кэмптон ответил: "Единственное, что мы можем сейчас сказать, это то, что если наша религия делает нас предателями, мы достойны осуждения, но в остальном мы такие же верные подданные, как и всегда были подданными королевы. Осуждая нас, вы осуждаете всех своих собственных предков, все, что когда-то было славой Англии, Острова Святых и самого преданного чада престола Святого Петра. Ибо чему мы учили, как бы вы ни называли это отвратительным названием государственной измены, чему они не учили единообразно? Быть осужденным вместе с теми, кто был славой не только Англии, но и всего мира их выродившимися потомками, - это и слава, и радость для нас. Бог жив; потомки будут жить, и их суждение не так подвержено искажению, как суждение тех, кто сейчас собирается осудить нас на смерть". Когда предложение было произнесено, Кэмптон, повысив голос, произнес "Te Deum laudamus", к которому присоединились остальные, после чего последовал гимн "Næc est dies quam fecit Dominus, exultemus et lætemur in ea" (Это день, который создал Господь; давайте радоваться и ликовать в нем). В тот день в зале суда произошли преобразования.

Сцена у эшафота 1 декабря характеризовалась жестокостью дикарей. Жертв сажали на препятствия и волокли по улицам в Тайберн. Кэмптон первым взобрался на роковую повозку, и когда ему на шею надели веревку и он обратился к столпившейся вокруг толпе, Ноулз прервал его словами: "Прекратите свои проповеди и признайте себя предателем". На что Кэмптон ответил: "Если быть католиком - преступление, то я предатель". Он продолжал говорить, но тележка ушла у него из-под ног, и он остался болтаться в воздухе. Прежде чем он испустил дух, его зарубили, вырвали сердце, и палач, державший его высоко в окровавленной руке, воскликнул: "Узрите сердце предателя!" - и бросил его в огонь. Александра Брайанта и Ральфа Шервина постигла та же участь. До этой ужасной трагедии 4000 человек были возвращены к вере.

Томас Коттам и Уильям Лейси были следующими английскими мучениками Общества. Последнее заслуживает особого упоминания. Он был йоркширским джентльменом, который некоторое время думал, что может со спокойной совестью посещать протестантские места богослужения, но как только ему стало известно, что это запрещено, он отказался; и никакие штрафы и досады не смогли изменить его решения. Овдовев, он решил, несмотря на свои годы, посвятить себя Богу и, встретив доктора Аллена в Реймсе, отправился в Рим, где после окончания богословских исследований был рукоположен в сан священника, а вернувшись в

Англию, усердно трудился над возрождением веры своих соотечественников. Ему удалось даже проникнуть в тюрьму в Йорке, где содержалось несколько священников, и оказать им посильную помощь. Когда он уходил, он был арестован и казнен месяц спустя, 22 августа 1582 года. Отец Поссоз, С. Дж., автор книги "Эдмонд Кэмптон", говорит: "О Лейси нет упоминания ни в Таннере, ни в Алегамбе, но я нашел в каталоге Райссиуса: "Гулиельмус Лакей, священный римлянин, живущий в конституционном суде, в Обществе Иисуса, который готов принять"." То же самое можно сказать и о Томасе Метаме, который не умер на эшафоте, но после семнадцати лет заключения в различных тюрьмах испустил дух в Висбече в 1592 году в возрасте шестидесяти лет. Он отличался глубокими познаниями как в истории, так и в теологии. В списке также фигурирует некий О'Махони (Джон Корнелиус), который был подопечным графини Арундел. Его бросили в Маршалси, где отец Генри Гарнет допустил его к постригу. Он выиграл свою корону в Дорчестере 4 июля 1594 года. Его имени нет ни в "Fasti Breviores", ни в "Menology", но оно приведено Поссозом.

Поэт Роберт Саутвелл принял мученическую смерть 21 февраля 1595 года. Написав о нем, Терстон обращает внимание на интересное совпадение в его жизни. Его дед, сэр Ричард Саутвелл, видный придворный в царствование Генриха VIII, отправил поэта Генри Говарда на плаху, и все же Божественное провидение сделало их соответствующих внуков, Роберта Саутвелла и Филипа, графа Арундела, преданными друзьями и сокамерниками за Веру. Поэзия, однако, перешла на сторону Саутвелла, поскольку, в отличие от своего друга, Арундел не культивировал музу. Саутвелл был учеником великого Лессюса в Лувене и совершил "великий поступок" в философии в возрасте семнадцати лет. В Париже он подал прошение о приеме в Общество, но получил отказ, и его горе по этому поводу вызвало у него первое поэтическое излияние, о котором нам что-либо известно. Однако два года спустя он был принят; в 1584 году он был рукоположен в сан и стал префектом английского колледжа в Риме. В 1586 году он был отправлен в Англию и проходил под именем Коттон. Два года спустя он был назначен капелланом графини Арундел и таким образом вступил в родство с ее заключенным мужем Филиппом, предком нынешнего герцогского дома Норфолк. Элегия Саутвелла в прозе "Торжествует над смертью" была написана, чтобы утешить графа. Совершая свои обходы, он обычно выдавал себя за сельского джентльмена, и это объясняет метафоры "ястреба", которые так часто встречаются в его стихах. Наконец, он был арестован в Харроу в 1592 году, и после трехлетнего заключения в подземелье, кишевшем паразитами, его повесили, выпотрошили и четвертовали. Еще при жизни его поэтические произведения пользовались большим уважением.

Генри Уолпол был одним из зрителей казни Кэмптона, и это дало ему его призвание. Аквавива принял его в Общество и провел второй год послушничества в ныне знаменитом Вердене. Он был капелланом испанских войск во Фландрии и некоторое время находился в Испании. Оттуда он отправился в Дюнкерк, где сел в Англию на испанский корабль, который высадил его на побережье в шестнадцати милях от Йорка. Там он попал в руки графа Хантингтона, внучатого племянника кардинала Поула, но заклятого врага Церкви. Его переводили из тюрьмы в тюрьму в течение года или больше, и четырнадцать раз растягивали на дыбе; наконец, он был казнен в Йорке 7 апреля 1595 года. Роджер Филкок, который был казнен в Лондоне 22 или 27 февраля 1601 года, был светским священником, который был принят в Общество во время работы в миссиях. Таким же был и Фрэнсис Пейдж. Он был протестантским юристом и был помолвлен с дамой-католичкой, которая обратила его в свою веру, но вместо того, чтобы жениться на ней, он стал священником. Однажды, во время служения мессы, он был так близок к поимке, что чаша

на алтаре была найдена, но у него было время переодеться в светскую одежду и сбежать. Он подал заявление о приеме в Общество и был принят, но прежде чем он смог поступить в послушничество во Фландрии, его схватили, истязали и казнили в Лондоне 20 апреля 1602 года.

Через двадцать лет после визита Сальмерона и Бруэ в Ирландию Дэвид Вольф был направлен туда в качестве апостольского делегата. О'Рейли в своих "Воспоминаниях" говорит, что он был одним из самых замечательных людей, работавших в Ирландии в первые годы правления Елизаветы. Около 1566 года он был схвачен и заключен в Дублинский замок, из которого сбежал в Испанию. Он снова вернулся в 1572 году и умер от голода в замке Клоноан недалеко от границ Голуэя. Епископ Таннер из Корка был иезуитом, но был вынужден покинуть Общество по состоянию здоровья. Он был заключен в тюрьму в Дублине, подвергался различным пыткам и в 1678 году, после восемнадцати месяцев страданий, умер в цепях. В 1575 году отец Эдмунд Доннелли был повешен и выпотрошен в Корке, а его сердце брошено в огонь. В 1585 году архиепископ Криг, примас Ирландии, который был отравлен в дублинской тюрьме, сделал свое признание, по словам О'Рейли, "своему товарищу по заключению, отцу Критонию из Общества Иисуса". В 1588 году Морис Юстас, молодой послушник, был повешен и четвертован в Дублине. Брат Доминик Коллинз, служивший солдатом во Франции и Испании, был казнен в Югале в 1602 году. Он был последней из жертв Элизабет.

На этом этапе появляется интересный персонаж в лице отца Слингсби, старшего сына сэра Фрэнсиса Слингсби, англичанина-протестанта, поселившегося в Ирландии. Юный Фрэнсис был обращен в Веру в 1630 году, когда ему было двадцать два года; он решил стать иезуитом, но, повинаясь приказу своего отца, вернулся в Ирландию. Он был заключен в тюрьму в Дублине. Однако по просьбе королевы Генриетты Марии он не был казнен, а изгнан из королевства. Вернувшись в Рим в 1636 году, он был принят в Общество в следующем году. Начальство намеревалось отправить его обратно в Ирландию, но его задержали на Континенте из-за учебы. Он был рукоположен в священники в 1641 году и вскоре после этого умер в Неаполе с репутацией святого. Тем временем он обратил большинство своих родственников-протестантов. В 1642 году отца Генри Кагвелла, преподававшего философию отцу Слингсби, несмотря на то, что он был парализован, вытащили из его дома в Дублине, выпороли на площади и оставили лежать на земле на глазах у его друзей, никто из которых не осмелился поднять его. Затем его бросили в тюрьму, а через некоторое время вместе с двадцатью другими священниками бросили на корабль. Он добрался до Франции в предсмертном состоянии, но неожиданно выздоровел и вернулся в Ирландию, несмотря на шторм, длившийся двадцать один день. Через несколько дней после приземления он стал жертвой своей благотворительности, оказывая помощь больным.

Шотландию посетил в 1562 году отец Гауда, которого послали к Марии, королеве Шотландской, пригласить ее пригласить епископов на Тридентский собор. Он привез с собой шестерых молодых шотландцев, которым предстояло стать основателями будущей миссии. Видным среди них был Эдмунд Хэй, ставший ректором Клермона. В 1584 году Крайтон и Гордон попытались въехать в свою страну, но Крайтон был схвачен, в то время как Гордону удалось проникнуть внутрь, и впоследствии к нему присоединились Хэй и Друри. Граф Хантли, который был племянником Гордона и какое-то время лидером католической партии, присоединился к церкви в 1597 году, и это положило конец миссии. До этого отец Аберкромби обратил в католичество королеву Дании Анну, но ей было нечем похвастаться. Тем временем Мария Стюарт основала Шотландский колледж в Париже, а позже другие колледжи были открыты в Риме и Мадриде. В

1614 году отец Джон Огилви принял мученическую смерть в Глазго, а его сподвижники были изгнаны.

Возвращаясь в Англию, где должны были разыгаться новые трагедии, мы обнаруживаем, что до казни Кэмпбелла некоторым людям удалось добраться до Франции. Он намеревался вернуться после того, как раздобудет печатный станок взамен того, который был изъят, но, по правде говоря, Англия его больше никогда не видела. Доктор Аллен не позволил ему вернуться; поэтому он остался на Континенте и был известен как убежденный сторонник Французской лиги в первые дни ее существования и сторонник вторжения Филиппа II в Англию, прежде всего в интересах Марии, королевы Шотландии, но также и для того, чтобы обеспечить преемника королеве Елизавете. Мы часто встречаем его в Испании с различными миссиями: в 1588 году он пытался примирить Филиппа с отцом Аквавивой; в другое время он добивался от короля основания семинарий Вальядолида, Севильи и Мадрида, а также двух резиденций, которые впоследствии превратились в университетские учреждения. Аллен покинул Англию в 1565 году, за шестнадцать лет до Персона, и стоит отметить, что в течение трех лет, которые он провел, переезжая с места на место, чтобы поддержать мужество преследуемых католиков, он еще не был священником. Он был рукоположен только тогда, когда перешел в Мехлин, где-то в 1565 году; только в 1587 году, двадцать два года спустя, он стал кардиналом; он так и не был возведен в епископский сан. Он, правда, был упомянут Филиппом II в качестве епископа Мехлина, но по какой-то причине, которая так и не была досконально объяснена, выдвижение кандидатуры, хотя публично было разрешено баллотироваться несколько лет, так и не было подтверждено. Он продолжал проживать в Английском колледже в Риме до своей смерти 16 октября 1594 года.

Некоторое время назад английские католики обсуждали животрепещущий вопрос об английском престолонаследии, и это нанесло Церкви в Англии больше вреда, чем преследования Генриха и Елизаветы. Елизавета не оставила потомства и не назначила своего наследника. Некоторые выступали за некую принцессу Испании, которая могла проследить свою родословную до Джона Гонты, и Аллен, и Персонс поддерживали ее дело. Другие поддерживали Якова VI Шотландского; ярым сторонником на этой стороне был шотландский иезуит Крайтон, которого поддерживал очень большой контингент светского духовенства. Аналогичное расхождение в настроениях проявилось и в Риме. Так, например, кардинал-протектор английской миссии Гаэтано был испанским; вице-протектор, кардинал Боргезе, был профранцузским, и с ним был кардинал-иезуит Толетус, который, хотя и был испанцем, был против своих соотечественников в этом вопросе. Папа не был испанским. Результатом стало то, что английский колледж в Риме был разорван на части разногласиями или "волнениями", и некоторые студенты устроили публичный скандал в городе. Порядок не был восстановлен до тех пор, пока Персонс не был отозван из Испании на должность ректора колледжа, но даже ему некоторые из его буйных учеников сказали в лицо, что они никогда не изменят своего мнения, и они утверждали, что если они умрут за это, то станут мучениками Веры. В самой Англии условия были намного хуже. Даже среди священников, содержащихся в заключении в Висбиче, из года в год продолжались ожесточенные споры, которые были противоположны назидательным. Наконец, когда в Риме стало известно об этом плачевном положении дел, отца Персона попросили предложить средство правовой защиты после того, как доктор Стэплтон, который был сторонником Испании, был вызван в Рим, но не смог прибыть из-за плохого самочувствия. В 1597 году Персон, ныне уже не ректор колледжа, представил папе составленный в Англии меморандум с просьбой о назначении двух епископов, одного для собственно Англии, а другого для англичан во Фландрии. Это предложение было направлено в комиссию Святой канцелярии,

но они вынесли неблагоприятное решение, а именно, что новая иерархия должна быть не епископальной, а жреческой, с протоиереем во главе.

Персону, который с самого начала настаивал на необходимости отправки епископа в Англию, было нелегко отказаться от своего плана, и он убедил кардинала Гаэтано познакомить его со всеми членами комиссии, чтобы донести до них свои взгляды, но безрезультатно. Из осторожности папа решил не устанавливать иерархию папским указом, и он приказал кардиналу-протектору Гаэтано издать "учредительные письма" на этот счет. Черновик этих писем был подготовлен в папском архиве *Бреви*, где он сохранился до сих пор (Поллен, Институт протоиерея Блэквелла, стр. 25; см. также Мейер, Англия и Церковь при Елизавете, стр. 409. Мейер - немецкий протестант). Следовательно, ясно, что иезуиты не несут ответственности за учреждение архипресвитерии вместо епископата для управления Англией. Это был недвусмысленный акт Святой Канцелярии и Папы Римского. Более того, проблемы, которые возникли впоследствии, были вызваны не самой функцией, а человеком, которому она была доверена; ибо, хотя Блэкуэлл был наиболее заметным человеком в то время и тем, за кого все проголосовали бы, он слишком превозносил свое новое достоинство и прибегал к таким своевольным и автократичным методам, что его правление стало невыносимым. В результате двое апеллянтов отправились в Рим в качестве представителей духовенства, хотя, на самом деле, никакого такого поручения им дано не было. По прибытии их немедленно поместили в уединенное помещение в одном из колледжей, и им запретили возвращаться в Англию.

Затем началась ожесточенная война брошюр между приверженцами и противниками протоиерея. Особенно нападкам подверглись отдельные лица и иезуиты в целом. Один из недовольных, Блуэтт, даже связался с протестантским епископом Бэнкрофтом, который выразил мнение, что "было яснее ясного, что у людей не было другой цели, кроме завоевания Англии испанцами". Блуэтт согласился и добавил, что "обвинение против иезуита будет лучше всего доказано нашим обращением к папе римскому, в котором мы должны изложить все наши претензии". Бэнкрофт сообщил об этом королеве, и правительство тогда сделало все, что в его силах, чтобы разжечь разногласия и способствовать обращению к Папе Римскому. В 1602 году другая группа Апеллянтов отправилась в Рим без какого-либо разрешения, за исключением разрешения их собственной фракции. По пути к ним присоединился доктор Сесил, который, хотя они и не знали об этом, состоял на службе у английского правительства в качестве шпиона — унижение, до которого он опустился, не совсем для того, чтобы погубить своих единоверцев, но потому, что пребывал в заблуждении, что сможет так перестроить Церковь в Англии, что это будет приемлемо для королевы.

Сесил и его спутники были допущены в Рим только потому, что французский посол де Бетюн взял их под свое покровительство. Он объявил себя их покровителем, однако не по религиозным соображениям, а просто для того, чтобы набрать очко против влияния короля Испании на папу римского. Его Святейшество принял их чрезвычайно холодно, и когда они доложили об этом де Бетуну, он предстал перед Папой на следующий день и сказал: "До сих пор католическая политика была крайне неправильной (*turpiter erratum est*). Не было испробовано ничего, кроме оружия, ядов и заговоров. Если бы только это было отложено в сторону, Элизабет была бы терпимой. Следовательно, (1) Ваше Святейшество должно отозвать ваши порицания от королевы; (2) вы должны пригрозить католикам порицанием, если они прямо или косвенно попытаются предпринять политические меры против нее; (3) отец Персон и ему подобные должны быть наказаны и исключены из ваших семинарий; (4) протоиерей, который, по-

видимому, был создан исключительно для того, чтобы помогать испанской фракции ложными сведениями, должен быть отстранен или сильно ограничен; (5) если, возможно, все это не может быть сделано сразу, следует начать с удовлетворения ходатайствующих священников; (6) затем, постепенно Анри вмешается, и гнев Элизабет остынет". Как замечает Поллен: "Смелость француза была почти возвышенной. Опорочить святого Пия V, кардинала Аллена, Грегори, Сикста, Кэмпiona и все семинарии одним размашистым замечанием: *turpiter erratum est*— было достойно *французской фурии*. Де Бетюн насмехался над прошлым, которое уже признано одной из славных сторон Церкви, как над периодом заговоров с убийствами, разнообразившимся вооруженными вторжениями".

12 октября папа обратился к противоборствующим сторонам с краткой инструкцией по урегулированию их ссоры. Обе стороны провозгласили победу, и документ был немедленно отправлен в Англию, где его перехватили шпионы Елизаветы. Правительство ответило прокламацией против католического духовенства, изгнав его из королевства, чтобы никто не подумал, что Елизавета когда-либо намеревалась даровать веротерпимость. "Бог знает, - говорилось в нем, - насколько мы невиновны в подобных фантазиях". Королевское воззвание было хитро придумано. В нем говорилось, что все иезуиты являются безоговорочными предателями и должны покинуть страну в течение тридцати дней. Для других католиков должна была быть назначена комиссия, которая через три месяца должна была начать индивидуальный допрос всех подозреваемых и поступать с ними по своему усмотрению.

Шотландской партией это было расценено как начало новой эры, и, следовательно, они составили документ, в котором говорилось: (1) что они обязаны соблюдать такое же гражданское повиновение королеве, какое связывало католических священников с католическими суверенами; (2) что они будут информировать ее о любых заговорах или попытках уклонения, даже когда они предпринимаются с целью возвести католического монарха на трон; (3) что если бы против них было вынесено какое-либо отлучение от церкви в связи с выполнением ими этого долга, они сочли бы это необязательным. Это заявление было опубликовано 31 января 1603 года. Оно так и не дошло до Елизаветы, поскольку она умерла в марте следующего года. Но в нынешнем виде это прямо противоречило указаниям папы римского духовенству делать все, что в их силах, за исключением восстания, для восстановления католической преемственности.

Перед смертью Елизаветы два священнослужителя, Уотсон и Кларк, отправились в Шотландию, чтобы расспросить Джеймса о его возможном отношении к английским католикам в случае, если он получит трон. Конечно, он был чрезвычайно приветлив с ними, как и с английскими пуританами, которые как раз тогда выступали против Установленной Церкви. Но едва он стал королем, как начал относиться как к пуританам, так и к католикам с такой строгостью, что обе пострадавшие стороны составили заговор с целью схватить его лично и заставить изменить свою политику. Среди протестантских заговорщиков были такие люди, как Кобхэм, Маркхэм, Грей и Уолтер Рейли. Однако вся история этой необычной комбинации настолько запутана, что трудно с уверенностью сказать, что на самом деле было сделано или замышлялось. Но, похоже, что целью католических заговорщиков было позволить пуританам взять короля в плен, а затем выволить его из их рук. Это называлось "Заговор на прощание" и было основано на надежде, что Джеймс будет настолько благодарен за этот акт преданности его интересам, что выполнит все их просьбы. С другой стороны, такая детская простота кажется почти невероятной. Это было достойно провидца Ватсона, который спланировал это.

Фарс закончился трагедией. Два священника были повешены без лишних церемоний. Из пуритан Кобхэм был отправлен на эшафот, а Грей, Маркхэм и Роли, после вынесения приговора, были помилованы. Король Яков получил письмо от папы Римского, в котором он сожалел о действиях Уотсона и Кларка и заверял его в том отвращении, с которым он относился ко всем актам нелояльности. Он также выразил готовность отозвать любого миссионера, который мог бы стать объектом подозрений, и иезуитам, и мирянам было приказано ограничиться своими духовными обязанностями и всеми доступными им средствами препятствовать любым попыткам нарушить спокойствие королевства (Лингард, "История Англии", IX, 21).

В 1604 году Джеймс составил для католиков клятву верности, которая не только отрицала власть папы свергать королей, но и объявляла такое утверждение еретическим, нечестивым и достойным порицания. Это было осуждено Павлом V, но протоиерей Блэкуэлл публично объявил, что, несмотря на осуждение, присяга может быть добросовестно принесена любым английским католиком, и он сам принял ее перед комиссарами Ламбета. Беллармин и Персонс писали ему длинные увещевания, но безрезультатно. В конце концов он был отстранен от должности, и Биркхед занял его место протоиерея. "Эта мера, - говорит Лингард, - привела к глубокому и продолжительному расколу в католическом теле. Больше число, под влиянием авторитета нового протоиерея и миссионеров-иезуитов, рассматривали присягу как отрицание своей религии; но, с другой стороны, многие, предпочитая удовлетвориться доводами Блэкуэлла и его защитников, с радостью приняли ее, когда она была предложена, и таким образом освободили себя от суровых наказаний, которым они подверглись бы в случае отказа" (op. cit., IX, 77).

Теперь произошла катастрофа. Безмерно раздраженные предательством и тиранией короля Якова I, несколько джентльменов-католиков, некоторые из которых были недавно обращенными, составили заговор с целью взорвать Палату парламента и таким образом одним ударом избавиться от короля, лордов и палаты общин.

Пока разрабатывались планы, некоторые из заговорщиков начали сомневаться в своем праве вовлекать так много невинных людей в массовые разрушения, которые должны произойти в результате этого ужасного преступления. Чтобы унять их угрызения совести, Кейтсби, главный заговорщик, предложил отцу Гарнету, провинциалу-иезуиту, гипотетическое дело. "Я собираюсь присоединиться к армии эрцгерцога на Континенте, - сказал он, - и мне могут приказывать, например, взорвать мину, чтобы уничтожить врага. Могу ли я сделать это, даже если будет убито несколько невинных людей?" Ответ, конечно, был утвердительным, и тогда Кейтсби поспешил заверить своих друзей, что они могут продолжать свою работу со спокойной совестью. Но время шло, и его друзья заметили, что он обычно возбужден, очень часто отсутствует дома и, по-видимому, не собирается уезжать за границу, как он сказал, что намеревался сделать. Таким образом, возникли подозрения, и Гарнет, получив некоторые туманные намеки на заговор, воспользовался случаем за столом у самого Кейтсби, чтобы внушить хозяину дома необходимость безропотно подчиниться продолжавшемуся в то время преследованию. После чего Кейтсби пришел в ярость: "Именно вам и таким, как вы, - воскликнул он, - мы обязаны нашими нынешними бедствиями. Эта доктрина непротивления делает нас рабами. Ни один священник или понтифик не может лишить человека права давать отпор несправедливости". Гарнет, встревоженный этим заявлением, немедленно написал своему начальнику в Рим и в свое время получил два письма, одно от генерала, другое от папы римского, в которых ему строго приказывалось сделать все, что в его силах, чтобы

предотвратить любое покушение на государство. Эти письма были показаны Кейтсби, но он возразил, что они были написаны на основе неверной информации, и вызвался отправить специального гонца в Рим, чтобы донести до тамошних властей истинное положение вещей. Это обещание удовлетворило Гарнета, и он был уверен, что дело улажено, по крайней мере, на время.

Это было 8 мая 1605 года. 26 октября Кейтсби пошел на исповедь к отцу Гринвеллу, или Гринуэю, или Тексмонду, или Тессмонду, йоркширцу, и раскрыл весь заговор. Гринвелл выразил свой ужас по поводу этого предложения и запретил ему рассматривать его, но Кейтсби отказался поддаваться на уговоры и попросил его изложить суть дела Гарнету под печатью признания с разрешением рассказать об этом другим после того, как дело станет достоянием общественности. Это объяснит, как факт признания всплыл на суде. К сожалению, Гринвелл был достаточно глуп, чтобы сообщить об этом Гарнет под печатью признания. Его горько упрекнули за это, но было слишком поздно; если бы он держал это при себе, Гарнет не умер бы на эшафоте. 5 ноября после полуночи заговор был раскрыт, и Гай Фокс, охранявший порох в подвале здания, где должно было состояться заседание парламента, был схвачен и признал, что тридцать пять бочек пороха, которые были помещены туда, предназначались "для того, чтобы отправить шотландских нищих обратно в их родные горы" — высказывание, которое заслужило у короля выражение: "Фоукс - английский Сцевола". У других заговорщиков было время скрыться, но их поймали 8 ноября в Холбич-хаусе. Они оказали короткое сопротивление, но в драке четверо были убиты, среди них Кейтсби. Остальные, за исключением Литтлтона, который, по-видимому, предал их, намеренно или нет, были взяты в плен и заключены в Тауэр.

"Между задержанием заговорщиков и судом над ними прошло более двух месяцев, - говорит Лингард. Министры убедили себя или хотели убедить других, что миссионеры-иезуиты были глубоко замешаны в заговоре. По этой причине заключенных подвергали повторным допросам; использовались все уловки, какие только могла изобрести изобретательность, как обещания, так и угрозы, вид дыбы, а иногда и применение пыток, чтобы добиться от них признания, которое могло послужить основанием для обвинения; и в прокламации, выпущенной для задержания Джерарда, Гарнета и Гринуэя, говорилось, что из допросов ясно и очевидно, что все трое были особенно активными участниками заговора и, следовательно, не менее пагубными, чем исполнители и советчики государственной измены".

Упоминание Джерарда в ордере возникло из-за того факта, что двумя годами ранее, а именно 1 мая 1604 года, первые пятеро заговорщиков, Кейтсби, Перси, Райт, Фоукс и Уинтер, встретились "в доме в полях за гостиницей Святого Клементя", где, "согласно признанию Фоукса", они посоветовались и договорились о заговоре; и они дали торжественную клятву и поклялись всеми силами привести в исполнение то же самое и хранить тайну, не раскрывая ее никому из своих товарищей, кроме тех, кто должен быть предупрежден". сочли нужными людьми принять участие в акции, и в том же доме они действительно приняли причастие Джерарда, иезуита, чтобы выполнить свой обет хранить тайну, о котором говорилось выше, но Джерард не был знаком с их целью". Этот документ написан рукой сэра Эдварда Кока, но в оригинале перед фразой, оправдывающей Джерарда, стоят слова *huc usque* (то есть вплоть до этого). Коук зачитал судьям отрывок "вплоть до этого", но слова, которые могли бы освободить Джерарда от подозрений, он умолчал. "Наконец, - продолжает Лингард, - восьми заключенным были предъявлены обвинения. Все они не признали себя виновными, и не потому, как они хотели, чтобы это было замечено, что они отрицали свое участие в заговоре, а потому, что

обвинительный акт содержал многое из того, о чем до этого дня они были незнакомы. Было ложью утверждать, что трое иезуитов были авторами заговора или когда-либо консультировались с ними по этому вопросу: насколько им стало известно, все трое были невиновны ". Они отстаивали свое собственное право поступать так, как поступили, потому что "не оставалось другого средства освобождения, кроме того, которое они избрали".

Джерард и Гринвелл сбежали на Континент, в то время как Гарнет, направив протест о своей невиновности в Совет, укрылся в доме Томаса Абингдона, который женился на сестре лорда Маунтигла, дворянина, который первым навел власти на след. По словам Джардина (*Criminal Trials*, 67-70), на процессе было применено много изобретательности, чтобы имя Маунтигла не было поставлено под сомнение. С Гарнет были отец Олдкорн и Оуэн, брат-мирянин, а также слуга по имени Чемберс. Олдкорн был капелланом палаты представителей, но Хэллем в своей "Истории конституции" (I-554) говорит: "изобличающим обстоятельством против Гарнета является то, что он был схвачен в Хендлипе, когда скрывался, вместе с другими заговорщиками". Поскольку Олдкорн и двое других не имели никакого отношения к этому делу и поскольку все заговорщики уже были застрелены или повешены, "неопровержимые доказательства" искажения фактов дела направлены против Халлама.

1 февраля был зачитан Законопроект о лишении прав, и день за днем, до 28 марта, комиссары посещали Тауэр, чтобы получить доказательства. Олдкорна неоднократно подвергали пытке, но у него ничего не вымогали. То же самое произошло и с Оуэном, Чемберсом и Джонсоном, главным управляющим дома, где были обнаружены священники. 1 марта, после того как Оуэна пытали, ему сказали, что в течение двух следующих дней он будет растянут на дыбе. Третий эксперимент убил его, и было объявлено, что "он вспорол себе живот тупым ножом". Гарнет, когда ему пригрозили дыбой, ответил, что "угроза его не испугала — он не был ребенком".

Суд, наконец, был назначен на 28 марта. Самым выдающимся юристом в королевстве в то время был генеральный прокурор Коук. Он начал свое обвинение с того, что напомнил историю всех заговоров, которые вынашивались со времен Елизаветы; он выступал против иезуитской двусмысленности и светской власти папы римского и настаивал на том, что все миссионеры, и иезуиты в частности, были вовлечены в заговор против короля и его протестантских советников. Но когда он перешел к реальным существам обвинительного заключения, то вскоре обнаружил беспочвенность своего обвинения. Он ни словом не обмолвился ни о признаниях свидетелей, ни об их предсмертных заявлениях, хотя хвастался, что докажет, что Гарнет был первоначальным организатором заговора и тайным советником заговорщиков. Все его обвинение основывалось на его собственных утверждениях и подкреплялось лишь несколькими незначительными фактами, допускающими совсем иную интерпретацию (Лингард, соч. цит. по, IX, 63).

Гарнет ответил, что ему запретили разглашать информацию о заговоре по той причине, что она была передана ему под печатью признания и не может быть раскрыта до тех пор, пока не станет достоянием общественности. Тем не менее, его сокрытие было расценено судьями как обвинение в государственной измене, и на этом основании, а не на основании каких-либо доводов генерального прокурора, он был осужден. Действительно, Коку настолько не удалось доказать свою правоту, что даже Сесил признался, что против Гарнета ничего не было предъявлено, за исключением того, что было подслушано, как он сказал в разговоре с Олдкорном в Тауэре, что "только один человек знал о его знакомстве с заговором". Именно эта

особенность судебного процесса с тех пор вызывала множество лицемерных обвинений в неправдивости Гарнет. Когда его спросили, разговаривал ли он с Олдкорном или писал Гринуэю, он ответил отрицательно; но было доказано, что он сделал и то, и другое. Поскольку Коук утверждает о лживости отца Гарнета, мы можем отвергнуть это как клевету, поскольку тот же самый выдающийся деятель заявил в своем официальном отчете, что Гарнет, находясь на эшафоте, признал свое соучастие в преступлении, тогда как присутствовавшие на казни категорически отрицали это. Если Коук мог солгать об одном, он мог солгать и о другом. Но в любом случае уголовный суд - это не исповедальня, и худший преступник может заявить "невиновен", не нарушая правды. Гарнет был казнен 3 марта 1606 года, но его тело не четвертовали до тех пор, пока жизнь не покинула его.

Жерар, который был объявлен вне закона, но который был совершенно невиновен в каких-либо сведениях о заговоре, поспешил покинуть страну. Это было трудно сделать, но в конце концов ему это удалось, и в то самое время, когда Гарнет стоял на эшафоте, Джерард покидал Лондон в качестве лакея в свите испанского посла. С ним был брат-мирянин в каком-то другом качестве. Таким было его прощание с родной страной. Он был отправлен туда в качестве миссионера в 1588 году и сошел на берег на побережье Норфолка сразу после поражения Армады — в то время, когда все охотились за папистами. История приключений этого красивого, учтивого джентльмена, который владел тремя или четырьмя языками, был заядлым спортсменом, искусным наездником и светским человеком, чувствовал себя непринужденно в высшем обществе, но при этом всегда проповедовал Евангелие, куда бы он ни пошел, в тюрьмах и даже на дыбе, составляет одну из самых привлекательных страниц в записях английской миссии. Он умер в Риме в возрасте семидесяти трех лет.

Во время суда над отцом Гарнетом Олдкорн был выведен из Тауэра и казнен в Вустере 7 или 17 апреля. Литтлтон, который спас себя во время заговора, донеся на остальных, попросил прощения у отца на эшафоте и умер вместе с ним. Два года спустя, 23 июня 1608 года, племянник отца Гарнета, Томас, принял мученическую смерть в Лондоне. Ему было тогда тридцать четыре года, и он всего три года был иезуитом.

После казни Гарнета был принят гораздо более суровый уголовный кодекс. Генрих IV Французский через своего посла и принца де Жуанвиля изо всех сил пытался сдержать гнев короля Якова, но безуспешно, за исключением того, что заступничество французского короля спасло двух миссионеров, приговоренных к смертной казни за отказ принести присягу. Однако он не смог добиться отсрочки приговора Друри, который был приговорен к смертной казни, поскольку в его распоряжении была найдена копия письма от Лиц, осуждающих клятву верности. Был ли этот Друри иезуитом или нет, установить невозможно, поскольку в "Fasti Breviores" и "Menology" говорится только о Друри, который был убит вместе с другим иезуитом при обрушении церкви в олд-Блэкфрайарсе в 1623 году. Яков не захотел слушать увещевания Генриха; он заверил посла, что по натуре является противником суровых мер и что он неоднократно сдерживал своих министров, но что католики были настолько заражены доктриной иезуитов, что ему пришлось оставить этот вопрос на усмотрение парламента. Когда посол заметил, что, по-видимому, нет никакой разницы в обращении независимо от того, приносят католики присягу или нет, король не ответил.

ГЛАВА VI

ЯПОНИЯ

1555-1645

После Ксавьера — Торрес и Фернандес — Чивандоно — Нуньес и Пинто — Король Хирандо — Первое преследование — Гаго и Вилела — Алмейда — Восстание против императора — Юстус Укондоно и Нобунага — Валиньяни — Основание Нангасаки — Пыл и верность новообращенных — Посольство в Европу — Путешествие по Португалии, Испании и Италии — Прием Григорием XIII и Сикстом V — Возвращение в Японию — Великие преследования Тайкосамы, Дайфусамы, сегуна I и Сегун II — Спинола и другие мученики — Прибытие францисканцев и доминиканцев — Народ жаждет смерти — Матриллы — Попытки установить Иерархию — Закрывание Портов — Обнаружение христиан.

Когда Франциск Ксаверий прощался с Японией в 1551 году, он оставил после себя отцов Торреса и Фернандеса. Их, вероятно, не хватило бы для предстоящей им огромной работы, и поэтому в августе следующего года отец Гаго был отправлен с двумя товарищами, ни один из которых еще не был посвящен в священный сан. Они были снабжены королевскими письмами и щедрыми подарками королю Чивандоно, который был преданным другом Франциска Ксаверия.

Вновь прибывшие были поражены благочестием 3000 христиан, ожидавших дальнейших наставлений. Они нашли их добрыми и милосердными, очень склонными к телесным аскезам и чрезвычайно щепетильными в вопросах совести, и им не составило труда найти среди них восторженных катехизаторов, которые обращались бы к людям и учили их новой религии. Поскольку вера японцев тогда, как и сегодня, была синтоизмом, у которого нет догм, нет морального закона и нет книг, и он пропитан буддизмом, главной доктриной которого является переселение душ, было легко пробудить интерес к религии, которая представляла на их рассмотрение духовные доктрины, моральный закон и священные книги. В 1554 году только в королевстве Арима было совершено 1500 крещений, хотя ни один священник еще не побывал в этой части страны. Существовавшая тогда феодальная система правления облегчала переход в другую веру. Таким образом, когда губернатор Амагути стал христианином, более трехсот его вассалов и друзей немедленно последовали его примеру. Это влияние становилось еще более очевидным всякий раз, когда выдающийся бонза принимал Веру, пример чего имел место, когда два самых знаменитых представителя этого класса приехали из Киото в Амагути для публичного диспута. После конференции они пали к ногам Торреса и не только попросили о крещении, но и стали ревностными наставниками народа. Естественно, все бонзери Империи были встревожены и подняли восстание против правительства за то, что оно не остановило эти обращения. Но Чивандоно созвал свои войска, чтобы подавить то, что вскоре приняло масштабы организованной войны. Действительно, в какой-то момент повстанцы, казалось, одерживали верх: но как раз в тот момент, когда король был на грани того, чтобы попасть в ловушку, Фернандес, рискуя своей жизнью, проскользнул сквозь ряды врага и передал Чивандоно информацию, которая принесла победу. С тех пор дружба монарха никогда не подводила его христианских подданных. У него было достаточно возможностей продемонстрировать им свою преданность, поскольку восстания были таким же обычным явлением, как землетрясения в Японии, которые, как говорили, происходили в среднем по три раза в день.

Вице-король Индии убедил отца Нуньеса, провинциала, посетить Японию в этот момент, и он прибыл вместе с отцом Вилелой и несколькими молодыми схоластами. С ними был богатый португалец по имени Пинто, который решил потратить большую часть своих денег на строительство школы во владениях Чивандоно. Чтобы помочь плану, вице-король назначил Пинто своим послом. Они прибыли в апреле 1556 года после опасного путешествия только для того, чтобы найти там письмо от Св. Игнатий, напомнив отцу Нуньесу, что провинциалам незачем предпринимать подобные поездки и перекладывать свою официальную работу на других. Однако тем временем столь настоятельное приглашение поступило от короля Фирандо, или Хирандо, как его теперь называют, и шанс для обращения короля казался настолько многообещающим, что отец Нуньес воспользовался разрешением отложить свое возвращение в Индию. Он был принят Чивандоно, которого он должен был навестить по пути в Хирандо, с теми же великолепными церемониями, которые были проведены в честь святого Франциска Ксаверия; и во время долгого совещания, проведенного с помощью Фернандеса, он убеждал короля стать христианином, но Чивандоно настаивал, что государственные соображения пока не позволяют ему этого сделать. Затем Нуньес отправился в Хирандо, но заболел еще до того, как добрался туда, и, как следствие, был вынужден вернуться в Гоа. Поскольку ему не удалось обратить в свою веру ни одного идолопоклонника и поскольку грандиозные планы Пинто по образованию японцев потерпели неудачу, провинциал пришел к выводу, что было бы разумнее остаться в Индостане, где он совершал великие дела, чем заниматься апостольской работой, к которой его не обязывало послушание. Неудача Пинто, однако, была компенсирована преданностью другого богатого человека, Луиса Алмейды, который приехал с отцом Нуньесом в Японию. Алмейда, будучи врачом, немедленно приступил к строительству двух учреждений — больницы для прокаженных и приюта для брошенных детей, которые безнравственность японских женщин сделала крайне необходимыми. Это было еще одно выражение благодарности Чивандоно, которое король оценил. К этому времени Алмейда стал иезуитом.

Тем временем король Хирандо, который просил о Нуньесе, был умиловлен тем, что к нему прислали отца Гаго. Успех миссионера был поразительным. За его визитом последовали бесчисленные обращения, начиная с визита самого короля. Были посланы помощники, среди которых был знаменитый бонза Павел из Киото, обращение которого вызвало большой переполох несколько лет назад. Примерно за месяц было зарегистрировано 1400 крещений; но Павел достиг конца своей апостольской карьеры и вернулся, чтобы умереть на руках отца Торреса.

Произошло обычное восстание, и король, который поднял столько шума из-за вызова отца Нуньеса, оказался очень слабовольным христианином. Разрушались церкви, осквернялись кресты и совершались другие безобразия, но он ничего не сделал, чтобы подавить беспорядки. По его словам, ему помешали политические причины. Именно во время этой вспышки произошла первая мученическая смерть бедной рабыни, которая привыкла молиться перед крестом, воздвигнутым за пределами города. Ее предупредили, что так открыто заявлять о своем христианстве дороже ее жизни; тем не менее она упорствовала и была убита, когда опустилась на колени на дороге, чтобы принять удар меча палача. Даже сам отец Гаго был близок к тому, чтобы пасть жертвой народного гнева. В свете последующих событий, если все было так, как сообщалось, следует сожалеть, что он упустил возможность завоевать корону.

Первым иезуитом, добравшимся до Киото и оставшимся там, был Вилела. Он проделал долгий путь, чтобы посетить знаменитый ресторан, в который его пригласили; и затем, оказавшись

недалеко от имперского города, он решил представиться императору, или Микадо, как его называли. Его метод сближения с этим великим властелином поразил зрителей своей новизной. Высоко подняв крест, он провозгласил цель своего приезда в Японию. Ко всеобщему удивлению, Микадо казался чрезвычайно довольным; но это встревожило бонз, и они обвинили Вилелу во всевозможных преступлениях, не исключая и каннибализма. Действительно, по их словам, они видели в доме Вилелы большие куски человеческой плоти. Чтобы прекратить их шумиху, микадо, наконец, согласился на публичные дебаты, однако сделал это с большими опасениями за успех Вилелы. Дискуссия состоялась, но, если метемпсихоз, изложенный их представителем по этому поводу, представлял популярное кредо, приходится сказать, что японский менталитет того периода не отличался особым превосходством. Легкая победа Вилелы дала ему право проповедовать по всей Империи; и число новообращенных было так велико, что требовалось много миссионеров, чтобы помочь ему.

Отец Гаго, который незадолго до этого упустил шанс принять мученическую смерть, считался человеком, подходящим на крайний случай. Фрэнсис Ксавье специально выбрал его для Японии; его способности в изучении языка были изумительными; его набожность признавалась всеми; его рвение не знало границ, и его успех соответствовал его усилиям. На самом деле, его почти обожали, куда бы он ни пошел; но внезапно, как раз в тот момент, когда в нем нуждались, он, казалось, изменился. Его энергия, его рвение, его энтузиазм испарились. В его поведении не было абсолютно ничего предосудительного — даже подозрений не возникало. Но он хотел бросить свою работу и, к ужасу своих коллег, вернулся в Гоа. По пути он чуть не потерпел кораблекрушение, но это привело лишь к временному возрождению его пыла. Его отправили в Сальсетт и взяли в плен, но впоследствии освободили. Однако он уже никогда не был тем человеком, каким был в начале своей карьеры. "Я подробно остановился на этом, - говорит Шарлевуа, - потому что я пишу историю, а не панегирик". "Менология" Португалии, однако, обвиняет Шарлевуа и Бартоли в этом обвинении, но защите не хватает ясности.

Из Киото Вилела отправилась в Сакаи, который был независимым городом — республиканцем по своему управлению, но по своему правлению таким же тираническим, какой примерно в то время была Венеция. Кроме того, это было крайне аморально, и только одна семья в нем могла иметь какое-либо отношение к миссионеру. Поэтому он отряхнул ее прах со своих ног и ушел в другое место.

Врач Алмейда, отличившийся в то время в своих миссионерских путешествиях, рассказывает, как в уединенном районе он наткнулся на целую общину людей, которые видели священника всего один раз мимоходом, но запомнили все, что им было сказано, и соблюдали заповеди так хорошо, как только могли. Он крестил их всех и, оставив им способных катехизаторов, один из которых написал книгу о христианстве, продолжил свой путь, ища новые души для спасения. Во многом благодаря ему удалось привлечь на свою сторону некоторых правящих князей. Один из них, по имени Сумитанда, отличился тем, что сбросил знаменитого идола, называемого Богом Войны, как раз в тот момент, когда армия вступала в бой. Когда битва была выиграна, большинство солдат не только стали христианами, но позже, когда на Сумитанду напали два царя, возмущенных его обращением, многие его люди прикрепили кресты к своим доспехам и прогнали врага с поля боя.

Тем временем в Киото вспыхнуло восстание против Микадо; он был осажден в своей цитадели, но в конце концов ему удалось отбросить врага. Когда в 1562 году был восстановлен мир,

Вилела вернулся в столицу, и множество людей, не только простых людей, но и многих принцев крови и выдающихся дворян, публично исповедовали христианство. Это снова выдвинуло бонз на первый план, и в качестве прелюдии к указу об изгнании миссионеров им удалось добиться создания комиссии для изучения нового учения двух самых влиятельных людей королевства, обоих закоренелых язычников. Все были настолько убеждены в том, что это только начало процесса истребления, что Вилеле посоветовали уехать из столицы. Он согласился, во многом против своей воли; но случилось так, что двое из его христиан более скромного сословия настолько поразили инквизиторов своими ответами, что оба великих человека попросили о крещении. Дискурс Вилелы обрел еще одного новообращенного в лице отца человека, ставшего знаменитым в те дни японской истории, — Юстуса Укондоно.

В 1565 году Микадо проявил особое внимание к миссионерам по случаю великолепных придворных церемоний, ознаменовавших начало нового года. Вся нация была поражена беспрецедентной милостью, но, как обычно, это была лишь прелюдия к буре. В следующем году Микадо был убит, а все его приверженцы были либо преданы мечу, либо изгнаны из столицы. Это был первый акт трагедии, которая послужила темой для Шекспира. Дело в следующем: победившие повстанцы посадили на трон младшего брата императора, но, опасаясь подобной участи, он бежал в замок выдающегося солдата Ватадоно, который, оказавшись недостаточно сильным, чтобы поддержать притязания беглого монарха, убедил самого способного военного Японии Нобунагу, короля Боари, встать на защиту своего государя. Предложение было принято; последовали два кровопролитных сражения; повстанцы были разбиты вдребезги, и молодой император, по имени Кубосама, воссел на трон в Киото. Дворец, разрушенный во время войны, был заменен новым, построенным из камней бонзери и статуй национальных идолов. Затем оба завоевателя поспешили выразить свое уважение миссионерам и заверили их в защите; Нобунага удалился в свое королевство, когда работа была завершена, а Ватадоно, его заместитель, остался наместником в Киото. Все эти события произошли в одном-единственном 1568 году.

Именно тогда на сцену вышел прославленный Александр Валиньяни, величайший человек из миссионеров на Востоке после Франциска Ксаверия. В течение тридцати двух лет все его усилия были направлены на формирование различных должностей на обширном поле апостольской работы в этой новой части мира и руководство ими, и его успех был поразительным. Он родился в Кьети. Тесная дружба его отца с папой Павлом IV делала доступными высшие должности в Церкви, если бы он захотел к ним стремиться; но он покинул папский двор и был принят в Общество Фрэнсисом Борджиа, начав свою иезуитскую жизнь с практики ужасных умерщвлений плоти, которую он продолжал до конца своей карьеры. Меркуриан выбрал его посетителем Индии; ему дали тридцать двух спутников, и он был уполномочен выбрать еще восьмерых, где бы он ни смог их найти.

В то время в Японии было всего двадцать миссионеров, в то время как в Китае их вообще не было. Когда Валиньяни умер, в Японской империи насчитывалось сто пятьдесят иезуитов и шестьсот катехизаторов, у которых, несмотря на войны и гонения, было триста церквей и тридцать одно место для собраний миссионеров. Там были послушничество, дом богословских и философских исследований, два колледжа, куда японская знать отправляла своих сыновей, помимо типографии, две школы музыки и живописи, множество братств, школ и, наконец, больницы для всех видов человеческих страданий, и когда начались преследования, в его распоряжении было достаточно средств, чтобы прокормить девятьсот изгнанных японцев.

Наконец, именно его руководство и помощь позволили Маттео Риччи водрузить крест в двух столицах Китая. Он имел такое влияние на ужасного Тайкосаму, что в империи вошло в поговорку, что если бы отец Александр выжил, Японская церковь никогда бы не пала. Когда было объявлено о его прибытии, царила великая радость. Не успел корабль, доставивший его в порт, бросить якорь, как его окружили сотни лодок, наполненных христианами, и все они несли флаги, на которых был нарисован крест. Когда он приблизился к городу, толпы людей вышли ему навстречу, одни целовали его одежду, другие - руки, третьи - ноги, и длинная процессия с триумфом привела его в церковь, где был спет *Te Deum* в благодарность Богу за его приход.

В тот год Нагасаки, которому впоследствии предстояло дать так много мучеников за веру, внезапно превратился из неприметной деревушки в большой город из-за большого количества поселившихся там христиан. Однако именно тогда Церковь постигло великое горе: Фернандес, один из миссионеров, которых Ксавье оставил позади себя в Японии, скончался. Торрес, действительно, все еще оставался, но и ему предстояло завершить свою славную карьеру через год или два. Однако они построили великолепную Церковь; и в таких условиях работа евангелизации не могла не продвигаться быстрыми темпами. Действительно, летописи того периода изобилуют сообщениями об обращении принцев и целых народов; и когда Кабрал прибыл в качестве настоятеля вместо Торреса, император оказал миссионерам свою защиту, несмотря на неослабевающее сопротивление бонз, которые все еще пользовались подавляющим влиянием при дворе. В одной из провинций Кабрал во время своих официальных визитов обнаружил весьма примечательное свидетельство незыблемости веры. Уже десять лет там не было ни одного священника, и все же была возведена прекрасная церковь, и ее постоянно наполняла ревностная паства. В другом месте, где постоянные войны, в которых участвовал правитель, и резня, которую он учинил при завоевании территории, удерживали миссионеров по меньшей мере двадцать лет, благодаря слепому старику по имени Товиас, которого святой Франциск Ксаверий крестил и дал ему имя, все люди, оставшиеся поблизости, были тщательно наставлены в своей Вере.

Тем временем разыгрывалась новая историческая драма, более чудесная, чем первая. Слабохарактерность Кубосамы сделала его жертвой бонз, которых он искренне ненавидел. Им также удалось разрушить дружбу Ватадоно и Нобунаги. К счастью, двое друзей вовремя помирились, но это породило встречное движение, направленное на их уничтожение. Под тем или иным предлогом была объявлена война, и в одном из первых столкновений Ватадоно был убит. Это был печальный удар для миссионеров, потому что герой был оглашенным и ожидал крещения. Оставшись теперь один и, как предполагалось, неспособный защитить себя, Нобунага подвергся более яростным нападкам бонз, чем когда-либо. Устав от всего этого, он собрал свои войска и отправился в Киото. Его враги бежали перед ним. Он взял город и поджег его, а затем, не потому, что им двигали личные амбиции, а потому, что он видел, что, если Кубосаме будет позволено править, состояние войны будет продолжаться, он запер слабого монарха в крепости и провозгласил себя верховным военачальником или сегуном. Именно тогда Чивандоно, король Бунго, первый друг Франциска Ксаверия, стал христианином и взял имя Франциск; более того, он построил город, в котором разрешалось жить только христианам. Там он провел остаток своих дней, являя всем пример благочестия.

Тем временем Нобунага продолжал оказывать благосклонность миссионерам. Он построил новый и великолепный город, а в лучшей его части основал колледж и семинарию. Христианство добилось больших успехов под его руководством, поскольку он был смертельным

врагом бонз, которые в течение многих лет пытались приблизить его гибель. Тем не менее, хотя он с интересом и удовольствием слушал объяснения символа веры и полушутливо спрашивал миссионеров, действительно ли они верят во все, что говорят, и не такие ли они плохие, как бонзы, он не пошел дальше.

В первые годы правления Нобунаги Валиньяни задумал отправить торжественное посольство от различных христианских королей страны, чтобы засвидетельствовать свое почтение Верховному понтифику в Вечном городе. Это была не императорская делегация, а всего лишь три набожных правителя Бунго, Аримы и Омуры. Нобунага охотно дал свое согласие, и послы покинули Нагасаки 22 февраля 1582 года и направились в Киото. Оттуда они направились через Малакку в Гоа. На этой части путешествия им часто угрожала неминуемая опасность кораблекрушения, но они благополучно прибыли в Гоа в начале 1583 года. Там они были с большой церемонией приняты вице-королем Маскараньясом, который развлекал их в течение нескольких месяцев. Валиньяни, который руководил ими до сих пор, вернулся в Японию, передав их в руки отцов Мескиты и Родригеса, которые оставались с ними до тех пор, пока они не добрались до Рима.

Они отплыли в конце февраля, а 10 августа бросили якорь в Тежу. Шарлевуа отмечает, что "эта часть путешествия была недолгой", хотя длилась она почти шесть месяцев. Принц-кардинал, который в то время был вице-королем Португалии, осыпал их почестями и сделал своими гостями в королевском дворце на целый месяц. Затем они посетили главные города Португалии. Для них не было ничего чрезмерного ни в плане чести, ни даже в плане денег. Наконец, их проводили в Мадрид, где они имели публичную аудиенцию у Филиппа II, которому они вручили свои верительные грамоты и преподнесли подарки от христиан Японии, а также выразили благодарность за все, что его величество сделал для зарождающейся Церкви их страны. Говорят, что Филипп нежно обнял их, заверив в большом уважении, которое он питает к королям, которых они представляли. Королева Мария предоставила в их распоряжение свои экипажи, и на следующий день их проводили в Эскориал, где они получили поздравления от принцев и грандов Испании. Французский посол также нанес им торжественный визит. Даже сам король нанес им визит и распорядился снарядить судно в Аликанте, чтобы доставить их в Италию. Они покинули Мадрид 26 ноября, и в каждом городе на их пути их встречали с почти королевскими почестями. Был уже январь 1585 года, когда они покинули Испанию. Средиземное море обошлось с ними жестоко, и только в марте месяце они сошли на берег в Ливорно под артиллерийские залпы форта. Экипажи великого герцога везли их по дороге в Пизу. Там принц и весь его двор ожидали их приема и проводили во дворец, где был приготовлен великолепный пир, после которого Пьетро Медичи и великий герцог пришли засвидетельствовать им свое почтение.

Они посмотрели карнавал в Пизе, а затем отправились во Флоренцию, где их приветствовали папский нунций и кардинал архиепископ, впоследствии ставший папой Львом XI. Оттуда они направились в Сиену, где, как гости папы римского, были встречены на границе двумя сотнями аркебузиром, присланных вице-легатом Витербо, чтобы оказать им особые почести. Григорий XIII был тогда на папском престоле; и, чувствуя, что его конец приближается, он послал роту легкой кавалерии, чтобы ускорить их приход. Была пятница, 20 марта 1585 года, когда они въехали в Рим, и их первый визит был к отцу Аквавиве, который в то время был генеральным директором Общества. Он повел их в церковь, где была спета молебен; а на следующий день папа созвал консисторию, на которой постановил, что посланники должны рассматриваться

как королевские послы; что их прием должен быть как можно более пышным; и что их первая аудиенция должна состояться при полном составе консистории в папском дворце.

В день, назначенный для торжественного въезда, 23 марта, испанский посол прислал свои экипажи, чтобы доставить гостей на виллу папы; а затем с легкой кавалерией папы во главе, за которой следовали швейцарские гвардейцы, официальные лица кардиналов и послы Испании и Венеции, с их пажами, офицерами, трубачами и всей папской семьей в пурпурных одеждах, делегаты проследовали в Город. Японцы были верхом на лошадях и носили костюмы своей страны; принцы и архиепископы ехали по обе стороны, а за ними следовал отец Диего, который выступал в роли переводчика. Завершала представление толпа конных кавалеров в великолепных одеждах. Весь город вышел их встречать. Улицы были запружены людьми, как и крыши домов, все соблюдали благоговейную тишину, прерываемую только звуками труб или редкими, но восторженными возгласами толпы. Когда подъехали к мосту замка Сант-Анджело, раздался грохот пушек приветствие, которое повторили пушки папского дворца и подхватили звуки музыкальных инструментов, раздававшиеся со всех сторон по мере приближения посланников ко дворцу.

Толпа кардиналов и прелатов в зале была настолько велика, что швейцарским гвардейцам пришлось пробиваться сквозь нее, чтобы проводить понтифика к его трону. Когда он сел, послы приблизились, держа в руках свои верительные грамоты; а затем, преклонив колени у ног Папы, они объявили ясным и громким голосом, что прибыли с края земли, чтобы увидеть наместника Иисуса Христа и выразить ему почтение князей, посланцами которых они были. Слезы текли по щекам понтифика, когда он поднимал посланников и нежно обнимал их, снова и снова, с любовью, которую они никогда не забывали. Затем их провели на возвышение, и секретарь папы Римского зачитал вслух письма, которые они принесли. Когда это было сделано, отец Гонсалес подробно объяснил цель их миссии, и епископ ответил от имени Его Святейшества. Следующим по порядку было второе целование ног, и кардиналы столпились вокруг изумленных японцев, задавая им бесчисленные вопросы об их стране и событиях их путешествия, на все из которых ответы были даны с изысканностью и вежливостью, которые очаровывали всех, кто их слышал. На этом заседание закончилось, и, поднявшись со своего трона, папа удалился, оказав посетителям честь, которой удостаивались только императорские послы, - нести папский кортеж. Затем их развлекли на роскошном банкете.

Последовали частные беседы с Папой Римским; и после приемов различных высокопоставленных лиц, на некоторых из которых японцы были одеты в свою национальную одежду, на других появлялись в итальянской одежде, Папа подарил им дорогие одежды, которые они носили с легкостью и изяществом, которые были удивительны для людей, столь непривычных к подобной обстановке и церемониям. Когда они отправились вознести свои молитвы в семи церквях, в каждой из них их торжественно принимали под звон колоколов и игру органов. Тем временем врачи ежечасно присылали бюллетени Его Святейшеству, который был глубоко обеспокоен состоянием одного из посланников, который был отстранен от участия во всех этих церемониях из-за приступа болезни. Инвалид, однако, не умер, а позже, в своей родной стране, отдал свою жизнь за Веру.

Действительно, через несколько дней после этих зрелищ умер сам папа римский. Он проболел всего несколько дней, но в свои самые последние минуты навел справки о больном человеке с Дальнего Востока. Он ушел из жизни 10 апреля, а 25-го Сикст V взошел на трон. До своего

избрания он проявлял самое бурное внимание к японцам, а после избрания стал еще более внимательным, даже отдавая им преимущество перед кардиналами, когда встал вопрос об аудиенции. Они присутствовали на его коронации, служили послушниками на его мессе и были гостями на банкете на его вилле. Он даже посвятил их в рыцари, а когда послы Франции и Венеции наградили их поясами и шпорами, он повесил им на шею богатые золотые цепи и медали, поднял их, поцеловал и причастил на своей частной мессе. Он отправил письма и подарки королям, которых они представляли, а сами послы получили богатые награды от щедрого понтифика.

Наконец, Сенат, собравшийся для этой цели в Капитолии, произвел их в патриции; им были выданы патенты с прикрепленной массивной золотой печатью. Затем они попрощались с папой римским, который взял на себя все расходы по их поездке в Лиссабон. Приглашения им были направлены от других государей Европы, но принять их было невозможно, и они покинули Рим 3 июня 1585 года, проделав значительное расстояние в легкой кавалерии и многочисленной знати. В Сполето, Ассизи, Монтефальконе, Перудже, Болонье, Ферраре и других местах им оказывались всевозможные почести. Например, когда они приближались к Венеции, сорок сенаторов в красных мантиях встретили их и сопровождали вверх по Большому каналу на судне, которое обычно хранилось для королей. Каждая гондола города следовала за ними по пятам; патриарх и вся знать посетили их; затем их проводили во дворец дождей, где сопровождавшие их сенаторы отвели им первые места в собрании. Тинторетто написал их портреты, и им показали гобелены, на которых уже был изображен их прием папой. Сотня артиллерийских орудий приветствовала их в Мантуе; город был иллюминирован, и люди преклоняли колени на улице, чтобы выразить свое почтение этим новым детям Веры с Дальнего Востока. Они даже были спонсорами крещения еврейского раввина. Та же история была в Милане и Кремоне. Они подошли к Генуе морем, и были отправлены галеры, чтобы сопровождать их в город. Выехав оттуда 8 августа, они добрались до Барселоны 17-го. В Монконе они снова увидели Филиппа II, у которого в Лиссабоне было специально оборудованное для них судно; он осыпал их деньгами и подарками и приказал вице-королю Индии снабжать их всем, что они пожелают, до тех пор, пока они не доберутся до Японии. Наконец, они покинули Лиссабон 30 апреля 1586 года. Во время своего пребывания в Европе они имели счастье встретить св. Алоизиуса Гонзага, который тогда был новичком в Обществе.

Великолепие этих европейских дворов, должно быть, ослепляло глаза темнокожих сынов Востока, когда они путешествовали по Португалии, Италии и Испании; но они, вероятно, не знали о трагедиях, которые разыгрывались поблизости, во владениях Самого христианского короля, где католики и гугеноты вцеплялись друг другу в глотки; не знали они и о братоубийственной борьбе в Германии, которая привела к Тридцатилетней войне, превратившей христианскую Европу в пустыню; не знали они и о ярости Елизаветы, которая в это самое время была время предавать смерти братьев иезуитов, которых они так глубоко почитали. Революции, убийства и святотатства, совершенные по всем этим странам, были бы поразительным откровением того, до каких глубин могли опуститься христианские народы. Однако они, возможно, были проинформированы обо всем этом и, таким образом, могли легче понять безжалостную жестокость своих собственных языческих правителей, жертвами которых им так скоро предстояло стать.

Кубосама, как мы видели, был добр к христианам, а Нобунага радушно принимал священников в своем дворце и находил удовольствие в их беседах. Он дал им место в прекрасном городе,

который сам построил; но на самом деле он сомневался в искренности их веры точно так же, как не верил в учение бонз. За неимением другого божества он начал поклоняться самому себе и, подобно древнему Навуходоносору, наконец-то стал требовать от своих подданных божественных почестей. Такое мировоззрение, естественно, привело к жестокости, и в 1586 году он был убит одним из своих доверенных чиновников, который, в свою очередь, погиб в бою, когда Укондоно, христианский командующий имперскими армиями, сверг его. Возможно, неразумно Укондоно не взял на себя должность защитника юного сына Нобунаги, а оставил ее человеку низкого происхождения, ужасному Тайкосаме, который быстро стал сегуном. Сначала он защищал христиан, сделал провинциала Коэльо своим другом и позволил проповедовать Веру по всей империи. Высшие офицеры его армии и флота были убежденными верующими.

Прошло три года, и число неопитов удвоилось. Сейчас в Японии насчитывалось 300 000 христиан, среди которых были короли и принцы, а также три главных министра империи. Но случилось так, что в 1589 году две христианки отказались стать обительницами гарема Тайкосамы, и это превратило его в ужасного преследователя. Укондоно был лишен своего поста и отправлен в изгнание; отцу Коэльо было запрещено публично проповедовать, а другие иезуиты должны были покинуть страну в течение двадцати дней, в то время как каждому новообращенному было приказано отречься от христианства. Двести сорок церквей должны были быть сожжены. Вероломный сын знаменитого древнего короля Бунго подал первый заметный пример отступничества, но, как это часто бывает в подобных обстоятельствах, само преследование привлекло тысячи новообращенных, которые до этого колебались, стоит ли отречься от своих идолов. В этот момент отец Валиньяни появился в качестве посла вице-короля Индии и в этом качестве был с королевской пышностью принят Тайкосамой. Но бонзы, которые теперь восстановили свое влияние на императора, заверили его, что посольство было всего лишь средством обойти закон, и поэтому, хотя он и принял подарки, он не смягчился в своем сопротивлении; однако в его тщетной экспедиции против Китая войска сопровождали два иезуита.

Впервые кровь была пролита в королевстве Хирандо. Отцы Карриони и Мартель были отравлены, а Карвалью и Фурналетто, занявших их места, постигла та же участь. Пятый, чье имя утеряно, был убит аналогичным образом. К несчастью, испанские торговцы на Филиппинах как раз в то время убедили францисканских миссионеров этих островов перебраться в Японию, поскольку распространился слух, что иезуиты в Японии были полностью истреблены, хотя на самом деле в стране все еще оставалось двадцать шесть из них. Это правда, что их не было видно, как раньше, поскольку, за исключением двух армейских капелланов, они осуществляли свое служение тайно. Однако испанцы об этом не знали и, вероятно, говорили добросовестно. Францисканцы, прибыв на место, обнаружили, что их обманули, поверив, что преследование было вызвано неприязнью к личности иезуитов, с некоторыми из которых, без сомнения, они встречались. Тем не менее, они решили остаться, и Тайкосама разрешил им это из-за писем, которые они везли от губернатора Филиппин, который выразил желание стать вассалом Тайкосамы. Тем временем испанский капитан, чье судно потерпело крушение у побережья, по глупости заявил, что отправка миссионеров в Японию была всего лишь средством подготовки к португальско-испанскому вторжению. Возможно, он говорил в шутку, но его слова были переданы Тайкосаме, в результате чего 5 февраля 1597 года шесть францисканцев и три иезуита были повешены на крестах в Нагасаки. Иезуитами были Пол Мики, Джеймс Кисаи и Джон де Гото, все трое японцы. В тот же день был издан общий указ об изгнании.

Как раз в это время Валиньяни, ушедший в отставку, вернулся в Японию с еще девятью иезуитами и коадьютором первого епископа Японии — епископ умер по дороге. Валиньяни, который лично был очень приятен Тайкосаме, был радушно принят, и буря на мгновение утихла; но, к сожалению, Тайкосама умер год спустя, и, как ни странно, два священника-иезуита, Родригес и Органтини, завоевавшие его расположение, были с ним, когда он испускал последний вздох, но они не произвели никакого впечатления на его разум или сердце. Он оставил сына, и Дайфусаме стал регентом или сегуном. К счастью, Валиньяни добился некоторого успеха в убеждении его, что для того, чтобы прочно утвердиться на своем троне, было бы разумно распространить его защиту на своих христианских подданных. Более того, король Хирандо, хотя поначалу и намеревался продолжить преследование, был вынужден отказаться от своей цели, по крайней мере на некоторое время, из-за угрожающего отношения своих христианских подданных, которые были очень многочисленны и очень могущественны в его королевстве. Вероятно, ему помог принять это решение тот факт, что в первый год после вспышки гнева, а именно в 1599 году, еще семьдесят тысяч японцев попросили о крещении. В 1603 году в единственном княжестве Финго было обращено 10 000 человек.

Отцу Органтини удалось сблизиться с Дайфусамой, который, чтобы укрепиться политически, позволил восстановить церкви в империи и даже в Киото. Однако, к сожалению, в 1605 году он услышал, что Испания отправляет несколько военных судов для покорения Молуккских островов, и, полагая, что на самом деле ее целью была Япония, он отдал приказ губернатору Нагасаки не допускать испанских кораблей в гавань. Хуже того, случилось так, что Валиньяни, который оказывал необычайное влияние на Дайфусаму, не было рядом, чтобы разубедить его в его ошибке. В то время он был при смерти и скончался на следующий год в возрасте шестидесяти девяти лет. На данный момент Дайфусаме был так сильно потрясен потерей своего друга, что забыл о своих подозрениях и предоставил миссионерам полную свободу осуществлять свое служение повсюду. На самом деле он вызвал к себе во дворец знаменитого Чарльза Спинолу, который сейчас впервые появляется в стране, за которую ему вскоре предстояло пролить свою кровь. Со Спинолой был Секьера, первый епископ, которому удалось добраться до Японии. Императорскому призыву Спинола и епископ с готовностью подчинились, поскольку в формировании местного духовенства уже был достигнут такой прогресс, что пять приходов, которые они основали в Нагасаки, находились в то время в руках японских священников, и была открыта академия, в которой, помимо теологии, преподавались элементарная физика и астрономия. Органтини, проработавший в Японии сорок девять лет, даже построил приют для подкидышей, чтобы продолжить работу, которую Алмейда начал в другом месте. Также была открыта больница для прокаженных.

На данный момент ничего не произошло, но, хотя внешне Дайфусаме благоволил миссионерам, в глубине души Дайфусаме был обеспокоен этим удивительно быстрым распространением христианства, и когда в 1612 году два купца, один из Голландии и один из Англии, которые замыслили вытеснить испанцев и португальцев из-под контроля торговли Японии, возбудили его старые подозрения, заверив его, что священники на самом деле были лишь предвестниками армий, старая враждебность вспыхнула с новой силой. Возможность поработать со страхами Дайфусамы представилась любопытным образом. Вице-король отправил из Мексики испанский корабль посмотреть, что можно сделать для установления торговых отношений с Японией, и по прибытии в порт было замечено, что он проводит обычную промерку — таинственный процесс в глазах японцев. Об этом факте сообщили Дайфусаме, который спросил английского морского капитана, что это значит. "Почему?" - последовал ответ.

"В Европе это считается враждебным актом. Капитан намечает гавань таким образом, чтобы позволить флоту войти в нее и вторгнуться в Японию. Эти иезуиты хорошо известны как испанские священники, за которыми охотились во всех странах Европы как за заговорщиками и шпионами, а религия, которой они учат, - всего лишь прикрытие для сокрытия их скрытых замыслов".

Верил ли Дайфусама в это или нет, сказать трудно, но более великие люди, чем этот грубый варвар, были обмануты более нелепой ложью. Задержки не последовало. Четырнадцать самых выдающихся семейств империи были изгнаны, а других ожидал подобный запрет. Затем гонения стали всеобщими; церкви были разрушены, а всем миссионерам было приказано покинуть империю. Дайфусама умер в 1616 году, но его сын и преемник превзошел его в свирепости, хотя было короткое затишье из-за внутривластных неурядиц.

Именно в этот период тридцать три иезуита вернулись в страну под различными масками. Их целью было работать тайно, чтобы правительство не заметило их присутствия. К несчастью, двадцать четыре францисканца, обманутые слухами о заключении торгового договора с Испанией и под впечатлением, что корень проблемы - личная неприязнь к иезуитам, высадились в Нагасаки в конце 1616 года и настояли на том, чтобы открыто проповедовать Евангелие. Они рассчитывали без своего хозяина. Был издан указ, согласно которому укрывательство миссионеров в любой одежде считалось тяжким преступлением. Более того, было официально объявлено, что жители десяти домов, ближайших к тому, где был обнаружен миссионер, будут убиты. Иезуиты ушли в горы и болота, чтобы спасти свой народ, но францисканцы проигнорировали эдикт. В результате был отдан немедленный приказ забрать всех священников, которых только можно было найти. Сначала был разграблен Нагасаки. Все иезуиты исчезли, кроме Мачадо; он и францисканец были схвачены и 21 мая 1617 года обезглавлены. Однако, несмотря на это предупреждение, доминиканец и августинец публично отслужили мессу на глазах у Санчо, принца-отступника, который был агентом сегуна. Результатом была немедленная смерть для обоих. Та же бесполезная бравада повторялась и в других местах. Иезуиты, как мы уже говорили, применили иную тактику. Таким образом, де Анджелис покрыл горы Воксуан; Наварро и Порро жили в пещере в Бунго и, когда могли, выбирались наружу, чтобы навестить свои рассеянные стада. Была группа и на богатом острове Ниппон — среди них Торрес, Барретто, Фернандес и японец по имени Юкуи. Из этого укрытия они рассредоточились во всех направлениях, обычно маскируясь под местных торговцев; все они, даже в этих ужасных условиях, обратили в свою Веру множество людей.

Явление, не являющееся чем-то необычным для Церкви, но доведенное в данном случае до невероятных пределов, теперь проявило себя. Вместо того, чтобы вселить ужас в сердца христиан, последовал прямо противоположный результат. Проявилось, так сказать, повсеместное стремление, особая преданность мученичеству. Толпы людей собирались в каждом городе, чтобы сопровождать жертв к месту казни; женщины и дети надевали свои самые богатые одежды; пели песни радости, а зрители с энтузиазмом произносили молитвы, которые постоянно напоминали страдальцам, что эшафот - это лестница на небеса. В Киото не было никаких проблем с заполнением списков тех, кто должен был быть казнен. Люди приходили сами, чтобы назвать свои имена. Те, кто этого не сделал, были причислены к идолопоклонникам. Их число достигло нескольких тысяч, и император был так встревожен, что

сократил их число до 1700. В городе было пятнадцать иезуитов. Шестеро из них были изгнаны, но остальные девять переходили с места на место, поддерживая мужество своих стад. Гомес и епископ погибли посреди этих ужасов, и обязанности обоих легли на Карвалью.

К сожалению, на данном этапе была найдена бумага, подписанная кровью несколькими христианами, которые клялись насмерть бороться против изгнания миссионеров. Сегуну этого было достаточно. Иезуиты в количестве ста семнадцати человек вместе с двадцатью семью членами других религиозных орденов, августинцами, францисканцами и доминиканцами, были доставлены в Нагасаки и отправлены в Макао и на Филиппины. С ними был Укондоно, бывший командующий силами Тайкосамы. На судах также находилось несколько семей выдающихся людей. Некоторые умерли в пути; а другие, в том числе Укондоно, испустили дух вскоре после прибытия на Филиппины. Двадцати шести иезуитам и некоторым другим религиозным деятелям удалось остаться в Японии. Поскольку провинциал Карвалью был среди изгнанников, он назначил Родригеса своим преемником и назначил Чарльза Спинолу присматривать за Нагасаки и прилегающей территорией. Теперь работа стала особенно сложной. Так, один из этих скрытых апостолов рассказывает, что большую часть своей работы ему приходилось выполнять ночью. Часто ему приходилось ощупью пробираться по неизвестным дорогам через леса и по краям пропастей, по которым он нередко скатывался на дно пропасти. Другой говорит: "Я прячусь в хижине, и время от времени мне дают немного риса. Здесь так сыро, что у меня радикулит, и я не могу ни стоять, ни сидеть; большую часть своей работы я выполняю по ночам, навещая свою паству, пока мои защитники спят". Так было и со всеми остальными.

По этому поводу часто цитируют протестантского историка Кампфера. В своей "Истории Японии" он говорит, что "преследование было худшим за всю историю, но не произвело того эффекта, которого ожидало правительство. Ибо, хотя, согласно отчетам иезуитов, в 1590 году за христианскую религию погибло 20 570 человек, все же в последующие годы, когда все церкви были закрыты, прозелитов стало 12 000. Японские авторы не отрицают, что Хидейори, сын и предполагаемый преемник Тайкосамы, подозревался в том, что он католик, и что большая часть придворных чиновников и офицеров армии исповедовали эту религию. Радость, заставлявшая новообращенных подвергаться самым невообразимым пыткам, до такой степени возбудила общественное любопытство, что многие захотели узнать религию, которая приносила такое счастье в предсмертных муках; и когда им рассказывали об этом, они также с энтузиазмом исповедовали ее".

От Спинолы, схваченного в Нагасаки, потребовали объяснить, почему он остался в Японии, несмотря на указ. Он ответил: "Есть Правитель над всеми королями — и Его слову нужно повиноваться". Ответ решил его судьбу, и он и два доминиканца были приговорены к ужасному тюремному заключению. Записано, что, когда трое жертв приближались к тюрьме, они нараспев произносили "Te Deum", и что припев подхватили доминиканец и францисканец, которые уже провели год в этой ужасной темнице. Когда мученики встретились внутри стен, они нежно поцеловали друг друга и упали на колени, чтобы возблагодарить Бога. Леонард Кимура, японец, был арестован в Нагасаки по подозрению в укрывательстве сына сегуна, а также в убийстве человека, защищая принца. Он был оправдан, но при отзыве заявления его спросили, может ли он предоставить суду информацию о каком-либо иезуите, который, возможно, скрывается поблизости. "Да, я знаю одного", - сказал он. "Я иезуит". После трех лет в темнице он был сожжен на костре.

В 1619 году иезуиты Спинола и Фернандес вместе с четырнадцатью другими доминиканцами и францисканцами были выведены из тюрьмы и содержались в загоне, не защищенном ни от холода, ни от жары и таком узком, что в нем можно было принять любую позу, кроме как скорчившись. Была надежда, что, выставив их публично изможденными, голодными, грязными и больными, героический элемент, который, казалось, развивали в жертвах казни, будет устранен, а их новообращенные оттолкнутся от Веры. Произошло обратное, и из этой огады Спинола не только проповедовал людям, но и фактически принимал новичков в Общество. Когда он стоял у столба, на котором его должны были сжечь, ему на руки положили маленького мальчика, которого он крестил; Спинола благословил его, и ребенок и его мать были казнены одновременно с их отцом в Боге. Пятеро иезуитов умерли в 1619 году, а в 1620 году на их место из Макао прибыли еще шестеро. В следующем году был издан указ для всех капитанов кораблей, запрещающий им высаживать на берег таких нежелательных иммигрантов, как миссионеры. Тем не менее, через два месяца после опубликования указа Борхес, Костанца, де Суза, Карвалью и японец Цуги появились под видом торговцев и солдат. Голландские и английские торговцы вызвались после этого обыскивать все прибывающие суда и сообщать о подозрительных пассажирах. Попытка доставки в тюрьму ускорила осуждение Спинолы и его товарищей по тюрьмам. Они были сожжены заживо 10 сентября 1622 года; 19 числа того же месяца та же участь постигла еще троих, а в ноябре еще двое отправились на небеса через пламя.

В 1623 году де Анджелис и Саймон Джемпо вместе с несколькими их последователями были сожжены заживо, после того как им отрезали ноги. Карвалью и Бузомо были пойманы в лесу в середине зимы, а 21 февраля 1624 года их голыми окунули в пруд и оставили там замерзать на три часа. Четыре дня спустя эксперимент повторялся шесть часов подряд. Но ночь была такой холодной, что утром их обоих нашли мертвыми, завернутыми в саван из льда. Еще один Карвалью погиб в том же году. С Филиппин и из других мест были отправлены петиции с просьбой прекратить эти ужасы, но эти призывы сделали сегуна еще более жестоким. Поскольку преследования привели лишь к нескольким отступничествам, палачам было приказано бичевать жертв до костей, вырывать ногти, вонзять палки в их плоть, уши или нос, бросать их в ямы, наполненные ядовитыми змеями, разрезать их на куски, жарить на решетках, вкладывать им в руки раскаленные сосуды и, что было самым дьявольским из всего, считать малейшее движение или крик признаком отступничества. Другим любимым наказанием было подвешивать пострадавшего головой вниз над ямой, из которой поднимались сернистые или другие пары, или укладывать его на спину и с помощью воронки наполнять водой до отказа, пока желудок почти не лопнет, а затем, прыгая по телу, снова вытеснять жидкость.

Здесь нет необходимости вдаваться во все подробности этих мученических подвигов; но будет достаточно констатировать, что всего за несколько лет двадцать восемь коренных японских иезуитов, помимо множества людей, живших в миру, мужчин, женщин и детей, отдали свои жизни за Веру бок о бок с теми, кто приехал из других частей света, чтобы научить их умирать. В 1634 году осталась лишь горстка иезуитов. Главным среди них был Виейра. Его послали доложить об условиях Урбану VIII, и в 1632 году он вернулся умирать. Он вернулся в Японию под видом китайского моряка и почти два года скитался по залитой кровью территории, сталкиваясь со смертью на каждом шагу, пока, наконец, он и пятеро других иезуитов не предстали перед трибуналом, и им было приказано отступить или умереть. Виейра, пресс-секретарь, сказал: "Мне 63 года, и всю свою жизнь я получал бесчисленные милости от Всемоущего Бога; от императора — ничего, и я не собираюсь сейчас кланяться идолам из

палок и камней, чтобы повиноваться такому смертному человеку, как я. Так говорят другие". Их приговорили к смерти.

Однако в тот год больно и унижительно быть вынужденным сказать, что в Японии был иезуит, который отступил: отец Ферара. Это был единственный скандал во время тех ужасных судебных процессов. Одно время он даже был провинциалом, но когда пришло испытание, он пал, и славная молодая Церковь пришла в ужас, увидев, что человек, который когда-то учил их пути на небеса, теперь выбрасывает свою душу. Позор был слишком велик для общества, и оно решило стереть его с лица земли. Неаполитанец Марцелл Матрилли предпринял первую попытку искупить преступление. Никто не мог войти в Нагасаки, не растоптав крест - устройство, предложенное голландскими и английскими купцами. Однако Матрилли решил войти, не совершая святотатства. Ему это удалось, но его арестовали и провели по улицам Нагасаки с прокламацией на спине: "Этот безумец пришел проповедовать иностранную религию, несмотря на указ императора. Подойдите и посмотрите на него. Он должен умереть в яме". Шестьдесят часов он висел над ужасным отверстием, через которое непрерывно вырывались ядовитые пары. Наконец его вытащили и разmozжили ему голову. Это было 17 октября 1637 года, и Ферара наблюдал за происходящим. Три года спустя произошла аналогичная казнь. На этот раз жертв было четыре, и отступник снова стоял там.

В 1643 году была предпринята последняя попытка вернуть утраченное. Отец Рубини и четверо других иезуитов высадились на пустынном побережье. Их схватили и потащили в Нагасаки. К их ужасу, судьей, заседавшим в трибунале, был не кто иной, как Ферара. "Кто вы такой и зачем пришли сюда?" он спросил. "Мы иезуиты, - ответили они, - и мы пришли проповедовать Иисуса Христа, который умер за всех нас". "Отрекись от своей веры, - воскликнул Ферара, - и ты будешь богат и почитаем". "Скажите это трусам, которых вы хотите обесчестить", - ответил Рубини. "Мы верим, что у нас хватит мужества умереть как христиане и как священники". Ферара бежал, а миссионеры погибли, но стрела попала в цель, хотя Божественной благодати потребовалось девять лет, чтобы достичь своего окончательного триумфа. Победа была одержана в 1652 году, когда восьмидесятилетнего старика потащили к судье в Нагасаки. "Кто ты?" - спросили его. "Я тот, - ответил он, - кто согрешил против Царя Неба и земли. Я предал Его из страха смерти. Я христианин; я иезуит". К нему вернулось юношеское мужество, и в течение шестидесяти часов он оставался неподвижным в яме, несмотря на самые мучительные пытки. Это был Ферара; и таким образом христианство умерло в Японии в его крови и в крови 200 000 других мучеников. Восемьдесят иезуитов отдали свои жизни за Христа в этой битве.

Эта катастрофа в Японии часто ставилась в вину Обществу из-за его нежелания формировать местное духовенство. Те, кто выдвигает жестокие обвинения, забывают очень важный факт. Дело вот в чем: именно в то время местное духовенство не спасало Англию, Германию или какую-либо из северных стран. Мало того, само духовенство первым подало пример отступничества в этих странах. Во-вторых, до того времени было абсолютно невозможно найти епископа в Японии для рукоположения кого-либо из местных жителей. Не прошло и шестнадцати лет с того момента, как первые иезуиты начали свою работу в Японии, а именно в 1566 году, когда отец Овьедо, патриарх Эфиопии, был назначен епископом Японии. Но он умолял папу позволить ему умереть в лишениях и опасностях, которыми он был окружен в Африке. Затем вместо него послали отца Карнеро, но он умер, когда добрался до Макао. В 1579 году в Рим снова была отправлена петиция с просьбой назначить епископа, но ответа не последовало. Когда японское посольство преклонило колени у ног папы римского, они

повторили просьбу. Затем было названо имя Моралеса, но он умер по пути к выходу. В 1596 году Мартинес прибыл со своим коадьютором Секьерой, и сразу же было рукоположено несколько молодых японцев, которые долго готовились к принятию священства; в 1605 году в Нагасаки был основан приход, переданный в руки местного священника. В 1607 году были организованы еще четыре прихода. Затем Мартинес умер, а в 1614 году Секьера последовал за ним в могилу. Наконец, Валенте был назначен, но он так и не добрался до Японии.

Историк Рорбахер сыграл особенно заметную роль в распространении этой клеветы на Общество, и когда Бертран, автор "Воспоминаний о миссиях", ознакомил его с этими фактами, обвинение не только не было снято, но и не было сделано никаких подтверждений получения информации. На самом деле, было бы трудно найти в истории Церкви пример большей заботы о предоставлении местного священства, чем это было сделано японскими иезуитами. Кровавое сокрушение чудесной Церкви, которую Ксаверий и его преемники создали в этой части мира, нельзя считать неудачей - по крайней мере, в умах католиков, которые понимают, что "кровь мучеников - это семя Церкви". К такому выводу не может прийти ни один человек, знающий о том, что произошло в городе Нагасаки еще в 1865 году.

Порты Японии были открыты для торговли со всем миром в 1859 году. Но даже тогда все попытки проникнуть во внутренние районы страны были безнадежно провалены. 17 марта 1865 года отец Петижан из Иностранных миссий молился, безутешный и подавленный, в маленькой часовне, которую он построил в Нагасаки. Ни один туземец никогда не входил в него. Однажды утром он заметил присутствие трех женщин, стоявших на коленях рядом с ним. "У вас есть папа римский?" они спросили. "Да", был ответ. "Вы молитесь Пресвятой Деве?" "Да". "Вы женаты?" - "Нет". "Соблюдаете ли вы дисциплину?" На последний вопрос он ответил, подняв этот инструмент покаяния. "Тогда вы такой же христианин, как и мы". К своему изумлению, он обнаружил, что в Нагасаки и его ближайших окрестностях, которые были главным театром ужасных мученичеств прежних времен, насчитывалось не менее 2500 коренных японцев-католиков. Во-вторых, там было поселение, насчитывавшее по меньшей мере тысячу семей, а позже в различных частях страны были обнаружены еще пять групп; и было несомненно, что в различных населенных пунктах существовало огромное количество других. В конечном счете было обнаружено около 50 000 христиан. Пий IX был настолько тронут этим замечательным событием, что объявил 17 марта великим религиозным праздником Японской церкви и постановил отмечать его под названием "Обретение христиан".

Церковь, которая могла сохранять свою духовную жизнь более двухсот лет посреди языческой ненависти и языческого разложения, без какой-либо сакраментальной помощи, кроме крещения, и без священников, без проповеди, без Святой Жертвы, и могла представить себя миру в конце этого длительного периода испытаний и лишений с 50 000 христианами, остатками тех других сотен и сотнями тысяч, которые на протяжении веков никогда не колебались в своей верности Христу, не была неудачницей. Более того, можно отметить, что это сохранение Веры после долгих лет лишения таинств Церкви не является исключительной славой Японии. Будут отмечены и другие случаи, когда Общество возобновляло свою работу после Подавления.

ГЛАВА VII

ВЕЛИКИЕ БУРИ

1580-1597

Манарес, подозреваемый в честолюбии — Избрание Аквавивы — Начало недовольства в Испании — Денис Васкес — "Ratio Studiorum" — Действия Общества против исповедников королей и политических посольств — Проблемы с испанской инквизицией и Филиппом II — Попытки раскола в Испании — Документы Орманетто — Подозреваемый Рибаденейра — Заключение иезуитов испанской инквизицией — Акция Толетуса — Созванная Чрезвычайная Конгрегация — Оправдание Аквавивы — Спор "о вспомогательных действиях" — Нападение Антуана Арно — Генрих IV и Жан Шастель — Примирение Генриха IV с церковью — Королевская защита — Святой Карл Борромео — Беспорядки в Венеции — Сарпи — Палафокс.

Когда Меркуриан умер 1 августа 1580 года, Оливер Манарес, который, как и покойный генерал, был бельгийцем, созвал генеральную конгрегацию на 7 февраля 1581 года. Двое старых товарищей св. Там были Игнатий, Сальмерон и Бобадилья, а также способный коадьютор Канисиуса, Хоффей и Клод Матье, последний из которых начинал проявлять себя в Союзе против короля Наварры. Мальдонатус также занял место в уважаемом собрании. Еще до того, как собрание собралось, поползли слухи, что Манарес добивается для себя должности генерала. Основания для подозрений кажутся почти слишком легкомысленными для постороннего, но в ордене, который так решительно выступал против честолюбия в Церкви, было уместно проявлять скрупулезную щепетильность к любым действиям в самом органе, которые могли бы напоминать о нем. Основанием для обвинения было то, что он отправил подарок отцу Толетусу, который был очень близок к папе, а также однажды сказал брату-мирянину: "Если бы я был генералом, я бы сделал то-то и то-то". Для рассмотрения дела был назначен комитет, и Манарес был объявлен неподходящим. Папа счел действия конгрегации чрезмерно жесткими, но, возможно, как и на предыдущей конгрегации, было решено, что преемственность трех испанских генералов содержала в себе элемент опасности, поэтому опасались, что у мертвого генерала, назначившего представителя своей расы викарием, также могут быть основания для опасений. На самом деле, полномочия, данные генералу назначать своего викария, некоторые считали совершенно неразумными, поскольку это давало, по крайней мере, отдаленную возможность для самоувековечения.

19 февраля 1581 года Клавдий Аквавива был избран генеральным директором Общества тридцатью двумя голосами из пятидесяти одного. Ему еще не исполнилось тридцати восьми лет. Папа был поражен таким выбором, но продолжение показало, что это было предопределено судьбой. "Никто, - говорит Бартоли, - не был возведен в этот сан, кто подавал более очевидные или более многочисленные признаки того, что его избрание исходило от Бога, и, возможно, никто, за исключением св. Игнатий, имеет больше прав на благодарность Общества или более эффективно помог ему достичь цели, ради которой оно было основано". Он был младшим сыном герцога Атри и родился в Неаполе в 1543 году. Поскольку его юность прошла во дворце его отца, он мог, самое большее, слышать имена лишь некоторых сподвижников Св. Игнатий, но когда ему было около двадцати лет, его отправили в Рим защищать какие-то семейные интересы, и он привлек к себе столько внимания, что был оставлен при дворе, сначала Павлом IV, а затем Пием V, оба они были поражены его превосходными качествами ума и сердца. Там он впервые

соприкоснулся с иезуитами. Случилось так, что Кристофера Родригеса, Джона Поланко и Фрэнсиса Борджиа часто допускали на аудиенции к Святому Отцу, и юного Аквавиву так тянуло к ним, когда он слышал, как они говорят о Божественных вещах, что он начал расспрашивать об их образе жизни и правилах, которым они следовали. Он чувствовал призвание присоединиться к ним, но некоторое время колебался, поскольку римский пурпур был для него честью, которая была ему обеспечена; однако в конце концов он решился и после папской мессы в день Святого Петра пал к ногам Борджиа и попросил принять его в Общество. Когда Орманетто, папский легат, услышал об этом, он воскликнул: "Апостольская коллегия потеряла свое лучшее украшение".

Девять лет спустя Аквавива был назначен ректором Римской семинарии, а затем, по странному совпадению, стал ректором Неаполитанского колледжа в качестве преемника Дионисио Васкеса, который позже был очень заметен в попытке испанских членов разрушить Общество и, таким образом, стать причиной самого горького испытания администрации Аквавивы как генерала. После быстрого восстановления разрушений, причиненных Васкесом Неаполю, Аквавива был назначен провинциалом, а затем ему было поручено управление римской провинцией. Он проработал на этом посту всего год, когда был избран генералом. За несколько лет до этого Надаль, должно быть, предвидел повышение, когда посоветовал Аквавиве сделать "Конституции Святого Игнатия" своим единственным чтением. "Вам это очень понадобится", - сказал он. Конгрегация сформулировала шестьдесят девять декретов, один из которых давал генералу право назначать своего викария, а другой - толковать Конституции. Такие толкования, однако, не должны были иметь силы закона, а должны были рассматриваться просто как практические указания для правительства. Другой указ регулировал метод, которому следует следовать при роспуске домов и колледжей.

Первое письмо Аквавивы Обществу касалось главным образом качеств, которыми должны обладать начальники — особенно бдительности, мягкости и силы. Второй его труд был более универсальным и касался необходимости постоянного обновления духовной жизни. Ему Общество обязано "Директориумом", или руководством по Духовным Упражнениям.

Под его руководством был разработан "Ratio Studiorum", или схема исследований. Это был результат пятнадцатилетнего сотрудничества (1584-99) ряда наиболее компетентных ученых, которых только можно было найти в Обществе. Она охватывает всю область образования, от теологии до грамматики для низших классов, исключая, однако, отдельные элементы. Конечно, это "Соотношение" не избежало критики, поскольку вряд ли что-либо, за что когда-либо бралось Общество, имело такую удачу. Таким образом, чтобы выделить одного из многих, Мишле сетует на тот факт, что "это Соотношение действует уже 300 лет и до сих пор не произвело человека". Такое обвинение, конечно, не требует обсуждения.

Величайшая услуга, которую Аквавива оказал Обществу и за которую оно всегда будет благословлять его память, заключается в том, что он спас его от разрушения в борьбе, которая длилась все тридцать лет его генеральства, и в которой он столкнулся с противостоящими ему папами, королями и принцами, а также с ужасным авторитетом испанской инквизиции и, что хуже всего, с рядом недовольных членов Ордена, объединившихся и прибегнувших к самой предосудительной тактике, чтобы полностью изменить характер Института и лишить его той Католичности, которая составляет его славу и могущество. .

Он начал свою работу с того, что сделал невозможным, насколько это было в его силах, использование иезуита в качестве инструмента какого-либо принца или властителя, каким бы ослепительным ни было достоинство, которым был наделен такой работник, или слава, которую его работа отражала на Обществе. Таким образом, он наложил свой запрет на должность королевского духовника, которую некоторые члены Общества в те дни были вынуждены принять. Он не мог полностью предотвратить это прямо сейчас, но он установил такие строгие законы относительно этого, что все амбиции или желание этой очень непостольской работы были устранены. Ее неудобства были очевидны. Немыслимо, например, чтобы такой государь, как Генрих IV, который был преданным другом Общества, когда-либо советовался с отцом Котоном по поводу угрызений совести; ибо его величество никогда не был подвержен духовным переживаниям подобного рода; а с другой стороны, несчастного исповедника часто подозревали или обвиняли в том, что он оказывал влияние или советовал политические меры, к которым он не мог иметь никакого отношения. Ревность также к тем, кто был назначен на этот пост, была неизбежна, и возникала неприязнь и ненависть не только к человеку, занимавшему этот пост, но и к ордену, к которому он принадлежал. Даже собственные родственники и друзья исповедника были отчуждены, потому что ему было запрещено использовать свое духовное влияние для их мирской выгоды. Наконец, помимо потери времени, ежедневное общение с придворными пороками, которые он не мог открыто порицать, неизбежно отражалось на духовном тоне самого верующего.

Те же возражения были высказаны и в отношении пышных посольств, которые были так популярны до того времени и которые до сих пор цитируются как свидетельство удивительного влияния, которым пользовалось общество в те дни. Они тоже были остановлены по той причине, что, хотя они почти всегда были связаны с интересами Веры, все же они в значительной степени контролировались мирской политикой. Поэтому Поссевин, который произвел такой переполох своими посольствами в Московию, Швецию, Польшу и другие страны, был переведен в классную комнату в Падуе. Матье, который играл заметную роль в политико-религиозных неурядицах Франции как "Курьер Лиги", получил указание прекратить свою деятельность, хотя папа Сикст V считал иначе; и, наконец, самый известный оратор своего времени во Франции, отец Оже, который громко осуждал Священную Лигу, получил категорический приказ вообще воздержаться от обсуждения этой темы. Его быстрое подчинение приказу было лучшей проповедью, которую он когда-либо произносил.

У Аквавивы также была очень затяжная борьба с Филиппом II в связи с испанской инквизицией. Король часто выражал желание назначить иезуита на ту или иную видную должность в этом трибунале, но Аквавива упрямо отказывался, во-первых, из-за ненавистного отношения к самой инквизиции, а также потому, что подозревал, что Филипп намеревался таким образом завладеть аппаратом Общества и контролировать его. Однако его самая славная битва была той, которая велась в самом Обществе, против организованного движения, которое направлялось прямо к разрушению великого дела святого Игнатия. Это своего рода пятно на великолепной истории Ордена, но его не следует скрывать, приукрашивать или объяснять, поскольку оно не только раскрывает мастерское командование Аквавивы, но и великолепно подчеркивает великолепную сопротивляющуюся мощь самой организации.

Испанские иезуиты были глубоко потрясены, когда папа предотвратил увековечение испанского правления в Обществе. Психологическая причина их удивления заключалась в том, что среднестатистический испанец в то время был убежден, что только Испания застрахована

от ереси. На самом деле, все остальные народы Европы, за исключением Ирландии, были заражены, и, возможно, именно ошибочная лояльность к Церкви побудила определенное количество из них организовать заговор с целью сделать Общество исключительно испанским или уничтожить его.

Для многих станет болезненным открытием, что инициатором этого гнусного плана был отец Араоз, племянник святого Игнатия. Астрейн (II, 101) с сожалением признает это, но документы, находящиеся в его руках, делают это обязательным. Он цитирует письма, которые показывают, что даже во времена св. Игнатия Араоз жаловался на римскую администрацию, возлагая вину, однако, на Поланко. Его недовольство стало более очевидным при Лаинесе, когда он утверждал, что генерал не должен избираться пожизненно; что за провинциалов и ректоров следует голосовать, как и в других Орденах; что в Испании должен быть генеральный капитул для управления своими делами, и не только то, что ни один иностранец не должен быть допущен в испанскую провинцию, но что не должно быть даже никаких контактов с неиспанцами из других слоев общества. Никто не ожидал бы такого известного эгоизма от иезуита, но документы, излагающие эти факты, которые были найдены среди бумаг Араоза после его смерти, делают это слишком очевидным. Они содержат, среди прочего, отчеты о противостоянии Араоса Лаинесу, Фрэнсису Борджиа и Надалю, читать которые не очень приятно.

В письме, обнаруженном Антонио Ибаньесом, посетителем провинции Толедо, Араос продолжает: "(1) Мы должны обратиться с петицией к Папе Римскому и попросить, чтобы у всех религиозных орденов в Испании был испанский генерал, независимый от римского, чтобы избежать опасности ереси. (2) Ни один испанец, проживающий за пределами Испании, не должен быть избран генералом, комиссаром или посетителем Испании. (3) Поскольку в каждой стране существует такое разнообразие обычаев, они не должны смешиваться друг с другом. (4) Общие собрания заставляют делегатов действовать в качестве шпионов врага. (5) Королю следует написать кардиналу-покровителю религиозных орденов, чтобы он не возражал против этого плана". Другие бумаги испанских иезуитов были найдены среди бумаг Орманетто, нунция в Мадриде, который умер 17 июня 1577 года. Они призывают к радикальным изменениям в разнице рангов, способе избрания начальства, увольнении из Общества и тому подобном. Авторство документов Орманетто не могло быть установлено с уверенностью, но подозрение пало на отца Солье, и какое-то время даже на Рибаденейру, который в то время находился в Мадриде по состоянию здоровья и имел привычку часто навещать нунциатуру вместе с Солье. В следующем году было признано, что подозрения в его адрес были необоснованными. Фактически, впоследствии он написал донос о заговоре и блестящую защиту Института. О том, что король Филипп знал, что происходит, свидетельствовали некоторые оброненные им замечания, такие как: "Ваш генерал не умеет управлять; нам нужен испанский начальник, независимый от генерала; у нас здесь есть способные люди, такие как Рибаденейра и другие и т.д."

В конце 1577 года было обнаружено, что отец Дионисио Васкес, еврейского происхождения, распространял эти идеи письмами и из уст в уста. Дружба, существовавшая между ним и Рибаденейрой с детства, снова омрачила последнего, но в конце концов провинциал узнал от самого Васкеса, что Рибаденейра вообще ничего не знал обо всем этом деле. К тому времени были раскрыты имена главных заговорщиков, а также выяснилось, что Васкес передал одну копию своего мемориала королю, а другую - инквизиции. Еще два были показаны разным

другим людям. Васкес назвал восемь причин для этой попытки изменить характер Общества: (1) Потому что генералу приходилось иметь дело с таким количеством развращенных и еретических наций, что существовала опасность заражения всего Общества. (2) Деньги и подданные вывозились из Испании в пользу других провинций. (3) Если кому-то угрожала опасность быть наказанным инквизицией, преступника было легко отправить в другое место. (4) Рим управлялся с помощью информации, которая часто была ложной. (5) Были задержки в переписке. (6) Поскольку генерал никогда не покидал Рим, он не мог навещать своих подданных. (7) Когда король просит прислать миссионеров, Рим часто отвечает, что посылать некого. (8) В Испании должен быть комиссар, потому что в Риме с испанцами плохо обращаются. Астрейн отмечает, что эти заявления об опасности ереси, уважении к инквизиции и необходимости удовлетворения требований короля к миссионерам были придуманы исключительно для того, чтобы завоевать расположение Филиппа. Еще один заговорщик, чье имя фигурирует, - Эстрада. Провинциал описывает его как *"нового человека, чьи разговоры пагубны"*.

В первые годы правления Аквавивы не было публичного проявления этого духа раскола, хотя в Испании велись многочисленные тайные заговоры между некоторыми недовольными и инквизицией. Однако четыре человека вызвали серьезную тревогу у своего Начальства, а именно: Дионисио Васкес, Франсиско де Абрео, Гонсало Гонсалес и Энрике Энрикес. За ними последовали Алонсо Поланко, племянник знаменитого Поланко, Хосе де Сан-Хулиан, Диего де Санта-Крус и некоторое количество неприметных личностей, имена которых называть нет необходимости. Однако на заднем плане стояли два очень важных человека: Мариана, чьи труды доставили столько хлопот Обществу, и Хосе де Акоста. К этим Жуванси в его *"Воплощении"* и Прат в его *"Рибаденейре"* добавляют имя Джерома де Акосты, но, по словам Астрейна, оба историка ошибаются как относительно характера Джерома, так и относительно его участия в заговоре. Его действительно заподозрили в причастности к этому, но подозрение вскоре развеялось, как и в случае с Рибаденейрой. Мануэль Лопес был в лучшем случае подозреваемым, потому что он был другом и поклонником Араоса и потому, что, хотя он и был старейшим человеком в провинции, он не оказал никакой помощи защитникам Института. Однако, когда бой закончился, он произнес за тех, кто победил.

Тем временем Энрикес с помощью ложных обвинений вынудил инквизицию заключить в тюрьму по различным обвинениям отцов Марсена, Лавату, Лопеса и знаменитого Рипальду. Этот трибунал также изгнал других из Вальядолида и Кастилии и потребовал Быков, привилегий и *"Ratio studiorum"* Общества. Выводы судей были представлены королю, и затем инквизиция потребовала все копии вышеупомянутых документов, которые были у Отцов Церкви (Astrain, III, 376). Пока инквизиторы были в безопасности, но они сделали еще один шаг, который разрушил заговор, в котором они были сознательными или бессознательными участниками. Под страхом отлучения от церкви они запретили группе из тридцати миссионеров-иезуитов, направлявшихся в Трансильванию, покидать Испанию по той причине, что они подвергали опасности свою веру, предпринимая такое предприятие. Именно заговорщик, Энрике Энрикес, предложил этот идиотизм. Когда Сикст V, который в то время был папой, услышал об ордено, он сделал инквизиции такой решительный выговор, что все конфискованные бумаги были немедленно возвращены, а заключенные теологи были освобождены из тюрьмы после двухлетнего заключения.

Но враг еще не был разбит. Анонимные петиции продолжали сыпаться в инквизицию, "все они, - говорит Астрейн, - носили на себе печать атрабилизованного Васкеса, ригориста Гонсалеса, трусливого Энрикеса и мрачного Абрео". Помимо старых требований, было выдвинуто новое, а именно расследование деятельности Общества должностным лицом инквизиции. Наконец, в провинциальной конгрегации 1587 года была видна рука Васкеса, когда к генеральной конгрегации был обращен единогласный запрос о назначении прокурора испанских провинций. Тем временем на Филиппа оказали давление, и он поддержал ходатайство о визите инквизитора, которым был не кто иной, как Д. Херонимо Манрике, епископ Картахены, - выбор, который показывает, что эти повстанцы-иезуиты не были одарены проницательностью, обычно приписываемой их братьям. Ибо, помимо гнусности того, что расследование проводил недружелюбно настроенный посторонний, случилось так, что у Манрике было очень сомнительное прошлое, и когда на это обратили внимание Сикста, весь глупый проект рухнул сам собой, и король Филипп признал свое поражение.

Все это окончательно убедило Сикста V в том, что в Обществе творится что-то радикально неправильное, и он приказал Конгрегации Святой канцелярии (Римской инквизиции) изучить Конституции. Аквавива возразил, что несправедливо судить об Ордене по анонимным публикациям, многие из которых являются подделками, сделанными одним человеком; и что обвинения в ошибках были предъявлены не с целью исправления, а с целью радикального изменения Института. Что касается предложения капитулянтского правительства, то, по его словам, должно последовать несколько нежелательных последствий, таких как честолобие, симония, ослабление дисциплины и тому подобное, и он подчеркнул тот факт, что сам Сикст незадолго до этого настаивал на назначении итальянских руководителей во Франции. Он также убедил папу в том, что исключительность, за которую ратуют испанцы, отказывая подданным из других частей света, вскоре приведет к усыханию самих испанских провинций. Наконец, капитулянтское правительство в миссионерских странах было физически невозможно и разрушило бы весь Порядок. Действительно, когда кардинал Колонна упомянул в разговоре с папой слово "капитул", Его Святейшество вмешался: "Я не хочу иметь глав в Обществе. У вас был бы такой в каждом городе и в каждой семье, а это не подходит системе иезуитов".

Пока это продолжалось, были получены письма от императора Родольфа, короля Сигизмунда, герцога Баварского и других принцев и выдающихся личностей, умолявших папу не вносить никаких изменений в Институт. Протест герцога Баварского особенно поразил понтифика, и он предположил, что это была выдумка иезуитов, или что об этом просили или предлагали. Так оно и было на самом деле. Пункты были сформулированы Альбером, провинциалом Германии, и герцог от всего сердца одобрил их. На это папа смягчился и заявил, что у него никогда не было намерения менять Институт. Чего он больше всего желал, так это помешать некоторым иезуитам вмешиваться в политику больше, чем это было подобает — намек, по мнению Саккини, на Поссевина и Оже, которые уже были отправлены генералом в отставку. Сикст, очевидно, изменил свое мнение об этих полуполитических занятиях.

Так закончился 1589 год, но в 1590 году нас ждали новые неприятности. До этого времени Священная Конгрегация, члены которой, особенно Караффа, были дружелюбны к Обществу, намеренно откладывала отправку отчета Папе римскому. Он был возмущен этим и передал дело четырем теологам. Их вердикт соответствовал взглядам Сикста. Они были более робкими, чем кардиналы. Исходя из аргументации Аквавивы против результатов исследования, первая жалоба была направлена на название: "Общество Иисуса". Затем следуют различные вопросы

о стипендиях, епитимьях, профессии, экзаменах на получение степени, доктринах, восьмом правиле Краткого изложения, запрещающем помощь родственникам, послушании, учении о совести, отсрочке профессии, братском исправлении, цензорах и простых обетах. Астрейн подробно приводит ответ Аквавивы на все эти обвинения (III, 465). Кардиналы без исключения приняли опровержение Аквавивы, и когда они огласили папе свой вердикт, он сказал: "Все вы, даже те, кто является моим собственным творением, одобряете этих Отцов". Однако на одном он настоял, и это была смена названия, и поэтому он приказал Aquaviva направить официальный запрос на этот счет. Ничего не оставалось, как подчиниться, и папа подписал Протокол, но в тот вечер, когда колокол Сан-Андреа призвал послушников к литании, Сикст умер, и с тех пор в Риме существует традиция, что если колокол для литании звонит, когда папа болен, значит, настал его последний час. Как и следовало ожидать, Общество обвинили в том, что оно имело какое-то отношение к своевременной кончине папы римского. Преемник Сикста разорвал Дело, и Общество сохранило свое название.

Несмотря на все это, битва продолжалась. Климент VIII сменил Сикста V 29 января 1592 года, и его избрание приветствовалось испанскими повстанцами, поскольку ему приписывали личную антипатию к Аквавиве. Таким образом, они возродили интерес Филиппа к этому вопросу. Его посол в Риме отнесся к проекту более чем дружелюбно, и все искренне надеялись, что удастся привлечь на свою сторону великого испанского иезуита Толетуса, друга папы римского. Тот факт, что по предложению Аквавивы папа вынес решение о таинстве Покаяния, которое инквизиция расценила как нарушение своих прав, снова втянул этот трибунал в драку. Новый план заговорщиков состоял, во-первых, в том, чтобы вновь заявить о претензиях, выдвинутых Васкесом годом ранее, а в случае неудачи потребовать, по крайней мере, назначения генерального комиссара для Испании. Они написали Филиппу, прося его разрешения и поддержки. Когда Аквавива был проинформирован обо всем этом, он попросил короля назвать любого, кого он выберет, чтобы передать предложение о назначении комиссара. Филипп выбрал Лоясу, наставника престолонаследника; но тот, изучив вопрос, прямо сказал повстанцам: "Я совсем не разделяю вашего мнения, и я уверен, что Игнатий, подобно святому Доминику и святому Франциску, был вдохновлен Богом при основании своего Ордена. Одного Папы достаточно, чтобы управлять Церковью, и одного генерала должно быть достаточно для Общества". Потерпев неудачу в этом, они убедили папу и короля заставить генерала созвать всеобщее собрание; и чтобы облегчить осуществление своего заговора, они убедили папу послать Аквавиву для урегулирования спора между герцогами Пармы и Мантуи, таким образом удерживая его вне Рима целых три месяца. Толетуса обвиняют в том, что он участвовал в смещении Аквавивы, но представленные доказательства неубедительны. В Неаполе Аквавива серьезно заболел, и Отцы Церкви потребовали его отзыва. Только по возвращении он начал осознавать весь размах и направленность движения, а также опасность, в которую было вовлечено Общество. Ибо, хотя все кардиналы были на его стороне, все же против него выступили король, папа и ряд исповедующих. Дело казалось безнадежным. Наконец, Толетус сообщил ему, что папа настаивает на общем собрании, и оно было созвано на 4 ноября 1593 года.

Что еще хуже, затем Толетуса сделали кардиналом; после чего повстанцы попросили папу разрешить Хосе Акосте и некоторым его соратникам войти в конгрегацию — привилегия, на которую они не претендовали, — а также назначить Толетуса председателем. Собрание начало свои заседания в назначенный день. На них присутствовали шестьдесят три исповедующих, среди них Акоста, но председательствовал Аквавива, а не Толетус. Для ведения дел конгрегации

был назначен обычный комитет, и Аквавива настоял, чтобы они начали с расследования жалоб на его администрацию. Они так и сделали и были поражены, обнаружив, что все обвинения были основаны на ложных впечатлениях, личных предрассудках и воображаемых действиях. Естественно, они были возмущены, и когда доложили папе римскому, он сказал: "Они хотели найти преступника, а нашли святого". Затем были рассмотрены требования испанцев. Согласно Жуванси, их породила провинция Кастилия. В основном они заключались в изменении времени и способа получения профессии; отмене оценок; введении нового способа увольнения; и полном использовании "Буллы Крuciата".

Дела конгрегации велись как обычно вплоть до двадцать первого указа. Король Испании Филипп II потребовал, чтобы члены Общества не пользовались предоставленными им привилегиями — во-первых, чтением запрещенных книг; во-вторых, освобождением от ереси; в-третьих, освобождением от почестей и санов вне Общества. В двадцать первом указе говорится, что первые два королевских запроса уже были выполнены. Что касается третьего, то было постановлено просить его величество использовать свою власть против принятия членами Общества церковных и гражданских почестей. Только в пятьдесят втором указе Общество выразило свое мнение по расовому вопросу, постановив, что заявители еврейского и сарацинского происхождения не должны быть приняты в Общество. В нем даже было заявлено, что те, кто был принят по ошибке, должны быть отчислены, если ошибка была обнаружена до их получения профессии. Было установлено, что из двадцати семи заговорщиков двадцать пять были еврейского или мавританского происхождения.

Двадцать семь виновных были объявлены "неверными сыновьями, нарушителями общественного спокойствия и революционерами (*architecti rerum novarum*), наказания которых требовали многие провинции". Таким образом, конгрегация, хотя и горько оплакивала потерю своих духовных сыновей, тем не менее была вынуждена в интересах семейного единства, религиозного послушания и сохранения Общества применить суровые меры в данном помещении ". После изложения их обвинений против Общества и их заявления о том, что они являются "всеобщим", хотя они были всего лишь несколькими "сыновьями-дегенератами", указ осуждает их и их сообщников как подвергшихся порицаниям и наказаниям, содержащимся в Апостольских буллах, и предписывает исключить их из Общества. "Если по той или иной причине они не могут быть немедленно уволены, их объявляют недееспособными к какой-либо должности или достоинству и лишают всякого активного или страдательного залога". Он также предписывает, что "лица, подозреваемые в причастности к таким махинациям, должны принести торжественную клятву поддерживать Конституцию, одобренную папами, и ничего не предпринимать против нее. Если они откажутся принести присягу или, приняв ее, не смогут ее сдержать, они подлежат изгнанию, даже если они старые и исповедуют это".

Таким образом, Аквавива одержал победу на всем протяжении пути. Он не только спас Институт, но и получил право изгнать всех повстанцев до единого, если они откажутся от клятвы подчинения. Акоста, ведущий мятежник, был одним из главных пострадавших; хотя он был представителем Филиппа II, он, как и его соратники, был поражен осуждением. Однако больше всего был наказан Толетус, у которого, как и у Акосты, были еврейские корни, что может объяснить угрюмость, которую делегаты отмечали, когда-либо встречались с ним, а также его жалобы на то, что "дела Собрания не могли быть хуже ... что он обращался с Филиппом как с камердинером.

Толетус, однако, продолжал бороться. 12 января он посоветовал Аквавиве предложить обсудить смену помощников и разновременное собрание. Немедленно была сформирована комиссия для приема папы, но она не смогла его принять; после чего 14 января появился Толетус и сообщил генералу, что эти два вопроса следует считать решенными без обсуждения.

Соответственно, четыре дня спустя были избраны новые помощники, но закон о шестилетних созывах утратил силу. 8 января Толетус представил понтифику документ, призывающий внести девять различных изменений в Конституции, добавив, что Филипп II попросил о них, хотя на самом деле король лишь попросил обсудить их. Несомненно, Толетус неправильно понял. К счастью, папа не признал всех изменений, но предложил конгрегации четыре безвредных: во—первых, чтобы, за исключением наставника послушников, срок полномочий составлял три года; во-вторых, чтобы по истечении срока полномочий жители провинций отчитывались о своем управлении; в-третьих, чтобы были соблюдены оговорки папы; и в-четвертых, чтобы помощники имели решающий голос. Три первых были с готовностью приняты, а четвертое почтительно отклонено. Затем оставшееся дело было ускорено, и собрание было закрыто 19 января 1594 года.

Заговорщики, однако, еще не были побеждены. Они предложили папе назначить Аквавиву архиепископом Капуи. Разумеется, Аквавива отказался, и тогда было хитро намекнуто, что было бы замечательно, если бы генерал в интересах единства и мира посетил испанские провинции. К Филиппу III, который теперь находился на троне, обратились, и он написал об этом папе римскому. Климент скорее одобрил это предложение, но Генрих IV Французский, Сигизмунд Польский, эрцгерцоги Фердинанд и Матиас и другие немецкие принцы запротестовали. Затем папа взял этот вопрос на рассмотрение, но прежде чем он пришел к какому-либо выводу, он умер, и таким образом заговор был сорван.

Тем, кто планировал этот визит в Испанию, был заговорщик Мендоса. Его целью было просто унижить генерала, столкнув его с королем, величайшими вельможами королевства и инквизицией, а затем добиться от него всевозможных разрешений, которые были прямым нарушением методов жизни иезуитов. История, в том виде, в каком она появляется в *Astrain*, просто потрясающая. Мендоса действительно добился от папы римского через испанских магнатов разрешения получать и тратить деньги по своему усмотрению, быть свободным от всех начальников и жить там, где он пожелает. Когда Аквавива возразил папе, что подобные разрешения подрывают всякую религиозную дисциплину, Его Святейшество предложил выход из положения, который застал всех врасплох — Мендоса был назначен епископом Куско в Перу. Это вмешательство богатых и влиятельных посторонних в семейную жизнь Общества, а также постыдный способ, которым некоторые из членов общества искали расположения людей, обладающих большим влиянием в государстве, могут объяснить, почему после гневных выступлений конгрегации против испанских заговорщиков потребовалось несколько лет, чтобы изгнать хотя бы нескольких из них из Общества.

Этот спор, известный как "*De Auxiliis*", который бушевал с великой теологической яростью в течение многих лет, имел своей целью примирение Божественной благодати с человеческой свободой. Доминиканцы утверждали, что трудность была решена с помощью их теории физического предварительного движения и предопределенности, в то время как иезуиты нашли объяснение этому в *Scientia media*, согласно которой Бог знает в объективной реальности вещей, что сделал бы человек в любых обстоятельствах, в которые он мог бы попасть. Доминиканцы заявили, что это слишком большая уступка свободе воли и что это склоняется к

пелагианству, в то время как иезуиты жаловались, что доминиканцы недостаточно защищали свободу человека и, следовательно, казалось, склонялись к доктринам Кальвина" (Astrain). Только в 1588 году Луис де Молина, чье имя в основном связано с доктриной *Scientia media*, вступил в борьбу. Доминго Ибаньес, доминиканский профессор из Саламанки, был его главным оппонентом. Дебаты продолжались пять лет, и к тому времени в нескольких городах Испании произошли общественные беспорядки. Затем Климент VIII взял дело в свои руки и запретил любое дальнейшее обсуждение до тех пор, пока Святой Престол не примет того или иного решения. Были запрошены мнения университетов и богословов, но к 1602 году никакого заключения сделано не было, и в период с того года по 1605 год было проведено шестьдесят восемь сессий безрезультатно. Так продолжалось до 1607 года, когда папа решил, что обе стороны могут придерживаться своего собственного мнения, но каждая должна воздерживаться от осуждения другой. В 1611 году по приказу папы Римского инквизиция издала указ, запрещающий публикацию любых книг, касающихся действительной благодати, до дальнейших действий Святого Престола. Этот запрет оставался в силе на протяжении большей части семнадцатого века. Главными богословами, выступившими на стороне иезуитов в этом споре, были Толетус, Беллармин, Лессий, Молина, Падилья, Валенсия, Арубаль, Бастида и Салас.

Пока эти конституционные и теологические войны были в самом разгаре, в ближайшем окружении генерала шла дискуссия совершенно иного рода. Она заключалась в том, чтобы определить, какое количество молитв и покаянных упражнений должно быть нормальной практикой Общества. Маджио и Аларкон, два ассистента, были сторонниками долгих размышлений и великого аскетизма, в то время как Хоффеус и Эммануэль Родригес выступали за большую трезвость в этих двух вопросах. Аквавива выбрал средний путь, заявив, что Общество было создано не специально для молитвы и умерщвления плоти, но, с другой стороны, что оно не могло бы существовать без умеренного использования этих двух средств христианского совершенствования. Поскольку это совпало с испанскими волнениями, эти пятеро святых мужей были подобны древнеримским сенаторам, размышлявшим об улучшении земель, которые все еще были заняты карфагенскими армиями. Тем временем еще одна буря захлестнула французское общество.

Когда Генрих IV с триумфом въехал в Париж, его бывшие враги, Сорбонна и парламент, поспешили засвидетельствовать ему свое почтение; но нужно было что-то сделать, чтобы заставить общественность забыть свое прежнее отношение к нему. Для разоблачения иезуитов был применен обычный прием. Против колледжа Клермона была подана жалоба о нарушении чьих-либо имущественных прав, и ректор был вызван в суд для ответа на обвинение. Оратором от имени истцов выступил Антуан Арно, отец знаменитых Антуана и Анжелики, которым впоследствии предстояло стать заметными фигурами в янсенистской ереси. Абсолютно игнорируя обсуждаемый вопрос, Арно разразился яростной обличительной речью против иезуитов в целом; "эти трубы войны, - называл он их, - эти факелы мятежа; эти ревущие бури, которые постоянно тревожат спокойные небеса Франции. Это испанцы, враги государства, виновники всех бесчинств Лиги, чьи вакханалии и каталинские оргии устраивались в иезуитском колледже и церкви. Общество является мастерской сатаны и наполнено предателями и негодяями, убийцами королей и публичными отцеубийцами. Кто убил Генриха III? Иезуиты. Ах, мой король! он воскликнул: "Когда я смотрю на твою окровавленную рубашку, слезы текут из моих глаз и мешают мне говорить". И все же каждый знал, что именно его собственные клиенты, Сорбонна и парламент, были центром всех "оргий Лиги"; что именно они

прославили убийцу Генриха III как героя и сделали годовщину его убийства государственным праздником; что именно они осыпали оскорблениями Генриха IV и поклялись, что он никогда не взойдет на трон Франции, даже если папа освободит его от ереси и вернет к вере. Пародия на правду в этом дискурсе настолько вопиющая, что французы часто называют это "вторым первородным грехом семьи Арно", а именно источником ее неискоренимой привычки искажать факты.

Вскоре после этого Жан Шастель ударил Генриха IV ножом и слегка порезал ему губу. Тут же все вспомнили яростное осуждение Арно иезуитов, и на колледж обрушился шквал критики. В библиотеке был случайно найден клочок бумаги, изобличающий хранителя, но тома обвинений, которые были произнесены в университете и парламенте и которые были сложены стопками на библиотечных полках, обнаружены не были. Клочка бумаги было достаточно. Колледж был немедленно конфискован, воспитанники изгнаны из Франции, и после того, как Жан Шастель был разорван на части четырьмя лошадьми, отец Герэ был растянут на дыбе, а отец Гиньяр повешен. Это произошло в конце декабря 1594 года.

До этого Генрих IV еще не примирился с Церковью, поскольку папа сомневался в его искренности и отказался снять отлучение, которому король подвергся во время своего рецидива. В конце концов, однако, благодаря настойчивости отца Поссевена и кардинала Толетуса, он был освобожден от своей ереси и мог быть со спокойной совестью признан всеми католиками законным королем Франции. Действия Толетуса в этом вопросе тем более примечательны, что он был испанцем и, поддерживая дело Генриха, поворачивался спиной к своему собственному суверену, который использовал всю свою власть, чтобы предотвратить примирение. Эта служба была публично признана Генрихом, который поблагодарил кардинала за его мужественный поступок, и когда Толетус умер, по приказу короля в соборах Парижа и Реймса были проведены тщательно продуманные похороны. Конечно, король с готовностью прислушался к призыву изгнанных иезуитов. Он вернул им Клермон, дал им другие колледжи, в том числе королевский колледж Ла Флеш, и навсегда остался их преданным помощником и другом. Должно быть, для отца Аквавивы было большим утешением во время битвы, которую он вел и из которой ему предстояло выйти победителем, услышать об этой поддержке Генриха, а также о том, какой прием было оказано Обществу в лояльной Бельгии, несмотря на упорную враждебность Лувена. Почти каждый город обращался с просьбой о создании колледжа.

Примерно в это же время иезуиты потеряли преданного друга в лице святого Карла Борромео, который умер в 1584 году. Было бы клеветой говорить, что он отвернулся от них и забрал миланскую семинарию из-под их руководства. Они сами попросили освободить их от этой ответственности, поскольку он настолько увеличил число их колледжей в своей епархии, что было невозможно уделять семинарии то внимание, которого она требовала. Это правда, что он был жестоко оскорблен одним иезуитом, который вмешался в спор, который происходил между губернатором и архиепископом, и напал на великого прелата с кафедры той самой церкви, которую Борромео передал Обществу; но Аквавива быстро привел его к ногам кардинала, чтобы попросить прощения, а затем отстранил его на два года от проповеди. Этот инцидент, однако, никоим образом не уменьшил привязанности святого к Обществу. Его последняя месса была отслужена в иезуитском послушничестве, которое он основал, и он умер на руках своего духовника-иезуита, отца Адорно, два дня спустя.

Семь лет спустя, 21 июня 1591 года, скончался еще один святой, молодой Алоизий Гонзага. Борромео хорошо знал его и впервые причастил. Этот мальчик-святой был не только ангелом чистоты, но и мучеником милосердия, ибо он умер от лихорадки, заразившись от жертв чумы, которых он лечил во время эпидемии, опустошившей Италию. Достопочтенный Беллармин был его исповедником и духовным отцом, и позже, когда он был при смерти, он сказал окружающим его: "Похороните меня у ног Алоизиуса Гонзаги".

Перед Аквавивой стояла еще одна проблема: пока во Франции и Испании продолжались беспорядки, в Венеции разразилась буря. Общество было изгнано из республики; но к его чести следует отнести то, что его ненавидело правительство, правившее Венецией в то время. Республика оказалась втянутой в конфликт со Святым Престолом, и война была неизбежна. Папа наложил на город интердикт, и поскольку обосновавшиеся там иезуиты подчинились этому судебному запрету, все они были сосланы; их имущество было конфисковано, и им было запрещено когда-либо возвращаться. Такое обращение соответствовало традициям правления "республики", как кто-то сказал, "которая на самом деле была монархией, закаленной убийствами". Халлам (Hist. о Европе в Средние века, iii, 144) настаивает на том, что "она обладала всем великолепием монархии; а ее торговля с мусульманами притупила ее чувство религиозной антипатии". Его действие в данном случае приписывается влиянию монаха-сервита Паоло Сарпи, которого епископ-отступник де Доминис и Дюплесси-Морней, глава французских гугенотов того времени, описывают как "другого Кальвина". Он был в сговоре с голландцами и англичанами, чтобы посеять раскол, бросив вызов папе римскому, и превратить Венецию в протестантскую республику. Он также является автором злобной и клеветнической "Истории Тридентского собора".

Король Франции Генрих IV заинтересовался этой ссорой, и в конце концов ему удалось добиться встречи папских и венецианских представителей для обсуждения их претензий. После длительных переговоров республика наконец пришла к соглашению, но при одном условии, а именно, что иезуитам не должно быть позволено вернуться. Поскольку и папа, и Генрих категорически отказались признать этот пункт, возникла тупиковая ситуация, пока Аквавива не заявил, что не желает допустить, чтобы какие-либо подобные трудности стояли на пути примирения: и, как следствие, Общество вернулось в Венецию только после пятидесяти лет изгнания. Генри, однако, отомстил Сарпи. Он перехватил письмо, написанное министром из Женевы кальвинисту в Париже, в котором раскрывался тот факт, что дож и несколько сенаторов уже приняли меры к введению Реформации в Венеции; и что Сарпи и его сподвижник Фульдженцио сформировали тайное общество из более чем тысячи человек, среди которых было триста патрициев, которые просто ждали сигнала, чтобы покинуть Церковь (Daru, Hist. de la république de Venise). Письмо было зачитано в Сенате, и многие виноватые лица побледили. Это был конец влиянию Сарпи. Вероятно, именно Генрих IV помешал ему поехать в Англию, когда монах написал Кейсобону с просьбой предоставить ему там дом на случай, если ему придется покинуть Венецию. Принимая во внимание все, что Генрих IV сделал для Общества, шестая генеральная конгрегация единогласно и с энтузиазмом проголосовала за создание французского отделения при Обществе в знак благодарности монарху.

В Мексике буря, вызванная Палафоксом, правда, не привела к высылкам, конфискациям и казням, как в других местах, тем не менее, она была смертельной по своим последствиям; и столетие спустя она снабдила янсенистов Европы неиссякаемым запасом клеветы на Общество. Его обвинение Палафоксом было особенно эффективным, потому что оно выражало

мнение выдающегося церковного деятеля, которого некоторые считали святым и на канонизации которого настаивали политики и знать Испании.

Характер этого экстраординарного персонажа всегда был загадкой, и, возможно, было бы лучше или, по крайней мере, удобнее оставить его в тайне вместо того, чтобы раскрывать правду о его жизни. Он сам рассказывает нам в своей "Vida interior", что его университетские дни были бурными; но хотя текст достаточно ясен, это может быть благочестивым преувеличением. В 1628 году произошло то, что он называет своим обращением. Он сделал общее признание и решил избрать церковную карьеру. Его подготовка к ней была удивительно короткой, и вскоре мы видим, что он занял пост главного раздавателя милостыни принцессы Марии, которую он сопровождал в Германию. По возвращении в Испанию он возобновил свою деятельность в качестве фискала и в 1639 году был рукоположен в епископа Пуэблы в Мексике, а в следующем году был отправлен в Америку с самыми экстравагантными полномочиями. Помимо того, что он был епископом Пуэблы, он одновременно был администратором вакантного престола города Мехико и посетителем *аудиенции* колонии с абсолютным правом смещать любого гражданского чиновника, которого он сочтет неподходящим.

Он не стал долго ждать, чтобы воспользоваться своей властью, и в 1641 году, ко всеобщему ужасу, отстранил от должности не меньшую личность, чем сам вице-король, которого все уважали за его честную и добродетельную жизнь. Благодаря этому экстраординарному поступку Палафокс стал практически вице-королем и генерал-капитаном, сохранив при этом свои церковные звания. Однако через несколько месяцев прибыл новый вице-король Сальватьерра. Вскоре Палафокс также столкнулся с ним, блокируя всю официальную работу аудиенции; задерживая депеши, откладывая решения, отлучаясь из города и т.д. В течение пяти лет жалобы на него сыпались в Испанию, но без каких-либо изменений. Сальватьерра даже обвинил его в злоупотреблениях на посту, особенно в финансовых вопросах, и добавил, что все его занятие, по-видимому, состояло в написании Жития святого Петра. Его церковное правление было не менее беспорядочным. Чтобы снискать расположение окружающих, он преобразовал индийские миссии в приходы и поставил их во главе священников, которые были абсолютно невежественны как в привычках, так и в языке туземцев. Мотивом этого изменения было то, что индейские поселения, будучи простыми миссионерскими постами, не платили десятины.

Все это время он продолжал провозглашать себя другом иезуитов, но в 1641 году, когда каноник собора захотел передать ферму колледжу Вера-Крус, ему запретили это делать под страхом отлучения от церкви, если только имущество не облагалось десятиной. Когда каноник передал дело в суд, он, конечно, проиграл его, потому что Палафокс был посетителем этого трибунала. Затем была подана еще одна апелляция в совет Индии, но после двух лет судебных разбирательств дело было прекращено без принятия решения. В ходе этого конкурса Палафокс написал в своем заявлении, что иезуиты были чрезвычайно богаты, в то время как кафедральный собор Пуэблы испытывал нехватку ресурсов. Когда отец Кальдерон опроверг эти утверждения, епископ пришел в ярость и установил в качестве епархиального правила, что под страхом отлучения никакая передача имущества религиозным орденам не может осуществляться, если не будет включено положение о десятине, и он предписал, чтобы больные и умирающие были предупреждены об этом порицании. Вслед за этим он разослал приказ всем иезуитам сдать свои факультеты для проверки в течение двадцати четырех часов под страхом отлучения от церкви. Их ответ состоял в том, что им придется передать этот вопрос

в провинциальный суд. Это было, по словам Астрейна, серьезным актом неосторожности со стороны Отцов Церкви, и таковым впоследствии стало решение Римской конгрегации и самого Папы.

Конечно, по строгости закона епископ имел абсолютное право требовать увольнения всех священников своей епархии, но конкретно трудно винить действия Отцов Церкви в данном случае. Они не отказывались, а просто хотели получить время, чтобы изложить дело своему настоятелю. Более того, поступок епископа был совершенно необычным. До того времени его собственным духовником был иезуит, и епископ выдал способности нескольким другим членам Общества; во время своего пребывания на этом посту он использовал их в различных миссиях епархии, он приглашал их проповедовать в своем соборе; и, действительно, они использовали свои способности для исповеди и проповеди с 1572 года. Это правда, что некоторые из их первоначальных привилегий были изменены или урезаны, но в этих двух основных функциях радикальных изменений внесено не было. Не могли ли они тогда подумать, что ввиду того, что епископ уже совершил как в гражданских, так и в церковных делах, он был психически ненормальным? Обычный человек в мире пришел бы к такому выводу.

Во всяком случае, в течение двадцати четырех часов слушания не состоялись, и все священники-иезуиты Пуэблы не только оказались обесчещенными тем, что были выставлены перед народом отлученными от церкви, но и этим поступком епископа была поставлена под сомнение действительность всех отпущений грехов, которые они дали при отправлении таинства Покаяния. Астрейн рассказывает нам, что отец Легаспи пытался проповедовать в иезуитской церкви, и когда посланец из епископского дворца запретил ему это, отказался повиноваться, но, помимо того факта, что это было бы в абсолютном противоречии с традиционными инстинктами и воспитанием любого иезуита, сам Астрейн рассказывает в следующей главе, что римская конгрегация, которая рассмотрела всю эту жалкую ссору, решила, что проповедь Легаспи была произнесена до, а не после запрета. Затем пришлось прибегнуть к привилегии, предоставленной испанским колониям, - создать комиссию судей для рассмотрения дела и вынесения по нему решения. Впоследствии это также было осуждено Римской конгрегацией и Иннокентием X, но, с другой стороны, общение с Римом в те дни было затруднено, и начатый курс был принят с одобрения глав других религиозных орденов, вице-короля *икабильдо*, или мэра. Это правда, что следовало приложить усилия, чтобы умиротворить разгневанного прелата, но документы показывают, что самые смиренные мольбы были обращены к нему только для того, чтобы быть отвергнутыми с оскорблениями.

Было бы бесполезно передавать дело в *audiencia*, поскольку Палафокс полностью контролировал его. Более того, было настоятельно рекомендовано, чтобы заявление, представленное комиссии, касалось не только массового отстранения от должности и отлучения от церкви, но и других жалоб. Всего их было двадцать девять. Комиссия вынесла вердикт против епископа, но он отказался признать власть и даже отлучил от церкви членов суда, которые, по словам отца генерала Караффы, с "непомерной жестокостью" отлучили прелата. Тогда весь город был охвачен волнением, и Палафокс проехал сквозь толпы возбужденного населения, заклиная их сохранить мир, но в то же время препятствуя этому, проследовав в собор и, среди самых мрачных церемоний и при полном понтификате, отлучив от церкви всех своих противников. Мексиканская инквизиция вмешалась и потребовала тишины от всех сторон. Вице-король Сальваторра также помог подавить беспорядки. Тем не менее, 6 июня Палафокс издал еще одно воззвание, в котором говорилось, что его враги собирают

оружие в своих домах и стремятся установить контроль над страной. Он снова публично появился на улицах Мексики, но через два дня передал все дело вице-королю.

Затем Сальватьерра с величайшим уважением и добротой умолял его восстановить спокойствие в обезумевшей колонии, но 15 июня Палафокс исчез из города, и никто не знал, куда он подевался. Позже было официально сообщено, что сначала он отправился на *гасиенду* Хуана де Вергуса, но через два дня снова исчез. В течение двух месяцев его местонахождение не удавалось установить, но в письме папе Римскому он описывал себя как скитавшегося в течение десяти дней по лесам и горам без крова и пищи и подвергавшегося смерти от змей и диких зверей. Он называл себя другим Афанасием. В конце концов он вернулся на первоначальную *гасиенду* и оставался там до ноября. Перед своим отъездом он уполномочил *кабильдо*, чтобы епархией управляли три духовных лица, которых он назначил; но один из них был заключен в тюрьму вице-королем, а двое других отказались служить. После чего *кабильдо* созвал собрание в мэрии. Председательствовал Алонсо Салазар де Бараона, и иезуитам было приказано продемонстрировать свои способности, что они и сделали; затем они были объявлены полноправными служителями таинств.

Во время своей отставки Палафокс получил два письма из Испании, одно из которых освобождало его от должности посетителя, а другое объявляло о переводе Сальватьерры в Перу. Первое было совсем не приятно, но второе стало источником большого удовлетворения, поскольку, если верить Сальватьерре, Палафокс стремился занять пост вице-короля. Возможно, имея это в виду, он охотно согласился на условия, на которых ему должно было быть разрешено вернуться в свою епархию, а именно считать обязательным все, что было сделано в его отсутствие. Прошло целых девять месяцев, прежде чем Сальватьерра покинул Мексику, и все это время в Пуэбле царил мир; но сразу же после этого военные действия возобновились. Палафокс отказался быть связанным своим контрактом с Сальватьеррой; он объявил акты комиссии недействительными, подтвердил недействительность иезуитских факультетов и отправил трех своих собственных каноников в тюрьму. В сентябре он получил краткое послание от папы Римского, которое расценил как оправдание всего, что было сделано. В основном, документ подтверждал фундаментальное право епископа проверять способности священников и осуждал работу комиссии. После чего двенадцать Отцов Церкви представили епископу свои способности. Но это его не удовлетворило. Он настоял на том, чтобы иезуиты появились на публике в покаянных одеждах, как на аутодафе, и получили от него торжественное отпущение грехов от отлучения. Он также сделал для верующих вопросом признания того, что они получили отпущение грехов от иезуитов или слушали их проповеди.

На это одиозное постановление была подана апелляция в королевский совет, после чего Палафокс направил три письма папе римскому. Первое касалось приходских прав других религиозных орденов; второе жаловалось на серебряные рудники, обширные *гасиенды* и богатство иезуитов, а третье состояло из пятидесяти восьми страниц самой чудовищной клеветы, когда-либо написанной католиком, и, наконец, требовало, чтобы они были оформлены как другие религиозные ордена с хором, монастырем и т.д. Десять лет спустя генерал Обескровленных кармелитов спросил Палафокса, зачем он написал эти письма. "Я сделал это, - говорит он, - потому что был разгневан на иезуитов за то, что они не относились ко мне с должным уважением, но я удивлен, что потерял их расположение и не осознавал этого до сих пор". Наконец, устав от всего этого, Филипп IV приказал ему немедленно возвращаться в Испанию, но он повиновался очень неторопливо. В Риме рассмотрение дела затянулось еще на

четыре года, и, наконец, был вынесен вердикт, подтверждающий, среди прочего, что отцы были должным образом обеспечены способностями и прекратили проповедовать и выслушивать исповеди, когда им было приказано это сделать. Единственное порицание, которое они получили, было за то, что создали комиссию для рассмотрения дела в отсутствие епископа. Неприятности продолжались шестнадцать лет, но столетие спустя они породили глубокое предубеждение против Общества.

ГЛАВА VIII АЗИАТСКИЙ КОНТИНЕНТ

Великий Могол — Рудольф Аквавива — Джером Ксавье — де Нобили — де Бритто — Беши — Парии — Въезжают в Тибет — Из Пекина в Европу — Мингрелия, Пафлагония и Халдея — Марониты — Александр де Родс — Риччи въезжает в Китай — Из Агры в Пекин — Адам Шалл — Прибытие татар — Преследования — Шалл приговорен к смерти — Вербист — Визит де Турнона — Французские королевские математики — Путешествие Авриль.

В то самое время, когда королева Елизавета казнила иезуитов в Англии, на территории, которая сейчас является частью Английской Индии, правил замечательный языческий монарх, который приглашал иезуитов ко двору и делал их своими друзьями. Его звали Акбар, и он известен в истории как Великий Могол. Он родился в 1542 году и правил на четыре года дольше, чем властная Элиза. Она была королевой с 1558 по 1603 год; он был королем с 1556 по 1605 год. Акбар сначала появляется как правитель Пенджаба и страны вокруг Дели и Агры; но в 1572 году он изгнал афганцев из Бенгалии и объединил нижнюю долину Ганга с Индостаном. Позже он аннексировал Кабул, Кашмир, Синд и Кандагар. Он был могучим воином, но замечателен также и как гражданский правитель, доказательством чего в данном случае является то, что он взимал больше налогов, чем Англия в настоящее время получает с той же территории. Он очень интересовался религиозными вопросами, и христианство привлекало его, потому что одна из его многочисленных жен была христианкой; но он воображал, что это было частью общей системы, которая могла быть включена в новый культ, который он изобрел для примирения противоречивых вероучений своего королевства. Его личной преданностью было поклонение солнцу, и он каждое утро появлялся на публике, благоговейно вознося свои молитвы богу дня. Он воображал, что это мировая душа, которая одушевляет все вещи, конкретная форма одной из иллюзий настоящего времени.

По приглашению Акбара Рудольф Аквавива в сопровождении Энтони Монтсеррата и Франсиско Энрикеса покинул Гоа в 1579 году, чтобы предстать перед его двором с целью разъяснения ему доктрин христианской веры. Он слушал с удовольствием и умом, но его интерес был чисто академическим. Как и в случае с другими восточными деспотами, из-за гарема нельзя было надеяться ни на что практическое. Видя, что оставаться там бесполезно, Аквавива вернулся в Гоа, а затем был направлен на полуостров Сальсетт в качестве начальника миссии, учрежденной в этом месте. Его пребывание там было недолгим, так как 15 июля 1583 года он и Альфонсо Пачеко подверглись нападению туземцев и были изрублены на куски. Отцы Пьетро

Берно, Антонио Франсиско и Франсиско Аранья, брат-мирянин, вместе с двадцатью своими неофитами были участниками резни.

Услышав об этой трагедии, Великий Могол отправил посольство к вице-королю и настоятелю ордена иезуитов, чтобы выразить свое сочувствие, а также призвать направить других миссионеров для наставления его народа. В соответствии с этой просьбой Херонимо Ксавье, племянник святого Франциска Ксаверия, был отправлен туда в 1595 году, и ему удалось завоевать расположение Акбара. "Британская энциклопедия" сообщает нам, что Херонимо по предложению монарха перевел четыре Евангелия на персидский. Ранке добавляет в своей "Истории пап", что "во время пребывания там иезуита восстания магометан способствовали тому, что император настроился по отношению к христианам, поскольку в 1599 году Рождество в Лахоре праздновалось с особой торжественностью. Ясли и основные факты Рождества Христова были представлены в течение двадцати дней подряд, и многочисленные оглашенные направились в Церковь с ладонями в руках, чтобы принять крещение. Император с большим удовольствием прочел "Житие Христа", написанное на персидском языке, и изображение Богородицы, скопированное с римской мадонны дель Пополо, было по его приказу доставлено во дворец, чтобы он мог показать его своим домочадцам. Это правда, что христиане сделали из этих событий более благоприятные выводы, чем подтверждали факты; тем не менее, действительно был достигнут большой прогресс. Действительно, после смерти Акбара три принца королевской крови были торжественно крещены. Они подъехали к церкви на белых слонах, и их встретили звуками труб, барабанов и военной музыкой. Это произошло в 1610 году, так что христианство, казалось, постепенно приобретало позицию фиксированного характера, хотя и страдало от определенных превратностей и преобладания непостоянства в вопросе религиозных взглядов. Политические соображения также в значительной степени повлияли на общественное мнение. В 1621 году в Агре был основан колледж, а в Патне - станция. В 1624 году питались надежды, что император Джехангир сам станет христианином".

Вскоре после того, как Херонимо Ксавье обосновался при дворе Великого Могола, отец Роберт де Нобили, племянник кардинала Беллармина, преодолел кастовый барьер в Индии способом, который на какое-то время вызвал немалый скандал. Он отправился в миссию Мадур, территорию, расположенную немного в глубине страны, к северо-востоку от Рыбных промыслов, и обнаружил там, что отец Фернандес, очень набожный и энергичный миссионер, который четырнадцать лет прожил среди своих язычников, так и не принял новообращенного, поскольку не мог связаться с влиятельными людьми страны. На пути стояли две трудности: во-первых, он был португальцем, гезом или пранги, а к пранги относились с отвращением, потому что они ели мясо и пили вино; во-вторых, он смешался с самыми деградировавшими кастами Индии.

Де Нобили твердо решил избавиться от этих препятствий. Во-первых, он настаивал, что он не пранги, а римский аристократ по имени и на самом деле; во-вторых, что касается вина и мяса, он воздержится от них и будет питаться рисом; в-третьих, он станет брахманом в том, что касается их образа жизни и одежды, и, более того, он превзойдет их в знании их собственного языка, литературы и религии. Действительно, в течение года он стал мастером тамильского, телугу и санскрита. Теперь он был готов к своей работе, и в 1606 году он попрощался с Фернандесом и заперся в хижине, в которую долгое время никому не разрешалось входить. Он хотел, чтобы среди местных распространилась весть о появлении великого европейского брамина. Любопытство, сказал он, сделает остальное, поскольку его строгое уединение

заставит их еще больше стремиться увидеть его. План удался, и когда, наконец, посетителям разрешили поговорить с ним, они нашли его на вид еще более святым, чем они себе представляли, и были поражены, услышав, что он разговаривает на тамильском и демонстрирует совершенное знакомство с литературой этого языка. Он также взял за правило декламировать и даже петь песни их поэтов, потому что был способным музыкантом и обладал хорошим голосом.

Когда его репутация утвердилась, он начал обсуждать некоторые истины фундаментального богословия, исходящие не от него самого, но которые, как он показал им, на самом деле были изложены в их собственных Ведах. Его знание санскрита — возможно, он был первым европейцем, отважившимся заняться этой областью, — дало ему более глубокие познания в священных книгах, чем обладал кто-либо из самих брахманов, и поэтому случилось так, что не прошло и года, как он крестил нескольких человек, которые выделялись как своим благородством, так и ученостью. Он разрешал своим новообращенным продолжать мазать лоб пастой из сандалового дерева, отращивать пучок волос на макушке и носить шнурок на левом плече. Он сделал это после того, как полностью убедил себя в том, что в подобной практике нет никакого суеверия. Тем временем он питался молоком, рисом, травами и водой, которые ему раз в день подавал слуга брамина. Это была мера предосторожности, чтобы предотвратить любые подозрения, что другая еда поставлялась тайно.

На второй год его паства стала настолько многочисленной, что хижины, в которой он жил, было недостаточно, чтобы вместить их всех, и ему пришлось построить церковь. Это, конечно, вызвало некоторую тревогу среди брахманов, но это было ничто по сравнению с той бурей, которую жизнь де Нобили вызвала в Европе. Кардинал Беллармин, его дядя, решил, что он совершил вероотступничество, и написал ему возмущенное письмо, а генеральный директор Общества добавил к нему очень суровое порицание. Его брат-иезуит Фернандес обвинил его в предательстве из-за его неприятия имени "Пранги", или португальского, а также из-за его попустительства идолопоклонству, позволяющего своим неофитам сохранять свои языческие обычаи. Таково было происхождение знаменитого вопроса о "Малабарских обрядах", который сотню лет спустя вызвал такой переполох в Церкви. Эти обвинения некоторое время доставляли де Нобили много хлопот, но наконец все было удовлетворительно объяснено, и кардинал, генерал и папа велели миссионеру-новатору продолжать то, что он начал. Поэтому, чтобы избежать явного пренебрежения и даже презрения со стороны низших каст, к этой работе были приставлены другие священники, и де Нобили на сорок два года ограничился своим особым призванием. Затем он потерял зрение и был отправлен в Джафанапатам на Цейлоне, а затем в Милапур, где и умер 16 января 1656 года.

Миссия увенчалась успехом. Примерно к тому времени, когда де Нобили закончил свои труды, в нем было в среднем 5000 обращенных в год, и оно никогда не опускалось ниже 3000, даже во времена гонений. В конце семнадцатого века его территория простиралась за пределы Мадур до Майсура, Маравы, Танджора и Джинджи, и христиане всей Мадурской миссии, как ее называли, насчитывали 150 000 душ. Помимо того, что миссия была полем для проявления апостольского рвения, она также подготовила выдающихся ученых в области тамильского языка и санскрита, таких как Беши, Керду и другие. В 1700 году он достиг Карнатика и, вероятно, собрал то, что христиане оставили там миссионерами из числа моголов. Эта миссия прославлена своим великомучеником Джоном де Бритто, который прибыл туда через двенадцать лет после смерти де Нобили. Он тоже перенял манеры саниасси и трудился в

качестве такового двадцать один год. Это была жизнь непрерывного и ужасного мученичества. В конце концов он был предан смерти как маг, из-за множества людей, привлеченных к Вере его святостью и учением. Как и его предшественник де Нобили, он не беспокоил своих новообращенных по поводу их пучков волос или хлопчатобумажных жгутов на плечах, и примечательно, что спустя долгое время после его смерти, как раз в то время, когда шел процесс его беатификации, теологи горячо обсуждали распущенность малабарских обрядов. Если бы они были осуждены, как бы это решение повлияло на канонизацию де Бритто? Папа Бенедикт XIV решил, что это не помешает, и поэтому де Бритто был причислен к лику Блаженных.

Спутники де Нобили и де Бритто побывали повсюду в Индостане, они даже примирили с Церковью общину туземцев, которые называли себя христианами святого апостола Фомы, но на самом деле были обычными несторианами. Они построили первую церковь в Бенгалии и проникли в королевства Арракан, Пегу, Камбоджа и Сиам, все время избегая голландских пиратов, рыскавших вдоль побережья.

Самым ослепительным из этих колоритных миссионеров, несомненно, был итальянец Констант Беши, прибывший в Мадур в 1700 году, через сто лет после де Нобили и двадцать восемь после де Бритто. Он решил превзойти всех других саньяси, или брахманов, в аскетизме своей жизни. Большую часть времени он оставался в своем доме и никогда не прикасался ни к чему, в чем была жизнь. На лбу у него было потту Санданама, а на голове - кулла, что-то вроде цилиндрического головного убора из бархата. Он был опоясан соменом, обут в церемониальные деревянные башмаки, а в ушах у него свисали жемчужины. Он никогда не выходил из дома иначе, как в паланкине, в который ему приходилось класть тигровые шкуры, чтобы он мог сидеть, в то время как слуги стояли по обе стороны, обмахивая его павлиньими перьями, а третий держал над его головой шелковый зонтик, увенчанный золотым шаром. Его называли "Великим Вирамамвун", и, подобно Бонапарту, он сидел, "окутанный одиночеством своей собственной оригинальностью". Даже иезуит не мог приблизиться к нему или заговорить с ним. Ни слова по-итальянски не слетело с его губ, но он углубился в санскрит, телугу и тамильский, изучал поэтов Индостана и писал стихи, которые донесли до индусов знание христианства. В течение сорока лет его публично почитали как Исмат Саньясси, то есть непорочного кающегося грешника. Набоб Тричинополи был в таком восторге от него, что Беши был вынужден принять пост премьер-министра, и с тех пор он никогда не выезжал за границу, если его не сопровождал тридцать всадников, двенадцать знаменосцев и оркестр военной музыки, в то время как длинная вереница верблюдов следовала в арьергарде. Если по пути ему попадался какой-нибудь иезуит, присматривающий за париями, ни с той, ни с другой стороны его не узнавали, но обоих, должно быть, забавляло, как иезуит в лохмотьях распростерся в пыли перед иезуитом в шелковой мантии в кавалькаде, а изгой не осмеливался даже взглянуть на великого чиновника, хотя, возможно, они были близкими друзьями.

Тем временем множество иезуитов осаждали генерала петициями с просьбой сделать их миссионерами среди парий, ибо мало кто мог сыграть ту роль, которую играл Беши. Быть изгоем было легко, и попытки евангелизировать этот класс продолжали предприниматься в Мадуре вплоть до времени Подавления Восстания. Обращений было много, и Буше, современник Беши, выслушал до 100 000 исповедей за один год. Говорят, что особо ревностные новообращенные среди брахманов при крещении обрезали свои волосы в качестве жертвоприношения, и

огромное количество локонов, некоторые из которых были четырех-пяти футов длиной, украшали церковь Беши в Тирукавалоре.

Но эти обращения означали преследование. Буше, который был преемником Беши среди брахманов высшего класса, несколько раз арестовывался и приговаривался к смертной казни. Однажды, когда его приговорили к сожжению заживо и обливали маслом, чтобы усилить пламя, палачи были так поражены его очевидным безразличием, что бросили работу и освободили его. Буше считал, что церковь Мадуры была особенно благословлена преследованиями, и это объясняло ему, как он смог крестить 20 000 индусов. На его попечении было тридцать церквей, что означало неисчислимый труд. О таких мелочах, как никогда не есть мяса, свежих яиц или рыбы, жить в крытых соломой хижинах без кроватей, сидений или мебели и никогда не иметь такой роскоши, как стол, ложка, нож или вилка во время еды, миссионеры никогда не задумывались. Утешением в этих лишениях было то, что иногда они выслушивали исповеди целых деревень и им никогда не приходилось сталкиваться со смертным грехом. Вероятно, Симон Карвалью, — Маршалл называет его Лайнез, — который принял в Церковь 10 000 человек и когда-то был почти растерзан толпой, а в другой раз за ним пять месяцев охотились, чтобы предать смерти, предпочел бы эту работу, которой он занимался в течение тридцати лет, управлению епархией Милапора, епископом которой Климент XI позже сделал его.

"Они были гигантами, - писал аббат Дюбуа, который в наше время был миссионером в Индии, - и они восторжествовали в свое время, потому что ни мир, ни дьявол не могли противостоять той мощи, которая была в них. Обладая по большей части редчайшими умственными способностями, так что, если бы они стремились только к человеческим почестям, они вряд ли встретили бы соперника на своем пути, сведущие во всей учености своего века и заметные даже в том великом Обществе, которое более века привлекало к себе благороднейшие умы каждой страны Европы, они приобрели в дополнение к своим природным дарам такую меру Божественной благодати и мудрости, такое совершенство евангельской добродетели, что силы тьмы убегали от них, и Крест Христов, где бы они его ни поднимали, разбивался о землю. разорванные на куски идолы язычников". А Перрен в своем "Путешествии по Индостану", II, 166, пишет: "Я признаюсь, что критиковал индостанских иезуитов критически, возможно, со злобой. Теперь я изменил свое мнение, и если бы я плохо отзывался о них, вся Индия обвинила бы меня в самозванстве".

В Тибетское королевство отшельников впервые вошел отец Антонио де Андрада. Он был одним из миссионеров в королевстве Великих Моголов и отправился из Агры в 1624 году, чтобы пересечь Гималаи и, если возможно, проникнуть в таинственные владения Великого ламы. Он присоединился к толпе идолопоклонников, которые собирались принести свои подношения в знаменитой пагоде Барринат, куда тысячами стекались со всех королевств Индии и даже с острова Цейлон. "Эта часть путешествия, - говорит он в своем рассказе, - была самой легкой, хотя при подъеме по долине Ганга мне часто приходилось ползти по узкой тропинке, вырубленной в скале, иногда едва ли в ладонь шириной, в то время как далеко внизу бушевали потоки, в которые время от времени сбрасывался какой-нибудь несчастный путник. То тут, то там нам приходилось переходить реки с помощью веревок, натянутых поперек ручья, или, возможно, по кучам снега, которые лавины нагромождали в долине, но которые были особенно опасны, потому что горные потоки все это время проедали их у основания. Если бы там был обвал, вся группа исчезла бы в глубине. Это была ужасная работа, но когда я увидел, как мои товарищи, многие из которых были стариками, набирались храбрости, повторяя имя Баррината,

мне стало стыдно, что я не сделал для Иисуса Христа больше, чем эти бедные язычники для своих идолов и пагод ".

После того, как святилище было достигнуто, доблестный миссионер продолжил свое путешествие и прибыл в город Манах, последнее поселение альпинистов на индийском склоне. "Перед нами была снежная пустыня, недоступная ни для одного живого существа в течение десяти месяцев в году, и которая требовала двадцатидневного перехода без укрытия и без куска дров, чтобы развести костер. Со мной были два туземца и проводник. Однако я положился на Бога, ради которого одного я предпринимал это опасное дело. Каждый шаг давался с невероятным трудом, потому что каждое утро выпадал новый слой снега глубиной по колено, по пояс или даже по плечи. В некоторых местах, чтобы перебраться через сугробы, нам приходилось совершать движения пловца; а чтобы не задохнуться ночью, мы были вынуждены убирать снег, по крайней мере, каждый час ". Наконец он прибыл к месту назначения и был хорошо принят ламой. Ему был предоставлен отпуск для открытия миссии в стране, затем он поспешил вернуться в Агру и в следующем году основал базу в Чапаранге. Но сам он не должен был оставаться в стране, которую он так славно открыл миру. Его называли провинциалом Индии, и он должен был немедленно отправиться в Гоа. Девять лет спустя, 19 марта 1634 года, он был отравлен евреями. Тем временем тибетская миссия пошатнулась и пала.

В 1661 году отец Иоганн Грубер, один из помощников Шалля в Пекине, достиг Тибета по пути в Европу. Он не мог отправиться морем, поскольку голландцы блокировали Макао, поэтому он решил отправиться по суше через Индию и Тибет. С ним был отец д'Орвиль, бельгиец. Достигнув Суннинг-фу, на границе Куанцу, они пересекли Куконор и Калмукскую Татарию и направились в Священный город Лхаса в Тибете, но там не остались. Затем они поднялись на Гималаи и из Непала отправились по плато Ганг в Патну и Агру. В последнем городе д'Орвиль умер, его заменил отец Рот, и два миссионера отправились через Азию в Европу. Грубер был в пути двести четырнадцать дней. В 1664 году он попытался вернуться в Китай через Россию, но по той или иной причине не смог проехать через эту страну. Затем он направился в Азию, но заболел в Константинополе и, наконец, умер либо в Италии, во Флоренции, либо в Патаке, в Хунгари. К счастью, он оставил свой "Дневник" и диаграммы в руках великого Афанасия Кирхера, который опубликовал их в своей знаменитой "Китайской иллюстрации".

Другие миссионеры прибыли в Мингрелию, Пафлагонию и Халдею; в последнем месте они вернули несториан в лоно Церкви. Помимо работы в соседней Греции и Фессалии, в Константинополе, они были в Армении, а также в Эфесе, Смирне, Дамаске, Алеппо, на развалинах Вавилона и на берегах Евфрата и Иордана, и они основали миссии Антурах для маронитов Ливана, которых король Франции Генрих IV взял под свое покровительство.

Происхождение этих маронитских миссий читается как роман. Это можно найти во французской "Менологии" от 12 октября, где говорится, что однажды на собрании своих содалистов в Марселе отец Амьен говорил о распространении Веры и случайно упомянул Персию, в которую до сих пор побывал только один миссионер. Среди его слушателей был богатый купец по имени Франсуа Ламбер, который, взволнованный проповедью, решил пойти и предоставить себя в распоряжение этого единственного персидского апостола. Он пересек Аравийскую пустыню, достиг Багдада, поднялся на борт Евфрата с намерением добраться до Исфахана в Персии, а когда ему это не удалось, он повернул к Ормузу на проливе, соединяющем Персидский залив с Аравийским морем. Это место, однако, не смогло удержать

его; оно было слишком роскошным и слишком распущенным; поэтому он отправился в верхний Индостан, где на троне восседал Великий Могол. Он проехал через Сурате и Голконду, но из Милапора, где находится гробница святого Фомы, он не мог оторваться в течение нескольких недель. В конце концов он поднялся на борт корабля, потерпевшего крушение у берегов Бенгалии, и дважды был на волосок от того, чтобы исчезнуть в пучине. После двух дней и двух ночей, проведенных на пустынных песках, он и пятеро других потерпевших кораблекрушение спели "Te Deum", чтобы заставить их забыть о своем горе. После этого они, должно быть, удалились вглубь страны, поскольку нам рассказывают, что позже они построили плот и поплыли вниз по одной из великих рек Индии. Это было тридцатипятидневное путешествие, и несколько бедных странников умерли по дороге от голода. Наконец они достигли поселения туземцев, и их отвели к ближайшему португальскому посту. К сожалению, география в этой части повествования Ламберта слишком расплывчата, чтобы мы могли быть уверены в местах, которые он видел во время своего путешествия.

Из Индии он направился в Рим, где поступил в иезуитский послушничество Сан-Андреа, а оттуда, после рукоположения, был отправлен в Сирию. Он снова потерпел кораблекрушение, и когда его подобрал на берегу, его приняли за пирата и привели в цепях к вождю клана горцев. К счастью, это были марониты с Ливана, и Ламберт оставался там до конца своих дней, помогая преследуемым людям сохранить свою веру в борьбе с их разъяренными соседями-мусульманами. Эти марониты были представлены в постулатных письмах на Латеранском соборе еще в 1516 году, а позже папа Григорий XIII построил для них в Риме больницу и колледж, из которых вышло несколько очень выдающихся ученых. В 1616 году Климент VIII отправил иезуита Джироламо Дандини председательствовать на маронитском соборе с целью введения определенных литургических реформ; но именно странник Ламберт был первым, кто навсегда остался среди этого героического народа. Он прожил всего три года после своего прибытия; однако этого времени было достаточно, чтобы подготовить почву для пяти миссионерских центров, которые впоследствии были там созданы.

Александр де Родс, который появляется на этом этапе, является еще одной колоритной фигурой в истории Общества. По словам Фенелона, именно он вдохновил создание великой ассоциации Восточных миссий, которая самым неожиданным и экстраординарным образом послала так много тысяч славных апостолов, многие из которых были мучениками, благовествовать странам, из которых он прибыл. Он родился в Авиньоне, старинном французском городе пап, и современники называли его "Франциском Ксавьером Кочино-Китайским и Тонкинским". Он уехал из Рима в Индию, когда ему было всего двадцать шесть лет, и начал свою миссионерскую деятельность на Востоке, присматривая за рабами и тюремными заключенными Гоа. По пути из этого города в Тутикорин он крестил пятьдесят язычников на борту корабля, его красноречию способствовал яростный шторм, который угрожал отправить хрупкое суденышко на дно. Ожидая в Малакке готовности корабля, он и его спутник захватили в плен еще две тысячи душ для Господа, а когда он прибыл к месту назначения, другие тысячи присоединились к нему, среди них король и восемнадцать членов королевской семьи, а также двести священников языческих храмов. Эта быстрота также не означала нестабильности, поскольку двадцать пять лет спустя основанная им церковь Тутикорина могла насчитывать у своих алтарей не менее 300 000 христиан.

Говорят, что он обладал даже способностью делать тауматургистов из своих оглашенных. С помощью святой воды или реликвии креста они возвращали людям здоровье, и целых двести

семьдесят страдальцев от различных недугов были удостоены таких милостей. Когда его бросили в тюрьму и заковали в кандалы, как это часто бывало, он обратил в свою веру своих тюремщиков и других людей помимо него. Когда его унесли на корабле, который должен был быть изгнан из страны, он крестил капитана и команду и уговорил их высадить его на берег в пустынном месте, где он начал новое апостольство. Пятнадцать раз в своих путешествиях в Тонкин и китайскую Кочинхину он пересекал Тонкинский залив, который имел ужасную историю штормов и кораблекрушений, и, наконец, отправился в свое знаменитое сухопутное путешествие в Европу в поисках работников-евангелистов. Он достиг своей цели, хотя на это ему потребовалось три с половиной года.

В том памятном путешествии он рисковал своей жизнью на каждом шагу, поскольку ему приходилось путешествовать по странам, языка которых он не понимал, и где его не могло ожидать ничего, кроме подозрений, жестокого обращения и, если он избежит смерти, всевозможных лишений и страданий. По пути в Рим голландцы на Яве бросили его в тюрьму, но он обратил своих надзирателей, и в результате был изолирован и заключен в одиночную камеру; он рассматривал это уединение только как великолепный шанс совершить свое ежегодное уединение, а когда его выпустили, он возобновил свое паломничество по Индии и Азии. Как он сам сказал, его несло на крыльях Божественного Провидения через штормы и кораблекрушения, города и пустыни, варваров и язычников, еретиков и турок. Наконец, в 1648 году он добрался до Рима и рассказал отцу генералу и папе римскому, что нужно на далеком Востоке. Цель этого путешествия, столь насыщенного приключениями, имела очень большое значение.

Главным образом благодаря помощи Португалии, переживавшей тогда самую блестящую эпоху своей истории, миссии распространились на тысячи миль на Восток, начиная с Гоа и Малабара и простираясь вокруг полуострова Индостан до Кочинхины, Китая, Кореи и Японии, во многих из которых были основаны великолепные церковные учреждения. Все они были начаты, поддержаны и защищены Португалией. Но, к сожалению, христианство и Португалия были настолько неразрывно связаны, смешаны и перепутаны друг с другом, что религия, которой учили миссионеры, стала рассматриваться людьми не столько как религия Христа, сколько как религия португальцев. Другим последствием было то, что ссора между любым мелким португальским чиновником или купцом с восточным властелином означала преследование Церкви. Более того, поскольку владение Португалией страной было настолько исключительным, что даже самый скромный миссионер не мог покинуть Европу, если он не был приемлем правительством, это было равносильно фактическому порабощению Церкви. Наконец, поскольку все остальные нации были лишены коммерческих прав на Востоке, у соперников вошло в практику представлять местным жителям, что миссионеры были всего лишь португальскими шпионами или передовыми агентами, которые готовились к вторжению и завоеванию.

К сожалению, в обмен на все, что Португалия сделала и должна была сделать для распространения христианства на этих новооткрытых землях, с папой римским была достигнута договоренность о том, что ни один епископ на всей этой огромной территории не сможет занять свой престол, если Португалия не примет его; ни одна новая епархия не может быть создана без консультаций с Португалией; ни одна папская булла не имеет силы, если ее не передадут португальские короли. Чтобы положить всему этому конец, де Родс и отправился в Европу. Но он не осмелился предстать перед папой как иезуит, потому что, если бы стало известно, в чем

заклучалась его миссия, каждый иезуитский дом в португальских владениях был бы немедленно закрыт, как это случилось позже. Следовательно, ему пришлось ждать в Риме целых три года, до 1651 года, прежде чем он смог даже рассмотреть свою петицию, и это также объясняет, почему он выдвинул экстравагантное требование о "патриархе, трех архиепископах и двенадцати епископах". Прося многого, он думал, что сможет хотя бы что-то получить.

Папа хотел, чтобы де Родс сам стал епископом; он отказался от этой чести, и тогда ему сказали пойти и найти несколько свободных кандидатов. С этой целью он обратился к группе священнослужителей в Париже, которых отец-иезуит Баго наставлял на пути высшей духовной жизни и о которых часто говорили как о баготистах. Среди них были Монморанси де Лаваль, будущий епископ Квебека, и месье Олье, который позже основал Общество Святого Сьюльписа. Его апелляция не принесла немедленного результата, и затем он приготовился вернуться в Тонкин, но получил приказ отправиться в другое место. Вероятно, ни одно португальское судно не забрало бы его обратно, поскольку цель его визита в Европу к тому времени должна была уже оказаться за границей. Поэтому его отправили в Персию, хотя ему было тогда за шестьдесят лет; итак, он отправился в Персию, и мы находим, что по пути туда он изучал язык, а когда шел по улицам Исфахана, выставлял себя дураком, пытаясь, заикаясь, произнести те несколько слов, которые он выучил, но всегда несерьезно относился к смеху, а иногда и к пинкам, тумакам и даже угрозам смерти, которые он получал. Он планировал новые миссионерские посты в Грузии и Татарии, когда смерть призвала его к награде. Но он уже завоевал восхищение Исфахана, и город никогда не видел более дорогостоящих похорон, чем те, на которых 7 ноября 1660 года были опущены в могилу бранные останки славного Александра де Родоса.

Это путешествие великого миссионера является классическим в том смысле, что оно подчеркивает серьезность, с которой Общество всегда проявляло стремление утвердить епископат в своих миссиях. Бесполезно притворяться, что этот проект де Родса возник по его собственной инициативе и не был санкционирован его начальством. Возможно, он действительно предложил это, но никто в Обществе не берется за работу, от которой его могут отстранить в любой момент, если только ему не поручат это. Теперь де Родс продолжал выполнять свою задачу в течение нескольких лет и, очевидно, с одобрения своего начальства.

Хотя его усилия были явно безуспешными, они принесли некоторые результаты. Мадам д'Эгийон, племянница кардинала Ришелье, взялась за это дело, но даже она, с ее огромным влиянием, смогла убедить церковные власти сделать не более чем одно маленькое апостольское викариатство. Это было далеко от великой иерархической схемы де Родса. Был назначен один из баготистов, Паллу, хотя какое-то время стоял вопрос об отправке Лавалья также на Восток; но необходимость иметь епископа в Квебеке была настолько настоятельной, что Паллу был отправлен в Тонкин один.

Однако Португалия отказалась перевезти его туда, хотя Людовик XIV просил об этом как об особом одолжении. В 1658 году, когда Паллу попытался отправиться в путь на свой страх и риск, он достиг не Кочинхины, а Сиам. В 1665 году он снова вернулся во Францию, умоляя о защите от португальцев, которые арестовывали его священников и сажали их в тюрьмы в Гоа и Макао. В 1674 году он потерпел кораблекрушение на Филиппинах и был увезен пленником в Испанию, где был освобожден только объединенными усилиями папы римского и Людовика XIV. Он снова отправился в плавание, но был выброшен на берег на острове Формоза и так и не добрался до Тонкина.

Между тем иезуиты не забыли мечту Франциска Ксаверия о Китае. Доминиканец Гаспар де ла Крус проник через его закрытые ворота через четыре года после того, как Ксавье скончался на острове напротив Кантона, но его тут же изгнали. Только в 1581 году, спустя целых тридцать шесть лет после попытки де ла Круса, иезуиты наконец добились успеха. Все это время они ждали в Макао — поселении, предоставленном португальцам в обмен на помощь, оказанную Китаю в отражении нападения флота морских разбойников. Они уже давно поняли, насколько глупо пытаться въехать в новую страну под тенью какого-нибудь претенциозного посольства, поскольку в умах как правительств, так и народа неизбежно оставалось подозрение, что за проповедями священников стоят скрытые политические мотивы. Следовательно, Валиньяни, хотя в целом и верил в посольства к королям и правителям, после того, как новая религия была хорошо понята и принята в стране, убедился, что было бы неразумно начинать работу таким показным образом. Поэтому он взял трех умных молодых итальянцев, Микеле Руджиери, Франческо Пасио и Маттео Риччи, и, тщательно обучив их математике и всем отраслям естественных наук, приказал им не только овладеть китайским языком, но и ознакомиться с литературой и историей страны. Риччи был доступен особенно как математик, поскольку был любимым учеником отца Клавиуса, который был одним из главных разработчиков григорианского календаря.

Согласно Нис (стр. 40), они получили доступ в запретную страну, приняв участие в комедии. Он рассказывает нам, что вице-король, живший недалеко от Кантона, вызвал к своему трибуналу по тому или иному обвинению епископа и губернатора Макао. Это было тяжким оскорблением для этих высокопоставленных лиц, но, с другой стороны, если бы они отказались явиться, результат мог бы быть катастрофическим для всей португальской колонии. Чтобы выпутаться из дилеммы, они прибегли к уловке, которая вполне соответствовала китайским методам. Вместо того, чтобы отправиться самим, они послали двух человек, которые выдавали себя за епископа и губернатора. Для первого был выбран отец Руджиери, для второго — мирянин. На первый взгляд, история абсурдна. Было бы невозможно выдавать себя за двух таких известных чиновников, как епископ и губернатор, и раскрытие такого мошенничества неизбежно повлекло бы за собой заслуженное наказание. Скорее всего, Руджиери и его спутник поехали просто как представители двух чиновников. Их хорошо снабдили подарками, которые возымели желаемый эффект, заставив вице-короля забыть о своих обидах, если они у него были. Он принял все очень любезно и предложил нанести повторный визит. Затем Руджиери рассказал ему о своем давнем желании провести всю свою жизнь в чудесной стране Китай, с ее удивительно интеллектуальным народом, и был уверен, что его желание, возможно, будет удовлетворено позже. Но когда был брошен намек на чудесные часы, которыми владел миссионер и которые он чрезвычайно хотел показать такой важной персоне, как вице-король, все трудности с постоянным местом жительства немедленно исчезли.

Группу с большой церемонией проводили обратно на корабль; и когда возвращение Руджиери задержалось из-за приступа болезни, вице-королевская джонка была отправлена на остров, чтобы доставить его королю Чао, а также вручить ему официальное разрешение на строительство дома в городе. Валиньяни, который в то время находился в Макао, некоторое время колебался, принимать ли это предложение, но в конце концов согласился. 18 декабря Руджиери поднялся на борт, взяв с собой отца Пасио и одного схоластика, а также нескольких китайцев. Это дополнение к компании несколько удивило вице-короля, но Руджиери сказал ему, что, поскольку он священник, иметь сопровождающего соответствует его достоинству. Остальные были всего лишь слугами, но часы сделали свое дело, и отважные апостолы

получили буддийский храм за городом в качестве места жительства, а довольный вице-король часто дарил им еду. Он даже разрешил Руджиери позвонить Риччи из Макао. Их храм-резиденция вскоре прославился, и каждый в Чао-Кинге, от высших гражданских и военных чиновников до тех, кого мы сейчас называем кули, вышел посмотреть на обитателей.

К сожалению, вице-король был свергнут, и его преемник, возражая против присутствия иностранцев, приказал всему отряду возвращаться в Макао. Они не подчинились, но предприняли попытку добраться до Кантона, на въезд в который бывший чиновник дал им разрешение. Им это удалось, поскольку они намеренно подверглись аресту в Гонконге. Но в Кантоне не обратили внимания на документ, который у них был с собой, и поэтому они отправились обратно в Макао, убежденные, что нет никакой надежды остаться в Китае при новом правителе. Однако, к их великому удивлению, тот самый человек, которого они боялись, отправил посланника в Макао, чтобы вернуть трех миссионеров Чао Кингу. Он бурно приветствовал их и предоставил прекрасное место для проживания, совсем рядом со знаменитой фарфоровой башней, которая только что была возведена и считалась памятником китайской архитектуры. Это была колыбель христианства в Китае.

Однако в 1589 году прибыл новый вице-король, которому приглянулась их резиденция, и он без всяких церемоний лишил их собственности. Но поскольку они уже завоевали такую благосклонность своими картами, глобусами и астрономическими инструментами, когда они приехали в Чао-Чоу в поисках дома, их встретили с самыми бурными проявлениями радости. Популярность их росла с каждым днем, и вскоре мандарины Кантона пригласили Риччи выступить на их собраниях. Он воспользовался всеми предоставленными ему возможностями, чтобы привнести в свои научные рассуждения что-нибудь о религии, и он отметил, что они проявляли большее внимание, когда он затрагивал такие темы, чем когда он ограничивался чисто гуманитарной наукой. Время от времени случались неприятности, но число неофитов росло с каждым днем, и Риччи, который до того времени носил одежду бонзы, теперь сбросил ее и облачился в одеяние китайского литератора.

В 1595 году пришло известие, что японский император Тайкосама готовит экспедицию против Кореи, после чего главнокомандующий китайскими войсками прибыл в Чао-Чоу, чтобы проконсультироваться с Риччи. Но это было сделано не столько для того, чтобы обсудить военную ситуацию, сколько для того, чтобы заставить его восстановить здоровье любимого ребенка. Риччи пообещал помолиться за мальчика, а взамен попросил сопровождать генерала обратно в Пекин, поскольку был убежден, что если ему удастся однажды обратиться к своей веруобразованные классы столицы, то остальная часть его работы будет легкой. Просьба была удовлетворена, и Риччи, таким образом, весьма вероятно, стал первым белым человеком, путешествовавшим по внутренним районам Китая и близко видевшим жителей городов и деревень. Однако в Нанкине он заметил глубокое подозрение, с которым относились к иностранцам, и, хотя дошел до самого Пекина, счел разумнее не заходить в город и поэтому вернулся по Желтой реке в Чао-Чоу.

Экспедиция Тайкосамы из Японии оказалась неудачной, и общественное беспокойство по поводу иностранцев перестало быть острым. Это затишье позволило Риччи обосноваться в Нанкине, который, казалось, пришелся ему по душе, когда он проезжал через него по пути в Пекин. Город лихорадочно изучал астрономию и астрологию, и он нашел радушный прием среди местных ученых людей. В своем повседневном общении он обучал их многим доктринам

Веры и получал взамен от них истинное значение поклонения их предкам и церемоний. Следовательно, у него не было никаких угрызений совести по поводу участия в почестях, воздаваемых Конфуцию, который был великим законодателем и учителем Китая, и он никогда не подозревал, что позже в Церкви поднимется шумиха по поводу предполагаемого идолопоклонства этих самых церемоний.

Тем временем он передал информацию о Нанкинской обсерватории, которая весьма поразила научную Европу. Нанкин, однако, не удовлетворил его, и он прилагал постоянные, но тщетные усилия, чтобы добраться до императорского города Пекин. Наконец, в 1600 году, после семнадцати лет терпеливого ожидания, ему это удалось. Его приезд произвел большую сенсацию. Его даже допустили во дворец, но на самом деле он никогда не видел императора, хотя народ в целом полагал, что ему была предоставлена эта привилегия. Однако это означало почти то же самое, поскольку произведенный эффект и его настоящий миссионерский успех датировались тем моментом. Величайший мандарин двора стал христианином и почти святым, хотя его имя было Син. Позже Син начал проповедовать христианство. Его обращение само по себе было проповедью и положило начало многим другим. Тем временем пятеро иезуитов в Кантоне собрали вокруг себя множество людей. Высшие классы стекались послушать их проповеди и начали гордиться тем, что их считают христианами, но им было трудно понять, почему Евангелие не распространяется исключительно на их круг. Они все еще не могли осознать тот факт, даже после крещения, что низшие классы имели ту же привилегию спасения, что и они сами. По мнению китайцев, это была социальная революция, и они были правы, но они были неправы, возражая против нее.

Здесь происходит интересный эпизод. При дворе Великого могола в Агре с отцом Джеронимо Аквавивой был связан португальский брат-мирянин по имени Бенедикт Гоус. Хотя он был занят только домашней прислужкой, он пользовался большим расположением варварского монарха, и если вице-король Индии был спасен от катастрофы, то это произошло благодаря Гоесу, который не только убедил Великого могола воздержаться от войны с португальцами, но и добился того, что его самого отправили в Гоа со всеми детьми, захваченными в ходе различных набегов армий Акбара на португальскую территорию. Пока он был в Агре, поступали сообщения о том, что Отцы Церкви наконец прибыли в Китай — страну старых францисканцев XIII века, и было сочтено целесообразным попытаться установить с ними связь. Для осуществления проекта был выбран Гоус, и в 1602 году он начал работу в Агре, которая находится в северной части Индостана, примерно к югу от Дели и к западу от Лакхнау. Это означало путешествие из центра Индостана, через весь Тибет и Китай, среди абсолютно неизвестных народов, диких и полудицилизованных, мусульман и идолопоклонников, через непроходимые леса и покрытые снегом горы, сталкиваясь на каждом шагу с опасностями голода, болезней и диких зверей. Но все это не считалось неподвластным мужественному брату. Переодетый армянином, он с трудом отбивался от главарей разбойников и князей варваров. Большинство из них жестоко обращались с ним, потому что он открыто заявлял, что он христианин. Когда он отказался оказать почтение Мухаммеду, его приговорили к тому, чтобы его затоптали до смерти слоны, но в конце концов его помиловали и позволили продолжить свой путь. Он шел вперед в течение пяти лет, и как только он приблизился к цели, силы его иссякли. К счастью, отец Риччи в Пекине услышал о его приезде и послал отца Фернандеса встретить его. Когда прибыл Фернандес, Гоес испускал последний вздох в пограничном городе Су-Чжоу. Шел тогда 1607 год, и умирающий сказал своему брату-иезуиту: "В течение пяти лет я был без причастий, но я не помню ни одного серьезного греха с тех пор, как уехал из Агры". Он умер 7 апреля 1607 года.

В 1606 году в Китае возникло беспокойство по поводу определенных сообщений, поступивших из Макао, где были размещены португальцы. Иезуитов обвиняли в том, что они не стремились ни к чему, кроме императорского трона; в доказательство этого обращалось внимание на тот факт, что все их дома были построены на холмах и могли быть легко преобразованы в цитадели во время войны. Говорили также, что к их услугам в ближайшее время голландский флот и что с японцами были достигнуты договоренности о вторжении. Результатом стала всеобщая паника по всей империи и немало случаев отступничества. Также стали раздаваться угрозы убить миссионеров. Одновременно с этим был совершен неразумный поступок со стороны генерального викария Макао, который из-за решения, принятого не в его пользу в споре с францисканцами, наложил интердикт на весь остров. В результате политическая ситуация стала еще более угрожающей, и отец Мартинес был арестован в Кантоне, подвергнут самым ужасным пыткам и, наконец, казнен. Однако эта смерть, отмеченная героическим мужеством жертвы, его подтверждением посреди своих страданий собственной невинности и невинности его братьев, утихомирила бурю. Влияние Риччи также способствовало успокоению взволнованных людей, и в их глазах он стал больше, чем когда-либо. Его называли другим Конфуцием, и власти даже уполномочили его основать послушничество в Пекине. Риччи к тому времени был уже в преклонных годах, но доблестно продолжал свою работу, делая из своих коллег-иезуитов святых, а также великих литераторов и математиков; он писал трактаты на китайском языке по христианской этике, продолжая свои математические работы, и весь день был занят с великими мандаринами, которые приходили к нему посоветоваться. В 1610 году он пал жертвой этих накопленных трудов, и его почтение было таким, какого никогда не оказывали ни одному другому иностранцу. Похоронная процессия, которой предшествовал крест, пересекла весь город, и по приказу императора его останки были положены в храм, который с тех пор был преобразован в христианскую церковь.

Мистер Гутцлафф, современный протестантский миссионер в Китае, говорит, что "Риччи провел в Китае всего двадцать семь лет, но когда он умер, в разных провинциях было более трехсот церквей". Свидетельство Гутцлаффа тем более ценно, что, по словам Маршалла, его собственные коллеги описывают его как "более занятого накоплением богатства, чем обращением в христианство". Ссылаясь на научные труды Риччи и его преемников, Торнтон ("История Китая", Предисловие, стр. 13) говорит: "Географические труды, выполненные в Китае иезуитами и другими миссионерами римско-католической веры, всегда будут вызывать благодарность и восхищение у всех географов. Портативные хронометры и aneroidные барометры, секстанты и теодолиты, симпизометры и микрометры, компасы и искусственные горизонты, несмотря на всю возможную осторожность, часто выходят из строя, однако сто пятьдесят лет назад несколько странствующих европейских священников пересекли огромную территорию Собственно Китая и нанесли на свои карты расположение городов, направление рек и высоту гор с точностью деталей и общих очертаний, которые просто изумительны. По сей день все наши карты основаны на их наблюдениях". "Все ценное в китайской астрономической науке, - добавляет Гутцлафф, - было заимствовано из трактатов римско-католических миссионеров".

Смерть Риччи стала настоящим бедствием для Церкви, поскольку в следующем году мандарин, возглавлявший Нанкин, начал настоящее преследование. Миссионеры были вызваны к его трибуналу, публично подвергнуты бичеванию и отправлены обратно в Макао — и все это с разрешения императора. Дела становились все хуже, но после смерти императора в 1620 году наступило затишье, поскольку татары вторглись в Китай, и пришлось обратиться за помощью к

португальцам; поскольку это, однако, было невозможно сделать, пока европейцы не успокоятся, отозвав миссионеров, изгнанники вернулись на свои посты. Император победил татар, и последовавшие за этим спокойствие и благожелательность позволили Отцам Церкви, которые были разбросаны по всей империи, некоторые из них находились в 800 лигах от Пекина, собраться вместе и принять решение о единообразии методов обращения со своими новообращенными. В этом собрании разрешились сомнения, которые встречались им на каждом шагу относительно того, что они должны терпеть, а что запрещать. К тому времени они досконально знали людей, их идеи, их обычаи, и их скрупулезная любовь к Вере руководила ими в их решениях.

Примерно в это же время прибыл великий Адам Шалл. Он был достойным преемником Риччи. Его репутация математика предшествовала ему, и император немедленно нанял его для реформирования китайского календаря. Его влияние, вследствие этого отличия, было безграничным в расширении сферы миссионерской работы. Язычники сами построили церковь по его просьбе в Син-ган-фоу, и он получил от императора эдикт, который уполномочивал иезуитов проповедовать по всей империи. Об экстраординарном успехе Шалля заговорила вся Европа; и со всех сторон к генералу посыпались просьбы прислать его, чтобы разделить труды и триумфы миссии. Туда было отправлено большое количество иезуитов, но многие погибли на обратном пути, поскольку кораблекрушения были очень частым явлением в этих неизвестных морях, а переполненные и нездоровые корабли, а также долгое и трудное путешествие унесли множество жертв.

Вскоре работа стала непосильной для рабочих, а затем прибыло подкрепление с Филиппин, в основном из других религиозных орденов, которые долго ждали прибытия в Китай и теперь посвятили себя этой работе. Однако, не зная страны, они пришли в ужас, увидев, что многие обычаи конфуцианства все еще сохраняются китайскими христианами, и они осудили как идолопоклонство то, что старые иезуиты после многих лет тщательного изучения решили считать не чем иным, как церемониалом, тщательно очищенным от всякого налета суеверия. Но новички не стали бы смотреть на это в таком свете. Они немедленно написали архиепископу Манилы и епископу Себу, что иезуиты не только скрывали от своих новообращенных тайны Креста, но и разрешали им падать ниц перед идолом Чин-Хоама, чтить своих предков суеверными обрядами и приносить жертвы Конфуцию. Затем Рим был проинформирован об этом, но несколько лет спустя, а именно в 1637 году, и архиепископ, и епископ написали Урбану VIII, что, более тщательно изучив этот вопрос, они пришли к выводу, что иезуиты были правы. Тогда было уже слишком поздно. Серия кровавых преследований уже началась. Первый взрыв гнева произошел, когда один из новых проповедников, выступая через переводчика, сказал своей пастве, что Конфуций и все их языческие предки были в аду и что иезуиты не учили китайцев истине. Это неразумное высказывание вызвало общественное возмущение, и начались исключения.

К счастью, преследования были приостановлены на некоторое время новыми попытками татарского элемента в Китае захватить императорскую корону. Иезуиты держались в стороне от распри, высказываясь ни за ту, ни за другую сторону. К счастью, Шалл приглянулся татарскому элементу, в то время как отец Коффлер крестил китайскую императрицу, дав ей христианское имя Елена и назвав ее малолетнего сына Константином. Татары в конце концов одержали верх, и Шалл стал мандарином и президентом математического совета империи. Ему был предоставлен постоянный доступ к императору, и он мог бы стать христианином, если бы

императрица не побудила его вернуться к языческим обычаям, от которых его отучил Шалль. Смерть беспокойной леди также не исправила положение; напротив, ее безутешный муж впал в меланхолию и в 1661 году умер, оставив своим преемником восьмилетнего ребенка. Во исполнение приказа императора Шалль был назначен инструктором принца, но, как и следовало ожидать, это вызвало ярость народа и особенно бонз. Они справедливо, с их точки зрения, утверждали, что если бы Шалль оставался на своем посту в течение длительного несовершеннолетия принца, он был бы абсолютным хозяином будущего императора — результат, который необходимо предотвратить, уничтожив христианство. Немедленно все миссионеры были вызваны в Пекин и брошены в тюрьму. Теперь больше не было никаких дискуссий о поклонении Конфуцию, поскольку все спорщики находились в темницах Пекина или где-либо еще в ожидании смерти.

Христиане остались без пасторов, но отец Грессон, который в то время находился в Китае, рассказывает нам в своей "Истории Китая при татарах", что во время гонений катехизаторы крестили 2000 новообращенных. Это неудивительно, поскольку до начала гонений у иезуитов в Китае была сто пятьдесят одна церковь и тридцать восемь резиденций; у доминиканцев - двадцать одна церковь и две резиденции, а у францисканцев - одно заведение. Общее христианское население составляло 250 000 человек. К тому времени Отцы Общества написали сто тридцать одну работу на религиозные темы, сто три - по математике и пятьдесят пять - по физике.

В то время как миссионеры лежали в цепях, ожидая смерти в любой момент, доминиканцу по имени Наваррете удалось совершить побег. Ему повезло в одном отношении, но, по всей вероятности, это означало бы, что, как только это будет обнаружено, все остальные заключенные будут убиты; чтобы предотвратить это бедствие, прославленный иезуит Гримальди занял его место в тюрьме. К сожалению, не успел Наваррете добраться до Европы, как начал нападки на методы иезуитов в обращении с китайскими обрядами. Это вызвало большое горе у его собратьев-доминиканцев, и когда в 1668 году известие о публикации его "Исторических трактатов" достигло Китая, доминиканский отец Сарпетри направил торжественное разоблачение этого в Рим, заявив, что практика иезуитов по разрешению подобных обрядов не только безупречна со всех точек зрения, но и крайне необходима для распространения Евангелия. Он отрицал под присягой, что иезуиты отказались объяснить китайцам тайны Страстей Господних, и утверждал, что его протест против обвинения был вызван не апелляцией, а чистой любовью к истине. Другой доминиканец, Грегорио Лопес, который был епископом Басилеи и апостольским викарием Нан-Кинга, направил Священной Конгрегации "мемуары" в пользу иезуитов. Позже Наваррете искупил свой ошибочный поступок; ибо, когда он был архиепископом СантоДоминго, он попросил разрешения короля и вице-короля основать иезуитский колледж в своем родном городе и воздал должное Обществу.

Когда Шалль предстал перед судом, рядом с ним был другой иезуит по имени Фердинанд Вербист, уроженец Пилтема близ Куртра в Бельгии. Он приехал в Китай, когда ему было тридцать шесть лет, и впервые занялся миссионерской работой в Шэнь-си. В 1660 году он был вызван в Пекин, чтобы помочь отцу Шаллу, а в 1664 году был брошен вместе с ним в тюрьму. В зале суда Вербист был главным оратором, поскольку Шаль, которому в то время было семьдесят четыре года и он был парализован, не мог произнести ни слова. Обвинения против старого миссионера были сфабрикованы мусульманином, который выдавал себя за астронома. Они заключались: во-первых, в том, что Шалль показывал картины Страстей Иисуса Христа

покойному императору; во-вторых, в том, что он обеспечил себе пост президента математического совета, чтобы продвигать христианство; в-третьих, в том, что он неправильно определил день, в который должны были состояться похороны одного из принцев. Это был "несчастливый" день. Вербисту не составило труда доказать, что обвиняемый получил приказ императора стать президентом математического факультета, и, более того, что он никогда не имел никакого отношения к "счастливым" или "несчастливым" дням. Обвинение по поводу изображений Страстей Христовых было принято во внимание, и это, возможно, стало причиной того, что, несмотря на красноречие Вербеста, который был закован в цепи, пока умолял, отец Шалл был приговорен к растерзанию на куски. Однако в этой беде Господь пришел на помощь: в небесах появился необычайного вида метеорит, и пожар превратил в пепел ту часть императорского дворца, где было произнесено осуждение. Приговор был отменен, и миссионеры были освобождены. Отец Шалл задержался еще на год после обретения свободы. Когда Кан Хи взойшел на трон в 1669 году, было сделано официальное заявление, в котором и суд, и приговор были признаны несправедливыми, и хотя Шаль к тому времени был мертв три года, в его честь были организованы необычайно торжественные заупокойные службы. Его останки были положены рядом с останками отца Риччи. Император сам сочинил хвалебную эпитафию, которая была начертана на могиле.

Шаль отдал Китаю сорок четыре года своей жизни, когда в возрасте семидесяти пяти лет испустил дух в объятиях отца Ро, которому, как и ему, предстояло занять выдающееся положение математика при императорском дворе. Ро предвещал свой приход в Китай организацией обороны острова Макао от голландского флота. Он приказал построить новые валы вокруг города; он установил на стенах четыре артиллерийских орудия, а когда голландцы высадились для штурма, он повел войска в вылазку и отбросил врага обратно к его кораблям. В своей "Прогулке по миру" (II, 266) барон де Хюбнер дает восторженное описание иезуитской обсерватории в Пекине.

"Бесчеловечность человека по отношению к человеку" является жестоким примером грязного обвинения, выдвинутого против почтенного Шалла спустя столетие после того, как он был похоронен с императорскими почестями в Пекине. В 1758 году некий Марчелло Анхелита, секретарь монсеньора де Турнона, прелата, которому было поручено передать вопрос о малабарских обрядах, опубликовал историю, которая повторялась во многих других книгах, о том, что Шаль провел свои последние годы "отдельно от других миссионеров, выведенный из повиновения своему начальству, в доме, подаренном ему императором, и с женщиной, к которой он относился как к своей жене и которая родила ему двоих детей. Проведя несколько лет в приятной жизни со своей семьей, он закончил свои дни в неизвестности". Если бы в этих обвинениях была хотя бы тень правды, доминиканец Наваррете, который знал Шалля лично и который так яростно писал против него и его братьев в 1667 году, не упомянул бы этот факт, чтобы подтвердить свои обвинения о китайских обрядах. Но он ни словом не обмолвился о каких-либо проступках со стороны великого миссионера. Более того, немыслимо, чтобы энергичный отец генерал Олива, управлявший Обществом в то время, хоть на мгновение смирился с таким положением вещей.

Основание, на котором было построено обвинение, по-видимому, заключается в том, что старый миссионер называл китайского мандарина своим "приемным внуком" и помог продвинуть его на прибыльные должности в империи. Клевета была написана через сорок лет

после смерти Шалля и во многом была вдохновлена печально известным бывшим капуцином Норбертом.

Возможно, психологическое состояние учителя Анхелиты, де Турнона, также может частично объяснить публикацию этой клеветы. Де Турнон был известен как злейший враг Общества, и он не прилагал никаких усилий, чтобы скрыть это, когда его отправили на Восток решать наболевший вопрос об Обрядах. Хотя по прибытии в Пондишерри в 1703 году Отцы Церкви встретили его на берегу и торжественно проводили в город, он истолковал эти знаки уважения и безмерную щедрость, с которой они заботились обо всех его нуждах, как не что иное, как политику. Он не только отказался выслушать их позицию по спору, но и поспешил удалиться в другое место, как только сформулировал свой указ. Когда он прибыл в Кантон, первыми словами, которые он произнес, были: "Я приехал в Китай, чтобы очистить его католицизм", и, прежде чем получить какую-либо информацию, он приказал убрать все символы, которые считал суеверными. Этот поступок вызвал шумиху, поскольку только благодаря влиянию Отцов церкви де Турнону было разрешено поехать в Пекин; и хотя им удалось сделать его въезд в имперский город необычайно великолепным, он немедленно сообщил императору о разработанном им плане реконструкции миссий, но выразился в такой оскорбительной манере, что император немедленно уволил его. Затем он отправился в Кантон и 28 января 1707 года издал знаменитый приказ, запрещающий культ предков, в результате чего император отправил чиновников проводить его в Макао, где, как сообщалось, он умер в тюрьме 8 июня 1710 года.

Мандарин-мусульманин Ян, который сфабриковал астрономические обвинения против Шалля, тем временем занял пост главы математического совета, но молодого императора не удовлетворили полученные результаты, и он приказал провести публичный диспут об относительных достоинствах китайской и европейской астрономии. Вербист был с одной стороны, а Янг - с другой. Тестом должно было стать, во-первых, предварительное определение тени, отбрасываемой в полдень определенного дня гномоном заданной высоты; во-вторых, абсолютное и относительное положение солнца и планет в назначенную дату; в-третьих, время лунного затмения. Результатом стал триумф Вербиеста. Он был немедленно назначен президентом, а его собратьям было разрешено вернуться к своим миссиям. Карьера Вербиеста в "Пекине" была более блестящей, чем у Риччи или Шалла. Нет конца тому, что он сделал. Знаменитые бронзовые астрономические инструменты, которые так заметно фигурировали в Боксерском восстании 1900 года, были его изготовления; он также построил акведук и отлил сто тридцать две пушки для китайской армии. Император посещал его занятия астрономией, присвоил ему высший балл в мандаринате и разрешил проповедовать христианство в любой точке империи. Иннокентий XI, которому он посвятил свой китайский молитвенник, прислал ему в 1681 году краткое послание, в котором содержалась величайшая похвала за "использование светских наук для продвижения христианства", похвала, которая была более чем желанной в то время, когда книга Наваррете совершала свою злую работу против Общества.

В 1677 году, когда Вербиест был назначен вице-провинциалом, он призвал новых рабочих из Европы. Он даже выступал за использование родного языка в богослужении, чтобы облегчить рукоположение китайских священников. Это была смелая петиция, когда память о Лютере и его немецкой литургии была еще так свежа в памяти европейцев. Причина петиции заключалась в том, что в противном случае обращение Китая было невозможно. Брукер в своей "истории общества" рассказывает нам, что в течение ста лет ни один местный житель не был рукоположен в священники в Китае. В качестве причины этого он приводит отвращение

португальского правительства к неудаче, с которой столкнулось Индостан, где была предпринята попытка сформировать местное духовенство. Одного этого было бы достаточно, чтобы снять с Общества какую-либо вину в этом вопросе; но он приводит своим читателям факты, которые очень ясно показывают, что эта неспособность создать местное китайское духовенство ясно свидетельствует о желании Общества иметь таковое любой ценой. Это парадоксально, но это правда.

Большой промежуток времени, прошедший без каких-либо посвящений, не должен вызывать тревоги. Совсем рядом с домом есть случаи большей задержки по меньшим причинам. Например, в Канаде были светские священники и религиозные деятели еще в 1603 году, но до 1663 года там не было семинарии, хотя за этим стояла вся мощь католической Франции. В 1634 году в Мэриленде были католики, но до 1794 года там не было духовной семинарии, то есть на протяжении 160 лет. После нескольких лет борьбы, в которой участвовало всего пять учеников, а в некоторые из этих лет ни одного, он был закрыт и неоткрывался вновь до 1810 года, что очень далеко от 1634 года. Нью-Йорк не пытался основать семинарию до прихода своего четвертого епископа. Дом в Найаке сгорел дотла еще до того, как его заселили; проект Лафарджвилля также оказался неудачным, и только в 1841 году в Фордхэме была открыта епархиальная семинария.

Более того, ни в одной из этих семинарий не было и отдаленной мысли о формировании *местного* духовенства в смысле слова, использованного в обвинительном заключении против иезуитов. Все семинаристы были иностранцами или сыновьями иностранцев. В этих заведениях не было коренных индейцев, поскольку это, помимо интеллектуальных и моральных причин, было бы физиологически невозможно. Природа восстает против пересадки лесного и горного существа в лекционный зал. Старый мученик колониальных времен, отец Дэниел, привез несколько индейских мальчиков из Гуронии в Квебек, чтобы дать им образование, но они бежали в леса, а индейские девочки, которых поселили у урсулинок, умерли от чахотки. Даже в наши дни архиепископ Джиллоу из Оахаки, Мексика, привез в Рим несколько чистокровных индейцев в надежде сделать их священниками, но все они умерли прежде, чем он добился каких-либо результатов. Короче говоря, у нас в Америке так и не сформировалось *местное* духовенство.

Более того, этот столетний период неудач в Китае значительно сокращается, если вспомнить тот факт, что в течение значительного времени в этой огромной империи было всего два или, самое большее, три иезуита, и что они ухитрились оставаться там только потому, что интересовали образованную часть населения своими знаниями математики и астрономии, никогда не осмеливаясь затрагивать тему религии, хотя им удалось под видом науки распространить повсюду катехизис, который привел в восторг *литераторов*. Только в 1601 году им было дано разрешение проповедовать. Следовательно, цифру 100 следует сократить до 83. Через два года, а именно в 1617 году, в Китае насчитывалось 13 000 христиан. Как добраться до остальных? Никакой помощи нельзя было ожидать от Европы, которая была опустошена Тридцатилетней войной (1618-1648). Независимо от этого, в Китае преобладала кастовая система, и ученым, даже тем, кто был обращен, было трудно понять, почему замечательные истины христианства должны быть донесены до простых людей, хотя именно от людей обычно исходят церковные призвания. В-третьих, китаец испытывает инстинктивный ужас перед всем иностранным. И все же здесь было иностранное вероучение, которое, более того, можно было

досконально выучить только на языке, который сам по себе был чужд даже священникам, преподававшим его.

Затем был разработан дерзкий проект обращения к Папе с просьбой проводить литургию, даже мессу, на китайском языке. Ни одна другая современная миссия никогда не осмеливалась обратиться с подобной просьбой. Уже в 1617 году была подана петиция, и хотя папа Павел V одобрил этот план, все же начинание было настолько грандиозным, а проект настолько необычным, что он воздержался от какого-либо прямого или официального признания. После чего миссионеры приступили к переводу на китайский язык не только Молитвенника и Ритуала, но и целого курса нравственного богословия с изложением вопросов совести. Кроме того, большая часть "Суммы" святого Фомы наряду со многими другими книгами, которые могли бы пригодиться будущему священнику, были переведены на народный язык. Эта работа была начата отцом Триго в 1615 году и продолжалась другими вплоть до 1682 года, когда папа, принимая посвящение китайского миссала Вербистом, наконец пришел к выводу, что было бы невежливо давать разрешение на литургию на китайском языке. Это гигантское предприятие само по себе должно было стать достаточным ответом на обвинение в том, что иезуиты были против образования местного духовенства. Схема провалилась, это правда, но эта попытка является достаточным ответом на избитое обвинение против Общества.

Однако можно было бы спросить, почему они не предвидели возможного отказа в своей просьбе и не предусмотрели иного для священников? Во-первых, в Китае были доминиканцы и францисканцы, и, возможно, было бы уместно спросить их, почему они исключили китайцев из служения? Во-вторых, иезуиты делали все, что могли, чтобы защититься от обвинения в идолопоклонстве за санкционирование китайских обрядов. В—третьих, когда Шалл прибыл в 1622 году, миссионеров нигде нельзя было встретить - они были в тюрьме или в изгнании. В-четвертых, в 1637 году началось кровавое преследование. В-пятых, в 1644 году татарское нашествие произошло с обычным опустошением, и была основана Маньчжурская династия. В-шестых, в 1664 году Шалль, до сих пор такой великий человек в империи, был заключен в тюрьму и приговорен к разрубанию на куски, а Вербист лежал в цепях. Поэтому вполне понятно, что при таком положении вещей спокойная семинарская жизнь была невозможна, а поскольку иезуитов подозревали в склонности к конфуцианству, было бы совершенно неуместно поручать им формирование светского духовенства.

Когда Verbiest написал домой с просьбой о помощи, множество добровольцев уехали из Европы в Китай. Людовик XIV проявлял особый энтузиазм в продвижении движения и, среди прочих милостей, присвоил звание "Стипендиатов Академии наук и королевских математиков" шести парижским иезуитам и отправил их в Пекин. Но когда они прибыли, Вербиест был мертв. Однако они успели вовремя на его похороны, которые состоялись 11 марта 1688 года с теми же почестями, которые были оказаны Риччи и Шаллу. Он был похоронен рядом с ними. Его преемники начали свою работу с создания так называемой Французской миссии в Китае, которая просуществовала до подавления Общества. Огромная трудность отправки миссионеров туда морским путем долгое время занимала умы руководителей Общества, особенно после того, как отец Куплет сделал потрясающее заявление, который, проведя много лет в Китае, вернулся домой с пошатнувшимся здоровьем и совершенно неспособным продолжать свою работу. Он сказал, что после очень тщательного подсчета он обнаружил, что из шестисот иезуитов, пытавшихся проникнуть в Китай с того времени, как Руджиери и Риччи удалось проникнуть туда, целых четыреста либо умерли по дороге от болезней, либо пропали в

море. Де Родс показал, что возможен сухопутный маршрут из Индии в Европу; брату-мирянину Гоусу удалось добраться до Китая из страны Великих Моголов, Грубер изменил процесс, и в 1685 году отец Авриль предпринял попытку добраться туда через Россию, но потерпел неудачу.

Рассказ Аврил о своем путешествии был шокирующим образом "переведен с французского" переводчиком, который предусмотрительно не назвал его имени. Она была "опубликована в Лондоне, в Мейденхеде, напротив церкви Святого Дунстана на Флит-стрит". Ее дата - 1693 год. Из него мы узнаем, что отец Авриль выехал из Марселя и направился в Чивита-Веккья, после того как засвидетельствовал свое почтение в Риме отцу генералу де Нуайелю, он отправился в Ливорно, где сел на корабль, который сопровождал военный корабль под названием "Громоподобный Юпитер". Пройдя мимо Капрайи, Эльбы, Сардинии и едва не потерпев крушение у "Побережья Кенди", его корабль бросил якорь на рейде Лернеки после трехдневного плавания, но без "Гремящего Юпитера". Корабль все еще был в море. Он зашел на Кипр и в Александретту, затем направился в Алеппо, пересекая равнину Антиохии в караване. Его обобрал армянин, который называл себя другом иезуитов, затем он пересек Тигр и прибыл в Эрзерум как раз во время землетрясения. Продолжая свое путешествие через промежуточную территорию к тому, что он называет "Каспийским озером", он, наконец, добрался до Москвы, после того как чуть не сгорел заживо на Волге, когда загорелся его корабль. В Москве его приветствовали немецкие иезуиты, у которых там был дом, поскольку принц Галлихин (Голицын) был тогда премьер-министром. Вскоре ему было приказано уехать, и он пересек часть Московии, Литвы и Белой Руси, достигнув Варшавы 12 марта 1686 года. Прошло восемнадцать месяцев с тех пор, как он покинул Ливорно. Он предпринимал усилие за усилием, чтобы вернуться в Московию, но тщетно. Послы, принцы и даже Людовик XIV сочли царя упрямым, и поэтому после двух лет безуспешных попыток Авриль прибыл в Константинополь, после того как по пути туда был заключен в тюрьму турками. Наконец, он добрался до Марселя, доказав, по крайней мере, что от дороги через Россию придется отказаться; следовательно, было решено в будущем совершать эти сухопутные путешествия через территорию персидского шаха.

ГЛАВА IX КНИЖНАЯ БИТВА

Аквавива и испанская оппозиция — Вителлески — "Секретная монета"; Морлин — Родинг — "Ординарная история иезуитов" — "Иезуитикум тощей кишки" — "Иезуитское зеркало" — Паскье — Мариана — "Тайны иезуитов" — "Иезуитский кабинет" — "Иезуитские волки" — "Иезуитский театр" — "Практика морали иезуитов" — "Заклинание Сульфура" — "Письма Провинциалы" — "Causeries du Lundi" и Бурдалу — Запрет публикации Людовиком XIV — Пастырство епископов Санс — Сантарелли — Эскобар — Антикотон - "Les Descouvertes" — Норберт.

Отец Клавдий Аквавива умер 31 января 1615 года, проработав генералом тридцать четыре года. Ему следует приписать не только все великие предприятия, начатые с 1580 года, но, вочень значительной степени, дух, которым Общество руководствовалось вплоть до настоящего

времени и который, следует надеяться, оно сохранит всегда. Удивительное мастерство и безмятежная невозмутимость, с которыми он вел Общество сквозь опасности, с которыми оно сталкивалось со стороны королей и принцев, еретиков и язычников, великих церковных трибуналов и могущественных религиозных организаций, и, прежде всего, от махинаций нелояльных членов Института, дают ему право на восторженную любовь и восхищение каждого иезуита и неоспоримое право на титул, который он носит - "Спаситель общества". Далекий от того, чтобы быть жестким и суровым, в чем его иногда обвиняют, он был удивительно кротким и великодушно милосердным. История о сорока так называемых отцах церкви, которые были уволены из-за их связи с мятежом Васкеса, - это миф. Общее число заговорщиков на этот раз не превышало двадцати восьми, и лишь немногие из них были изгнаны. В любом случае, какое бы наказание ни было им назначено, это было деяние конгрегации, а не Аквавивы. Действительно, методы Аквавивы резко контрастируют с методами Фрэнсиса Ксавье, который наделил правом высылки даже местное начальство, и мы почти сожалеем, что Ксавье не пришлось иметь дело со своими соотечественниками на данном этапе. Следует также иметь в виду, что великий исход из Общества, произошедший в Португалии задолго до времен Аквавивы, был вызван ошибочными методами правления Симона Родригеса.

Собрание, созванное после его смерти, собралось 5 ноября 1615 года, и большинство его членов, должно быть, были поражены, обнаружив, что претензии Испании на генеральство все еще отстаиваются. Однако в то время больше всего бросался в глаза итальянец Мутио Вителлески; ему было сорок пять лет, и он уже был ректором Английского колледжа, провинциального как в Неаполе, так и в Риме, а позже ассистентом в Италии. Поскольку на всех этих доверенных должностях он демонстрировал удивительное сочетание мягкости и силы, которое расположило к нему подданных, возможность его избрания на данном этапе давала вполне обоснованную надежду на славное будущее Общества. Тем не менее некоторые из испанских делегатов решили нанести ему поражение и с этой целью обратились к послам Франции и Испании, чтобы заручиться их помощью; но проникательные политики оценили заговорщиков по достоинству и, благочестиво похвалив их за религиозное рвение и патриотизм, вежливо отказались от их сотрудничества. Этого должно было быть достаточно в качестве упрека, но, побуждаемые своим неразумным рвением, они обратились к самому папе и заверили его, что Вителлески совершенно не подходит для этой должности. Понтифик милостиво выслушал их и пожелал им быть добросердечными, ибо, если Вителлески был хотя бы наполовину таким, каким они его называли, о его избрании не могло быть и речи. Голосование состоялось 15 ноября, и Мутио был выбран тридцатью девятью голосами из семидесяти пяти. Перевес был невелик и показывает, насколько близки были заговорщики к успеху. Сегодня апелляция к непрофессионалам по такому вопросу повлекла бы за собой немедленное изгнание.

Призвание Вителлески в Обществе было выдающимся. Когда ему было всего одиннадцать, он мечтал о том, чтобы поступить в университет, и, прежде чем закончить учебу, связал себя обетом попросить о приеме и, если его примут, раздать свое наследство бедным. Но поскольку Вителлески составляли важную часть римской знати, такие устремления не вязались с амбициями отца в отношении своего сына, и мальчику было приказано выбросить все мысли об этом. Он был мягким и послушным парнем, но обладал также решительной силой характера, и, подобно Маленькому Цветку Иисуса в наши дни, он отправился к Папе, чтобы изложить ему суть дела. Отец в конце концов уступил, и 15 августа 1583 года юный Мутио, сходя на Причастие к своей матери в Джезу, поспешил изложить свою просьбу отцу Аквавиве. Его большим желанием

было отправиться в Англию, которая как раз в то время вела свою кровавую войну против Веры, но, как и в случае с самим Аквавивой, незнание английского языка лишило его мученического венца.

Кретино-Жоли придерживается мнения, что генералитет Вителлески был *монотонным де бонером*. Так это или нет, но это, безусловно, внесло свою лепту в монотонность клеветы, которая обрушивалась на Общество с момента его зарождения. Таким образом, начало срока полномочий Вителлески совпало с публикацией знаменитой "Monita secreta", которая, за исключением "Провинциальной литературы", является, пожалуй, самым умным литературным произведением, когда-либо направленным против общества. Комплимент невелик, поскольку почти все остальные книги приобрели популярность благодаря тому, что были экстравагантными искажениями правды. Но хорошие они или плохие, они никогда не переставали появляться.

Первой по порядку была обличительная речь Морлина в 1568 году. Это было незадолго до Вителлески. Он был направлен против школ и осуждал профессоров за связь с дьяволом, практику колдовства, посвящение своих учеников в черное искусство, помазание их каким-то таинственным и дьявольским составом, который давал учителям контроль над своими учениками после долгих лет разлуки. "Божье Евангелие, - говорили они, - было бессильно перед теми порождениями дьявола, которых ад извергнул, чтобы отравить всю германскую империю и особенно покончить с евангелистами, которые были особым объектом ненависти иезуитов". Требовалось немедленное изгнание "колдунов" и даже их сожжение на костре, поскольку "они не только сами занимаются колдовством, но и обучают этому других и передают своим ученикам методы избавления от своих врагов с помощью ядов, заклинаний и тому подобного". Утверждалось, что "те, кто посылает своих мальчиков учиться к ним, бросают своих отпрысков в пасть волкам; или подобно древним евреям, приносящим их в жертву Молоху".

В 1575 году Родинг, профессор Гейдельберга, посвятил курфюрсту книгу, в которой он осуждает иезуитские школы как нечестивые и отвратительные и предупреждает родителей "не оказывать помощи Царству сатаны, доверяя тем, кто был врагами христианства и Бога". "Это дикие звери, - сказал он, - которых следует изгнать из наших городов. Хотя внешне они скромны, просты, подавлены и вежливы, на самом деле они фурии и атеисты — гораздо худшие, чем атеисты и идолопоклонники. Доверенные им дети вынуждены присоединяться к своим свиноподобным наставникам в хрюканье по поводу Божественного Величия" (Janssen, VIII, 339). "Они не только отравители, но и заговорщики и убийцы. Их цель - убить всех тех, кто принял Исповедь Аугсбурга. Их видели в процессиях вооруженных людей, переодетых придворными, одетых в шелка, с золотыми цепями на шеях, идущих из одного конца Германии в другой. Они устроили Варфоломеевскую резню; они убили короля Себастьяна; в Перу они вонзали раскаленное железо в тела индейцев, чтобы заставить их раскрыть, где они прячут свои сокровища. За тридцать лет папы убили 900 000 человек, иезуиты - 2 000 000; подвалы всех колледжей Германии битком набиты солдатами; а Канисий женился на аббатисе". Эта последняя история сотни раз обошла Германию, и ей широко поверили.

Главным хранилищем всех этих изобретений в Германии была "Historia jesuitici ordinis", опубликованная в 1593 году и приписываемая редактором Поликарпом Лейзером бывшему послушнику по имени Элиас Хазенмюллер, который к тому времени был шесть лет как мертв — обстоятельство, которое должно было бы сделать недействительным свидетельство обычных

людей, но которое не помешало "Истории" иметь огромный успех. Говорили, что его публикация была чудесной, поскольку в нем говорилось, что любой член Ордена, который раскроет его секреты, будет подвергнут пыткам, отравлению или поджарен заживо. Хазенмюллер спасся только благодаря особому вмешательству Господа. Читателям "Истории" сообщили, что орден был основан дьяволом, который был духовным отцом св. Игнатий. Опуская аморальности, подробно описанные в книге, "иезуиты были профессиональными убийцами, дикими кабанами, грабителями, предателями, змеями, гадюками и т.д. В личной жизни они были распутными козлами, грязными свиньями". Даже Карлайл говорит это о святом Игнатии— "Папа дал им полную власть совершать любые излишества. Если бы мы знали их лучше, мы бы плюнули им в лицо, вместо того чтобы посылать им мальчиков учиться. Действительно, было бы нехорошо доверять им свиней ". Были и другие произведения того же характера, такие как "Jesuiticum jejunium" и "Speculum jesuiticum". Некоторые из этих "историй" осуждали отца Грецера как "гнусного писаку, открытого еретика и прелюбодея, который носил дьявола в бутылке". Беллармин был "эпикурейцем худшего типа, который уже убил 1642 жертвы; 562 из которых были замужними женщинами. Он использовал магию и яд и сбрасывал трупы своих жертв в Тибр. Он умер смертью проклятых, и его призрак видели в воздухе среди бела дня, улетающим на крылатом коне", и так далее.

Этьен Паскье был лидером французских памфлетистов. Именно он выступал в качестве защитника против иезуитов колледжа Клермона. *Пледуайер*, представленный суду по этому случаю, был воплощен в его "Исследованиях", и в 1602 году, когда ему было семьдесят три года, он опубликовал "Катехизис евреев, наш экзамен по доктрине". Он обнаруживает, что Орден, помимо того, что является кальвинистским, также связан с иудаизмом. Игнатий был хуже Лютера или Юлиана Отступника; он был чем-то вроде дон Кихота, который смеялся над клятвами, данными им на Монмартре; он был обманщиком, обжорой, воплощением демона, ослом. Первая глава книги II озаглавлена "Анабаптизм иезуитов в их обете слепого повиновения". Глава 2 посвящена казни иезуита Крайтона за попытку убить шотландского канцлера, в которой его обвинил "Роберт де Брюс". В главе 3 иезуиты посылают мистера Пэрри убить королеву Елизавету. В главе 4 тем же человеком предпринята еще одна попытка, в 1597 году и т.д. Отец Гарасс написал ответ на книгу, и хотя ему не составило труда показать ее абсурдность, тем не менее его язык был грубым и оскорбительным и совершенно не соответствовал достоинству его государства; кроме того, это привлекло к нему общественное внимание до такой степени, что позже, когда против кардинала Ришелье были написаны три памфлета, к которым он не имел никакого отношения, его обвинили в том, что он их автор, и ему пришлось самым торжественным образом поклясться, что он вообще ничего о них не знал. Это обвинение против Гарасса едва не привело к отчуждению Людовика XIII от Общества.

Большой вред также нанесла предполагаемая доктрина Марианы о цареубийстве. На первый взгляд, книга не могла быть крамольной, поскольку была написана как наставление для наследника Филиппа II, и немисливо, чтобы автократ, каким он был, не только дал в руки своему сыну книгу, учащую цареубийству, но и заплатил за ее публикацию. На самом деле король, созданный Марианной в качестве возможной жертвы покушения, - это чудовище, которое вряд ли могло существовать. При других обстоятельствах книга прошла бы незамеченной, но она послужила предлогом для нападков на Общество, приписав учение Марианы всему Обществу.

Итак, Мариана никогда не была и никогда не могла быть представителем Общества, ибо: за первые шестнадцать лет до того, как вызывающая отвращение книга привлекла внимание во

Франции, а именно в 1584 году, Мариана была торжественно осуждена величайшим собранием Общества, генеральной конгрегацией, как недостойный сын; чумной член, который должен быть отсечен от тела, и был отдан приказ о его изгнании. Он был одним из лидеров банды испанских заговорщиков, которые делали все, что было в их силах, чтобы разрушить Общество. Во-вторых, его изгнание не состоялось, возможно, из-за внешнего политического влияния, такого как влияние Филиппа II и инквизиции. Тем не менее, в 1605 году, то есть за пять лет до волнений во Франции, он написал еще одну книгу под названием "De defectibus Societatis" (то есть Слабые места общества), которая была осуждена как содержащая осуждение папской буллы "Ascendente Domino". Вместо того, чтобы уничтожить рукопись, как он должен был бы сделать, если бы в нем была искра лояльности, он сохранил ее, и когда в 1609 году он был арестован и заключен в тюрьму испанскими властями за его книгу о финансах, которая, казалось, отражала действия правительства, эта рукопись была изъята и впоследствии послужила сильным оружием против Общества. Почему такой человек должен быть назван представителем организации, из которой его было приказано исключить и которую он пытался уничтожить?

Другой вредной публикацией была "Monita secreta", которая представляла иезуита сладкоголосым интриганом; благочестивым собирателем наследства во имя вящей славы Божьей; пользующимся огромным влиянием у видных личностей; тайно занимающимся политикой и проявляющим себя в любом климате, неизменно одним и тем же и всегда чудовищно богатым. "Монита" появилась в Польше в 1612 году. Оно было напечатано в месте, которого нет ни на одной карте, а именно в Нотобирге, что означает "Нотабург", или "Не город". Предполагалось, что она основана на испанской рукописи, обнаруженной в секретных архивах Общества в Падуе. Она была переведена на латынь и затем отправлена в Вену, а затем в Краков, где была представлена широкой публике. Она состоит из шестнадцати коротких глав, из которых мы приводим несколько примеров названий: "I. Как должно действовать Общество, чтобы получить новый фундамент. II. Как завоевать и сохранить дружбу князей и важных персон. III. Как вести себя с людьми, обладающими политическим влиянием, или с теми, кто, даже если и не богат, может быть полезен. VI. Как расположить к себе богатых вдов. VII. Как побудить их распорядиться своим имуществом. VIII. Как побудить их вступить в религиозные общины или, по крайней мере, сделать их набожными".

Чтобы достичь всего этого, иезуиты должны были внешне создавать видимость бедности в своих домах; источники доходов должны были скрываться; покупки собственности всегда должны были совершаться подставными лицами; богатым вдовам должны были быть предоставлены искусные духовники; их семейные врачи должны были быть друзьями Отцов; их дочерей должны были отправлять в монастыри, сыновей - в Общество и т.д. Следовало потакать порокам выдающихся личностей; вступать в ссоры, чтобы заслужить доверие к примирению; подкупать слуг богатых; исповедники должны были быть очень милыми; выдающиеся личности никогда не должны подвергаться публичному порицанию и т.д., и т.п. Поскольку фразеология этих "Monita secreta" была искусной имитацией официального документа Общества, известного как "Monita generalia", подделка имела большой успех и была принята за подлинную. Это был настолько хитроумно разработанный инструмент ведения войны в такой стране, как Польша, например, с ее смешанным протестантским и католическим населением, что он, несомненно, укрепил бы протестантов и, в то же время, пристыдил бы католиков, дискредитировав иезуитов, которые тогда были в большом почете. Оно было анонимным, но в конце концов было выведено на Джерома Загоровски, который был уволен из Общества. Когда инквизиция обвинила его в том, что он автор, он отрицал это и сказал, что у него нет жалоб на своих бывших соратников.

Книга была внесена в Индекс, и заявлению Загоровски о том, что он не был автором, поверили. Позже, однако, те, у кого были средства узнать факты, публично заявили, что он действительно был виновен. Действительно, незадолго до смерти он признался в своем авторстве и горько сожалел о совершенном им преступлении. Он отрекся от всего, что сказал в книге, но было слишком поздно; зло было совершено, и злое дело продолжалось. В семнадцатом веке было выпущено двадцать два издания этой книги, и она была переведена на многие языки. Его название время от времени менялось, и он назывался: "Тайны иезуитов"; "Тайны общества"; "Иезуитский макиавеллизм"; "Кабинет иезуитов"; "Иезуитские волки"; "Иезуитские интриги" и так далее. Появилось также огромное издание из шести или семи объемистых томов, озаглавленное "Летопись общества", которое представляет собой энциклопедию всех обвинений, когда-либо выдвинутых против Общества.

Другой бывший иезуит по имени Джарридж написал клевету, известную как "Иезуиты на эшафоте за их преступления в провинции Гайенна". Он тоже, как и Загоровский, когда пришел в себя, раскаялся и безуспешно пытался загладить свою вину. "Иезуитский театр" также был источником, из которого нападавшие из Общества черпали свои боеприпасы. Он был осужден инквизицией 28 января 1655 года, и архиепископ Севильи публично сжег его. Арно позаимствовал из нее большую часть своего материала для "Моральной практики евреев" и, чтобы придать ей важность, приписал ее авторство епископу Малаги Ильдефонсу Сент-Томасскому. После чего епископ написал Папе Римскому, жалуюсь на то, что "в мои руки попала позорная клевета, недостойная дневного света, сочиненная посреди тьмы ада и носящая название "Практическая мораль евреев", и говорят, что я ее автор, — подвиг, который был бы невозможен, поскольку он был опубликован в 1654 году, когда я был еще студентом и был нездоров". Хотя это торжественное опровержение было опубликовано по всей Европе, Паскаль и его друзья продолжали приписывать его епископу, согласно Кретино-Жоли; но Бру говорит, что ошибка или обман были допущены. Книга, однако, не была изъята и продолжала делать свое злое дело.

Именно Пороховой заговор привел к появлению в английском языке огромного количества нелепостей об иезуитах. Английский король Яков I проложил путь, написав книгу с любопытным названием: "Conjuratio sulphurea, quibus ea rationibus et authoribus cœperit, maturuerit, apparuerit; una cum reorum исследуйте", то есть "Серное или адское заклинание, по каким причинам и какими авторами оно было начато, созрело и выведено на свет; вместе с допросом виновных". Он также опубликовал "Защиту клятвы верности", которую требовал от католиков. Это разъяснение называлось: "Triplici nodo triplex cuneus", что, вероятно, означает "Тройной рывок для тройного узла". В нем он обвиняет папу в том, что он послал на помощь заговорщикам "своих приспешников иезуитов, которые признались, что они были его авторами и проектировщиками. Их лидер умер, сознавшись в преступлении, а его сообщники признали свою вину, обратившись в бегство".

Такое обвинение, выдвинутое королем против Суверенного понтифика, взбудоражило всю Европу, и Беллармин под именем "Маттеус Тортус" вышел на арену. Доктор Эндрюс ответил с неуклюжим юмором другой книгой, озаглавленной "Tortura Torti", то есть "Пытки Тортуса", за которую он был возведен в сан епископа. Тогда Беллармин, в свою очередь, возразил и раскрыл тот факт, что его величество написал личное письмо двум кардиналам, себе и Альдобрандини, прося их направить Папе Римскому просьбу о возведении некоего шотландца, который был епископом Везона во Франции, в кардиналы, "чтобы ускорить ведение дел со

Святым Престолом". Письмо было подписано: "Beatitudinis vestrae obsequentissimus filius J. R." (Самый подобострастный сын Вашего Святейшества, король Джеймс). Это заставило Джеймса скрыться, и теперь он был совершенно недоволен собой из-за бури, вызванной в Англии разоблачением его двуличия, он передавал преследователям новых жертв, "чтобы, - как он сказал, - его подданные могли извлечь из них выгоду", то есть путем конфискации поместий. Затем он заставил одного из своих секретарей взять на себя всю ненависть к письму Беллармину, сказав, что тот подписал его именем короля. Каждый, конечно, видел ложь насквозь.

В этот момент появился самый неожиданный и интересный защитник отца Гарнета, который был казнен Джеймсом. Он был не меньшей личностью, чем Антуан Арно, знаменитый янсенист, который в тот самый момент разрывал братьев Гарне на куски во Франции. "Ни один католик, - сказал он, - каким бы антагонистом он ни был по отношению к иезуитам в целом, никогда не обвинил бы Гарнета в подобном преступлении, и ни один протестант не сделал бы этого, если бы не был ослеплен религиозной ненавистью" (Кретино-Жоли, III, 98). Яков I и Беллармин снова столкнулись по другому вопросу, однако не в такой личной манере.

Шотландский юрист по имени Барклай написал книгу о власти королей, в которой утверждал, что их власть не имеет никаких ограничений; по крайней мере, он дошел до самого предела абсолютизма. Как ни странно, Барклай, который был католиком, принадлежал к иезуитам. Он был профессором права в иезуитском колледже Пон-а-Муссон во Франции, где ректором был его дядя, отец Хэй. По той или иной причине он переехал в Англию вскоре после восшествия на престол Якова I, которым он очень восхищался, возможно, потому, что тот был шотландцем. Другой причины, видимой невооруженным глазом, нет. Его с необычайным почетом приняли при дворе и предложили очень выгодные должности, если он объявит себя англиканцем. Он отверг взятку и вернулся во Францию, где возобновил свою преподавательскую деятельность. Затем появился кардинал Беллармин, опровергнувший идеи Барклая о королевской власти. Особенностью работы Беллармина было то, что в ней не было ничего нового. Это был просто сборник старых авторитетов, в основном французских юристов, которые значительно урезали королевскую власть. Это привело парижский парламент в неистовство, поскольку они все это время убеждали своих соотечественников в том, что автократия, которую они провозглашали для своих монархов, была незапамятной традицией Франции. Чтобы скрыть свое замешательство, они приписывали прославленному кардиналу всевозможные доктрины, такие как цареубийство и право папы на захват частной собственности, и требовали не только осуждения, но и публичного сожжения книги.

Теперь этот вопрос приобрел международное значение. Беллармин был заметной фигурой в Церкви, и его работа была одобрена папой римским, чьим близким другом он был. Осудить его означало осудить Суверенного понтифика и, таким образом, неизбежно означало бы объявление римского раскола. Вероятно, именно к этому стремились эти преждевременные галликанцы. Папский нунций Убальдини немедленно предупредил королеву-регентшу Марию де Медичи, что в случае совершения подобного безобразия он сдаст свои бумаги и покинет Париж. Парламент яростно боролся за то, чтобы добиться своего, и битва бушевала с неистовством долгое время, пока, наконец, Мария не увидела опасность ситуации и не отменила парламентский декрет, который уже был напечатан и распространялся.

В разгар всего этого теория Суареса о "происхождении власти" попала в руки парламентариев, и это подлило масла в огонь; Убальдини написал в Рим 17 июня 1614 года, что "юрист Сервен, который был подобен демону в своей ненависти к Риму, внес в парламент предложение, во-первых, сжечь работу Суареса перед дверями трех домов иезуитов в Париже в присутствии двух отцов каждого дома; во-вторых, чтобы официальное осуждение этого было занесено в протоколы; в-третьих, чтобы "законник Сервен, который был подобен демону в своей ненависти к Риму"., что провинциал, настоятель парижской резиденции и четыре других отца церкви должны предстать перед парламентом и предать анафеме доктрину Суареса, и, в-четвертых, если они откажутся, что все члены Общества должны быть изгнаны из Франции". Эта мера не была принята.

Книгой, которая нанесла наибольший вред обществу в общественном сознании, были "Провинциальные письма" Паскаля, хотя "Письма" не были задуманы в первую очередь или исключительно как атака на иезуитов. Их целью было заставить людей забыть или потворствовать нечестности янсенистов, отрицающих, что пять положений, осужденных Святым Престолом, действительно содержались в "Августине" Янсениуса. По предложению Арно, Паскаль взялся показать, что другие предположительно ортодоксальные писатели, включая иезуитов, выдвигали доктрины, которые заслуживали порицания, но избежали его. Письма выходили поочередно и были озаглавлены: "Провинциальные письма, наши письма о жизни Луи де Монтальте в провинции для друзей и соавторов". стр. *Jésuites, sur la morale et la politique de ces Pères.* Они покорили мир штурмом, во-первых, потому, что раскрыли литературного гения первого порядка в юном Паскале, который до тех пор был поглощен изучением математики и который к тому же на момент написания книги находился в пошатнутом состоянии здоровья. Во-вторых, потому, что они подорвали репутацию великого религиозного ордена и изысканным языком воспроизвели чудовищную клевету, которую излили на мир "Monita secreta", "Historia jesuitici ordinis", "Катехизис" Паскье и остальные. Доктринальная часть писем явно принадлежала не Паскалю; она была предоставлена ему Арно и Кине, поскольку у Паскаля не было ни времени, ни подготовки, необходимой даже для чтения глубоких теологических трактатов, которые он цитирует и утверждает, что читал.

Быть обвиненным в преподавании низкой морали теми, кто был тесно связан и поддерживался таким неописуемым прелатом, как кардинал-архиепископ Парижа Гонди, было особенно обидно для французских иезуитов, и, к сожалению, это спровоцировало их ответить на обвинения. "Поступая таким образом, - говорит Кретино-Жоли, - иезуиты покончили с собой"; а Бру в книге "Евреи и легенд" придерживается мнения, что "эти неблагоразумные и некомпетентные защитники нанесли Обществу больше вреда, чем сам Паскаль". Было бы лучше вообще ничего не говорить. С другой стороны, Пети де Жюльвиль в своей "Истории языка и французской литературы" рассказывает нам, что один из этих поборников-иезуитов побудил Паскаля прекратить свои атаки как раз в тот момент, когда мир радостно потирал руки и ожидал самого яростного нападения. "Я бы хотел, - сказал Морель, обращаясь к Паскалю, - чтобы после искреннего примирения с иезуитами вы обратили свое перо против еретиков, неверующих, распутников и разрушителей нравственности". Дело в том, что, хотя Паскаль и не стремился к примирению с иезуитами, он внезапно и необъяснимо перестал писать против них; и в 1657 году он действительно направил свое перо против распутников Франции, как его и просили (IV, 604). Матери Анжелике, сестре Арно, также приписывают какое-то отношение к этому прекращению военных действий, когда она написала: "Молчание было бы лучше и приятнее для

Бога, которого быстрее успокоили бы слезы и покаяние, чем красноречие, которое веселит больше людей, чем обращает".

Возможно, появление на сцене великого Бурдалу внесло свой вклад в это изменение отношения янсенистов. Как придворный проповедник, он имел возможность опровергнуть клевету Арно и Паскаля, и он воспользовался этой возможностью с поразительной силой и эффектом. В "Causeries du Lundi" Сент-Бев, который поддерживал янсенистов, пишет: "Говоря, что иезуиты не выступали с прямым и категорическим отрицанием *провинциалов* до тех пор, пока сорок лет спустя Даниэль не взялся за перо, мы забываем о том долгом и постоянном опровержении Бурдалу в его публичных проповедях, в которых нет недостатка ни в чем, кроме имен собственных; но его слушатели и его современники в целом, которые были знакомы с противоречиями и были сторонниками любой из сторон, легко предоставили их. Так, в своей Проповеди о "Лжи" он изображает этот порок с самым изысканным мастерством, добавляя штрих за штрихом, пока он не предстает во всей своей отвратительности. Пока он говорит, вы видите это перед собой с его тонкими извилинами с того момента, как начинается атака под предлогом дружественной цензуры, и до того момента, когда полная клевета повторяется под видом дружбы и религии ". Следующий отрывок является примером этого метода.

"Одно из злоупотреблений века, - говорит Бурдалу, - это освящение лжи и превращение ее в добродетель; да, даже в одну из величайших добродетелей: ревность во славу Божию. "Мы должны унижить этих людей, - говорят они, - Церкви будет полезно подорвать их репутацию и уменьшить их доверие". Исходя из этого принципа, они формируют свою совесть, и нет ничего, чего бы они себе не позволили, движимые таким очаровательным мотивом. Итак, они преувеличивают; они отравляют; они искажают; они делят вещи наполовину; они произносят тысячу неправд; они смешивают общее с частным; то, что кто-то сказал плохо, они приписывают всем; а то, что все сказали хорошо, они не приписывают никому. И они делают все это — во славу Божию. Такое формирование их намерения оправдывает все; и хотя этого было бы недостаточно, чтобы оправдать двусмысленность, в их глазах этого более чем достаточно, чтобы оправдать клевету, когда они убеждены, что все это делается для служения Богу".

"Если Бурдалу, - продолжает Сент-Бев, - описывая в такой изысканной манере порок лжи, не имел в виду Паскаля и его *Провинциалес*, и если он не рисовал, черту за чертой, определенных личностей, которых узнавали его слушатели; и если, пока он это делал, они не были шокированы, хотя и не могли не восхищаться художником, то у Сен-Симона и Лабрюйера нет портретов.... Было бы нетрудно доказать, что проповедь Бурдалу в течение тридцати лет была долгим и убедительным опровержением *провинциалов*, красноречивым и ежедневным нападением на Паскаля".

Должно быть, для иезуитов тех дней, задетых за живое искажениями и клеветой таких писателей, как Арно, Паскаль, Николь и других, было огромным утешением иметь святого Бурдалу, идеального иезуита, занимающего первое место в глазах общественности и таким образом защищающего их. Бурдалу вступил в Общество в пятнадцать лет и, следовательно, был абсолютным его продуктом. Он был человеком молитвы и учения, и когда не стоял за кафедрой, он был на исповеди или у постели больных и умирающих бедняков. Он был от природы быстр и импульсивен, но его приучили к абсолютному самоконтролю; он был даже весел в разговоре, и его глаза искрились от удовольствия, когда он говорил. История о том, что он закрыл их во

время проповеди, конечно, чепуха, и фотография, изображающая его таким образом, была взята из "посмертной маски". Он непрерывно трудился до семидесяти двух лет и умер 13 мая 1704 года. Очень кстати, что его последняя месса была в воскресенье Пятидесятницы.

Превосходное современное обсуждение писем появилось в ирландском ежеквартальном журнале "Studies" за сентябрь 1920 года. Автор, известный писатель Илер Беллок, напоминает своим читателям о некоторых важных фактах. Во-первых, казуистика - это не мошенничество, и она не ограничивается церковью; ею пользуются юристы, врачи, ученые и даже бизнесмены при рассмотрении условий, которые не имеют прецедента и еще не дошли до высшей инстанции, которая должна урегулировать этот вопрос. Во-вторых, как и при обсуждении церковных "дел", используемые термины носят технический характер, точно так же, как термины права, медицины, естественных наук; и поскольку язык - латинский, никто не компетентен интерпретировать вынесенный вердикт, если он не знаком как с теологией, так и с латинским языком. "Я сомневаюсь, - говорит он, — что сегодня в Англии живет хоть один человек — из всех тех, кто бойко цитирует имя Паскаля против Церкви, - кто мог бы сказать вам, что такое *Контракт* Мохатры" - одна из тем, затронутых в этих "Письмах". В-третьих, "Письма" являются нападением не столько на Общество Иисуса, сколько на всю систему морального богословия Католической церкви. Всего восемнадцать писем, и только после пятого на иезуитов нападают. Атака продолжается до десятого, а затем прекращается. Из тысяч решений, выдвинутых огромным количеством "обычных и светских" профессоров, Паскаль приводит только решения иезуитов; а из многих тысяч обсуждаемых "случаев" он выбирает только сто тридцать два, которые, если исключить повторения, должны сократиться до восьмидесяти девяти.

Из этих восьмидесяти девяти случаев три явно являются неправильными цитатами — поскольку Паскаль был плохо проинструктирован. Многие другие изложены так, чтобы предположить то, чего казуист никогда не говорил, то есть частный случай превращен в общее правило морали. Многие из них легкомысленны, а другие представляют собой чисто внутренние разногласия по вопросам католической практики, которые не могут касаться противников иезуитов и в которых они не могут претендовать на активный интерес со стороны Паскаля или Общества. Когда весь список пройден, остаются четырнадцать важных случаев. В восьми из них, касающихся дуэлей и риска убийства, мнения некоторых казуистов впоследствии, в тот или иной момент, были осуждены Церковью (в семи решениях декларировалась законность дуэлей при очень исключительных обстоятельствах, когда не было других средств защитить свою честь или состояние). Паскаль был прав, осуждая эти мнения, но был совершенно неправ, представляя их как обычные решения, принимаемые при обычных обстоятельствах иезуитами в целом. Три из оставшихся шести решений никогда не подвергались критике; но Паскаль своим хитрым методом представления их вне контекста привел к тому, что решения были перепутаны с некоторыми осуждаемыми предложениями.

Справедливый анализ оставляет из ста тридцати двух решений ровно три — одно о симонии, одно о действиях судьи при получении подарков и третье о ростовщичестве — все три из которых сомнительны и требуют обсуждения. Помимо всего этого, существует доктрина двусмысленности, которая является излюбленным выпадом против Общества. По этому поводу Беллок говорит: "Более того, эта специально осуждаемая форма двусмысленности (то есть двусмысленности, предполагающей частную оговорку смысла) не была особенно иезуитской. Это долго и благосклонно обсуждалось задолго до возникновения Ордена иезуитов, и среди

крупных казуистических авторитетов этого Ордена существовали большие расхождения во мнениях по этому поводу. Азор, например, осуждает случаи, которые допускает Санчес. Обо всем этом конфликте Паскаль позволяет вам ничего не слышать ". Наконец, можно отметить, что "Письма провинциалов" были не призывом к истине, а средством отвлечь общественное мнение от придирок янсенистов, которые, когда были осуждены знаменитые "пять положений", притворились, что их нет в "Августине", написанном Янсениусом.

Пожалуй, самой распространенной клеветой, направленной против Общества, является обвинение в том, что оно является учителем, если не автором, безнравственной максимы: "цель оправдывает средства", которая означает, что действие, плохое само по себе, становится хорошим, если совершается с благой целью. Если Общество когда-либо преподавало эту доктрину, по крайней мере, его нельзя обвинить в обладании монополией на нее. Так, например, великая протестантская империя, являющаяся законным продолжателем учения Мартина Лютера, провозгласила миру, что дьявольский "ужас", который она применила в последней войне, был вызван исключительно ее желанием мира. По другую сторону Ла-Манша англиканский прелат сообщил своим современникам, что "Британская империя не могла просуществовать и недели в соответствии с принципами "Нагорной проповеди"" (The Month, T. 106, с. 255). То же самое можно сказать о бесчисленных других державах и княжествах прошлого и настоящего. Безжалостные меры, к которым прибегают в бизнесе и политике для подавления соперничества, общеизвестны. Наконец, каждый непредвзятый разум согласится с тем, что постоянное использование ядовитого газа врагами Общества есть не что иное, как осуществление максимы "цель оправдывает средства".

Бесчисленное количество раз было доказано, что Общество никогда не проповедовало эту отвратительную доктрину, и средний иезуит рассматривает каждое повторное обвинение как невыносимую досаду и обычно не обращает на это внимания; но в наше время пугало предстало в таком необычном обличье, что это событие должно быть записано как еще один эпизод отечественной истории. Это стало известно общественности в Германии в 1903 году, когда светский священник каноник Дасбах, горячий друг Общества, предложил премию в 2000 флоринов любому, кто найдет защиту доктрины в какой-либо иезуитской публикации. Вызов был принят графом фон Хоэнсбрухом, который, потерпев неудачу в своем споре с каноником, воспользовался второстепенным вопросом, чтобы передать вопрос в гражданские суды Трева и Кельна.

Очевидно, фон Хоэнсбрух был хорошо подготовлен для выполнения своей задачи. Он был бывшим иезуитом и в течение многих лет жил в теснейшей близости с некоторыми из самых выдающихся моралистов и теологов Ордена: Лемкулем, Катрейном, Пешем и другими в доме исследований в Эксетене в Голландии; так что мир радостно потирал руки и ждал откровений. Однако ему серьезно мешали некоторые из его собственных более ранних высказываний. Таким образом, когда он покинул Общество в 1893 году, он написал в книге "Моя Австрия против Иисуса Христа" следующее: "Моральные учения, в соответствии с которыми обучаются члены Общества, безупречны, а обвинения, которые постоянно выдвигаются против моралистов-иезуитов, лишены какого-либо основания". Кроме того, он был несколько дисквалифицирован как свидетель, поскольку он не только покинул Общество, но и отступил от Веры и, хотя и был священником, женился на жене; более того, он был печально известен как злопамятный лютеранин (Civiltà Cattolica, an. 56, стр. 8). Но соблазн флоринов привел его к тому, что дело было отклонено одним судом как выходящее за рамки его юрисдикции, и вынесено против него

в другом суде; вердикт также был горячо поддержан видными протестантами и вольнодумцами. Хоэнсбрух мертв, но призрак "цели, оправдывающей средства" все еще витает по земле, и о нем можно услышать в любой момент.

"Провинциальные письма" Паскаля были не единственным источником беспокойства для иезуитов в семнадцатом и восемнадцатом веках. Появилось много других клеветнических публикаций, таких как "Мораль евреев", "Рассуждения", "Нуллиитеты" и т.д., Все они преследовали единственную цель - отравить общественное сознание. Битва продолжалась до тех пор, пока совместным приказом папы и короля не был заключен принудительный мир, запрещающий любые дальнейшие публикации подобного характера в прессе. Это, однако, не остановило решимость янсенистов сокрушить Общество другими способами. Так, еще в 1650 году архиепископ Санса, который был убежденным янсенистом, запретил иезуитам слушать исповеди в своей епархии во время Пасхи, а три года спустя он заявил с кафедры, что теология иезуитов была взята из Корана, а не из Евангелий, и что их философия была скорее языческой, чем христианской. Он призвал к их изгнанию как раскольников, еретиков и того хуже, и объявил, что все сделанные им признания недействительны и кощунственны. Наконец, он отлучил их от церкви с помощью колокольчика, книги и свечи. Они ушли из его епархии, но были возвращены следующим епископом четверть века спустя.

Другим врагом Общества был кардинал Ле Камю Гренобльский, который запретил им преподавать или проповедовать; и когда Сен-Жюст, который был пятнадцатилетним ректором колледжа, пожаловался на это некоторым друзьям, его отстранили от должности и обвинили в тяжком преступлении, в котором он был абсолютно невиновен. Когда он передал дело в суд, отец генерал Олива осудил его за это и отстранил от должности. Сантарелли, итальянский иезуит, выпустил книгу о публике, которая вызвала большой ажиотаж. Он намеревался доказать, что папа обладает властью низлагать королей, виновных в определенных преступлениях, и освобождать подданных от их верности. В Париже это было истолковано как пропаганда цареубийства и немедленно приписано всему Обществу; и это было осуждено Сорбонной. Ришелье был особенно взволнован этим. Бедный отец Котон, королевский духовник, который в то время был тяжело болен, чуть не упал в обморок при известии о его публикации. Автор не осознавал, что мировая политика больше не была политикой Средневековья.

"Руководство по делам совести" Антонио Эскобара-и-Мендосы, испанского теолога, предоставило французским янсенистам бесконечный материал для очернения имени Общества. В таких трактатах неизбежно обсуждаются все чудовищные поступки, в которых может быть повинна человеческая природа, но было бы столь же абсурдно обвинять их авторов в том, что они написали их с целью насаждения порока, как и обвинять практикующих врачей в распространении болезней в их клиниках и анатомических кабинетах. Цель и того, и другого - исцелять и предотвращать, а не сообщать о болезни, будь то душевной или телесной. В обоих случаях книги, в которых рассматриваются подобные вопросы, абсолютно ограничены использованием профессии, и в качестве дополнительной меры предосторожности в отношении морального богословия трактаты написаны на латыни, так что они не могут быть поняты людьми, которые не имеют никакого отношения к таким неприятным, а иногда и отвратительным темам. Обвинять людей, которые обрекли себя на изучение подобных предметов исключительно для того, чтобы они могли поднять развращенное человечество из тех глубин, в которые оно опускается, - это возмутительно.

Эта литературная война пересекла океан и достигла французских владений Канады, и большая часть религиозных проблем, которые с самого начала беспокоили колонию, может быть связана с редакционной деятельностью французских янсенистов. Таким образом, когда Бребеф, Шарль Лалеман и Массе поднялись по реке Святого Лаврентия после ужасного путешествия через Атлантику, им фактически запретили высаживаться на берег. Брошюра, известная как "Антикотон", была распространена и прочитана немногочисленными колонистами, находившимися в то время на Скалах Квебека, и они не хотели иметь ничего общего с сообщниками человека, который, как и Котон, был представлен радующимся убийству Генриха IV. Не имело значения, что отец Котон и король были не только близкими, но и самыми нежными друзьями, и что покушение при таких обстоятельствах было бы немыслимо; того, что об этом было заявлено в печати, было достаточно, чтобы этим трем славным людям, которые собирались умереть за католическую веру и за Францию, было запрещено высаживаться в Квебеке. Это антикотонское проявление в первые дни существования колонии было лишь прелюдией к антагонизму, который пронизывает всю раннюю историю Канады. Его поддерживала группа писателей во Франции, главными из которых были янсенисты аббаты Берну и Ренодо. Их вклады можно найти в объемном сборнике, известном как "Декуверты" Марджри, который Паркман убедил правительство Соединенных Штатов напечатать на том языке, на котором они были написаны. Они изобилуют наихудшими видами клеветы на Общество. Некоторые из них претендуют на то, что были написаны в Америке, но настолько гротескны, что подделка очевидна. Действительно, среди них есть письмо Берну Рено, в котором говорится: "Попросите Ла Салля высказать мне несколько соображений, и я напишу Отношение".

Миссионерские труды де Нобили, де Бритто, Беши и других в Мадуре, зависимой от церковной провинции Малабар, были настолько успешными, что вызвали значительный литературный резонанс как внутри, так и за пределами Церкви, главным образом в связи с свободой некоторых обрядов или обычаев, которые местным жителям было разрешено сохранить после крещения. В 1623 году Григорий XV решил, что они могут быть разрешены временно, и поэтому эта практика была продолжена Беши, Буше и другими, которые распространили свою апостольскую деятельность на Пондишери и Карнатик. Но примерно в 1700 году этот вопрос был вновь поднят в связи с передачей территории Пондишери исключительно под опеку иезуитов. Капуцины, которые были затронуты этим соглашением, обратились к Риму, добавив также протест против Обрядов. Первая часть обвинения не была принята, но последняя была передана для рассмотрения де Турнону, который был титулярным патриархом Антиохии.

Как только он прибыл в Пондишери, не заходя в глубь страны, он взял показания капуцинов, лишь бегло допросил иезуитов, а также нескольких туземцев через переводчиков. Затем он осудил эти Обряды и запретил миссионерам под страхом сурового наказания допускать их. Его указ был доведен до сведения настоятеля иезуитов всего за три дня до того, как он покинул это место, и, следовательно, не было никакой возможности просветить его. Затем папа распорядился привести приговор де Турнона в исполнение, однако уточнив его, добавив "в той мере, в какой это позволят Божественная слава и спасение душ". Миссионеры протестовали безрезультатно, и этот вопрос обсуждался двумя сменявшими друг друга понтификами. Наконец, Иннокентий XIII настоял на том, чтобы указ де Турнона выполнялся во всех деталях, но сомнительно, чтобы документ когда-либо дошел до миссий. Позже Бенедикт XIII вновь поднял этот вопрос и вынес решение по каждой статье решения де Турнона, и в 1734 году на этот счет было опубликовано Краткое сообщение.

Французские янсенисты занялись этим вопросом так энергично, что даже библиография "за" и "против" Обрядов поражает своей обширностью. Один вклад состоит из восьми томов на французском и семи на итальянском языках. В своей истории янсенизма в "Католической энциклопедии" доктор Форже из Лувенского университета говорит: "Сектанты [в середине восемнадцатого века] начали отделяться от примитивной ереси, но они не ослабевали в духе неподчинения и раскола, в духе противостояния Риму и, прежде всего, в смертельной ненависти к иезуитам. Они поклялись разрушить этот орден, который всегда преграждал им путь, и для достижения своей цели они последовательно побуждали католических князей и министров в Португалии, Франции, Испании, Неаполе, Королевстве Обеих Сицилий, герцогстве Пармском и в других местах объединиться с худшими лидерами нечестия и философизма". Помимо янсенистов, "каждый выдающийся протестантский писатель, за двумя или тремя исключениями, - говорит Маршалл (Христианские миссии, I, 226), - приписывал успех миссии в Мадуре и ее замечательные результаты преступному попустительству языческим суевериям. Ла Кроз, Геддес, Хаф и другие писатели их класса в длинной череде наслаждаются языком, образцы которого нам нет необходимости приводить, и выдвигают против де Нобили и его преемников обвинения в подлоге, самозванстве, суевериях, идолопоклонстве и различных других преступлениях".

"Есть одно имя, - продолжает тот же автор, - которое неизменно встречается в упомянутых произведениях; один свидетель, которого все они цитируют и к которому следует отнести всю историю. Этот свидетель - отец Норберт, бывший капуцин и бывший миссионер Индии". В работе, опубликованной этим человеком в 1744 году, содержатся все басни, которые с тех пор повторялись как серьезные исторические факты. Доктор Грант цитирует его, по-видимому, без всякого подозрения, в своих "Бэмптонских лекциях", однако очень небольшое исследование и даже ссылка на такую распространенную книгу, как "Биография вселенной", раскрыли бы ему истинный характер свидетеля, с помощью которого он не побоялся опорочить некоторых из самых героических и евангельских людей, когда-либо посвятивших свою жизнь служению Богу и спасению своих ближних.

"Норберт, - говорит Маршалл, - был одним из тех обычных миссионеров, которым совершенно не удалось обратить индусов обычными методами, и который был столь же неспособен подражать ужасным аскезам, с помощью которых иезуиты готовили свой успех, как и радоваться победам, в которых ему не довелось участвовать. Уязвленный смертельной ревностью и поддаваясь внушениям злобы, доходившей почти до иступления, он с яростью нападал на иезуитов даже с кафедры. Гражданские власти были вынуждены вмешаться, и Дюпле, губернатор Пондишери, хотя и был его другом, посадил его на корабль и отправил в Америку. Там он провел два года, занятый не столько работой миссий, сколько планированием планов мести иезуитам. Публикация лживого труда, в котором он рассматривал Общество Иисуса как банду злоумышленников, была запрещена властями; но он покинул Рим и тайно напечатал его.

"Осужденный своим Орденом, хотя и делал вид, что защищает его от оскорблений иезуитов, он бежал в Голландию, а оттуда в Англию, в обеих этих странах он нашел единомышленников. В последнем он основал сначала свечную, а затем ковровую фабрику под патронажем герцога Камберлендского. Оттуда он отправился в Германию, а впоследствии, получив секуляризацию и сбросив религиозную рясу, которую он осквернил, отправился в Португалию. Тут, по-видимому, им овладело раскаяние, и из избытка милосердия ему было позволено снова надеть рясу

капуцина, которую он во второй раз отложил в сторону. В конце концов, после попытки обмануть Суверенного понтифика, он умер в плачевном состоянии в безвестной деревушке во Франции". В "Биографии вселенной" приводятся еще некоторые подробности, которые полезны с исторической точки зрения. После того, как Бенедикт XIV запретил Норберту печатать его книгу, он выпустил ее либо в Лукке, либо в Авиньоне; в Англии он взял свое старое имя Питер Паризо; когда он приземлился в Германии, его знали как Кюрель, а во Франции его псевдоним был аббат Платель. Согласно "Биографии", "Норберт был скучным и тяжеловесным, без таланта и стиля и был бы неспособен написать ни одной страницы, если бы им не двигала ненависть. Все его работы канули в лету".

Американцы ни в какой степени не были обеспокоены подобными публикациями, за исключением, возможно, одного случая, когда некий Р. У. Томпсон, который был министром военно-морского флота, хотя и жил в 1000 милях от моря, предупредил своих соотечественников в 1894 году, что единственной опасностью для Конституции Соединенных Штатов является учение иезуитов. Даже Церковь находится в опасности, потому что "их система морального богословия несовместима с римско-католической религией". "Я воздерживаюсь от обсуждения этого, - говорит он, - потому что это было достаточно сделано Паскалем и Полем Бертом". Никто не был чрезмерно встревожен "Следами иезуитов".

ГЛАВА X

ДВЕ АМЕРИКИ

1567-1673

Чили и Перу — Вальдивия — Сокращения в перуанской Коре — Парагвае — Отец Филдс — Эмиграция из Бразилии — Социальное и религиозное процветание Сокращений — Мученическая смерть двадцати девяти миссионеров - Сокращения в Колумбии — Питер Клавер — Французская Вест-Индия — Сент-Китс — Ирландские изгнанники — Отец Бат или Дестришес — Монтсеррат — Эмиграция в Гваделупу — Другие острова — Гвиана — Мексика — Нижняя Калифорния — Фонд Благодетеля — Филиппины — Канадские миссии — Бребеф, Жог, Ле-Мойн, Маркетт — Мэриленд - Уайт - Льюджер .

В 1567 году Филипп II попросил прислать двадцать иезуитов для евангелизации Перу. Просьба была удовлетворена, и в Великий пост 1568 года первый отряд прибыл в Кальеа и направился в Лиму. По словам Астрейна, их встретили так сердечно, что провинциал счел необходимым предупредить своих людей о том, что многое предстоит сделать, чтобы оправдать ожидания общественности. В их распоряжение немедленно были предоставлены средства, и они принялись за строительство колледжа. Пока колледж строился, они выслушивали исповеди, посещали тюрьмы и больницы, читали лекции по каноническому праву священникам собора и основали свою замечательную учебную школу на озере Титикака, о которой мы уже упоминали. Там новички должны были изучать родные языки, чтобы подготовиться к будущей работе. На данный момент население города также предоставило им много работы. Она состояла из трех классов людей: негров, полукровок и богатых испанцев. Отец Лопес присматривал за неграми, и мало-помалу ему удалось положить конец их оргиям и непристойным танцам. Другие тем временем заботились о белых и метисах. Обычные иезуитские братства были приведены в

рабочее состояние, и вскоре стало обычным делом видеть, как городская молодежь снимает плащи и шпаги и помогает больным в больницах, посещает хижины бедняков или навещает преступников в тюрьмах.

Новый отряд миссионеров прибыл в следующем году вместе с вице-королем Толедо, который, очевидно, слишком благосклонно отнесся к ним по дороге, поскольку, помимо их обычных обязанностей, он хотел, чтобы они заняли должности приходских священников, и немедленно написал об этом Филиппу II. Они, конечно, отказались, что повлекло за собой неприятное отношение к ним со стороны властей. Действительно, давление стало настолько сильным, что настоятель в конце концов в определенной степени уступил и даже поручил эту работу некоторым из своих последователей, но его немедленно вызвали в Европу за его слабость. Тем временем толпились послушники, среди них Бернардин д'Акоста, чьи добродетели впоследствии заслужили для него место в "Менологии". Был также маленький Овиандо, которого называли Станиславом Перуанским. Он был брошенным ребенком, чьи родители приехали в Америку и потеряли его или умерли, и он просил милостыню на улицах Лимы, когда Отцы подобрали его. Они отправили его в колледж и помогли ему стать святым.

Великим человеком Перу, а впоследствии и Чили, был отец Луис де Вальдивия, которого и индейцы, и белые приветствовали как "апостола, умиротворителя и освободителя Перу". Индейцы очаровали его, и он выучил их язык примерно за месяц. Когда он увидел, что единственной трудностью в превращении их в христиан было рабство, которому они подвергались, в сочетании с безнравственностью их испанских хозяев, он был назначен представителем колониальных властей и отправился в Испанию, чтобы изложить Филиппу III плачевное состояние своих заморских владений. Король принял его радушно, издал самые строгие законы против злоупотреблений и назначил его королевским гостем и администратором Чили, где поступали жалобы на подобные беспорядки. Он также хотел сделать его епископом, но Вальдивия отказался. Вернувшись в Перу из Испании, он даровал свободу 10 000 индейцам. Когда это распространилось среди дикарей, все племена, которые тогда бунтовали, немедленно пришли к соглашению, и 8 декабря 1612 года великий вождь Утаблеме с шестьюдесятью касиками и полудюжиной языческих жрецов, все в венках из морских водорослей на головах и с зелеными ветками в руках, спустились со своих укреплений, и великий вождь, их представитель, обратился к Вальдивии со следующими словами: "Не страх заставляет меня соглашаться на мир. С самого детства я не переставал бросать вызов испанцам и противостоял одному за другим шестнадцати губернаторам. Сейчас я подчиняюсь только тебе, добрый и великий Отец, и королю Испании из-за тех благ, которые ты даровал мне и моему народу".

Несмотря на трудности и опасности этой работы, а также на клевету охотников за рабами и даже на ложные впечатления некоторых из его братьев, Вальдивии удалось основать четыре великие центральноиндийские миссии, которые вызвали одобрение сменявших друг друга королей Испании. До того, как Вальдивия отправился в Чили, Вига, который был там с 1593 года, уже составил словарь и грамматику арауканского языка, и Вальдивия последовал его примеру, написав другие книги, чтобы облегчить работу миссионеров. Колледжи, основанные в Арауко, а также в Вальдивии — городе, названном не в честь миссионера, а в честь его тезки, губернатора провинции, — стали базой для операций арауканских дикарей, свирепого и долгое время неукротимого народа, объединившегося против испанцев в лигу, состоящую из сорока различных племен. Работа среди них была медленной и тяжелой, и трое священников были

убиты ими в пустыне. Их успех также привел колонистов в ярость, и было решено начать войну на истребление индейцев, но Вальдивия воспротивился этому, и ему не только удалось убедить арауканцев согласиться на условия мира, но и привлечь гуагов и убедить их сложить оружие. Великому миссионеру было восемьдесят два года, когда его призвали к награде.

Примерно в это же время в Европу была привезена знаменитая перуанская кора, но к ней относились с крайним подозрением из-за ее спонсоров, и о ней рассказывали самые дикие истории. Медицинские трактаты изобиловали дискуссиями о его свойствах, одни осуждали, другие восхваляли его. Фон Гумбольдт говорит: "Почти само собой разумеется, что среди протестантских врачей ненависть к иезуитам и религиозная нетерпимость лежали в основе длительного конфликта по поводу добра или зла, производимого этим лекарством". Знаменитый врач Бадо высказал свое мнение, что "это было дороже всего золота и серебра, которые испанцы добывали в Южной Америке".

Именно в 1586 году, через восемнадцать лет после их прибытия в Перу, была начата работа иезуитов в Парагвае. Франсиско де Виктория, доминиканский епископ Тукумана, пригласил их в свою епархию, лежащую к востоку от Анд, и его брат по вере Алонсо Герра, епископ Асунсьона, расположенного на реке Рио-де-ла-Плата или Парана, также призвал их к себе на помощь, как для белых, так и для индейцев своей паствы. Они подчинились, и без промедления были открыты колледжи, резиденции и приюты для Духовных упражнений в Сантьяго-дель-Эстеро, Асунсьоне, Кордове, Буэнос-Айресе, Корриентесе, Тарихе, Сальте, Тукумане, Санта-Фе и других местах. Они предназначались для цивилизованной части общества, в то время как была разработана новая система, призванная спасти индейцев от их белых угнетателей. Эти бедняги знали колонистов только как работоторговцев и мясников; следовательно, все попытки научить их религии, которой, как предполагалось, следовали белые, были тщетны.

С другой стороны, когда властям было заявлено, что рабство индейцев должно прекратиться, прежде чем удастся усмирить туземцев, со всех сторон послышались гневные протесты, даже от некоторых местных священников, которые утверждали, что дикарю подобает быть рабом испанца. Миссионеры взяли дело в свои руки, как они это сделали в Перу. Они отправились в Испанию и обратились за королевской защитой. Они получили то, что хотели, поэтому, не дожидаясь получения указа, начали свою работу с того, что углубились в леса, где пумы, змеи и дикари встречали их на каждом шагу. Но этот решительный акт только еще больше разъярил колонистов, и был применен бесчеловечный метод прекращения поставок продовольствия миссионерам, чтобы принудить их к подчинению.

В этой группе героических апостолов, как ни странно, был ирландский иезуит, которого Кретино-Жоли называет Томом Филдсом, что, вероятно, является испанской или французской попыткой фонетического обозначения Тома Филдса, или О'Филя, или О'Филя, изгнанника из Лимерика. Парагвай был вторым полем его миссионерских трудов, поскольку ранее он был связан с преподобным Хосе Анхиетой в лесах Бразилии. Он покинул Ирландию совсем молодым и после учебы в Париже, Дуэ и Лувене отправился в Рим, чтобы начать свое послушничество. Шести месяцев судебного разбирательства было достаточно, чтобы доказать незыблемость его добродетели, и затем он прошел пешком весь путь от Рима до Лиссабона, чтобы сесть на корабль, отплывающий в Америку. Он достиг залива Всех Святых в 1577 году и провел десять лет в пустыне, испытывая страдания, лишения и смертельную опасность на каждом шагу. Оттуда он был отправлен в Парагвай, но был схвачен пиратами в устье Рио-Платы, а затем, закованные в

цепи, он и его спутник Мануэль де Ортега были брошены на произвол судьбы в потрепанном суденышке, которое прибило к берегу в Буэнос-Айресе, где их помощь как миссионеров была с радостью принята. Он был в Асунсьоне, когда разразилась чума, и то, как он выполнял свой долг, снискало "отцу Тому" такую же высокую репутацию среди белых людей, какую он уже приобрел среди своих меднокожих собратьев. Когда чума закончилась, он снова стал лесничим и в 1602 году оказался совсем один среди индейцев, а его товарищ, отец де Ортега, предстал перед инквизицией по какому-то нелепому обвинению. Наконец О'Фили умер в Асунсьоне 8 мая 1624 года в почтенном возрасте семидесяти восьми лет, после пятидесяти тяжелых лет в качестве южноамериканского миссионера - десяти в Бразилии и сорока в Парагвае.

Эти путешествия среди кочующих племен в дикой местности, правда, дали повод для необычайного героизма и спасли многие души, но результаты были далеко не пропорциональны затраченной энергии. Поэтому, по предложению отца Аквавивы, все миссионеры встретились в Саке, далеко под Андами, и решили объединить индейцев в отдельные колонии, куда не разрешалось входить ни одному белому человеку, за исключением правительственных чиновников. Таково было происхождение "Парагвайских сокращений", которые вызвали такое восторженное восхищение у таких писателей, как Шатобриан, Бюффон, де Местр, Галлер, Монтескье, Робертсон, Макинтош, Ховитт, Маршалл, Муратори, Шарлевуа, Ширмбекк, Грассе, Коблер, дю Грати, Готен и даже Вольтер. Самым последним восхвалителем из всех является Каннингем-Грэм в своей "Исчезнувшей Аркадии". Деревни, в которых жили эти обращенные индейцы, назывались "сокращениями", потому что туземцы были возвращены (*re, ducir*) из дикой природы и лесов проповедями миссионеров, чтобы жить там организованными общинами по христианским законам.

Первое сокращение было начато в 1609 году в провинции Гуаяра, примерно на нынешней бразильской территории Парана. В 1610 году был открыт еще один на Рио-Паранапанема; в 1611 году произошло сокращение Сан-Игнасио-мини, а в период с того года по 1630 год - еще одиннадцать с общим населением около 10 000 индейцев. Дикари стекались к ним со всех сторон, поскольку эти резервации были единственной защитой от организованных банд охотников на людей, рыскавших по стране, - мамелюков, как их называли из-за их безжалостной свирепости. Их также называли "Паулистами", вероятно, потому, что они обычно собирались в районе нижней Бразилии, известном как Сент-Пол. Эти негодяи, полукровки или потомки всех рас, несерьезно относились к королевским указам или гневным выпадам беспомощных губернаторов, и когда они не могли найти жертв в лесах, не колеблясь нападали на самих Редуцированных. Эти набеги начались в 1618 году. Только в 1630 году, согласно Хондеру (из Католической энциклопедии), не менее 30 000 индейцев были либо убиты, либо угнаны в рабство на территории нынешнего бразильского штата Риу-Гранди-ду-Сул.

Это привело к великому исходу. Отец Симон Масета вообще отказался от северной миссии, или Гуаярской, и, взяв выживших после резни вместе с индейцами, которые каждый день спешили сюда из лесов, повел их на станции на Паране и в Уругвае. Это было трудное путешествие, и только 12 000 достигли места назначения, но они послужили увеличению уже существующего населения, и в 1648 году губернатор Буэнос-Айреса сообщил, что за девятнадцать сокращений численность населения составила 30 548 человек; к 1677 году она выросла до 58 118. Он обнаружил также, что они решили больше не жить как овцы, ожидающие, что их сожрут первые люди-волки, которые могли бы напасть на них, но были полностью вооружены и дисциплинированы своими наставниками-иезуитами. Действительно, в 1640 году, через десять

лет после резни в Гуарани, они могли выставить хорошо обученную армию в полевых условиях не только против мамелюков, но и против португальцев, которые время от времени предпринимали попытки вторжения на испанскую территорию из Бразилии. Это военное формирование было не только разрешено, но и поощрялось королем. Он неоднократно посылал индейцам мушкеты и боеприпасы, а позже они сами построили оружейный склад и делали свой собственный порох. У них были регулярные учения и фиктивные сражения, как с пехотой, так и с кавалерией, которые год за годом несли блестящую службу, отражая вторжения и подавляя восстания. И при этом они никогда не стоили короне ни пенни за подобные услуги. Была привита лояльность королю, и Филипп V объявил в знаменитом указе, что у него нет более верных подданных, чем индейцы Парагвая.

Индейцев сокращений обучили всем ремеслам, и они стали плотниками, столярами, художниками, скульпторами, каменщиками, ювелирами, портными, ткачами, красильщиками, пекарями, мясниками, кожевенниками и т.д., И их художественные способности до сих пор видны в руинах миссий. Они также были земледельцами и скотоводами, и на некоторых станциях можно было насчитать до 30 000 овец и 100 000 голов крупного рогатого скота. Они построили прекрасные дороги, ведущие к другим регионам, и только на великих водных путях Параны было задействовано до 2000 лодок, перевозивших товары из различных центров. Прежде всего, их обучали своей религии, и их мораль была настолько чиста, что епископ Буэнос-Айреса написал королю, что, по его мнению, в Сокращениях никогда не совершалось смертных грехов. Церкви занимали центральное место в деревнях, и их руины показывают, на какие архитектурные произведения были способны эти жители леса. Улицы были проложены параллельными линиями, а основные из них были заасфальтированы. Со временем примитивные хижины были заменены прочными каменными домами с черепичными крышами, и они были построены таким образом, что соединяющие их веранды позволяли людям переходить от дома к дому, под навесом, с одного конца поселения до другого.

Сокращения распространялись до Боливии с одной стороны, и до северной Патагонии с другой, и от Атлантики до Анд. Всего их было около сотни, и поскольку для их формирования требовалось подчинение и превращение самого дикого типа дикаря в цивилизованного человека, неудивительно, что при достижении этого колоссального результата целых двадцать девять иезуитов приняли мученическую смерть.

В 1598 году иезуиты Медрано и Фигуэро находились в Новой Гранаде, или том, что сейчас называется Соединенными Штатами Колумбии. Они также похоронили себя в лесах после того, как сделали все возможное, чтобы изменить мораль колонистов в Боготе. Не то чтобы они покинули город; напротив, в 1604 году они основали там колледж, а позже другие - в Памплоне, Мериде и Хонде. Сначала туземцы в ужасе бежали от них, но мало-помалу подарки, которыми осыпали их эти странные белые люди, завоевали их доверие и помогли убедить их поселиться в Англии. Трое из Отцов погибли во время этой работы, их пожрали пумы или ужалили ядовитые змеи. К сожалению, епископ был убежден, что индейские поселения были всего лишь торговыми заведениями, созданными иезуитами для зарабатывания денег, и все плоды многих лет опасностей и лишений были вырваны у них из рук и переданы другим.

Однако не было никого, кто мог бы претендовать на место Питера Клавера, посвятившего себя заботе о грязных, больных и озверевших неграх, которых буквально десятками тысяч бросали в Картахене, чтобы продать в рабство колонистам. Он приехал из Испании в 1610 году, после того

как старый брат-мирянин Альфонсо Родригес привел его к вершинам святости и определил его призвание в Новом Свете. Его работа была отвратительной, но Клаверу она нравилась, и как только прибыло судно, он был под рукой со своими переводчиками. Они поспешили спуститься в зловонные трюмы с едой, одеждой и горячительными напитками, которые выпросили у жителей города. Клавера не беспокоило, что бедняги были больны оспой или злокачественной лихорадкой; он выносил их на спине, ухаживал за ними, пока они не выздоровели, и даже собственноручно хоронил, когда они умирали. Несчастные чернокожие никогда раньше не видели ничего подобного, и они охотно слушали все, что он мог сказать о Боге, и без труда приняли крещение, изо всех сил стараясь строить свою жизнь в соответствии с теми принципами поведения, которые он им наметил.

Он был на ногах день и ночь, переходя от койки к койке в грубых больницах, доставляя больным фрукты и вино. Он даже приносил музыкальные группы, чтобы сыграть для них, и показывал им картинки со святыми сценами из жизни Христа, чтобы помочь их притупленному интеллекту постичь смысл его слов. Неудивительно, что часто, когда он находился среди прокаженных, которые были его любимцами, люди видели, как вокруг него сиял яркий свет. Его биографы рассказывают нам, что ему было недостаточно этих обычных страданий, и хотя он весь день носил власяницу и железный крест с острыми, по ночам он бичевал себя до крови и часами молился за своих негров. Он умер 8 сентября 1654 года и теперь причислен к лику святых, как и его старый учитель, брат Альфонсо.

На длинную цепочку островов, попеременно французских и английских, которые образуют, так сказать, восточную стену Карибского моря и известны как Малые Антильские острова, были отправлены французские иезуиты в 1638 году. Это, соответственно, Тринидад, Гренада, Сент-Винсент, Мартиника, Гваделупа и недалеко от северной оконечности линии, представляющей особый трогательный интерес, Святой Христофор, или, как его иногда называют в народе, Сент-Китс. Когда французская экспедиция под командованием д'Эснамбука высадилась на Сент-Китсе в 1625 году, они обнаружили, что англичане уже захватили остров, но, как разумные люди, вместо того, чтобы перерезать друг другу глотки, две нации разделили остров между собой и спокойно уgomонились, занимаясь каждая своими делами. В 1635 году французы аннексировали Гваделупу и Мартинику, а еще позже Сен-Круа, Сен-Мартен и некоторые другие.

Население этих островов состояло из белых поселенцев и их рабов-негров и индейцев. Духовно о них заботились два доминиканца, один из которых, Тертр, написал историю островов. Но эти священники не имели сношений с дикарями, языков которых они не понимали, и поэтому, чтобы восполнить пробел, три иезуита, один из которых был братом-мирянином, были отправлены на Мартинику, прибыв туда в Страстную пятницу 1638 года. Они начали обычным способом, а именно с мученичества. Двое из них были быстро убиты дикарями. Другие поспешили продолжить свою работу, но многие уступили климату, а другие - трудностям, неотделимым от такого рода апостольства. Интересным прибытием, хотя и не позднее 1674 года, был приезд отца Жозефа-Антуана Понсе, одного из апостолов Канады, которого помнят за то, что он привез великую урсулину Мари де Инкарнация в Квебек, а также за то, что он был замучен нью-йоркскими могавками в том самом месте, где Исаак Жог принял мученическую смерть несколькими годами ранее. Понсе был стар, когда отправился на Мартинику, и умер там в следующем году. Имена де ла Барра, Мартиньера, де Трейси и Ибервилля, все они знакомы изучающим канадскую историю, встречаются в хрониках Антильских островов.

Для людей ирландской крови эти острова, особенно Сент-Китс и Монтсеррат, представляют захватывающий интерес. На обоих были обнаружены номера ссыльных ирландских католиков, которых держали в рабстве. Еще в 1632 году отец Уайт по пути в Мэриленд увидел их на Сент-Китсе. В своем "Повествовании" он сообщает нам, что "остановился там на десять дней, получив дружеское приглашение от английского губернатора и двух капитанов-католиков. Губернатор французской колонии на том же острове относился ко мне с подчеркнутой добротой". Он не сообщает нам, выполнял ли он какую-либо министерскую работу с ними, но, по всей вероятности, выполнял. Он столь же сдержан в отношении Монтсеррата и довольствуется тем, что говорит, что "он населен ирландцами, которые были изгнаны из Вирджинии из-за своей католической веры". Он пробыл на Сент-Китсе всего день, и в этом отношении его "Родственник" очень разочаровывает. В 1638 году епископ Туама отправил на остров священника, но вскоре после этого тот умер. Вероятно, он был светским священником, поскольку в следующем году пропаганда разрешила епископу разослать несколько религиозных проповедей. Но нет никакой доступной информации о том, что было сделано до 1652 года, когда для них был нанят ирландский иезуит. В "Архивных документах" Карайона он назван Дестричем, что, возможно, было Стричем, но ни одно из этих имен не упоминается ни в одной из менологий; Хьюз в своей "Истории общества Иисуса в Северной Америке" (I, 470) называет его Кристофером Батом. Однако он не был первым кандидатом. Был предложен отец Генри Маладжон, но генерал не позволил ему поехать. Затем был предложен кандидатура валлийца по имени Бакли, но, хотя его заявление было одобрено, он так и не покинул Европу. Затем некий отец Мэлони предложил себя, но его удержали в Бельгии; однако в конце концов прибыл отец Кристофер Бат, или Стритч.

Миссионер обнаружил там огромное количество поработанных ирландских изгнанников, поскольку 1 апреля 1653 года Лондонский городской совет выдал "сэру Джону Клотворти лицензию на перевозку в Америку 500 *коренных* ирландцев". 6 сентября 1653 года он попросил разрешения перевезти 400 ирландских детей. Десять дней спустя Ричарду Незеруэю из Бристоля была предоставлена свобода вывезти из Ирландии сто *ирландских тори*. Когда Ямайка была захвачена англичанами в 1655 году, туда была отправлена тысяча ирландских девочек и такое же количество ирландских мальчиков. Более ранние толпы были отправлены сначала в Виргинию, но были оттеснены на острова, как мы узнаем из "Повествования" Уайта. Английские власти в Ирландии написали лорду Турлоу: "Хотя мы должны применить силу, чтобы задержать их, но поскольку это во многом для их же блага и, вероятно, принесет большую пользу обществу, нет ни малейших сомнений в том, что вы можете взять их столько, сколько пожелаете". Он предлагает послать 1500 или 2000 мальчиков. "Таким образом, - сказал он, - они станут добрыми христианами". Первых из этих "добрых христиан" нашел отец Бат, когда он прибыл в Сент-Китс в 1652 году, и они охотно пришли в маленькую часовню, которую он построил на разделительной линии между английским и французским поселениями. В течение трех месяцев он был занят от рассвета до заката, служа мессу, выслушивая исповеди, крестя младенцев и проповедуя. После этого он отправился на Монтсеррат, который находился полностью под контролем Англии, и поэтому он был вынужден отправиться туда под видом торговца лесоматериалами, который искал древесину. Как только он приземлился, он сообщил об этом первому встречному ирландцу, и новость распространилась со скоростью лесного пожара. Местом встречи было выбрано место в лесу, где каждый день служили мессу и люди ходили на исповедь и причастие. Это заняло все утро, а во второй половине дня они начали

рубить деревья, чтобы осуществить обман. К сожалению, однажды карибы нашли их и убили некоторых из них, но у нас нет больше подробностей о масштабах катастрофы.

К тому времени, когда отец Бат вернулся на Сент-Китс, англичане забили тревогу и запретили своим ирландским рабам когда-либо ступить на французскую территорию. Но, должно быть, это было неповиновение приказу, потому что однажды ночью, после того как они вернулись домой, в их дома был совершен налет, и сто двадцать пять самых знатных из них были брошены на корабль и выброшены на остров Крабов, в двухстах лигах отсюда, где их оставили умирать с голоду, в то время как с теми, кто остался на Сент-Китсе, обращались с самой ужасающей бесчеловечностью. Приводится один пример с молодой девушкой, которую за то, что она отказалась идти в протестантскую церковь, тащили за волосы по дороге и обращались с ней с такой жестокостью, что некоторые из наиболее робких жертв пришли в ужас и подчинились приказу держаться подальше от часовни. Однако большее число людей приходило к Мессе тайно, всю ночь пробираясь через густые леса и по краю пропастей, чтобы избежать часовых, расставленных вдоль обычной дороги. В этом проявлении веры бросались в глаза два очень старых человека.

Потерпевшие кораблекрушение на Крабовом острове поддерживали жизнь в своих телах в течение нескольких дней, питаясь той травой или кореньями, которые они могли найти, или собирая моллюсков на пляже. Наконец, к их великой радости, вдалеке показался корабль, и когда они окликнули его, он подошел, чтобы забрать их. К сожалению, однако, он был слишком мал для такой толпы, и на борт было допущено только столько пассажиров, сколько было безопасно принять. Остальных пришлось бросить на произвол судьбы. Что с ними стало, никто так и не узнал. Предполагается, что они сделали плот и затерялись где-то в океане. Даже те, кто уплыл, попали в беду. Когда они достигли Санто-Доминго, им не разрешили высадиться, потому что они прибыли с острова Святого Христофора, что заставило испанцев в форте заподозрить подвох. Затем их подхватил торнадо и унес на четыреста лиг прочь. Одно время голод довел их до такого состояния, что они были на грани того, чтобы бросить жребий, кого следует убить и съесть, но, к счастью, они поймали немного рыбы, и это поддержало их, пока они не достигли суши. Что это была за земля, мы не знаем.

Характерный пример ирландской женской добродетели зафиксирован в этом очень интересном рассказе, который стоит здесь повторить. Молодая девушка, для ее лучшей защиты, была переодета отцом в мальчика, когда оба были сосланы. После его смерти она получила работу по хозяйству в уважаемой семье, где ее деловитость настолько очаровала хозяйку дома, что муж начал ревновать свою жену к этому уважаемому слуге. Чтобы предотвратить семейную катастрофу, хорошей девочке пришлось раскрыть свою личность, и тогда ее стали уважать больше, чем когда-либо. Что с ней стало в конечном итоге, не записано. Тем временем отец Бат собрал то, что осталось от его бедняков, и перевез их в Гваделупу, где не было англичан. Бог пощадил его еще на пять лет, и он переходил с острова на остров под всевозможными маскировками, если возникала опасность встречи с англичанами. Ему даже удалось обратить в свою веру немало гонителей.

Хьюз сообщает нам далее, что в 1667 году ирландский священник по имени Джон Грейс вернулся в Европу с островов и сообщил о плачевном состоянии своих соотечественников на Карибах. Проезжая через Мартинику, Гваделупу и Антигуа, он выслушал признания более чем

трехсот из них. Он также сообщил, что пятьдесят из трехсот умерли, пока он был там. На Барбадосе было много тысяч людей, у которых не было священников, и они исповедовали протестантизм. В Сент-Бартоломью было четыреста ирландских католиков, которые никогда не видели священника. Однако в Монтсеррате губернатор Стэплтон был ирландцем и католиком, и, следовательно, пригласить туда священника не составляло труда. В том месте проживало до четырехсот католиков, и они составляли шесть к одному от общего населения. Эти острова Карибского моря были излюбленными укрытиями "флибустьеров", группы брошенных людей разных национальностей, французов, голландцев и англичан, которые подстерегали богатые галеоны Испании на пути из серебряных рудников Перу во дворцы Мадрида. Их жизнь была непрерывной чередой дерзких приключений, грабежей, массовых убийств и дикого разврата. Они были готовы к любой экспедиции и против любого врага. С ними ничего нельзя было поделаться, но с огромным количеством негритянских рабов, которые продавались на Мартинике и в других местах, было достаточно возможностей для апостольской работы. Это была самая отвратительная задача; белые считали их дьяволами, но Отцы заботились о них и отправили многих из них на небеса.

Именно с Антильских островов французские иезуиты отправились в Гвиану. Его обращение было предпринято в 1560 году двумя доминиканцами, но они оба приняли мученическую смерть почти сразу по прибытии. Никаких других попыток не предпринималось до конца следующего столетия, когда в 1643 году два капуцины попытались это сделать, но только для того, чтобы быть убитыми. Однако за четыре года до этого иезуиты Меланд и Пеллипрат вторглись в страну в другом месте и преуспели в усмирении диких галиби, которые особенно отличались свирепостью. В 1653 году Пеллипрат опубликовал грамматику и словарь своего языка; в следующем году были убиты Бакен и Гейму; затем голландцы завладели страной, изгнали иезуитов и уничтожили все следы католицизма. Тем не менее, позже миссионеры вернулись и возобновили свою работу с несговорчивыми туземцами. В 1674 году Грийе и Бешамель отправились в глубь страны, а позже за ними последовал Ломбард, который после пятнадцати лет героического труда воздвиг церковь в устье реки Куру к северо-западу от Кайенны. Там он трудился двадцать три года и в 1733 году смог сообщить своему коллеге-миссионеру де ла Невиллю: "Поскольку вы знакомы с непостоянством наших индейцев, вы, без сомнения, будете удивлены, услышав, что их непостоянство преодолено. Ужас, с которым они теперь относятся к своим прежним суевериям, их регулярность в частом приближении к таинствам, их усердие в оказании помощи при богослужении, глубокие чувства благочестия, которые они проявляют в смертный час, являются действительными доказательствами искреннего и прочного обращения".

История отца Грийе о взятии французского форта в Гвиане представляет интерес для чтения. Он вышел с гарнизоном навстречу англичанам, которые высаживались со своих кораблей, но французский командир был убит, а его люди бежали. Грийе вместе с некоторыми другими отправился в леса и болота внутренних районов страны, но в конце концов был схвачен под дулом пистолета. Ему было приказано отдать свои деньги, но поскольку у него их не было, он, вероятно, был бы убит, если бы группа английских офицеров не узнала в нем священника, который некоторое время назад оказал им какую-то услугу на Антильских островах. Они отвели его к губернатору лорду Уиллоуби, который оказал ему всяческое внимание. Интересно будет узнать, что эти джентльмены вели беседу со священником на французском и латыни. Когда корабль прибыл на Барбадос, Грийе поселили у шотландского джентльмена, чей зять был протестантским священником; "умный человек, хороший философ и сведущий в своей

теологии", - говорит Грийе. Они дружелюбно обсуждали религиозные вопросы, и в воскресенье священник с удовлетворением услышал, что пастор сказал своей пастве, как он "хотел бы, чтобы они так же сожалели о своих грехах, как католики, когда идут на исповедь".

Грийе прожил месяц у своих друзей-протестантов, лорд Уиллоуби время от времени навещал его. С Барбадоса его доставили на Монтсеррат, где "милорд, отпраздновав Рождество на десять дней позже, чем мы, - отмечает Грийе, - поскольку англичане не принимали григорианский календарь", передал его католическому полковнику йоркширского полка, который, наконец, доставил его в целостности и сохранности французскому губернатору де ла Барре. Это был тот самый де ла Барр, который впоследствии стал фигурой в истории Канады. Затем Грийе вернулся к своей старой миссионерской работе в Кайенне, поскольку англичане отказались от нее, и вместе с отцом Бешамелем отправился исследовать внутренние районы страны с целью создания будущих миссионерских учреждений. Не имея ничего, кроме небольшого количества маниокового хлеба, и никакого другого сопровождения, кроме негра и нескольких индейцев, они отправились в путешествие протяженностью 1920 миль по лесам и болотам, через горы и вниз по рекам, которые постоянно нарушались водопадами, только для того, чтобы найти, где живут индейцы, чтобы позже послать к ним миссионеров. Они отправились из Кайенны 25 января 1674 года и вернулись туда 27 июня. Вскоре после этого оба умерли.

На обоих берегах Ояпочи, на всем ее протяжении, были основаны миссии другими доблестными апостолами, которые, как рассказывает французский историк, осуществили гигантский проект объединения цепью станций обеих оконечностей Гвианы. Действительно, церковь на реке Куру была лишь эпизодом в этой работе. За одиннадцать лет до этого Арно д'Айма с боями пробился к пириу, самому отдаленному из всех известных племен. Там он жил, как дикари, в жалкой хижине, проводя среди них каждую минуту, изучая их язык и, в свою очередь, обучая их истинам спасения. Затем он основал миссию в Ояпоче, где собрал все племя каранес. Тем временем Д'Осийяк присматривал за туоийенами, мауриу и мараксонами на Уанари. До того времени, когда де Шуазель, министр Людовика XV, изгнал иезуитов из Гвианы, сто одиннадцать из них посвятили свою жизнь евангелизации этой страны.

Банделье, пишущий в "Католической энциклопедии" (IV-123), сообщает нам, что в районе, в котором находилась Картахена, "религиозные члены Общества Иисуса первыми в колониальный период основали колледжи для получения среднего образования; было открыто восемь или десять колледжей, в которых обучалась молодежь страны и сыновья испанцев. В иезуитском колледже Боготы было дано первое обучение физике и математике. После изгнания Карлом III иезуитов церковь в Новой Гранаде лишилась своей главной и наиболее эффективной помощи цивилизации страны.... По сей день путешественник может видеть последствия этого произвола на огромных равнинах области Казанаре, превращенных за одно столетие в пастбища для скота, но которые когда-то были источником огромного богатства, а могло бы быть и больше. Только за последние десять лет католическая церковь, благодаря миру и свободе, которыми она сейчас пользуется, вновь обратила свой взор на Казанаре; там был учрежден апостольский викариат, управляемый епископом ордена Св. Августин, который вместе с членами своего ордена трудится среди дикарей и полудикарей этих равнин".

Первые иезуиты, как мы уже говорили, прибыли в Мексику в сентябре 1572 года. Они были отправлены за счет короля, но поскольку он больше ничего не сделал, богатый благотворитель немедленно предоставил в их распоряжение свои деньги и выделил им участок под колледж и

церковь. Последнее было возведено с поразительной быстротой и за ничтожные деньги, ибо три тысячи индейцев, прослышавших, что Отцы собираются позаботиться об их духовном благополучии, трудились над ним в течение трех месяцев. Строение было заявлено как *тиу hermoso por dentro*, но о внешнем виде этого сказать было нельзя. Это было простое строение с соломенной крышей, долгое время известное под названием Джапалтеопан. Их колледж, на который ушло больше времени, назывался Сент-Ильдефонсо. Гвадалахара, Сакатекас и Оахака также стали центрами иезуитов, в то время как Чиуауа, Синалоа, Сонора, а позже и Нижняя Калифорния были их полями труда среди дикарей. Здесь можно отметить, что отец Санчес был одним из главных инженеров при строительстве туннеля Ночистонго, на котором было занято 471 154 человека. Целью работ было осушение долины Мехико.

Среди самых первых миссионеров Мексики был ирландский иезуит по имени Майкл Ваддинг, хотя среди испанцев он был известен как Мигель Годинес. Он родился в Уотерфорде в 1501 году, но его матерью была француженка по имени Мария Валуа. Он закончил учебу в Саламанке и, вступив в Общество 15 апреля 1609 года, в следующем году был отправлен в Мексику. Он долгое время трудился в грубых миссиях Синалоа и обратился к Веру все племя басирвас, а затем несколько лет преподавал в колледжах. Он был известен как наставник душ и написал "Теорию мистики", которая была опубликована только через сорок лет после его смерти; однако она компенсировала задержку, выдержав десять изданий. Его редактор Мануэль Ла Регера, S. J., говорит, что он также написал "Жизнь сестры Марии Иисусовой", святой монахини, которую он наставлял на путь совершенства.

Работа миссии иезуитов в Мексике, которая привлекла наибольшее внимание, - это работа отцов Кино, Сальватьерры, Угарте и их единомышленников. В основном они занимались евангелизацией полуострова Нижняя Калифорния и обширного северного района Мексики, известного как Пимерия, или земля индейцев пима, которая простиралась на территорию нынешнего штата Аризона. Достигнутый там успех и ресурсы "Благочестивого фонда", которые собрал Сальватьерра, сделали работу Хуниперо Серры и францисканцев в Верхней Калифорнии возможной в более поздние дни.

Гилмари Ши (Colonial Days, стр. 527) утверждает, что Эусебио Кино - один из величайших американских миссионеров. Многие историки утверждают, что он был немцем, и говорят, что его имя "Кино" было адаптацией Кюна. То, что это не так, показано Алегре в его "Истории иезуитов в Мексике"; Зоммервогелем в его "Библиотеке изгнанников" и Болтоном, который только что опубликовал давно утерянную "Автобиографию" Кино. Хьюберт Бэнкрофт выступает за Кюна, но публикует карту с автографом, подписанную "carta autoptica a Patre Eusebio Chino"; Хондер в "Католической энциклопедии" объявляет его немцем из Уэльского Тироля, но "уэльский" Тироль - это именно та часть страны, где нет немцев. Семья Чино все еще существует недалеко от Трента и никогда не говорила ни на чем, кроме итальянского. Изменение с *Ch* на *K* должно было быть сделано, чтобы испанцы не подумали, что он китаец; кроме того, *ch* в испанском, который всегда мягкий, не будет представлять итальянские буквы, когда они произносятся *k*.

Кино родился 10 августа 1644 года и вступил в Общество Иисуса в Баварии 20 ноября 1665 года. Впоследствии он преподавал математику в Ингольштадте и, занимая этот пост, подал заявление о приеме в зарубежные миссии. Он покинул университет в 1678 году, но добрался до Мексики только в конце 1681 года. Причиной задержки стало его назначение наблюдателем знаменитой

кометы 1680 и 1681 годов. В то время он жил в Кадисе, но опубликовал результаты своих наблюдений только после своего прибытия в Мексику. У книги очень знаменательное название, и она указана в *Sommervogel* как "Астрономическая экспозиция кометы", посвященная эпохе 1680 года, событиям Нового года и будущего, а также эпохе 1681 года, событиям Энергии и февраля, тому, что происходит в мире, и наблюдениям в Сьюдад-де-Кадисе П. Эусебио Франсиско Кино, компании Иисуса, лицензии в Мексике для Франсиско Родригеса". Луперсио, 1681." Возможно, это помпезное заявление было задумано как извинение за дерзость Кино, поставившего под сомнение выводы известного астронома того периода, который радовался имени и титулу дона Карлоса де Сигуэнса-и-Гонгора, регионального космографа и математика Мексиканской академии.

Попытка заселения Нижней Калифорнии была предпринята еще в 1535 году францисканцем, который высадился вместе с Кортесом в заливе Санта-Крус, недалеко от нынешнего Ла-Паса. "После года лишений, - говорит Энгельгардт, - которые обошлись знаменитому завоевателю в 300 000 долларов, от проекта пришлось отказаться. Еще одна попытка была предпринята в 1596 году, но миссия не продлилась и года. Почти столетие спустя, а именно в 1683 году, отцы-иезуиты Кино и Гони вместе с отцом Хосе Гихосой из ордена Святого Иоанна Богослова сопровождали адмирала Отондо в экспедиции в эту несчастную страну." Они погрузились на "*Limpia Concepción*" и "*San José y San Francisco Javier*" и отплыли 18 января. Их должен был сопровождать шлюп с провизией, но он так и не покинул порт. Плавание длилось до 30 марта, и в тот день они вошли в гавань Ла-Паса, но только 5 апреля адмирал ступил на берег, чтобы торжественно вступить во владение землей. Миссия, однако, длилась недолго; и, таким образом, Испании в третий раз не удалось основать пост в пустынной Нижней Калифорнии. Затем Кино подал заявление о приеме на работу среди индейцев пима. Его предложение было одобрено провинциалом, который немедленно отправил бы его туда, если бы не было предварительного разрешения правительства, а также королевского выделения средств. Ни одна из этих трудностей не смутила Кино; он немедленно побеседовал с вице-королем и был настолько красноречив в своей просьбе, что получил не только разрешение и финансовую помощь для работы в новой области, но и разрешение на любой пост, который он мог бы выбрать среди сери Соноры. Когда это было сделано, он отправился в Гвадалахару, где заседала королевская аудиенция, чтобы обратиться к ней по другому вопросу, который был очень близок его сердцу, а именно по отмене глупой политики принуждения обращенных индейцев к труду на шахтах и гасиендах, в то время как остальным, отказавшимся быть христианами, было позволено свободно передвигаться по Шотландии. Это придавало большое значение язычеству. Однако все, что он смог добиться от аудиенции, - это освобождение на пять лет, несмотря на то, что еще в 1607 году Филипп III постановил, что в течение десяти лет после крещения каждый новообращенный должен быть освобожден от обязательного труда. Тот же королевский приказ был возобновлен в 1618 году и наиболее точно соблюдался там, где не было шахт или гасиенд, где можно было бы задействовать новообращенных.

В 1764 году Пимерия была северной границей владений Испании, примерно в 400 лигах от города Мехико и примерно в 130 от Синалоа. На востоке горный хребет отделял его от Таурумари, а на западе Калифорнийский залив омывал его берега от реки Яки до Колорадо. Его северной границей была река Хила, или Хила, или Ксила, а южной - река Яки. По словам Алегри, "почва здесь богатая, дичи здесь предостаточно, таких как львы, тигры, медведи, олени, кабаны, кролики и белки. В лесах полно змей, ядовитых или других, но есть бесчисленные травы и растения", которые обладают удивительной целебной силой. Птиц было много, и "двуглавые

орлы, - уверяют читателя, - не были редкостью". В "Кино", насколько мы можем судить, нет упоминаний о "двуглавых орлах".

Люди были крепкими и дожили до глубокой старости, за исключением тех мест, где преобладали туманы низменности. Там случаются всевозможные болезни. Пимы состояли из нескольких племен, таких как опас, кокомарикопас, худкоаканы и юмы. Они жили по обе стороны реки Хила на ранчо, которые миссионеры объединили в пуэбло. Всего их было около 30 000 человек. Сери, которых находили вдоль побережья Мексиканского залива, в основном отождествляли с гиуамами. На севере жили дикие апачи.

Ни у кого из этих людей не было никаких средств для записи деяний прошлого, таких как мексиканские иероглифы, но они во многом опирались на определенные традиции, которыми отказывались делиться с незнакомцами. Насколько можно было установить, у них не было ни жертвоприношений, ни идолов, ни земли для поклонения, ни священников, кроме колдунов, на которых они смотрели с неподдельным ужасом. Татуировка вокруг глаз была повсеместной, даже для детей. При рождении вызывался своего рода спонсор ребенка, и ему давалось больше полномочий, чем родителю. После смерти все атрибуты и домашние пожитки усопшего были похоронены вместе с ним. Они верили в гадания, как древние греки и римляне, с той разницей, что исследуемое существо было не птицей, а омаром. По обочинам дорог были расставлены статуи и эмблемы, перед которыми каждый прохожий должен был оставить подношение. Алегре приводит длинный список их суеверий, некоторые из которых Бэнкрофт называет отвратительно непристойными. Посвящение в воины напоминало ужасный ритуал, распространенный среди северных манданов, а пытки пленных, даже маленьких детей, старыми скво были такими же дьявольскими, как и аналогичные обычаи у ирокезов.

Иезуитские миссии среди этих людей были открыты еще в 1637 или 1638 году отцом Кастано, которого Мендес обучал в округе Сонора, но секция Пима, в которую отправился сам Кино, была новой областью деятельности. Он назвал свой первый пост Нуэстра-Сеньора-де-лос-Долорес, и его можно найти на карте к северу от Кукурпе, у истока реки Хоркаситас или Сан-Мигель. Оттуда он развил зависимые станции, и до 1691 года у него было три в Сан-Игнасио, Ремедиосе и Сан-Хосе, в каждой из которых он построил прекрасную церковь.

"Работа, которую отец Кино выполнял как владелец ранчо или скотовод, - говорит Болтон, - сама по себе сделала бы его необычным бизнесменом и сделала бы достойным памяти. Он легко стал королем скотоводства своего времени и региона. Животноводческая отрасль, занимающая почти 20 мест на карте мира, обязана своим возникновением этому неутомимому человеку. И не следует предполагать, что он делал это ради личной выгоды, поскольку у него не было ни одного животного. Это должно было обеспечить продовольствием индейцев из созданных и подлежащих созданию миссий и дать этим миссиям основу экономического процветания и независимости. Таким образом, мы видим, как Саэта благодарит его за подаренные 115 голов крупного рогатого скота и столько же овец для открытия ранчо на Каборке. В 1700 году, когда был основан Сан-Ксавьер, Кино собрал 1400 голов крупного рогатого скота на ранчо своей собственной миссии в Долорес и, разделив их на стада, отправил одну из них под началом своего индейского надсмотрщика в Сан-Ксавьер. В том же году он забрал 700 голов крупного рогатого скота со своего собственного ранчо и отправил их в Сальватьерру, через залив в Лорето, — сделка, которая повторялась несколько раз".

Кино часто говорил с Сальватьеррой о провале попытки евангелизировать Нижнюю Калифорнию, за которую все еще цеплялось его сердце, и он предложил своему спутнику, что в качестве официального посетителя он мог бы предпринять еще одну попытку спасти несчастных людей, которые там жили. Он признал, что это правда, что страна настолько бесплодна, что не может обеспечивать себя самостоятельно, но он был убежден, что было бы легко доставить провизию из плодородной Пимерии голодающим калифорнийцам, если бы можно было построить корабль для перевозки на другую сторону залива всего, что может понадобиться будущим миссионерам и людям. Сальватьерра загорелся этой идеей и, прежде чем они расстались, приказал Кино построить барк в любой точке западного побережья Мексики, которую он выберет, и заверил его, что он сам будет продвигать проект всеми имеющимися в его распоряжении силами.

Только в 1694 году Кино предпринял попытку построить корабль. Тогда он был среди соба на берегу залива, и с ним были отец Кампо и капитан Мандже, последний из которых оставил дневник того путешествия. Он начал рубить лес 16 марта 1694 года, но ему сообщили, что Нижняя Калифорния - это не остров, а полуостров, и тогда он начал серию удивительных сухопутных путешествий, чтобы достичь устья залива. Его товарищ капитан Мандже рассказал ему о замечательных сооружениях на реке Хила, и он направил свои стопы туда. Говорят, что он отслужил мессу в самом большом из этих разрушенных зданий, знаменитом Каса Гранде. Он был четырехугольной формы и высотой в четыре этажа. Стропила были из кедра, а стены - из прочного цемента и каменной кладки. Он был разделен на различные отсеки, некоторые из них были достаточно просторными для большого скопления людей. В народе бытовала традиция, согласно которой предшественники Монтесумы построили его по пути с севера в южные страны, где они в конечном итоге и обосновались.

На расстоянии трех лье от этого Дома, на другом берегу реки, находятся руины другого здания, которое, по-видимому, было еще более роскошным. Действительно, руины в этом месте указывали бы на то, что когда-то здесь был не просто дворец, а целый город, и местные жители заверили миссионеров, что дальше к северу есть другие здания, которые поражают своей симметрией и расположением. Среди них был лабиринт, который, по-видимому, был домом удовольствий какого-то великого короля. Эскаваторы обнаруживали в различных местах, иногда на расстоянии нескольких лиг от этих огромных зданий, плиты различной формы и цвета, а в двух лигах от Каса-Гранде был найден бассейн водохранилища, достаточно большого, чтобы снабжать густонаселенный город и орошать плодородные равнины вокруг на большие расстояния; в то время как к западу находилась лагуна, которая опорожнялась узким шлюзом. Правильность круглой формы этой лагуны и ее довольно сжатые размеры наводили бы на мысль, что это дело рук человека, если бы не ее необычайная глубина. В твердой скале были вырублены отверстия, которые впоследствии были найдены достаточно большими, чтобы их можно было использовать как склады провизии для войск.

Однако эти руины, похоже, не слишком заинтересовали Кино. Были и другие руины, которые беспокоили его в то время. Его собственные миссии, казалось, грозили всеобщим разрушением. Его самого обвиняли в Мексике в передаче правительству ложной информации о его индейцах; их обвиняли в тайном союзе с апачами, которые разрушали страну и бросали вызов испанцам. Кино снова и снова отрицал правдивость этих обвинений, но ему не только не верили, но и выставляли заведомым лжецом.

29 марта 1695 года пимы из Тубутамы сожгли дом священника и церковь, осквернили священные сосуды, а затем, отправившись вниз по реке в Каборку, после убийства отца Саэты и осквернения церкви убили четырех служителей миссии. За ними были быстро отправлены вооруженные силы, которым удалось убить определенное количество человек в последовавшем сражении. Затем пятьдесят из них сдались под обещание неприкосновенности, но по прибытии в лагерь были зверски убиты. Затем войска поспешили в Кокосперу, полагая, что восстановили мир, но не успели они скрыться из виду, как пимы опустошили всю долину Тубутамы и разрушили все города на реке Сан-Игнасио. Где был Кино все это время? Спокойно ожидая, когда его убьют в Долорес. Он спрятал священные сосуды в пещере и стоял на коленях в молитве, ожидая удара томагавком или отравленной стрелы. Но никто не пришел. Он был слишком любим всеми индейцами, чтобы его хоть как-то ранили, даже в самом диком припадке ярости.

Конечно, испанцы в конечном итоге победили. Они разорили всю страну и вырезали дикарей до тех пор, пока все племя не было охвачено ужасом и вынуждено из-за голода или страха перед уничтожением просить мира. Под влиянием миссионеров было даровано всеобщее помилование, и затем работу по примирению краснокожих с ужасными белыми пришлось начинать заново. Когда Кино вернулся в Долорес, его народ встретил его с величайшим энтузиазмом. Приветствовать его вышли не только пимы, но и соба и собайпури. Они осыпали его подарками и давали всевозможные обещания хорошего поведения в будущем, а затем он приступил к восстановлению разрушенных ранчо. Однако, несмотря на это возвращение к нормальным условиям и значительное усиление своего влияния на индейцев, Кино все еще стремился посвятить себя возрождению деградировавших калифорнийцев, и он попросил, чтобы его связали с Сальватьеррой, который отправился туда в 1697 году, но из-за протеста пима мексиканское правительство категорически отказалось разрешить ему покинуть район, где его присутствие было так необходимо для мира.

После бесконечных путешествий вверх и вниз по стране, удовлетворяя материальные и духовные потребности своей паствы, но никогда не забывая о великом проекте достичь Нижней Калифорнии по суше, Кино, наконец, взобрался на гору Санта-Бригида и увидел совсем рядом с собой Калифорнийский залив с портом или бухтой, которая, поскольку находилась на широте около $31^{\circ} 36'$, должно быть, была тем, что древние космографы называли хребтом Санта-Клара. "С его вершины, - рассказывает сам Кино, - я ясно видел пляж в устье реки Колорадо, но из-за тумана на море я не мог разглядеть побережье Калифорнии". Однако в другой раз, а именно в 1694 году, он и Хуан Матес увидели другую сторону горы Назарен-де-Каборка, ниже по побережью. Оознавательный знак, оставленный Кино, заключался в том, что гора, на которой он стоял в 1698 году, когда-то была вулканом. Следы этого были повсюду вокруг него.

После этого Кино не смог продолжить свои исследования до устья реки. Его проводники и спутники отказались идти дальше, поэтому ему пришлось повернуть домой. Однако на обратном пути он утешился, обнаружив более "4000 душ", по выражению Алегре, "на ранчо, которые до тех пор были ему неизвестны. Он крестил около четырехсот младенцев и отправил небольшие подарки своим друзьям-индейцам вдоль рек Колорадо и Гила", или, как пишет "Кино", Хила. Приняв меры для будущих исследований, он отправился в Долорес, которой достиг 18 октября, преодолев путь в триста лиг. В 1699 году к нему присоединился его друг капитан Мандже, и они решили добраться до самого Колорадо и спуститься по течению до устья. Но им не удалось найти проводников, так как это была недружелюбная страна, и поэтому

разочарованные мужчины снова вернулись к Долорес. Кино был серьезно болен по прибытии, но в октябре снова встал на ноги, когда посетитель, отец Лил, захотел осмотреть страну. Чиновник не продвинулся дальше Бака, в то время как Кино и Мандже направились на запад, но далеко продвинуться им не удалось, и в ноябре они снова были в миссии.

24 сентября 1700 года Кино предпринял попытку проложить новый маршрут. Выйдя к Гиле к востоку от излучины, он проследовал по ее течению до страны Юма. Уладив ссору между юмами и их соседями, он взобрался на высокий холм, чтобы осмотреть окрестности, но увидел только землю. Затем он переправился на северный берег Хил с несколькими юма и направился к их главному ранчо, которое он назвал Сан-Дионисио, потому что прибыл туда в праздник этого святого, 9 октября. Там он поднялся на другую гору, и на этот раз он был вознагражден. Солнце садилось, когда он достиг вершины, но он ясно видел реку, текущую в десяти лигах к западу от Сан-Дионисио и, пройдя двадцать лиг к югу, впадающую в Персидский залив. С другого холма к югу перед его глазами открылись песчаные просторы Нижней Калифорнии. Однако замечательный старик еще не был удовлетворен. Он предпринял еще одну попытку и вместе с отцом Гонсалесом, новоприбывшим в миссии, повернул лицом на запад, добравшись до Сан-Дионисио через Сонойто, а оттуда спустился к Санта-Исабель. "С этого момента, - говорит Бэнкрофт (XV, стр. 500), - они оказались на новой территории. Спустившись вниз по реке, они достигли прилива 5 марта 1702 года, а 7-го - самого устья реки. На юге, западе и севере не было видно ничего, кроме земли. Конечно, они думали, что никакого эстремадуры быть не может, а Калифорния - это часть Америки".

По словам Клавиджеро, эти путешествия составили в общей сложности около двадцати тысяч миль. Это почти невероятно, но Болтон говорит нам, что "выносливость Кино в седле была достойна бывалого ковбоя". Таким образом, когда он отправился в город Мехико в 1695 году, он проделал в этом единственном путешествии не менее 1500 миль; и он проделал это за пятьдесят три дня. Два года спустя, когда он добрался до Гилы на севере, он преодолел семьсот или восемьсот миль за тридцать дней. В 1699 году во время своего путешествия в Хил и обратно он преодолел семьсот двадцать миль за тридцать девять дней; в 1700 году - тысячу миль за двадцать шесть дней; и в 1701 году - тысячу сто миль за тридцать пять дней. Ему было тогда почти шестьдесят лет.

Тем временем Сальватьерра с трудом создавал миссии по всему бесплодному полуострову, но был настолько обескуражен, что собирался вернуться в Мексику. В этот момент на место происшествия прибыл отец Хуан Угарте. Он был агентом Сальватьерры в Мексике по сбору средств, но когда услышал об угрожающем положении дел в Калифорнии, сам освободился от должности ректора в Сан-Грегорио и стал миссионером. На самом деле именно он спас все предприятие от разрушения. Он родился в Гондурасе примерно в 1660 году и вступил в Общество Тапозотклан. Как только он ступил на полуостров, он начал реорганизацию всей экономической системы миссий. Вместе со святым Павлом он верил, что человек, который не работает, не должен есть, и, следовательно, что благожелательный метод Сальватьерры кормить каждого дикаря, который приходил к "доктрине", или катехизису, был психологически, религиозно и экономически неправильным. Поэтому, когда он обосновался в Сан-Хавьере, он научил местных жителей обрабатывать землю, рыть каналы для орошения, сажать деревья, подстригать виноградные лозы и разводить домашний скот.

Конечно, дикари были удивлены новой системой, но хотя Угарте был очень добр, он был очень позитивен, а его физическая сила поражала и ужасала неофитов. В результате, в то время как другие миссии голодали, в Сан-Хавьере были кукурузные поля, богатые пастбища и большие стада крупного рогатого скота. Потребовалось много времени, чтобы сделать эту систему приемлемой повсюду на полуострове; когда она была принята, добиться успеха было трудно — даже собственные поля Угарте были опустошены, а его скот угнан. Действительно, в 1701 году условия стали настолько отчаянными, что Сальватьерра, наконец, решил покинуть Калифорнию и вернуться в Мексику. Угарте выступил против этого и заявил, что он никогда не сдастся, пока начальство не позовет его обратно. Чтобы показать, что он имел в виду то, что сказал, он пошел в церковь и дал обет на алтаре.

Как раз в тот момент, когда небо стало совсем темным, поступила информация, что Филипп V распорядился выделять миссиям 6000 песо в год. Однако первый платеж был произведен вице-королем с крайней неохотой. Но королевский пример стимулировал благочестие других, в результате чего маркиз Вильяпуэнте выделил поместье в размере 30 000 песо на три миссии; Ортега и его жена выделили 10 000; а другие друзья поспешили внести свои пожертвования. В 1704 году Сальватьерра отправился в Мексику, чтобы получить обычную субсидию. Он был рад, когда по прибытии ему сообщили, что он не только получит стипендию, но и что его величество распорядился снабдить церкви всем необходимым для богослужений, что в Калифорнии будет основана семинария, что президентский отряд из тридцати человек будет размещен на побережье для охраны галеона, своего рода миссионерского судна для перевозки провизии и исследований, и что к прежнему пособию будет добавлено 7000 песо в год. Это был великолепный пример королевской щедрости; однако не только ни один из этих королевских приказов не был выполнен, но даже первоначальный грант в размере 6000 песо собрать не удалось. "Можно справедливо утверждать, - говорит Бэнкрофт (XV, 432), - что калифорнийские миссии от начала до конца были основаны и поддерживались частными лицами, чьи объединенные пожертвования образовали то, что известно как Фонд Благочестия".

Сальватьерра отсутствовал в Калифорнии немногим более двух лет, занимая должность провинциала, "лестная честь, - говорит Бэнкрофт, - которую с радостью приняли бы большинство иезуитов". Однако еще до окончания своего срока он поспешил вернуться к труду в стране запустения, которой посвятил свою жизнь. Он продержался недолго и умер в 1717 году в Гвадалахаре. "Память о нем, - говорит Бэнкрофт, - не нуждается в панегириках; его деяния говорят сами за себя, и в свете их самые злейшие враги его религии или его Ордена не могут отрицать красоту его характера и бескорыстность его преданности Калифорнии. Весь город собрался на его похороны, и его останки были преданы земле в обстановке церемоний, которые редко можно увидеть при погребении иезуита".

Тем временем методам Угарте следовали и в других местах, кроме Сан-Хавьера, и им был придан новый импульс, когда он сменил Сальватьерру на посту верховного главнокомандующего. Должно быть, было трудно поддерживать заданный им темп; так, например, он использовал 40 000 тонн земли, чтобы проложить дорогу из Сан-Хавьера к одной из отдаленных миссий; он построил там водохранилище и перевез туда 160 000 тонн земли, чтобы разбить сад, и выполнил множество подобных работ. Он также очень хотел осуществить намерение Сальватьерры исследовать побережье, но его не удовлетворили устаревшие корабли, которые использовались до того времени — "изношенные и прогнившие старые корпуса, - сказал он, - годные только для того, чтобы топить в них иезуитов". Он решил построить

собственный корабль в Калифорнии в соответствии со своими собственными идеями. Для этой цели он нанял корабелов с другой стороны залива, где также предполагал добывать древесину. Но, услышав о каких-то больших деревьях в тридцати лигах выше Муледже, он отправился туда в 1718 году, чтобы осмотреть их. Он нашел деревья, но они росли в таких труднодоступных ущельях, что корабел заявил, что достать их невозможно.

Эта трудность не поколебала Угарте; он отправился в Лоретто и вернулся с тремя механиками и всеми индейцами, которых смог уговорить следовать за ним. После четырех месяцев напряженной работы он не только срубил все деревья и придавал им форму, но и проложил дорогу протяженностью тридцать лиг через горы и на волах и мулах доставил свой материал на побережье. Он построил свой "Крестный поход", как он это называл, за четыре месяца. Тем временем провинциалу сказали, что его собираются использовать для ловли жемчуга, и он послал предполагаемому виновнику очень резкое письмо. Без сомнения, он загладил вину, когда его обманули. "Триумф креста" предназначался не для перевозки груза жемчуга, а для исследования верхней части залива, чтобы осуществить мечту Кино и Сальватьерры.

Добрый корабль покинул Лоретто 15 мая 1721 года с двадцатью людьми, шестеро из которых были европейцами, капитаном был Уильям Стаффорд. За ним последовала "Санта-Барбара", большая открытая лодка, на борту которой находились пятеро калифорнийцев, два китайца и яки. Свою первую высадку они совершили в заливе Консепсьон, а затем, пробравшись вдоль берега на север, пересекли залив Санта-Сабина и Сан-Хуан-Баутиста на побережье Сери. Вид креста на носовом шпиле привел туземцев в восторг и заверил путешественников в радушном приеме. Следующей остановкой был Тайбюрон, и, находясь там, Угарте почувствовал, что силы покидают его; но, несмотря на свой шестьдесят один год, он продолжил свое плавание и направился на "Триумфе" к устью Колорадо, в то время как "Санта-Барбара" прижималась к берегу. Тем временем несколько человек были высажены и отправлены на ближайшую миссию. Они нашли тропу на Каборку, и вскоре иезуиты этого места и Сан-Игнасио поспешили вниз с провизией для путешественников.

Пока "Санта-Барбара" грузилась, "Триумф" чуть не сел на мель в устье реки, поэтому было решено переправиться на другой берег, которого они достигли только после тяжелого трехдневного плавания. Там их встретила "Санта-Барбара", и оба корабля направились на север, пересекая залив снова и снова, пока, наконец, не бросили якорь в устье реки на стороне Пимерии. Поговаривали о том, чтобы подняться вверх по течению, но положение корабля в сильном течении было опасным, погода угрожала, и, кроме того, Угарте достиг своей цели: он увидел реку из залива и добавил убедительное доказательство к утверждению Кино о том, что Калифорния - полуостров. 16 июля они отправились на юг; шторм, которого они опасались, разразился над ними, и шлюп чуть не пошел ко дну. Моряки, которые почти все были больны цингой, запутались в проливе Сальсипуэδες, и только 18 августа они расчистили этот проход, так метко названный "Выбирайся, если сможешь". Но тройная радуга в небе в тот день успокоила их, точно так же, как их подбадривали, когда огонь Святого Эльма играл вокруг верхушки мачты во время шторма. Но они еще не были свободны. Их настиг очередной шторм, и им было очень трудно увернуться от водяного смерча, но в сентябре они наконец добрались до Лоретто.

Помимо своей первоначальной цели, результатом этого путешествия стало получение большого количества ценной информации о берегах, портах, островах и течениях Верхнего

залива. Первоначальный отчет о путешествии с картами и дневником, который вел Стаффорд, был отправлен вице-королю для короля, но Бэнкрофт говорит, что их не удалось отследить. Угарте прожил всего восемь лет после этого богатого событиями путешествия. Пиколо, первый компаньон Сальватьерры, сошел в могилу раньше него, скончавшись 22 февраля 1729 года в возрасте 79 лет, тогда как дело всей жизни Угарте не прекращалось до следующего 29 декабря. Возможно, Нижняя Калифорния обязана ему больше, чем великой Сальватьерре.

Классическим примером влияния невежества на создание многих ложных утверждений истории является публикация об этих миссиях в "Монреаль газетт" за 1847 год под названием "Воспоминания монсеньора Дж. Бланше. Неудачу иезуитов в Нижней Калифорнии, - говорит он, - следует отнести за счет их нежелания установить иерархию в этой стране. Если бы они были так настроены, у них мог бы быть митрополит и несколько суффражисток на полуострове. Им не удавалось этого сделать, пока, наконец, в 1767 году из великодушной Испании не пришло сообщение передать их работу кому-то другому ". Во-первых, у "великодушной Испании" не было ни малейшего желания устанавливать иерархию на этом бесплодном перешейке, когда она изгнала иезуитов в 1767 году. Опять же, поскольку "щедрая Испания" назначала ризничих даже в самых отдаленных своих колониях, Общество должно быть оправдано от всех обвинений в том, что оно не предоставило всю иерархию Нижней Калифорнии. Наконец, прошло сто пятьдесят один год с тех пор, как последние иезуиты покинули Мексику и Нижнюю Калифорнию, а там до сих пор ничего нет, кроме маленького апостольского викариатства Ла-Пас на нижней оконечности полуострова.

Описывая работу иезуитов в Мексике, Бэнкрофт (XI, 436) пишет следующее: "Не обсуждая существа выдвинутых против них обвинений, следует признать, что служение Богу в их церквях было благоговейным и достойным. Они распространяли образование среди всех классов, их библиотеки были открыты для всех, и они постоянно обучали туземцев религии в ее истинном духе, а также способам честного заработка на жизнь. Среди наиболее заметных сторонников этого последнего утверждения - жители Наярита, Соноры, Синалоа, Чиуауа и нижней Калифорнии, где их усилия по обращению местных жителей были отмечены настойчивостью и бескорыстием, соединенными с любовью к человечеству и молитвой. Если бы иезуитов оставили в покое, сомнительно, что испано-американская провинция восстала бы так скоро, поскольку они были преданными слугами короны и имели большое влияние среди всех классов — слишком большое, чтобы удовлетворить королевскую власть, но такое, которое, в конце концов, могло бы спасти королевскую власть в этих краях ". Действительно, когда Общество было восстановлено в 1814 году, Испания уже потеряла почти все свои американские колонии. Наказание быстро последовало за преступлением.

Хотя Мексика и Филиппины географически далеки друг от друга, тем не менее в церковном плане они зависели друг от друга. Легаспи, вступивший во владение островами в 1571 году, построил свой флот в Мексике, а также набрал там своих моряков. Андрес де Урданета, первый апостол Филиппин, был монахом-августинцем в Мексике, который сопровождал Легаспи в качестве его капеллана. Через двадцать лет после этой экспедиции иезуиты построили свой первый дом в Маниле, и отец Санчес, который был, как мы уже говорили, одним из надзирателей великого туннеля, был направлен настоятелем из Мексики в Манилу. Один из его товарищей, Седеньо, был миссионером во Флориде, и именно он открыл первую школу на Филиппинах и основал колледжи в Маниле и Себу. Он научил филиппинцев резать камень и замешивать строительный раствор, ткать ткани и шить одежду. Он привез художников из Китая,

чтобы научить их рисовать, и воздвиг первое каменное здание на Филиппинах, а именно кафедральный собор, посвященный в честь Непорочного Зачатия Пресвятой Девы. Его религиозный настоятель, отец Санчес, тем временем приобрел такое влияние в Маниле, что в 1585 году был избран единогласным голосованием всех колонистов для того, чтобы отправиться улаживать дела колонии с Филиппом II и папой римским. Он привез с собой в Европу филиппинского мальчика, который по возвращении на родину вступил в Общество и, таким образом, стал первым филиппинским иезуитом.

Колледж и семинария Сан-Хосе были основаны в Маниле в 1595 году. Он все еще существует, хотя и больше не находится в руках Общества; будучи старейшим из колледжей Архипелага, королевским указом ему был присвоен приоритет над всеми другими учебными заведениями. За первые сто лет своей образовательной жизни он насчитывал среди своих выпускников восемь епископов и тридцать девять иезуитов, из которых четверо стали провинциалами. Также на скамьях заседали одиннадцать будущих августинцев, восемнадцать францисканцев, три доминиканца и тридцать девять представителей светского духовенства. Университет Св. Игнатий, который открыл свои первые классы в 1587 году, был утвержден папским университетом в 1621 году и королевским университетом в 1653 году. Помимо этих учреждений, у Общества была резиденция в Мекато и колледж в Кавите, а также знаменитое святилище Антиполе. Они также основали приходы Санта-Крус и Сан-Мигель в Маниле.

Франция начала свою колонизацию в Северной Америке с поселения Акадия в 1603 году. Де Мон, который отвечал за это, был гугенотом, и, как ни странно, ему было поручено продвигать интересы католицизма в колонии. Половина поселенцев были кальвинистами, а другая половина католиками, более или менее зараженными ересью. К ним был приставлен священник по имени Жозуэ Флеше; он крестил индейцев без разбора, позволяя им оставаться такими же ревностными многоженцами, какими они были раньше. Двум миссионерам-иезуитам, Пьеру Биару и Энемонду Массе, которых в конце концов принудили к переселению колонисты, пришлось уйти, и затем, в 1613 году, они отправились туда, что сейчас известно как Маунт-Дезерт, в штате Мэн, но это поселение было почти сразу же разрушено английским пиратом из Вирджинии. Двое иезуитов были приговорены к повешению в тамошней английской колонии, но благодаря шторму, который унес их через Атлантику, они смогли после серии романтических приключений добраться до Франции, где их обвинили в том, что они побудили англичан разрушить французское поселение Акадия.

Тем временем Шамплен, обосновавшийся в Квебеке в 1608 году, в 1615 году привез сюда нескольких монахов-реколлектов. Только в 1625 году отец Массе, находившийся в Акадии, приехал в саму Канаду вместе с отцами де Бребефом, Шарлем Лалеманом и двумя братьями-мирянами. За исключением Бребефа, все они остались в Квебеке, в то время как он с Recollect La Roche d'Aillon отправился в страну гурунов, в регион, граничащий с тем, что сейчас называется Джорджиан-Бэй, к северу от нынешнего города Торонто. Реколлект вернулся домой после короткого пребывания, и Бребеф оставался там один до падения Квебека в 1629 году. Поскольку теперь англичане были во власти, всякая надежда продолжить свою миссионерскую работу была оставлена, и священники с братом вернулись во Францию. Канада, однако, была возвращена своим первоначальным владельцам в 1632 году, и Ле Женя и Даниэль, за которыми вскоре последовали Бребеф и многие другие, отправились в страну гурунов проповедовать евангелие дикарям. Гуруны были выбраны потому, что они жили в деревнях, и их было легче

проповедовать евангелие, в то время как алгонкины-кочевники на данный момент были почти безнадежны.

Миссии гуронов продолжались шестнадцать лет. В 1649 году племя было полностью уничтожено их непримиримыми врагами, ирокезами, - катастрофа, которая неизбежно произошла бы, даже если бы ни один миссионер никогда не посетил их. Приход иезуитов в то конкретное время, казалось, был направлен не на что иное, как на помощь в предсмертных муках племени. Об ужасных страданиях этих первых миссионеров часто рассказывали как протестантские, так и католические писатели. Однажды, ожидая всеобщей резни, они сидели ночью в своей хижине и писали прощальное письмо своим братьям; но по той или иной причине дикари передумали, и работа евангелизации продолжалась некоторое время. Тем временем Бребеф и Шомоно в середине зимы добрались до озера Эри и, преодолев все расстояние от Ниагарского водопада до реки Детройт, наметили места для будущих миссий. Джогус и Реймбо, отправившись в другом направлении, отправились к озеру Верхнее, чтобы встретиться с несколькими тысячами оджибвеев, которые собрались там, чтобы послушать о "молитве".

Первая крупная катастрофа произошла 3 августа 1642 года. Жог был схвачен недалеко от Трех рек, когда он направлялся из Квебека с припасами для голодающих миссионеров. Его ужасно изуродовали и увезли в страну ирокезов, где он оставался пленником в течение тринадцати месяцев, ежеминутно испытывая самые ужасные духовные и телесные страдания. Его спутник Гупиль был убит, но Жог в конце концов удалось сбежать с помощью голландцев в Олбани, и по прибытии в Нью-Йорк в середине зимы его отправили через океан, после чего он, наконец, добрался до Франции. Однако он вернулся в Канаду, и в 1644 году был отправлен обратно в качестве миротворца на свое старое место заключения. Именно во время этого путешествия он дал название озеру Святого Причастия тому, что сейчас называется озером Джордж. В 1646 году он снова вернулся в то же место в качестве миссионера, но он и его спутник Лаланд были убиты; причина убийства заключалась в том, что Жог был маниту, который навлек бедствие на ирокезов. Два других иезуита, Брессани и Понсе, были жестоко замучены на том самом месте, где был убит Жог, но были освобождены.

В 1649 году ирокезы в большом количестве пришли в Джорджиан-Бей, чтобы покончить с гуронами. Даниэль, Гамье и Шабанель были убиты, а Бребефа и Лалемана подвели к столбу и медленно сожгли заживо. Во время пыток индейцы отрезали куски мяса от тел своих жертв, лили им на головы обжигающую воду в насмешку над крещением, вырезали на их теле крестное знамение, воткнули им в горло раскаленные прутья, подложили в глаза горящие угли, вырвали сердца и съели их, а затем в ликовании танцевали вокруг обугленных останков. Эта двойная трагедия Бребефа и Лалемана произошла 16 и 17 марта 1649 года. После этого гуроны были рассеяны по всей стране и исчезли из истории как отдельное племя.

Еще в 1650 году встал вопрос о епископе для Квебека. Королева-регентша Анна Австрийская, совет по церковным делам и Общество Новой Франции - все они написали Генеральному викарию Общества с просьбой назначить иезуита. Тремя наиболее заметными Отцами были Рагено, Шарль Лалеман и Ле Жени. Все трое отказались от этой чести, и отец Никель написал просителям, что принятие таких церковных почестей противоречит правилам Ордена. Избитое обвинение в предполагаемой оппозиции иезуитов учреждению епископства уже тогда было на первом плане в Америке. Сопровержением виртуозно справляется Рошмонт (Les Jésuites et la

Nouvelle France, I, 191). Кстати, преобладающее подозрение, что иезуиты постоянно превозносят друг друга, будет развеяно при чтении текста автора и примечаний к характеристикам трех кандидатов, которые не подходили им для этой должности. "Молодой человек, - говорит он, - был бы непригоден, потому что он был обращенным протестантом, который так и не избавился от недостатков своего раннего образования". Имя Лавала было присвоено только в 1658 году.

Тем временем в 1654 году усилиями отца Ле Мойна, которому был установлен памятник в городе Сиракузы, в самой стране ирокезов была основана линия миссий. Он простирался вдоль всего Могавка от Гудзона до озера Эри. Многие ирокезы были обращены, такие как Гарагонтия, Горячий Пепел и другие, самой известной из которых была индианка Тегаквита, бежавшая от могавков в Каунавагу, поселение на берегу Святого Лаврентия напротив Лачина, которое Отцы основали для новообращенных ирокезов. Летопись ее жизни свидетельствует о том, что она была удостоена чудесных сверхъестественных милостей. Эти нью-йоркские миссии были окончательно разрушены глупостью и предательством двух губернаторов Квебека, де ла Барра и де Денонвиля, а также англичанами-протестантами, которые оспаривали право собственности на эту территорию у французов. К 1710 году в Нью-Йорке больше не было миссионеров, за исключением случайного посетителя, который прокрадывался сюда, переодевшись индейцем, чтобы навестить свою рассеянную паству. С Донганом, английским губернатором Нью-Йорка, во время его короткого пребывания на этом посту были три иезуита, но они никогда не покидали остров Манхэттен в поисках индейцев.

Затем внимание было обращено к алгонкинам, и сохранились замечательные свидетельства героических миссионерских усилий на всем протяжении реки Святого Лаврентия от залива до Монреаля и вплоть до Северных регионов. Альбанель достиг Гудзонова залива, а Бутэ был убит в верховьях реки Сен-Морис, выше Трех рек. За оттавами на Западе тоже присматривали, и Гарро был застрелен за Монреалем по пути в их страну, которая лежала вдоль реки Оттава, вокруг острова Макино и в районе Грин-Бэй. Героический старик Менар погиб в далеких болотах Висконсина; Аллуэз и Даблон путешествовали повсюду по берегам озера Верхнее; в Су-Сент была основана большая миссионерская станция. Мари и Маркетт со своим спутником Джолиетом спустились по Миссисипи в Арканзас и уверили мир, что Великая река изливает свои воды в Мексиканский залив. Статуя в Капитолии Вашингтона увековечивает это достижение и была продублирована в других местах.

Беатификация Жога, Бребефа, Лалемана, Даниэля, Гамье, Шабанеля и двух *донне*, Гупия и Лаланда, в настоящее время рассматривается в Риме. Их героические жизни, а также жизни их сподвижников дали начало обширной литературе, даже среди протестантских писателей, но наиболее тщательно посвященная им дань уважения представлена монументальным трудом, состоящим из писем, отправленных этими апостолами Веры своему настоятелю в Квебеке и известным во всем мире как "Отношения иезуитов". Она состоит из семидесяти трех томов по октаво, публикацией которых занималась протестантская компания в Кливленде. (См. Кэмпбелл, "Священники-первопроходцы Северной Америки".)

25 марта 1634 года отцы-иезуиты Уайт и Элтем высадились вместе с Леонардом Калвертом, братом лорда Балтимора, на острове Святого Клементя в Мэриленде. С ними были двадцать "джентльменов-авантюристов", все из которых, возможно, за одним исключением, были католиками. Они привезли с собой двести пятьдесят механиков, ремесленников и

чернорабочих, которые в значительной части были протестантами. Им потребовалось четыре месяца, чтобы добраться из Саутгемптона, и по пути сюда все религиозные дискуссии были запрещены. Индейцы любезно приняли их, и вигвам вождя был передан священникам. Отец Уайт немедленно приступил к составлению катехизиса в Патуксенте, и со временем многие члены племени были обращены в эту Веру, как и ряд колонистов-протестантов. Помимо этого, было выполнено очень мало миссионерской работы, поскольку все усилия в этом направлении были сведены на нет неким Льюгером, бывшим протестантским священником, который был главным советником Калверта. Соседняя колония Вирджиния, отличавшаяся крайней ожесточенностью в своем протестантизме, немедленно начала создавать проблемы. В 1644 году Ингл и Клейборн совершили высадку в колонии на судне, получившем соответствующее название "Реформация". Они захватили и сожгли церковь Святой Марии, разграбили и разрушили дома и часовни миссионеров и отправили отца Уайта в цепях в Англию, где он должен был быть предан смерти по обвинению в том, что он "вернувшийся священник". Поскольку он смог доказать, что "вернулся" вопреки своему желанию, его уволили.

Позже Калверт вернул себе свое имущество, а затем между ним и миссионерами начались разногласия из-за какой-то земли, подаренной им индейцами. В 1645 году было подсчитано, что колонистов насчитывалось от четырех до пяти тысяч, три четверти из которых были католиками. За ними ухаживали четыре иезуита. В 1649 году был принят знаменитый Закон о всеобщей веротерпимости, предписывающий, что "никто, верующий в Иисуса Христа, не должен подвергаться насилию в своей религии". В то время в Виргинии произошло обратное, и несколько непокорных пуритан из этой колонии воспользовались гостеприимством Мэриленда, и почти сразу же, а именно в 1650 году, они отменили этот Закон и приказали, чтобы "никто, кто исповедует папистскую религию, широко известную как римско-католическая, не мог быть защищен в Провинции". Вследствие этого трое иезуитов были вынуждены бежать в Виргинию, где они скрывались два или три года. В 1658 году лорд Балтимор снова взял власть в свои руки, и Закон о веротерпимости был вновь введен в действие. В 1671 году население увеличилось до 20 000 человек, но в 1676 году произошло еще одно протестантское восстание, и английские уголовные законы были применены против католического населения. В 1715 году Чарльз, лорд Балтимор, умер. До этого его сын Бенедикт отступил и был лишен наследства. Он умер через несколько месяцев после своего отца. Сын Бенедикта Чарльз, который также был перебежчиком, был назначен королевой Анной лордом-владельцем и сделал ситуацию настолько невыносимой для католиков, что они всерьез рассматривали возможность покинуть Мэриленд и всем скопом переселиться во французскую колонию Луизиана. На самом деле многие уехали на Запад и обосновались в Кентукки.

Об иезуитах и их пастве в Мэриленде Бэнкрофт пишет: "Съезд ассоциации защиты протестантской религии принял правительство и в обращении к королю Вильгельму осудил влияние иезуитов, распространенность папистского идолопоклонства, попустительство предыдущего правительства убийствам протестантов и опасность заговоров с французами и индейцами. Римские католики в стране, которую они выбрали с католической щедростью не только как собственное убежище, но и как убежище для каждой преследуемой секты, задолго до того, как Локк призвал к терпимости, а Пенн - к свободе вероисповедания, были единственными жертвами протестантской нетерпимости. Мессу нельзя было проводить публично. Ни один католический священник или епископ не мог бы убеждающим голосом говорить о своей вере. Ни один католик не мог бы учить молодежь. Если своенравный ребенок католика становился вероотступником, закон отнимал у его родителей долю их имущества.

Лишение права Собственности относилось к его вероучению, а не к его семье. Таковы были методы, принятые для предотвращения роста папизма. Кто скажет, что вера образованного человека тверже веры простых людей? Кто скажет, что многие непостоянны; что вождь тверд? Чтобы вернуть себе власть по наследству, Бенедикт, сын Собственника, отрекся от католической церкви ради церкви Англии, но преследования так и не сокрушили веру скромных колонистов".

Масштабы иезуитских миссий на территории нынешних Канады и Соединенных Штатов можно оценить, взглянув на замечательную карту, недавно опубликованную Фрэнком Ф. Симэном из Кливленда, штат Огайо. На нем указаны все места расположения миссий, начиная с испанских постов во Флориде, Джорджии и Вирджинии, начиная с 1566 года. Миссии французских отцов более многочисленны и простираются от Мексиканского залива до Гудзонова залива и на запад до Великих озер и Миссисипи. Здесь указаны не только места проведения миссии, но и места обитания различных племен, пути передвижения и самые дальние достижения "томагавка". Строки, начинающиеся с Квебека, показывают источник всего этого колоссального труда.

ГЛАВА XI КУЛЬТУРА

Колледжи — Их популярность — Доходы — Характер образования: Классика; Наука; Философия; Искусство — Выдающиеся ученики — Поэты: Саутвелл; Бальде; Сарбиевиус; Страда; Фон Шпее; Грессе; Беши. — Ораторы: Виейра; Сегнери; Бурдалу. — Писатели: Исла; Рибаденейра; Скарга; Бухур и др. — Историки — Публикации — Ученые и исследователи — Философы — Богословы — Святые.

Чтобы избежать подозрений в каком-либо желании самовосхваления при описании достижений Общества в нескольких областях деятельности, особенно в области науки, литературы и образования, будет безопаснее цитировать источники извне, особенно из недружественных источников. К счастью, под рукой имеется достаточно материала для этой цели. Бемер-Моно, например, в "Les Jésuites" на удивление щедро перечисляет образовательные учреждения, которыми когда-то обладало Общество по всей Европе, хотя их объяснение этого феномена оставляет желать лучшего. В 1540 году, по их словам, "орден насчитывал всего десять постоянных членов и не имел постоянного места жительства. В 1556 году в нем уже было двенадцать провинций, 79 домов и около 1000 членов. В 1574 году эти цифры возросли до семнадцати провинций, 125 колледжей, 11 послушничеств, 35 других учреждений различного рода и 4000 членов церкви. В 1608 году насчитывалась тридцать одна провинция, 306 колледжей, 40 послушничеств, 21 дом исповеди, 65 резиденций и миссий и 10 640 членов церкви. Восемь лет спустя, то есть через год после смерти своего прославленного генерала Аквививы, Общество насчитывало тридцать две провинции, 372 колледжа, 41 послушника, 123 резиденции, 13 112 членов. Десять лет спустя, а именно в 1626 году, насчитывалось тридцать шесть провинций, 2 вице-провинции, 446 колледжей, 37 семинарий, 40 послушничеств, 24 дома исповеди, около 230 миссий и 16 060 членов. Наконец, в 1640 году статистика показала тридцать пять провинций, 3 вице-провинции, 521 колледж, 49 семинарий, 54 послушничества, 24 дома исповеди, около 280 резиденций и миссий и более 16 000 членов".

Прежде чем привести эти "холодные статистические данные" в том виде, в каком они описаны, авторы провели своих читателей по различным странам Европы, где это образовательное влияние имело место. "Италия, - сообщают нам, - была местом, где Общество получило свою программу и конституцию и откуда оно распространило свое влияние за границу. Его успех в этой стране был поразительным, и если образованные итальянцы вернулись к обычаям и Вере Церкви, если он был вдохновлен рвением к аскетизму и миссионерству, если он поставил перед собой задачу сочинять религиозные стихи и гимны Церкви и посвящать религиозному идеалу, как бы восстанавливая прошлое, кисти своих художников и резцы своих скульпторов, разве это не плод воспитания, которое образованные классы получали от иезуитов в школах и исповедальнях? Португалия была второй родиной Общества. Там он быстро акклиматизировался. Действительно, страна одним махом перешла в руки Ордена; в то время как Испанию нужно было завоевывать шаг за шагом. Это встретило противодействие испанской королевской семьи, высшего духовенства, доминиканцев. Карл V не доверял им; Филипп II пытался превратить их в политическую машину, а некоторые из главных епископов были опасными врагами, но в семнадцатом веке Общество завоевало власть над высшими классами и двором, и вскоре в Испании насчитывалось девяносто восемь колледжей и семинарий, богато обеспеченных, три дома исповедания, пять послушничеств и четыре резиденции, хотя население страны в то время едва составляло 5 000 000 человек.

"Во Франции несколько ученых-иезуитов появились в университете в 1540 году. Суды, духовенство, парламент и почти все ученые общества отнеслись к ним неодобрительно. Только в 1561 году, после знаменитого Коллоквиума в Пуасси, Общество получило юридическое признание и было разрешено преподавать, а в 1564 году в нем было уже десять заведений, среди которых несколько колледжей. Один из колледжей, Клермонский, стал соперником Парижского университета, и у Малдоната, преподававшего там, на его лекциях слушали тысячу учеников. В 1610 году во Франции было пять провинций с тридцатью шестью колледжами, пятью послушничествами, одним духовным домом, одной миссией и 1400 членами. В "Ла Флеше", основанном Генрихом IV, было 1200 учеников. В 1640 году Общество во Франции насчитывало шестьдесят пять колледжей, две академии, две семинарии, девять школ-интернатов, семь послушничеств, четыре дома исповеди, шестнадцать резиденций и 2050 членов.

"В Германии Канисий основал школу-интернат в Вене с бесплатным питанием для бедных учеников еще в 1554 году. В 1555 году он открыл большой колледж в Праге; в 1556 году - два других в Ингольштадте и Кельне соответственно, и еще один в Мюнхене в 1559 году. Все они были основаны мирянами, поскольку, за исключением кардинала Трюхсесса Аугсбургского, все епископство поначалу было настроено враждебно по отношению к Ордену. В 1560 году они нашли в иезуитах свою лучшую поддержку, а в 1567 году у Отцов было тринадцать богато оснащенных школ, семь из которых находились в университетских городах. Немецкий колледж, основанный Игнатием в Риме, тем временем наполнял Германию преданными и образованными священниками и епископами, и между 1580 и 1590 годами протестантизм исчез из Тревеса, Майнца, Аугсбурга, Кельна, Падер-Борна, Мюнстера и Хильдесхайма. Швейцария подарила им Фрибург в 1580 году, в то время как в Лувене был свой колледж двадцатью годами ранее.

"В 1556 году восемь отцов Церкви и двенадцать схоластов выступили в Ингольштадте в Баварии. Яд ереси был немедленно изгнан, и старая Церковь обрела новую жизнь. Превращение было настолько поразительным, что казалось бы опрометчивым приписывать его этим

немногочисленным незнакомцам; но их сила была обратно пропорциональна их численности. Они захватили сердце и голову страны, от двора и местного университета до народа; и на протяжении веков они занимали это положение. After Ingolstadt came Dillingen and Würzburg. Мюнхен был основан в 1559 году, а в 1602 году в нем обучалось 900 учеников. Иезуитам удалось превратить двор в женский монастырь, а Мюнхен - в немецкий Рим. В 1597 году им было поручено руководство всеми начальными школами страны, и они основали новые колледжи в Алтоэтинге и Миндельхайме. В 1621 году пятьдесят из них отправились в Верхний Пфальц, который был полностью протестантским, и за десять лет они основали четыре новых колледжа.

"В Штирии, Каринтии и Карниоле в 1571 году от старой церкви почти не осталось следов. В 1573 году иезуиты основали колледж в Граце, и число прихожан в этом городе немедленно возросло с 20 до 500. Двенадцать лет спустя колледж был преобразован в университет, а в 1602 и 1613 годах были открыты новые колледжи в Клагенфурте и Леобене. В Богемии и Моравии у них были не все средние школы, но двадцать колледжей и одиннадцать семинарий, которыми они управляли в 1679 году, доказали, что, по крайней мере, высшее образование и подготовка духовенства были полностью в их руках, а семь учебных заведений и колледжей на северной границе с лютеранской Саксонией дали понять, что они полны решимости защитить Богемию от яда ереси ". Автор жалуется, что они даже осмелились вытеснить "святого Яна Гуса" из его ниши и поставить на его место святого Иоанна Непомуцена, "который был в лучшем случае жалкой жертвой и ни в коем случае не святым". Переводчик Бемера, Моно, добавляет здесь примечание, чтобы проинформировать своих читателей о том, что иезуиты придумали легенду о святом Иоанне Непомуцене и побудили Бенедикта XIII канонизировать его.

Наконец, мы добираемся до Польши, где нам сообщают, что "иезуиты пользовались невероятной популярностью. В 1600 году в Полоцком колледже обучалось 400 студентов, все они были дворянами; в Вильно - 800, в основном принадлежавших к литовской знати, а в Калише - 500. Пятьдесят лет спустя все высшее образование было в руках Ордена, и Игнатий стал, в буквальном смысле, *прецептором Полонии*, а Польша - классической страной королевской учености на севере, как Португалия на юге.

"В Индии было девятнадцать колледжей и две семинарии; в Мексике - четырнадцать колледжей и две семинарии; в Бразилии - тринадцать колледжей и две семинарии; в Парагвае - семь колледжей", и авторы могли бы добавить, что в Квебеке был колледж, который предшествовал знаменитому пуританскому учреждению Гарварда в Новой Англии и который был построен не "на прибыль от торговли мехами", как говорит Ренодо в Сборнике Марджри, а на наследство схоласта-иезуита.

Ознакомив своих читателей с этим великолепным списком учебных заведений, задаются вопросом: "Как мы можем объяснить этот невероятный успех Ордена как преподавательской организации? Если мы должны верить заклятым врагам иезуитов, то это потому, что они преподавали безвозмездно и, таким образом, уморили голодом законных преемников гуманистов. Это могло бы в какой-то мере объяснить ситуацию, говорят они, особенно в южной Италии, где дворянин всегда находится по соседству с лаццароне, но это никоим образом не объясняет, как так много князей и муниципалитетов выделяли такие огромные средства на поддержку этих школ; ведь в католических странах были и другие ордена, столь же строго ортодоксальные, как иезуитский. Нет; главную причину их успеха следует отнести к превосходству их методов. Прочтите педагогические указания Игнатия, великие

схоластические постановления Аквавивы и свидетельства современников, и вы осознаете славу Лойолы как педагога. Расширение поистине поразительно; от скромной ассоциации студентов до всемирной державы, которая в конечном итоге стала такой же универсальной, как Церковь, за которую она боролась; но превосходящей ее по сплоченности и скорости действий - мировой державы, влияние которой ощущалось не только по всей Европе, но и в Новом Свете, в Индии, Китае, Японии; мировой державы, на службе которой работают, движимые тем же духом, представители всех рас и всех наций: итальянцы, испанцы, португальцы, французы, немцы, англичане, поляки и греки, арабы, китайцы и японцы и даже краснокожие индейцы; мировая держава, которой мир никогда не видел".

Другое объяснение можно найти в огромном богатстве, которое "с самого начала было самым важным средством, используемым Орденом". Мы уверены, что иезуиты соблюдали в этом вопросе такую абсолютную сдержанность, что до сих пор невозможно написать историю или составить опись их имущества. Но, возможно, на это можно было бы ответить, что если бы была также предпринята попытка проникнуть в "абсолютную тайну" тех, кто отнял у иезуитов все их великолепные колледжи, библиотеки, церкви и резиденции, которые можно увидеть в каждом городе Европы и Испанской Америки, когда I.H.S. Общества все еще на их порталах, можно было бы добиться некоторого прогресса, по крайней мере, в составлении описи их имущества.

На самом деле иезуиты представили общественности опись своего имущества, и эти простые и неприкрытые заявления можно было бы легко найти, если бы было хоть какое-то искреннее желание докопаться до истины. Так, Фоули опубликовал в своих "Отчетах английской провинции" (Введение, 139) точный отчет о годовых доходах различных домов за сто двадцать лет. Дюр в "Jesuiten-fabeln" (606 кв. м) приводит множество цифр того же рода для Германии. Действительно, общество с самого начала было занято попытками развеять эту финансовую иллюзию. Таким образом, спрос на книги был предъявлен еще в 1594 году Антуаном Арно, который утверждал, что ежегодный доход французских иезуитов составлял 1 200 000 ливров, что в наши дни составило бы 1 800 000 долларов. Возможно, кто-то из преподобных отцов питал надежду, что он, возможно, наполовину прав, но официальное изучение отчетов выявило печальный факт, что их двадцать пять колледжей и церквей с персоналом от 400 до 500 человек могли получать только 60 000 ливров; что означало по нашим оценкам 90 000 долларов в год — прискорбно недостаточный капитал для проделанной гигантской работы. С тех пор Арнольды появляются под разными именами.

Как накапливается это "огромное богатство", также, возможно, можно было бы узнать, посетив жилые помещения любого иезуитского заведения, чтобы вблизи увидеть методы его домашнего хозяйства. Каждый член Общества, каким бы выдающимся он ни был, занимает очень маленькую комнату без ковра, единственной мебелью в которой являются письменный стол, кровать, умывальник, пресс для одежды, туалетный столик и пара стульев. На побеленной стене, вероятно, висит дешевая гравюра с изображением благочестивой картины, которая скорее наводит на мысль, чем вдохновляет на набожность. Обитатель этой комнаты должен подметать и ухаживать за ней, даже если он преклонного возраста или был замечен в Обществе, "за исключением случаев, когда по состоянию здоровья или по более важным причинам ему может понадобиться помощь". Одежда, которую носит каждый, дешевая и иногда служит годами; стол общий; ни у кого нет своих денег, и ему приходится просить даже о стоимости проезда на машину, если она ему нужна. Если он заболевает, его обычно отправляют в больницу, где, согласно нынешним порядкам, сестры ухаживают за ним из благотворительных

соображений, и его хоронят в самом дешевом гробу, а над его останками кладут недорогую плиту.

Теперь оказывается, что такой образ жизни допускает огромную экономию, и это объясняет, как 17 000 иезуитов, которые в настоящее время состоят в Обществе, способны не только строить великолепные заведения для студентов со стороны, но и содержать огромное количество молодых людей Ордена, которые продолжают изучать литературу, естественные науки, философию и теологию, и которые следовательно, ничего не приносят Обществу в течение одиннадцати лет, в течение которых их одевают, кормят, ухаживают за ними во время болезни, пользуются великолепными библиотеками, научным оборудованием, помощью выдающихся профессоров, путешествуют и даже роскошь вилл в горах или на берегу моря в летнюю жару. Возможно, многие люди будут удивлены, услышав, что эта конкретная часть Ордена, благодаря обычному образу жизни и экономическим механизмам, могла поддерживаться год за годом, когда условия были нормальными, при удивительно небольших затратах в 300-400 долларов на человека. Конечно, некоторые из иезуитских домов были учреждены, и преданные друзья часто приходят на помощь по генеральным пожертвованиям, но то, что в знаменитой королевской основанной города Ла-Флеш, созданной Генрихом IV, в которой можно было бы ожидать, чтобы найти достаточно денег, отцы, которые создавали репутацию во Франции по их способности, а преподаватели и проповедники и ученые часто были вынуждены заимствовать друг у друга пальто, чтобы появляться на публике. Таков источник богатства иезуитов. "Они обменивают свою кровь на драхмы".

Не имея возможности объяснить педагогический успех иезуитов их богатством, было высказано предположение, что их популярность в семнадцатом и восемнадцатом веках была вызвана тем фактом, что считалось "хорошим тоном" отправлять своих мальчиков в школы, которые часто посещали принцы и дворяне; но это не объясняет, почему в Индии и Перу они пользовались таким же уважением, как в Германии или Франции. Действительно, во Франции имелаась сильная оппозиция, особенно со стороны крупных образовательных центров страны, университетов: во-первых, потому, что иезуиты предоставляли свои услуги бесплатно, а во-вторых, потому, что преподавание было лучше, но главным образом, по словам Буассье, который ссылается на авторитет трех выдающихся немецких педагогов шестнадцатого века — Бадуэля, Штурма и Кордье, — "потому что беспорядку в университете они противостояли дисциплине в своих колледжах, и по окончании трех или четырех лет высшего образования регулярно выпускали классы честных, хорошо подготовленных людей". (*Revue des Deux Mondes*, Dec., 1882, pp. 596, 610).

Компайре, который когда-то активно работал в области педагогической литературы, возражает против такого морального контроля. Он говорит, что это делало образование вспомогательным по отношению к "религиозной пропаганде". Если это подразумевает, что Общество считает высшей целью образования сделать из своих учеников хороших христиан, оно с удовольствием принимает упрек; и в мире нет иезуита, который завтра же не ушел бы из своего класса, если бы ему сказали, что он не имеет никакого отношения к духовному воспитанию тех, кто находится под его опекой. Несомненно, просить молодого человека со всем пылом его юности пожертвовать всеми мирскими амбициями и счастьем, чтобы посвятить себя обучению мальчиков грамматике и арифметике, быть с ними во время их спортивных состязаний,

присматривать за ними во сне, раздражаться из-за их легкомыслия и нежелания учиться; быть, одним словом, их слугой в любое время дня и ночи в течение многих лет, не рассчитано на то, чтобы воспламенить сердце энтузиазмом. Общество лучше знает человеческую природу, и с самого начала его единственной целью было развить сильный христианский дух в своих учениках и подготовить их к различным жизненным позициям. Именно из-за этого мотива она вызвала столько ненависти, и не может быть никаких сомнений в том, что если бы она отказалась от этой цели в своих школах, то немедленно воцарился бы совершенный мир во всех частях света.

Также нельзя обвинить их образовательный метод в том, что он является вкрадчивым деспотизмом, как настаивает Компайре, который лишает ученика самого ценного в жизни - личной свободы; или, как описывает это Герр, "сладостным увлечением и деформацией характера в результате неощутимого и постоянного давления" (Университетское ревю, I, 312). "Иезуит, - говорит он, - учит своих учеников только одному, а именно повиновению", что, как нам говорят, "является, как глубокомысленно замечает М. Олар, тем же самым, что и угождать" (Enquête sur l'enseignement secondaire, I, 460). В руках иезуита, говорит нам Габриэль Аното, ребенок вскоре становится механизмом, автоматом, способным ко многим вещам, хорошо информированным, вежливым, сдержанным, блестящим, врачом в пятнадцать лет и дураком навсегда. Они становятся прекрасными детьми, восхитительными детьми, которые хорошо думают, хорошо слушаются, хорошо декламируют и хорошо танцуют, но они остаются детьми всю свою жизнь. Два столетия ученые обучались у иезуитов и усвоили уроки иезуитов, мораль иезуитов, и это объясняет упадок характера после великого шестнадцатого века. Если бы в нашей человеческой природе не было чего-то такого, исключительного ресурса и вещей, которые нельзя убить, все было бы кончено с Францией, где Орден был особенно процветающим.

В качестве опровержения этого нелепого обвинения можно было бы привести имена нескольких человек из "этой армии некомпетентных", этих людей, отмеченных "упадочностью характера". В реестрах иезуитских школ есть имена пап, кардиналов, епископов, солдат, магистратов, государственных деятелей, юристов, философов, теологов, поэтов и святых. Таким образом, у нас есть папы Григорий XIII, Бенедикт XIV, Пий VII, Лев XIII, святой Франциск Сальский, кардинал де Берюль, Боссюэ, Бельзюнс, кардинал де Флери, кардинал Фредерико Борромео, Флешье, Кассини, Секье, Монтескье, Малешербес, Тассо, Галилей, Корнель, Декарт, Мольер, Ж. Б. Руссо, Гольдони, Турнефор, Фонтенель, Муратори, Буффон, Грессе, Канова, Тилли, Валленштейн, Конде, императоры Фердинанд и Максимилиан, а также многие принцы Савойи, Некура и Баварии. Даже герой американской революции барон Стюбен был их учеником в Пруссии, и, за исключением многих других, почти все великие люди золотого века французской литературы получили раннее образование в школах иезуитов.

Обычно, когда упоминаются эти знаменитые имена, кто-нибудь говорит: "Да, но вы дали образование Вольтеру". Подразумеваемый упрек совершенно необоснован, поскольку, хотя Франсуа Аруэ, позже известный как Вольтер, был учеником Луи-ле-Грана, его учителя вовсе не были ответственны за образ мыслей, который впоследствии сделал его таким знаменитым или печально известным. Это было результатом его домашнего обучения с самого раннего младенчества. Во-первых, его мать была близкой подругой бесстыдной и насмешливой куртизанки того времени Нинон де л'Энкло, а его крестным отцом был Шатонеф, один из распутных аббатов тех дней, единственной претензией которых на свой церковный титул было

то, что благодаря своим семейным связям они могли жить на доходы какого-нибудь церковного учреждения. Этот пользующийся дурной репутацией крестный отец отличался еще и тем, что был одним из многочисленных любовников Нинон. Именно он указал в ее завещании имя своего сына, и он намеренно и систематически учил его насмехаться над религией задолго до того, как несчастный ребенок переступил порог Луи-ле-Гран. Действительно, насмешка Вольтера над чудесами Библии была не чем иным, как воспоминанием о поэме, известной как "Моисад", которую Шатонеф дал ему в руки и которую он знал наизусть. Удивительно, что иезуиты вообще поддерживали приличия в бедном мальчике, пока он находился под их опекой. Безнравственность и неверие были в его домашнем воспитании и крови.

Другое часто выдвигаемое возражение состоит в том, что иезуиты действительно были неспособны преподавать латынь, греческий, математику или философию и что в последнем упомянутом исследовании они безжалостно уничтожили всякую оригинальность.

Чтобы доказать обвинение в отношении латыни, Газье, доктор Сорбонны, продемонстрировал "Разговор на латыни, пар Матюрен Кодье, Жюит". Однако, к несчастью для обвинителя, выяснилось, что Кодье не только не был иезуитом, но и был одним из первых кальвинистов Франции. Греческий преподавался в низших классах; и в первые дни в Обществе были выдающиеся эллинисты, которые привлекали внимание ученого мира, такие как: Грецер, Виже, Жуванси, Рапен, Брумуа, Гру, Фронтон-дю-Дюк, Пето, Сирмон, Гарнье и Лаббе. Последний упомянутый был автором восьмидесяти работ, а его "Tirocinium linguæ græcæ" выдержал тринадцать или четырнадцать изданий. В Луи-ле-Гран в конце учебного года звучали стихи и беседы на греческом. Бернис говорит, что раньше ему снились сны на греческом. Вышло тридцать два издания "Rudimenta linguæ græcæ" Грецера и семьдесят пять его "Institutiones". Юо, будучи совсем молодым, начал работу над Оригеном, а Боссюэ, еще учась в колледже, стал превосходным знатоком греческого языка. Они оба были студентами-иезуитами.

"Иезуиты также были ответственны за крах научных исследований", - говорит Компайре (193,197). Ответ на эту клевету легко найти в "Monumenta pedagogica Societatis Jesu" (71-78), который настаивает на том, что "Прежде всего, следует выбирать учителей математики, выходящих за рамки обычного и известных своей эрудицией и авторитетом". Весь этот отрывок в "Монументе" был написан знаменитым Клавием. Конечно, было бы трудно найти человека, который знал бы о математике больше, чем Клавий. Достаточно будет процитировать слова Лаланда, одного из величайших астрономов Франции, который, как можно заметить между прочим, был учеником иезуитов. В 1800 году он писал следующее: "Среди самой абсурдной клеветы, которую яростные протестанты и янсенисты распространяют против иезуитов, я нашел клевету Ла Шалотэ, который довел свое невежество и слепоту до такой степени, что сказал, что иезуиты никогда не производили на свет математиков. Так случилось, что я как раз тогда писал свою книгу по "Астрономии" и закончил свою статью об "Астрономах-иезуитах", численность которых меня поразила. Я воспользовался случаем повидаться с Ла Шалотэ в Сент 20 июля 1773 года и упрекнул его в несправедливости, и он признал это".

"Что касается истории, - говорит Компайре, - то "Ratio" прямо предписало, чтобы ее преподавание было поверхностным". И его утверждение, из-за его предполагаемого авторитета, общепринято как истинное, особенно потому, что он приводит сам текст судебного предписания, в котором говорится: "Historicus celerius excurrendus", а именно: "пусть быстрее ознакомятся с историками". К сожалению, однако, это направление вообще не относилось к

изучению истории, а к изучению латыни, и означало, что с такими авторами, как Ливий, Тацит и Цезарь, нужно было знакомиться быстрее, чем, например, с работами Цицерона, которого нужно было изучать главным образом за его изысканный стиль. Короче говоря, обвинение не имеет под собой никакой другой основы, кроме неправильного прочтения, намеренного или иного, школьного регламента.

Такая же тактика используется для доказательства того, что в этих колледжах не преподавалась философия, несмотря на то, что для принцев, дворян и государственных деятелей было обычным делом приходить не только послушать философские диспуты в колледжи, в которых они сами обучались, но и принять в них участие. Это было одним из удовольствий Конде, а интендант Канады, прославленный Тэлон, любил доказывать свои силлогизмы защитникам на философских турнирах маленького колледжа Квебека. Этих учеников также не заставляли просто заучивать наизусть всю ту чушь, которую изрекали все глупые философы всех эпох и стран, как это делается сейчас в некатолических колледжах. Ученик-иезуит вынужден не только излагать, но и доказывать свой тезис, опровергать возражения против него, возражать своим оппонентам, выявлять софизмы и так далее. Короче говоря, философия для него - это вопрос не памяти, а интеллекта. Что касается независимости мышления, то взгляд на их историю покажет, что, возможно, ни на одного религиозного учителя инквизиция не ссылалась так часто по этому поводу, и никого, кому их враги приписывали столько теологических и философских ошибок, но чья ортодоксальность является их славой и утешением.

Их неспособность создать что-либо в области живописи или скульптуры также доставила бесконечное удовольствие критикам, хотя это похоже на обвинение Медицинской академии в том, что она не выпустила ни одного выдающегося юриста, или наоборот. Это правда, что брат Сегерс имел какое-то отношение к своему другу Рубенсу, и что испанский коадьютор был выдающимся скульптором, и что третий знал кое-что об украшении церквей, и что двое были обычными художниками китайского императора, но, к счастью, их шедевры не сохранились. Хюбер, недружелюбный автор, пишущий об иезуитах, называет имена Куртуа, известного итальянцем как Боргоньоне, который был другом Гвидо Рени; Дандини, Латри, Валериани д'Аквила и Кастильоне, ни о ком из которых, однако, среднестатистический иезуит никогда не слышал. Выдающийся ученый однажды предположил, что, возможно, тщательно продуманные церкви Компании, которые встречаются повсюду в испано-американских владениях, могли быть работой братьев-мирян Общества. Но тщательный поиск в справочниках испанской службы помощи не выявил, что так оно и было. Это, однако, может быть большой удачей, поскольку в противном случае Обществу, возможно, пришлось бы нести ответственность за эти перегруженные конструкции в дополнение к тому бремени, которое уже лежит на нем из-за того, что оно использовало так называемый "иезуитский стиль" архитектуры. Однако от последнего обвинения выдающийся куратор большого Нью-Йоркского Метрополитен-музея сэр Каспар Пердон Кларк в обращении к собранию художников и архитекторов полностью освободил Общество. "Иезуитский стиль, - сказал он, - существовал до их времени, и, - он был настолько любезен, что добавил, - будучи джентльменами, они не унизили его, а, напротив, возвысили и облагородили и сделали достойным художественного рассмотрения".

Точно так же Орден не выделялся своими поэтами. Однако один из них, Роберт Саутвелл, был мучеником и носил корону, которая ценилась его собратьями гораздо больше, чем лавры барда. Он родился в Норфолке 21 февраля 1561 года и вступил в Общество в Риме в 1578 году. Как ни странно, первые стихи, вырвавшиеся из его сердца, по крайней мере, из тех, что

известны, были вызваны его горем из-за того, что его не приняли в послушничество. Он был слишком молод, чтобы быть принятым, поскольку ему было всего семнадцать, и условия в Англии этого не позволяли; но о его заслугах как поэта можно судить по выражению Бена Джонсона, что он отдал бы многие из своих произведений, чтобы написать "Пылающего младенца" Саутвелла, и, согласно "Кембриджской истории литературы" (IV, 129), "хотя Саутвелл, возможно, никогда не читал Шекспира, несомненно, что Шекспир читал Саутвелла". Конечно, его стихотворений немного, потому что, хотя он, возможно, и медитировал на Музу, когда прятался в укромных местах во время преследований, он вряд ли был в настроении заниматься этим, когда его бросили в грязную темницу или когда его тринадцать раз растягивали на дыбе в качестве прелюдии к повешению, рисованию и четвертованию в Тайберне.

Через одиннадцать лет после этой трагедии Якоб Балде родился в имперском вольном городе Энсисхайм в Эльзасе. Он изучал классику и риторику в тамошнем иезуитском колледже, а также философию и юриспруденцию в Ингольштадте, где 1 июля 1624 года стал иезуитом. Чтобы развлечь себя, когда он был профессором риторики, он написал свою пародию на битву лягушек и мышей, "Батрахомиахию". Его владение классической латынью и непревзойденная легкость, с которой он обращался с древними стихами, сделали его чудом дня. "Его патриотический акцент, - говорит Гердер, - сделал его немецким поэтом на все времена". Трагедии Тридцатилетней войны побудили его стремиться пробудить древний национальный дух в сердцах людей. Он был в основном лириком, и его называли немецким Горацием, но он чувствовал себя как дома в эпосе, драме, элегии, пасторальной поэзии и сатире. Конечно, он писал на латыни, которая была языком культурных классов, поскольку немецкий в то время был слишком грубым и громоздким, чтобы использовать его в качестве средства выражения поэзии. Его труды занимают восемь томов.

Не меньший персонаж, чем Исаак Уоттс, английский гимнолог, делает поляка Матиаса Сарбиевского (Сарбиевиуса) еще одним Горацием, хотя его поэзия в основном пиндарическая. Гроций ставит его выше Горация (Брукер, 505). Он был придворным проповедником, спутником короля в его путешествиях, музыкантом и художником. Он написал четыре сборника стихов, том эподов, еще один - эпиграмм, и есть его посмертное произведение под названием "Сильвилудия". Его муза была одновременно религиозной и патриотической, и из-за первой папа призвал его помочь в пересмотре гимнов Требника; и за эту работу он был коронован королем Владиславом. Его прозаические произведения составляют восемь томов. Существует двадцать два перевода его стихотворений на польский, а другие - на немецкий, итальянский, фламандский, богемский, английский и французский.

Госсе в своих "Исследованиях Семнадцатого века" говорит, что Фамиан Страда, написавший "Соловья", был не поэтом, а преподавателем риторики. "Соловей" был впервые опубликован в Риме в 1617 году в томе "Пролюзий" по риторике и поэзии и приводится в шестой лекции второго курса. "Этот ритор-иезуит, - сообщает нам Госсе, - пытался познакомить своих учеников со стилем великих поэтов-классиков, декламируя им отрывки в подражание Овидию, Лукрецию, Лукиану и другим. "Это, - сказал он им, - имитация стиля Клавдиана", и поэтому он приводит нам строки, ставшие столь известными. То, что единственный фрагмент из школьного учебника так внезапно пустил корни и расцвел в европейской литературе, когда все остальное, что написал и сказал его объемистый автор, было быстро забыто, очень любопытно, но не беспрецедентно ". В Англии первым, кто перенял это стихотворение, был Джон Форд в своей пьесе "Меланхолия влюбленного" в 1629 году; следующим выступил Крэшоу со своей "Дуэлью

музыки", столетие спустя Эмброуз Филиппс опубликовал его эссе; а в наши дни Франсуа Коппе очаровательно представил его в своем "Кремоне".

Французский иезуит Сотель был современником Страды и Бальде. Он считался Овидием своего времени и был столь же замечателен святостью своей жизни, как и необычными поэтическими способностями.

Примерно в это же время жил немецкий иезуит по имени Якоб Масен или Масениус, который был профессором риторики в Кельне и умер в 1681 году. Среди его рукописей, найденных после его смерти, были три тома, первый из которых представлял собой трактат по общей литературе, второй - сборник текстов песен, эпосов, элегий и т.д., а третий - ряд драм. Во второй рукописи была эпопея под названием "Саркотис". Мир никогда бы ничего не узнал о "Саркотисе", если бы шотландцу по имени Лаудер не удалось найти его где-то примерно в 1753 году, то есть через семьдесят два года после смерти Мейсена. Он немедленно прогнал это через прессу, чтобы доказать, что Мильтон скопировал это в своем "Потерянном рае". После чего вся Англия в гневе поднялась на защиту своего кумира. Лаудер был признан виновным в том, что вставил в "Саркотис", латинский перевод некоторых строк "Потерянного рая", и ему пришлось скрываться в какой-то чужой стране, чтобы искупить свое преступление против национальной страсти. Четыре года спустя (1757) аббат Денуар опубликовал перевод подлинного текста "Саркотиса". Стихотворение было признано превосходным произведением, и, как и "Потерянный рай", его темой было непослушание Адама и Евы, их изгнание из Рая, бедствия, последовавшие за этим грехом гордыни. Читал ли Мильтон когда-либо "Саркотиса", не указано.

Фредерик фон Шпее - еще один поэт-иезуит. Он родился в Кайзерверте на Рейне 25 февраля 1591 года, вступил в Общество в 1610 году и много лет учился, преподавал и проповедовал, как и остальные его собратья. Попытка покушения на него была предпринята в 1629 году. Он был в Треве, когда его штурмовали имперские войска в 1635 году, стал свидетелем всех его ужасов и умер от инфекции, которую подхватил, ухаживая за больными и ранеными солдатами в госпитале. Только в бурный период своей жизни он писал стихами. Две его работы, "Золотой тугендбух" и "Верный шаг", были опубликованы после его смерти. Первая была высоко оценена Лейбницем как книга благочестия. Последнее, которое в последнее время неоднократно переиздавалось и перерабатывалось, занимает видное место среди лирических сборников семнадцатого века. Однако его главная работа, фактически принесшая ему всемирную известность (к результату, к которому он не стремился, поскольку книга, вероятно, была опубликована без его согласия), - это "Предостережение криминалисту", которое фактически положило конец судебным процессам по делу о колдовстве. Она написана изысканной латынью и с захватывающей яркостью и едким сарказмом описывает ужасные злоупотребления в ходе судебных разбирательств, особенно использование дыбы. Моральное впечатление, произведенное этой работой, вскоре положило конец зверствам во многих местах, хотя прошло не одно поколение, прежде чем в Германии прекратились сожжения ведьм.

Возможно, стоит упомянуть замечательного Беши, миссионера из Мадур, чьей тамильской поэзией обычные смертные никогда не будут иметь удовольствия насладиться. Помимо написания тамильских грамматик и словарей, а также доктринальных трудов для своих новообращенных, не говоря уже о его полемических книгах против датских лютеран, которые пытались вторгнуться в миссии, он написал поэму из тысячи ста строф в честь святой Китерии и другую, известную как "Неувядающая гирлянда", которая, как говорят, является классикой

тамильского языка. Она разделена на тридцать шесть песен, содержащих всего 3615 строф. Баумгартнер называет это эпосом, который по богатству и красоте языка, непринужденной элегантности метра, истинной поэтической концепции и исполнению не уступает отечественной классике, в то время как по благородству мысли и сюжета превосходит их, как гармоничная цивилизация христианства выше запутанных философских мечтаний и нелепых басен идолопоклонства. Это в честь святого Иосифа. Его сатира, известная как "Приключения Гуру Парамарты", является самой занимательной книгой тамильской литературы. Сам Беши перевел ее на латынь; она также появилась на английском, французском, немецком и итальянском языках.

Это, пожалуй, единственные выдающиеся поэты, которыми может похвастаться Общество; но хотя она радуется той чести, которую они завоевали, она рассматривает их песни лишь как случайное событие в жизни этих ее выдающихся детей. Больше всего она дорожит благочестием Сарбиевского и Бальде, мученичеством милосердия, с радостью принятым фон Шпее, миссионерским рвением Беши и жертвоприношением крови, сделанным Саутвеллом для восстановления Веры в его несчастной стране.

Помимо этого, Грессе также может считаться поэтом-иезуитом, но, к сожалению, именно его поэзия разрушила его карьеру апостола, поскольку эпикурейство одного из его излияний привело к его исключению из Общества. Его блестящие таланты ничего не значили в такой ситуации. Он покинул Орден с горьким сожалением со своей стороны, но никогда не терял своей привязанности к нему и никогда не переставал защищать его от клеветников. Его "Прощание с друзьями" - классика. Напрасно Вольтер и Фридрих Великий приглашали его в Потсдам. Он возненавидел их обоих и удалился в Амьен, где провел последние восемнадцать лет своей жизни в уединении, молитвах и покаянии, покидая это место только дважды за все это время. В обоих случаях он должен был поступить во Французскую академию, членом которой его сделали большие литературные способности. В 1750 году он основал в Амьене Академию наук, искусств и литературы, которая существует до сих пор. Говорят, что перед смертью он сжег все свои рукописи, и нельзя не сожалеть о том, что вместо публикации он не предал огню стихотворение, которое стало причиной его ухода из Общества. К Грессе иезуиты всегда питали большую нежность, и здесь можно было бы добавить, что он является прекрасным образцом большинства тех, кто по той или иной причине разорвал свою связь с Обществом. Было всего несколько случаев обратного, и даже они раскаялись перед смертью.

Что касается ораторского искусства, то в Обществе было несколько уважаемых представителей, таких, например, как выдающийся гений Виейра, человек, чье бурное красноречие положило конец рабству индейцев в Бразилии и чья "Речь об успехе португальского оружия", произнесенная, когда голландцы осаждали Баию в 1640 году, была охарактеризована скептически настроенным Рейналем как "самая экстраординарная вспышка христианского красноречия". Он считается одним из мировых мастеров ораторского искусства своего времени и был одинаково велик в соборах Европы и грубых святилищах Мараньяна. Он был популярен, практичен, глубоко оригинален и часто возвышен. Только он оставил пятнадцать томов проповедей. Хотя он вырос в Бразилии, его считают португальским классиком.

Паоло Сегнери, умершему в 1694 году, приписывают звание величайшего оратора Италии после святого Бернардина Сиенского и Савонаролы. Двадцать семь лет он проповедовал по всему полуострову. Его красноречие превосходило только его святость, и к пылу апостола он

добавил суровость кающегося грешника. Он был переведен на многие языки, даже на арабский.

Опуская многих других, ибо мы упоминаем только выдающихся, скажу, что есть Бурдалу, которого даже враги Общества называют *prédicateur des rois et le roi des prédicateurs* (проповедник королей и король проповедников). В течение тридцати четырех лет он проповедовал перед самой взыскательной аудиторией в мире, перед блестящей толпой, собравшейся вокруг Людовика XIV, и до самого конца было почти невозможно подойти к церкви, когда он должен был занять кафедру. Лакеи дежурили за несколько дней до начала проповеди. В "Эдинбург Ревью" за декабрь 1826 года о нем говорится: "Между Массильоном и Боссюэ, на значительном расстоянии, безусловно, выше последнего, стоит Бурдалу, и по силе и напористости своих рассуждений он, несомненно, был образцом для Массильона после древних. Если он более суров и меньше обращается к чувствам и страстям, то несомненно, что он демонстрирует изобилие ресурсов и тем для наблюдений или аргументации, с которыми не сравнится ни один оратор, священный или мирской. Именно эта плодovitость, это родимое пятно гения, делает нас уверенными в том, что в каждом предмете, которым он занимался, мы находим что-то новое, то, чего ни его предшественники не предвидели, ни его последователи не подражали".

К этому протестантскому свидетельству можно добавить свидетельство янсениста Сент-Бева в его "Causeries du Lundi". Его оценка Бурдалу такова: "Я знаю все, что можно сказать и что говорят о Боссюэ. Но давайте не будем преувеличивать. Боссюэ был великолепен в своих "Надгробных речах", но не обладал таким же совершенством в своих проповедях. Он был неровным и незаконченным. В этом отношении, даже при жизни Боссюэ, Бурдалу был его учителем. Таково было мнение их современников и, несомненно, самого Боссюэ. В отличие от Боссюэ, Бурдалу не держал в руках громовержцев, не сверкали молнии вокруг его кафедры и, подобно Массильону, он не разливал благовония из своей урны. Но он был оратором, каким мог бы быть только он один, который тридцать четыре года подряд мог проповедовать и быть полезным. Он не растратил себя полностью сразу, не приобрел блеска несколькими достижениями и не поразил некоторыми из тех великолепных высказываний, которые увлекают людей и вызывают их аплодисменты; но он выстоял; он строился с совершенной уверенностью; он непрестанно шел вперед, и его мощь была подобна армии, задача которой не просто выиграть одно или два сражения, но утвердиться в сердце вражеской страны и остаться там. Это замечательное достижение человека, которого его современники называли "Великим Бурдалу" и которого люди упорно продолжают называть "рассудительным и достойным уважения Бурдалу".

У него было то, что называлось *imperatoria virtus*, это суверенное качество генерала, который управляет каждым строем и шагом своих солдат, так что ничто не движет ими, кроме его команды. Такое впечатление создается структурой его выступлений; их диалектической формой, их убедительными демонстрациями, которые продвигаются вперед с самого начала, сначала выдвигая передовой корпус, затем разделяя его батальоны на две или три группы и, наконец, устанавливая линию фронта, обращенную к сознанию его слушателей. Однажды, когда он собирался читать проповедь в Сен-Сюльпис, в церкви поднялся шум из-за толпы, и сквозь шум послышался голос Конде, кричавшего, когда Бурдалу взойшел на кафедру: "Тишина! Узрите врага!"

К этим двум оценкам мы можем присоединить суждение аббата Мори, который сам был великим оратором. Сент-Бев цитирует его: "Бурдалу более уравновешен и сдержан, чем Боссюэ, в красоте и несравненном богатстве своих замыслов, которые кажутся уникальными концепциями в искусстве и контроле над дискурсом, в котором у него нет соперников; в его диалектической мощи, в его дидактическом и неуклонном прогрессе, в его постоянно возрастающей силе, в его точной и последовательной логике и в постоянном красноречии его рассуждений, в основательности и богатстве его доктринальной проповеди он неисчерпаем и неприступен". Сент-Бев добавляет к этому панегирику: "Жизнь и пример Бурдалу еще громче подчеркивают, что для того, чтобы быть красноречивым до конца, быть таким, как далеко, так и близко, обладать авторитетом и привлекать внимание, будь то к великим или поразительным, простым или полезным темам, вы должны обладать тем, что является принципом и источником всего этого, добродетелью Бурдалу".

За исключением Падре Ислы, сатирика, и Бальтасара Грасиана, автора "Житейской мудрости" и "Эль Критикон", которые, по-видимому, навели Дефо на мысль о Робинзоне Крузо, Общество не создало ни одного выдающегося прозаика в более легкой литературе, и, возможно, даже их стиль в других видах письма мог пострадать из-за интенсивности и быстроты, с которыми они были вынуждены работать. Тем не менее, некоторые из них считаются классическими на своих соответствующих языках, как, например, Виейра на португальском, Рибаденейра на испанском и Скарга на польском. Француз Доминик Бухур, пожалуй, наиболее примечателен в этом отношении. Пети де Жюльвиль в своей "Истории языка и французской литературы" говорит, что "Бухур, бесспорно, был мастером правильного письма в своем поколении. Устав иезуитов не позволял ему быть академиком, но он "был кое-чем получше", как сказал кто-то, когда Отец пытался ускользнуть от него: "Academiam tu mihi solus facis — Для меня вы составляете Академию". Мало того, что в своем Ордене он считался официальным цензором, под чьим присмотром должны были проходить всевозможные произведения, даже сочинения Мамбура и Бурдалу, но люди приезжали со всех концов литературного мира, чтобы проконсультироваться с ним. Сент-Эвремон и Боссюэ были только рады, что их ведет он. Президент Ламуаньо представил ему свои официальные заявления, а Расин прислал свои стихи с просьбой "отметить ошибки, которые могли быть допущены в языке, в котором вы являетесь одним из самых превосходных знатоков". В истории французского языка Бугур не оставил даты — он создал эпоху".

Иезуиты также были литературными арбитрами в странах и окрестностях, где не было бюрократии. Таким образом, в Обществе насчитывалось четыреста или пятьсот грамматиков и лексикографов языков почти всех рас под солнцем. Куда бы ни отправлялись миссионеры, их первой заботой было составить словарь и составить грамматику речи туземцев, среди которых они работали, и если ученый мир в настоящее время вообще что-либо знает о языке огромного числа аборигенных племен, ныне исчезнувших с лица земли, то это благодаря трудам миссионеров-иезуитов.

Но это была лишь бесконечно малая часть их литературного творчества. В своей "Библиотеке руководителей компании Иисуса", которая сама по себе является огромным литературным достижением, Зоммервогель уже составил список из 120 000 авторов-иезуитов, и он ограничился теми, кто прекратил свои труды на земле и теперь занят только чтением книги жизни. Эти 120 000 авторов также не означают просто 120 000 книг; ибо некоторые из этих авторов были наиболее плодовитыми в своих публикациях. Знаменитому Грецеру, например,

"Молоту еретиков", как его называли, приписывают двести двадцать девять названий печатных работ и тридцать девять рукописей, которые охватывают всю область эрудиции, открытую для его времени: археологию, нумизматику, теологию, филологию, полемику, литургику и так далее. Кирхер, умерший в 1680 году, написал обо всем. За время своего пребывания в Риме он выпустил сорок четыре тома-фолианта по предметам, поражающим своим разнообразием и оригинальностью: иероглифика, астрономия, астрология, медико-физика, лингвистика, этнология, гороскопия и многое другое. Ему мы обязаны самой ранней счетной машиной, и именно он усовершенствовал эолову арфу, переговорную трубку и микроскоп.

Мы выбрали этих великих людей просто как примеры литературной деятельности Общества в семнадцатом и восемнадцатом веках. Действительно, это наводнение книгами приобрело настолько угрожающие масштабы, что враги Церкви жаловались, что это был заговор иезуитов, которые, будучи не в состоянии уничтожить другие книги, решили наводнить мир своими собственными публикациями.

В области церковной истории им, правда, нечего сравнивать по объему с тридцатью томами доминиканца Наталиса Александра; тридцатью шестью книгами Флери; или двадцативосьмью "Храмом Испании" августинца Флореса, который при его продолжателе Риско достиг сорока томов. Бери-Беркастель действительно написал двадцать восемь, но это было после того, как Общество было подавлено. Возможно, они воздерживались от обращения к этой области, потому что считали ее достаточно изученной, или потому, что для того, чтобы посвятить себя исторической работе, нужен досуг, большие библиотеки и надежное владение ими. Их всепоглощающая педагогическая и миссионерская работа оставляла досуг лишь нескольким иезуитам в те тревожные времена, и, кроме того, у них постоянно отбирали собранные ими огромные библиотеки, и они никогда не были уверены в том, что у них будет крыша над головой на следующий день после начала работы. Изъятия и изгнания составляют непрерывную череду в истории Общества. С другой стороны, они творили историю своими исследованиями, и письма, которые они отправляли со всех концов света, которые, согласно правилам, они были вынуждены писать, предоставляют сегодня и на все времена самые бесценные исторические данные для каждой части земного шара. На самом деле, у них даже не было времени написать отчет о своем собственном Заказе. Кордара, Орландини, Жуванси и Саккини охватывают лишь ограниченные периоды, и, как было отмечено выше, эта работа была предпринята только после того, как отец Мартин заказал полную серию историй различных слоев Общества. Это планируется в гораздо большем масштабе, чем когда-либо мечтали писатели старшего поколения, и некоторые тома уже опубликованы.

Однако в мирской истории разносторонний Фабиан Страда отличился в 1632 году своими "Войнами во Фландрии", и эту работу продолжили двое его религиозных братьев, Дондини и Галлуцио. "Древняя история Мексики" Клавиджера в трех томах кварто, опубликованная после подавления восстания, является заметной работой, как и его "История Калифорнии" и третья работа, посвященная "Испанскому завоеванию". Трехтомник Алегре "История общества Иисуса в Новой Испании" представляет огромную ценность. Полная "История Испании" Марианы в двадцати пяти книгах до сих пор признается авторитетом, и будет интересно узнать, что еще в 1888 году в Талавере была установлена статуя в честь того же самого буйного писателя, который был заключен в тюрьму за свою книгу о "Финансах". Обширные истории Новой Франции, Японии, Парагвая и Санто-Доминго Шарлевуа также заслуживают внимания. Бэнкрофт часто

называет его ценным историком, а Джон Гилмари Ши настаивает на том, что он слишком общепризнан, чтобы нуждаться в похвалах.

Однако существует историческая работа Общества, не имеющая аналогов в литературе: большой агиологический сборник, известный как "Acta Sanctorum" болландистов, который был начат в первые годы семнадцатого века и все еще находится в стадии разработки. В настоящее время она состоит из шестидесяти четырех томов-фолиантов. Это масштабное предприятие было задумано бельгийским отцом Розвейдом, но известно как работа болландистов, по имени непосредственного преемника Розвейда, Болландуса. Когда первый том, который был очень маленьким по сравнению с нынешними массивными томами, был отправлен кардиналу Беллармину, он воскликнул: "Этот человек хочет прожить триста лет". Он считал этот план химерическим, но он был реализован самовоспроизводящейся ассоциацией иезуитов, проживающих в Брюсселе. Когда один участник изнашивается или умирает, назначается кто-то другой, чтобы заполнить пробел, и таким образом работа продолжается непрерывно. Два первых тома, содержащие страницы, появившиеся в 1643 году, вызвали энтузиазм научного мира, и папа Александр VII публично засвидетельствовал, что "никогда не предпринималась работа, более славная или более полезная для Церкви".

В других сферах деятельности Общество не бездействовало. Даже в едкой "Настоящей энциклопедии протестантского богословия и церкви" говорится (VIII, 758): "В Ордене не было недостатка в ученых. Он может указать на длинный ряд блестящих имен среди своих членов, но они оказали реальную помощь развитию науки только в тех сферах, которые имеют тесную связь с доктринами Церкви, таких как математика, естественные науки, хронология, объяснение классических авторов и надписей. Заслуги астрономов-иезуитов, таких как Кристофер Шлюссель (Клавиус), корректор календаря; Кристофер Шрайнер, первооткрыватель солнечных пятен; Франческо Да Вико, первооткрыватель кометы и наблюдатель прохождения Венеры; Анджело Секки, исследователь Солнца и метеоролог, получили всеобщее признание. И не меньшая заслуга отдается Ордену, оказанному оптиком Гримальди; и этому высоко ценимому всестороннему ученому и универсальному гению (Doctor centum artium). Athanasius Kircher. Среди классических писателей есть Анджело Май".

Это, безусловно, неплохой список из недружественного источника, и, возможно, ему помогут несколько предложений. Так, Отто Хартиг, помощник библиотекаря Королевской библиотеки Мюнхена, сообщает нам в "Католической энциклопедии", что Риттер очень справедливо прослеживает истоки современной географии до "Acta Sanctorum" иезуитов-болландистов, которые собрали грубые записи путешествий первых миссионеров с их ценной информацией об обычаях, языке и религии жителей границ Римской империи, вдоль Рейна и Дуная, Британских островов, России, Польши, Фарерских островов, Исландии и Дальнего Востока. Другим выдающимся вкладом в географию стала "Естественная и моральная история Индии" Хосе д'Акосты, одного из самых блестящих авторов по естественной истории Нового Света и обычаям индейцев. Первое тщательное исследование Бразилии было предпринято миссионерами-иезуитами во главе с отцом Ферре (1599-1632). За португальскими священниками Альваресом и Бермудесом, отправившимися в Абиссинию с посольством к королю этой страны, последовали иезуиты. Фернандес пересек южную Абиссинию в 1613 году и ступил в регионы, которые до недавнего времени были закрыты для европейцев. Паес и Лобо были первыми, кто достиг истоков Голубого Нила, и еще в середине семнадцатого века они вместе с Алмейдой, Менендесом и Телес составили карту Абиссинии, которая считается лучшей из созданных до

времен Аббади (1810-97). Миссионеры-иезуиты Мачадо, Афонсо и Пайва в 1630 году попытались установить сообщение между Абиссинией и Конго; Риччи и Шалл, оба из которых были образованными астрономами, провели картографическую съемку Китая. Риччи широко известен как географ Китая, и его сравнивают с Марко Поло. Андрада был первым, кто вошел в Тибет, подвиг, который не был повторен до наших дней. Канадские иезуиты, среди которых был Маркетт, первыми предоставили ученому миру информацию о верхней части Северной Америки; Кино (1644-1711), Седлмайер (1703-79) и Бегерт (1717-77) путешествовали по Мексике и Калифорнии вплоть до Рио-Гранде; а иезуит Вольфганг Бейер достиг озера Титикака между 1752 и 1766 годами — за восемьдесят лет до прибытия туда знаменитого мореплавателя Мейера. Рамион плывал вверх по Кассикьяре от Рио-Негро до Ориноко в 1744 году и, таким образом, предвосхитил Ла Кондамина, Гумбольдта и Бонплана. Сэмюэль Фриц в 1684 году установил важность Мараньяна как главного притока Амазонки и нарисовал первую карту страны. Техо (1673), Харкес (1687) и Дуран (1638) рассказали миру все о Парагвае, а д'Овалья (1646) - о Чили. Грубер и д'Орвиль добрались до Лхасы из Пекина и спустились в Индию через Гималайские перевалы.

Возможно, здесь стоит не просто вскользь упомянуть о восхождении по Нилу в семнадцатом веке, совершенном известным Педро Паесом, испанским иезуитом. Он оставил отчет об этом, который Кирхер опубликовал в своем "Эдипе египетском", но который Джеймс Брюс гневно назвал выдумкой. Брюс утверждает, что он сам был первым, кто исследовал реку. Но Брюс последовал за Паесом по крайней мере на 150 лет. Этот вопрос подробно обсуждается двумя авторами в "Всемирной биографии" под названиями "Брюс" и "Паэс".

Паес родился в Ольмеде в 1564 году. Он вступил в Общество, когда ему было восемнадцать лет, и был отправлен в Гоа в 1588 году. Ему было поручено попытаться проникнуть в Абиссинию; чтобы облегчить себе работу, он переоделся армянином. Ему пришлось целый год ждать корабля в Ормузе, и когда, наконец, он сел на борт, его схватил арабский пират, жестоко обращался с ним и бросил в тюрьму. Поскольку он не смог получить выкуп, он провел семь лет прикованным к веслу в качестве галерного раба, но, наконец, был освобожден и добрался до Гоа в 1596 году. Затем он работал в нескольких миссиях Индостана, но снова отправился в Абиссинию, которой достиг в 1603 году. Чтобы познакомиться с языком народа, он похоронил себя в монастыре монахов-монофизитов, а затем начал давать публичные уроки в городе. Его успехи как учителя привлекли внимание, и в конце концов он был вызван к императору, где его красноречие и правильность речи подкупили и в конечном итоге помогли обратить монарха в свою веру. Ему был предоставлен земельный участок в Горгоре, где он построил церковь. Вопрос об истоках Нила часто обсуждался, и в 1618 году Паес поднялся по реке. Таким образом, он был первым современным европейцем, предпринявшим такую попытку. Он рассказал историю в двух больших октавах, которые на момент Подавления можно было найти в большинстве библиотек Общества. Брюс, однако, утверждает, что в этих томах ничего не говорится об открытии, и обвиняет Кирхера в самозванстве. Но, говорит автор в "Всемирной биографии", факт таков, что между рассказами Паэса и Брюса едва ли есть какая-либо разница, за исключением нескольких незначительных деталей; так что, если Брюс прав, то правы также Паэс и Кирхер. Паес исследовал реку еще в 1618 году, тогда как Брюс прибыл туда только в 1772 году, то есть 154 года спустя. "Брюс, - говорит другой писатель, - ясно дает понять, что кто-то был до него, и демонстрирует свой характер в каждой строчке".

В великом английском труде "Национальный биографический словарь" Брюс трактуется более сурово. "Он ошибался, - говорится в нем, - считая себя первым европейцем, добравшимся до этих фонтанов. Педро Паес, иезуит, несомненно, сделал это в 1615 году, и грубая попытка Брюса поставить под сомнение этот факт только доказывает, что любовь к славе в буквальном смысле не является последним недостатком благородных умов, но может сопровождаться гораздо более неприятными симптомами. Он был наделен прекрасными способностями, но в чрезмерной степени находился под влиянием чувства собственного достоинства и жажды славы. Он был неквалифицирован по отношению к тем, кого считал соперниками, а тщеславие и страсть к живописности заставляли его приукрашивать незначительные детали и, возможно, в некоторых случаях выдумывать их. Он двенадцать лет откладывал составление своего повествования, а затем продиктовал его помощнику, лениво опуская ссылки на оригинальные дневники и, следовательно, часто внося прискорбную путаницу в факты и даты. Его отчет в высшей степени идеализирован, и он всегда будет поэтом африканских путешествий". Книга появилась только в 1790 году. Миссионерский успех Паэса заключался в присоединении раскольнической Абиссинии к Риму в 1624 году. Вскоре после этого он умер, и, когда развратный император Василид вззошел на трон в 1634 году, миссионеры-иезуиты были преданы топору палача. Следует отметить, что Паес был не единственным, кого Брюс поносил. После Паэса пришел португальский иезуит Джеронимо Лобо, очень интересный и пространный отчет о его смелой миссионерской деятельности можно найти в "Всемирной биографии". Автор сообщает нам, что Лобо опубликовал свой рассказ в 1659 году и что он снова был отредактирован Лондонским королевским обществом в 1688 году. Легран перевел его на французский в 1728 году, а доктор Сэмюэл Джонсон дал краткий перевод в 1734 году. Полное издание книги было переиздано в 1798 году, и в предисловии редакторы отчитывают Брюса за его отношение как к Паэсу, так и к Лобо. Стоит отметить, что в примечании к "Брюсу" в "Энциклопедии Британника" (девятое издание) ни слова не говорится ни о Паэсе, ни о Лобо, хотя оба привлекли к себе такое большое внимание в современном литературном мире.

Именно благодаря иезуитам Франция выделила субсидии на географические исследования. В 1651 году Мартино Мартини, родственник знаменитого Эусебио Кино, опубликовал свой "Китайский атлас", который Рихтовен назвал "самым полным географическим описанием Китая, которое у нас есть". Кирхер опубликовал свою знаменитую "Китайскую иллюстрацию" в 1667 году. Вербист был императорским астрономом в Китае и настолько вызвал интерес Людовика XIV, что он за свой счет прислал шестерых астрономов-иезуитов и оснастил их лучшими инструментами. Один из этих посланников, Жербийон, исследовал неизвестные регионы к северу от Китая, и он вместе с Бюве, Режи, Жартоном и другими исследовал Великую китайскую стену, а затем нанес на карту всю китайскую империю (1718). Были включены Маньчжурия и Монголия до границы с Россией и Тибет до истоков Ганга. Карта считается шедевром даже сегодня. Она состоит из 120 листов и легла в основу всех местных карт, созданных с тех пор. Де Халде отредактировал все отчеты, присланные ему его братьями, и опубликовал их в своем "Географическом, историческом, политическом, физическом и хронологическом описании Китайской империи и китайской татарии". Материал для карт в этой работе был подготовлен д'Анвилем, величайшим географом того времени, но он не был иезуитом. В дополнение к этим работам пекинскими миссионерами были написаны пятнадцать томов об истории и обычаях китайцев, изданных в Париже.

Эти астрономы и географы-иезуиты были ассоциированными членами всех ученых обществ Европы и были особенно полезны этим организациям, поскольку могли определять долготу и

широта мест, которые они описывали. Между 1684 и 1686 годами они установили точное положение мыса Доброй Надежды и острова Луво в Сиаме. Еще в 1645 году Риччоли попытался определить длину градуса долготы. Аналогичную работу проделали Тома в Китае, Боскович и Майре в Папской области, Лейсганиг в Австрии, Майер в Пфальце, а также Беккариа и Каноника на северо-западе Италии. Веда опубликовала первую карту Филиппин примерно в 1734 году. Мезбург и Гессман составили карты Галиции и Польши, Андриан - Каринтии, а Кристиан Мейер - Рейна от Базеля до Майнца. Риччоли, выдающийся реформатор картографии, опубликовал свой "Новый альмагест" и "Реформатскую географию и гидрографию" еще в 1661 году. Кирхер подарил миру свои "Arsmagnetica" и "Mundus subterraneus" примерно в одно и то же время и с риском для жизни совершил восхождение на Этну и Стромболи, чтобы измерить их кратеры. Его теория внутреннего строения земли была принята Лейбницем и всей геологической школой непунистов. Он был первым, кто попытался нанести на карту океанские течения. Генрих Шерер из Диллингена (1620-1704) посвятил всю свою жизнь географии и составил первые орографические и гидрографические синоптические карты. Иоганн Якоб Хеммер был основателем первого метеорологического общества, в состав которого входили участники со всего мира. Этот список достаточно богат.

Возможно, здесь следует отметить, что эти выдающиеся люди в первую очередь не стремились к отличию или успеху в науках, которым они посвятили себя. Это соображение занимало лишь второстепенное место в их мыслях, и достигнутой ими славы они добивались исключительно для того, чтобы им было легче достучаться до душ людей. Но, с другой стороны, этот мотив вдохновлял их на большее рвение в выполнении своей работы, чем это было бы сделано из чисто человеческих побуждений. Несомненно, Риччи, Шаллю, Вербисту и Гримальди было бы гораздо удобнее смотреть в телескопы в обсерваториях Европы, чем в Кантоне или Пекине, где им каждую минуту грозила опасность, что им отрубят головы. Фактически, после более чем сорока лет служения китайскому образованию в области математики и астрономии единственной наградой, которую получил отец Шалл, было, как мы видели, то, что его потащили в суд, хотя он был парализован и потерял дар речи, и приговорили к разрубанию на куски.

Совершенно верно, что философы Общества никогда не развивали никакой независимой философской или теологической мысли в современном понимании этого термина. То есть они никогда не вели себя как капитан корабля, который выбрасывает свои карты и компас за борт и настаивает на том, что Север - это Юг, потому что он так думает. Цель философии - интеллектуальная истина, а не экстравагантность неупорядоченного воображения. Вопреки современному суеверию, католическим философам авторитет не мешает в их рассуждениях, и они не вынуждены при изучении логики, метафизики и этики черпать доказательства из откровения. Философия - это человеческая, а не божественная наука, но, с другой стороны, католической философии мешает преодолеть пропасть обладание более высоким знанием, чем когда-либо мог бы достичь человеческий разум без посторонней помощи. Защищенный таким образом, он спекулирует с дерзостью, о которой те, кто не обеспечен таким образом, не могут иметь ни малейшего представления. Для них философия проходит через весь богословский курс, и когда Священное Писание, заявления Церкви и изречения Отцов Церкви установили истинность рассматриваемого конкретного учения, тогда вступает разум, и, возвышенный, облагороженный, укрепленный и просветленный, он уверенно ступает в высшие сферы мысли. Целых три года отводятся на ее тщательное изучение при формировании иезуитской схоластики, и она продолжает использоваться на протяжении всех четырех или пяти лет его богословия. Обе науки являются фундаментальными в исследованиях Общества, и оно не

испытывало недостатка в почете ни в одной из них. Но поскольку философия является вспомогательной, будет достаточно изложить то, что сказано о богословах Общества.

Доктор Джозеф Поль, пишущий в "Католической энциклопедии", сообщает нам, что спорная теология была доведена кардиналом Беллармином до высочайшего совершенства. Действительно, нет ни одного богослова, который с такой ясностью и убедительной силой защищал бы почти все католическое богословие от нападков реформаторов. Другими богословами, замечательными своей виртуозной защитой католической веры, были испанский иезуит Григорий Валенсийский (ум. в 1603 году) и его ученики Адам Таннер (ум. в 1635 году) и Якоб Грецер (ум. в 1625 году). Также не может быть никаких сомнений в том, что схоластическое богословие обязано большинством своих классических трудов Обществу Иисуса. Молина был первым иезуитом, написавшим комментарий к теологической "Сумме" святого Фомы, за ним последовали кардинал Толетус и другие блестящие испанцы, Григорий Валенсийский, Суарес, Васкес и Дидакус Руис. Суарес, самый выдающийся из них, также является выдающимся теологом, которого подготовило Общество Иисуса. Его известность обусловлена не только плодородием и богатством его литературных произведений, но и его ясностью, умеренностью, глубиной и осмотрительностью. У него был критик, одновременно тонкий и суровый, в лице его коллеги Габриэля Васкеса. Дидакус Руис, как и Кристофер Жиль, написал виртуозные трактаты о Боге и Троице; за ними последовали Харруабал, Фердинанд Бастида, Валентин Херис и другие, чьи имена навсегда будут связаны с историей молинизма. В последующий период Джон Препозитус, Каспар Уртадо и Антонио Перес снискали известность своими комментариями к Святому Фоме. Рипальда написал лучший трактат о сверхъестественном порядке. Леонарду Лессиусу мы обязаны несколькими прекрасными трактатами о Боге и его атрибутах. Конинк посвятил Троице, Воплощению и Таинствам свое особое изучение. Кардинал Джон де Луго, известный своей проникательностью и высоко почитаемый как моралист, писал о добродетели веры и таинствах покаяния и Евхаристии. Клод Тифанус - автор классической монографии о понятиях личности и ипостаси, а кардинал Паллавичини, известный как историограф Тридентского собора, завоевал репутацию догматического богослова несколькими своими работами (XIV, 593-94).

Что касается морального богословия, Лемкхул рассказывает нам, что в середине восемнадцатого века появился человек, который был, так сказать, благословением Божественного Провидения. Благодаря выдающейся святости, которую он сочетал с основательной образованностью, он определенно установил систему нравственного богословия, которая сейчас преобладает в Церкви. Этим человеком был святой Альфонс Мария Лигуори, который был канонизирован в 1839 году и объявлен Доктором Церкви в 1871 году. В юности он был проникнут более строгими принципами нравственного богословия, но, как он сам признается, опыт пятнадцатилетней миссионерской жизни и тщательного изучения привел его к осознанию ложности и пагубных последствий системы, в которой он был воспитан, и необходимости перемен. Поэтому он взял "Мозговую оболочку" иезуита Германа Бузембаума, подвергнул ее тщательному исследованию, подтвердил это внутренними причинами и внешним авторитетом, а затем опубликовал работу, которая была встречена всеобщими аплодисментами и доктрина которой полностью основана на вероятностных принципах. Это одобрение и присвоение учения Бузембаума человеком, ставшим Доктором Церкви, является достаточным подтверждением доктрины вероятности, из-за которой Общество так сильно пострадало, и в то же время великолепной данью величию Бузембаума, "чья книга, - довольствуется словами Лемкюль, - была широко использована", тогда как при жизни автора было выпущено сорок ее

изданий, что произошло за целое столетие до публикации великого труда Лигуори. "Мозговой мозг" Бузембаума был напечатан в 1645 году, а "Моральная теология" Лигуори - в 1748 году. До 1845 года вышло 200 изданий "Бузембаума", то есть по одному изданию за каждый год его существования. В истории морального богословия Санчес, Лайман, Азор, Кастро Палао, Торрес, Эскобар также могут быть названы ведущими светилами.

В Священном Писании есть прославленные имена Мальдонадо, Риберы, Прадо, Перейры, Сансио и Пинеды. О святом Корнилии Лапиде (Ванден Стин) протестантский критик Гетциус сказал в 1699 году: "Он самый важный из католических авторов Священных Писаний". Его "Комментарий к Апокалипсису" переведен на арабский. В аскетическом богословии святой Игнатий является лидером современности; а его "Духовные упражнения" образуют целостную систему аскетизма. С ним множество его сыновей, чьи имена известны в каждом религиозном доме, таких как Беллармин, Родригес, Альварес де Пас, Годье, да Понте, Лессиус, Ланчисиус, Сурин, Сен-Юре, Ноймайр, Диркинк, Скарамелли, Ньеремберг и многие другие. Наконец, нельзя отрицать, что Общество прислушалось ко второму правилу Краткого Изложения своих Конституций, которое публично и с неизменной регулярностью зачитывается каждый месяц в году в каждом из его домов по всему миру, а именно: "Цель этого Общества состоит не только в том, чтобы заботиться о спасении и совершенствовании наших собственных душ с помощью божественной благодати, но и в том, чтобы серьезно заниматься обеспечением спасения и совершенства наших ближних".

Канонизация святых в современной Церкви происходит очень медленно. Годы и не один год тратятся на предварительные исследования жизни, святости, доктрин и чудес того, кто должен быть представлен на всеобщее признание Церкви. Богословы и канонисты должны передавать все эти моменты, а те, кто дает показания, говорят только под самыми торжественными клятвами и угрозой сурового порицания, если они будут свидетельствовать о том, что, как им известно, является ложью. Был затрачен бесконечный труд, прежде чем этот вопрос был представлен Святому Престолу. Очень многие из этих дел никогда не достигают даже этой стадии, ибо повсюду в своем развитии стоит должностное лицо, называемое Защитником Веры, но широко известное как "Адвокат дьявола", чья работа заключается в том, чтобы делать все возможное, чтобы чинить препятствия на пути канонизации. Тем не менее, в списке славы Общества достаточно людей, несмотря на его сравнительно недолгое и постоянно беспокойное существование, чтобы убедить мир в том, что это не организация maleficent, как ей приписывают.

Во главе списка стоят два друга, Игнатий и Ксаверий, умершие с разницей в четыре года друг от друга: последний в 1552 году, первый в 1556 году. Третий - Борджиа, умерший в 1572 году. Он отказался от всех мирских почестей, кроме почестей настоящей королевской семьи, чтобы занять самое низкое место в Обществе, но он стал его главой. Очаровательный контраст с этими тремя великими людьми составляют три мальчика-святых: Станислаус, Алоизиус и Берхманс, умершие соответственно в 1568, 1591 и 1621 годах. Станислав, маленький польский дворянин, проделал пешком весь путь от Вены до Рима, расстояние в 1500 миль, чтобы поступить в послушничество. У него не было ни денег, ни проводника, ни друзей, но он благополучно добрался до места, потому что ангелы причастили его во время путешествия, и с тех пор он всегда был любимцем новичков в религиозной жизни. Алоизий был княжеской крови, но умер, ухаживая за больными в больнице. Он покровитель юношеской чистоты и никогда не был священником, хотя неразумный писатель делает из него миссионера. Третий, Джон

Берчманс, не был ни принцем, ни дворянином. Напротив, иностранцы, бывало, восхищались, прогуливаясь по маленькому фламандскому городку Диест, когда видели фамилию "Берхманс" на скромных лавках разносчиков и бакалейщиков и воображали, что некоторые из маленьких мальчиков, которые шлепали в своих сабо по дороге в школу, были его родственниками. Его святость сделала имя его семьи известным во всем мире. Его беатификация была особенно желанной, потому что, поскольку Берчманс был самым воплощением иезуитского правления, Орден не мог быть той незаконной организацией, какой его часто называют.

Затем есть три японских иезуита, которые были распяты в Нагасаки в 1597 году; а в 1616 году пришел Альфонсо Родригес, который подготовил Питера Клавера стать Апостолом негритянских рабов в Америке и который спокойно покинул свой пост у ворот колледжа Менорки и отправился к небесным вратам. Питеру Клаверу пришлось ждать тридцать восемь лет, прежде чем присоединиться к своему почтенному другу. Помимо двух первых святых Францисков, в Обществе есть еще двое с таким именем: француз Джон Фрэнсис Реджис, умерший в 1640 году, и итальянец Фрэнсис Иеронимо, чья деятельность закончилась в 1716 году. Они оба были проповедниками в самых заброшенных классах. Иеронимо мог собрать до 15 000 человек на регулярное ежемесячное Причастие, и когда он поступил на королевские каторжные суда, он превратил эти поглотители беззакония в обители мира и смирения.

Здесь можно отметить, что у святого Франциска Реджиса было особое отличие. Спустя долгое время после его канонизации как святого было объявлено, что он фактически был изгнан из Общества и что публичный позор был предотвращен только его смертью, которая произошла до того, как официальные бумаги прибыли из Рима. Это обвинение подобно трезубцу по своей ранящей силе или цели. Это пронзает Региса и убивает его репутацию добродетельного человека; затем это наносит удар по Обществу, представляя его Церкви как достойного вознесения к алтарям человека, которого оно не желало держать в своих собственных домах; наконец, это нападает на Церковь и пытается показать, что не следует уважать ее указы о канонизации. Ученому болландисту Ван Ортрою было почти излишне доказывать, что нет никаких оснований для этой истории об изгнании святого Джона Фрэнсиса Реджиса из Общества Иисуса.

Таковы канонизированные иезуиты. Блаженных гораздо больше. Их девяносто один. Первыми по времени являются сорок португальских мучеников под предводительством Игнатиуса де Азеведо, которые были убиты французскими гугенотами в гавани Азорских островов в 1570 году. Затем следуйте за английскими свидетелями Истины. Первым умер Томас Вудхаус, казненный в 1573 году. Между этой датой и 1582 годом были казнены еще четверо; среди них знаменитый Эдмунд Кэмпбелл. Из тех, кто погиб во время гонений в Японии между 1617 и 1627 годами, есть тридцать один японский, а также европейский иезуиты. Рудольф Аквавива был казнен в Мадуре в 1583 году, а Джон де Бритто - в 1693 году. Два венгра, Мельхиор Гродеч и Стефан Понграч, были убиты в Венгрии в 1619 году, а Эндрю Бобола был зарезан казаками в 1657 году. Среди Благословенных Общества есть и другие, которые не приняли мученической смерти, но были бы готовы таким образом завоевать свою корону, если бы того захотел Бог. Это Питер Фабер, первый священник Общества; Питер Канисиус, апостол Германии; и итальянец Антонио Балдинуччи, великий миссионер, который избивал себя до крови, чтобы тронуть сердца закоренелых грешников вокруг себя, и который разжигал костры из плохих книг, картин и игральные карты на общественных площадях, чтобы произвести впечатление на своих

легковозбудимых соотечественников. Его миссионерские методы были чем-то похожи на методы Савонаролы.

Тех, кто причислен к лику Преподобных, насчитывается пятьдесят человек, в том числе Клод де ла Коломбьер, апостол поклонения Святому Сердцу; кардинал Беллармин; Николас Ланчисиус, известный писатель-аскет; Жюльен Монуар, апостол из его родной Бретани; и Хосе Анчиета, тауматург из Бразилии. Однако речь идет о многих других героях, среди которых герои Северной Америки — Жог, Гупиль, Лаланд, Бребеф, Лалеман, Гарнье, Даниэль, Шабанель, — которые были убиты ирокезами. На конклавах 1605 года, на которых были избраны Климент VIII и Лев XI, Беллармин очень серьезно рассматривался как возможный папа, но тот факт, что он был иезуитом, был препятствием в глазах многих. Когда он умер в 1621 году, все ожидали, что он будет канонизирован за свою необычайно святую жизнь. Фактически, Урбан VIII, который был так строг в подобных вопросах, поместил его в число "Достопочтенных" через шесть лет после его смерти. Его дело повторно рассматривалось для беатификации в 1675, 1714, 1752 и 1832 годах, но ничего не было сделано главным образом потому, что это разозлило бы французских политиков-регалистов, поскольку его имя ассоциировалось с наиболее неприятной для них доктриной. В 1920 году это дело было вновь рассмотрено.

Мы опускаем бесчисленные тысячи иезуитов, которые с момента основания Общества всеми возможными способами стремились реализовать его идеалы; героев, которые с восторгом спешили на самые отвратительные и опасные миссии, какие только могли найти в самых отдаленных уголках мира; которые тысячами умирали от болезней и истощения на зараженных чумой кораблях, которые доставляли их к месту назначения, или бросали замертво на каком-нибудь пустынном побережье; или тех, кто был убит дикарями или растерзан дикими зверями; или тех, кто умирал от голода в лесах и пустынях, где они охотились на диких зверей. души; или отдали свои жизни с радостью за привилегию служить пострадавшим от чумы. Мы также не упоминаем здесь великую фалангу неизвестных, которые, без малейшего сожаления о том, кем они могли бы стать в этом мире, пытались повиноваться, по крайней мере, в какой-то степени, тому поразительному предостережению, которое они так часто слышат: *Ama nesciri et pro nihilo reputari*: "Любите быть неизвестными и прослыть ничем", - людей, которые действительно соответствовали этому идеалу в отталкивающих больницах, тюрьмах и приютах или в непрестанной рутине и безвестности обычной жизни. классная комната и неизменный распорядок домашних занятий.

Эти люди видели себя снова и снова ограбили все их имущество, изгнанные из своих стран и городов, как если бы они были преступниками, их имена заклеены подлости и сплетен за все, что есть мерзкого, и они понимают все лучше и лучше, шло время, что означает, что страница, которая смотрит на них из своего господства забронировать и озаглавлен: "сумма и сфера нашей Конституции", и которая говорит им: "Мы-мужчины распят для мира, и которым для меня мир распят; новые люди, которые отложат свои собственные чувства, чтобы вместе со Христом, умерли для себя, чтобы жить в справедливости, которая, с апостолом Павлом, в трудах, в просмотре, в постах, в чистоте, в знании, в долготерпении, в сладости, в Духе Святом, в любви нелицемерной, в слове истины, покажитесь сами служители Бога; и броню справедливости, справа и слева, по чести и бесчестию, при порицаниях и похвалах, на хорошие успехи и неудачи, идти вперед, семимильными шагами к своей небесной стране, и всеми возможными способами, и при всем рвении, погоняет других, не взирая на Бога величайшей славы".

ГЛАВА XII

ОТ ВИТЕЛЛЕСКИ ДО РИЧЧИ

1615-1773

Ученики в Тридцатилетней войне — Караффа; Пикколомини; Готтифредо — Мэри Уорд — Предполагаемый упадок общества — Джон Пол Олива — Иезуиты при королевских дворах — Джон Казимир — Английские преследования. Лузанси и Титус Оутс — Кардиналы — иезуиты - Галликанство во Франции — Майбург - Дез - Проблемы в Голландии. Де Нуайель и Иннокентий XI — Попытка раскола во Франции — Гонсалес и вероятностный подход — Дон Педру Португальский — Новые нападения янсенистов — Администрация Реца — Выборы Риччи — Надвигающаяся буря.

Поскольку срок полномочий Муция Вителлески продлился с 1615 по 1645 год, он почти точно совпал с Тридцатилетней войной. Конечно, колледжи, которые были созданы почти в каждой стране Европы, ощутили на себе последствия этой затяжной и опустошительной борьбы, но, с другой стороны, утешением было то, что многие великие государственные деятели и солдаты той эпохи прошли обучение в этих школах. Был, например, император Фердинанд, о котором Густав Адольф любил говорить: "Я боюсь только его добродетелей", и с ним был связан Максимилиан Великий, который был настолько ревностен в исповедании своей религии, что Маколей описывает его как "пылкого миссионера, обладающего властью принца". Он назначил поэта-иезуита Бальде своим придворным проповедником и вызвал в Ингольштадт астронома-иезуита Шайнера, который оспаривал у Галилея открытие солнечных пятен - на самом деле открытия обоих были синхронизированы друг с другом, но Фабрициус, как утверждается, предвосхитил и то, и другое. Шайнер предложил и спланировал оптический эксперимент, носящий его имя, а также изобрел пантограф.

Тилли, один из величайших воинов своего времени, сначала думал о вступлении в Общество, но, по совету своих духовных наставников, выбрал профессию воина. По словам Спана, "он проявлял подлинное благочестие, замечательный самоконтроль и бескорыстие и казался монахом в одежде солдата" (Католическая энциклопедия, XIV, 724). Поскольку он командовал лигой католических государств и ему было приказано вернуть земли, отнятые у их католических владельцев, он, конечно, приобрел репутацию непримиримого врага протестантизма — образ мыслей, который приписывали его образованию в Кельне и Шатле. Валленштейн, его преемник, получил образование в иезуитском колледже Ольмюца и был щедрым благодетелем своих старых учителей в области образования. Тот факт, что в 1633 году они спасли от ярости венской толпы своего злого врага, знаменитого графа де Турна, когда он был взят в плен Валленштейном во время богемского восстания, должен иметь некоторое значение для рассеивания заблуждения, что иезуиты по сути своей являются преследователями. Когда император Матиас отправил их обратно в Богемию и основал для них колледж в Тирнау и присоединил его к Пражскому университету, они выразили свою благодарность, пожертвовав несколькими своими людьми во время эпидемии, которая тогда свирепствовала.

Ришелье, занимавший видное место в так называемый французский период войны, был особенно заботлив в защите интересов своих бывших учителей. Хотя политически он поддерживал протестантское дело, он неизменно оговаривал в своих договорах, что иезуиты должны быть защищены на территориях, переданных под контроль протестантов, даже когда они выступали против него, как, например, при осаде Праги, где отец Георгий Плахи, профессор священной истории в университете, вывел своих студентов на вылазку и отбросил врага — подвиг, за который он заслужил корону из города, а император Фердинанд III отправил письмо с автографом генералу Общества, чтобы поблагодарить его за патриотизм, проявленный Плахи. Действительно, когда протестантские священники Шарантона хотели, чтобы Ришелье подавил иезуитов, он ответил, что "слава Общества - быть осужденным теми, кто нападает на Церковь, клеветает на святых и хулит Христа и Бога. По многим причинам все должны уважать иезуитов; на самом деле немало таких, кто любит их именно потому, что такие люди, как вы, ненавидят их".

Есть один из их учеников, который в то время, хотя и обладал необычными способностями, принес горе не только Обществу, но и вселенской Церкви: Марк Антонио де Доминис. Он был далматинцем, чья семья подарила Церкви папу римского и многих выдающихся прелатов. Он прошел курс обучения в иезуитском колледже в Иллирии и поразил своих учителей блеском своих талантов. Он поступил в послушничество и вопреки практике Общества был немедленно назначен профессором священного красноречия, философии и математики. Послушать его стекались толпы; тем временем он отличился за кафедрой. Очевидно, он был священником, когда стал послушником. Однако приобретенная им слава вскружила ему голову, и он покинул Общество, чтобы стать епископом, а позже архиепископом в Далмации. Но вскоре его высказывания показали, что он был не в ладах с Церковью. Он был на стороне Венеции в ее ссоре с папой римским, а затем, отказавшись от своего архиепископства, бежал в Англию, где был с энтузиазмом принят Яковом I, который оставил его при дворе, осыпал богатыми благодеяниями и назначил деканом Виндзора. Там он написал книгу под названием "Христианская республика" (1620), в которой отрицал главенство папы римского. Преследуемый угрызениями совести, он отправился в Рим и у ног Григория XV вымалил прощение за свое отступничество. Но его раскаяние было притворным. Его письма определенным лицам показывали, что он все еще был еретиком, и он был заключен в тюрьму Сант-Анджело, где и умер в 1624 году, подавая в последний момент признаки искреннего раскаяния.

Долгое генеральство Вителлески было омрачено одной катастрофой: изгнанием иезуитов из герцогства Лотарингия. Они выступали против двоеженства герцога, но его духовник, отец Шемино, заявил, что существуют достаточные основания для признания первого брака недействительным, и занял противоположную сторону. Он был изгнан из Общества или покинул его.

Во времена Вителлески в Риме появилась знаменитая английская монахиня Мэри Уорд. Она была бедной Кларой, но обнаружила, что быть созерцательницей - не ее призвание, и поэтому предложила основать религиозную конгрегацию, которая делала бы для женщин в их собственной сфере то, что иезуиты делали для мужчин. С этой целью она попросила об освобождении от огораживания, хоровых обязанностей, религиозных обрядов, а также о свободе от епархиального контроля. Поскольку все это было имитацией методов Общества, ее и ее спутниц враги стали называть "иезуитками". Их требования, конечно, вызвали бурю, но отец Вителлески поддержал их, и Суаресу и Лессиусу было поручено изучить устав новой

конгрегации. Тем не менее, хотя женщины пользовались очень большим уважением со стороны трех пап, Павла V, Григория XV и Урбана VIII, комитет кардиналов, которому был передан этот вопрос, отказался в 1630 году утвердить их правила. В 1639 году маленькая группа вернулась в Англию, где под покровительством королевы Генриетты Марии они начали свою работу и были одобрены Святым Престолом. Сначала они были известны в Риме как "Английские леди". В Ирландии и Америке их называют "монахинями Лоретто" (мастерский обзор этого инцидента можно найти в книге Гилдея "Английские беженцы", I, с. vi).

Вителлески умер в феврале 1645 года, и за ним быстро последовали отцы Караффа, Пикколомини, Готтифредо и Никель, общий срок службы которых составил всего семнадцать лет. Караффа руководил Обществом три года; Пикколомини - два; а Готтифредо умер до того, как конгрегация, избравшая его, прекратила свою работу. Никель был выбран в 1652 году. Он был стар и немощен, и по прошествии девяти лет почувствовал себя вынужденным попросить генерального викария помочь ему в его работе. На эту должность был избран Джон Пол Олива. Он прослужил на этом посту три года, но поскольку его сделали викарием с правом наследования, он автоматически стал генералом, когда отец Никель умер 31 июля 1664 года. Этот отход от употребления был разрешен с одобрения папы Александра VII. Олива был венецианцем, и двое из его семьи, его дед и дядя, были дожами Республики. До своего избрания на должность генерала он десять лет был магистром послушников, а также был назначен ректором Германской коллегии. Он был в близких отношениях с Конде и Тюренном; и Иннокентий X умер у него на руках. Очевидно, что его избрание доставило большое удовлетворение. Принцы и кардиналы начали множить коллегии Общества по всей Италии, где их и без того было предостаточно. Милан, Неаполь, Кунео, Монбасилео, Вольтурна, Генуя, Турин, Савильяно, Брера и другие города хотели заполучить их.

Именно этот период с 1615 по 1664 год по какой-то необъяснимой причине и Ранке, и Бемер-Моно описывают как период упадка Общества. Изучение этого обвинительного заключения, конечно, необходимо; и хотя оно обязательно должно быть несколько полемичным, оно может быть полезно для лучшего понимания ситуации и дать более полное представление о фактах. Ранке начинает свою атаку с того, что дискредитирует Вителлески, описывая его как человека "малообразованного", приводя в качестве авторитета этого утверждения фразу какого-то итальянского писателя, который говорит, что Вителлески был человеком *"ди poche lettere ma di san-tita di vita neor-dinaria"*. Очевидный смысл этого заключается не в том, что он был человеком "малообразованным", а в том, что "он написал очень мало писем". Поскольку он принадлежал к необычайно прославленной семье принцев, кардиналов и пап; и поскольку он не только прошел полный курс обучения в Обществе, но и преподавал философию и теологию в течение нескольких лет и впоследствии был назначен ректором Высшей коллегии Неаполя, которая была центром передовых исследований Общества, и поскольку он был, кроме того, автором нескольких ученых работ, явно нелепо причислять его к неграмотным. На самом деле Муций Вителлески был гораздо более образованным человеком, чем Леопольд фон Ранке.

Отец Никель, в свою очередь, назван "грубым, невежливым и отталкивающим; до такой степени, что он был смещен со своего поста генеральной конгрегацией, которая недвусмысленно заявила, что он утратил всякую власть".

Было бы трудно вместить в целую главу столько ложных утверждений, сколько этот многоуважаемый историк ухитряется вместить в одно предложение. Ибо, помимо присущей ему

невозможности для кого-либо, кто был "груб, отталкивающий и невежливый", достичь звания генерала Общества, абсолютно неверно, что отец Никель "был смещен со своего поста и ему недвусмысленно сказали, что он утратил свои полномочия". Отнюдь не в этом дело, но именно он созвал прихожан для того, чтобы донести до них настоятельную необходимость своего освобождения от тяжелого бремени занимаемой должности. Собравшись, первое, что он сделал, это попросил позвать викария, потому что его немощи и возраст — ему тогда было семьдесят девять лет — не позволяли ему выполнять свои служебные обязанности или даже принимать участие в делах общины. Более того, абсолютно клеветнически утверждать, что собрание недвусмысленно заявило, что он утратил всю свою власть. Даже Ранке, который выдвигает обвинение, заявляет, что он не был виновен ни в каком проступке; и действия конгрегации по определению должности викария как "не совпадающей с должностью генерала в отставке" не были ничем иным, как желанием избежать того, чтобы Обществом управляли две головы. Это также не означало "изменения в методах общества", поскольку в конституции с самого начала было предусмотрено даже смещение генерала. Опять же, его манеры были далеки от того, чтобы быть отталкивающими, прихожане провозгласили его полной противоположностью. Действительно, все его собраты сочувствовали ему, особенно в тот момент, потому что, помимо обычного бремени своей должности и своего возраста, он был огорчен только что полученным печальным известием о том, что трое из Отцов, которые были делегатами конгрегации — вице-провинциал Сардинии и двое его помощников — потерпели кораблекрушение в устье Тибра. Слова о том, что прихожане приняли его уход, не означают ничего, кроме глубочайшего почтения и привязанности. Это: *Congregatio obsequendum duxit voluntati charissimi optimeque meriti Parentis*, то есть "Конгрегация сочла уместным выполнить желание самого любимого и наиболее достойного Отца".

Бемер-Моно также, несмотря на их совместные претензии на искренность и отсутствие предвзятости, особенно резко осуждают характер Общества на данном этапе. "Это уже не автократия, - говорят они, - а многоголовая олигархия, которая защищает свои права от генерала так же ревностно, как венецианская знать защищала свои права от дождей. Военный и монашеский дух расслабился, и его место занял дух роскошной праздности и жадности к мирским благам. Доказательством этого служат не только труды врагов иезуитов, но и письма их собственных генералов. Так, Вителлески писал в 1617 году, что упрек в стремлении к наживе был всеобщим по отношению к Обществу. Никель также направил большое циркулярное письмо, в котором призвал Орден соблюдать апостольскую бедность. Действительно, Джон Собеский, преданный друг Ордена, не смог удержаться от письма Оливе: "Я с глубокой скорбью отмечаю, что доброе имя Общества сильно пострадало из-за вашего стремления увеличить его состояние, не заботясь о правах других. Поэтому я чувствую себя обязанным предостеречь здешних иезуитов от их страсти к богатству и господству, которая слишком очевидна у иезуитов других стран. Ректоры стремятся обогатить свои колледжи любыми способами. Это их единственная мысль". Но эти упреки не произвели впечатления на Оливу, который был сибаритом, ведущим праздную жизнь в Джезу или на своей прекрасной вилле в Альбано. Даже если бы он был достойным человеком, он был бы бессилен, ибо в 1661 году Госвин Никель был свергнут исключительно из-за его жесткости по отношению к наиболее влиятельным членам Ордена. Конституция Ордена была изменена, поскольку Олива был произведен в генералы за то, что потворствовал кумовству папы римского".

Ответ на это грозное обвинение таков: — Во-первых, Генерал Общества не может быть автократом. Он должен править в соответствии с Конституцией; в противном случае он может

быть смещен генеральной конгрегацией. Во-вторых, обществом никогда не может править олигархия, особенно "многоголовая олигархия", что является противоречием в терминах. Единственной возможной олигархией была бы небольшая группа вокруг генерала, известная как помощники, представляющие различные национальные или расовые слои общества. Но они не наделены никакой властью. Они всего лишь советники, избираются Конгрегацией и *ipso facto* теряют свою должность в случае смерти Генерала, хотя, конечно, остаются у власти до избрания его преемника. Метафора венецианской знати и дождей неприменима в Обществе Иисуса.

Неверно и то, что после смерти Вителлески "он утратил свой монашеский дух" по той простой причине, что у него никогда не было этого духа. Иезуиты не являются монахами, и их официальное обозначение в церковных документах - *Clerici Regulares Societatis Jesu* (Клерки, или священнослужители, постоянные члены Общества Иисуса). Именно потому, что они порвали со старыми монашескими традициями и методами, к ним так долго относились с подозрением светское и обычное духовенство, особенно учитывая, что нововведение было внесено в то самое время, когда Мартин Лютер яростно нападал на монашеские ордена. Если, однако, под "монашеским духом" подразумевается религиозный дух, а именно это, возможно, и имели в виду авторы, то нетрудно будет показать, что благочестие и святость жизни не покинули Общество. Например, некоторые из величайших современных писателей-аскетов появились в Обществе как раз в то время. Таким образом, Суарес умер в 1617 году, а Лессиус - в 1623 году, и оба они, возможно, когда-нибудь будут причислены к лику святых. Последнему святой Франциск Сальский написал письмо, в котором признавал свой духовный долг перед Обществом. В то время также жили Беллармин, Петавиус, Ньеремберг, Лайман, Кастро Палао, Сурин, Нуэ, де ла Коломбьер и другие, не менее духовные люди. Альварес де Пас умер в 1620 году, Ле Годье в 1622 году, Дрекселлиус в 1630 году, Луи Лальмант в 1635 году, Ланцисиус в 1636 году, де Понте в 1644 году, Сен-Юре в 1657 году. Тем временем знаменитая работа Родригеса "Христианское совершенство", умершего в 1616 году, проникла во все религиозные дома христианского мира. Кроме того, в тот момент в Обществе было очень много святых людей. Если бы это было не так, кардинал Орсини, умерший в 1627 году, не просил бы о приеме; ни Шарль де Лоррен, принц-епископ и граф Верденский, который поступил туда несколькими годами ранее; ни папа не сделал бы великого венгерского Пазмани кардиналом в 1616 году, а Паллавичини - в 1659 году. Блаженный Бернардино Реалини еще не умер; святой Джон Берчманс был жив в 1621 году; а святой Питер Клавер умер в 1654 году, раньше своего советника святого Альфонса Родригеса; святой Джон Фрэнсис Реджис дал свои первые обеты в 1633 году, а сам Вителлески, по общему признанию, был человеком необычайной святости. Религиозный орден с такими членами - обратная сторона декадентства.

"Воинский дух", в утрате которого упрекали Общество, был, без сомнения, тем отважным "миссионерским духом", который принес ей столько славы в первые дни. Но это ни в коем случае не было потеряно. Андрада совершил свое знаменитое путешествие в Тибет в 1624 году; де Родс около 1630 года отправился в свое знаменитое сухопутное путешествие из Индии в Париж, а затем отправился в Персию, где и умер; миссионеры Северной Америки исследовали Гудзонов залив и Великие озера и искали Миссисипи; миссионеры Южной Америки следовали за чудесной Виейрой через тысячи миль лесов и вдоль бесконечных рек в Бразилии; другие искали души в Конго, Золотом берегу или Абиссинии; Херонимо Ксавье и де Нобили были в Индии; другие снова в Персии и на Ближнем Востоке. Острова Греции; а Риччи, Шалл и их товарищи обращали Китай в христианство. Мученичества происходили по всему миру, подобно

мученичеству Бребефа и его товарищей в Канаде; иезуиты отдавали свои жизни в Мексике, Парагвае, на Карибских островах, на Филиппинах, в России, Англии, Венгрии и, прежде всего, в Японии, где каждый член Общества был либо убит, либо сослан; в то время как тысячи их собратьев в Европе требовали занять их место в яме или на костре. Такое положение вещей, по-видимому, не означает вырождения или декаданса.

Что касается "большого циркулярного письма", которое отец Никель разослал всему Обществу, то этот документ был не чем иным, как академическим рассуждением об относительной важности бедности по сравнению с двумя другими обетами. Это не было порицанием Общества за несоблюдение бедности. Что касается Собеского, то невозможно представить, чтобы он когда-либо произносил подобную клевету против своих самых преданных друзей. Они обучали его интеллектуально и духовно; незадолго до великой битвы с татарами он провел всю ночь в молитве со своим духовником-иезуитом Пшеборовским, а утром он и все его солдаты преклонили колени, чтобы получить благословение священника. Наконец, когда кровопролитная битва была выиграна, они преклонили колени перед алтарем, у ног того же священника, и пропели благодарственный гимн Богу за славную победу. Когда Пшеборовский умер, отец Вота занял его место, и именно он побудил героя вступить в Аугсбургскую лигу, тем самым помогая ему снискать славу спасителя Европы, когда 12 сентября 1683 года он отбросил турок от ворот Вены. Поскольку Собеский умер на руках у Воты, маловероятно, что он когда-либо считал своих любящих друзей "жадными и ненасытными".

То, что Бемер-Моно говорит относительно обращения Вителлески к Обществу по случаю его избрания, также не имеет оправдания. Генерал не только не осуждает Общество за его вырождение, но и прямо говорит: "Хотя я полностью осознаю, что в теле Общества все еще присутствует тот же дух, который одушевлял его в начале, и более того, что этот дух не только фактически сохраняется, но и заметно крепок, полон жизни и энергии; тем не менее, поскольку каждый желает видеть то, что он любит, абсолютно и во всех отношениях совершенным, мы все, от высших до низших, должны прилагать все усилия, чтобы на нем не было ни малейшего пятна или морщинки. Настаивать на этом - единственная цель этого послания". Позже он говорит: "Есть три вещи, которые помогают нам сохранять этот дух: молитва, гонения и послушание". Второе, по крайней мере, никогда не подводило Общество.

То, что позже такого упадка или дегенерации не было, не подлежит никакому сомнению человеком, чья честность ни на минуту не может быть подвергнута сомнению: отцом Джоном Рутааном, генералом Общества, который написал всем своим братьям по всему миру о третьем столетии в жизни Ордена. Если бы он сделал какое-либо искажение, ему бы немедленно возразили. Что касается его компетентности в этой области, то само собой разумеется, что ни у кого не было лучших средств, чем у него, для ознакомления с состоянием общества в тот период. Он свидетельствует следующее:

"Когда Обществу исполнилось третье столетие, оно, как и всегда, процветало и было энергичным в области литературы, богословия и красноречия; оно с выдающимся успехом занималось воспитанием молодежи, в одних странах не имея конкурентов; в других оно не уступало почти ни одному другому религиозному ордену; его рвение к душам проявлялось в интересах людей всех слоев общества не только в странах Европы, как католических, так и протестантских, но и среди дикарей самой отдаленной части мира, и похвала была присуждена им не меньше, чем плоды, которые они собрали; и что самое важное, среди аплодисментов,

которые они заслужили, и оказанных им милостей их стремление к подлинному благочестию и святости было таково, что, хотя среди огромного числа более чем двадцати тысяч членов Общества, возможно, были немногие, очень немногие, которые в своей жизни и поведении были не совсем такими, какими они должны были быть, и которые, как следствие, навлекали горе на лучшую из матерей, Общество, тем не менее, в каждой провинции было очень много тех, кто отличался святостью и распространял повсюду благоухание Иисуса Христа. Оно вело ожесточенную войну против заблуждений и порока; оно яростно сражалось в защиту Святой Церкви и авторитета престола Петра; оно проявляло неослабную бдительность в обнаружении новых заблуждений, которые затем начали проявляться и целью которых было ниспровергнуть троны королей и принцев и произвести революцию в мире; и оно использовало всю свою энергию голоса, пера, советов и учения, чтобы опровергнуть и, насколько возможно, разрушить эти пагубные доктрины. Следовательно, она поддерживалась и одобрялась Суверенными понтификами и иерархией Церкви, а ее авторитет пользовался высочайшим уважением как у князей, так и у народа. Это казалось великолепным пристанищем науки, благочестия и добродетели; величественный храм, простирающийся над землей, посвященный славе Божьей и спасению душ".

Характеристика Оливы Бемер-Моно как "сибарита, ведущего праздную жизнь в Джезу или на его прекрасной вилле в Альбано", является не чем иным, как оскорблением. Сибариты не доживают до восьмидесяти одного года; и их не призывают занимать должность "апостольского проповедника" четыре сменяющих друг друга папы - Иннокентий X, Александр VI, Климент IX и Климент X; и они не пишут огромных фолиантов по глубокому богословию; и они не выступают в качестве советников пап, королей и принцев; и они не могли бы управлять пятнадцатью или двадцатью тысячами человек, разбросанных по всему миру, все из которых смотрели на них как на святых. Таков на самом деле был этот поистине великий человек, и ложь едва ли могла пойти дальше, чем выставить его в истории позорным столбом как опустившегося сладострастника. Что касается его роскошной виллы, то достаточно будет сказать, что человек, задумавший построить загородный дом иезуитов, никогда его не видел. Он никогда не бывает роскошным, но всегда убогим, голым и бедным.

Весь доступный доход английской провинции в этот период (1625-1743) можно найти в "Отчетах" Фоули (VII, пункты I, xviii) и процитирован в книге Гилдея "Английские беженцы" (I, 156). "Весь доход колледжей, резиденций, семинарий, находящихся в их ведении, а также четырнадцати центров в Англии и Уэльсе за 1645 год составил что-то около 3915 фунтов стерлингов. На эту сумму содержалось 335 человек, что по нынешнему курсу составило бы 34,10 фунтов стерлингов на душу населения. В 1679 году после Оранжевого восстания эта сумма была уменьшена." То, что было верно для английской провинции, в значительной степени можно отнести и к остальным, особенно к той, в которой проживал генерал.

Другой любопытный пример этой систематической клеветы содержится в предисловии к сборнику стихотворений Урбана VIII, отредактированному в 1727 году профессором Оксфорда, которого побудили опубликовать их, как нам сообщают, "потому что стихи были бы отличным исправлением непристойности и необузданной распущенности того времени". Но, восхваляя таким образом папу, этот еретический поклонник Его Святейшества, продолжает говорить, что Генрих IV особенно любил понтифика, и когда на этого монарха напал убийца, "иезуиты, виновники отвратительного поступка, были изгнаны из королевства, и был воздвигнут огромный столб, чтобы увековечить их позор. После чего Урбан, который в то время был кардиналом

Барберини, был отправлен во Францию и убедил Генриха разрушить колонну и отозвать иезуитов, не подвергая их никакому наказанию".

Для человека с обычным интеллектом вывод был бы таков: Барберини признал, что Общество было грубо оклеветано; если нет, то у него был любопытный способ продемонстрировать свою привязанность к королю, вернув к жизни его смертельных врагов и уничтожив колонну. Автор этого излияния также не сообщает своим читателям, что папа Урбан VIII был учеником иезуитов; что всю свою жизнь он был особенно привязан к Ордену; что одним из его первых действий после восшествия на папский престол было возведение Франциска Борджиа в ранг блаженных; что иезуит, кардинал де Луго, был его особым советником и что при реформе псалтыри Требника он доверил эту работу исключительно иезуитам. Что касается изгнания Общества из Франции, Генрих IV не имел к этому никакого отношения. Эту несправедливость следует отнести на счет парижского парламента, над которым Генрих не имел никакого контроля. Он был далек от того, чтобы быть врагом, он был преданным и любящим другом Общества, каким и мог бы быть, поскольку именно влияние испанского иезуита, кардинала Толетуса, позволило ему взойти на трон Франции.

Задолго до своего избрания генералом Олива приобрел значительную репутацию оратора; и, как показывает его переписка, многие монархи Европы пользовались высочайшим уважением за его мудрость как советника. Однако, к сожалению, почти все неприятности, которые происходили в его время, происходили при королевских дворах. Так, во Франции Людовик XIV сделал своего духовника, отца Франсуа Анната, членом своего совета по делам религии, в результате чего когда король поссорился с папой римским, положение Анната стало крайне неудобным; но к его чести следует отнести то, что он добился примирения между королем и понтификом. После Анната Франсуа де Лашезу было поручено распределение королевского патронажа, и, конечно же, это вызвало вражду со всех сторон. В Португалии дон Педро настаивал на том, чтобы отец Фернандес был членом кортесов, но Олива безапелляционно приказала ему отказаться от этой должности. В Испании королева назначила отца Нитхарда, своего духовника, регентом королевства и, хотя он был немцем, великим инквизитором и государственным советником. Когда он воспротивился, она обратилась к папе римскому, и бедняге пришлось согласиться на оба назначения. Конечно, он вызвал противодействие политиков и ушел в отставку. Затем королева отправила его послом в Рим, и по его прибытии туда папа сделал его кардиналом. Он носил пурпур восемь лет и умер в 1681 году. Святой отец Клод де ла Коломбьер, духовный наставник блаженной Маргариты Марии, также относится к категории "придворных иезуитов". Его отправили в Англию в качестве духовника юной герцогини Йоркской, Марии Беатрис Эсте, и хотя он вел очень аскетичную и уединенную жизнь во дворце, его обвинили в участии в знаменитом заговоре Титуса Оутса, по поводу которого вся Англия сошла с ума; и хотя против него не было абсолютно никаких улик, его продержали в тюрьме месяц, а в 1678 году отправили обратно во Францию.

Больше всего Оливе доставляла неприятностей связь отца Петра с английским королем Яковом II. Он был не исповедником, а другом короля, который вытащил его из тюрьмы, в которую его отправил Титус Оутс. Джеймс хотел сделать его великим раздавателем милостыни, и когда Олива запротестовала, Каслмейну, английскому послу в Риме, было приказано попросить папу сделать его епископом и кардиналом. Когда этому помешали, была предпринята попытка предоставить ему место в тайных советах. Кретино-Жоли не только ставит под сомнение искренность Петре в этих различных действиях, но и обвинил английского провинциала в

сговоре. Однако Поллен, который является более поздним и авторитетным специалистом, настаивает на том, что, если мы не можем полностью снять с Петра всю вину, то это главным образом потому, что недостаточно доказательств из первых рук. Петр не предпринял никаких попыток защититься, но король полностью оправдал его. Однако показания короля ничего не значили в Англии для его протестантских подданных. Чувства против Петра были сильны, и Вильгельм Оранский разжигал их по политическим причинам, и самые экстравагантные истории принимались за правду; такие, например, как то, что иезуиты собирались завладеть Англией, или что предполагаемый наследник был мнимым младенцем. Наконец, когда Джеймс бежал во Францию, Петр последовал за ним и оставался рядом до конца. "Он не был заговорщиком, - говорит Поллен, - а добродушным английским священником, который был почти черств к общественному мнению". Совершенно ясно, что он не имел никакого отношения к глупой политике Джеймса. Напротив, он сделал все, что было в его силах, чтобы помешать ей. "Если бы я последовал его совету, - признался Джеймс Людовику XIV, - я бы избежал катастрофы".

В это время появляется романтическая фигура в лице Яна Казимира, который после многих приключений вззошел на трон Польши. Несмотря на увещевания своей матери, он не только отказался оспаривать притязания своего старшего брата, но и поддержал его дело, преданно боролся за его избрание и первым поздравил его с избранием. Затем он покинул Польшу, и мы находим его, во-первых, офицером императорской армии и во главе лиги против Франции. Впоследствии, когда он командовал флотом на Средиземном море, штормом его выбросило на берег близ Марселя; его узнали и продержали в тюрьме два года, но в конце концов освободили по просьбе его брата. Когда он проезжал мимо Лорето, возвращаясь домой, им овладело желание стать иезуитом. Он подал прошение о приеме и был принят, но через три или четыре года ушел и, хотя и не был удостоен ордена, стал кардиналом. Когда пришло известие о смерти его брата, он вернул красную шляпу папе римскому и отправился в Польшу, чтобы предъявить права на корону, а заодно и на корону Швеции. Последнее, конечно, означало войну с Густавом Адольфом, который немедленно вторгся в Польшу, но Казимир изгнал его, а также изгнал пруссаков из Литвы. Вероятно, из-за разногласий в его собственной стране, которые давали ему достаточно занятий, он перестал настаивать на своих правах на трон Швеции и после нескольких безуспешных попыток отказался также от трона Польши.

Говорят, что на собрании в Варшаве, где он объявил о своем отречении от престола, он произнес следующее высказывание, которое звучит как пророчество, но, возможно, было просто хитроумным политическим предвидением. "Молю Бога, - воскликнул он, - чтобы я был лжепророком, но я предвижу великие бедствия для Польши. Казак и москвич объединятся с народом, говорящим на их языке, и захватят большую часть Литвы. Границы Великой Польши будут принадлежать Бранденбургскому дому; и Пруссия, либо по договору, либо силой оружия, вторгнется на нашу территорию. При расчленении нашей страны Австрия не упустит шанса наложить лапу на Краков". Джон был последним представителем Дома Ваза. Ему наследовал Михаил, который правил всего три года (1669-72), а затем был избран великий Собоеский был избран после того, как он и его 20 000 поляков разгромили армию из 100 000 татар — подвиг, который сделал его кумиром страны, а также ее королем.

Став генералом, Олива унаследовал страдания, причиненные обществу английскими гонениями, которые были начаты Елизаветой и продолжены Яковом I. Во время правления Карла I наступило затишье, вероятно, потому, что королева Генриетта Мария была католичкой; а

в 1634 году в британских владениях насчитывалось до ста шестидесяти иезуитов; но Кромвель был верен своим инстинктам, и между временем Долгого парламента и реставрацией Стюартов двадцать четыре католика погибли за Веру. Естественно, иезуиты получили свою долю. Таким образом, отец Джеймс Латин был посажен в тюрьму 3 августа 1643 года, и с тех пор о нем ничего не было слышно. "Исходя из чего, - говорит О'Рейли, - легко догадаться о его судьбе". Уильям Бойтон был одной из жертв всеобщей резни, произошедшей в 1647 году в Кашел-соборе; а два года спустя Джон Бат и Роберт Неттервилль были казнены сторонниками Кромвеля в Дрохеде. Бата привязали к столбу и расстреляли, а Неттервилля, который был инвалидом, вытащили из постели, избили дубинками и выбросили на шоссе. Он умер через четыре дня после этого.

Стюарты были восстановлены в 1660 году, но добродушный Карл II не предпринял серьезных усилий, чтобы вычеркнуть законы против католиков из свода законов, и время от времени издавались прокламации, предписывающие всем священникам и иезуитам покинуть королевство. Два случая послужили особыми предложениями для этих изгнаний. Одним из них была "Великая чума", а другим - "Великий пожар", ответственность за оба из которых возлагалась на иезуитов. Никто не знал, что будет дальше, когда в Англии появился человек, которому Кретино-Жоли уделяет значительное место, но которого английские писатели почти не замечают. Он представился как Ипполит дю Шатле де Люзанси. Он был сыном французской актрисы и находился под обвинением в подделке документов в своей родной стране; вдобавок к этим достопримечательностям, основанным или нет, он утверждал, что был бывшим иезуитом. Конечно, прелаты Официальной Церкви приняли его с большим энтузиазмом, поскольку он дал понять, что вполне готов принять любое религиозное вероучение, которое они могли бы ему представить. Правительственные чиновники также приветствовали его. Его первым подвигом было обвинение отца Сен-Жермена, духовника герцогини Йоркской, в том, что он вошел в его квартиру с обнаженным кинжалом и угрожал убить его. После чего вся Англия была поражена, и Палата лордов приняла законопроект, приговаривающий всех священников и иезуитов к тюремному заключению. Сен-Жермен был первой жертвой. Затем Лузанси был вызван в тайный совет и рассказал леденящую кровь историю о большом заговоре, который вынашивался на Континенте. В нем были замешаны король и герцог Йоркский. На первый взгляд эта история была ложью, но Лузанси был взят под защиту епископа Лондонского; Оксфорд присвоил ему степень магистра искусств и назначил викарием Дувр-Корта, Эссекс. На этом этапе появился самый неожиданный защитник Общества в лице Антуана Арно, самого яростного врага иезуитов во Франции. Он осудил Лузанси как самозванца и отругал весь английский народ за то, что тот принял миф о заговоре. Его возмущение, однако, было вызвано не какой-либо любовью к Обществу, а тем, что Люзанси утверждал, что долгое время жил с янсенистами и, в частности, с Арно, в Порт-Рояле.

Вероятно, именно успех, достигнутый Luzancy, позволил предположить большую экстравагантность Титуса Оутса. Титус Оутс был священником англиканского истеблишмента и впервые проявил себя в сотрудничестве со своим отцом Сэмюэлем, который также носил эту одежду, сфабриковав отвратительное обвинение против некоего школьного учителя-протестанта, за что отец лишился средств к существованию, а сын был отправлен в тюрьму для суда. Сбежав из тюрьмы, Титус стал капелланом на военном корабле, но через двенадцать месяцев был исключен из военно-морского флота. Затем ему удалось добиться назначения протестантским капелланом при дворе герцога Норфолка, и таким образом он вступил в контакт с католиками. Он сразу же заявил о своем обращении и был крещен в Пепельную среду 1677 года. Провинциала-иезуита убедили отправить его в английский колледж в Вальядолиде, но

гносное создание было исключено не прошло и полугода. Тем не менее, он прошел еще одно испытание и был принят в семинарию Сент-Омера, которая вскоре выставила его за дверь.

Приехав в Лондон, он познакомился с Израэлем Тонджем, которого называют "городским богословом и литератором", и вместе они разработали знаменитый "Папистский заговор", каждый из которых претендует на звание его изобретателя. В нем предлагалось: во-первых, убить "Черного ублюдка", прозвище Карла II, которое, по их словам, было в моде среди католиков. Его величество должен был быть застрелен "серебряными пулями из шарнирных карабинов". Во-вторых, два бенедиктинца должны были отравить и заколоть королевского врача "с помощью, - как заявил Титус, - четырех ирландских головорезов, которых должен был нанять доктор Фогарти". Принц Оранский, лорд-епископ Хартфордский и несколько второстепенных знаменитостей также должны были быть устранены с дороги. В-третьих, Англия, Ирландия и все британские владения должны были быть завоеваны мечом и подчинены Риму. Чтобы достичь всего этого, папа, Общество Иисуса и их единомышленники должны были послать итальянского епископа в Англию для провозглашения папской программы. Впоследствии кардинал Ховард должен был стать папским легатом. Отец Уайт, провинциал-иезуит, или Олива, отец-генерал ордена, выдавал поручения генералам, генерал-лейтенантам, морским офицерам. Когда король был должным образом убит, корона должна была быть предложена герцогу Йоркскому после того, как он одобрил убийство своего царственного брата, а также массовое убийство всех своих протестантских подданных. После чего сам герцог должен был быть убит, а французы призваны. Провинциал-иезуит должен был стать архиепископом Кентерберийским и так далее.

Обитатели сумасшедшего дома не могли придумать более экстравагантной бессмыслицы. Тем не менее "вся Англия, - говорит Маколей, - была доведена этим до исступления. Лондон был переведен в осадное положение. Железнодорожные оркестры всю ночь были при оружии. Велись приготовления к баррикадированию главных магистралей. Патрули маршировали взад и вперед по улицам, в Уайтхолле были установлены пушки. Каждый гражданин имел при себе цеп, заряженный свинцом, чтобы вышибать мозги папистским убийцам, а все тюрьмы были заполнены папистами. Тем временем Оутса принимали во дворцах великих мира сего и повсюду приветствовали как спасителя нации". Результатом всего этого стало то, что шестнадцать невинных людей были отправлены на виселицу, среди них семь иезуитов: Уильям Айрленд, Джон Гэвэн, Уильям Харкорт, Энтони Тернер, Томас Уайтбрид, Джон Фенвик и Дэвид Льюис, а также их прославленный ученик Оливер Планкет, архиепископ Армы. Поскольку святой прелат был причислен Церковью к лику блаженных как мученик за то, что таким образом пролил свою кровь, логично предположить, что аналогичное отличие может быть присвоено и всем его спутникам. В списке значатся один бенедиктинец, один францисканец и шесть светских священников. Граф Стаффорд, который, как и все остальные, был приговорен к повешению, повешению и четвертованию, получил милостивое разрешение его величества быть просто обезглавленным. За эти убийства Оутс был пожизненно отправлен на пенсию, но в 1682 году судья Джеффрис оштрафовал его на сто тысяч фунтов стерлингов за *великий скандал* и приговорил к порке, позорному столбу, унижению достоинства и пожизненному заключению. "Он заслужил большее наказание, - сказал судья, - чем может назначить закон". Но когда Вильгельм Оранский вззошел на трон, он простил негодяя и назначил ему пенсию в триста фунтов.

В своем "Папистском заговоре" Поллок постоянно настаивает, скорее намеком, чем прямым утверждением, что Оутс был новичком в Обществе. Так, нам сообщают, что его отправили в "Коллегио де лос Инглес в Вальядолиде воспитывать иезуита"; а впоследствии "исключенный послушник был отправлен для завершения своего образования в Сент-Омерс". Но, во-первых, "Коллегио" в Вальядолиде или где-либо еще никогда не может быть послушником, поскольку новичкам запрещено учиться в колледжах; во-вторых, Сент-Омерс во Франции был школой для мальчиков и ничем иным; в-третьих, описание Оутса отцом-иезуитом Уорнером абсолютно исключает любую возможность того, что он когда-либо был принят в качестве послушника или даже отдаленно перспективного кандидата.

Рисунок, сделанный пером Уорнера, заслуживает воспроизведения. Его общие положения таковы: "Разум в сумме глупостей; язык бальбутиенс; сердце и тривия; голос стридулы и кантильи, плорантис, говорящий подобно. *Memoria fallax, prius dicta numquam fideliter reddens; frons contracta; oculi parvi et in occiput retracti; facies plana, in medio lancis sive disci instar compressa; prominentibus hic inde genis rubicundus nasus; os in ipso vultus centro, mentum reliquam faciem prope totam æquans; caput vix corporis trunco extans, in pectus declive; reliqua corporis hisce respondentia; monstro quam homini similiora.*" По-английски это означает, что прелестный Оутс "обладал умом, в котором глупость была в высшей степени заметна, языком, который запинаясь в вульгарной речи; голосом, который был пронзительным, плаксивым и больше походил на стон, чем на членораздельное высказывание; неверной памятью, из-за которой он не мог вспомнить, что было сказано; узким лбом, маленькими глазами, глубоко запавшими на затылок; плоским лицом, вдавленным посередине, как тарелка; красным носом, зажатым между пухлыми щеками; ртом, настолько расположенным в центре лица, что подбородок выдавался вперед. почти такой же крупный, как остальные черты лица; его голова склонена вперед на грудь; и остальная часть его тела такого же телосложения, что делает его скорее монстром, чем человеком". Если бы английский провинциал мог хоть на мгновение мечтать о допущении такого аборта в Общество, он бы подтвердил свое имя отца Стрейнджа. С другой стороны, для фанатиков того времени было естественно усыновить Оутса.

Во время правления Оливы, несмотря на его протесты, отец Джованни Салерно и Франсиско Сьенфуэгос были возведены в сан кардиналов; при Петре Великом несколько иезуитов были допущены в Россию, но грозный царь был непостоянен и вскоре после этого изгнал своих гостей. Был также некоторый миссионерский успех в Персии, где 400 000 несториан были обращены в христианство в период с 1656 по 1681 год, когда умерла Олива.

Шарль де Нуайель, бельгиец, теперь был назначен викарием; а на собрании конгрегации, собравшемся в 1682 году, он был избран генеральным, получив все голоса, кроме своего собственного. Ему было тогда шестьдесят семь лет. Его первой задачей было урегулировать разногласия между Иннокентием XI и Людовиком XIV по вопросу *орегалии*, или королевском праве распоряжаться доходами определенного количества вакантных аббатств и епископальных кафедр, на которые претендовали короли Франции. Подобные посягательства государства на права Церкви были обычным явлением, простиравшимся еще во времена святого Бернара. К 1608 году французский парламент распространил эту прерогативу на всю Францию; но честный Генрих IV, хотя и был наполовину протестантом, отказался принять ее; тогда как позже католик Людовик XIV не испытывал никаких угрызений совести по этому поводу и издал эдикт на этот счет. Папа выразил протест и отказался направить Буллы королевским кандидатам на вакантные епархии, в результате чего одно время во Франции было тридцать

епархий без епископа. Только два прелата выступили против короля, и, как ни странно, одним из них был Коле, янсенистский епископ Памье, который, что еще более странно, жил в близких отношениях с иезуитами.

До сих пор иезуиты держались в стороне от полемики, но, к сожалению, отец Луи Мамбур опубликовал книгу в поддержку короля, и, хотя он был чрезвычайно выдающимся специалистом в области литературы, особенно в области истории, его быстро исключили из Общества. Король гневно запротестовал и приказал Майбургу не подчиняться, но генерал стоял на своем, и Майбур разорвал связь со своими бывшими братьями. Поскольку практически все епископы были настроены против папы римского, копии Буллы против Людовика были разосланы провинциалам-иезуитам для распространения. Ситуация была крайне неловкой, но прежде чем копии были доставлены, они были изъяты властями. В отместку за Буллу король захватил княжество Беневенто, которое было частью вотчины Церкви, и таким образом навлек на себя приговор об отлучении от церкви. Поскольку епископы также отказались бы принять этот документ, он был доверен отцу-иезуиту по имени Дез, который направлялся из Рима во Францию.

Для француза быть носителем Буллы, отлучающей от церкви его короля, особенно такого короля, как Людовик XIV, было небезопасно; но Дез справился с этой задачей. Он так неторопливо направлял свои шаги в сторону Парижа, что у его братьев в Италии было время обратиться к папе с просьбой отозвать указ. К счастью, папа уступил, и отлучение от церкви так и не было произнесено, к большому облегчению обеих сторон. Вероятно, это закончилось бы расколом; на самом деле это спровоцировало знаменитое Собрание духовенства 1682 года, на котором были сформулированы Четыре статьи Галликанской церкви. Затем эти Статьи были одобрены королем и предписаны для преподавания во всех теологических школах Франции — процедура, которая снова разозлила Суверенного понтифика, который отказался утвердить кого-либо из королевских кандидатов на вакантные епископства. Теперь борьба стала ожесточенной, и говорят, что отец Лашез, независимо от того, по наущению короля или нет, написал генералу, прося его умолять папу передать Буллы. Это навлекло неудовольствие папы не только лично на Лашеза, но и на всех иезуитов Франции.

В 1689 году папа умер, и король, который к тому времени был встревожен тем, как далеко он зашел, предложил, чтобы каждый из названных им епископов написал личное письмо новому понтифику Александру VIII, отвергая акты Собрания духовенства 1682 года. Впоследствии сам король выразил сожаление по поводу того, что сделал эти Четыре статьи обязательными для всего королевства; таким образом, он полностью отменил проведение знаменитого собрания. Однако режим был и остается во Франции правым, независимо от того, является ли он монархическим или республиканским. В настоящее время ему принадлежит все церковное имущество, но он ничего не может сказать о епископских назначениях.

В 1685 году был отменен Нантский эдикт. Он отменил все привилегии, предоставленные гугенотам Генрихом IV, и протестантам был предоставлен выбор: либо отречься от своего вероисповедания, либо покинуть страну. Результат был катастрофическим в промышленном плане, поскольку Франция, таким образом, была лишена большого количества квалифицированных рабочих и зажиточных торговцев; кроме того, поощрялись фиктивные обращения в другую веру. Как обычно, кальвинисты и янсенисты обвинили иезуитов в этой мере, и в отместку генеральные штаты Голландии обложили самыми возмутительными налогами

сорок пять учреждений, которыми Общество владело в этой маленькой стране, надеясь таким образом усугубить их разорение. Но стойкие голландцы выразили официальный протест и потребовали от правительства объяснений, почему люди любых религиозных взглядов, даже иностранцы, должны находить защиту в Голландии, в то время как с коренными голландцами обращаются так несправедливо. Это требование было удовлетворено, но антагонизм правительства, вдохновленный Вильгельмом Оранским, который признавал, что враждебность к Ордену была хорошей рекомендацией для его английских подданных, не был оставлен в стороне. Двадцать лет спустя он был полон сил.

Апостольский викарий Голландии, который был титулярным архиепископом Севастии, долгое время шокировал верующих своим еретическим учением. В конце концов он был смещен Святым Престолом; но против этого акта правительство генеральных штатов выразило протест и приказало иезуитам написать в Рим и просить о реабилитации викария. Аргумент состоял в том, что, сделав это, они восстановят мир в стране, которая, как утверждалось, была очень сильно потревожена папским документом. Их предупредили, что отказ сделать это будет расценен как свидетельство враждебности по отношению к правительству. Де Брюйн, настоятель, фактически написал папе римскому, но вместо того, чтобы просить о реабилитации викария, он поблагодарил Святого Отца за его отстранение. Следствием этого стало то, что 20 июня 1705 года, через три месяца после того, как им было велено написать, сорок пять иезуитских домов в Голландии были закрыты, а семьдесят четыре отца отправились в изгнание, заклеянные как нарушители общественного спокойствия.

Говорят, что именно во время правления отца де Нуайеля Иннокентий XI решил подавить Общество, закрыв послушников. Это признает даже Поллен, и их враги выставляют это напоказ иезуитам как знак немилости, в которой они находятся у этого прославленного понтифика. Утверждение основано на римском документе, осуждающий пункт которого гласит следующее: "Отцу генералу и всему Обществу следует запретить в будущем принимать каких-либо послушников или допускать кого-либо к простым или торжественным обетам под страхом признания недействительным или иного наказания, согласно желанию Его Святейшества, до тех пор, пока они не подчинятся действительному указу, изданному в отношении вышеупомянутых миссий". Кретино-Жоли или его редактор указывают в примечании, что это вообще не папский документ. Папа Римский никогда бы не обратился к себе "Его Святейшество" и не сказал бы себе, что он должен делать. Это было просто Пропагандистское высказывание, в теле которого у Общества не было недостатка во врагах. Оно было датировано 1684 годом, и уже в следующем году сама Пропаганда ограничила его применение провинциями Италии. Он никогда не был одобрен Святым Престолом, и когда его представили Иннокентию XI в еще одной форме, а именно для предотвращения приема послушников в Восточной Азии, он категорически отверг его.

Людовик XIV уступил Нидерланды Испании и в порыве детской раздражительности настоял на том, чтобы тамошняя провинция иезуитов, наполовину валлонская, была присоединена к французской помощи. Когда это требование было проигнорировано, он приказал французским иезуитам, находившимся в Риме, вернуться во Францию, поскольку он предложил сделать французскую часть Общества независимой от генерала. В конце концов его успокоили обещанием, что люди, которые были начальниками непосредственно во Франции, должны быть выбраны на аналогичные должности в валлонском округе. Это было очень глупое представление.

Испанец Тирсо Гонсалес был выбран преемником де Нуайеля в 1687 году. Он преподавал теологию в Саламанке в течение десяти лет и одиннадцать лет был миссионером. Он известен своим неприятием доктрины, известной как вероятностный подход, поскольку он выступал за вероятностный подход. Вероятностность - это та система морали, согласно которой при каждом сомнении, касающемся только законности или противоправности того или иного действия, допустимо придерживаться вполне вероятного мнения в пользу свободы, даже если противоположная точка зрения более вероятна. Однако эта свобода действий не действует, когда речь идет о действительности таинств, достижении обязательной цели или установленных правах другого лица. Гонсалес с немалой горечью утверждал, что, даже за исключением трех исключений, было разрешено придерживаться только более вероятного мнения — доктрины, которая сейчас почти повсеместно отвергается.

Во время генералата Оливы Гонсалес написал книгу на эту тему, которая дважды была отклонена всеми цензорами; после чего в 1680 году он обратился к папе Иннокентию XI с просьбой запретить преподавание вероятностных теорий. Папа римский не зашел так далеко, но он позволил подвергнуть его нападкам. Конечно, Гонсалес, строго говоря, имел право апеллировать к Верховному понтифику, но это было крайне необычное выступление для иезуита, тем более что доктрина, о которой идет речь, была всего лишь вопросом мнения, и все великие авторитеты Общества были против него. Должно быть, его братья были встревожены, услышав о его избрании генералом тринадцатой генеральной конгрегации. Представляется несомненным, говорит Брукер в своей "Истории общества" (стр. 529), что накануне выборов папа выразил свое мнение, что Гонсалес был наиболее доступным кандидатом. Это, очевидно, определило избирательное право, хотя у Гонсалеса, похоже, не было опыта работы администратором.

Одним из первых действий генерала было начало кампании против доктрин галликанизма, сформулированных на знаменитом Собрании 1682 года, которое все считали уже мертвым и похороненным. Его друг, папа Иннокентий XI, умер в августе 1689 года, и его преемник Александр VIII приказал Гонсалесу отозвать все копии, которые были напечатаны. В 1691 году Гонсалес начал печатать свою книгу, которую Олива ранее запретила. Это было пропущено через прессу в Германии без ведома его помощников; копии появились в 1694 году и вызвали в Обществе переполох, особенно после того, как имя Гонсалеса появилось на титульном листе как "Бывший профессор Саламанки и фактический генерал Общества Иисуса". Тем не менее, на генеральной конгрегации, собравшейся в 1697 году, к отцу Гонсалесу относились с глубочайшим уважением. О его доктрине не было произнесено ни слова, и были избраны наиболее приемлемые для него помощники. Хотя впоследствии появилось еще несколько пробабилиористов, Общество, тем не менее, оставалось верным учению Суареса, Луго, Лайманна и их школы.

Затем между доном Педру II Португальским и кардиналом Конти, папским нунцием, возникла ссора по поводу доходов от некоторых поместий. Вопрос был передан Гонсалесу, который принял решение в пользу папы римского, после чего преемник Педру, Иоанн V, закрыл все послушничества иезуитов в Португалии и изгнал некоторых отцов Церкви из страны. Гонсалес умер до того, как это дело было улажено. Он скончался 27 октября 1705 года, на восемьдесят четвертом году жизни. Он был иезуитом шестьдесят три года и в течение девятнадцати лет занимал пост генерала.

Отец Микеланджело Тамбурини был четырнадцатым генералом; его срок полномочий продлился с 30 января 1706 года до его смерти 28 февраля 1730 года. Он был уроженцем Модены и с почетом занимал несколько важных постов, прежде чем в возрасте пятидесяти восьми лет был избран для принятия на себя великой ответственности по управлению всем Орденом. Беспорядки во Франции нарастали. Ибо, хотя непримиримые лидеры янсенистской партии, Арно и Николь, исчезли со сцены — Арно умер в Малине, ожесточенный старик восьмидесяти трех лет, и Николь вскоре последовала за ним в могилу, - все же созданный ими антагонизм против Общества все еще сохранялся и усиливался атеистами, которые теперь начали доминировать во Франции.

Кенель, сменивший Арно и Николь, написал книгу под названием "Моральные размышления о Новом Завете", стиль которой совершенно пленил де Ноая, епископа Шалон-сюр-Марн, и, не обращая внимания на янсенизм, он от всего сердца одобрил ее. Однако позже, когда он стал архиепископом Парижа, он осудил другое янсенистское издание, доктрина которого была идентична той, которую он рекомендовал ранее; после чего была опубликована анонимная брошюра, привлекающая внимание к противоречию; в ней кардинал предстал в очень неприятной позе унижения себя в глазах ученых. Он обвинил иезуитов в этой брошюре, тогда как она была работой их врагов и была написана именно для того, чтобы настроить его против Общества. Ситуация усугубилась, когда другие члены иерархии начали комментировать его одобрение янсенистской публикации, и он был раздражен до такой степени, что отстранил от работы всех иезуитов в епархии. Янсенисты, естественно, ликовали по поводу своего успеха и начали с надеждой ожидать приближающейся смерти Людовика XIV, который никогда не колебался в своей защите Общества. Они воображали, что на его преемника, распутного Филиппа Орлеанского, можно рассчитывать как на свою помощь, но были разочарованы. Он начал с того, что отклонил их петицию об отмене университетских прав иезуитов, и хотя он распустил все братства в армии, он отправил нескольких янсенистов в тюрьму по обвинению в предполагаемом заговоре против правительства, что они, конечно же, приписали махинациям Общества.

Именно во время этого Общего собрания миссии в Парагвае достигли наивысшей степени эффективности. За один год не менее семидесяти семи миссионеров покинули Европу, чтобы участвовать в великой работе. Тем временем Франциск Иеронимо и Энтони Балдинуччи поразили Италию своей апостольской деятельностью, как и Мануэль Падаль в Испании — все трое позже были занесены в церковную доску почета. Наконец, канонизация Алоизия и Станислава Костки наряду с беатификацией Джона Фрэнсиса Режи наложили печать самого торжественного одобрения Церкви на Институт Игнатия Лойолы. Отец Тамбурини умер в возрасте восьмидесяти двух лет. Он прожил шестьдесят пять лет иезуитом; и на момент его смерти Общество имело тридцать семь провинций с двадцатью четыремя домами исповедующих, 612 колледжами, 340 резиденциями, 59 послушниками, 200 миссионерскими станциями и 157 семинариями. Несомненно, это делало что-то для Церкви Божьей.

Франсис Ретц, богемец, был следующим генералом. Его избрание, состоявшееся 7 марта 1730 года, было единогласным; и его двадцатилетнее правление обеспечило Обществу состояние спокойствия, какого оно никогда не испытывало за всю свою историю. Возможно, однако, в этом был бы оттенок печали, если бы можно было предвидеть будущее одного из иезуитов тех дней. Отец Рейналь покинул Общество в 1747 году и присоединился к сульпицианам. Впоследствии он отступил от Веры, стал близким соратником Руссо, Дидро и других атеистов и

умер в преклонном возрасте, очевидно, нераскаявшимся. Прежде чем отец Рец скончался, к тридцати семи уже существующим провинциям добавились еще две; количество колледжей увеличилось до 669; семинарий - до 176, и в реестрах числилось 22 589 членов, из которых 11 293 уже были священниками. В этот период несколько великих личностей, которым предстояло иметь большое отношение к судьбе Общества, начали занимать видное положение в политическом мире. Это были Фридрих Великий из Пруссии, Мария Терезия из Австрии, герцог де Шуазель из Франции и Карвалью, маркиз де Помбал из Португалии.

Через восемь месяцев после смерти отца Реца, которая произошла 19 ноября 1750 года, Общество выбрало своим генералом миланца Игнатия Висконти. В то время ему было шестьдесят девять лет, и он прожил всего два года. Ему наследовал отец Луи Центурионе, которому, помимо бремени своей семидесятилетней жизни, приходилось терпеть боль от постоянных физических недугов. Через два года, 2 октября 1757 года, он испустил дух, а 21 мая следующего года был избран Лоренцо Риччи. По словам Хондера, выбор был единогласным, но в сводке девятнадцатой конгрегации говорится, что он был избран очень значительным большинством голосов.

Кем был Риччи? Он был флорентийцем благородных кровей и родился 3 августа 1703 года. Таким образом, ему было пятьдесят три года, когда его поставили во главе Общества, свидетелем разрушения которого ему предстояло стать пятнадцать лет спустя. С самой ранней юности он привлекал внимание своими необычными интеллектуальными способностями, а также своим пылким благочестием. Он был профессором риторики в колледжах Сиены и Рима, куда допускались только блестящие люди, и по окончании учебы ему было поручено то, что называется "Публичным выступлением", то есть защита в течение всего дня серии диссертаций, охватывающих весь спектр философии и теологии. Впоследствии он преподавал богословие в течение одиннадцати лет и был духовным отцом в Римском колледже. Последняя должность свела его с самыми выдающимися прелатами Церкви, которые выбрали его проводником своей совести. В 1755 году отец Центурионе призвал его на должность секретаря Общества, и он занимал этот пост, когда был избран генералом. Очень часто выражается сожаление по поводу того, что в то время не был выбран генерал марки Аквавива; тот, кто, возможно, был бы способен пережить то потрясение, с которым пришлось столкнуться. Следовательно, выбор человека, который никогда не был начальником ни на одной второстепенной должности, иногда осуждается как глупый. Говорят, что один выдающийся противник воскликнул, услышав результат голосования: "Риччи! Риччи! Теперь они у нас в руках".

Однако не следует забывать, что битва, в которой проявились силы Аквавивы, не идет ни в какое сравнение с той, с которой столкнулся отец Риччи. Против Аквавивы были настроены только испанская инквизиция, небольшое количество непокорных испанских иезуитов и, в определенной степени, Филипп II. Но, во-первых, испанская инквизиция не имела никакого авторитета в Риме; во-вторых, у всех оппозиционных иезуитов в крови было напряжение, которое не нравилось их соотечественникам; и, наконец, хотя Филипп II хотел бы приложить руку к механизму Общества, он всегда был убежденным католиком. Против этой коалиции Аквавива имел в качестве восторженных сторонников всех католических князей Германии, и они во многом способствовали его триумфу. Отец Риччи, напротив, обнаружил, что против Общества выступили так называемые католические короли: Иосиф I португальский, Карл III Испанский и Иосиф II австрийский, все они были полностью во власти вольтеровских министров, таких как Помбал, де Шуазель, Аранда, Тануччи и Кауниц, которые были в сговоре

не только с целью уничтожения иезуитов, но и с целью разрушения Церкви. Подавление Общества было лишь эпизодом в борьбе; его нужно было устранить любой ценой. И тысяча Аквавивов не смогла бы предотвратить это. Два папы пали жертвой этой борьбы.

Карайон в своих "Официальных документах" описывает отца Риччи как "робкого, застенчивого и безынициативного". Среди примеров его робости приводится его осуждение отца Пинто, который по собственной воле попросил Фридриха II объявить себя защитником Общества. Конечно, отец Риччи сурово упрекнул его, и это было правильно, ибо невозможно представить себе более нелепую ситуацию, чем ситуация, когда Общество Иисуса стоит на коленях перед другом Вольтера -полуобезьяном, умоляя его поручиться за добродетель и ортодоксальность Ордена. Самого Фредерика это предложение очень позабавило.

В любом случае, борьба зашла слишком далеко, чтобы можно было надеяться на то, что ее остановят. За восемь лет до этого Помбаль договорился с Испанией о том, чтобы изгнать иезуитов из Парагвая, и добился от умирающего Бенедикта XIV назначения Салданьи для расследования дела португальских иезуитов. Действительно, вскоре выяснилось, что выступления Помбала были лишь частью общего заговора по уничтожению Общества и Церкви.

Как только преемник Бенедикта взошел на папский престол, отец Риччи подал ему петицию, выражающую страдания и вред, нанесенные обществу происходящим в Португалии. Ему были приписаны преступления, не имевшие под собой никаких оснований, и все Отцы Церкви, виновные или нет, были отстранены от своих священнических обязанностей. Петиция не могла быть более скромной или более справедливой, но она обрушила бурю на голову отца Риччи. Печальной особенностью этого послания было то, что, хотя предполагалось, что оно будет абсолютно секретным, оно было немедленно разослано с записками по всей Европе, и кардинал Пассиони выступил с яростным *votum*, или протестом, против него, который осудил его как абсолютно неправдивую и тонкую мольбу, направленную на то, чтобы побудить Святого Отца передать остальную часть своей паствы свирепым волкам (иезуитам). Кардинал заявил, что король Португалии пожаловался на иезуитов и что кардинал Салданья был человеком, способным получить наилучшую информацию об этом деле, и был абсолютно беспристрастен или враждебен к какой-либо стороне, к тому же был известен своим церковным рвением и подчинением главе Церкви.

Папа Климент XIII, далекий от того, чтобы поддаться влиянию этого высказывания о Страсти, назначил конгрегацию для изучения этого вопроса; отчет был благоприятным для Общества, так что Помбала на мгновение остановили. С другой стороны, было совершенно ясно, что битва не была выиграна. Был опубликован ложный отчет о работе конгрегации, и хотя папа приказал общественному палачу сжечь его, это, тем не менее, было открытым заявлением о том, что враги Общества готовы пойти на все, чтобы добиться своей точки зрения. Португальское золото потекло в Рим и монсеньор. Боттари наняли, чтобы возродить всю древнюю клевету на Общество. За короткое время он создал работу под названием "Размышления португальца о мемориале, подаренном иезуитами Его Святейшеству Клименту XIII". Когда встал вопрос о включении книги в Индекс, Алмада, португальский посол, заявил, что, если к такой процедуре прибегнут, Португалия отделится от Церкви. Более того, когда папский государственный секретарь Ачито написал очень мягкое и благоразумное письмо нунцию в Лиссабоне, проинструктировав его сообщить королю, что петиция иезуитов была очень скромной и покорной, его обвинили в объявлении войны Португалии. Тем временем автор "Размышлений"

продолжал распространять другие клеветнические публикации в самом Риме, и папские запреты были бессильны помешать ему.

ГЛАВА XIII

УСЛОВИЯ ПЕРЕД КАТАСТРОФЕЙ

Состояние общества — Семилетняя война — Политические перемены — Правители Испании, Португалии, Неаполя, Франции и Австрии — Февроний — Настроения Иерархии — Папы Бенедикт XIV; Климент XIII; Климент XIV.

Незадолго до своего упразднения Общество насчитывало около 23 000 членов. Он был разделен на сорок две провинции, в которых насчитывалось 24 дома преподобных отцов, 669 колледжей, 61 послушничество, 335 резиденций и 273 миссионерских пункта. Если подробно рассмотреть это общее число, то в Италии насчитывалось 3622 иезуита, примерно половина из которых были священниками. Им принадлежало 178 домов. Провинции Испании насчитывали 2943 члена (1342 священника) и 158 домов; Португалия - 861 член (384 священника), 49 домов; Франция - 3350 членов (1763 священника), 158 домов; Германия - 5340 членов (2558 священников), 307 домов; Польша - 2359 членов; Фламандская Бельгия - 542 члена (232 священника), 30 домов; французская Бельгия - 471 член (266 священников), 25 домов; Англия - 274 члена; и Ирландия - 28. Их миссии были во всех частях света. В Индостане работа де Нобили и де Бритто продолжалась; в Мадуре насчитывалось сорок семь миссионеров. Учреждения в Персии простирались до Исфахана и насчитывали 400 000 католиков. Сирия, Левант и марониты также находились под присмотром. Хотя христианство было подавлено еще в 1644 году, название провинции Япония сохранилось, и в 1760 году в ней насчитывалось пятьдесят семь членов. На момент Подавления Восстания в Китае находилось пятьдесят четыре португальских отца, а в Пекине была организована независимая французская миссия, насчитывавшая двадцать три члена, в основном священников. В Южной Америке вся территория была разделена на миссии, и в Бразилии насчитывалось 445 иезуитов, в том числе 146 в вице-провинции Мараньян. В провинции Парагвай проживало 564 члена церкви, из которых 385 были священниками; на их попечении находилось 113 716 индейцев. В Мексике, которая включала Нижнюю Калифорнию, насчитывалось 572 иезуита, посвятивших себя служению 122 000 индейцам. В Новой Гранаде было 193 миссионера; в Чили - 242; в Перу - 526; и в Эквадоре - 209.

В Соединенных Штатах их по необходимости было очень мало из-за политических условий. На момент Подавления их насчитывалось всего девять, двое из которых Роберт Молине и Джон Болтон дожили до полного восстановления Общества. У французов были миссии в Гвиане, Хайти и на Мартинике; а в Канаде работа, начатая Бребефом среди гуронов, продолжалась среди ирокезов, алгонкинов, абенаки, кри, оттава, миами и других племен Иллинойса, Алабамы и Нижней Миссисипи. На момент Подавления в Канаде и Луизиане насчитывалось пятьдесят пять иезуитов.

Эта всемирная деятельность была синхронизирована с Семилетней войной, которая должна была изменить лицо земли в политическом и религиозном плане. Беспринципная энергия лорда Клайва еще до начала военных действий передала Англии Бомбей, Мадрас, Калькутту и Карнатик. Еще до объявления войны Боскавен, отправленный в Канаду, захватил два французских военных корабля, и на слабый протест Франции был дан ответ захватом трехсот других судов, укомплектованных 10 000 моряками и перевозивших грузы, оцениваемые в 30 000 000 франков. В 1757 году Фридрих Великий выиграл у французов битву при Росбахе и в том же году одержал победу над имперскими войсками. В 1759 году он разгромил русских, но затем, в свою очередь, потерпел такое же поражение; но в 1760 году, когда все казалось проигранным, Россия вышла из боя и стала другом Фридриха. В 1758 году Франция одержала несколько побед в Германии, но в 1762 году была полностью разгромлена и согласилась на то, что французский историк описывает как "позорный мир". Квебек пал в 1759 году, а Водрей капитулировал в Монреале в 1760 году.

Мир был окончательно заключен Парижским и Губертсбургским мирными договорами 1763 года, в силу которых Франция отказалась от всех своих завоеваний на территории Германии, а также от острова Менорка. В Северной Америке она отказалась от Канады с ее 60 000 французскими жителями. Она также потеряла реку и залив Святого Лаврентия, долину Огайо, левый берег Миссисипи, четыре острова в Вест-Индии и свою африканскую факторию Сенегал. Взамен она получила острова Гваделупа, Мартиника, Мари-Галанд, Дезирад и Сент-Люсия. В Азии ей были пожалованы Пондишери, Чандернагор и другие места, но было запрещено укреплять их. Испания уступила Англии Флориду и залив Пенсакола, чтобы вернуть Кубу и Филиппины; а через некоторое время Франция подарила ей Луизиану. Таким образом, Новая Франция была полностью стерта с карты Америки; и сама Франция, потеряв почти все свои другие колониальные владения, увидела, как исчезают ее морская мощь, ее военный престиж и ее политическое значение. Теперь она была только во втором классе среди наций. На том же уровне стояла Испания, в то время как Португалия давно перестала иметь значение. Австрия пришла в упадок, правили протестантская Англия и Пруссия, в то время как на Севере маячила раскольническая Россия.

В Испании Карл III вззошел на престол в 1759 году. Ранее он был королем Неаполя, где правил не без чести. Это правда, что он совершил ошибку, приняв "Семейный договор" Шуазеля, который объединил судьбы Испании с судьбами дегенеративных бурбонов, но, тем не менее, ему приписывают отеческую заботу о своем управлении и добродетельность в личной жизни. К сожалению, находясь в Неаполе, он выбрал своим министром финансов маркиза де Тануччи, тосканца, который на ранней стадии инициировал состязание со Святым Престолом за право убежища. "Но тщетно искать что-либо, на чем можно было бы построить ту возвышенную репутацию, которой Тануччи пользовался при жизни и которая сохранилась за ним даже после смерти. Его финансовая система была фальшивой, ибо вместо того, чтобы поощрять искусства, совершенствовать сельское хозяйство, строить дороги, открывать каналы, основывать мануфактуры в плодородной стране, которой он правил, он только и делал, что наводнял ее таможнями. Людей науки, юристов, археологов, литераторов и других выдающихся людей он оставлял в тюрьме или позволял голодать" (Всемирная биография).

О моральном облике Тануччи можно судить по тому факту, что, будучи назначен регентом в Неаполе, он намеренно пренебрегал образованием наследного принца, держа его в стороне от политической жизни и предоставляя ему любую возможность потакать своим страстям. Он

объявил войну Святому Престолу; он ограничил древние права нунциев; уменьшил число епископств; упразднил семьдесят восемь монастырей; назначил одного из своих приспешников архиепископом Неаполя и запретил оказывать папе церемониальные почести, которые использовались еще со времен Карла Анжуйского. Он правил Двумя Сицилиями в течение пятидесяти лет и унес с собой в могилу презрение знати и ненависть народа Двух королевств. Дюкло сказал о нем: "Из всех людей, которых я когда-либо знал, он был наименее пригоден для правления".

Испанские министры были очень многочисленны и очень плохи. Там был Уолл, которого Шелл называл ирландцем, тогда как Рэнке лишает его этого отличия, причисляя к политическим атеистам того времени. О Сквиллаче мало что сказано, за исключением того, что он был неаполитанцем и, вероятно, принадлежал к одной из ветвей семьи Борджиа. Это человек, чей закон вызвал бурлескные беспорядки в Мадриде по поводу плащей и сомбреро. Иезуиты были ложно обвинены в том, что они были зачинщиками беспорядков, и в результате пострадали за это. Наконец, после многих перемен, появился мрачный и самодостаточный Аранда, "который, - говорит Шелл, - с удовольствием нюхал благовония, которые французские энциклопедисты возжигали на своем алтаре, и чья величайшая слава была оценена как один из врагов алтаря и трона". Бывший министр Фердинанда V со зловещим титулом герцога Альвы был его близким другом и разделял его многочисленные планы по разжиганию антииезуитизма. Маркиз де Лангле в своем "Путешествии по Испании" (I, 27) следующим образом описывает Аранду: "Он единственный испанец нашего времени, чье имя потомки могут вписать на свои скрижали. Это человек, который хотел вырезать на фасаде каждого храма и объединить на одном щите имена Лютера, Кальвина, Магомета, Уильяма Пенна и Иисуса Христа; и провозгласить от границ Наварры до Кадисского пролива, что Торквемада, Фердинанд и Изабелла были богохульниками. Он продавал алтарную мебель, распятия и канделябры для мостов, винных лавок и дорог общего пользования".

Во Франции условия были еще хуже. За пятьдесят шесть лет правления Людовик XV погряз в приличиях общественной и частной жизни. Он был униженным рабом Помпадур, женщины, которая диктовала его политику, назначала его министров, назначала его послов, сделала по крайней мере одного из его кардиналов и даже командовала его армиями. Ее власть была настолько велика, что императрица Австрии чувствовала себя обязанной обращаться к ней "моя милая". Ей наследовала Дюбарри, которую забрали из дома разврата. Грубость этого существа лишила ее большей части власти, которой обладал ее предшественник, за исключением того, что Луи был ее рабом. Именно Помпадур вывела Шуазеля из неизвестности, чтобы вознаградить его за раскрытие заговора, направленного на то, чтобы одна из его кузин вытеснила ее в отношениях с королем. За это он был назначен послом в Рим в 1754 году, где во время последней болезни Бенедикта XIV он планировал вместе с другими послами наложить королевское вето на выборы преемника Бенедикта. Однако перед этим событием его отправили в Вену, с этого поста он последовательно поднимался до тех пор, пока Франция не оказалась полностью в его руках. Его концепцией был "Семейный договор", или союз всех принцев Бурбонов, который был мощным инструментом в войне против иезуитов. Он был другом Ла Шалоте, одного из заклятых врагов Общества, и был близким другом Вольтера, чью собственность в Ферне он освободил от налогообложения. Дух его религиозной политики заключался в том, что тогда называлось "просвещенным деспотизмом", или систематической ненавистью ко всему христианскому.

Кретино-Жоли описывает его следующим образом: "Он был идеальным джентльменом восемнадцатого века. Он был взят под контроль ее неверием, ее напускным видом, ее тщеславием, ее благородством, ее распущенностью, дерзостью, отвагой и легкомыслием, которое принесло бы мир в Европе в жертву эпиграмме. Он был весь напоказ; решал вопросы, по которым сам лишь бегло пробежался, и нюхал благовония, предлагаемые ему энциклопедистами, но содрогался при мысли, что они могут вообразить себя его учителями. Он не признавал никакого господина ни на троне, ни ниже его. Целью его жизни было управлять Францией и применять к этой больной нации средства, которые, как он мечтал, вернут ей здоровье. Он не мог добиться этого иначе, как завоевав общественное мнение, и с этой целью он льстил философам, захватил парламент, пресмыкался перед мадам де Помпадур и делал все приятное королю. Когда он собрал всех на своей стороне, он начал охоту на иезуитов".

На троне Португалии восседал Иосиф I, о котором отец Уэлд в своей книге "Подавление общества Иисуса" (стр. 91) пишет: "Иосиф I объединил в себе все те черты характера, которые были рассчитаны на то, чтобы сделать его орудием в руках человека, имевшего смелость взять на себя командование и проницательность, чтобы представить себя самым смиренным и верным слугой. Робкий и слабый, как Людовик XV, он легко впадал в страх за безопасность собственной персоны и, до такой степени, которой никогда не достигал французский король, был неспособен проявить собственную волю, когда ему советовал кто-либо, кому удалось завоевать его доверие. К этой умственной слабости он также добавил прискорбный недостаток - быть рабом собственных сладострастных страстей. Не требовалось особого понимания человеческой природы, чтобы увидеть, что Португалию ждет ужасное бедствие. К злу неправильного правления Богу было угодно добавить другие ужасные бедствия, которые повергли страну в неопишемую нищету. Распущенные привычки его отца, Иоанна V, уже подорвали национальный стандарт морали. Знать перестала посещать свои поместья и выродилась в расу простых придворных. Правительство пренебрегало интересами простых людей, и почти единственными их друзьями были религиозные ордена". (Католическая энциклопедия, XII, 304).

Настоящим хозяином Португалии в те дни был дон Себастьяно Хосе Карвалью, более известный как Помбал —гигант, бывший солдат, который, несмотря на свою геркулесову силу и безрассудную отвагу, был проигнорирован, когда встал вопрос о повышении. Он с отвращением покинул армию и под влиянием королевы Марии Австрийской и своего дяди, придворного капеллана, был направлен послом в Лондон, а затем в Вену. В обоих местах он потерпел сокрушительный провал, вероятно, из-за своих жестоких манер. Вернувшись в Лиссабон, он проявил самое подлострастное внимание к церковникам, особенно к королевскому духовнику, иезуиту Карбоне, который постоянно рекомендовал его, пока Иоанн V не приказал ему никогда не упоминать имя Карвалью. Маркизу Валенца, который также настаивал на продвижении Карвалью по службе, Джон сказал: "У этого человека волосы на сердце, и он происходит из жестокой и мстительной семьи". После смерти Джона и ухода на пенсию престарелого Мотты, бывшего премьер-министра, королева-регентша, которая любила австрийскую жену Карвалью, назначила Помбаля премьер-министром, а Мореира, еще один исповедник-иезуит, настойчиво заявлял о его замечательных способностях. Никогда еще отступление от принципов и правил религиозного государства путем вмешательства в дела, выходящие за рамки служебных обязанностей, не наказывалось так ужасно. Однако у отца Уэлда, говоря о Мореире, который был заключенным в Жонкьере, есть примечание, в котором

говорится, что "Морейра до конца протестовал против того, что он никогда не произносил ни слова в пользу Карвалью".

Как только Карвалью пришел к власти, жестокость его характера начала проявляться в кровавых мерах, которые он применял для подавления разбоя, который был широко распространен в стране и даже в самой столице. Особенно наказанию подверглась знать; и когда начала раздаваться общественная критика, он издал яростные эдикты против клеветников из администрации. Он со страшной жестокостью подавил восстание в Порту против основанной им там винодельческой компании и начал серию нападений на самых выдающихся персон королевства. Он с позором отправил в отставку министра военно-морского флота Диего де Мендосу и посла во Франции де ла Серду, а также Джона де Брагансу, маркиза Мариалвы, и многих других. Он отдал высшие должности, церковные и политические, своим родственникам; заставил короля подписать указы, не читая их, некоторые из которых содержали критику государственной измены правительства, и он распространил их действие даже на постановления своего министра; он заставил замолчать проповедников, которые говорили об общественных бедствиях как о наказании Божьем; и запретил им публиковать что-либо без его одобрения. Хотя он реорганизовал военно-морской флот, он оставил армию в развалинах, чтобы знать не могла контролировать ее. Во время его правления в Португалии не было государственной прессы, и письма рассылались только раз в неделю. Он поощрял торговлю и организовывал общественные работы, но всегда для того, чтобы обогатить себя и свою семью. Он бросил тысячи людей в тюрьмы даже без намека на суд, и после его падения в 1782 году, как говорится в "Католической энциклопедии", "из подземных темниц были выпущены восемьсот его жертв, остатки из девяти тысяч, переживших погребение; и был издан правительственный приказ, объявляющий, что ни одна из жертв, живая или мертвая, не была виновна в вменяемых им преступлениях". Это был человек, которого философы восемнадцатого века провозгласили "просветителем своей нации".

В Австрии также не было особого утешения, на которое можно было надеяться. Мария Терезия, несомненно, была набожной, добросердечной и преданной своему народу, но как правительницу ее очень сильно переоценивают. Ее советниками обычно были люди, замышлявшие крах всех существующих правительств, — янсенисты и вольнодумцы. Даже ее придворные врачи были близкими союзниками раскольников янсенистского архиепископа Утрехтского, и они щедро и постоянно пользовались большим уважением, которым пользовались в Вене, чтобы разжигать враждебность к Святому Престолу. Им даже удалось убедить императрицу, хотя они были всего лишь мирянами, назначить комиссию по реформе богословского преподавания в семинариях; и один из их друзей, де Сток, был назначен руководить этой работой. Иезуиты были отстранены от должностей профессоров богословия и канонического права; политики назначили на их место профессоров-мирян, несмотря на протесты епископов; а книги издавались в прямом противоречии с ортодоксальным учением. В это время появился знаменитый трактат, известный как "Февроний", написанный Хонтхеймом, епископом-суфрагистом Трева, который таким образом готовился к пришествию Иосифа II. Университеты быстро заразились его доктринами, и в Бонне и Мюнстере были открыты новые школы на деньги запрещенных монастырей, чтобы ускорить распространение яда. Когда Кельнский университет выразил протест, он был наказан за свою безрассудность.

Само собой разумеется, что если Марию Терезию с ее сильными католическими инстинктами было так легко контролировать, то государственным деятелям, правившим Францией,

Испанией, Португалией и Италией, не составляло труда осуществлять свои гнусные планы против Церкви. Масоны усердно трудились, по радио распространялась аморальная и атеистическая литература. Это уже произвело опустошительный эффект среди аристократии и среднего класса, и теперь нижестоящие классы были глубоко поражены гангреной. Кардинал Пакка, описывающий период, непосредственно последовавший за этим, говорит: "Во время моих двух нунциатур в Кельне и Лиссабоне у меня была возможность познакомиться с большей частью французских *эмигрантов*, и я с сожалением должен сказать, что, за исключением нескольких джентльменов из Провинции, все они открыто исповедовали философские принципы, которые привели к катастрофе, первыми жертвами которой они стали. Временами, в моменты просветления, они признавали, что опрокинутый алтарь повлек за собой падение трона; и что именно мнимая интеллектуальность вольнодумцев внедрила в умы людей новые идеи свободы и равенства, которые имели для них такие фатальные последствия. Тем не менее, они упорствовали в своих ошибках и даже пытались распространять их как устно, так и с помощью самых отвратительных публикаций. Дай Бог, чтобы эти семена нечестия, брошенные на еще девственную почву, не принесли более горьких и ядовитых плодов для Церкви и португальской монархии". Редактор "Мемуаров" добавляет в примечании: "Они слишком преуспели в том, чтобы принести плоды".

"Я помню, - продолжает Пакка, - что во время моей нунциатуры в Кельне некоторые из этих выдающихся *"эмигрантов"* решили отслужить заупокойную службу по Марии-Антуанетте не из каких-либо религиозных чувств, а просто чтобы соответствовать моде, которой придерживались при дворах Европы. Я был приглашен и присутствовал. Священник, отслуживший мессу, произнес хвалебную речь умершей королеве. В своей речи, не лишенной ни красноречия, ни основательности, он перечислил причины Французской революции и привел в пример главным образом нерелигиозные доктрины, которым учила философия того периода. Это неоспоримое утверждение вызвало громкий ропот недовольства в пастве, которая почти исключительно состояла из французов; и когда оратор сказал, что Мария-Антуанетта была одной из первых жертв современной философии, далеко в глубине церкви послышался голос, выкрикивающий в самой оскорбительной форме: "Это неправда". Когда миряне, называвшие себя католиками, были настолько слепы к очевидным фактам и осмеливались вести себя так позорно в церкви на панихиде по своей убитой королеве, не было никакой надежды призвать их вступить за нее ". истина и справедливость в политическом мире.

Иерархия всей Церкви была предана Обществу, но она могла только протестовать. И поэтому, как только появились первые признаки решимости уничтожить Орден, в Рим посыпались письма и воззвания, полные нежной любви и безграничной похвалы жертвам, от епископов со всего мира. Клименту XIII было отправлено по меньшей мере двести писем, но многие из них были либо утеряны, либо намеренно уничтожены, как только великий понтифик испустил свой последний вздох. Отец Лагомарсни нашел многие из них, которые намеревался опубликовать, но по той или иной причине не сделал этого.

Однако некоторые из этих работ были воспроизведены де Равиньяном в его книге "Клеман XIII и Клеман XIV". Они занимают более ста страниц его второго тома, и он выбрал только те, которые поступили от самых важных епархий Церкви, таких как три немецких архиепископства Трев, Кельн и Майнц, чьи прелаты были князьями-выборщиками империи. Есть также обращения от кардинала Ламберга, князя-епископа Пассау, от примаса Германии, архиепископа Зальцбурга, примасов Богемии, Венгрии и Ирландии. Архиепископ Армы говорит, что "он жил с иезуитами с

детства, любил их и восхищался ими". Есть письма от кардинала-архиепископа Турина; архиепископов Мессины, Монреале, Сорренто, Севильи, Компостеллы, Таррагоны и даже с крайнего севера - из Норвегии и Дании, где апостольский викарий умоляет папу спасти эти отдаленные страны от разорения, которое непременно обрушится на них, если иезуиты будут выведены. Все они датированы 1758-1760 годами. Польский епископ Киева умоляет папу встать "подобно медной стене" против врагов Общества, которое он называет *religiosissimus cætus*. Для епископов Ломбеца это *дилектиссима Социетас Иисус, конкусса, конфугит в sinum nostrum*— "самое любимое Общество Иисуса, которое, когда его ударили, бросилось в наши объятия". Епископ Нарбонны заявляет: "Всему миру известно и признано, что Общество Иисуса, достойное всякого уважения, никогда не переставало оказывать услуги Церкви в любой части мира. Никогда не было ордена, сыновья которого выполняли бы обязанности священного служения с более горячим, чистым и разумным рвением. Ничто не могло сдерживать их рвения, и самая яростная буря только демонстрировала постоянство и незыблемость их добродетели". Дю Геклен осуждает это преследование как "зверское, о подобном которому никогда раньше не слышали". "Я опускаю, - говорит архиепископ Ошский, - бесконечное множество вещей, которые заслуживают их похвалы". Епископ Малаги вспоминает, как Климент VIII назвал их "правой рукой Святого Престола". Архиепископ Зальцбурга горько возмущен "клеветническими и порочащими их обвинениями". И, таким образом, в каждом из этих сообщений Святому Отцу нет ничего, кроме восхваления жертв и негодующих обличений их палачей.

Тремя понтификами, занимавшими кафедру Святого Петра в тот период, были Бенедикт XIV, Климент XIII и Климент XIV. Бенедикт умер 3 мая 1758 года, за восемнадцать дней до того, как отец Риччи был избран генералом. Климент XIII был ярым защитником Общества в течение десяти бурных лет своего понтификата; и, наконец, Климент XIV уступил врагу и внес свое имя в Бриф, который законодательно прекратил существование Ордена.

Возможно, никогда еще не было папы римского, который пользовался бы такой всеобщей популярностью, как блистательный Бенедикт XIV. Его привлекательная личность, его большие писательские способности, его готовность пойти на все ради уступок вызвали похвалу даже у еретиков, турок и неверующих. Что касается его отношения к Обществу, то не может быть никаких сомнений в том, что он питал к нему не только восхищение, но и большую привязанность. Он был учеником в его школах и всегда оказывал их членам величайший почет. Он защищал его от врагов и снова и снова расточал похвалы Институту. Это правда, что он подтвердил Буллы своего предшественника, осуждающие малабарские и китайские обряды, но он с негодованием отрицал, что тем самым явно осуждал иезуитов. Верно также, что он назначил Салданию, по просьбе Помбала, исследовать иезуитские дома в Португалии; но, во-первых, это разрешение было вырвано у него, когда он был при смерти; и нет никаких сомнений в том, что, поступая таким образом, он был убежден, что уступка умилюет Помбала, а не повредит иезуитам, поведение которых, как он знал, было безупречным. Более того, он оговорил в Брифинге, что Салдания, который, хотя папа и не знал об этом, был агентом Помбала, не должен публиковать никаких тяжких обвинений, если таковые будут сформулированы, а должен передать их в Рим для вынесения приговора. Наконец, поскольку Бриф был подписан 1 апреля 1758 года, а 3 мая умер папа римский, полномочия Салдании прекратились. Это, однако, его не беспокоило, и он делал все, что приказывал ему Помбаль, чтобы опорочить и разрушить Общество. Он не был агентом Бенедикта.

Бенедикт XIV, далекий от предвзятого отношения к Обществу, на протяжении всего своего долгого понтификата только и делал, что восхвалял его. В 1746 году в Булле "Devotam" он говорит, что "она оказала величайшие услуги Церкви и когда-либо управлялась с таким же успехом, как и благоразумно". В 1748 году "преклеры" заявили, что "эти религиозные деятели повсюду считаются благоуханием Иисуса Христа, и так оно и есть", и в том же году Булла "Constantem" подтвердила, что "они дают миру примеры религиозной добродетели и глубокой науки". Бенедикт умер на руках иезуита, отца Пепе, своего духовника и друга.

Климент XIII, которого звали Карло делла Торре Реццонико, родился в Венеции 7 марта 1693 года; после обучения у иезуитов в Болонье он был назначен референдарием трибунала, известного как Segnatura di Giustizia, а позже стал губернатором Риети, кардиналом-дьяконом, а в 1743 году епископом Падуи. Его народ называл его святым; несмотря на огромные доходы своей епархии, он всегда нуждался, потому что раздавал бедным все, даже рубашку на спине. 5 июля 1758 года он был избран папой римским, сменив Бенедикта XIV. Первое потрясение, которое он получил как глава Церкви, было в 1758 году от Помбала, который оскорбил его, отправив обратно чрезвычайно вежливое письмо, написанное понтификом в ответ на просьбу разрешить наказать трех иезуитов, которые случайно знали дворянина, против которого было выдвинуто обвинение в попытке покушения на короля. Помбал продолжил возмущение, отправив всех изгнанных иезуитов в Папскую область; а затем, в 1760 году, отправив в отставку папского посла из Лиссабона. В 1761 году папа Климент написал Людовику XV из Франции, умоляя его прекратить судебное разбирательство против иезуитов: в 1762 году он протестовал против предполагаемого подавления Общества во Франции; а в 1764 году он осудил правительственную программу, которую он объявил нападением на саму Церковь.

Испания была виновна в следующем возмущении, когда в 1767 году Карл III подражал Помбалу, изгнав иезуитов и депортировав их в Чивита-Веккья, а затем отказавшись ответить на письмо папы римского, который просил объяснить произошедшее. Неаполь и Парма оскорбляли его подобным образом. И чтобы усугубить возмущение, коалиция Бурбонов захватила папские владения Авиньон и Венессен во Франции, а также Беневенто и Монтекорво в Италии. Наконец, когда Испания, Франция и Неаполь направили ему совместную ноту с требованием всеобщего подавления Общества, он умер от горя 3 февраля 1769 года. Ему было тогда семьдесят пять лет, и он управлял Церковью десять лет, шесть месяцев и двадцать шесть дней. Канова, один из последних учеников иезуитов, соорудил ему памятник, положив к ногам понтифика двух львов — одного спящего, другого выпрямленного и готового к бою. По замыслу скульптора, это было изображение кротости Климента в сочетании с неукротимым мужеством, бросившим вызов королям Европы, нападавшим на Церковь.

Де Равиньян говорит о нем: "Не потому, что я иезуит, но независимо от этой принадлежности, я считаю Климента XIII наделенным самыми подлинными чертами величия и славы, которые когда-либо сияли в самых прославленных папах. Он напоминает мне о родословных Иннокентия III, Григория VII, Пия V, Климента XI. Как и они, он должен был сражаться; как и они, он должен был противостоять силам земли, объединившимся против Церкви; как и они, он знал, как соединить самую непреклонную твердость с самой терпеливой умеренностью. Как бы в одиночестве, посреди христианского мира, который замышлял заговор против престола Петра, он страдал и стонал, но он боролся. Он не был политиком; он был папой. Как достойный преемник святого Петра, он твердо стоял на нерушимой скале. Всегда в присутствии Бога и своего долга, когда все земные интересы и когда самые взывающие мольбы, казалось,

побуждали его замолчать и низменно уступить, он слышал в своей душе сильный голос Церкви, которая никогда не может отказаться от прав, которыми наделили ее небеса; и ни угрозы, ни оскорбления, ни грабежи, ни кощунственные нападки не смогли поколебать его решимость сопротивляться и ни на одно мгновение не побудили его проявить хоть малейшее подозрение в слабости. До самой смерти Климент выполнял величественную миссию Верховного понтифика. Он боролся за Церковь, хотя это стоило ему жизни. Его смерть действительно была смертью мученика".

Преемник Климента XIII не был таким героическим. Им был Лоренцо или Джованни Антонио Ганганелли. Он родился в Сант-Архангелло близ Римини 31 октября 1705 года и получил образование у иезуитов в Римини и у пиаристов в Урбано. В возрасте девятнадцати лет он вступил в орден Малых монашествующих и сменил свое крестильное имя Джованни на Лоренцо. Его таланты и добродетель возвысили его до звания генерального инспектора своего ордена в 1741 году. Бенедикт XIV назначил его советником Святой канцелярии, а Климент XIII пожаловал ему кардинальскую шапку по просьбе, как говорят, отца Риччи, генерала иезуитов. 18 мая 1769 года он был избран папой римским 46 голосами из 47. Устранив большое количество возможных кардиналов, католические короли из-за права вето ограничили выбор папы четырьмя из сорока семи членов Священной коллегии. В начале своей карьеры Ганганелли был чрезвычайно благосклонен к иезуитам: но когда его сделали кардиналом, проявилась перемена в настроении, хотя, оказывая ему эту честь, Климент XIII сказал, что он был "иезуитом, переодетым францисканцем". Оказавшись на папском престоле, он отказал даже отцу Риччи в аудиенции, возможно, из страха перед Великими державами; ибо еще до восшествия на престол Климента разрушительная работа уже началась, и новый папа оказался в центре вихря. Теперь было ясно, что Общество никогда не сможет пережить эту бурю.

ГЛАВА XIV ПОМБАЛЬ

Ранняя жизнь — Амбиции — Португальские миссии — Захват испанских владений. Изгнание миссионеров — Конец миссий в Бразилии — Война против общества в Португалии — Иезуитская республика — Кардинал Салданья — Захват церковей и колледжей — Заговор с целью убийства — Тюрьмы — Изгнанники — Казнь Малагриды.

Первым заговорщиком, приступившим к осуществлению давно спланированного властями заговора по уничтожению Общества, был, как и следовало ожидать, безжалостный Помбаль. Он был более бесстыдным и свирепым, чем его товарищи, и применил бы любой метод для достижения своей цели. Безумная ярость, охватившая все его существо против Общества, объясняется кардиналом Паккой, который был папским нунцием в Лиссабоне вскоре после падения Помбала (Notizie sul Portogallo, 10). Он пишет: "Помбаль начал свою дипломатическую карьеру в Германии, где, вероятно, впитал в себя те принципы отвращения к Святому Престолу и религиозным орденам, которые, будучи впоследствии применены на практике, заслужили для него от нерелигиозных философов титул великого министра и просветителя своей нации; от хороших людей, однако, титул мерзкого орудия сект, воюющих с Церковью. Получив пост

премьер-министра, он подчинил себе разум короля, дон-Джозефа, и в течение четверти века правил королевством как деспот.

"Чтобы вести войну против Святого Престола и притеснять духовенство, он принял меры и применил оружие, которое в руках нерелигиозных людей нашего времени причиняло и продолжает причинять Церкви тяжкие раны. Он развратил государственное образование в школах и университетах, особенно в Коимбре, которая вскоре превратилась в центр моральной заразы. Он забрал из рук молодежи королевства здоровые доктринальные труды, которые их до сих пор заставляли изучать; и заменил их раскольническими и еретическими публикациями, такими как "De antiqua ecclesia" Дюпена, осужденная Иннокентием XII; и "Февроний" Хонтхейма, осужденный Климентом XIII. Он также привез в Португалию произведения регалистов и исключил тех писателей, которые отстаивали права и авторитет Святого Престола, в защиту которого он не позволил произнести ни слова. И, к ужасу всех порядочных людей, он заточил в отвратительную темницу святого и достопочтенного епископа, который предостерегал свою паству от этих пагубных публикаций. Тем временем печально известный оратор Перейра, которого "Индекс" осудил, и другие, льстившие ему, получали вознаграждение за свои труды и могли печатать все, что им заблагорассудится. Он был янсенистом, который в вероломной манере секты возвысил авторитет епископов, чтобы принизить авторитет Папы Римского; и расширил авторитет королей в церковных делах до такой степени, что система очень мало отличалась от системы протестантской англиканской церкви. Королева Мария, сменившая Джозефа на троне, многое сделала для улучшения условий жизни, но не возместила всего вреда, который Помбал уже нанес нации. Замаскированное англиканство продолжало существовать в Португалии".

Отец Уэлд присоединяет свое собственное суждение к суждению кардинала и говорит нам, что "предвзятость в характере Помбала можно проследить по его английским связям, когда он был послом в Лондоне". Он выдвигает эту точку зрения, вероятно, из-за заметки Пакки, который говорит, что он не может высказать своего мнения о влиянии Англии на Помбала просто из-за отсутствия документов по этому вопросу. Автор "Мемуаров для служения церковной истории XVIII^{века}" уверяет нас, что целью Помбала было распространить свои реформы даже на лоно Церкви; изменять, разрушать; подчинить епископов своей воле; объявить себя врагом Святого Престола; защитить авторов, враждебных Святому Престолу; поощрять публикации, отличающиеся новизной; поощрять в Португалии богословское обучение, совершенно отличное от того, что было принято до него; и, наконец, открыть путь к новому мировоззрению. пагубное учение в стране, где до тех пор царил религиозный мир.

Этот план не ограничивался религиозной пропагандой, но проник в сферу политики; автор "Жизни Помбала" (I, 145) отмечает сообщение, подтверждаемое "Второй католической памятью", что "Помбал задумал выдать принцессу Марию замуж за герцога Камберленда, мясника из Каллодена, но этому помешал духовник короля-иезуит". По этому поводу Маршал де Бель Иль пишет (Testament politique, 108): "Известно, что герцог Камберлендский мечтал стать королем Португалии, и я не сомневаюсь, что он преуспел бы, если бы исповедники-иезуиты королевской семьи не были против этого. Это преступление так и не было прощено португальскими иезуитами".

Какой бы ни была правда об этих королевских замыслах, вскоре Помбал нашел свой шанс отомстить Обществу за то, что оно воспротивилось его планам превратить Португалию в

протестантскую страну. Разумной личности, по имени Перейра, который жил в Рио-де-Жанейро, подняли крик, от которого, возможно, было предложено ему, что иезуиты сокращений основе белого сношения с туземцами из-за ценные золотые рудники, которыми они обладали; и что было бы правильным и, действительно, очень похвально, что в интересах религии, чтобы правительство воспользовалось этим источником богатства, и таким образом заставить иезуитов, которые контролировали эту территорию, чтобы жить в святости своей профессии. Было также добавлено, что миссии были не чем иным, как крупной коммерческой спекуляцией; и, наконец, что конечным замыслом Общества было создание Республики Парагвай, независимой от метрополии.

Эти три обвинения повторялись снова и снова с момента основания Суда и столь же часто опровергались и были официально опровергнуты после самого тщательного расследования. Но сейчас Португалией правит человек, на которого не повлияли бы никакие религиозные чувства или уважение к истине, если бы он мог нанести вред Обществу. Первым шагом была передача вышеупомянутых миссий под контроль Португалии. Все они находились на восточном берегу Уругвая и принадлежали Испании. Следовательно, в 1750 году между Испанией и Португалией был заключен договор о передаче Испании бесспорного контроля над богатой колонией Сан-Сакраменто в устье реки Ла-Плата в обмен на территорию, на которой находились семь Сокращений Святого Михаила, Святого Лаврентия, Святого Алоизия, святого Иоанна, святого Франциска Борджиа, Святых Ангелов и Святого Николая. Согласно договору, было предусмотрено, что португальцы должны немедленно вступить во владение и выбросить в мир, им было все равно куда, 30 000 индейцев, которые построили деревни в стране и мирно возделывали свои фермы, и которые честностью и чистотой своей жизни подавали миру и на все времена пример того, что Муратори называет *Кристианезимо феличе*.

Чтобы усилить жестокость этого акта, самим Отцам было приказано объявить индейцам приказ об освобождении. Испанский вице-король Перу, королевская аудиенция Чаркаса и различные гражданские и церковные власти Испании заявили, что этот захват был не только самым жестоким нарушением правосудия, которое не могло быть осуществлено иначе, как путем кровопролития, никто не мог сказать, в какой степени, но и что это была передача имущества индейцев их злейшим врагам, португальцам. Ибо изначально Сокращения были созданы именно для того, чтобы избежать бразильских мамелюков. Более того, это почти вынудило бы индейцев прийти к выводу, что Отцы предали их и что они были не только участниками, но и подстрекателями всего плана грабежа. Саути в своей "Истории Бразилии" осуждает это как "один из самых тиранических приказов, которые когда-либо были отданы в безрассудстве бесчувственной власти", и говорит, что "слабый Фердинанд VI понятия не имел о важности договора".

Иезуиты подали апелляцию, но к ним, конечно, не прислушались, и отец генерал Висконти приказал им подчиниться безропотно. К сожалению, комиссар отец Альтамирано, которого он отправил в отставку, оказался плохим выбором. Он был вспыльчивым и властным; и, согласно отцу Хондеру (Католическая энциклопедия), на самом деле относился к своим собратьям-иезуитам как к мятежникам, когда они советовали ему проявлять умеренность. Возможно, на него подействовал тот факт, что он был представителем короля, а также генерала; во всяком случае, индейцы убили бы его, если бы он не сбежал. Десяти лет не хватило бы для переброски такого огромного количества людей с их женщинами и детьми, стариками и немощными, не говоря уже о стадах, сельскохозяйственных орудиях труда и домашней мебели, однако им было

приказано убраться восвояси в течение тридцати дней. Вскоре Помбаль обращался со своими соотечественниками-иезуитами так же, как он обращался с индейцами.

Когда, наконец, жестокий указ был опубликован, все дикие инстинкты индейцев пробудились, и какое-то время казалось, что миссионеры будут убиты. То, что они, наконец, согласились вообще рассмотреть этот вопрос, хорошо говорит о твердом христианском воспитании, которое было дано этим детям леса. Некоторые из касиков действительно убедились в целесообразности этой меры и отправились с несколькими сотнями изгнанников на поиски нового дома в дикой местности. Несколько детей и больных скончались по дороге. Когда, наконец, они нашли место в горах Кванай, на них напали враждебные племена. Некоторое время они сопротивлялись, но в конце концов в отчаянии вернулись в свое прежнее жилище. Что еще хуже, епископ Парагвая уведомил отцов Церкви, что, если они не подчинятся, они будут *ipso facto* отстранены от должности. "Принимая во внимание, - говорит Уэлд, - что, если бы Отцы действительно хотели выступить против правительства, один-единственный знак с их стороны послал бы армию в пятьдесят тысяч человек для сопротивления европейцам; но благодаря их преданности и невероятным усилиям, на поле боя против объединенных армий Испании и Португалии, когда наконец начались военные действия, никогда не было и семисот человек".

В течение 1754 года индейцы изводили врага стычками и одержали множество побед; и в конечном счете они одержали бы победу, если бы у них был лидер. Наконец, в 1755 году объединенные силы противника с тридцатью артиллерийскими орудиями атаковали их с результатом, которого можно было ожидать. Туземцы неистово бросились на своих врагов; но мушкетный огонь и пушки обескровили четыреста из них; а остальные либо бежали в горы, или вернулись к дикой жизни; или подчинились правительству, многие стали такими же плохими, как их сородичи в лесах, из-за разложения, которое они видели вокруг себя. Португальцы вступили во владение семью Сокровищами, но не смогли найти ни одного золота. Их огорчение было настолько велико, что в 1761 году Карвалью захотел вернуть Португалии богатую территорию, которую он отдал Испании; и когда Испания, естественно, возразила, он приготовился начать за нее войну. Наконец он добился своего, и 12 февраля 1761 года территории были возвращены их первоначальным владельцам, но ничего не было оговорено о реституции несчастным местным жителям и иезуитам, которые стали жертвами этой позорной политической сделки.

Некоторые из индейцев, бежавших в леса, продолжали партизанскую войну против захватчиков; но большее число последовало совету Отцов и поселилось на Паране и правом берегу Уругвая. В 1762 году насчитывалось 2497 семей, разбросанных по семнадцати Сокращениям, или *доктринам*, как их стали называть, что эквивалентно термину "приход". Но последовавшее вскоре изгнание Отцов довершило разрушение этого славного дела. Индейцы умерли или снова стали дикарями; и сегодня только красивые руины отмечают место, где когда-то стояло это великое содружество. Во время Подавления, или, скорее, когда Помбал изгнал иезуитов со всех португальских постов в темницы Португалии или бросил их в Папскую область, в провинции Парагвай насчитывалось пятьсот шестьдесят четыре члена, двенадцать колледжей, один университет, три дома для духовных обитателей, две резиденции, пятьдесят семь сокращений и 113 716 индейцев-христиан. Прощание Отцов и индейцев было душераздирающим с обеих сторон.

От реки Ла-Плата до Амазонки большое расстояние, ибо между этими двумя местами около тридцати пяти градусов широты. Но они были не слишком далеко друг от друга, чтобы помешать Карвалью в его разрушительной работе. Сделав на данный момент все, что мог, в одном конце Бразилии, он обратился к миссиям иезуитов в другом. Беглый взгляд на прошлую историю этих заведений покажет ужасающую несправедливость жестоких актов 1754 года.

За сто лет до этого Виейра совершил свою незабываемую борьбу против своих португальских соотечественников за освобождение индейцев из рабства. Тем самым он, конечно, вызвал ярость белых, и они решили сокрушить его. Они посадили его в тюрьму, а в 1660 году отправили его и его спутников в Португалию на сумасшедшем корабле, чтобы судить за нарушение спокойствия в колонии. Тем не менее, он выиграл бой, хотя тем временем индейцы убили трех иезуитов, а их товарищей изгнали из колонии, несмотря на защиту короля. Однако в этом поступке португальцы зашли слишком далеко. Его величество увидел правду и отправил миссионеров обратно. Это было еще в 1680 году. В 1725 году в Португалию были направлены новые жалобы, но верховный губернатор округа Мараньян написал королю следующее письмо: "Отцы общества в этом штате Мараньян являются объектами вражды, и их всегда ненавидели не по какой иной причине, как за их усердную защиту свободы несчастных индейцев, а также за то, что они использовали всю свою власть, чтобы противостоять тираническому угнетению тех, кто хотел обратить в униженное и несправедливое рабство людей, которых природа сделала свободными. Отцы Церкви принимают все возможные меры к тому, чтобы законы вашего величества по этому вопросу соблюдались в высшей степени точно. Они всецело посвящают себя спасению душ и увеличению владений вашего величества; и добавили много сыновей Церкви и подданных короны из числа этих варварских народов".

Что касается их предполагаемой торговли, губернатор говорит: "Что бы ни было выдвинуто против Отцов Церкви злонамеренными клеветниками, которые из ненависти и зависти выдумывают нелепую ложь о богатстве, которое они получают от этих миссий, я торжественно заявляю вашему величеству, и я говорю о деле, с которым я хорошо знаком, что Отцы Общества являются единственными настоящими миссионерами в этих регионах. Все, что они получают от своих трудов среди индейцев, используется на благо самих индейцев, а также для благопристойности и украшения церквей, которые в этих миссиях всегда очень опрятны и очень красивы. Ничего из того, что требуется в миссиях, они не оставляют себе. Поскольку у них нет ничего своего, все, что присылает каждый миссионер, доставляется прокуратору миссии, и каждый пенни из этого возвращается в пользование конкретной миссии, откуда оно поступило. Миссионеры других орденов присылают примерно столько же продуктов, но каждый оставляет свою порцию отдельно, чтобы использовать ее по своему усмотрению, так что, каким бы большим ни было количество, разделенное таким образом, не производит особого впечатления на тех, кто это видит. Но поскольку миссионеры Общества отправляют прокуратору все вместе, количество, если смотреть на него в большом количестве, возбуждает алчность недоброжелателей и завистников".

Примерно в 1739 году Эдуарду душ Сантуш был направлен Иоанном V в качестве специального уполномоченного в Мараньян. Потратив двадцать месяцев на посещение каждой миссии и изучение каждой детали, он написал следующее: "Отвратительное варварство, с которым индейцев обращают в рабство, настолько вошло в обычай, что на это скорее смотрят как на добродетель. Все, что выдвигается против этого бесчеловечного обычая, воспринимается с таким отвращением и так быстро забывается, что Отцы Общества, в чьей благотворительности

эти несчастные создания часто находят убежище и защиту и которые сострадают их жалкой участи, становятся, именно по этой причине, объектами ненависти этих алчных людей ".

Таковы были официальные вердикты о поведении иезуитов на Амазонке за несколько лет до прихода к власти Помбаля. Но в 1753 году, несмотря на все это, он отослал своего брата Фрэнсиса Ксавьера Мендосу, особенно никчемного человека, и назначил его губернатором Гран-Пара и Мараньяна, дав ему большую эскадру кораблей и значительный контингент войск с приказом смирить иезуитов и отправить обратно в Португалию любого из них, кто воспротивится его воле. Все было сделано для того, чтобы создать оппозицию. Им было запрещено говорить или проповедовать индейцам, кроме как на португальском; солдаты были расквартированы в поселениях иезуитов, и им было приказано обращаться с туземцами с особой жестокостью.

В 1754 году в Лиссабоне состоялся совет для решения вопроса об исключении Общества из миссий Мараньяна. Действие ордена было временно приостановлено королевой; но когда она умерла, в июне 1755 года была отправлена депеша с приказом о немедленном выходе их из состава всего "временного и гражданского управления миссиями". В инструкциях говорилось, что это было сделано "для того, чтобы лучше служить Богу". К сожалению, епископ этого места сотрудничал с Карвалью во всем, что было предложено. Он упразднил один из колледжей, ограничил число отцов в других двенадцатью, а остальных отправил обратно в Португалию; и чтобы возбудить поселенцев против Общества, он приказал зачитать с кафедр Буллу Бенедикта XIV, осуждавшую индийское рабство, провозгласив, что она была инспирирована иезуитами. Тем временем в донесениях домой незначительные индийские деревни, где они трудились, были увеличены в великолепные города, все принадлежащие Обществу; два орудия, из которых ни разу не выпустили ни одного ядра, были описаны как целый артиллерийский парк, а бунт среди войск был квалифицирован как восстание, возбужденное иезуитами.

Первыми тремя Отцами, изгнанными из Бразилии, были Хосе, Хундертпфунд и да Крус. Хосе был королевским назначенцем, посланным для определения линии границы между испанскими и португальскими американскими владениями. Но это не беспокоило Помбаля, как и немецкое гражданство Хундертпфунда, и он не соизволил указать точный характер их правонарушений. У четвертой жертвы по имени Баллистер хватило дурного вкуса проповедовать по тексту: "Приобретите себе друзей из Богатства беззакония". Его немедленно обвинили в нападении на одно из коммерческих предприятий Карвалью, и ему немедленно приказали покинуть страну. Опять же, когда некоторые торговые конкуренты направили королю петицию против монополий Карвалью, отца Фонсеку обвинили в подстрекательстве к этому, и он был объявлен вне закона, хотя и был абсолютно невиновен. И так продолжалось. Брату Карвалью было поручено избрести любой предлог, чтобы увеличить число этих эмиграций.

Пока в колониях творились эти безобразия, в Лиссабоне произошло историческое землетрясение 1755 года. Город был буквально превращен в руины. Тысячи людей были мгновенно убиты; и пока другие тысячи лежали, борясь в руинах, поднявшийся уровень Тежу и проливной дождь довершили катастрофу. Как ни странно, дом Карвалью избежал всеобщего крушения; и глупый король счел это исключением Божественным вмешательством в дела своего великого министра и, возможно, по этой причине оставил его без контроля в ярости, которую даже ужасное бедствие, обрушившееся на его страну, несколько не умерило. Иезуитов хвалили и король, и патриарх за их героическую преданность как во время великой катастрофы, так и

после нее, но эти похвалы только еще больше разозлили Помбаля. Когда один из Отцов Церкви, святой Малагида, осмелился сказать с кафедры, что землетрясение было наказанием за порок, свирепствовавший в столице, Помбал расценил это как удар по его администрации; и преступник, хотя ему было семьдесят лет и он повсеместно считался святым, был изгнан из города за подстрекательства народа к восстанию.

Однако разъяренный министр обошелся подобным образом и с другими, даже со своими политическими друзьями. Таким образом, хотя британский парламент проголосовал за выделение 40 000 фунтов стерлингов на помощь пострадавшим, помимо личного подарка королю и отправки кораблей с грузом продовольствия для народа, Помбал немедленно увеличил налог на иностранный импорт, поскольку был финансово заинтересован в отечественном производстве. Даже раздавая провизию голодающему населению, он был настолько скуп, что происходили беспорядки, после чего он вешал тех, кто жаловался. Автор "Жития" (I, 106) ручается за тот факт, что в свое время в разных частях Лиссабона было установлено триста виселиц. Исповедники-иезуиты при дворе были ему особенно неприятны, и он уволил их всех, наказав никогда больше ногой не ступать на королевские владения. Гнев их царственных кающихся не остановил его, настолько абсолютной была его власть как тогда, так и впоследствии. Довод заключался в том, что священники были заговорщиками против короля. Чтобы усилить это впечатление, он указал его величеству на количество правонарушителей против него; на всех членов ненавистного Ордена, которые возвращались на каждом корабле из Бразилии. Генеральный директор Общества, отец Центуриони, написал королю, заявляя о невинности жертв, но письмо так и не дошло дальше министра. Король даже не знал, что оно было отправлено.

Следующим шагом в этом преследовании была публикация знаменитой брошюры, озаглавленной: "Краткий отчет о республике, которую иезуиты установили в испанских и португальских владениях Нового Света, и о войне, которую они вели против армий двух Корон; все это взято из Реестра комиссаров и полномочных представителей, а также из других документов". Копия была разослана каждому епископу страны, кардиналам в Риме и всем дворам Европы. Помбал фактически потратил 70 000 крон на печать и распространение работы, автором которой, как правило, считали его самого. В Южной Америке это было воспринято с насмешкой; в Европе в основном с отвращением. К сожалению, Аччаджуоли, апостольский нунций в Лиссабоне, поверил бразильским историям; но он изменил свое мнение, когда утром 15 июня 1760 года, как раз когда он собирался отслужить мессу, он получил записку, приказывающую ему от имени короля немедленно покинуть город и королевство в течение четырех дней; добавляя, что во избежание оскорблений военный эскорт сопровождает его до границы. За "Кратким отчетом" последовали другие публикации того же содержания. Одна из них приобрела особую известность. Это было: "Письма португальского министра министру Испании об иезуитской империи, Республике Мараньяо; история Николая I." Николаем, о котором идет речь, был Отец по имени Плантико. Чтобы подтвердить историю о том, что он был коронован королем или императором Парагвая, монеты с его изображением действительно были отчеканены и распространены по всей Европе. К несчастью для мошенников, ни одна из монет никогда не была замечена в Парагвае, где они должны были быть в ходу. Более того, поскольку Плантико был перевезен вместе с другими иезуитами Бразилии, он был бы повешен по прибытии в Португалию, если бы попытался основать собственное королевство в Парагвае. Напротив, он уехал в свою родную страну Хорватию и был ректором колледжа Гроссвардейн, когда произошло всеобщее подавление Общества. Фридрих II и д'Аламбер часто шутили друг с

другом по поводу "короля Николая I"; а в Испании эта и другие клеветы были официально осуждены и их распространение запрещено.

Что касается Карвалью, то эти отвратительные фантазии его мозга стали реальностью; и список иезуитских ужасов, который его посол в Риме повторил папе римскому, и все это, как он утверждал, ради Церкви, почти наводит на мысль, что Помбаль был сумасшедшим. Длинные выдержки из документа можно найти у де Равиньяна и Уэлда, но здесь будет достаточно упомянуть несколько обвинений. Это, например, "мятежные махинации против каждого правительства Европы; скандалы в их миссиях, настолько ужасные, что о них нельзя рассказывать без крайней непристойности; восстание против Суверенного понтифика; накопление огромных богатств и использование огромной политической власти; грубое моральное разложение отдельных членов Ордена; отказ даже от внешних проявлений религии; ежедневное и публичное совершение чудовищных преступлений; противостояние королю с большими армиями; внушение в сознании индейцев непримиримой ненависти ко всем белым людям, которые не являются иезуитами; начало восстаний в Уругвае, чтобы предотвратить исполнение лимитного договора; жестоко клеветуют на короля; втягивают дворы Испании и Португалии; сеют мятеж, проповедуя в столице против коммерческих компаний министра; используют землетрясение для достижения своих отвратительных целей; превосходят Макиавелли в своих дьявольских заговорах; выдумывают пророчества о новых бедствиях, таких как предупреждения о подземных пожарах и нашествиях с моря; клеветуют на почтенного Палафокса; совершают преступления похуже, чем преступления рыцарей-тамплиеров, и т.д."

К сожалению, кардинал Пассиони, который недружелюбно относился к Обществу, в то время пользовался большой властью в Риме. Он был настроен настолько враждебно, что не допустил наличия в библиотеке иезуитской книги, что заставило д'Аламбера сказать: "Мне жаль его библиотеку". Он также отказался осудить работу скандального бывшего монаха Норберта, который состоял на жалованье у Карвалью. Что еще хуже, Бенедикт XIV был тогда при смерти. А незадолго до этого, уступив настойчивости Карвалью, он назначил кардинала Салданью, который был инструментом Карвалью, расследовать жалобы и доложить об этом в Рим, не предпринимая, однако, никаких действий на месте. Умирающий понтифик не знал о близких отношениях Салдании с этим человеком в Португалии, иначе он не приказал бы ему при назначении "следовать путями мягкости и рассудительности в обращении с Орденом, который всегда был величайшим назиданием для всего мира; иначе он умалил бы уважение, которое до этого времени они справедливо приобретали в награду за свое усердие. Их священный Институт дал Церкви многих выдающихся людей, учения которых они, не колеблясь, подтвердили своей кровью ". Когда в следующем месяце папа умер, Салданья легкомысленно отнесся к этим инструкциям. Его обычным хвастовством было то, что "воля короля руководила его действиями; и он был в таких обязательствах перед его величеством, что без колебаний выбросился бы из окна, если бы таково было королевское соизволение".

В настоящее время в Лиссабоне появились сообщения, говорит Уэлд (130), что должность посетителя была впервые предложена Франциску Благовещенскому, августинцу, реформировавшему Университет Коимбры; и за его отказ он был отправлен в тюрьму, где и закончил свои дни. Но услужливый Салданья увидел в этом возможность для еще большего продвижения; он согласился на работу и выполнил ее в соответствии с пожеланиями Помбала. Тем временем в крепости Жонкьера строились новые подземелья, в которых должны были быть похоронены провинившиеся иезуиты. Салданья начал свою работу инквизитора 31 мая, с

большой помпы посетив иезуитскую церковь Святого Роха. Восседа на троне в святилище, он протянул руку для поцелуя всем верующим. Когда провинциал преклонил перед ним колени, кардинал сказал ему, чтобы он был уверен — он проявит милосердие. Когда церемония закончилась, он резко удалился, не задавая никаких вопросов и не проводя никакого осмотра. Но несколько дней спустя провинциал получил письмо, датированное 15 мая, то есть за шестнадцать дней до этого визита в Церковь, в котором объявлялось, что отцы в Португалии и в ее владениях до краев земли, по самым полным сведениям, признаны виновными в мирской торговле, которая позорит церковное государство; и им было приказано под страхом отлучения от церкви воздержаться от подобных деловых операций в тот самый час, когда было сделано уведомление. Формулировки, использованные в письме, которое немедленно распространилось по всей стране, были оскорбительными и дискредитирующими в высшей степени.

Затем все прокуроры были вынуждены передать свои книги правительству. И когда охваченные ужасом люди, знавшие, что за всем этим не стоит ничего, кроме ненависти Карвалью, выразили свое недовольство, это было приписано иезуитам. Поэтому 6 июня кардинал-патриарх по наущению премьер-министра отстранил их всех от проповеди и слушания исповедей по всему патриархату. Кардинал сначала возражал, поскольку знал, что лиссабонские иезуиты были полной противоположностью описанию Салданьи, и поэтому потребовал регулярного судебного разбирательства. После чего Карвалью пришел в такую ярость, что от чистого ужаса и после нескольких часов борьбы отдал жестокий приказ. Бедный кардинал, который был горячим другом и почитателем Общества, был так потрясен содеянным, что заболел лихорадкой и умер через месяц. Прежде чем принять последние причастия, он публично заявил, что Общество невиновно, и составил соответствующий документ; но Карвалью так и не дал ему увидеть свет. Когда архиепископ Эворы услышал, что умирающий мужчина проливал слезы из-за своей слабости, он сказал: "Слез недостаточно. Он должен был пролить последнюю каплю своей крови".

Салданья был назначен патриархом вместо умершего прелата; и хотя его должность посетителя прекратилась *ipso facto* после смерти папы, он, тем не менее, продолжал выполнять свои функции. Он назначил Булхоэнса, епископа Пара, печально известного приверженца Карвалью, своим делегатом в Бразилии. Булхоэнс сначала допросил иезуитов Пара, но ничего не смог найти против них. Затем он направился в Мараньян, но местный епископ с отвращением покинул его, а губернатор предупредил Булхоэнса, что, если он будет упорствовать, в городе поднимется шум. Не имея возможности что-либо предпринять, он попросил епископа Баии провести расследование. Приглашение было незамедлительно принято; и всем начальникам было приказано показать свои книги под страхом отлучения от церкви. Они с готовностью подчинились, и в отчетах не было обнаружено никаких вин. Затем он учредил обычный трибунал; получил показания семидесяти пяти свидетелей, среди них родного брата Салданьи, который двадцать пять лет прожил в Мараньяу. Затем он допросил налогового комиссара, через руки которого должны были проходить все контракты и переводные векселя; и этот чиновник подтвердил под присягой, что он никогда не знал и не слышал о каких-либо коммерческих операциях, проводимых иезуитами. В результате мужественный епископ заявил, что "осуждение Отцов Церкви было бы преступлением против Бога, его совести и королевского величества". Когда его отчет был направлен в Португалию, Карвалью приказал конфисковать его имущество, изгнал его из дворца и объявил его престол вакантным. Доблестный прелат провел остаток своих дней в уединении, поддерживаемый подаяниями верующих.

В сентябре 1758 года в Лиссабоне самым запутанным образом было сфабриковано обвинение, основанное на предполагаемом раскрытии заговора с целью убийства короля. В основном это были герцог де Аверио и маркиз де Тавора с женой, двумя сыновьями, двумя братьями и двумя зятьями, все они были схвачены в полночь 12 декабря. Маркизу и ее невестку в ночных рубашках увезли в монастырь; мужчин семьи - в логова, которые раньше занимали дикие звери городского зверинца. Де Авейру, который должен был быть главным убийцей, был схвачен только на следующий день. В эту общую облаву были включены еще несколько человек, некоторые из них утверждали, что весь заговор был сфабрикован. В то же время некоторые из домашних слуг маркиза, вероятно, за то, что оказали сопротивление во время ареста, были казнены, чтобы они не могли рассказать никаких историй. Не имея возможности судить обвиняемых в каком-либо регулярно учреждаемом суде из-за отсутствия доказательств, Карвалью сам составил обвинительный приговор и представил его новому суду, который он только что учредил, под названием *inconfidenza*, и потребовал подписи судей, которые все были его креатурами. После того, как на них некоторое время обрушился шквал критики, все, за одним исключением, опубликовали свои имена в газете. Затем, поскольку по закону страны ни один дворянин не мог быть приговорен к смертной казни иначе, как своими пэрами, он учредил трибунал вместе со своим министром военно-морского флота и министром иностранных дел, ни у кого из которых не было никаких трудностей с выполнением желания своего хозяина.

11 января 1759 года трое из вовлеченных в это дело дворян, Авейру, Тавора и Антонгия, были выведены на казнь перед королевским дворцом. На площади собралось огромное количество людей, и для обеспечения порядка из других частей королевства были вызваны свежие полки. Опасались бунта, поскольку тавора были одними из благороднейших семей королевства. Обвиняемый даже не был защищен и его допрашивали на дыбе. Казнь была совершена очень быстро, и головы трех жертв быстро покатались по пыли. Той ночью маркизу перевели из монастыря в новые подземелья форта, а 12 января она услышала смертный приговор, вынесенный ей самим Карвалью, который был одновременно судьей и обвинителем. Эшафот был воздвигнут на площади Белена; и задолго до рассвета 13 января огромная толпа собралась, чтобы посмотреть на отвратительное зрелище. Маркиза вышла вперед и заняла свое место в кресле. Топор быстро опустил на ее шею — и все было кончено. Ее отправили в такой спешке, потому что опасались вмешательства короля. Действительно, гонец прибыл как раз в тот момент, когда голова была отделена от тела. Затем двух сыновей маркизы и ее зятя вздернули на дыбу и задушили. Отец семейства, старый маркиз, был следующим по порядку. В знак милосердия его пытали недолго, но эффективно. Затем были казнены еще четверо; к виселице был подожжен костер, а ее окровавленные бревна вместе с телами жертв были обращены в пепел и брошены в реку Тежу. Это была сцена не в деревне дикарей, а в великой европейской столице, которая только что пережила ужасное Божье посещение, но, по-видимому, не поняла его значения. Карвалью жаждал новой крови, но король сдержал его; поэтому он удовлетворился разрушением дворцов Авейрас и Таворас; посыпанием этих мест солью; запретом кому бы то ни было носить имена, доселе столь прославленные, и даже стиранием их с памятников и государственных архивов. На данный момент ему больше не разрешалось совершать официальные убийства; но, по крайней мере, у него были тысячи людей, которые умирали в его подземных застенках.

Какое отношение ко всему этому имели иезуиты? Ровным счетом ничего. Их обвинили в том, что они были духовными советниками семьи Тавора, что было невозможно опровергнуть, потому что, хотя все лица, замешанные в этом обвинении, были арестованы 11-го числа, смертный

приговор уже был вынесен 9-го. В обвинительном заключении было двадцать девять пунктов. В двадцать втором говорилось, что "даже если бы уже представленных неопровержимых доказательств не существовало, презумпции закона было бы достаточно, чтобы осудить таких монстров". Конечно, ни один юрист в мире не смог бы опровергнуть такое обвинение, и примечательно, что в Сводке о подавлении всего Общества Климентом XIV, которая объединяет все выдвинутые против него обвинения, нет никаких упоминаний, даже косвенных, о каком-либо заговоре иезуитов против жизни короля Португалии. Более того, инквизиция и все епископы Испании оценили этот португальский ужас по достоинству, когда 3 мая 1759 года они поставили свою официальную печать осуждения на памфлетах, которыми была наводнена вся Европа сразу после печально известного поступка Помбаля. Они осудили обвинения одно за другим как "направленные на разжигание розни, нарушение мира и безмятежности душ и совести, и особенно на дискредитацию святого Общества Иисуса и верующих, которые достойно трудятся в нем на благо Церкви; как известно всему миру". Снова и снова, поскольку каждая книга подвергается особой анафеме, о "святом обществе Иисуса" говорят с одобрением. Затем осужденные издания были сожжены на рыночной площади. Этого оправдания должно было быть достаточно, поскольку оно исходило не только от всех испанских епископов, но и от инквизиции, которая с самого начала с одинаковым подозрением относилась ко всему иезуитскому. Против этого высказывания Помбаль был бессилён, потому что это был голос другой нации.

Когда начался 1759 год, трое самых выдающихся и почтенных Отцов Португалии находились в тюрьме, приговоренные к смертной казни. Но ни король, ни Карвалье не осмелились привести в исполнение смертный приговор. Однако что-то нужно было делать; и поэтому был издан королевский указ, написанный задолго до этого. После перечисления всего, что было ранее сказано о Бразилии и т.д. в нем говорилось, что "эти религиозные существа, коррумпированные и прискорбно отпавшие от своего священного института и оказавшиеся явно неспособными из-за таких отвратительных и закоренелых пороков вернуться к своим обрядам, должны быть должным образом и действительно изгнаны, денатуризованы, объявлены вне закона и изгнаны из всех владений его величества как отъявленные мятежники, предатели, противники и агрессоры его королевской особы и королевства; а также ради общественного мира и общего блага его подданных; и приказано под непреодолимым страхом смерти, чтобы никто, независимо от состояния, должен впускать их в любое из своих владений или поддерживать с ними какие-либо сношения устно или письменно, даже если они должны вернуться в эти государства в другой одежде или должны были вступить в другой орден, если только с разрешения короля". Печально констатировать, что патриарх Лиссабона одобрил приглашение иезуитам воспользоваться этим королевским милосердием.

Прокураторы миссий, занимавшие временный дом в Лиссабоне, уже были отправлены в тюрьму; а их деньги, чаши, священные сосуды, все из которых предназначались для Азии и Бразилии, были конфискованы. Собственно Массовый исход начался в колледже Элваса 1 сентября. С наступлением темноты прибыл кавалерийский эскадрон и, взяв заключенных в плен, увел их маршем, даже не намекнув, куда они направляются. На следующий день, в воскресенье, их поселили в жалком сарае, хотя они были измучены путешествием, у них не было ничего, кроме нескольких сухарей, после того как они весь день сильно страдали от жары. Им даже не разрешили пойти к мессе. В течение следующей ночи и следующего дня они продолжали свой утомительный путь и, наконец, прибыли в Эвору. Там молодых людей оставили в колледже, и шестьдесят девять исповедующих были вынуждены идти пешком шесть

дней подряд, пока не достигли Тежу. Многие были старыми и дряхлыми, и один из них потерял рассудок во время путешествия. Когда они достигли реки, их посадили в открытые лодки и целый день выставляли под палящее солнце, без еды и питья. Затем их перевели на корабль, который ждал их с апреля месяца. Тогда был конец сентября.

Другие изгнанники вскоре присоединились к ним, пройдя через аналогичный опыт, пока в одном сосуде не оказалось ста тридцати трех человек. Всех их держали в трюме до тех пор, пока они не скрылись из виду. Для них не было жилья: еды было недостаточно; вода протухла; не было посуды, так что шестерым или семерым приходилось садиться вокруг консервной банки и черпать что могли деревянной ложкой, и этот же сосуд должен был служить для воды, которую они пили. Им было приказано не останавливаться ни в одном порту, пока они не придут в Чивита-Веккью. Однако после прохождения Гибралтарского пролива стало очевидно, что, если капитан не хотел везти груз трупов в Италию, он должен был где-то взять припасы: ведь многим жертвам было по шестьдесят-семьдесят лет. Среди них было даже несколько восьмидесятилетних. Поэтому, достигнув Аликанте в Испании, один из Отцов сошел на берег. В этом городе находился колледж Общества, и как только распространилась весть о прибытии пленников, люди бросились на берег, чтобы удовлетворить свои нужды, но посыльный был единственным, кому разрешили показываться. Затем они отплыли из Аликанте. У берегов Корсики их застал шторм и настолько задержал продвижение, что пришлось сделать остановку в Специи, чтобы пополнить запасы еды. Наконец, 24 октября, более чем через месяц после того, как они покинули Лиссабон, их высадили изможденными на берегах Папской области в Чивита-Веккья. Конечно, они были приняты тамошними людьми с безграничной любовью; и, как рассказывает отец Уэлд, "никто не превзошел отцов-доминиканцев в их нежной заботе о страждущих". Мраморная плита в их церкви свидетельствует об их восхищении этими исповедниками Веры, с которыми, как заявили сыновья святого Доминика, они были *devinctissimi*— "тесно связаны с ними любовью".

29 сентября войска окружили колледж Коимбры. Изумленному населению сообщили, что это произошло потому, что Отцы сражались; что некоторые из них уже были убиты, а другие ранены; и солдаты были вызваны, чтобы предотвратить дальнейшие беспорядки. В ту ночь под проливным дождем послышался топот лошадиных копыт, и когда люди столпились у окон, они увидели, как почтенных мужей колледжа уводят между отрядами кавалерии, как будто они были разбойниками или военнопленными. Они прибыли в Тахо 7 октября, где их уже ждали другие. Всего их было 121 человек, и их поместили на два небольших корабля, которые должны были доставить их в изгнание. Им едва хватало места для передвижения. Однако, когда они прибыли в Геную, их всех погрузили в одну из лодок. В Ливорно их целый месяц держали в тесном заключении на борту корабля. Когда они отправлялись в путь, на них обрушились штормы, и только 4 января 1760 года они достигли папской территории. Они находились в более жалком состоянии грязи и истощения, чем их предшественники.

Эти заключенные были особыми преступниками Общества, а именно — так называемыми Отцами Церкви. Другие иезуиты были официально признаны непорочными, и как гражданские, так и церковные власти призвали их покинуть Орден и быть освобожденными от своих обетов. Поскольку эти непосвященные составляли по меньшей мере три четверти всего общества, возникает сложная проблема объяснения того, как Исповедующие, на которых остальная часть Общества смотрит снизу вверх как на наставников и пример, должны быть чудовищами

беззакония и при этом могли обучать оставшиеся три четверти членов таким образом, чтобы сделать их образцами всех добродетелей.

Помбаль был убежден, что сможет разделить молодежь Общества от старших; и он чрезвычайно стремился сделать это из-за семейных связей многих из них, а также из-за потери нацией одним махом стольких способностей и таланта. Но он потерпел вопиющую неудачу. Все они были собраны в колледжах Коимбры и Эворы. Никакого уединения не наблюдалось. Каждый мог свободно навещать их из внешнего мира; и им предлагались всевозможные стимулы, чтобы они покинули Общество: семейные привязанности, мирские амбиции и т.д. — но безрезультатно. У них не было постоянного настоятеля, поэтому они выбрали богослова четвертого курса, который только что был рукоположен в священники. Другой был назначен служителем, а третий — наставником послушников. Дом содержался в отличном порядке; религиозная дисциплина была безупречной, и общественные упражнения продолжались с такой регулярностью, как будто ничего не происходило. Помбал посылал комиссара за комиссаром, чтобы поколебать стойкость молодых людей, но только двое из поддавшихся искушению ослабли. "Кто их начальник?" однажды он спросил в ярости. Ответ был таким: "Джозеф Карвалью — ваш тезка и родственник". 20 октября в обеих палатах было зачитано письмо кардинала. Он выразил свое удивление тем, что эти молодые иезуиты не воспользовались королевской милостью, чтобы дезертировать; и он предупредил их, что они страдают не за свою веру и что "их отказ от предложения Его Величества освободить их от обетов был не добродетельным постоянством, а мятежным упрямством".

Наконец, их отправление было назначено на 24 октября, и было дано уведомление, что они не могут рассчитывать попасть в какую-либо цивилизованную страну, но, вероятно, будут высажены на каком-нибудь пустынном острове у африканского побережья. Это поколебало решимость двоих из группы, но остальные остались непоколебимы. Утром все отправились к Святому Причастию, и за час до захода солнца было дано слово начинать. Они спели *Te Deum*, а затем отправились в путь — всего 130 человек. Перед ними шел отряд кавалерии; шеренга пеших солдат маршировала с обеих сторон; то тут, то там факелы отбрасывали отблески света на эту мрачную ночную процессию. Им потребовалось четыре дня, чтобы добраться до Порту, где они встретили своих братьев из Браганцы и Браги. С прежнего места прибыло всего десять человек, но для их охраны было выделено шестьдесят солдат. Действительно, солдатам из Браги пришлось сдерживать толпу с обнаженными мечами, так не терпелось людям вдоль дороги выразить свое сочувствие. В Порту юным героям пришлось стать свидетелями дезертирства четырех Мнимых Отцов, но это не ослабило их решимости. Все они были втиснуты в три небольших судна, но погода была слишком штормовой, чтобы покинуть порт; и там они оставались целую неделю, так тесно прижавшись друг к другу, что едва хватало места, чтобы лечь бок о бок. Воздух стал таким зловонным, что было сомнительно, смогут ли они выжить. Даже их охранники заболели, и, в конце концов, несколько заключенных были переведены в форт в гавани.

Наконец в количестве 223 человек они поплыли вниз по Дору. Один из них умер, и его товарищи отпели над ним заупокойную службу и похоронили его в море. Когда корабль не слишком сильно качало, служили мессу и все шли причащаться. Все упражнения, обычные в религиозных домах, выполнялись scrupulously, а церковные праздники отмечались так, как

если бы они были общиной у себя дома. Их продержали в карантине две недели в Генуе, не разрешая сходить на берег. Затем умер еще один схоластик, и они обнаружили, что его земные блага состояли всего лишь из нескольких лоскутков льна, которые к тому времени, должно быть, испортились, а также дисциплины и власяницы. Они бросили якорь в Чивита-Веккья 7 февраля, покинув негостеприимную Португалию в октябре.

Отряд из Эворы в количестве девяноста восьми человек, из которых только трое были священниками, не испытал такой грубой участи, если не считать огорчения от встречи с несколькими дезертирами, среди которых были двое Так Называемых Отцов Церкви. Офицер, командовавший кораблем, в отличие от большинства государственных служащих, был нежен и добр к ним. Как он мог быть иначе? Его звали де Бритто — так же, как португальского мученика в Индии. Возможно, это означало потерю его положения, но какое ему было дело? Когда они достигли Лиссабона, девятнадцать человек, которые были отделены от первого отряда, содержащегося в тюрьме, поднялись на борт, и в общей сложности маленькая группа насчитывала 115 человек, когда корабль поднял якорь и направился в море. Они достигли Чивита-Веккии, где два счастливых отряда доблестных молодых иезуитов встретились в объятиях друг друга. Тогда их было 336 человек. Они были распределены по различным учреждениям Италии, послушниц отправили в Сант-Андреа в Риме. Два кардинала и папский нунций, которые в это время уединялись в доме, настояли на том, чтобы прислуживать им за столом, в то время как папа направил генералу послание, в котором говорилось: "Эти молодые люди оказали Обществу большую честь и показали, насколько хорошо они были обучены".

Ярость Помбаля еще не была утолена. Ни один остров в Атлантике, ни одна станция в Африке или Индии, ни одна миссия в глубине лесов Америки не были обысканы и разграблены его уполномоченными, которые безжалостно изгоняли преданных миссионеров, которые были найдены там. Мужчины почтенного возраста и знаний были переданы жестоким солдатам, которым было приказано застрелить их, если будет предпринята хоть какая-нибудь попытка к бегству. Их тащили сотни миль по самым диким местам, через горы, сквозь бушующие потоки, среди пронизывающих штормов; их морили голодом, и у них не было ничего, кроме голой земли, на которой можно было отдохнуть; их обыскивали снова и снова, как будто в их лохмотьях хранились сокровища; их заставляли отвечать на переключку дважды в день, как каторжников в тюрьме; а затем бросали в трюмы обезумевших кораблей с плохим запасом провизии, где негде было приклонить усталые головы, кроме как на мотке веревки или в отбросах скота; и после смерти их должны были бросить в море. акулы. Когда они наконец добрались до Лиссабона, им запретили показываться на палубе, чтобы их соотечественники и их семьи не были шокированы их унижением. Затем их тайком отправили в темницы Святого Юлиана и Жонкиры гнить там, пока смерть не избавила их от страданий. Тех, кого не поместили в переполненные тюрьмы, отправили в лохмотьях искать убежища где-нибудь за пределами своей родной земли.

Как уже было сказано, в португальской Южной Америке было две провинции - Бразилия и Мараньян. В первом, помимо семинарии в Белеме, Общество насчитывало шесть колледжей и шестьдесят две резиденции с общим числом членов 445. Всему 445-му отряду был отдан приказ собраться в Баии, Пернамбуку и Сан-Себастьяне. Все было захвачено. В Баии послушников лишили их привычек и отправили на произвол судьбы, хотя семьи некоторых из них жили в далекой Португалии. Остальные были заключены в доме, окруженном вооруженными войсками, в то время как епископ города объявил, что любой, кто будет поощрять жертв упорствовать в их призвании, будет отлучен от церкви. Затем, однажды, без предупреждения, всем было

приказано выйти из дома и отправлено в тюрьму в разных местах. Там они оставались в течение трех месяцев, ожидая прибытия миссионеров из внутренних районов страны. Они приближались медленно, потому что некоторые из них жили за восемьсот миль отсюда, и все это расстояние им приходилось преодолевать пешком через леса и горные хребты. Однако еще до того, как все они появились, первые партии были отправлены на родину, чтобы освободить место. Они стартовали 16 марта и достигли Тежу 6 июня. Каторжные суда из Баии доставлялись с апреля по июнь, и прошло целых три месяца, прежде чем судно с каторжниками из Пернамбуку прибыло в порт.

Все это время депортированных верующих держали между палубами, а солдаты стояли у трапа с обнаженными мечами, пресекая любые попытки подняться наверх подышать свежим воздухом. Их пища состояла всего лишь из овощей, сваренных в морской воде, потому что питьевой воды не хватало даже для того, чтобы утолить их жажду. В результате, когда судно бросило якорь у Лиссабона, на нем был груз полумертвых людей; но несчастных продержали там взаперти пятнадцать дней с закрытыми иллюминаторами. Затем их пересадили на генуэзский корабль и отправили в Чивита-Веккью. Оказывается, провинциала этих бразильских иезуитов звали Линч; но, как ни странно, ни в одной из Энциклопедий он не упоминается. Депортации из Пернамбуку и Сан-Себастьяна были повторением этой организованной жестокости; и те же методы использовались в Гоа в Индии и других зависимых странах, таких как Макао и Китай. При отправке с этих постов на Востоке корабли должны были останавливаться в Баии, которая была свидетелем первых вывозов; но жертвы на китайских кораблях ничего не могли узнать о том, что произошло. Двадцать три из них умерли во время одного из путешествий из Индии. Отмечается, что турок в Алжире и датский капитан-лютеранин проявили величайшую человечность по отношению к жертвам, чьи соотечественники, казалось, превратились в диких зверей. Пленников держали в заключении двадцать месяцев, прежде чем они покинули Гоа; и когда они прибыли в Лиссабон 18 октября 1764 года, их глубокой ночью увезли на длинных лодках и поместили в самые грязные подземелья крепости Святого Юлиана.

Но это были не единственные жертвы Карвалью. Среди заключенных были представители всех слоев общества, и их число достигло ужасающей цифры в девять тысяч. Среди них были выдающиеся духовные лица, епископы и каноники, а также некоторые из самых выдающихся мирян королевства. Описание тюрем, в которых они находились в течение многих лет или до самой смерти, было передано потомкам некоторыми жертвами. Отец Уэлд в своей книге "Подавление общества в Португалии" широко цитирует их письма. Тюрем было шесть: Белем, Алмейда, Азейтано, Сент-Джордж, Джонкьера и Сент-Джулиан. У них также были пристройки вдоль африканского побережья или на отдаленных островах Атлантики. Белем, португальское название Вифлеема, названного так потому, что когда-то это было аббатство, находился примерно в четырех милях от Лиссабона по направлению к океану. Его особенность заключалась в том, что заключенных держали за железными решетками, но выставляли на всеобщее обозрение, как диких зверей в зверинце, чтобы публика могла прийти, посмотреть на них и покормить, если пожелает. Португальским преступникам правительство давало гроши на покупку еды, но иностранцам приходилось выпрашивать у зрителей средства на поддержание жизни. Это было великолепно придумано, чтобы вызвать безумие.

Жонкьера находилась между Беленом и Лиссабоном. В этом месте было множество камер. Среди заключенных были Морейра, бывший духовник короля, и Малагрида. Маркиз де Лорна,

который также был заключен туда, говорит: "там было девятнадцать камер, каждая площадью около семи квадратных шагов, и они были так плотно закрыты, что свет приходилось поддерживать постоянно; в противном случае они были бы в абсолютной темноте. Когда заключенных впервые поместили в них, штукатурка была еще влажной и поддавалась малейшему надавливанию. Стоял сильный холод. Хуже всего для католической страны было то, что заключенным разрешалось причащаться только раз в год". Маркиз говорит, что за шестнадцать лет, проведенных им там, "он ни разу не слышал мессы". В этих застенках содержался 221 иезуит, 88 из которых умерли в своих цепях. Замок Святого Юлиана стоял на берегу Тежу, и стены его омывались приливом. В этом месте жили 125 иезуитов всех наций; люди высокого происхождения, большой добродетели и интеллектуальных способностей. Камеры располагались ниже уровня моря; и были сырыми, непроветриваемыми, забитыми нечистотами и кишасщими паразитами. Некоторые из Отцов провели в этих гробницах девятнадцать лет. Питьевая вода была протухшей; одежда заключенных превратилась в лохмотья; часто ее было недостаточно для соблюдения приличий; у многих не было нижнего белья и обуви; их волосы и бороды никогда не стриглись; еда была скудной и самого плохого качества, и ее часто уносили до того, как находилось время ее съесть. Масла в единственной лампе в камерах было так мало, что для его экономии фитиль был обрезан до двух или трех нитей. Такие же условия царили и в других тюрьмах. Тем временем тюремщики зарабатывали деньги на продуктах, которые должны были подаваться заключенным. Такова была тюремная жизнь в Португалии в течение двадцати лет правления Помбала.

Одной из особенно возмутительных особенностей этих тюремных заключений было то, что Помбаль предпочитал содержать иностранцев, а не коренных португальцев. Иностранцы, не имевшие друзей в стране, по всей вероятности, не были бы востребованы их родственниками; а поскольку министры почти всех стран Европы придерживались того же мнения, что и он, он не опасался политического вмешательства. Так, в письме отца Каулена, немецкого иезуита, опубликованном Кристофером де Мурром, мы находим, что в одной из секций Святого Юлиана, помимо пятидесяти четырех португальских иезуитов, было тринадцать немцев, один итальянец, три француза, два испанца и три китайца. Эти китайские иезуиты, должно быть, сделали любопытные выводы о значении термина "христианские нации". "В башнях есть и другие люди, - добавляет отец Каулен, - но я не могу выяснить, кто они, сколько их и к какой стране они принадлежат".

Трое французов, отцы дю Гад и де Рансо, а также брат Дельсар были освобождены по требованию Марии Лечинской, жены Людовика XV; именно через них отец Каулен смог отправить свое письмо в провинцию Нижний Рейн. Сам он, вероятно, был освобожден позже благодаря вмешательству Марии Терезии, но записей об этом нет. Его письмо имеет большую ценность, поскольку он лично ознакомился с тем, что пишет. Его опыт был долгим, поскольку он попал в тюрьму в 1759 году; и это сообщение своему провинциалу датировано 12 октября 1766 года. В нем он пишет: —

"Я был взят в плен солдатом с обнаженным мечом и доставлен в форт Ольрейда на границе Португалии. Там меня поместили в ужасную камеру, полную крыс, которые забирались в мою постель и поедали мою еду. Я не мог их прогнать, было так темно. Нас было двадцать иезуитов, каждый в отдельной камере. В течение первых четырех месяцев к нам относились с некоторым вниманием. После этого нам давали еды ровно столько, чтобы мы не умерли с голоду. Они забрали наши требники, медали и т.д. Один из Отцов Церкви так яростно сопротивлялся, когда

они попытались отобрать у него распятие, что они прекратили. Больные не получали ни помощи, ни лекарств.

"Через три года девятнадцать из нас перевели в другое место из-за начавшейся войны. Мы путешествовали по Португалии в окружении кавалерийского отряда и были доставлены в Лиссабон; и после того, как мы провели ночь в тюрьме с наихудшими преступниками, нас отправили в Сент-Джулиан, который находится на берегу моря. Это ужасная дыра под землей, темная и вонючая. Еда плохая, в воде кишат черви. У нас есть полфунта хлеба в день. Мы принимаем причастия только тогда, когда умираем. Врач живет снаружи, но если мы заболеваем ночью, его не вызывают. Тюрьма полна червей, насекомых и маленьких животных, каких я никогда раньше не видел. Со стен капает влага, так что наша одежда скоро сгниет. Один из Отцов умер, и его лицо было таким сияющим, что один из солдат воскликнул: "Это лицо святого". Мы не несчастливы, и трое французских отцов, покинувших нас, позавидовали нашей участи.

"У очень немногих из нас остались даже обрывки наших сутан. Действительно, у нас едва хватает одежды для приличия. Ночью грубое покрытие, усеянное острыми предметами, служит одеялом; и солома, на которой мы спим, а также одеяло, которым мы укрываемся, вскоре загрязняются, и их очень трудно обновить. Нам не разрешается ни с кем разговаривать. Тюремщик чрезвычайно жесток и, кажется, стремится усугубить наши страдания; только с величайшей неохотой он дает нам то, в чем мы нуждаемся. И все же мы могли бы стать свободными в одно мгновение, если бы отказались от Общества. Некоторые из Отцов Церкви, которые были в Макао и претерпели всевозможные страдания от рук язычников, такие как тюремные цепи и пытки, говорят нам, что, возможно, Бог счел лучшим, чтобы они страдали в своей стране ни за что, чем среди идолопоклонников за Веру.

"Мы просим молитв отцов провинции, но не потому, что сожалеем о своем положении. Напротив, мы счастливы. Что касается меня, то, хотя я хотел бы увидеть, как мои товарищи будут освобождены, я бы не стал меняться с вами местами снаружи. Мы желаем всем нашим Отцам крепкого здоровья, чтобы они могли мужественно трудиться для Бога в Германии, чтобы компенсировать ту малую славу, которую он получает здесь, в Португалии.

Покорнейший слуга Вашего Преподобия

Лоуренс Каулен,
Пленник Иисуса Христа".

Теперь Помбаль был полон решимости нанести мастерский удар, чтобы дискредитировать португальских иезуитов. Он опозорит и предаст смерти как преступник их самого выдающегося представителя, отца Малагриду, которому сейчас более семидесяти лет и который уже провел два года в застенках Жонкьеры. Малагрида считался в народе святым. Он много лет трудился в миссиях Бразилии и добился поразительных успехов в деле обращения дикарей. К несчастью, в 1749 году королева-мать отозвала его в Португалию, чтобы подготовить к окончанию ее земной карьеры. Поскольку Малагрида знал, как брат Карвалью вел себя в Бразилии, он, очевидно, был опасным человеком, раз его держали так близко к Карту. Поэтому, когда произошло землетрясение и святой старый миссионер осмелился сказать людям, что, возможно, это было Божье наказание за грехи народа, Карвалью сослал его в Сетубал и продержал там два года.

Когда произошел предполагаемый заговор против жизни короля, Малагриду отправили в тюрьму как причастного к нему, хотя он ни разу не был в Лиссабоне с момента своего изгнания. Он был приговорен к смерти вместе с другими предполагаемыми заговорщиками; но его репутация священника и признанная святость заставили короля запретить приведение приговора в исполнение. Помбал, однако, нашел выход из положения. Была выпущена книга, которая, как говорили, была написана Малагридой во время его заключения. Она была напичкана высказываниями, которые мог написать только безумец: в любом случае это не могло быть произведено обитателем темной камеры, где не было ни чернил, ни бумаги. Когда дело было передано инквизиции, смертные приговоры которой сам король не мог отменить, судьи вообще отказались рассматривать это дело; после чего они были немедленно отстранены Помбалом, который назначил своего собственного брата главным инквизитором; и от него и двух других источников Малагрида был немедленно осужден за ересь, раскол, богохульство и вопиющую безнравственность.

Смертный приговор был вынесен 20 сентября 1761 года, и в тот же день достопочтенного священника привели послушать официальное провозглашение его в зале молитв. Там ему сказали, что он отстранен от своих священнических обязанностей и приговорен к тому, чтобы его провели по людным улицам города с веревкой на шее до площади под названием ду Рокко, где он должен быть задушен палачом, а после того, как он умрет, его тело должно быть сожжено дотла, чтобы не осталось ни памяти о нем, ни о его могиле. Он выслушал приговор без эмоций и спокойно заявил о своей невинности. Уже на следующий день, 21 сентября, состоялась казнь. Вокруг площади были возведены помосты. Кавалерия и пехота были сосредоточены тут и там большими группами; у каждого солдата было по восемь патронов. Председательствовал Помбаль. Знать, члены судов и государственные чиновники были вынуждены присутствовать, и огромные толпы людей заполнили площадь и примыкающие к ней проспекты и улицы.

Когда все было готово, из тюрьмы тронулась ужасная процессия. Малагрида появился *скарочей*, или высоким колпаком преступника, на голове и кляпом во рту. С ним были еще пятьдесят два человека, осужденных за различные преступления; но только он должен был умереть. Их вызвали из камер только для того, чтобы подчеркнуть его позор. Прибыв к месту казни, ему снова зачитали приговор; и когда ему вынули кляп, он спокойно заявил о своей невинности и сдался палачам, произнеся слова Господа Нашего на Кресте: "Отче, в руки Твои предаю дух мой". Он был быстро задушен; затем его безжизненное тело подожгли, а пепел развеяли по ветру. Ему было семьдесят два года, и сорок один из них он провел, трудясь ради спасения своих ближних.

Все это произошло в Португалии, которая когда-то славилась тем, что великий Франциск Ксавье представлял ее перед миром; которая ликовала при виде такого сына, как де Бритто, великолепного апостола брахманов, который отказался от митры в Европе, но с восторгом склонил шею, чтобы принять удар восточного ятагана. Та же Португалия, которая внесла в свой почетный список сорок иезуитов, принявших смерть по пути проповедовать евангелие португальским владениям в Бразилии, теперь устроила праздник, чтобы стать свидетелем отвратительных пыток достопочтенного и святого Малагриды. Португальские иезуиты много сделали для своей страны. Они сыграли почетную роль в борьбе, сбросившей испанское иго: великолепный Виейра был большим освободителем коренных народов, чем Лас Касас; и он и его братья завоевали для Португалии больше территорий, чем когда-либо открывали да Гама и Кабрал. Но все это было забыто, и их изгнали из своей страны или держали закованными в цепи

в зловонных подземельях, пока они не умерли или не были сожжены на костре на рыночной площади в присутствии короля и народа. Неудивительно, что Португалия опустилась до того места, которое она сейчас занимает среди наций.

ГЛАВА XV ШУАЗЕЛЬ

Французский метод — Цель врага — Предварительные обвинения — Показания Вольтера — Ла Валлетт — Ла Шалоте — Захват собственности — Аутодафе работ Лессиуса, Суареса, Валентии и др. — Обращение французского епископства — Кристоф де Бомон — Требование французского викария — "Синт ут сант аут нон синт" — Протест Климента XIII — Действия отца Ла Круа и парижских иезуитов — Людовик XV подписывает Акт подавления — Занятия рассеянных иезуитов — Нетронутый в Канаде — Изгнанный из Луизианы — Колонизация Шуазелем Гвианы.

Результатом работы Помбала в Португалии были аплодисменты его друзей во Франции, но его методы были осуждены. "Он был мясником с топором". Их собственная процедура должна была быть другой. Сначала они отравили бы общественное сознание, получили бы удовольствие от наблюдения за еретиком-янсенистом, осуждающим иезуита за неортодоксальность, и профессиональным развратником, посягающим на его мораль, а затем предали бы Общество смерти в судебном порядке на благо государства и Церкви. Не было бы ни тюремных заключений, ни сожжений на кострах, ни ссылок, а просто санкционированная конфискация имущества, которая оставила бы иезуитов без крова, пополнила бы государственную казну и обеспечила мир нации. Это было намного проще и утонченнее. Между тем, выставка португальцев стала ценным наглядным уроком для их последователей, которые видели, как король, недавно удостоенный титула Его Наиповернейшего Величества, предавал смерти самых ярых поборников Веры. Позже христианский король, католический король и апостольский император объединятся, чтобы показать, что "Вера", "христианство" и "Апостольство" - это всего лишь названия.

Однако, при всей своей утонченности, французы были более радикальны и злобны, чем португальцы. У Помбала не было никакой другой идеи, кроме идеи о государственной Церкви, подобной той, которую он видел в Англии, составляющей часть правительственного механизма, и когда его попытка добиться этого путем женитьбы протестантского герцога Камберленда на инфанте Португалии была пресечена иезуитами, он просто поступил с ними так же, как со своими другими политическими врагами: отправил их в тюрьму или в могилу. Во Франции эта схема была более всеобъемлющей. С такими людьми, как Вольтер и его единомышленники в литературном мире, а также с Шуазелем и другими из его окружения, контролирующими политику страны, план состоял не просто в том, чтобы покончить с Церковью, но и со всей богооткровенной религией. Поскольку иезуиты были явными противниками этого плана, было естественно, что от них следовало избавиться в первую очередь.

Таково мнение святого Лигуори, который говорит: "Все это - заговор янсенистов и неверующих с целью нанести удар по Папе и Церкви". Протестантский историк Максимилиан Шелл

придерживается аналогичного мнения ("Курс истории", xliv.): "Церковь должна была быть изолирована; а чтобы быть изолированной, ее нужно было лишить помощи той священной фаланги, которая признала себя защищающей папский престол.... Такова была истинная причина ненависти, обрушившейся на это Общество". Дютыйель в своей "Истории религиозных корпораций Франции" (стр. 279) выражает себя следующим образом: "Иезуит - миссионер, путешественник, мистик, образованный человек, элегантный цивилизатор дикарей, исповедник королей, профессор, законодатель, финансист и, если потребуется, воин. У него не было узких личных амбиций, как ошибочно полагают и утверждают люди. Он был чем-то большим. Он был реакционером, католиком и римским революционером. Далекое от того, чтобы быть привязанным, как предполагается, к своим собственным интересам, Общество в самых смелых усилиях своего неутомимого честолюбия было лишь опорой духовного авторитета Рима".

Действительно, мы знаем это от самого Вольтера, который писал Гельвецию в 1761 году: "Как только мы уничтожим иезуитов, нам будет легко работать с папой". Rorbacher (Histoire de l'église, tom. XXVII, стр. 28) придерживается той же точки зрения: "Они нападают на Общество только для того, чтобы с большей уверенностью нанести удар по Церкви и государству". Но настоящая, конечная цель Вольтера была выражена его знаменитой фразой "*Ужасные слова*" — "Давайте сокрушим отвратительную вещь", под отвратительной вещью подразумевается Бог или Христос, и таковой всегда была цель его учеников. То, что это все еще сохраняется, было официально провозглашено Вивиани с французской трибуны: "Наша война ведется не против Церкви и не против христианства, а против Бога". Однако такое открытое и вызывающее исповедание атеизма было бы невозможно в 1761 году. Следовательно, чтобы скрыть свою цель, они объединились с самыми претенциозными профессорами религии того времени; единственными, по их словам, кто знал догмы Церкви и соблюдал ее моральный закон; ортодоксальными и строгими янсенистами, которые, вероятно, льстили себе, что они обманывают бесов, тогда как д'Аламбер писал одному из своих друзей: "Пусть Пандуры уничтожат иезуитов; тогда мы уничтожим пандуров".

Программа состояла в том, чтобы заставить парламент терроризировать короля, что было очень легко из-за вопиющей распущенности Людовика XV. Он был просто орудием в руках своих любовниц, и у Гизо в его "Истории Франции" есть картина, на которой мадам Дюбарри стоит над королем и указывает на изображение английского короля Карла I, обезглавленного за сопротивление парламенту.

Янсенистская часть коалиции начала борьбу с затасканного по времени обвинения в "распущенности морали" иезуитов — метода нападения, который ни в коем случае не был приемлем для Вольтера, который еще в 1746 году написал своему другу д'Аламберу следующее: "Что я видел за те семь лет, что прожил в колледже иезуитов? Самый трудоемкий и бережливый образ жизни, каждый час которого был потрачен на заботу о нас, мальчиках, и на занятия их суровой профессией. Для этого я призываю в свидетели тысячи мужчин, которые были воспитаны так же, как я. Следовательно, я никогда не могу не удивляться тому, что их обвиняют в преподавании распущенной морали. У них, как и у других религиозных деятелей темных веков, были казуисты, которые рассматривали *за* и *против* вопросов, которые очевидны сегодня или были преданы забвению. Но, *почему* мы собираемся судить об их морали по сатире *провинциальной литературы*? Отец Бурдалу, отец Шемине и другие их проповедники, а также их миссионеры уверены, что мы должны оценивать их. Разместите в параллельных столбцах

проповеди Бурдалу и *Провинциальную литературу*, и вы обнаружите, что в последней используется искусство остроумия, позволяющее выставлять безразличные вещи преступными и облекать оскорбления в изящные выражения; но вы научитесь у Бурдалу быть строгим к себе и снисходительным к другим. Тогда я спрашиваю, что такое истинная мораль и какая из двух книг более полезна человечеству? Я беру на себя смелость сказать, что нет ничего более противоречивого; ничего более незаконного; ничего более постыдного в природе человека, чем обвинять в распущенности нравов людей, которые ведут самый суровый образ жизни в Европе и которые идут навстречу смерти на окраинах Азии и Америки".

Романы об огромном богатстве Общества лучше всего привлекали общественное воображение, особенно сейчас, когда в воздухе витали новости о надвигающейся финансовой катастрофе. Одного примера такого стиля пропаганды может быть достаточно. Все остальные похожи на него. Говорили, что испанец прибыл в Брест с 2 000 000 *ливров* в кошельке и был немедленно убит иезуитами. Вскоре эти 2 000 000 человек выросли до 8 000 000. Затем произошло выдающееся обращение; обращение иезуита по имени Шамиллар, который на смертном одре стал галликанином и янсенистом; и хотя Шамиллар несколько дней спустя явился во плоти и протестовал, что он не был ни мертвым, ни галликанином, ни янсенистом, его показания были отвергнуты. Она появилась в печати, и этого было достаточно. Подобные нелепости, конечно, не могли причинить серьезного вреда, но, наконец, представился великолепный факт, который невозможно было опровергнуть, особенно учитывая, что огромное количество людей во Франции и других странах в результате этого финансово пострадали. Это было банкротство отца де ла Валетта. В общественном сознании это доказало все, что когда-либо было написано об Ордене. Вкратце это так:

В самом начале Семилетней войны британский флот уничтожил 300 французских кораблей, взял в плен 10 000 моряков и конфисковал товаров на сумму 300 000 000 *ливров*. Среди пострадавших был отец Ла Валетт, настоятель Мартиники, который занимался выращиванием обширных плантаций на острове и продажей продукции в Европу для поддержки миссий. Очень неразумно он много занимал после первой катастрофы, все глубже и глубже влезая в долги, пока, наконец, не оказался неспособным выполнять свои обязательства, которые к этому времени достигли пугающей суммы в 2 000 000 *ливров*, или около 400 000 долларов. Поэтому некоторые кредиторы подали иск, но вместо того, чтобы передать дело в комиссию, созданную задолго до этого Людовиком XIV для приведения в порядок дел миссий, они передали его на рассмотрение обычного парламентского трибунала, несмотря на факт его закоренелой и хорошо известной ненависти к обществу. Гизо говорит, что они сделали это с определенной гордостью, настолько они были убеждены в справедливости своей просьбы. Сотни других людей, как и они сами, пострадали от рук врага во время Семилетней войны, и у них не было никакого желания пользоваться каким-либо специальным законодательством в их пользу. Они недооценили честность судей.

Против них, конечно, был вынесен вердикт, и все Общество было привлечено к ответственности за долг, хотя по законам страны между различными домами религиозных орденов не было солидарности. Тем не менее, они приступили к работе по погашению своей задолженности. Они достигли удовлетворительных договоренностей со своими основными кредиторами, и хотя Мартиника, где находилась большая часть имущества, была захвачена англичанами, все же одна треть их обязательств была погашена, когда правительство забило тревогу. Если так будет продолжаться, государственная казна не получит никакой прибыли от сделки. Следовательно,

был издан приказ наложить арест на всезаведения иезуитов во Франции. Было прекращено возмещение расходов частным лицам, и правительство конфисковало все, что осталось. Но, хотя общество не было виновато, оно навлекло на себя ненависть всех тех, кто таким образом был лишен своих денег. Это, действительно, и было целью захвата правительства.

Задолго до катастрофы начальство сделало все, что в его силах, чтобы остановить Ла Валетта, но в те дни Мартиника находилась далеко от Рима. Хотя попытка за попыткой предпринимались связаться с ним, все было напрасно. Один посыльный был искалечен при посадке в Марселе; другой погиб в море; третий был захвачен пиратами, пока в 1762 году на остров не прибыл отец де ла Марш. После тщательного расследования де ла Марш заявил (1), что Ла Валетт занялся торговлей вопреки каноническому праву и специальным законам Общества; (2) что он скрыл свои действия от вышестоящего руководства Общества и даже от Отцов Мартиники; (3) что его действия были осуждены вышестоящим руководством не только сразу, как о них стало известно, но и как только они попали под подозрение. Затем посетитель попросил генерального директора Общества (1) отстранить Ла Валетта от всякого управления, как духовного, так и светского, и (2) немедленно отозвать его в Европу.

Заявление Ла Валетта было приложено к приговору посетителя; в нем он признает справедливость приговора, хотя, как только он понял, какой вред причиняет, он остановился. Он подтверждает под присягой, что ни один из его начальников не давал ему никаких разрешений, советов или одобрений; и никто не участвовал в его предприятиях и не потворствовал им. Он приводит Бога в свидетели, что он сделал свои признания не по принуждению или угрозе, или из покладистости, или по какому-либо предоставленному ему побуждению, но абсолютно по собственному желанию и ради истины; и для того, чтобы рассеять и опровергнуть, насколько это в его силах, клевету на Общество, возникшую в результате его действий. На документе стояла дата 25 апреля 1762 года. Он был исключен из Общества и провел остаток своей жизни в Англии. Он никогда не отказывался и не изменял ни одного из заявлений, сделанных им на Мартинике.

После завершения рассмотрения решения по делу Ла Валетт парламент распорядился о немедленном представлении копии Конституции Общества. На следующее утро документ был у них в руках и передан нескольким комитетам, состоящим из янсенистов, галликанцев и атеистов. Этим комитетам было поручено изучить Институт, а также различные публикации Общества. Выписки должны были быть сделаны и представлены на рассмотрение суда. Самым известным из этих отчетов было сообщение Ла Шалотэ, видного магистрата Бретани. Он обнаружил, что Общество находится в конфликте с авторитетом Церкви, генеральных советов, Апостольского престола и всех церковных и гражданских правительств; более того, в своих одобренных богословских трудах они проповедовали все формы ереси, идолопоклонства и суеверий, а также насаждали самоубийство, цареубийство, святотатство, грабеж, нечистоту любого рода, ростовщичество, магию, убийство, жестокость, ненависть, месть, подстрекательство к мятежу, предательство — короче говоря, в их трудах можно было найти любое беззаконие, которое могло совершить человечество. Как только отчет был представлен судьям, 8 мая 1761 года был издан указ, объявляющий, что сто пятьдесят восемь колледжей, церквей и резиденций при иностранных миссиях Ордена должны быть конфискованы правительством; все физические лаборатории, библиотеки, денежные средства, наследство его членов, завещания друзей на благотворительные, образовательные или миссионерские цели - все должно было перейти в государственную казну.

Кретино-Жоли подсчитал, что общая стоимость изъятого имущества составила около 58 000 000 франков, или 11 600 000 долларов. Количество добычи объясняет рвение обвинения. Чтобы смягчить удар, парижский парламент выделил пенсию в размере тридцати центов в день тем, кто поклянется, что они покинули Общество. Законодатели Лангедока, однако, сократили его до двенадцати. Более того, эта пенсия была назначена только лицам, исповедующим религию. Схоласты ничего не получили; и поскольку они считались юридически умершими из-за обетов, которые они дали в Обществе, они были объявлены неспособными к наследованию даже от своих собственных родителей. Указ также запрещал всем подданным короля входить в Общество; посещать любые лекции, читаемые иезуитами; посещать их дома до их изгнания; или поддерживать с ними какие-либо связи. Самим иезуитам было предписано не писать друг другу, даже генералу. Примечательно, что законодатели, издавшие эти правила, заявляют, что они были шокированы иезуитской доктриной "слепого повиновения".

Вторым указом было предписано, чтобы работы двадцати семи иезуитов, которые были исследованы, были сожжены государственным палачом. Среди них были такие авторы, как Беллармин, Лессиус, Суарес, Валентия, Сальмерон, Грецер, Васкес, Жуванси, — все они считались и до сих пор считаются одними из величайших католических богословов, но светские доктора парламента сочли их опасными для общественной морали; и для мира нации, и чтобы выразительнее выразить свой ужас, они призвали к этому *аутодафе*. Следует отметить, что все эти работы были написаны на латыни, и что их технический характер, а также используемая терминология сделали бы абсолютно невозможным понимание смысла текста даже этими солонками французского парламента. Чтобы повлиять на общественное мнение, краткое изложение доклада Шалоте, широко известное как "Дополнительные утверждения", было распространено по всей стране. Желаемый эффект был достигнут, и даже сегодня, если предпринимается попытка ответить на какое-либо из предъявленных обвинений, ответ всегда готов: "У нас есть авторитет Ла Шалотэ; он был выдающимся судьей; он изучил бухгалтерские книги; высший суд Франции вынес ему вердикт, и любые попытки опровергнуть обвинения излишни!"

Однако в то время в Париже существовал суд более высокого уровня, чем тот, который признал права Ла Шалоте на дурную славу. Это было Общее собрание духовенства, созванное королем, чтобы утвердить характер иезуитов как организации, прежде чем он поставил свою подпись под указом об изгнании. Он состоял из пятидесяти одного прелата, некоторые из которых были кардиналами. Они встретились 27 июня и, за исключением епископа Анже, Алле и особенно Фицджермса, епископа Суассонского, который был главой партии янсенистов и чьи пастырские высказывания были осуждены папой как еретические, обратились с "Письмом" к королю, призывая его "сохранить институт, который был так полезен государству", и заявляя, что "они не могли без тревоги наблюдать за разрушением общества религиозных людей, которые были так достойны похвалы за целостность их морали, строгость дисциплины, честность в обращении". за обширность их трудов и их эрудицию, а также за бесчисленные услуги, которые они оказали Церкви.

"Поскольку на них возложено самое драгоценное доверие к воспитанию молодежи, поскольку они участвуют под руководством епископов в самых деликатных функциях святого служения, поскольку они удостоены доверия королей в самом грозном из трибуналов, любимы и востребованы большим количеством наших подданных и уважаемы даже теми, кто их боится, они заслужили для себя уважение, которое является слишком общим, чтобы им пренебрегали".

"Все, сир, говорит в вашу пользу иезуитам: религия называет их своими защитниками; Церковь - своими служителями; христиане - хранителями своей совести; огромное количество ваших подданных, которые были их учениками, ходатайствуют перед вами за своих старых учителей; и вся молодежь королевства молится за тех, кто должен сформировать их умы и сердца. Не оставляйте, государь, без внимания нашу объединенную мольбу; не допускайте в своем королевстве, чтобы в нарушение законов справедливости, Церкви и государства было уничтожено целое и безупречное общество".

Архиепископ Парижа, знаменитый Кристоф де Бомон, не был удовлетворен этим общим призывом. В то время он был главной фигурой во Франции, и враги Церкви боялись каждого произнесенного им слова. Он был достаточно велик, чтобы вести переписку со всеми коронованными особами Европы, и Фридрих Великий сказал о нем: "Если бы он согласился приехать в Пруссию, я бы прошел половину пути, чтобы встретиться с ним". Людовик XV заставил его принять парижский престол, но у него не хватило смелости поддержать его, когда на него напали враги. Он был не только героем, но и святым; он одалживал деньги людям, которые клеветали на него, и раздавал одежду, которая была на нем, бедным. Когда в городе загорелась больница, он наполнил свой дворец и собор пациентами. Поэтому он без колебаний, после того как парламент осудил Общество, издал пастораль, которая, как он предвидел, прогонит его с престола. "Что мне сказать, братья, - спрашивает он, - чтобы сообщить вам, что я думаю о религиозном обществе, которое сейчас подвергается таким яростным нападкам? Мы повторяем вместе с Тридентским собором, что это "благочестивый институт", что он "почтен", как провозгласил его знаменитый Боссюэ. Мы далеко отвергаем "Крайности утверждений" как резюме учения иезуитов; и мы вновь заявляем, что в условиях страданий и унижений, до которых они были доведены, их участь является самой счастливой, потому что в глазах религиозных людей бесконечно ценно не иметь упрека на своей душе, когда ее постигло несчастье ". Как он и предвидел, за это высказывание он был изгнан со своего престола, но не парламентом, а Людовиком XV, дело которого он защищал.

Возможно, такое обращение с великим архиепископом Парижа объясняет молчание, которое сохраняли на протяжении всего скандала сами иезуиты. Можно было бы ожидать какого-нибудь великолепного всплеска красноречия в защиту Общества от одного из его возмущенных членов, но никто из них не произнес ни слова. Их протесты не были бы напечатаны. Даже автор, выступавший против Общества, говорит: "Вся Франция была наводнена клеветническими памфлетами против иезуитов. Наиболее примечательной из всех была книга, озаглавленная "Выдержки из опасных и пагубных доктрин всех видов, которые так называемые иезуиты во все времена непрерывно поддерживали, преподавали и публиковали". Клевета и злоба заполняют книгу от корки до корки. Нет такого преступления, которому иезуиты не учили бы или в котором их не обвиняли. Никогда недобросовестность не доходила до таких крайностей. И все же нет книги, на которую так часто ссылались бы как на авторитет, направленный против Общества и его духа".

Тем временем правительство обратилось к папе с целью получить для французских иезуитов специального викария, который должен был быть квазинезависимым от генерала. Это было возвращение к старой схеме Филиппа II и Людовика XIV. Его Святейшество ответил незабываемыми словами: "Sint ut sunt aut non sint" (Пусть они будут такими, какие они есть, или не будут вообще). В письме прокуратора Аквитании мы находим, что в случае назначения викария каждый житель провинции Париж покинет Орден, который при таком устройстве

больше не будет Обществом Иисуса. И снова в своем письме королю, после заявления о том, что назначение французского викария было бы существенным изменением Института, которое он не мог санкционировать, Папа говорит: "В течение двухсот лет Общество было настолько полезным для Церкви, что, хотя оно никогда не нарушало общественного спокойствия ни в вашем королевстве, ни в чем-либо другом, все же, поскольку оно нанесло такой ущерб врагам религии своей наукой и своим благочестием, оно подвергается нападкам со всех сторон из-за клеветы и обмана, когда честной борьбы оказалось недостаточно, чтобы уничтожить их". Наконец, 1 января 9 декабря 1765 года, после того как прозвучал последний похоронный звон, Климент XIII издал свою знаменитую Буллу "Апостолик". Подробно это изложено в книге де Равиньяна "Клеман XIII и Клеман XIV", но нескольких выдержек будет достаточно.

Перечислив достоинства Общества в прошлом и обратив внимание на тот факт, что оно было одобрено девятнадцатью папами, которые самым тщательным образом изучили свой Институт, Климент XIII продолжает: "Тем не менее, в наши дни оно ложно и злобно описывается как нерелигиозное и нечестивое, и было покрыто поношением и позором, пока даже Церковь не была осуждена за его поддержку. Для того, следовательно, чтобы отразить эти наветы и положить конец нечестивым речам, которые будут произнесены в нарушение логики и справедливости; и, чтобы утешить обычных клерков Общества Иисуса, которые обращаются к нам за справедливостью; а также уделять больше внимания на наши слова на вес нашего органа и придавать некоторым утешением в страданиях, которые они проходят; и, наконец, отложить до просто желания наши досточтимые братья, епископы и весь католический мир, чей письма наполнены хвалебными речами этого общества из чьих трудов величайших услуги оказываются в их епархиях, а также нашей собственной воле и от некоторых знаний, и использование всей полноты Апостольской власти, и следуя примеру наших предшественников, мы, по настоящей Конституции, которая останется в силе навсегда, сказать и объявить в том же виде и в том же порядке, как было до сих пор сказано, и заявил: что Институт Общества Иисуса дышит в очень высокой степени, благочестия и святости, как на основной объект, который она постоянно в поле зрения, которые есть ни что иное, защиты и распространения католической веры, а также в означает, что он использует для этой цели. Таков наш опыт в этом отношении вплоть до сегодняшнего дня. Именно этот опыт научил нас, насколько сильно правление Общества сформировало до наших дней защитников православной Веры и ревностных миссионеров, которые, воодушевленные непобедимым мужеством, отваживаются на тысячи опасностей на суше и на море, чтобы нести свет Евангелия диким и варварским народам.... Пусть никто не осмелится быть достаточно опрометчивым, чтобы выступить против этой моей нынешней одобрительной и подтверждающей Конституции, иначе он навлечет на себя гнев Божий".

Такое блестящее одобрение их трудов во многом поддержало мужество измученных иезуитов, но если то, что рассказывают отец де Равиньян и Кретино-Жоли, правда, у них было достаточно причин сохранять спасительное смирение или, скорее, стыдливо склонять головы. Как нам сообщили, 19 декабря 1761 года провинциал Парижа отец де Ла Круа и сто пятнадцать отцов обратились с заявлением к духовенству, собравшемуся в Париже по приказу короля, которое гласило следующее: "Мы, нижеподписавшиеся, провинциал иезуитов провинции Париж, настоятель дома исповеди, ректор Колледжа Луи Ле Гран, настоятель послушничества и другие иезуиты, принявшие даже первые обеты, проживающие в указанных домах, и возобновляющие, насколько это необходимо, заявления, уже сделанные иезуитами". Иезуиты Франции в 1626, 1713 и 1757 годах заявляют перед своими светлостями кардиналами, архиепископами и епископами, собравшимися сейчас в Париже по приказу короля, чтобы высказать свое мнение

по нескольким пунктам Института: (1) Что невозможно быть более покорными, чем мы есть, или более нерушимо приверженными законам, максима и обычаям этого королевства в отношении королевской власти, которая в мирских вопросах не зависит ни прямо, ни косвенно ни от какой власти на земле, и над ней стоит только Бог. Признавая, что узы, которыми подданные привязаны к своим правителям, неразрывны, мы осуждаем как пагубные и достойные проклятия во все времена любую доктрину, противоречащую безопасности короля, не только в работах некоторых теологов нашего Общества, принявших такие доктрины, но также и в работах любого другого теолога, кем бы он ни был. (2) На наших публичных и частных уроках теологии мы будем преподавать доктрину, установленную духовенством Франции в Четырех статьях Ассамблеи 1682 года, и не будем учить ничему, противоречащему ей. (3) Мы признаем, что епископы Франции имеют право использовать в нашем отношении то, что, согласно канонам Галликанской церкви, принадлежит им в их отношениях с постоянными членами; и мы отказываемся от всех противоположных привилегий, которые могли быть предоставлены нашему Обществу или могут быть предоставлены в будущем. (4) Если, не дай Бог, случится так, что наш Генерал прикажет нам сделать что-либо, противоречащее настоящей декларации, будучи убеждены, что мы не можем подчиняться без греха, мы будем считать такие приказы незаконными и абсолютно недействительными; которым мы не могли и не должны подчиняться в силу правил подчинения Генералу, таких, как предписано Конституциями. Поэтому мы просим, чтобы настоящее заявление было внесено в официальный реестр Парижа и адресовано другим провинциям королевства, чтобы это подписанное нами заявление, внесенное в официальные реестры каждой епархии, могло служить вечным напоминанием о нашей верности.

Etienne de la Croix, Provincial."

Цитируя этот документ и признавая его подлинность, отец де Равиньян восклицает: "В моих глазах ничто не может оправдать этот акт слабости. Я сожалею об этом; я осуждаю это; я просто расскажу, как это произошло" (Клеман XIII и Клеман XIV, I 135). Он продолжает говорить: —

"В личном письме, оригинал которого находится в архиве Джезу в Риме, отец Ла Круа, провинциал Парижа, объясняет генералу обстоятельства и повод этого прискорбного происшествия. Он рассказывает, как королевские уполномоченные пришли к нему с уже составленной вышеупомянутой декларацией, сопровождаемой официальным приказом короля немедленно подписать ее. Это было совершенно непредвиденное требование, поскольку, хотя французские иезуиты уже испытывали значительные неприятности из-за вопроса о Четырех статьях в 1713 году, а также в 1757 году, когда Дамьен пытался убить Людовика XV, они были вынуждены в обоих случаях подписать только первую статью, которая касалась временной независимости короля. Вскоре после этого до их сведения был доведен новый королевский указ. Он состоял из восемнадцати статей, четвертая из которых гласила: "Наша воля состоит в том, чтобы на каждом богословском курсе, которому следуют студенты Общества, положения, выдвинутые духовенством Франции в 1682 году, были защищены, по крайней мере, в одном публичном обсуждении, на которое должны быть приглашены главные лица этого места, и, сверх того, должны соблюдаться условия, установленные эдиктом от марта 1682 года".

Пока эти вопросы обсуждались королем и его министрами, с одной стороны, и парламентом - с другой, парижским иезуитам был отправлен королевский приказ скрепить их подписями

позорную капитуляцию, приведенную выше. Говорят, Людовик XV вообразил, что сможет смягчить непокорный парламент этой новой уступкой, и, следовательно, Ла Круа и его сподвижники были достаточно глупы, чтобы вообразить, что такой результат может последовать".

Продолжая свое обвинение Ла Круа и его ста пятнадцати сообщников, де Равиньян сообщает своим читателям, что "неопубликованный документ, о котором до сих пор не упоминал ни один автор, содержит важные детали по этому делу. Он озаглавлен "Точное изложение всего, что имело место в связи с толкованием декрета Аквавивы 1610 года, который был отправлен в Рим в 1761 году и отклонен генералом; а также декларации, которую генерал отказался утвердить". Автор - М. де Флессель, которому комиссия поручила доложить Шуазелю, чьим агентом он был.

"Что касается декларации о галликанстве, - говорит де Флессель, - то иезуиты, после некоторых трудностей, связанных с ее формой, решили подписать ее, и даже по настоянию королевских уполномоченных они обязались отправить ее своему генералу для утверждения. Вскоре после этого, когда иезуиты получили ответ своего генерала, провинциал пришел сказать мне, что, когда Папе стало известно о заявлении, сделанном французскими иезуитами, и о том, которое они собирались сделать, Его Святейшество гневно отчитал генерала за то, что он позволил членам Общества во Франции придерживаться доктрин, противоречащих учению Святого Престола".

Неприятно оспаривать авторитет такого выдающегося человека, как де Равиньян, но, с другой стороны, его выводы о том, что это письмо было изготовлено иезуитами или получило иезуитскую поддержку, ни в коей мере не убедительны. Во-первых, ни один иезуит никогда бы не подписал бумагу, которая начиналась словами: "Мы Исповедующие, даже первые обеты". В Обществе нет такой категории. Во-вторых, ни один иезуит или вообще кто-либо в здравом уме никогда не стал бы просить у вышестоящего начальства разрешения учить ошибаться и при этом говорить, что безразлично, будет ли дано разрешение или нет. В-третьих, поскольку все иезуиты провинции объявили о своем намерении покинуть Общество, если Людовик XV назначит для них Генерального комиссара, независимого от их настоятеля в Риме, — как мы цитировали выше из сохранившегося письма прокурора провинции Аквитания, - немыслимо, чтобы те же самые люди в то же самое время торжественно объявили себя мятежниками против отца-генерала в Риме. В-четвертых, поскольку ни одна ассоциация не вознаграждает человека, пытающегося ее разрушить, трудно понять, как после этого восстания лидер восстания Ла Круа не только не был исключен из Общества, но и был сохранен на своем ответственном посту провинциала, а позже стал помощником генерального директора Общества.

Более того, трудно понять, почему, когда де Флессель говорит, что "Отцы Церкви решили подписать документ", де Равиньян должен пойти на шаг дальше и сказать, что "они подписали его". Не помогает делу и утверждение, что это было "*un acte de faiblesse*", когда это было массовое, корпоративное и преднамеренное преступление трусости и измены; не поможет и предположение, что папа и генерал, должно быть, были сильно опечалены — "*Ils durent être amèrement affligés.*" История имеет дело не с домыслами, а с фактами. Вопрос не в том, должны ли они были быть, а в том, действительно ли они были опечалены поступком, который действительно произошел и который так дискредитировал Общество? Опять же, поскольку одной из величайших заслуг французских иезуитов была их долгая и успешная битва с галликанизмом, немыслимо, чтобы они внезапно изменили своему направлению и отупели в тот

самый момент, когда все епископы Франции, за исключением одного, отказались от галликанизма и объединились в восхвалении Общества; и сделать это в то время, когда величайший друг, который у них когда-либо был, папа Климент XIII, прославил их за ортодоксальность и произнес знаменитые слова: "Пусть они будут такими, какие они есть, или не будут вообще!"

Провозгласить галликанизм означало бы лишить их священнических функций, это вызвало бы сильное отвращение и презрение иерархии Франции и всего мира и навлекло бы на них анафему папы Римского. В самом деле, вероятно ли, что папа Климент XIV не упомянул бы о дезертирстве в своем Отчете о Подавлении, если бы они были виновны? К счастью, мы можем сослаться на недвусмысленное заявление протестантского историка Шелля (*Cours d'histoire*, xl, 53), который говорит: "Эти люди, которых обвиняют в игре с религией, отказались принести клятву поддерживать принципы Галликанской церкви. Из 4000 Отцов, находившихся во Франции, едва ли пятеро подчинились". Если во всех провинциях Франции было "едва ли пять" галликанцев, то можно сделать обоснованный вывод, что 116 иезуитов из провинций Парижа не подписали знаменитое "Заявление" де Флесселя.

Людовик XV предпринял слабую попытку спасти ситуацию, отозвав указ о высылке из-под юрисдикции парламента, но мадам де Помпадур и Шуазель так эффективно поработали над его страхами, что он с позором отменил свой приказ. Тем временем папа выступил с речью на консистории 3 сентября 1762 года; и направил письмо кардиналу Шуазелю, брату министра, 8 сентября того же года, в обоих из которых он объявил, что "торжественным декретом он отменил и аннулировал действия различных парламентов против иезуитов". Он повелел кардиналу "использовать всю свою епископальную власть против нечестивого поступка, который был направлен против Церкви и религии". Он писал другим епископам в том же тоне возмущения и гнева. Однако только в ноябре 1764 года Шуазелю удалось добиться королевской подписи, которая делала указ безотзывным. Конечно, мадам де Помпадур была на первом плане в обеспечении этого позорного отказа от королевской прерогативы. Бедный король выставляет жалкую цифру, подписывая документ. Сделав несколько небрежных каракулей на бумаге, он пожаловался, что преамбула была слишком длинной и что ее было бы достаточно, чтобы заявить, что "иезуиты произвели большое смутение в его королевстве". Он добавил, что, по его мнению, не следует употреблять слово "наказывать"; оно было слишком сильным; "он никогда искренне не любил иезуитов, но они славились тем, что их ненавидели все еретики.... Я высылаю их из моего королевства против своей воли; по крайней мере, я не хочу, чтобы люди думали, что я согласен со всем, что парламент сказал или сделал против них". Он закончил словами: "Если вы не внесете эти изменения, я не подпишу, но я должен прекратить говорить. Я бы сказал слишком много и не хочу, чтобы кто-нибудь во Франции обсуждал это". Вряд ли о Людовике можно было сказать, что "он был королем до мозга костей".

Желание заткнуть рты каждому из его подданных по вопросу, который касался их всех как разумных существ и граждан, осуществлялось с чрезвычайной строгостью. Таким образом, когда два светских священника имели неосторожность осудить этот указ, они были немедленно повешены. Дерзость министров и парламента зашла еще дальше; и 3 декабря герцог де Праслен направил Обетеру, послу Франции в Риме, ноту, в которой сообщал ему, что "при сложившихся обстоятельствах было бы очень бесполезно и еще более опасно для Папы принимать какие-либо меры, прямо или косвенно противоречащие желаниям и намерениям его величества; и поэтому Его Святейшество должен из ревности к религии и из уважения к

иезуитам соблюдать то же молчание, которое Его Величество приказал соблюдать в своих государствах". Папа ответил на оскорбление Буллой "Apostolicum", которая была великолепным заявлением об абсолютной невинности прописанного Ордена. Это вызвало ярость правительств Франции, Португалии, Неаполя и других стран. Во Франции оно было сожжено на улицах нескольких городов государственным палачом. В Португалии любой, кто распространял его или имел при себе, признавался виновным в государственной измене; но, с другой стороны, от епископов всего католического мира приходили восторженные письма с одобрением и похвалой бесстрашному папе, который осмелился выступить как враг тирании и несправедливости.

Бемермоно в своих "Jésuites" придерживаются мнения, что папа был "неблагоразумен, и что из сотен католических епископов только двадцать три заверили его в своем одобрении". Де Равиньян, который лучше информирован, говорит нам, что "почти вся епископия мира была единым целым в этом проявлении верности верховному Пастырю". Перед этим событием двести епископов направили свои обращения Папе в пользу Общества; и сам папа говорит в Булле: "Ex omni regione sub cœlo est una vox omnium episcoporum" (Из каждого региона под небесным сводом слышен только один голос епископальной палаты). После появления Буллы другие епископы поспешили послать ему свои поздравления. Даже в самой Франции, несмотря на террор, осуществляемый парламентом, собрание духовенства 1765 года единогласно проголосовало против осуждения иезуитов, превознося "чистоту их морали, аскетизм их жизни, величие их трудов и науки"; и заявило, что их изгнание оставило ужасающую пустоту в министерстве, в образовании и в возвышенной и кропотливой работе миссий. И не только это, но они хотели официально заявить, что "духовенство никогда не перестанет молиться о восстановлении Ордена и возложит эту мольбу к ногам короля".

Изгнанники задержались на некоторое время в различных частях Франции, поскольку некоторые из региональных парламентов не были едины с Парижем в своей оппозиции Обществу. Действительно, во многих из них за запрет проголосовало лишь небольшое большинство. Таким образом, в Ренне было большинство в три голоса; в Тулузе - два; в Перпиньяне - один; в Бордо - пять; в Эксе - два; в то время как Безансон, Эльзас, Фландрия, Артуа и Лотарингия высказались в их пользу и провозгласили "сынов Святого Игнатий как самый верный подданный короля Франции и самый надежный гарант нравственности народа". С другой стороны, Бретань, страна Шалоте, автора "Экстралитов", была особенно ожесточенной в своей ненависти. Таким образом, он проголосовал за лишение всех гражданских и муниципальных функций тех родителей, которые хотели отправить своих детей за границу в иезуитские школы; и дети по возвращении домой должны были быть наказаны аналогичным образом. Отцы на несколько лет задержались то тут, то там в своей родной стране, занимаясь различными профессиями; но в 1767 году был издан указ о высылке их всех с территории Франции.

Интересное проявление привязанности учеников Сент-Омера к своим преследуемым учителям произошло, когда парижский парламент издал приказ об исключении в 1767 году. Сент-Омерс был основан отцами Персонами в 1592 или 1593 годах. Это было сделано не для духовенства, как в колледжах Дуэ, Рима и Вальядолида, а для того, чтобы дать английским мальчикам образование, которое они не могли получить в своей собственной стране. Это было в двадцати четырех милях от Кале, на территории, которая в то время принадлежала королю Испании. Вскоре после его передачи из ЕС в Нормандию, где была предпринята попытка создать его, в

его реестре числилось сто мальчиков, а тридцать лет спустя их число удвоилось. В течение многих лет это была любимая школа английских католиков, и она радуется тому, что двадцать ее учеников погибли за Веру. Она продолжала свою работу в течение полутора столетий. Когда изгнание иезуитов оставило колледж без преподавателей, его передали светскому духовенству, но когда они прибыли, мальчиков там не было. Все они бежали в Брюгге в Бельгии, и там занятия продолжались до всеобщего подавления Общества в 1773 году. Даже после этого английские бывшие иезуиты продолжали работу колледжа до 1794 года, когда Французская революция положила этому конец. Однако к тому времени один из бывших студентов, мистер Томас Уэлд, поселил Отцов в своем поместье в Стонихерсте в Англии, так что Сент-Омерс и Стонихерст - мать и дочь.

Здания и земля в Сент-Омерсе были переданы французским правительством английским светским священникам, которые находились в Дуэ. Олбан Батлер, автор "Житий святых", был его президентом с 1766 по 1773 год. В настоящее время на этом месте расположен военный госпиталь.

В Луизиане, которая все еще была верна Франции, увольнение Отцов было особенно позорным. Ибо как только дошли известия о подвиге Шуазеля на метрополии, высший совет Луизианы приступил к работе. "Эта незначительная группа провинциальных чиновников", как называет их Ши (I, 587), "издала указ, объявляющий Общество опасным для королевской власти, прав епископов, общественного спокойствия в обществе", и объявила их клятвы недействительными. Следует отметить, что все эти судьи в церковных делах были мирянами. Они приказали наложить арест на все имущество и продать его с аукциона, хотя личные книги и одежда не были конфискованы. Название и обычаи Общества были запрещены; облачения и утварь часовни в Новом Орлеане были переданы властями капуцинам; но всем иезуитским церквям в Луизиане и Иллинойсе было приказано сравнять их с землей. Каждый иезуит должен был сесть на первый корабль, отплывающий во Францию, и, прибыв туда, доложить Шуазелю. Каждому из них было выдано около 420 долларов — на проезд и шестимесячное содержание.

В некоторых случаях имело место отклонение от поездки во Францию, поскольку отца Каретта отправили в Сан-Доминго, а отец Ле Руа отправился в Мексику. Возникла трудность с отцом Бодуэном, который был канадцем. Почему его должны были отправить во Францию, где у него не было друзей? Кроме того, его здоровье было подорвано лишениями на миссиях, а ему было в то время семьдесят два года. Однако он должен был отправиться во Францию, но как раз в тот момент, когда его собирались тащить на корабль, богатый друг заступился за него и приютил. Другой отец в Алабаме не слышал об ордене несколько месяцев; и когда, наконец, он появился в Новом Орлеане, его арестовали как преступника и отправили во Францию.

22 сентября курьер достиг форта Шартр, который находился на территории Англии; и, несмотря на опасность посорить правительство, отец Ватрон, которому тогда было шестьдесят семь лет, был изгнан, а вместе с ним и двое его товарищей-миссионеров. Чиновник из Луизианы раздал облачения негритянским девушкам, а алтарная плита и канделябры вскоре были найдены в домах с дурной славой. Затем часовня была продана с условием, что покупатель должен ее снести. В Венсенне были совершены те же безобразия, и отец Дюверне, который в течение шести месяцев был прикован к постели, был увезен вместе с остальными в Новый Орлеан и отправлен во Францию. Только двоим было разрешено остаться благодаря мольбам и протестам друзей. Одним из изгнанников был отец Вьель, уроженец Луизианы по

происхождению. Самым заметным персонажем, осуществившим это изгнание, был некий Лафреньер, но вскоре он понес свое наказание. В 1766 году Людовик XV подарил всю провинцию своему двоюродному брату из Испании, и когда граф Александр О'Рейли был отправлен с тремя тысячами солдат для подавления последовавших беспорядков, Лафреньер и трое его сподвижников были выведены на задний двор казарм и застрелены. Других отправили в цепях в Гавану.

Таким образом, подавление Общества во Франции осуществлялось не с такой жестокостью, как в Португалии. Там не было ни тюрем, ни цепей, ни депортации, и у них не было славы мученичества. У них просто отобрали все, что у них было, и велели идти, куда они пожелают. Правительству было безразлично, выживут они или умрут. Это была просто разница в методах; но оба были одинаково эффективны. Португальских иезуитов бичевали; над их французскими собратьями насмехались. Возможно, последнее было труднее вынести.

У всего этого есть любопытное продолжение. Шуазель, гордившийся своим достижением в изгнании иезуитов из Франции и ее колоний, теперь задумал великолепный проект колонизации Гайаны по принципам, совершенно отличным от тех, которым следовал ненавистный Орден. Он побудил 14 000 введенных в заблуждение французов отправиться во владение богатыми и плодородными землями Гайаны. Там они нашли одного бедного старого иезуита, который, поскольку не был подданным Франции, отказался подчиниться указу о высылке. Его звали О'Рейли, но что он мог сделать с 14 000 человек? Он просто исчез со сцены. Весьма вероятно, что он присоединился к индейцам, которые бежали в леса при виде этой огромной армии французов, которые теперь владели страной в своих руках, не нанеся ни единого удара. Но два года спустя шевадьё де Бальзаку пришлось доложить Франции, что из 14 000 колонистов в живых остались только 918. Таким образом, изгнав 6000 иезуитов из Франции, Шуазель убил 13 000 своих соотечественников (Христианские миссии, II, 168).

В 1766 году губернатор г-н де Пьемонт написал герцогу де Праслену, что он уже сообщил герцогу де Шуазелю, насколько необходимо направить священников в эту колонию. Затем он описал разрушение миссионерских постов, бегство индейцев, рост преступности среди негров и быстрое разорение колонии и добавил, что религия вымирает как среди белых, так и среди цветных рас. В течение десяти лет он продолжал повторять эту жалобу, но на него не обращали внимания. В конце концов, Людовик XVI, которому самому вскоре предстояло стать жертвой беззакония Шуазеля, послал туда трех иезуитов, не французов, возможно, у него не хватило духу просить кого-либо из них, но трех иезуитов, которые были изгнаны из Португалии Помбалем, сообщником Шуазеля. Это были Падилья, Матос и Феррейра. Они приняли миссию, и в "Дневнике" Кристофера де Мурра говорится: "Бедные дикари, снова увидев людей, облаченных в одеяния, которые они научились чтить, и услышав, что они говорят на их родном языке, пали к их ногам, омывая их слезами, и пообещали снова стать добрыми христианами, поскольку Отцы, породившие их в Иисусе Христе, вернулись к ним". Без сомнения, эти трое святых людей оставались до самой смерти со своими бедными покинутыми индейцами.

Безрассудство Франции в этом правительственном акте было подытожено в письме д'Аламбера Шуазелю незадолго до изгнания. В нем он говорит: "Франция прибегнет к этой строгой мере против своих собственных подданных в тот самый момент, когда она ничего не предпринимает в своей внешней политике, и в хронологических сводках будущего мы прочтем слова, относящиеся к 1762 году: "В этом году Франция потеряла все свои колонии и изгнала иезуитов".

ГЛАВА XVI

КАРЛ III

Короли Испании Бурбоны — Характер Карла III — Испанские министерства — О'Рейли — Бунт в шляпе и плаще — Трусость Карла — Обман монарха — Указ о подавлении — Скорбь папы — Его смерть — Неодобрение во Франции энциклопедистами — Королевская тайна — Одновременность подавления — Скитания изгнанников — Пиньятелли — Изгнание Тануччи.

Испания начала деградировать в семнадцатом веке; в восемнадцатом она потеряла все свои европейские зависимости, а в начале девятнадцатого была лишена почти всех своих богатых и могущественных колоний в Америке. В течение двух третей этого периода им управляли иностранцы, ни один из которых не претендовал на внимание, не говоря уже об уважении. До 1700 года он был верен австрийскому дому; после этого французские бурбоны ускорили его разрушение.

Ее первый король-бурбон Филипп V уже в 1713 году преуспел в потере Сицилии, Милана, Сардинии, Нидерландов, Гибралтара и острова Менорка; то есть половины ее европейских владений. Тем временем Каталония была охвачена восстанием. Но мало чего другого можно было ожидать от такого правителя. Он был не только конституционно ленив, но и явно умственно неполноценен. Королева держала его в уединении, и он ничего не делал, кроме как под ее диктовку; он был внешне набожен, но его мучили нелепые угрызения совести; "внешне набожен, - говорит Шелл, цитируя Сен-Симона, - но пренебрегал фундаментальными принципами религии; он был робок и, следовательно, время от времени упрям; а когда не в духе, им легко было руководить. У него не было воображения, за исключением того, что он постоянно мечтал о завоевании Европы, хотя никогда не покидал Мадрид; он довольствовался самым мрачным существованием, и его единственным развлечением была стрельба по дичи, которую его слуги загоняли для него в кусты". Его совесть часто терзала его за грех, который, по его словам, он совершил, когда отказался от своих притязаний на трон Франции; и, как следствие, он дал обет отказаться от испанской короны до тех пор, пока Англия не призовет его стать королем Франции. Чтобы помочь ему сдержать свой обет, он построил дворец Сан-Ильдефонсо, который обошелся стране в 45 000 000 песо. Он назначил своего сына Людовика, семнадцатилетнего юношу, править вместо себя, и мальчик, конечно же, только и делал, что развлекался, и умер от оспы через шесть месяцев, предварительно пройдя через нелепый фарс с объявлением своего отца наследником. Затем Филипп начал сомневаться, сможет ли он возобновить свои обязанности короля после того, как поклялся отказаться от них. Помимо того, что его мучили угрызения совести, он постоянно боялся подхватить болезнь, унесшую его сына; он умер от апоплексического удара 9 июля 1764 года в возрасте 53 лет.

Сменивший его Фердинанд VI был таким же ленивым, как и его отец, но с меньшим талантом и силой воли; он страдал меланхолией и, как и его отец, страдал от страха смерти. Он не принимал участия в управлении королевством, но проводил большую часть своего времени,

слушая трели сопрано Фаринелли, которого король так обожал, что с ним иногда советовались по государственным делам. Королева была еще одним его кумиром, и когда она умерла, он заперся, никого не видел, почти ничего не ел; никогда не менял белье; отрастил волосы и бороду и никогда не ложился спать. Час или два в кресле - это все, что он позволил себе для отдыха. Он умер в конце года, оставив личное состояние в 72 000 000 франков. Ему было всего сорок семь лет. Как и король, королева была во власти страха, однако не смерти, а бедности. Чтобы защититься от этого непредвиденного случая, она копила все деньги, которые могла достать; принимала любые подарки, которые ей предлагали; и давала понять, что самый простой способ завоевать ее расположение - это иметь что подарить. Серьезно сказано, что, хотя она была очень тучной, она экстравагантно любила танцевать.

Фердинанду VI наследовал его брат Карл III, который был королем Неаполя в течение двадцати четырех лет. У него было шестеро сыновей, старшему из которых, Филипу Энтони, было тогда двенадцать лет, но он был безнадежным слабоумным. Таким образом, право наследования перешло к его второму сыну. Третий, которому тогда было восемь лет, должен был унаследовать корону Неаполя, и его оставили в руках Тануччи для подготовки к его будущей должности. Поскольку Тануччи был заклятым врагом христианства, этот поступок Чарльза, у которого был духовник-иезуит и которого считали набожным человеком, означал бы, что он также был умственно неполноценным. Как и его предков, его преследовал страх смерти, слабость, которая проявлялась во всех его политических действиях, особенно в подавлении Общества. Это была одна из причин, по которой долгое время после того, как Франция и Португалия охотно завершили бы борьбу изгнанием иезуитов, якобы благочестивый Карл упорствовал до тех пор, пока не вырвал Постановление о подавлении из рук Климента XIV.

Государственные министры, которые управляли судьбами Испании в этот период, принадлежат к типу, подобного которому нельзя найти в истории ни одной другой нации. Они начинаются с итальянца Альберони, который начинал жизнь батраком на ферме, затем стал священнослужителем и, в конечном счете, кардиналом. "Ему было суждено долгие годы нарушать спокойствие в мире", - говорит Шелл. По словам Сен-Симона, он предотвратил возвращение Гибралтара Испании, которое Англия была готова предоставить; он был запрещен папой римским; и впоследствии был отстранен от должности, главным образом из-за интриг двух итальянских священнослужителей. Кормилица королевы, старая Лаура Пискатори, также является фигурой удивительной дипломатии тех дней и полна амбиций стать такой же важной персоной, как кардинал Альберони, приехавший из ее родной деревни. Следующим премьер-министром был бискайец Гримальди, чью внешность описывает Сен-Симон, но которую мы опускаем. Достаточно будет сказать, что "он был низок и податлив, когда это было ему удобно, и он никогда не делал ложного шага в этом направлении". За ним последовал Рипперда, который родился в Нидерландах и получил образование у иезуитов в Кельне, но стал протестантом в Голландии и католиком в Испании, где продержался на посту министра всего четыре месяца. Он перешел в протестантство во второй раз, по возвращении в Голландию, и впоследствии возглавил армию мавров против Испании. Неизвестно, умер ли он христианином или мусульманином.

Патино и де ла Кадра быстро сменяли друг друга, один хороший, другой робкий и слабый. Энсенада, хотя и был искусен, был жаден до денег и считался главой французской фракции при дворе. Следующим в списке стоит Карваджал, демонстрирующий английские наклонности, которые были для него естественны, поскольку он принадлежал к дому Ланкастеров.

Действительно, его политика была полностью проанглийской, и он был в сговоре с Кином, британским послом. Затем ирландец Уолл порхает по сцене в сопровождении двух помощников: Лосады и Сквиллаче, оба итальянцы. Когда Уолл поссорился с папой римским и инквизицией, он пал, и тогда на первый план вышел другой Гримальди; не бискайец, как его тезка, а генуэзец. Следующим по порядку был Сквиллаче, по-видимому, из итальянской ветви Борджиа, а затем быстрой процессией шли испанцы: Рода, де Альва, Аранда, Рода, Мониньо, Кампоманьес, либо в качестве премьер-министров, либо видных членов правительства, и почти все они находились под французским влиянием. Наконец, генералиссимусом армии и самым популярным человеком в Испании был ирландец Александр О'Рейли. Коренные испанцы мало что значили; даже королевская телохранительница состояла из валлонов.

О'Рейли, вероятно, не испытывал симпатий к свободомыслящим политикам, которые тогда правили страной, по той причине, что он родился в Ирландии и всю свою жизнь был солдатом. Более того, фракция Аранды возненавидела его, и он сохранил свой пост во главе армии только потому, что король считал, что никто не сможет защитить королевскую жизнь так хорошо, как О'Рейли. Он родился в 1735 году и еще в юности был младшим лейтенантом Ирландского полка, служившего в Испании. В 1757 году он сражался под командованием своего соотечественника де Лейси в Австрии, а затем последовал за *флер-де-лис* во Францию. Он настолько отличился, что маршал де Бройль рекомендовал его королю Испании. Там он вскоре стал бригадным генералом и восстановил древний престиж испанской армии. Он был назначен комендантом Гаваны и восстановил ее укрепления, а оттуда отправился в Луизиану, чтобы укрепить ее за испанской короной. Его единственная военная неудача произошла в Алжире, но это произошло не из-за недостатка мудрости в его планах, а из-за того, что его флот не прибыл в назначенное время. Даже тогда не было никого столь высоко почитаемого, как О'Рейли, и когда он умер в преклонном возрасте в 1794 году, все люди заявили, что бедствия, обрушившиеся на нацию, были бы предотвращены, если бы он был жив. Ему приписывают, помимо воинского пыла, еще и милый и вкрадчивый нрав, который, возможно, объясняет, как ему удалось легко расположить к себе толпу, так напугавшую короля Карла в Мадриде.

Тем временем зловещий Шуазель во Франции держал в своих руках всех министров Испании, а затем решил захватить короля. Сначала он преподнес ему в подарок то, что до того времени было особой гордостью Франции: преимущество ее послов на государственных должностях перед послами всех других стран, за исключением Германской империи. Чарльз, естественно, принял подарок, но, очевидно, не смог осознать его значения. Следующим шагом было избавиться от придворного духовника; и его величеству было передано конфиденциальное письмо от португальца Помбала, обвинявшего отца Раваго в подстрекательстве индейцев Парагвая к восстанию против испанских войск во время передачи этой территории. Однако заговор провалился, поскольку Чарльз слишком хорошо знал Раваго, и тогда было прибегнуто к чему-то более радикальному. Сквиллаче в то время был у власти, и при нем произошел исторический бунт, который со временем приобрел в воображении короля такие размеры, что это была одна из трех или четырех вещей, помимо его "королевской тайны", на которые он настаивал перед папой в качестве причины для подавления Общества.

История бунта такова: Сквиллаче был очень энергичен в развитии материальных ресурсов королевства, но всегда заботился о своей личной и денежной выгоде. Он продвигал общественные работы; установил монополии даже на продукты питания; обложил людей налогами; и, будучи ярким антиклерикальным деятелем, был очень активен в ограничении

церковных привилегий. Народ и духовенство безропотно подчинились, но произошло нечто, положившее конец карьере Сквиллаче, хотя это имело гораздо более серьезные последствия. Это едва ли кажется правдоподобным, но инцидент стал одним из серьезных событий того времени. Хотя никто этого не подозревал, все это было намеренно спланировано и стало первым шагом в заговоре по изгнанию иезуитов из Испании. Сквиллаче возражал или делал вид, что возражает против одежды, которая особенно нравится жителям Мадрида: сомбреро с напуском и всеохватывающий плащ; и он приказал сменить ее. Естественно, это привело людей в ярость, ибо, хотя они терпеливо сносили введение налогов, создание деспотических монополий, ограничение древних прав и привилегий и т.д., дерзость иностранца, вмешивающегося в покроя их одежды, вызвала народный бунт. 26 марта 1766 года толпа ворвалась в резиденцию Сквиллаче, и он позорно обратился в бегство. Всю ночь напролет возбужденные толпы толпились на улицах, выкрикивая: "Долой Сквиллаче". На следующее утро они окружили дворец самого короля, и он, встревоженный, позвал О'Рейли, чтобы тот подавил беспорядки. Когда его величеству сообщили, что это может повлечь за собой кровопролитие, он осудил это и поспешно покинул Мадрид. Если бы он показался народу, они не причинили бы ему никакого вреда, поскольку почтение к королевской власти все еще было глубоко в народных сердцах, и эпоха королевских убийств еще не наступила. Но король не был героем, и он поставил своего подчиненного на опасный, по его мнению, пост. После этого, безоружный и оставленный без присмотра, О'Рейли столкнулся лицом к лицу с возбужденной толпой.

Обрадованные его доверием к ним, они приветствовали его радостными криками, но потребовали удовлетворения своих претензий. К сожалению, пока он поддерживал их в хорошем настроении, валлоны, охранявшие другие ворота дворца, вступили в перепалку с некоторыми из бунтовщиков. Произошел обмен горячими словами, прозвучали выстрелы, и несколько человек были убиты. Вся сцена мгновенно изменилась, и столица была бы залита кровью, и, возможно, Карл был бы свергнут с престола, если бы несколько иезуитов во главе со святым Пиньятелли не поспешили сквозь толпу и не обуздали бунтовщиков. Наконец, когда к стенам дворца был прикреплен плакат, удовлетворяющий всем их требованиям, толпа разошлась, приветствуя иезуитов — роковой клич для тех, кого он должен был почитать. Их обвинили в провоцировании беспорядков, и с этого момента в королевстве зародилась ненависть к Обществу. Она обострилась из-за сознания собственной трусости. Таким образом, фарс должен был ввести в действие трагедию. Десять лет спустя герцог Альва, потомок старого тирана Нидерландов, признался, что именно он спланировал бунт в сомбреро и плащах, чтобы дискредитировать иезуитов (де Мурр, "Дневник", ix, 222).

Ближе к концу января 1767 года появляется еще один эпизод в этой любопытной истории. Как и история с бунтом, он, кажется, взят из романа, но, к сожалению, это не так. Местом действия является главная резиденция иезуитов в Мадриде. Провинциал и община ужинают, когда входит брат-мирянин с пачкой писем, которые он кладет перед провинциалом. Это не обычный способ распространения подобных сообщений в Обществе, но история рассказана де Равиньяном в "Клемане XIII и Клемане XIV" (I, 186), и он цитирует отца Касседу, который описывается как "выдающийся отец-иезуит, достойный веры". Посылка была возвращена брату вместе с ключами от комнаты провинциала, где она была оставлена. Сразу после этого прибыл придворный, обыскал комнату и извлек одно из писем, предположительно от отца Риччи, генерала ордена иезуитов, в котором, среди прочего, говорилось, что король был незаконнорожденным сыном и должен был быть заменен его братом доном Луисом. За то, что такое письмо действительно было написано, ручаются несколько историков: Кокс, Ранке, Шелл,

Адам, Сисмонди, Даррас и другие; и обычно признается, что это была работа Шуазеля во Франции, хотя он так искусно заметал свои следы, что невозможно привести никаких документальных свидетельств против него. Его посредником был некий аббат Бельярди, атташе посольства Франции в Мадриде.

Согласно Карайону (XV Опр., 16-23) и Боэро (приложение "Пиньятелли"), в этой мелодраме есть вторая сцена. Двое отцов уезжают из Мадрида в Рим. Им вручается запечатанный пакет, якобы от папского посла в Испании. По дороге их задерживают и обыскивают; посылку вскрывают, и в ней находят письмо, в котором говорится о легитимности короля. Точно в тот же самый момент в резиденции иезуитов в Мадриде был разыгран трюк с письмом из трапезной, и таким образом была установлена связь. Имея в своем распоряжении этот клочок бумаги и "бунт в плаще и сомбреро", заговорщики пришли к выводу, что у них достаточно материала для осуществления своего плана, и в следующей главе показано, как Аранда, премьер-министр, Рода, Мониньо и Кампоманьес часто встречаются в старом заброшенном особняке за городом. С ними было несколько мальчиков, вероятно, придворных пажей, которые были заняты копированием кипы документов, смысл которых они были слишком неискушенны, чтобы понять. Более старые помощники могли бы выдать секрет.

Цепочка доказательств была наконец завершена, и затем эти серьезные государственные деятели предстали перед его величеством и с доказательствами в руках доказали ему несомненную беззаконие религиозного ордена, которому до этого момента он так безоговорочно доверял. Он попал в ловушку, и последовала серия заседаний кабинета министров, на которых обсуждалась ранее собранная или выдуманная информация о каждом иезуите во Франции. Результатом было то, что 29 января 1767 года Кампоманьесом было составлено и представлено его величеству предложение об изгнании Общества из Испании, в котором ему рекомендовалось, во-первых, наложить абсолютное молчание на всех своих подданных в отношении этого дела, до такой степени, чтобы никто не говорил и не публиковал ничего ни за, ни против этой меры без специального разрешения правительства; во-вторых, утаить все сведения об этом деле, даже от контролера прессы и его подчиненных; и, наконец, обеспечить, чтобы любые предпринятые действия исходили непосредственно от президента и министров чрезвычайного совета. .

Король согласился с этим советом, и был издан указ, в силу которого было объявлено молчание в отношении 6000 испанских подданных, которые не только не подвергались судебному разбирательству, но и были абсолютно не осведомлены о том, что против них выдвинуто какое-либо обвинение. Они были безупречны как единое целое в течение двухсот лет, снискали больше славы и отвоевали для Испании больше территорий, чем когда-либо было завоевано ее армиями. Это были люди святой жизни, часто отличавшиеся во всех областях знания; некоторые из них принадлежали к знатнейшим семьям королевства; и все же все они должны были быть изгнаны из мира в любой момент, хотя ни судья на скамье подсудимых, ни священник или епископ, ни даже папа римский не были осведомлены о причине этого, и, как мы видели, было запрещено даже говорить об этом поступке. Более возмутительного злоупотребления властью невозможно было себе представить.

Было решено, что на ближайшие второго апреля, 1767, заявление должно быть принято по всей Европе, с помощью которых мир бы быть в курсе: во-первых, в необходимости сохранения мира, а для других не менее просто и необходимых причин (хотя мир не говорили, что они есть),

иезуиты были изгнаны из царских владений, и всех их товары конфискованы; во-вторых, что мотив навсегда останется похоронен в королевском сердце; в-третьих, что все другие религиозные общины в Испании являются самым достойным и не приставал. Указ был подписан Карлом и скреплен подписью Аранды, а затем разослан. Послу в Риме было приказано передать его папе и удалиться, не сказав ни слова. Делегации гражданским и военным властям обоих миров были вложены в двойные конверты и запечатаны тремя печатями. На внутренней обложке появились зловещие слова, как от пирата, обращающегося к своей команде: "Под страхом смерти эту посылку нельзя вскрывать до 2 апреля 1767 года, на заходе солнца". Письмо гласило следующее: "Я наделяю вас всей моей властью и всей моей королевской властью немедленно обрушиться с оружием на иезуитские учреждения в вашем округе; схватить их обитателей и привести их в качестве пленников в указанный порт в течение 24 часов. В момент ареста вы опечатаете архив дома и все личные бумаги и никому не позволите брать с собой ничего, кроме его молитвенника и белья, строго необходимого для путешествия. Если после вашего отъезда в вашем департаменте останется хоть один иезуит, больной или умирающий, вы будете наказаны смертью".

- Я, король.

Мотив, побудивший Карла хранить тайну этого удивительного процесса "заперти в своем королевском сердце", обычно приписывают его сильному негодованию из-за подозрений, брошенных на его законность, и его страху, что даже упоминание об этом приведет людей к выводу, что для обвинения были какие-то основания. Давила, цитируемый Полленом в "Месяце" (август 1902 г.), находит другое объяснение.

"Карл III, - говорит он, - стал экстравагантным правителем и был убежден своими вольтерийскими министрами, главным образом Тануччи, которого он оставил опекать своего сына в Неаполе, что Церковь во всем должна подчиняться государству. Именно по этой причине он держал причины изгнания иезуитов "похороненными в своем королевском сердце". Единственной причиной этого поступка была его смена политики; истинная государственная причина, которая в некоторых случаях прикрывает серьезные акты несправедливости, — поскольку всегда должно быть серьезной несправедливостью обвинять религиозное общество в заговоре против основных институтов страны и при этом не иметь возможности каким-либо образом указать на цель и план столь темного заговора. Если это так, - продолжает Давила, - то легко понять, почему его величество не мог раскрыть эту "тайну своего королевского сердца" даже Папе Римскому, или, возможно, меньше всего ему, поскольку это было бы болезненным признанием в том, что его католическое величество был единомышленником вольтерьянцев Европы, чьей общепризнанной целью было уничтожение Церкви".

Климент XIII был переполнен горем, когда прочитал указ короля, и написал ему следующее: "Из всех ударов, которые я получил за девять несчастных лет моего понтификата, худшим является тот, о котором ваше величество сообщает мне в вашем последнем письме, сообщая мне о вашем решении изгнать из всех ваших обширных владений религиозных членов Общества Иисуса. Так что и ты сделай это, сын мой, *"Ты мой сын"*. Наш возлюбленный Карл III, король-католик, - это тот, кто должен наполнить чашу нашего горя и свести в могилу нашу старость, омытую слезами и переполненную горем. Очень религиозный, очень набожный король Испании Карл III собирается поддержать своей рукой, той могущественной рукой,

которую Бог дал ему, чтобы увеличить свою собственную честь, честь Бога и Церкви, разрушить до самого основания орден, столь полезный и дорогой Церкви, орден, который обязан своим происхождением и своим великолепием тем святым героям, которых Бог соизволил избрать в испанской нации, чтобы распространить Его великую славу по всему миру. Это вы собираетесь лишить свое королевство и свой народ всей помощи и всех духовных благословений, которые религиозные деятели этого Общества осыпали его своими проповедями, своими миссиями, своими катехизисами, своими духовными упражнениями, отправлением таинств, обучением молодежи грамоте и благочестию, поклонению Богу и чести Церкви.

- Ах! Сир! нашей душе невыносима мысль об этом ужасном разрушении. И что, возможно, ранит нас в самое сердце еще глубже, так это то, что мудрый, справедливый король Карл III, этот принц, чья совесть была такой деликатной, а намерения такими правильными; который, чтобы не поставить под угрозу свое вечное спасение, никогда бы не согласился, чтобы даже самому ничтожному из его подданных был нанесен малейший ущерб в их личных делах без предварительного и законного рассмотрения их дела и соблюдения всех условий закона, теперь поклялся полностью уничтожить, лишив его чести, его страны, его собственности, которая была приобретена законным путем, и его учреждений, которые принадлежали по праву, всю ту группу религиозных деятелей, которые были законными владельцами. посвятил себя служению Богу и ближним, и все это, не изучая их, не слыша их, не позволяя им защищаться. Сир! этот ваш поступок серьезен; и если, возможно, он недостаточно оправдан в глазах Всемогущего Бога, Верховного Судьи всех созданий, одобрение тех, кто давал вам советы в этом вопросе, ничего не даст, равно как и похвалы тех, чьи принципы побудили вас сделать это. Что касается нас, погруженных в невыразимую скорбь, мы признаемся вашему величеству, что боимся и трепещем за спасение вашей души, которая так дорога нам.

"Ваше Величество сообщает нам, что вы были вынуждены принять эти меры по долгу поддержания мира в ваших государствах, подразумевая, что мы предполагаем, что это беспокойство было спровоцировано каким-то человеком, принадлежащим к Обществу Иисуса. Но даже если бы это было правдой, сир, почему бы не наказать виновных, не заставляя страдать невинных? Тело, Институт, дух Общества Иисуса, мы заявляем об этом в присутствии Бога и человека, абсолютно невиновны ни в каких преступлениях, и не только невиновны, но и благочестивы, полезны, святы в своих целях, в своих законах, в своих максимах. Не имеет значения, что его враги пытались доказать обратное; все спокойные и беспристрастные умы будут ненавидеть таких обвинителей как дискредитированных лжецов, которые противоречат самим себе во всем, что они говорят. Вы можете сказать мне, что теперь это свершившийся факт; что королевский эдикт обнародован, и вы можете спросить, что скажет мир, если я откажусь? Не лучше ли вам спросить, сир, что скажет Бог? Позвольте мне сказать вам, что скажет мир. В нем будет сказано то же, что было сказано об Ассуэре, когда он отменил свой указ об истреблении евреев. В нем ему воздается вечная хвала за то, что он был справедливым царем, который знал, как победить самого себя. Ах! Сир, какой шанс завоевать такую же славу для себя. Мы приносим вашему величеству мольбы не только вашей царственной супруги, которая с небес напоминает вам о любви, которую она питала к Обществу Иисуса, но в гораздо большей степени к Священной Супруге Иисуса Христа, Святой Церкви, которая не может без слез взирать на полное и неминуемое исчезновение Общества Иисуса, которое до сего самого часа оказывало ей такую большую помощь и такие знаковые услуги. Позвольте же тогда регулярно обсуждать этот вопрос; позвольте справедливости и истине действовать, и они рассеют тучи, возникшие из-за предрассудков и подозрительности. Прислушайтесь к советам

тех, кто является врачами в Израиле; епископов, религиозных деятелей в деле, которое затрагивает интересы государства, честь Церкви, спасение душ, вашу собственную совесть и ваше вечное спасение ".

Непостижимо, как Чарльз мог устоять перед этим призывом, который является одним из самых замечательных и красноречивых государственных документов, когда-либо представленных миру. Но он устоял. Он просто ответил папе: "Чтобы избавить мир от большого скандала, я всегда буду хранить в тайне в своем сердце отвратительный заговор, который потребовал такой строгости. Ваше Святейшество должно верить моему слову, безопасность моей жизни требует от меня глубокого молчания".

Не удовлетворившись письмом самому королю, папа также обратился с мольбой к величайшему прелату королевства, архиепископу Таррагоны: "Что на тебя нашло? Как случилось, что Общество Иисуса в одно мгновение так далеко отошло от правил своего благочестивого Института, что наш дорогой Сын в Иисусе Христе, Карл III, король-католик, может считать себя уполномоченным изгнать из своего королевства всех Обычных Клерков Общества? Это тайна, которую мы не можем объяснить; всего год назад бесчисленные письма, адресованные нам испанским епископством, дали нам некоторое утешение в глубоком горе, охватившем нас, когда те же самые верующие были изгнаны из Франции. В этих письмах мы узнали, что отцы Церкви в вашей стране подавали пример всех добродетелей и что епископы и их епархии получили самую мощную поддержку своими благочестивыми и полезными трудами. И вот, в одно мгновение против них выдвигаются ужасные обвинения, и нас просят поверить, что все эти Отцы или почти все совершили какое-то ужасное преступление; более того, сам король, столь известный своей справедливостью, настолько убежден в этом, что чувствует себя обязанным обращаться с членами этого Института с неслыханной до сих пор строгостью ".

Обращаясь лично к королевскому духовнику, он говорит: "Мы пишем тебе, мой дорогой сын, чтобы ты мог изложить это принцу, который взял тебя своим наставником, и мы поручаем тебе говорить от нашего имени и в силу обязательств, налагаемых твоим служебным положением, и полномочий, которыми оно тебя наделяет. Что касается нас, мы не отказываемся применить самые суровые меры правосудия против тех членов Общества Иисуса, которые навлекли на себя справедливый гнев короля, и употребить все наши силы, чтобы уничтожить и выкорчевать шипы и вереск, которые могли вырасти на почве, доселе столь чистой и плодородной. Что касается вас, то это часть вашего священного служения - со страхом и трепетом размышлять о том, преклоняя колени у ног образа Иисуса Христа, чтобы заставить короля задуматься о неисчислимых разрушениях, которые постигнут религию, особенно в языческих землях, если бесчисленные христианские миссии, которые сейчас так процветают, будут заброшены и останутся без пасторов ". Очевидно, исповедник ничего не мог поделать со своим царственным кающимся грешником.

Этот безумный поступок Карла не понравился некоторым его друзьям во Франции. Так, 4 мая 1767 года Д'Аламбер писал Вольтеру: "Что вы думаете об эдикте Карла III, который так резко изгоняет иезуитов? Будучи убежден, что у него были веские и достаточные причины, не думаете ли вы, что он должен был обнародовать их, а не "запирать их в своем королевском сердце"? Не думаете ли вы, что он должен был позволить иезуитам оправдываться, тем более что все уверены, что они не могли этого сделать? Более того, не кажется ли вам, что было бы очень несправедливо обречь их всех на голодную смерть, если бы хоть один брат-мирянин, который,

возможно, режет капусту на кухне, так или иначе сказал слово в их пользу? И что вы думаете о комплиментах, которые король Испании адресует другим монахам и священникам, юре и ризничим своего королевства, которые, по моему мнению, не менее опасны, чем иезуиты, за исключением того, что они более глупы и подлы? Наконец, не кажется ли вам, что он мог бы действовать с большим здравым смыслом, применяя то, что, в конце концов, является разумной мерой?"

Несмотря на королевский приказ, предписывающий хранить молчание всем его подданным, возмущение вызвало бурю эмоций. Рода, агент министерства в Мадриде, попытался скрыть это и написал в испанское посольство в Риме 15 апреля 1767 года: "Здесь нет особой агитации. Некоторые богатые люди, некоторые женщины и другие простаки очень взволнованы этим и много пишут о своей привязанности к иезуитам, но это происходит из-за их слепоты. Вы были бы поражены, узнав, насколько они многочисленны. Но бумаги, обнаруженные в архивах и библиотеках, на чердаках и подвалах, дают достаточно материала, чтобы оправдать этот акт. Они раскрывают больше, чем люди здесь подозревают ". И все же ни один из этих компрометирующих документов, "найденных в архивах и библиотеках, на чердаках и подвалах", так и не был представлен.

Среди "простаков", осудивших этот акт, был епископ Куэнки Исидор де Карвахаль, который прямо сказал королю, что он думает обо всем этом деле. Архиепископ Таррагоны сделал то же самое, но они оба навлекли на себя королевское неудовольствие. Епископ Терруэля опубликовал брошюру "Истина, открытая королю, нашему Повелителю", и его немедленно заключили во францисканский монастырь, а его генерального викария и канцлера бросили в тюрьму. Архиепископ Толедский кардинал де Кордова написал папе римскому, и содержание его писем было известно в Испании, поскольку Рода, упомянутое выше лицо, поспешил сообщить испанскому послу 12 мая 1767 года: "Несмотря на все их уловки, архиепископ Толедский и его генеральный викарий написали папе тысячу глупостей по поводу этого дела. Мы бы ни капельки не удивились, если бы епископы Куэнки, Кории, Куидад Родриго, Терруэля и некоторые другие сделали то же самое, но мы не уверены ". Через полтора года после того, как был нанесен удар, произошло нечто такое, что снова повергло робкого Чарльза в панику по поводу его королевской жизни. Согласно обычаю, он появился 4 ноября 1768 года на балконе своего дворца, чтобы принять почтение своего народа и оказать им некоторую общественную услугу из своей щедрости. К изумлению короля и двора, из огромной толпы вырвался единый крик. "Верните нам иезуитов!" Карл в тревоге удалился, и немедленно началось расследование, в результате которого он изгнал из королевства кардинала-архиепископа Толедо и его викария по обвинению в том, что они вызвали требования народа (Кокс, "Испания при бурбонах", v, 25).

Что касается предполагаемого письма отца Риччи, которое привело к этой катастрофе, возможно, будет полезно сослаться здесь на то, что было рассказано тридцать лет спустя после этих событий в работе под названием "Об устройстве общества и общественном воспитании" (Эммерик, Ламберт, Руан). Автор говорит: "Уместно добавить интересный момент к истории о средствах, использованных для уничтожения Общества Иисуса в сознании Карла III. Помимо фальшивого письма отца Риччи, существовали и другие предполагаемые документы, и среди этих фальшивых бумаг было письмо, написанное почерком итальянского иезуита, который был в совершенстве имитирован. В нем содержались возмутительные обвинения в адрес испанского правительства. Когда Климент XIII настоял на том, чтобы у него были какие-то доказательства, проливающие свет на обвинения, это письмо было отправлено ему. Среди тех, кому было

поручено изучить его, был простой прелат, впоследствии ставший Пием VI. Взглянув на послание, он отметил, что бумага испанского производства, и задался вопросом, зачем итальянцу посылать в Испанию за письменными принадлежностями. Рассмотрев ее поближе и поднеся к свету, он увидел, что водяной знак указывает не только название испанской бумажной фабрики, но и дату, когда она была выпущена. И вот случилось так, что эта дата наступила через два года после того, как предполагалось, что письмо было написано. Обман был очевиден, но удар уже был нанесен. Карл III был жив в то время, но у него не хватило мужества признать и исправить содеянное им зло". (Crétineau-Joly, v, 241).

В назначенный королем день, 2 апреля 1767 года, каждое судно, выбранное для выполнения эдикта, находилось в отведенных ему гаванях во всех частях испанского мира, где имелись иезуитские учреждения. Накануне вечером, на закате, капитан вскрыл письмо, на конверте которого была угроза: "Вы лишаетесь жизни, если предвосхитите день или час". Он выполнил его указания, и ранним утром отцы колледжей Саламанки, Сарагосы, Мадрида, Барселоны и всех крупных городов, а также в каждом городке, где у иезуитов были какие-либо учреждения, услышали топот вооруженных людей, входящих в залы. Члены семьи были изгнаны из своих комнат, на двери были наложены печати, и община двинулась вниз, как осужденные, идущие в тюрьму. Старики и молодежь, больные и даже умирающие - все должны были отправиться в ближайший пункт высадки. Им не разрешалось произносить ни слова, пока они шли, и никто не мог выступить в их защиту, не будучи виновным в государственной измене. Когда они добрались до кораблей, их согнали на борт, как скот, и отправили в Чивита-Веккью, чтобы там высадить на берегах владений папы, разрешения которого даже не спросили, и ему не было дано никакого уведомления. Это был великолепный ход организованной работы, и, кстати, очень прибыльный для правительства, поскольку в один и тот же момент оно перешло во владение 158 иезуитских домов, все из которых имели значительную ценность как недвижимость, а некоторые из них были великолепны по своему оборудованию. Сколько денег пополнило испанскую казну в то богатое событиями утро, у нас нет возможности подсчитать.

Однако в ходе разбирательства возникла одна трудность. Снабжение кораблями было недостаточным, так как одновременно требовалась забота о 2643 людях; но их комфорт не мешал ходу движения. "Их громоздили друг на друга на палубах или в зловонных трюмах, - говорит Сисмонди, - как преступников". Это было хуже, чем африканская работорговля. Сен-Прист считает, что "это было немного варварски, но осадки были неизбежны". Это действительно было немного варварски, но осадки не были неизбежны.

Собирая жертв, король и министры, естественно, беспокоились о том, какой эффект это могло оказать на многие лучшие испанские семьи, у которых были сыновья в Ордене; особенно на двух Пиньятелли, происходивших из княжеского рода. Им обоим предлагали покинуть Общество, но предложение было отвергнуто с презрением. Действительно, очень немногие даже из новичков потерпели неудачу в этом тяжелом испытании. Что касается Пиньятелли, то они были ангелами этого исхода, особенно Иосиф, чья возвышенная добродетель сейчас рассматривается в Риме в связи с его беатификацией. Он был в Сарагосе, когда прибыл королевский приказ, и, хотя страдал от кровоизлияния, пешком отправился в утомительное путешествие в Таррагону, а оттуда в Салу, в девяти милях дальше, где были собраны девятнадцать бригадин для приема этой первой партии из 600 отверженных. Он был так слаб, что его пришлось отнести на борт корабля.

Оттуда они отправились в Чивита-Веккья, куда прибыли 7 мая, но им не разрешили высадиться. Даже в целом справедливый Шелл описывает действия папы в данном случае как "характеризующиеся величайшей бесчеловечностью". Напротив, принять их было бы актом величайшей бесчеловечности. Там уже находилось несколько тысяч португальских иезуитов, которых выбросили на берег без предупреждения, и в этом бедном регионе не было средств обеспечить их едой, медикаментами или даже одеждой и кроватями. Если бы допустили этот новый отряд из 600 человек, которые были всего лишь предшественниками еще 4500, и за которыми, в свою очередь, должны были последовать все иезуиты, которых Тануччи выгонит из Неаполитанского королевства, и тех, кого Шуазель поспешит собрать во Франции, результатом было бы то, что десять или пятнадцать тысяч иезуитов остались бы без денег, еды или одежды, некоторые из них старые, дряхлые и больные, о которых нужно было бы заботиться, и, как следствие, коренное население оказалось бы под бременем, которое было бы невозможно вынести. Без сомнения, это было "бесчеловечно", но бесчеловечность следует приписать Карлу III, который разграбил эти жертвы, а не Клименту XIII, который умер бы за них. Его первым долгом было служить своему собственному народу, а следующим - заявить миру и всем потомкам о грубости оскорбления и несправедливости, нанесенных Наместнику Христа Самым католическим королем Карлом III. И "несчастные негодяи", как называет их Бемер-Моно, "не были приняты на пушечный выстрел по требованию их собственного генерала, у которого и без того было достаточно неприятностей с португальцами" (стр. 274), и иезуиты, как добавляет Сен-Прист, "не вымещали свой гнев на Риччи и не обвиняли его жестокое управление как причину всех своих бед". Риччи в то время просил хлеба, чтобы накормить своих португальских сыновей, и он, конечно, не получил бы его из Испании и на пушечный выстрел; иезуиты не стали бы вымещать на нем свой гнев и обвинять его суровое правление, тем более что его правление было полной противоположностью суровости; и, наконец, иезуиты не привыкли вымещать свой гнев на своем начальнике.

Сисмонди (Hist. des Français, xxix, 372) говорится, что "многие из них погибли на борту корабля, и Шелл описывает их как неделями лежащих друг на друге на палубе под палящими лучами солнца или внизу, в зловонном трюме". Грязные корабли, наконец, повернули свои носы в сторону Корсики, где для них были приняты меры для выгрузки человеческого груза. Потребовалось четыре дня, чтобы добраться до этого острова, но Паоли как раз в то время сражался за независимость своей страны, и французские корабли, помогавшие Генуе, заняли главные порты. Сначала изгнанники оставались на своих кораблях, но позже им разрешили сойти на берег днем. Тем временем в Испанию было отправлено судно для получения инструкций, и когда оно вернулось 8 июля, "преступникам" было приказано отправиться в Аяччо, Альгойлу или Кальви. Они добрались до Аяччо 24 июля, и поскольку в то время они были полуголодны, отец Пиньятелли направился прямо в лагерь повстанцев, хотя на каждом шагу он рисковал быть застреленным или схваченным и повешенным, но ему было все равно, он взывал к человечности Паоли. Его хорошо приняли, пострадавшим была направлена помощь, и им была предоставлена свобода отправляться на остров, куда они пожелают.

Они оставались там месяц, а затем были отправлены в город Сен-Бонифаций, где разбили лагерь или жили в сараях до 8 декабря, когда им приказали отправляться в Геную. На этот раз число бригадин, на которые они погрузились, сократилось с тринадцати до пяти, хотя число жертв значительно возросло; но это мало что значило; в конце концов они достигли материка, но им не разрешили сойти на берег. Тем временем прибыли другие иезуиты, и теперь их насчитывалось 2000 или 2400 человек. После короткой задержки в гавани они направились

поодиночке или группами в разные города Папской области, главным образом в Болонью и Феррару.

Их изгнание из Обеих Сицилий было предreshено, поскольку ими правил ужасный Бернардо Тануччи, которого Карл III при восшествии на трон Испании оставил регентом на время несовершеннолетия Фердинанда IV. Тануччи был юристом, который начал свою карьеру самым незаконным образом, спровоцировав беспорядки в Пизе против своего соперника Гранди. Они поссорились из-за открытия Пандектов Юстиниана. Затем он привлек внимание Чарльза нападениями на право убежища для преступников, которое, по его утверждению, противоречило всем законам человеческим и божественным. "Он нападал на прерогативы Римского двора и неаполитанской знати скорее с яростью, чем с благоразумием", - говорит де Анджелис ("Всемирная биография"). Впоследствии он всячески проявлял себя врагом Церкви и, тем временем, настолько пренебрегал обеспечением безопасности государства, что во время войны Прагматической санкции королю Карлу пришлось подписать акт о нейтралитете под дулами пушек британского военного корабля. Его политическая неспособность продолжала наносить ущерб стране во время правления Фердинанда, пока она больше не была причислена к военным державам Европы. Тем временем он держал молодого короля в неведении обо всем, чтобы сохранить себя у власти. Он лишил суды их власти; составил Каролинский кодекс, который так и не был опубликован; разрушил финансы страны, а также ее промышленность и сельское хозяйство и позволил людям с величайшими способностями и образованностью умереть в нужде. Короче говоря, говорит его биограф, "репутация Тануччи как до, так и после его смерти остается загадкой. Вероятно, это связано с его известностью как злейшего врага Святого Престола. Он захватил Беневентум и Понтекорво, принадлежавшие к вотчине Петра; он уничтожил множество женских монастырей, раздал аббатства своим последователям, разжигал раздоры против епископов и, конечно, преследовал иезуитов".

Когда Карл III Испанский изгнал Общество из Испании, все знали, что произойдет на Сицилии, и с нетерпением ожидали новостей с полуострова. Пока они ждали, произошло извержение Везувия, которое легко возбудимые итальянцы расценили как знак Божьего гнева. Чтобы предотвратить опасность, были организованы покаянные паломничества, и послышался гневный ропот в адрес правительства. Чтобы подавить беспорядки, Тануччи разослал сообщение, что иезуитов никто не потревожит, хотя корабли в это время были в пути, чтобы увезти жертв. Однако необходимо было получить подпись молодого короля под указом, но он гневно отказывался дать ее до тех пор, пока официальный духовник Лателле, епископ Авеллино в отставке, не умолял его уступить, говоря, что он сам ответит за это в Судный день. Прелат не знал, что ему самому предстояло умереть в конце месяца. Изгнание произошло в обычной драматической манере. В полночь 3 ноября 1767 года отряды солдат обрушились на все иезуитские учреждения в стране. Двери были выбиты, мебель разбита вдребезги, все бумаги изъяты, как официальные, так и личные, а затем, окруженные взводами солдат, Отцов, как преступников, повели по улицам к ближайшему пляжу в одной одежде на спине. Все дело было улажено с такой молниеносной быстротой, что, хотя пленников вывели из их домов в полночь, еще до рассвета они вышли в море и направлялись в Феррару.

В Парме правил другой испанский принц. Однако он был еще ребенком, но его министром был д-р Фийо, государственный деятель школы Тануччи и Шуазеля. Изгнание произошло одновременно в ночь на 7 февраля 1768 года в Пьяченце, Парме, Сан-Домино и Буссето. В первом городе были реквизированы все имеющиеся в наличии транспортные средства. В семь

часов вечера в дом вошла дюжина солдат. Позже появились офицер, два адъютанта и магистрат, которые зачитали указ, четвертая статья которого гласила, что любой человек, не являющийся священником или профессором, который снимет рясу общества, будет принят в число верных подданных его королевского высочества. Пятый объявил, что по врожденному милосердию его высочества объявлена ежегодная пенсия в размере шестидесяти *скуди* тем, кто так себя называет, и сорока братьям, которые были его подданными. Схоласты ничего не должны были получить. Через четверть часа их поспешили в цитадель, где их ждали экипажи и повозки, и всю ночь на предельной скорости везли в Парму, куда они прибыли на рассвете. Проезжая через город, они догнали тех, кто был изгнан из других мест. Им разрешили полчаса отдохнуть и перекусить, а затем путешествие продолжилось в Реджо и Болонью. Чтобы не быть превзойденными в рвении к королю, мальтийские рыцари изгнали их с острова 22 апреля 1768 года. Изгнание в Парме стало катастрофой не только для иезуитов, но и для папы римского. Парма была его вотчиной, и он протестовал против действий герцога. Это было именно то, чего ждали заговорщики. Франция немедленно захватила графство Венессен, а Неаполь завладел Беневентом, оба из которых принадлежали к вотчине Святого Петра. Разумеется, иезуиты были немедленно изгнаны, а их имущество конфисковано.

Изгнание в Испанской Америке означало захват по меньшей мере 158 заведений, принадлежащих иезуитам в Мексике, Новой Гранаде, Эквадоре, Перу и Чили. Это включало в себя изгнание в мир 2943 иезуитов, некоторые из которых были старыми и немощными и абсолютно неспособными зарабатывать себе на жизнь. Из тех, кто сел на борт в Вальпараисо, шестьдесят человек утонули при крушении корабля "Богоматерь Отшельническая". Карайон приводит несколько интересных дневников путешествий этих изгнанников (Doc. inédits, xvi), в то время как Хьюберт Бэнкрофт в своем монументальном труде из тридцати девяти томов о Тихоокеанском побережье предоставляет обильную и ценную информацию об исходе из мексиканских миссий. Жертвы подверглись тем же страданиям, что и их португальские собратья, в долгих путешествиях по горам и первобытным лесам, а также в долгом, ужасном переходе через океан к своей родной земле, которую они считали недостойной посещать.

ГЛАВА XVII ПОСЛЕДНИЙ УДАР

Ганганелли — Политический заговор на выборах — Бернис, Аранда Обетерр — Зеланти — Избрание Климента XIV — Возобновление привилегий иезуитов новым папой — Требование бурбонов о всеобщем подавлении — Трехлетняя борьба — Фанатизм Карла III — Угрозы раскола — Муньино — Мария Терезия — Грабежи в Италии — Подписание Заключения — Тюремное заключение отца Риччи и Помощников — Молчание и подчинение иезуитов Указу Папы.

Еще в 1768 году суды Бурбонов дали понять, что они выдвинут официальное требование о подавлении Общества по всему христианскому миру. 14 января того же года кардинал Торреджани написал папскому нунцию в Мадриде следующее: "Его Святейшество в ужасе от позиции короля и возмущен тем, что требование должно сопровождаться угрозами заставить его действовать силой, чтобы вырвать у него уступку, которая является нарушением

божественного, естественного и церковного права. Если при вас снова будет сделано какое-либо упоминание об этом, немедленно увольте человека, который осмелится это предложить ". Этот язвительный упрек, однако, не остановил упрямого Карла, и в январе 1769 года коалиция начала свое наступление. Первым прибыл испанский представитель, который явился на аудиенцию восемнадцатого числа. Папа принял его с достойной сдержанностью; выразил сильную боль, вызванную просьбой, а затем, разразившись слезами, удалился. Двадцатого и двадцать второго числа, соответственно, появился Орсини, представляющий Неаполь, а за ним Обетер от имени Франции. Они оба были внезапно уволены. Французский документ был особенно оскорбительным. Он посоветовал Папе римскому признать это требование на том основании, что оно основано на искреннем и хорошо осознанном рвении к прогрессу религии, интересах Римской церкви и мира в христианском мире. Использование выражения "Римская" церковь было явным намеком на раскол.

25 января в три суда был направлен официальный ответ, в котором сообщалось, что "папа не может объяснить прискорбную дерзость, которую они проявили, добавив к горестям, уже охватившим Церковь, новые мучения, единственной целью которых было мучить совесть и терзать душу Его Святейшества. Беспристрастное потомство рассудило бы, можно ли рассматривать подобные действия как новое доказательство той сыновней любви, которой эти монархи хвастаются лично к Его Святейшеству, и подтверждение той привязанности, которую они якобы проявляют к Святому Престолу". 28 января кардинал Негрони сказал послам: "Вы роете могилу Святому Отцу". Пророчество исполнилось почти немедленно, ибо 2 февраля Климент XIII скончался от апоплексического удара. Он присутствовал на церемониях того дня и не проявлял никаких признаков болезни. Удар был внезапным, и нет никаких сомнений в том, что этот совместный акт королей Бурбонов стал причиной его смерти. Де Равиньян без колебаний называет его мучеником, погибшим в защиту прав Церкви. Некоторые обвиняют его в "недостатке дальновидности, в том, что он не поддавался требованиям времени". Но были и другие "требования времени", помимо тех, которые сформулировали люди, "которые не знали тайн Божьих, не надеялись на возмездие справедливости и не ценили честь святых душ", и дальновидность папы не ограничивалась кругозором Помбаля, Шуазеля и Карла III. "Его понтификат, - как было хорошо сказано, - представляет собой зрелище святого, облаченного в моральную силу, сражающегося в одиночку против сильных мира сего. Подобное зрелище - это приобретение навсегда". Ибо не следует забывать, что те, кто выступил против него в этой борьбе, имели целью не просто уничтожение Общества Иисуса. Это было лишь второстепенным соображением. Их целью было разрушить Церковь, и, защищая ее, умер папа Климент XIII.

Теперь предстояло избрать нового папу, и вызывающее тревогу влияние европейских государственных деятелей на церковные дела приобрело масштабы, которые, казалось, угрожали разрушению самой Церкви. В своих "Клеман XIII и Клеман XIV" (стр. 552) де Равиньян приводит отрывок из книги, который поражает. В 1769 году, то есть перед выборами, мы находим, что все кардиналы были сведены в таблицу как "хорошие"; "плохие"; "безразличные"; "сомнительные"; "худшие"; "нулевые". Указан их возраст, их характеры, их политические тенденции. Среди отмеченных как "хорошие" - Ганганелли; Реццониго, племянник Климента XIII, находится в категории "худших"; кардинал Йоркский - "нулевой". Одиннадцать человек отмечены как "*папабили*", десять должны быть исключены, а четырнадцати следует избегать. Уже даже решено, кто будет государственным секретарем. Еженедельные инструкции по этому поводу рассылались испанским двором его агентам в Риме, девизом которых было: "Не терпи

ничего плохого, если таков приказ короля". В то время это были именно те люди, в которых нуждался неумолимый Карл III, чтобы поддержать его в его незаконных действиях: беспринципные священнослужители вроде Сейлза, или дикари вроде Мониньо или Аспуру, которые могли написать: "Какое значение имеет то, что обвинения не доказаны? Обвиняемый был осужден. Мы не обязаны устанавливать его вину". Что же касается легкомысленного Берниса и неверного Обетера, то они были достаточно хороши для королевского развратника Людовика XV. Обетер был солдатом, теперь стал дипломатом и потерял веру, столкнувшись с отвратительными непристойностями регентства, в то время как Бернис, по словам Карайона, был "выдающимся типом французского тщеславия, который много говорил, постоянно строил козни и воображал, что контролирует конклав, хотя был всего лишь мухой в колесе. Ему не было стыдно признаться, что своей красной шляпой он обязан Помпадур".

Переписка Берниса со своим правительством ценна не только тем, что показывает, насколько беспринципными были применявшиеся методы принуждения, но и тем, что раскрывает конечную цель заговорщиков, а именно: создание государственных церквей в нескольких их королевствах. Ему и де Люину было поручено настаивать на том, чтобы новый папа: во-первых, аннулировал приказ Климента XIII против Пармы; во-вторых, признал независимый суверенитет принца; в-третьих, передал Авиньон и графство Венессен Франции, а Беневент - Сицилии; в-четвертых, изгнал кардинала Торреджани, премьер-министра Климента XIII; в-пятых, полностью упразднил Общество Иисуса; секуляризировал его членов и изгнал отца Риччи, генерала, из Рима. Они дали понять, что отступить от этих пяти пунктов не будут.

Борьба должна была вестись главным образом за то, чтобы обеспечить подавление Общества. Остальные вопросы можно было оставить, при необходимости, для корректировки в будущем. Если никакие другие средства не помогали, следовало прибегнуть к запугиванию. Действительно, в качестве подготовки с нескольких сторон стали раздаваться завуалированные угрозы. Так, например, Людовик XV поставил свое имя под следующим оскорбительным письмом: "Мое искреннее и постоянное желание состоит в том, - сказал он, - чтобы Барка Петра была доверена лоцману, который достаточно просвещен, чтобы понимать необходимость того, чтобы Глава Церкви оставался в совершенной гармонии со всеми монархами римской веры; и был достаточно мудр, чтобы избегать любых необдуманных мер, продиктованных нескромным и экстравагантным рвением; короче говоря, тому, кто будет формировать свою политику по правилам умеренности, благоразумия и мягкости в соответствии с божественной мудростью". и человеческая политика. Подобные высказывания "Самого христианского короля" были оскорблением памяти Климента XIII; а слова "Римская вера" содержали, как и в предыдущем случае, угрозу раскола. Шелл, протестантский историк, говорит, что "создание государственных церквей в трех королевствах явно было общепризнанной целью этих заговорщиков".

"Зеланти" составляли большинство, но это затруднение вскоре было устранено правом вето, которое было предоставлено католическим монархам. В полной мере воспользовавшись этим, они беззастенчиво запретили рассматривать любого кандидата, которого подозревали в недружелюбии к ним, в результате чего число подходящих кандидатов быстро сократилось до одиннадцати; а поскольку большинство из этих последних были старыми или немощными, они не могли быть даже рассмотрены выборщиками. В этот момент Бернис запротестовал против чрезмерного участия в выбывании. Наконец, осталось только два кардинала, которых можно было считать *папабили*: Ганганелли и Стоппани.

7 марта 1769 года из Мадрида поступили инструкции, в которых категорически настаивалось, что избрание папы не будет признано тем, кто сначала не обяжет себя выполнить пять пунктов, на которых настаивали короли Бурбонов, но когда два испанских кардинала в Риме сообщили Карлу III, что такое предложение избирателям будет сопряжено с серьезными рисками, упрямый король, тем не менее, настаивал на том, что он уступит по трем пунктам, но что ему придется абсолютно точно потребовать в качестве условия избрания, чтобы новый папа пообещал отменить действия предыдущего понтифика в отношении герцога Пармского, а также подавлять все Общество Иисуса. Он хотел, чтобы конклав принял соответствующий указ. Даже в пармском деле он был готов смягчиться, потому что, поскольку Климент XIII был мертв, его правление можно было считать утратившим силу, но что касается Общества Иисуса, ничто не могло удовлетворить его, кроме его полного исчезновения. По его словам, это большая заслуга трех могущественных монархов, от поддержки которых зависела Церковь. С другой стороны, поскольку было бы неуместно ставить под угрозу репутацию этих королей, давая понять, что такая сделка заключена, поскольку она могла сорваться; было сочтено, что лучше не отдавать никаких точных приказов, а оставить на усмотрение тех, кто находился на месте, определение того, какие средства следует использовать для достижения желаемых результатов.

Проект получения отдельного указа конклава от имени короля Испании был заброшен, но в то время как политические кардиналы и слышать не хотели о том, чтобы требовать письменного обещания, послы, которые работали снаружи, открыто признали, что у них нет никаких угрызений совести по этому поводу. Действительно, Обетер, французский посол, написал Шуазелю во Францию, жалуюсь, что он и его коллеги-дипломаты почувствовали себя задетыми тем, что их предложение было отклонено по моральным соображениям, тем более что они тайно проконсультировались с отличным канонистом, который постановил, что не будет никакого вреда, если возложить на нового понтифика обязательство выполнить контракт в течение года, начиная со дня его избрания. По его словам, это было не только допустимо, но и в сложившихся обстоятельствах крайне необходимо для блага Церкви. "Превосходным канонистом", о котором здесь идет речь, был Азпуру, испанский посол, но поскольку кардиналы Орсини, Бернис и де Люин настаивали на том, что такой контракт будет симонианским, им сообщили, что в случае избрания неприемлемого папы последует немедленный разрыв отношений со Святым Престолом и представители трех Держав покинут Рим. Далее им сказали, что есть надежда, что фанатики, или Зеланти, не доведут их до такой крайности. Д'Обетерр, который озвучил мнение своих единомышленников, зашел так далеко, что заявил, что любые выборы, которые не были заранее согласованы с судом, не будут признаны.

Наконец, после того, как конклав заседал с 13 февраля по 19 мая, кардинал Ганганелли был избран папой и принял имя Климент XIV. Он считался "приемлемым", особенно в Испании. Однако, по словам Кордары, его восшествие на папский престол произошло не благодаря влиянию или манипуляциям испанских кардиналов, а произошло следующим образом: "С начала конклава два или три голоса были отданы в его пользу, но о нем никогда всерьез не думали как о папе. Действительно, кардинал Кастелли, чья ученость и благочестие давали ему большое влияние в Священной коллегии, был категорически против него. Однако внезапно он изменил свое мнение и заявил, что, более тщательно обдумав этот вопрос, он пришел к убеждению, что в сложившихся обстоятельствах никто лучше Ганганелли не подходит для этой должности. С этого момента те, кто был настроен против него, стали относиться к нему благосклонно. Даже Реццонико, племянник Климента XIII, у которого было много причин

голосовать против него, заявил, что прислушается к мнению большинства кардиналов. Следовательно, единственным, кто был против него, был Орсини, заявивший, что "францисканец был переодетым иезуитом". Таким образом, после того, как борьба продолжалась 100 дней, он был избран сорока шестью голосами из сорока семи. Сорок седьмым было его собственное голосование, которое он отдал в пользу Реццоники. Неправда, что он дал обещание подавить Общество в случае избрания. Испанский агент Азпуру написал 8 мая: "Никто не заходил так далеко, чтобы предлагать кому-либо дать письменное или устное обещание"; а после 13 мая он добавил: "Ганганелли не давал обещания и не отказывался от него". К сожалению, некоторые из его письменных слов были истолкованы как подразумевающие это.

Ганганелли родился в городке Сант-Арканджело, недалеко от Римини, 31 октября 1705 года и был крещен Джованни Винченцо Антонио, но принял имя Лоренцо, когда стал монахом Святого Франциска. Его монашеская жизнь характеризовалась благочестием и интенсивным прилежанием к учебе. Он был известен своим восхищением всем, что связано с Обществом Иисуса, и, действительно, папа Климент XIII, делая его кардиналом, сказал: "теперь в Священной коллегии есть иезуит в одеянии францисканца". Но "пурпур, казалось, изменил его, - говорит Кордара, - и с этого момента он стал более сдержанным в проявлениях дружбы". Как папа римский, он был таким же простым в своем образе жизни, как и когда жил со своей общиной; он был мягким, приветливым, добрым, редко раздражался, никогда не был опрометчивым и никогда не увлекался необдуманным рвением. В лучшие времена из него вышел бы замечательный папа. Но когда ему передали управление барком Петра, над миром разразился дикий шторм. Венеция, Парма, Неаполь, Франция, Испания и Португалия ополчились против него, некоторые из них угрожали отделением от Церкви. Австрия, единственное оставшееся католическое правительство, сначала соблюдала нейтралитет, но в конце концов перешла на другую сторону. Короче говоря, яростный и сплоченный антирелигиозный элемент доминировал во всей католической Европе, а остальная часть была протестантской.

Конечно, сразу после избрания на него посыпались поздравления, но, по выражению де Равиньяна, "они были подобны цветам на голове жертвы, которая должна была быть принесена в жертву". Действительно, даже в поздравлениях слышались резкие нотки, например, когда Франция выразила надежду, что Святой Престол проявит больше снисхождения к державам, чем обычно, и когда Испания "срочно привлекла внимание Его Святейшества к некоторым петициям, которые были представлены ему". Испанский посол Азпуру напомнил ему на самой первой аудиенции, что его предшественнику уже было подано прошение о подавлении деятельности иезуитов. Представители Франции, Португалии и Неаполя пропели ту же панихиду. Не прошло и трех месяцев, как произошел взрыв, потрясший христианский мир. Следуя общепринятому обычаю, папа Римский издал семилетний список индульгенций в пользу миссионеров, "чтобы даровать сокровища небесных благословений тем, кто, насколько нам известно, с неутомимым рвением трудится для спасения душ. Мы включаем в число этих ревностных апостолов верующих Общества Иисуса, и особенно тех, кого наш возлюбленный сын Лоренцо Риччи должен назначить в этом году и впоследствии в различных провинциях Общества на эту работу; и мы, безусловно, желаем продвигать и усиливать этими духовными милостями благочестие и активное и предприимчивое рвение этих Верующих".

Это был удар грома. Ожесточенные протесты прошли в Испании, Неаполе, Парме и Франции. Шуазель, который до того времени был учтив в своей злобе, полностью вышел из себя и приказал послу Бернису не только публично потребовать подавления Общества, но и приказать папе начать это в течение двух месяцев. "Этот папа шутит с нами, - сказал он, - и если он не придет к соглашению, то может считать все отношения с Францией прекращенными". Он перешел к грубым оскорблениям и заявил, что "с него хватит этого монашества"; он расстроит планы *братаччи* уничтожит его римское изящество. "Монах всегда был монахом, - сказал он, - и итальянскому монаху было очень трудно быть честным в деловых вопросах". Лак вежливости Шуазеля был полностью стерт этим инцидентом, и он хотел знать, "кто победит в битве? короли или иезуиты?" "Если бы я был послом в Риме, - писал он Бернису, - мне было бы стыдно видеть отца Риччи врагом моего хозяина".

Бернис, хотя и был кардиналом, кротко ответил: "Конечно, короли должны победить, но только папа может заставить их победить. Однако он должен сделать это в соответствии с предписаниями канонического права и должен спасти свою собственную репутацию, а также репутацию духовенства. Более того, поскольку он является светским сувереном, ему приходится рассматривать дела при дворах Вены, Турина и Польши, а все это требует времени. Лично он намерен сдержать обещание, уже данное трем коронам, подавить Общество, и продемонстрировал свое мнение по этому поводу публичными действиями против Отцов. Он подтвердит свое обещание недвусмысленно и немедленно, в письме, написанном его собственной рукой королю Испании. Он не слабоумный и не лживый, как вы, кажется, думаете. Время покажет, что такова его цель. Но, во-первых, способ проиграть битву с генералом-иезуитом - это начать прямо сейчас. Папа не может и не будет делать этого без подготовки. Во-вторых, Франция и Испания должны договориться о времени и способе уничтожения иезуитов. В-третьих, было бы разумнее ограничить репрессии Папской областью, а не пытаться проводить их в странах, благоприятных для Общества. В-четвертых, хорошим предварительным шагом было бы запретить прием послушников, как папа уже сделал в своих собственных владениях. Мы с Марефоски вбили это ему в голову. В-пятых, я также предложил конфисковать архивы и назначить генерального викария, которому отец Риччи представит отчет о своем управлении".

Однако выжидание Берниса только разозлило врагов Общества, особенно Карла III. Тем не менее, ему удалось убедить папу написать Людовику XV 30 сентября, и в этом сообщении было дано обещание выполнить все, чего хотел король. Но Карлу этого было недостаточно. Чтобы ускорить этот процесс, он приказал выставить все имущество иезуитов в Испании на аукцион, и копия указа была отправлена папе римскому. Это было 8 ноября, а 13 ноября три державы направили совместное письмо с просьбой к Клементу опубликовать Краткое Сообщение *motu proprio*, которое по его собственной инициативе, как будто они не имели к этому никакого отношения, одобряет все, что принцы Бурбонов сделали против Общества; а также направить их величествам план, которому он предложил следовать для его полного подавления. Климент смиренно подчинился возмущению, и семь дней спустя Бернис смог написать Шуазелю: "Его Святейшество самым решительным образом подтвердил два обещания, которые он дал королям Бурбонов в отношении Краткого утверждения миссионеров и плана подавления ордена иезуитов. Он поручил мне положительно заверить министров в своих полномочиях по этому вопросу".

Испания хотела даже большего; и 22 ноября Азпуру сказал папе, что, если он не отправит королю рукописное письмо с обещанием подавления, будут применены крайние меры, и

разрыв отношений, начавшийся в 1767 году и оказавший столь пагубное воздействие на Церковь в Испании, будет доведен до предела. Он не преувеличивал, и нунций в Мадриде писал, что король был настолько привержен своей цели, что они не знали, какой безумный поступок он может совершить, чтобы добиться своей цели. Общее впечатление было таково, что Чарльз находился на грани помешательства.

Чтобы успокоить его, папа написал 30 ноября, в котором положительно заявил, что он выполнит волю суда. "Мы собрали все документы, - сказал он, - которые необходимы для составления согласованного *motu proprio*, чтобы оправдать перед всем миром мудрое поведение вашего величества в изгнании иезуитов, как беспокойных и беспокойных подданных. Поскольку мы управляем нашим правительством без посторонней помощи, хотя и раздавленные тяжестью и множеством вопросов, которые необходимо решить, вы поймете, что это не забывчивость, а просто неизбежная задержка, необходимая для успешного решения этого важного вопроса ". Действительно, в то время Климент уединялся от всех. Он постоянно боялся быть отравленным, и еду ему готовил брат-мирянин из Кордельеров. "Мы умоляем ваше величество, - продолжал он, - полностью довериться нам, поскольку мы твердо решили действовать и готовимся представить общественности неоспоримые доказательства нашей искренности. Мы представим на рассмотрение Вашего Величества план полного уничтожения этого Общества, и Ваше Величество вскоре получит его. Мы не перестанем приводить подлинные доказательства нашей привязанности и нашего почитания к Вашему Величеству, которому в полноте нашей отеческой привязанности мы даем наше апостольское благословение" (Де Равиньян, "Клеман XIII и Клеман XIV", I, 295).

Бернис приписал себе заслугу в том, что уговорил папу написать это письмо, и сказал об этом сейчас: "Его Святейшество не мог уклониться от выполнения своего обещания. Он будет вынужден сделать это, несмотря на свое нежелание, ибо знает, что король слишком умен, чтобы не публиковать письмо, а папа будет опозорен, если не сдержит своего слова" (Сен-Прист, стр. 131). Таким образом, через шесть месяцев после своего избрания он был связан письменным и абсолютным обещанием подавить Общество; хотя он постоянно повторял "*questa suppressione mi darà la morte*" (это подавление убьет меня). На этом этапе разбирательства в маленьком Неаполе становилось беспокойно. Тануччи захватил греческий колледж и изгнал иезуитов. Затем он заявил права на собственность всех религиозных общин, а когда ему возразили, ответил, что "он собирался продолжать нарушать все приказы, исходившие из Рима, пока Общество Иисуса не будет упразднено". В 1770 году папа отменил отлучение от церкви герцога Пармского, чтобы доставить удовольствие монархам, но последовавшее за этим удовлетворение длилось недолго. Кардинал Пакка, который в то время был квазинунцием в Лиссабоне, отмечает беспорядки, распространенные в стране, особенно в Университете Коимбры, где был разрешен наихудший вид преподавания.

3 июля 1770 года Бернис написал Шуазелю: "Я слышал, что Основатель пассионистов Павел Креста предупредил папу римского следить за своей кухней, и поэтому брат Франсиско, присматривающий за папским хозяйством, удвоил свою бдительность. Я не знаю, связано ли это сэтим предупреждением, но в любом случае папа римский отправился лечиться на какие-то минеральные источники и пробудет там следующие две недели ". Десять дней спустя Шуазель ответил: "Я не могу представить, что папа настолько легковверен или труслив, чтобы так легко испугаться сообщений о покушениях на его жизнь. Общество Иисуса считалось опасным из-за его доктрин, его Института и его интриг в странах, из которых они были изгнаны; но их не

обвиняли в том, что они отравители. Только низменная зависть и фанатичная ненависть некоторых монахов могли заподозрить подобное. Генерал пассионистов мог бы воздержаться от того, чтобы давать папе столь нескромный совет, который, по-видимому, усугубил болезнь, на которую он уже жаловался". Поскольку этот Предводитель пассионистов был не кто иной, как святой Павел Креста, который с тех пор был возведен к почестям алтаря, можно составить некоторое представление о гнусных уловках, к которым прибегали во всем этом деле. Далекий от недружелюбия, Павел Креста пишет: "Я чрезвычайно огорчен страданиями прославленного Общества Иисуса. Сама мысль о том, что все эти невинные религиозные люди подвергаются таким разнообразным преследованиям, заставляет меня плакать и стонать. Дьявол торжествует; Божья слава умаляется, и множество душ лишено всякой духовной помощи. Я молюсь день и ночь, чтобы после того, как буря утихнет, Бог, дарующий и жизнь, и смерть, возродил Общество с большей славой, чем прежде. Такими всегда были и остаются мои чувства к иезуитам".

Однако факт заключается в том, что папа был по-настоящему напуган. Его жизнерадостность исчезла, здоровье пошатнулось, а на лице появилось озабоченное и затравленное выражение. Он держался уединенно и, как уже было сказано, никому не позволял готовить ему еду, кроме своего собрата-монаха брата Франсиско, который оставался с ним до конца. Он явно тянул время; без сомнения, надеялся, что что-нибудь произойдет и освободит его от данного обещания. Но его враги были неумолимы. Карл III был более чем фанатичен в своей настойчивости, и в конце концов Климент назначил Марефоски, открытого врага иезуитов, подготовить Сводку. Задание было с радостью принято, но папа обнаружил, что оно написано не в обычном папском стиле. Это оправдание, однако, было расценено нападавшими как уловка, и они горько жаловались на это. Затем утверждалось, что необходимо проконсультироваться с императрицей Марией Терезией, которая не питала отвращения к иезуитам. Действительно, она дала понять, что, пока она жива, им нечего бояться в ее владениях, но она не сдержала своего слова. Впоследствии было дано обещание не позволять отцу Риччи иметь преемника или принимать послушников в Орден; затем был предложен генеральный совет для решения этого вопроса, но все было безрезультатно.

В этот момент, 25 декабря 1770 года, Шуазель был отстранен от власти, и мир ненадолго вздохнул, надеясь, что это может повлиять на ситуацию, но д'Эгийон, его преемник, был столь же плох. Более того, Сен-Прист в своем "ChûTe des Jésuites" (стр. 127) использует этот инцидент как грубое оскорбление. Он объясняет падение Шуазеля уважением, которое мадам Дюбарри питала к Обществу. "Слава Богу! - восклицает де Равиньян, - у Общества никогда не было такой защитницы". Вольтер восхищался ею, называя ее еще одной Эгерией, но ни один иезуит никогда не искал у нее защиты. Их единственным защитником при дворе в тот печальный период была праведная дочь короля, которая стала монахиней-кармелиткой, чтобы искупить грехи своего отца. Истинной причиной падения Шуазеля было то, что Мопе показал Людовику XV некоторые из писем Шуазеля, призывавших парламент "не уступать в борьбе, ибо король поддержит общество всей своей властью". "Для Дюбарри было нетрудно, - говорит Фуа в "Президенте Броссов" (стр. 302), - убедить короля в том, что эти письма были предназначены для подстрекательства парламента к восстанию против него". Она ненавидела Шуазеля, который, хотя и был готов ухаживать за Помпадур, не испытывал уважения к низкому и грубому Дюбарри.

В этот момент папа предложил королю Испании еще один стимул: канонизировать Палафокса, которого боготворил Карл III, но это не сработало, хотя небольшая передышка была получена благодаря помощи королевского духовника; и определенные дискуссии относительно возвращения папских территорий также способствовали отсрочке катастрофы. Наступил 1771 год, и, чтобы доставить некоторое удовлетворение врагу, папа учредил комиссию или конгрегацию кардиналов для изучения финансового положения Общества. Во главе его стоял свирепый Марефоски, который начал с захвата Римской семинарии. Таким образом, дело затянулось до 1772 года. До этого времени был достигнут очень незначительный прогресс, и люди начали поговаривать о невозможности отмены всего Приказа или даже его части без "надлежащего юридического расследования". Даже Бернис сказал своему правительству, что "в этом иезуитском деле было слишком много накала, чтобы позволить папе объяснить свои истинные мысли о подавлении"; но, хотя Аранда был отстранен от должности, а Шуазель - тоже, неумолимый Карл III был полон решимости положить конец задержке и вместо Азпуру отправил свирепого Хосе Муньино, также известного как Флорида Бланка, своим послом в Риме.

Под приветливой и лощеной внешностью Муньино на самом деле был очень brutalным. Он просто терроризировал папу римского, который откладывал прием в течение недели после его приезда и придумывал всевозможные предлоги, чтобы не видеть его. Когда, наконец, они встретились, папа был бледен и взволнован, но Муньино решил прекратить осаду. Он отклонил абсолютно все вопросы о реформе Ордена. Чего он хотел, так это подавления, иначе произошел бы разрыв с Испанией. Тщетно папа умолял его дождаться смерти Риччи; но разгневанный министр с презрением отверг это предложение, и папа, будучи униженным, оскорбленным и возмущенным, удалился в свои апартаменты, восклицая со рыданиями в голосе: "Боже, прости короля-католика". Именно Муньино, - сказал тогда дипломат в Риме, - получил Сводку от 1773 года; но он ее не получил; он вырвал ее из рук папы". По указанию Карла III Муньино сказал папе: "Я опозорю вас, опубликовав письмо, которое вы написали королю", - и изложил понтифику план, разработанный им самим и другими министрами Карла III, по осуществлению подавления. Де Равиньян осуждает Кретино-Жоли за публикацию этой статьи. "Было бы лучше оставить ее в секретных архивах".

В плане действий Муньино он заявляет, что "было нежелательно вдаваться в детали, чтобы не давать повода для обсуждения, поскольку это нанесло бы вред религии и бесполезно опорочило бы репутацию иезуитов". Причины короля уже были доведены до сведения Святого Престола. Их было три. Первое гласило: "они вызвали беспорядки сомбреро в Мадриде"; второе: "их моральное и доктринальное учение было плохим"; третье, и это было самым экстраординарным из всех: "они всегда преследовали самых святых епископов и людей в Королевстве Испания". Последнее, вероятно, относилось к Палафоксу. Его величество еще не раскрыл важную тайну, которую он хранил "на замке в своем королевском сердце". Все ужасные утверждения о документах, якобы изъятых Марефоски, были бесполезны по сравнению с Бунтом сомбреро.

Тем временем условия в Европе с каждым днем становились все хуже. Публикации Вольтера и его друзей разрушали как религию, так и мораль. Гневные заявления папы против этих книг мало что дали, а тем временем он был готов сокрушить людей, которые лучше всего могли противостоять врагу. Наконец, бедная Польша была разделена Пруссией, Россией и Австрией,

и папа был бессилен предотвратить это. С другой стороны, были некоторые утешения. Таким образом, в 1771 году армянский патриарх и весь его народ отреклись от несторианства и вернулись к единству Церкви. Между 1771 и 1772 годами семь тысяч семей и их служители в стране Сикельва отказались от социнианства и стали католиками. Опять же, чудесные обращения были совершены в Трансильвании и Венгрии, не только среди протестантов, но и среди греков-раскольников. Подобные триумфы были достигнуты в Армении и Сирии среди подданных Великого турка, и весь итальянский полуостров на глазах у папы был охвачен религиозным рвением. Особенно интересной особенностью всего этого было то, что это была работа членов Общества Иисуса. Но это не остановило ход антихристианского заговора католических королей Европы, направленного на то, чтобы стереть с лица земли организацию, которая даже в своем искаленном состоянии и в самые последние моменты своего существования была способна на такие достижения. Кардинал Мигацци, архиепископ Вены, обратил внимание папы Римского на этот факт, но безрезультатно.

До этого времени Мария Терезия была преданным другом Общества. Она даже сказала, что никогда не перестанет быть такой, но, поддавшись влиянию своего сына Иосифа II и своей дочери, королевы Неаполя, она согласилась на их подавление при условии, что сможет произвольно распоряжаться их имуществом (Клеман XIII и Клеман XIV, I, 362). Прославленная королева проявила великое мирское благоразумие, отказавшись от своей привязанности. Это дезертирство разрушило последнюю надежду папы на отсрочку Подавления. Моньино снова перешел к нападению и получил заверение от Климента, что документ о пресечении будет готов через восемь дней, а копии будут отправлены королям Испании, Франции и Неаполя. Тем временем, в качестве гарантии, он начал работу в своих собственных Штатах. Под всевозможными предложениями отдельные лица и корпорации колледжей привлекались к суду; были нанесены официальные визиты в различные учреждения. 10 марта 1773 года Мальвецци, архиепископ Болоньи, обратился к папе за "разрешением распустить послушничество, если это покажется уместным". Если вы хорошо подумаете об этом, я приведу эту меру в действие, как только прибуду. Я также считаю целесообразным закрыть Сент-Люсию, уволив иезуитских теологов и философов. Поступая таким образом, Ваше Святейшество будет избавлено от хлопот по расследованию и, таким образом, избежит огласки любого заметного правонарушения, которое может выявить экспертиза ".

Однако на этом пути было две трудности. Люди возражали против изгнания, а иезуиты отказались быть освобожденными от своих обетов. Считалось, что последнее препятствие можно преодолеть, сорвав с молодых людей рясы и отправив их на произвол судьбы как мирян, и когда настоятель, отец Бельградо, который помимо того, что был богословом, был одним из выдающихся физиков и математиков того времени и был духовником герцога и герцогини Пармских, сообщил архиепископу, что освобождение от существенных обетов должно исходить от папы римского и ни от кого другого, это не остановило Мальвецци. Он приказал арестовать и сослать ректора; и с помощью отряда солдат изгнал схоластов из дома. Затем он написал папе, сожалея, что не действовал более быстро. Кроме того, Фраскати был отобран у иезуитов и передан кардиналу Йоркскому, который попросил об этом, хотя его королевская пенсия и без того сделала его невероятно богатым. Аналогичные нападения были совершены в Ферраре и Монтальто, и грабежи стали повсеместными.

В Польше, как мы узнаем из "Les Jésuites de la Russie blanche", грабеж начался еще до опубликования указа. Библиотеки были разгромлены, и книги часто использовались для

разжигания костров; серебро из церквей было переплавлено и продано, а медали и цепочки со статуй были замечены на шеях брошенных женщин. Был захвачен даже скот на фермах. Евреи были особенно заметны в этих грабежах.

Все это было прелюдией к роковому Своду, который был подписан 21 июля 1773 года, но обнародован только 16 августа того же года. Тейнер - единственный автор, который указывает 17 августа в качестве даты. На самом деле это было отложено Австрией, чтобы выиграть время и помешать светскому духовенству захватить собственность. Подготовка Доклада велась в строжайшей секретности. Даже 28 июля французский посол написал Д'Эгийону: "Папа ничего не предпринимает в деле иезуитов". Он не знал, что не только Краткое Изложение уже было подписано, но и что была назначена Конгрегация Общества вымирающих ребусов (Комитет по делам Общества вымерших), и что ее члены были обязаны под страхом отлучения от церкви никому не разглашать этот факт. Однако Бернис узнал об этом 11-го числа и пожаловался, что с ним не посоветовались. Он написал следующее: "В прошлую пятницу папа вызвал кардиналов Марефоски, Казали, Зеладу, Корсини и Караффу и, заставив их принести присягу, вручил им на руки сводку, которая объявляла их членами конгрегации, которая должна была собираться каждый понедельник и четверг для обсуждения всего, что касалось иезуитских учреждений, их бенефиций, колледжей, семинарий, фондов и подобных вопросов. Он провел свое первое заседание в прошлый понедельник. Македонио, племянник папы римского, был секретарем; Альфани, прелат, был ассессором; а отцы Мамачи, доминиканец, и де Казаль, помнится, консультировались с теологами. Последние двое упомянутых - люди с хорошей репутацией.

"Наступил 16 августа 1773 года, день печальных воспоминаний, - пишет де Равиньян, -. Около девяти вечера Македонио отправился в Джезу и официально уведомил генерала о Брифинге, который подавил Общество по всему миру. Его сопровождали солдаты и офицеры полиции, следившие за порядком, хотя никому и в голову не приходило создавать какие-либо проблемы. В тот же час, также по приказу папы, другие выдающиеся прелаты и духовные лица уведомили о Брифинге различных настоятелей-иезуитов в Риме. Их также сопровождали солдаты и нотариусы. Были наложены печати на архивы, счета, кабинеты казначеев и двери ризниц. Иезуиты были отстранены от всех церковных функций, таких как исповедь и проповедь, и им было запрещено на время покидать свои дома. Отец генерал и его помощники были отправлены в тюрьму". "Таков, - сказал Шелл (xliv, 84), - был конец одного из самых замечательных институтов, которые, возможно, когда-либо существовали. Орден иезуитов был разделен на пять наций: итальянскую, португальскую, испанскую, французскую и немецкую, у каждой из которых был представитель, проживающий вместе с генералом. В 1750 году организация включала 39 провинций, имела 84 дома исповеди, которые были резиденциями, где наиболее опытные члены неустанно работали на благо Ордена, не отвлекаясь на общественное обучение. Насчитывалось 679 колледжей, 61 послушничество, 176 семинарий, 335 резиденций и 273 миссии. Там было 22 589 прихожан, из которых 11 293 были священниками".

Этот официальный акт папы действительно очень мало добавил к временному ущербу, уже нанесенному Ордену в Испании, Франции и Португалии, где у них уже отняли все. Но быть признанными папой нечестивцами и заклеенными как нарушители мира Церкви было страданием, с которым все, чему они до сих пор подвергались, не шло ни в какое сравнение. Тем не менее, они не произнесли ни слова протеста. Они полностью подчинились и умерли безропотно, и в этом молчании они были верны своему пожизненному обучению, ибо верность Престолу Петра всегда была отличительной чертой Общества Иисуса с того момента, как

Игнатий Лойола преклонил колени у ног Суверенного Понтифика, прося его одобрения и благословения. Когда удар был нанесен, Общество оказалось верующим. Если при жизни оно чего-то достигло во славу Божию и спасение душ; если к нему постоянно обращались за самыми опасными миссиями и оно принимало их с энтузиазмом; если оно щедро проливало свою кровь за Веру; если оно дало Церкви много славных святых, то теперь, во время последнего ужасного кризиса, который предшествовал Французской революции и, возможно, ускорил ее, когда правитель Воинствующей Церкви решил, что, пожертвовав одним из своих легионов, он сможет сдержать врага, Общество Иисуса, будучи избранным, не колебалось; оно подчинилось и было вырезано. на куски. От героической группы не прозвучало ни слова, чтобы обсудить мудрость или неблагоразумие этого поступка. Другие протестовали, но не они. Те, кто осуждал Климента XIV, не были иезуитами, хотя их враги утверждали, что они ими были. Напротив, иезуиты защищали и восхваляли его, а некоторые из них даже утверждали, что в тех ужасных обстоятельствах, в которых он оказался, он не мог поступить иначе. Подавление дало им шанс, который они не упустили, доказать миру незыблемость добродетели, царившей во всем Ордене, и показать, что их доктрина "слепого повиновения" была не пустыми словами, а достижимой добродетелью. Они бы унизили себя, если бы остановились, когда требовалось высшее испытание, и поэтому они умерли, чтобы поддержать решение Наместника Христа, и в подобных обстоятельствах сделали бы это снова. Они произносили проповеди во всех частях света, но никогда - подобные этой. И это не было возвышенным поступком, который могли бы совершить некоторые отдельные святые. Это был поступок всего Общества Иисуса.

Сами замолчав, они сделали все возможное, чтобы убедить других воздержаться от любой критики. Будет достаточно одного примера. Это было после смерти папы римского, когда бывшие иезуиты Фрибурга провели заупокойную службу в своей коллегиальной церкви Святого Николая. Присутствовал весь город, и проповедник, отец Матцель, под рыдания прихожан произнес эти слова: "Друзья! возлюбленные Друзья нашего бывшего Общества! кем бы и где бы вы ни были! Если когда-либо мы имели счастье помогать и утешать вас своим трудом в городе или стране; если когда-либо мы вносили какой-либо вклад в дело христианства проповедью слова Божьего, или катехизированием, или наставлением молодежи, или работой в больницах или тюрьмах, или написанием назидательных книг, то сейчас, по этому случаю, хотя в нашем нынешнем бедствии мы можем просить вас о многих одолжениях, есть одно, о котором мы просим больше всего, и мы умоляем и умоляю вас даровать его. Никогда не произносить ни слова, которое было бы резким, ожесточенным или неуважительным к памяти Климента XIV, Верховного Главы Церкви Христовой".

Знаменитое Краткое изложение обозначается его первыми словами: *Dominus ac Redemptor*. Его общий смысл таков: он начинается с перечисления различных религиозных орденов, которые со временем были подавлены сменяющимися друг друга папами, а затем приводит список привилегий, предоставляемых Обществу Святым Престолом, но отмечает, что "с самой его колыбели" существовали внутренние и внешние разногласия, раздоры и зависть, а также противодействие как светской, так и церковной власти, главным образом из-за чрезмерных привилегий, которые были предоставлены ему разными Суверенными понтификами. Его моральное и догматическое богословие также вызвало бурную дискуссию, и его часто обвиняли в слишком большой жадности к приобретению земных благ. Понтифик просто заявляет, что такие "обвинения" были выдвинуты против Общества; он ни в коем случае не признает, что "обвинения" были основаны на правде. Эти обвинения, продолжает он, вызвали большое огорчение Святого Престола и послужили мотивом для нескольких государей Европы

встать в оппозицию Обществу; в то время как, с другой стороны, новое подтверждение Института было получено от папы Павла IV, светлой памяти. Это, однако, не привело к прекращению споров с ординариями или с другими религиозными орденами по многим вопросам, и особенно в отношении определенных церемоний, которые Святой Престол запретил как скандальные по доктрине и подрывающие мораль; не помогло и подавить беспорядки, которые в конечном итоге привели к изгнанию Общества из Португалии, Франции, Испании и Обеих Сицилий и побудили королей этих стран обратиться к Клименту XIII с просьбой о его полном подавлении. "Следовательно, обнаружив, что Общество Иисуса больше не может приносить тех обильных плодов, ради которых оно было учреждено, и за которые оно было одобрено столькими папами и вознаграждено столькими привилегиями, мы теперь упраздняем и подавляем его. Но поскольку целью, которую мы поставили перед собой и которой стремимся достичь, является общее благо Церкви и спокойствие людей, и, в то же время, оказывать помощь и утешение каждому из членов этого Общества, всеми которыми мы нежно дорожим в Господе, мы предписываем в отношении них следующее ". Затем Он объясняет различные способы, которыми следует обращаться с каждой частью Общества.

Такова в общих чертах суть этого очень длинного Брифа. В нем, однако, нет ни единого слова о упадке Общества в его морали или теологии. Понтифик просто говорит, что многие "обвиняли" их в подобных преступлениях. Он даже заходит так далеко, что говорит, что "нежно любил всех людей, составлявших Общество". Истинной целью этого было принести мир в Церковь. Каур в своем труде "О судьях в суде" (II, стр. 278) говорит: "Каждый судья, вынося приговор, подтверждает две вещи: наличие преступления и целесообразность наказания. Климент XIV высказывается по поводу второго, но ничего не говорит о первом. Следовательно, приговор - это не что-то, чего требует правосудие, а всего лишь административная мера, вызванная затруднительным моментом".

Было ли это законно? Да; ибо Святой Престол имеет право подавлять то, что он создал.

ГЛАВА XVIII ИНСТРУМЕНТ

Краткое изложение Протокола о пресечении и Дополнительный документ к нему.

Краткое изложение Климента XIV, которое подавляло Общество, начинается с перечисления различных религиозных орденов, с которыми обращались подобным образом в разные периоды истории Церкви, но в нем не упоминается, что их исчезновение произошло только после юридической экспертизы. Так, например, когда Климент V подавил деятельность рыцарей-тамплиеров в 1321 году, он сначала приказал всем епископам мира вызвать рыцарей, у которых были капитулы в их епархиях; подвергнуть их обычному судебному разбирательству, а затем направить отчет об их действиях в Рим. Когда это было сделано, во Вьенне в Дофине был созван генеральный собор, чтобы обсудить весь вопрос и затем представить свое решение папе римскому. Совет большинством голосов вынес благоприятный вердикт, хотя рыцари были очень плохо защищены, но папа, запуганный Филиппом Справедливым, приказал распустить Орден. В случае с Обществом имел место роспуск, но судебного разбирательства не было.

После изложения этих фактов Понтифик говорит: "Имея перед глазами эти и другие примеры Орденов, запрещенных Церковью, и будучи полны решимости с полной уверенностью приступить к выполнению цели, о которой будет сказано позже, мы не оставили ничего незавершенного, чтобы ознакомиться с происхождением, прогрессом и фактическим состоянием религиозного ордена, широко известного как Общество Иисуса. Мы видели, что он был основан своим Святым Основателем для спасения душ, обращения еретиков и особенно язычников, а также для умножения благочестия и религии. Для достижения этих целей его члены были связаны очень строгим обетом евангельской бедности как совместно, так и индивидуально, за исключением учебных заведений или колледжей, которым разрешено получать определенные доходы, но таким образом, чтобы они не могли быть отвлечены или использованы на нужды этого Общества.

"В соответствии с этими уставами и другими, столь же мудрыми, наш предшественник Павел III одобрил Общество Иисуса своей Буллой от 27 сентября 1540 года и разрешил ему разрабатывать правила и статуты для обеспечения его мира, его существования и его правления; и хотя он ограничил это Общество шестьюдесятью членами, другой Буллой от 28 февраля 1543 года он разрешил начальству принимать всех, кто, по-видимому, обладал надлежащей квалификацией для предлагаемой работы. Впоследствии тот же понтифик своим Указом от 15 ноября 1549 года предоставил этому Обществу очень большие привилегии и дал его генералам право принять двадцать священников в качестве духовных помощников и наделить их теми же привилегиями, той же благосклонностью и тем же авторитетом, что и Исповедуемые. Его желанием было, и он так распорядился, чтобы не было никаких ограничений на число тех, кого Генерал сочтет достойными такого приема. Более того, само Общество, все его члены и их имущество были полностью выведены из-под всякого начальства, контроля и исправления епископов и взяты под защиту Святого Престола.

"Другие наши предшественники проявляли такую же щедрость по отношению к этому ордену. Фактически, Юлий III, Павел IV, Павел V, Григорий XIII, Сикст V, Григорий XIV, Климент VIII и другие папы либо подтвердили, либо расширили, либо более четко определили привилегии, уже предоставленные этим религиозным деятелям. Тем не менее, содержание и даже термины этих Апостольских Уставов показывают, что даже при своем зарождении Общество наблюдало, как в нем зарождались различные зародыши раздора и зависти, которые не только разделяли членов, но и побуждали их превозносить себя над другими религиозными орденами, светским духовенством, университетами, колледжами, государственными школами и даже монархами, которые приняли и приветствовали их в своих королевствах. Эти проблемы и разногласия иногда были вызваны характером обетов Общества, его властью принимать послушников в обеты, увольнять из Общества, представлять своих подданных для рукоположения без какого-либо церковного титула и без принятия торжественных обетов. Более того, это противоречило решениям Тридентского собора и Пия V, нашего предшественника, как в отношении абсолютной власти, присвоенной генералом, так и в других статьях, которые не только касаются управления Обществом, но и по различным пунктам доктрины, а также в отношении изъятий и привилегий, которые ординарии и другие высокопоставленные лица, как церковные, так и светские, считают вторжением в их юрисдикцию и их права. Короче говоря, едва ли найдется какое-либо серьезное обвинение, которое не было бы выдвинуто против этого Общества, и, как следствие, мир и безмятежность христианского мира долгое время были нарушены.

"Бесчисленные жалобы, подкрепленные авторитетом королей и правителей, были поданы против этих религиозных деятелей в трибуналах Павла IV, Пия V и Сикста V. Таким образом, Филипп II, король Испании, изложил Сиксту V не только неотложные и серьезные личные причины, побудившие его действовать в этом вопросе, но и протест испанской инквизиции против чрезмерных привилегий общества. Его величество также пожаловался на форму правления Общества и на пункты в Учреждении, которые оспаривались некоторыми членами Общества, отличавшимися своими знаниями и благочестием, и он попросил Суверенного Понтифика назначить комиссию для апостольского посещения Общества.

Поскольку ревностные требования Филиппа, казалось, были основаны на справедливости, Сикст V назначил апостольским гостем епископа, общепризнанного за его благоразумие, добродетель и интеллектуальные способности. Также была учреждена конгрегация кардиналов для решения этого вопроса, но преждевременная смерть Сикста помешала каким-либо действиям. С другой стороны, первым актом Григория XIV при его вступлении на кафедру Петра было дать своей Буллой от 28 июня 1591 года самое широкое одобрение этого Института. Он подтвердил и ратифицировал все привилегии, предоставленные его предшественниками, и особенно привилегию увольнения из Ордена без юридической процедуры, то есть без получения какой-либо предварительной информации, без составления какого-либо обвинительного заключения, без соблюдения какого-либо юридического процесса или допуска какой-либо задержки, даже самой существенной, но исключительно после проверки истинности факта и без учета вины или того, достаточно ли она или сопутствующие обстоятельства оправдывали высылку соответствующего лица.

Более того, папа Григорий категорически запретил под страхом отлучения от церкви *ipso facto* любые прямые или косвенные нападки на институт, конституции или декреты Общества, или любые попытки их изменения, хотя он разрешил обращаться к себе или своим преемникам напрямую или через легатов и нунциев Святого Престола, а также право представлять все, что, по его мнению, следует добавить, изменить или сократить.

Однако все эти меры предосторожности не помогли заглушить громкие жалобы на Общество. Напротив, повсюду возникали споры по поводу доктрин Ордена, которые, по мнению многих, были полностью противоположны ортодоксальной вере и здоровой морали. Само общество было раздираемо внутренними разногласиями, пока продолжалась эта внешняя война. Его также повсюду упрекали в чрезмерной алчности и стремлении к земным благам, и эта жалоба причинила Святому Престолу сильную боль и возмутила многих правителей наций против Общества. Следовательно, чтобы укрепить себя в этом вопросе, эти религиозные деятели, желая получить от светлой памяти Павла V новое подтверждение своего Института и своих привилегий, были вынуждены просить о ратификации некоторых указов, опубликованных пятой генеральной конгрегацией и вставленных слово в слово в его Буллу от 14 сентября 1606 года. В этих декретах прямо говорилось, что Общество, собравшееся на всеобщее собрание, было вынуждено как из—за проблем и вражды между членами, так и из-за обвинений извне сформулировать следующий устав: -

"Наше Общество, которое было воздвигнуто Богом для распространения Веры и спасения душ, благодаря надлежащим функциям своего Института, которые являются оружием духа, имеет возможность достичь под знаменем Креста цели, которую оно предлагает, с назиданием ближним и пользой для Церкви. С другой стороны, это причинило бы вред и подвергло бы себя

величайшей опасности, если бы вмешивалось в мировые дела, и особенно в то, что касается политики и управления государствами. Но, поскольку в эти несчастливые времена наш Орден, возможно, из-за честолюбия или нескромного рвения некоторых его членов, подвергается нападкам в разных частях мира и на него жалуются некоторым монархам, чье внимание и привязанность нам было поручено Святым Игнатием сохранять, чтобы мы могли быть более приемлемыми для Бога, и поскольку, кроме того, благоухание Иисуса Христа необходимо для принесения плодов спасения, эта конгрегация придерживается мнения, что все обязаны избегать, насколько это возможно, даже видимости зла и, таким образом, устранять обвинения, основанные на несправедливые подозрения. Следовательно, настоящий указ запрещает всем под страхом самых строгих наказаний каким-либо образом вмешиваться в государственные дела, даже когда их приглашают к этому или когда по какой-либо причине они могут показаться необходимыми. Они не должны отходить от Института Общества, как бы их ни уговаривали, и определители должны устанавливать правила и предписывать средства, наилучшим образом рассчитанные для устранения злоупотреблений в случаях, которые могут возникнуть".

"Мы с горькой скорбью наблюдали, что эти средства правовой защиты и многие другие, впоследствии использованные, не смогли положить конец бедам, жалобам и обвинениям в адрес Общества, и что Урбан VIII, Климент IX, Климент X, Климент XI, Климент XII, Александр VII, Александр VIII, Иннокентий X, Иннокентий XI, Иннокентий XII, Иннокентий XIII и Бенедикт XIV не смогли даровать Церкви мир. Конституции, которые были разработаны в отношении светских дел, которыми Общество не должно заниматься, будь то вне этих миссий или в связи с ними, не принесли никакого результата. Они также не положили конец серьезным ссорам и разногласиям, вызванным членами Общества с обычными людьми и религиозными орденами, или по поводу мест, посвященных благочестию, а также с сообществами всех видов в Европе, Азии и Америке; все это привело к большому скандалу и гибели душ. То же самое было верно в отношении практики и толкования определенных языческих церемоний, которые допускались во многих местах, в то время как те, которые одобрялись Вселенской Церковью, были отложены в сторону. Кроме того, имело место использование и толкование сентенций, которые Святой Престол считал скандальными и явно вредными для морали. Наконец, были и другие вещи, имевшие огромное значение и имевшие абсолютную необходимость для сохранения догм христианской религии в ее чистоте и неприкосновенности, которые в нашем собственном и предшествующих столетиях привели к злоупотреблениям и великому злу, такому как смуты и мятежи в католических государствах и даже гонения на Церковь в некоторых провинциях Азии и Европы.

"Все наши предшественники были тяжело затронуты этими вещами, среди прочих Иннокентий XI благочестивой памяти, который запретил давать эту привычку новичкам; Иннокентий XIII, который был вынужден произнести ту же угрозу; и, наконец, Бенедикт XIV, который приказал посетить дома и коллегии нашего дорогого сына во Христе, самого верного короля Португалии и Алгарве. Но Святой Престол не получил от всего этого утешения; обществу это также не помогло; и христианство не получило никакой выгоды от последнего письма, которое было скорее вымогано, чем получено от нашего непосредственного предшественника Климента XIII (позаимствуем выражение, использованное Григорием X на Вселенском соборе в Лионе).

"После стольких ужасных потрясений, штормов и бурь истинно верующие надеются увидеть рассвет дня, который принесет мир и успокоение. Но при понтификате нашего

предшественника Климента XIII времена стали более бурными. Действительно, шумиха против Общества усиливалась с каждым днем, и в некоторых местах возникали смуты, раздоры, опасные распри и даже скандалы, которые, полностью разрушив христианское милосердие, зажгли в сердцах верующих партийный дух, ненависть и вражду. Опасность возросла до такой степени, что даже те, чье благочестие и хорошо известная наследственная преданность Обществу, а именно наши очень дорогие сыны в Иисусе Христе, короли Франции, Испании, Португалии и Обеих Сицилий, были вынуждены изгнать из своих королевств, штатов и провинций всех религиозных этого Ордена; будучи убеждены, что эта крайняя мера была единственным средством устранения стольких зол и прекращения раздоров, которые раздирали лоно Матери-Церкви.

Но те же самые короли, наши очень дорогие сыны в Иисусе Христе, думали, что это средство не может иметь длительного действия или может помочь успокоить христианский мир, если Общество не будет полностью упразднено и подавлено. Следовательно, они сообщили Клименту XIII о своем желании в этом вопросе и попросили его единодушно и со всей властью, которой обладали, добавив также свои молитвы и мольбы обеспечить таким образом вечное спокойствие своих подданных и общее благо Церкви. Но внезапная смерть этого понтифика остановила весь прогресс в этом вопросе. Однако едва мы, по милости Божьей, были возведены на кафедру святого Петра, как к нам были обращены те же молитвы, были выдвинуты те же настойчивые требования, и огромное количество епископов и других лиц, прославленных своей ученостью, достоинством и добродетелью, откликнулись на эту просьбу.

Желая, однако, избрать самый верный курс в таком серьезном и важном деле, мы полагали, что нам нужно гораздо больше времени, чтобы обдумать его, не только для того, чтобы провести максимально точное исследование и затем обдумать наиболее благоразумные методы, которые следует принять, а также для того, чтобы получить от Отца Света Его особую помощь, мы возносили наши самые искренние молитвы, скорбя о том, что нам предстояло, и мы умоляли верующих прийти к нам на помощь своими молитвами и добрыми делами. Мы особенно сочли целесообразным выяснить, на каком основании это широко распространенное чувство уважения к Обществу, которое было самым торжественным образом подтверждено Тридентским собором. Мы обнаружили, что совет упоминает Орден только для того, чтобы освободить его от общего указа, принятого для других Орден. Послушники-иезуиты должны были быть допущены к профессии, если их считали достойными, или они должны были быть уволены из Общества. Следовательно, совет (сессия 25, с. xvi, deg.) заявил, что он не желает вносить никаких нововведений или препятствовать этим религиозным служениям Богу и Церкви в соответствии с их благочестивым Институтом, который был одобрен Церковью.

"А потому, после использования стольких необходимых средства, и помогают, как мы думаем и присутствие вдохновения от Святого Духа, и, более того, вынужден долг наш офис, который, по сути, обязывает нас приобретать, сохранять и укреплять все наши силы, покоя и спокойствия христианского мира, и, чтобы искоренить полностью, что могло вызвать ни малейшего вреда; и, кроме того, признав, что Общество Иисуса больше не производят обильный плод и великую пользу, для которой он был учрежден и утвержден столько пап, наших предшественников, который украсил его с таким количеством самых замечательных привилегий, и, узнав, что она почти и, действительно, совершенно невозможно для Церкви, чтобы насладиться истинным и прочного мира, пока этот порядок существовал, будучи связанными, как мы на столько мощные соображения и заставили по другим мотивам, законы благоразумия и мудрого управления

Церковью рекомендовать, но которые мы храним в глубине нашего сердца: следуя по стопам наших предшественников и особенно Григория X на Лионском соборе, так как случаи бывают идентичными, мы сами, добровольно, после зрелого изучения, и наши определенных знаний и полноту Апостольской власти, подавления и ликвидации Общества Иисуса. Мы аннулируем и аннулируем все и каждую из его офисов, функций, администраций, домов, школ, колледжей, приютов, убежищ и других заведений, которые каким-либо образом принадлежат ему, и в каждой провинции, королевстве или штате, в которых он может быть найден. Мы делаем то же самое в отношении его статуты, обычаев, постановлений, конституций, даже тех, которые подтверждены присягой и одобрением Святого Престола или иным образом, а также всех и каждого из его положений, как общих, так и частных, суть которых мы хотим считать полностью и в достаточной степени изложенной в настоящих письмах, как если бы они были вставлены здесь слово в слово; несмотря на любые положения или формулы, утверждающие обратное, независимо от того, на каких постановлениях или обязательствах они могут основываться. Следовательно, мы объявляем навсегда нарушенной и полностью исчезнувшей всякую власть, духовную или мирскую, Генерала, провинциалов, посетителей и других руководителей этого Общества, и мы передаем абсолютно и без ограничений ту же самую власть и ту же юрисдикцию ординариям мест, где вышеупомянутые находятся, в зависимости от случая или лиц, в форме и на условиях, которые мы объясним ниже; запрещая, как мы делаем с помощью этих подарков, принимать кого-либо в это Общество, или принимать в послушничество, или облакать в рясу. Мы также запрещаем любому из тех, кто уже был принят, произносить простые или торжественные обеты под страхом аннулирования их приема или профессии и под другими наказаниями, которые мы сочтем подходящими. Более того, мы желаем, рукополагаем и предписываем, чтобы те, кто в настоящее время являются новичками, были немедленно и действительно уволены, и мы запрещаем тем, кто не дал торжественных обетов и кто еще не был допущен к священству, получать повышение либо под названием, либо под предлогом их профессии, либо в силу каких-либо привилегий, предоставляемых Обществу, и в нарушение постановлений Тридентского собора.

"Но поскольку цель, которую мы имеем в виду и которой мы больше всего стремимся достичь, состоит в том, чтобы следить за общим благом Церкви и миром народов, и в то же время помогать и утешать каждого члена этого Общества, которого мы нежно лелеем в Господе, чтобы, освободившись наконец от всех ссор, разногласий и неприятностей, в которых они были до сих пор, они могли с большим плодородием возделывать виноградник Господень и с большим успехом трудиться для спасения душ, мы постановляем, что члены этого Общества, сделавшие только простые обеты и те, кто еще не посвящен в Священный Сан, должны покинуть свои дома и колледжи свободными от своих обетов и что они вольны принять любое состояние, которое, по их мнению, наиболее соответствует их призванию, их силе и их совести. Ординарий места установит время, которое может быть сочтено достаточным для получения работы, не продлевая его, однако, более чем на год, точно так же, как в Обществе они были бы уволены без какой-либо иной причины, кроме как потому, что так считает благоразумный начальник, и это без какой-либо предварительной ссылки или юридического доказательства.

"Мы разрешаем лицам, имеющим Священный сан, либо покинуть свои дома и колледжи и вступить в какой-либо религиозный орден, одобренный Святым Престолом, и в этом случае они должны пройти испытательный срок, предписанный Тридентским советом, если они приняли только простые обеты, если они приняли торжественные обеты, срок их испытательного срока составит шесть месяцев в силу разрешения, которое мы даем на этот счет; или они могут

оставаться в мире в качестве светских священников или клириков, и в этом случае они будут полностью подчиняться власти и юрисдикции ординария того места, в котором они проживают. Мы также предписываем, чтобы тем, кто остается в этом мире, назначалась соответствующая пенсия до тех пор, пока они не будут обеспечены иным образом. Эта пенсия будет начисляться из средств дома, в котором они ранее проживали, с должным учетом, однако, доходов и задолженности таких домов.

"Исповедующие, которые уже состоят в священном сане и которые опасаются, что они не смогут жить достойно из-за небольшой пенсии, либо потому, что они не могут найти другого убежища, либо потому, что они очень стары и немощны, могут жить в своих прежних домах при условии, что они не будут участвовать в управлении ими, что они будут одеваться как светские священники и полностью подчиняться местному епископу. Мы категорически запрещаем им предоставлять чье-либо жилье или приобретать какой-либо дом или помещение в будущем, или, как постановит Совет Лиона, отчуждать дома, товары или места, которыми они фактически владеют. Тем не менее, они могут собираться в одном или нескольких домах таким образом, чтобы такие дома были доступны в случае необходимости для благочестивых целей, которые могут казаться наиболее соответствующими по времени и месту Священным канонам и воле основателей, а также более благоприятствующими росту религии, спасению душ и общественной пользе. Более того, кто-нибудь из светского духовенства, заслуживающий похвалы за свое благоразумие и добродетельную жизнь, должен присутствовать в управлении такими домами, поскольку название Общества в настоящее время полностью подавлено и упразднено.

Мы заявляем также, что те, кто уже был изгнан из какой бы то ни было страны, участвуют в общем подавлении Ордена, и мы, следовательно, постановляем, что изгнанные иезуиты, даже если они состоят в Святых Орденах и не вступали в религиозный орден, с этого момента должны принадлежать светскому духовенству и полностью подчиняться местным обычаям.

"Если ординарии признают в тех, кто в силу настоящего Положения перешел из Общества в состояние светских священников, необходимые знания и правильность жизни, они могут предоставить им или отказать, по их выбору, в разрешении исповедоваться и проповедовать, и без такого разрешения никто из них не может выполнять такие функции. Однако епископы или ординарии никогда не предоставят таких полномочий, которые предоставляются лицам, не принадлежащим к епархии, если заявители живут в домах или колледжах, ранее принадлежавших Обществу; и поэтому мы запрещаем таким лицам проповедовать или отправлять таинства, как это предписал наш предшественник Григорий X на уже упомянутом генеральном совете. Мы возлагаем на совесть епископов наблюдение за исполнением всего этого и повелеваем им подумать о том, какой строгий отчет им придется однажды представить Богу об овцах, вверенных их попечению, и об ужасном суде, которым Верховный Судья живых и мертвых угрожает тем, кто управляет другими.

Более того, если среди тех, кто был членами Общества, есть те, кому было поручено обучение молодежи или кто выполнял функции профессоров в колледжах и школах, мы предупреждаем их, что они абсолютно отстранены от любого такого руководства, администрации или авторитета и что им не разрешается заниматься какой-либо подобной работой, за исключением тех случаев, когда есть основания надеяться на какую-то пользу от их трудов и пока они кажутся сторонниками любых дискуссий и пунктов доктрины, расплывчатость и тщетность которых

только вызывает проблемы и катастрофические раздоры. Более того, мы постановляем, что им будет навсегда запрещено выполнять вышеупомянутые функции, если они не будут стремиться поддерживать мир в своих школах и с другими; и что они должны быть уволены из школ, если им случится работать в них.

Что касается миссий, мы включаем их во все, что было предписано в связи с этим подавлением, и мы оставляем за собой право принимать меры, рассчитанные на более легкое обращение язычников и прекращение споров с большей уверенностью в результатах.

"Следовательно, мы полностью отменили все привилегии и уставы этого Ордена и заявляем, что все его члены, как только они покинут свои дома и колледжи и примут статус светских священнослужителей, будут считаться надлежащими и пригодными для получения, в соответствии со Святыми Канонами и Апостольскими конституциями, всевозможных пособий, как простых, так и с прилагаемой заботой о душах; а также для принятия должностей, почестей и пенсий, из которых в соответствии с Кратким Изложением Григория XIII от 10 сентября 1584 года, которое начинается словами: "Satis superque, "они были абсолютно исключены до тех пор, пока принадлежали к Обществу. Мы разрешаем им также принимать компенсации за служение Мессы, которые им не разрешалось посещать как иезуитам, и пользоваться всеми милостями, которых они всегда были бы лишены, пока были Постоянными клерками Общества. Мы также отменяем все разрешения, которые они могли получить от Генерала и других высших чинов в силу привилегий, предоставляемых Суверенным Понтификом, таких как разрешение читать еретические книги и другие, запрещенные и осуждаемые Святым Престолом, или не поститься, или воздерживаться, или предвосхищать Божественное Служение, или что-либо, фактически, в этом роде. Под страхом самых суровых наказаний мы запрещаем им пользоваться такими привилегиями в будущем, поскольку наше намерение состоит в том, чтобы заставить их жить в соответствии с требованиями общего права, подобно светским священникам.

"После публикации Брифинга мы запрещаем кому бы то ни было, кем бы он ни был, осмеливаться приостанавливать его исполнение даже под видом, названием или предложением какого-либо требования, апелляции, заявления или обсуждения сомнений, которые могут возникнуть, или под любым другим предложением, предусмотренным или непредвиденным; ибо мы желаем, чтобы подавление и прекращение деятельности всего Общества, а также всех его должностных лиц возымели свое полное действие в данный момент и мгновенно, в форме и способом, которые мы описали выше, под страхом серьезного отлучения, понесенного *ipso facto* одним действием, и зарезервировано для нас и для пап, наших преемников. Это направлено против любого, кто осмелится создать малейшее препятствие или задержку в выполнении данного Брифа. Мы также приказываем и запрещаем в соответствии со святым послушанием всем и каждому церковному деятелю, светскому и регулярному, независимо от их ранга, достоинства, качества или состояния, и особенно тем, кто в настоящее время связан с Обществом или был связан в прошлом, выступать против этого подавления или нападать на него, писать против него, даже говорить о нем, или о его причинах или мотивах, или о самом исчезнувшем Институте, его правилах, конституции или дисциплине, или о чем-либо еще, имеющем отношение к этому делу, без прямого разрешения Суверенного Понтифика. Мы также запрещаем всем и каждому под страхом отлучения от церкви, оставленного за нами и нашими преемниками, осмеливаться нападать тайно или публично, устно или письменно, посредством споров, травм и оскорблений или любого другого вида неуважения на кого бы то ни было, кем бы он ни был, и меньше всего на тех, кто был членами указанного Ордена.

"Мы призываем всех христианских князей, чья привязанность и уважение к Святому Престолу нам известны, использовать все усердие, заботу, силу, авторитет и могущество, которые они получили от Бога, для исполнения этого Краткого Изложения, чтобы защищать Святую Римскую Церковь, придерживаться всех содержащихся в нем статей; издавать и публиковать аналогичные указы, посредством которых они могут более тщательно следить за исполнением этой нашей нынешней воли и таким образом предотвращать ссоры, раздоры и разногласия среди верующих.

"Наконец, мы призываем всех христиан и умоляем их внутренностями Иисуса Христа, Господа Нашего, помнить, что у них один и тот же Учитель, Который на небесах; один и тот же Спаситель, Который искупил их ценой Своей крови; что все они были возрождены благодатью Крещения; что все они стали сынами Божьими и сонаследниками Христа; и питаются одним и тем же хлебом Божественного слова, учением Церкви; что они составляют одно тело в Иисусе Христе и являются членами друг друга; и, следовательно, необходимо, чтобы, будучи объединенными, все они были возрождены благодатью Крещения. по узам милосердия они должны жить в мире со всеми людьми, поскольку их единственный долг - любить друг друга, ибо тот, кто любит своего ближнего, исполняет закон. Следовательно, они также должны с ужасом относиться к оскорблениям, ненависти, ссорам, обману и другому злу, которое враг рода человеческого изобрел, измышлял и провоцировал, чтобы беспокоить Церковь Божью и препятствовать спасению душ; они также не должны ссылаться на ложный предлог схоластических мнений или на большее христианское совершенство. Наконец, пусть все постараются обрести ту истинную мудрость, о которой говорит святой Иаков (iii, 13): "Кто из вас мудрый человек и наделен знанием? Позвольте ему показать хорошей беседой свою работу в кротости мудрости. Но если у вас горькая ревность и в сердце вашем есть раздоры, не хвалитесь и не лжете против истины. Ибо это не мудрость, нисходящая свыше; но земная, чувственная, дьявольская. Ибо где зависть и раздор, там непостоянство и всякое злое дело. Ибо мудрость, которая нисходит свыше, сначала действительно целомудренна, затем миролюбива, скромна, легко поддается убеждению, соглашается на добро, полна милосердия и добрых плодов, без осуждения, без лицемерия. И плод справедливости сеется в мире для тех, кто заключает мир".

"Даже если настоятели и другие религиозные деятели этого Ордена, а также все те, кто каким-либо образом заинтересован или притворяется таковым в том, что было предписано в настоящем Документе, не соглашаются с настоящим Брифингом и не были вызваны или выслушаны, мы, тем не менее, желаем, чтобы он никогда не подвергался нападкам, ослаблению или признанию недействительным под предлогом отказа, обязывания, ничтожности, недействительности или дефекта намерения с нашей стороны или по любому другому мотиву, каким бы большим, непредвиденным или существенным он ни был, или потому, что были опущены формальности и другие вещи". которые должны были соблюдаться в предыдущих законодательных актах или в любом из них, или по любому другому основному пункту, вытекающему из закона или какого-либо обычая, или действительно содержащемуся в своде законов; также не может быть никакого предлога для нанесения огромного или очень огромного и чрезвычайного ущерба; и, наконец, не может быть никаких причин, какими бы справедливыми или разумными они ни были, даже таких, которые обязательно должны были быть выражены, необходимых для придания действительности приведенным выше правилам. Мы запрещаем, чтобы оно когда-либо отзывалось, обсуждалось или передавалось в суд, или чтобы оно оспаривалось путем возмещения ущерба, обсуждения, пересмотра в соответствии с законом или любым другим способом для получения юридической процедуры, факта,

благосклонности или справедливости любым способом, которым оно может быть предоставлено, для использования либо в суде, либо вне его.

"Более того, мы прямо желаем, чтобы настоящая Конституция с этого момента была действительной, стабильной и действенной навсегда, чтобы она имела свое полное действие; чтобы она неукоснительно соблюдалась всеми и каждым из тех, кому она принадлежит или будет принадлежать в будущем каким бы то ни было образом".

Таков был знаменитый Судебный процесс, который приговорил Общество к смерти. Каким бы печальным он ни был, он не приписывает Ордену никаких противоправных действий. В нем излагаются некоторые обвинения против иезуитов, но не принимается, что они когда-либо были доказаны. Единственная причина подавления — и она повторяется снова и снова — заключается в том, что Общество было причиной больших проблем в Церкви. Таким образом, в целом это оправдание, а не осуждение. Это была не Булла, а Краткое Изложение, и по этой причине его гораздо легче было отозвать, чем более торжественный документ, к которому приложена папская булла.

Считается, что точка зрения отца Кордары на этот поступок папы отражает точку зрения Общества в целом. Это имеет особую ценность, поскольку он был одним из репрессированных иезуитов и в то время жил в Риме. Он утверждал, что "папа мог бы без всякой несправедливости подавить Общество, даже если оно невиновно, точно так же, как король может отдать невинного человека на казнь врагу, который в противном случае разграбил бы город. Климент XIV думал спасти Церковь, существование которой оказалось под угрозой".

Однако два года спустя кардинал Антонелли, когда его допрашивал преемник Климента, Пий VI, и, следовательно, когда его вынудили выступить, без колебаний решительно осудил это Дело. Его заявление цитируется здесь не как общепринятая точка зрения, а просто как исторический факт. Этот документ имеет большое значение, поскольку Антонелли был префектом отдела пропаганды и вместе с Консальви был доверенным лицом Пия VII и был его сокамерником в 1804 году. Мы кратко резюмируем его, опуская более резкие фразы.

"Ваше Святейшество знает так же хорошо, как и кардиналы, что Климент XIV никогда бы не согласился придать Своду законов о запрете канонические формы, которые были необходимы для придания ему окончательной формы. Более того, это Краткое послание Климента XIV никому не адресовано, хотя обычно такие письма таковыми и являются. По своей форме и исполнению всякий закон отвергается, он основан на ложных обвинениях и позорной клевете; он противоречив сам по себе, говоря о клятвах одновременно торжественных и простых. Климент XIV претендует на такие полномочия, на которые не претендовал ни один из его предшественников, и, с другой стороны, оставляет сомнения по пунктам, которые следовало бы определить более четко. Мотивы, заявленные в Сводке, могут быть применены к любому другому Ордену и, похоже, были подготовлены для уничтожения всех из них, без указания причин отменяются многие Буллы и Конституции, принятые и признанные Церковью; все это показывает, что Свод недействителен".

Копия Краткого Изложения была разослана каждому епископу христианского мира, даже в самые отдаленные миссии. К нему прилагался еще один документ под названием "Энциклика Конгрегации, озаглавленная "За упразднение Общества Иисуса", с которой каждому епископу посылается образец для подражания в деле исчезновения: Dominus ac Redemptor, с

повелением Его Святейшества, чтобы все епископы опубликовали и обнародовали это Дело". Латинский текст можно найти в книге де Равиньяна "Клеман XIII и Клеман XIV" (стр. 560). Мы приводим здесь перевод:

"Самый Прославленный и Преподобнейший Лорд и Брат.

"Из содержащейся здесь печатной копии Апостольских посланий в форме Краткого Изложения, датированного 21 июля предыдущего месяца, ваша светлость узнает о подавлении и исчезновении по справедливым причинам Обычных священнослужителей, до сих пор называемых "Обществом Иисуса" святейшим Владыкой Климентом XIV; вы также узнаете, посредством какого юридического процесса Его Святейшество постановил, что подавление должно быть осуществлено во всех частях мира. Для полного уничтожения того же самого он учредил специальную конгрегацию из их высокопреосвященства кардиналов Корсини, Марефоски, Караффы, Зелады и Казали, вместе с преподобными Македонио и Альфани, которые обладают самыми широкими способностями к тому, что необходимо и пристойно. Краткое сообщение об учреждении этой конгрегации, датированное 18 августа текущего месяца, прилагается к настоящему документу.

"По приказу Его Святейшества та же конгрегация передает настоящие письма вашей светлости, для того, чтобы в каждом доме, колледже и месте, где могут находиться представители вышеупомянутого подавляемого Общества, ваша светлость собирали их в любом доме (*in qualibet domo*), и вы должны регулярно (*обрядом*) объявлять, публиковать и интимно сообщать, как они говорят, и заставлять их исполнять эти письма; и ваша светлость получит и сохранит во владении для последующего использования по указанию Его Святейшества все и каждого из них". те же дома, колледжи и другие заведения с законными правами на их имущество и принадлежности, после удаления вышеупомянутых лиц из подавляемого Общества; и при их исполнении ваша светлость сделает все, что еще предписано в письмах о подавлении, и уведомит специальную конгрегацию о том, что такое исполнение было приведено в исполнение. Ваша светлость позаботится об этом. Тем временем мы молим Господа, чтобы у вас все было хорошо.

"Ваш с братской преданностью".

Рим, 18 августа 1773 г.

Карайон дает нам информацию о персонале этой конгрегации (Документ inédits, xvii). Кардинал Марефоски, который в течение шестнадцати лет был секретарем по пропаганде, составил сводку всех жалоб миссионеров в различных частях мира на иезуитов, опустив, однако, все, что было сказано в их пользу. Папа назначил его посетителем Ирландского колледжа, который был доверен Обществу кардиналом Людовизи, и он немедленно удалил иезуитов. Среди других профессоров он пригласил некоего Тамбурины, который был изгнан из Брешии за янсенизм. В отчете Марефоски папе бывшие профессора (иезуиты) обвинялись в пренебрежении учебой, отчуждении церковной собственности и мошенничестве с последующим уменьшением доходов. Затем его отправили посетить колледж Туччоли, и последовали такие же катастрофические результаты. В июне 1772 года он и кардинал Йоркский изгнали иезуитов из Римской семинарии и в том же году из Фраскати. Весь город обратился к кардиналу с петицией, умоляя его не изгонять Отцов Церкви, но его королевское высочество был настолько

взволнован дерзостью просьбы, что был готов посадить в тюрьму нескольких главных просителей, хотя они и были магистратами.

Вместе с Марефоски были еще три кардинала: Казали, Караффа и Зелада, все трое были возведены в сан пурпурного в мае месяце по предложению монсеньора. Боттари, который заполнял Рим клеветническими книгами против иезуитов. Несмотря на мольбы своей семьи, молодой кардинал Корсини принял президентство. Македонио был назначен секретарем, а Альфани - ассессором; впоследствии обоим этим священнослужителям были предъявлены обвинения в разграблении конфискованного имущества. Наконец, чтобы создать видимость того, что мы действуем в соответствии с каноническим правом, в комиссию были добавлены два богослова; Мамати, доминиканец, и де Казаль, младший реформат; оба были признанными врагами пробабиллизма и молинизма и, что достаточно странно, были категорически против Апостольской конституции "Unigenitus", в которой Климент XI осуждал янсенистские ошибки Паскье Кенеля.

Протестантский историк Шелл (xliv, 83), говоря о записке о подавлении, говорит: "Эта записка не осуждает ни доктрину, ни мораль, ни правила иезуитов. Жалобы судов являются единственными предполагаемыми мотивами подавления Ордена, и папа оправдывает себя прецедентами других Орденов, которые были подавлены, чтобы удовлетворить требования общественного мнения". Когда он уже собирался подписать его, он услышал звон колокольчиков Джезу. "Для чего это?" он спросил. "Иезуиты собираются произнести Литанию Святых", - сказали ему. "Не Литанию Святых, - сказал он, - а Литанию по усопшим". Это было 21 июля 1773 года.

ГЛАВА XIX КАЗНЬ

Захват Джезу в Риме — Отстранение священников от должности — Судебный процесс над отцом Риччи продолжался в течение двух лет — Заявление Жертвы на смертном одре - Признание инквизиторами его невиновности — Похороны — Причина его длительного заключения — Освобождение Помощников Пием VI — Получение Заключения за пределами Рима — Отказано Швейцарией, Польшей, Россией и Пруссией — Помбал зачитал заключенным в Португалии — Денонсация его архиепископом Парижа — Аннулирование Документа епископом Квебека — Принятие Австрией — Приведение его в исполнение в Бельгии — Кэрролл в Брюгге — Дефектное образование в Мэриленде.

За два дня до подписания вспомогательной инструкции, а именно 16 августа 1773 года, комиссар приступил к работе. Возглавляемый Альфани и Македонио, отряд солдат вторгся в Джезу, где генерал и его помощники были уведомлены о подавлении Общества. Очевидно, больше никто не был процитирован, и, следовательно, по словам де Равиньяна, процедура была незаконной с точки зрения остальной части сообщества. Однако они не стали затрудняться по этому поводу и с этого момента больше не считали себя иезуитами. Предполагалось, что в центральном доме Общества будет изъята большая сумма денег; но надежда не оправдалась, так как было найдено всего около 50 000 долларов, и эта сумма была

собрана для покрытия расходов на беатификацию святого Франциска Иеронимо. На самом деле он принадлежал собору Святого Петра, а не Джезу. Однако в золотых и серебряных сосудах часовен, произведениях искусства, ценной библиотеке и архивах было много интересного.

Тому же процессу следовали и в других иезуитских заведениях города. Отцы были заперты, в то время как солдаты охраняли двери и рыскали по комнатам и коридорам. Стариков и немощных относили в Римскую коллегию, а затем отправляли обратно на то место, откуда их забрали; в обоих случаях на носилках, когда жертва не могла ходить. Один пожилой отец фактически выпускал дух во время перевода. Всех их отстранили от священнических обязанностей и приказали каждые три месяца являться к властям со справкой об их хорошем поведении, подписанной приходским священником. Они были церковными "отпускниками". Множились предлоги для ареста многих из них. Их провели парадом по улицам под охраной полицейского, а после того, как их посадили на скамью подсудимых вместе с обычными преступниками, посадили под замок или изгнали из Папской области.

17 августа, с наступлением темноты, карета кардинала Корсини подъехала к Джезу. В нем был аудитор конгрегации с просьбой к отцу Риччи встретиться с кардиналом в Английском колледже. Приглашение было принято совершенно добросовестно, хотя в то же утро предложение министра Тосканы взять генерала под свою защиту и таким образом спасти его от ареста было отклонено Риччи. По прибытии ему была предоставлена полная свобода передвижения по дому, но вскоре его ограничили тремя комнатами, и тогда он заметил, что солдаты дежурят как внутри, так и снаружи колледжа. Его продержали там больше месяца, в течение которого он был подвергнут нескольким судебным допросам; наконец, его перевели в замок Сант-Анджело, где вскоре за ним последовали его секретарь Коммолли и помощники Ле Форестье, Захария, Готье и Фор. Все они были распределены по отдельным камерам. Враги Общества теперь держали в своих руках главного преступника, самого генерала, отца Риччи; и они могли получить от него все секреты грозной организации, которую они уничтожили. Его документы, как частные, так и официальные, находились в их распоряжении. Перед ними были архивы Общества с информацией о каждом его члене с самого начала, а также все личные письма со всего мира, написанные при всех мыслимых обстоятельствах иезуитской жизни. Все они были тщательно изучены, и все же в них не было найдено никаких оснований для обвинения. Тюремщики, казалось, потеряли голову и забыли свою обычную тактику подлога и интерполяции.

Судебный процесс над отцом Риччи был потрясающим как по своей процедуре, так и по продолжительности. Не было свидетелей, которые могли бы дать показания за или против него, но он был жестоко и неоднократно допрошен чиновником по имени Андретти, которого многозначительно называли "криминалистом". Все протоколы допросов были напечатаны, и некоторые из них примечательны своей глупостью. Так, например, его спросили: "Как вы думаете, обладаете ли вы какой-либо властью после подавления Общества?" Ответ был: "Я совершенно убежден, что у меня их нет". "Какой властью вы обладали бы, если бы вместо упразднения Общества папа сделал что-то другое?" "Что бы он дал мне". "Есть ли какие-либо злоупотребления в Ордене?" На это он ответил: "Если вы имеете в виду общие злоупотребления, я отвечаю, что, по милости Божьей, их нет. Напротив, в Обществе царит большое благочестие, регулярность, усердие и особенно благотворительность, которые замечательным образом проявили себя за эти пятнадцать лет горьких испытаний". "Вы внесли какие-либо изменения в

правительство Ордена?" "Никаких". "Где ваши деньги?" "У меня их нет. У меня было недостаточно денег, чтобы уберечь изгнанников из Испании и Португалии от голодной смерти".

В результате расследования, которое продолжалось более двух лет стало то, что ничего не удалось найти ни против него, ни против общества, и пока его держали в темнице, пока он не умер. Когда приближался конец, отец Риччи зачитал со своего смертного одра следующее заявление:

"Из-за неопределенности момента, когда Богу будет угодно призвать меня к себе, а также ввиду моего преклонного возраста и множества, продолжительности и величия моих страданий, которые были далеко за пределами моих сил, я вот-вот предстану перед непогрешимым судом истины и правосудия, после долгого и зрелого размышления и после того, как смиренно призвал моего Всемиловитейшего Искупителя, чтобы Он не позволил мне говорить от страсти, особенно в этом последнем поступке в моей жизни, или быть движимым какой-либо горечью сердца, или из ложного желания, или злого умысла, но только для того, чтобы оправдать свое обязательство свидетельствовать об истине и невиновности, я сейчас делаю два следующих заявления и протеста:

"Во-первых, я заявляю и протестую против того, что исчезнувшее Общество Иисуса не указало причин для своего подавления; и я заявляю и протестую с той моральной уверенностью, которую имеет хорошо информированный настоятель о том, что происходит в его Ордене. Во-вторых, я заявляю и протестую, что я не приводил никаких, даже малейших, оснований для моего заключения под стражу, и я делаю это с той суверенной уверенностью, которую каждый имеет в своих собственных действиях. Я заявляю этот второй протест исключительно потому, что это необходимо для сохранения репутации исчезнувшего Общества, лидером которого я был.

"Я не претендую на то, что вследствие этих протестов я или кто-либо другой может считать виновным перед Богом кого-либо из тех, кто причинил вред Обществу Иисуса или мне самому. Мысли людей известны только Богу. Он один видит ошибки человеческого разума и видит, таковы ли они, чтобы оправдывать грех; Он один проникает в мотивы поступков; а также в дух, в котором совершаются поступки, и в привязанности сердца, которые сопровождают такие поступки; и поскольку злой умысел или невинность внешнего поступка зависят от всего этого, я оставляю это на усмотрение Бога, Который будет допрашивать мысли и поступки человека.

"Чтобы исполнить свой долг христианина, я протестую против того, что с помощью Божьей я всегда прощал и сейчас искренне прощаю всех тех, кто пытал меня и причинил вред мне, во-первых, злом, которое они причинили Обществу, и строгими мерами, которые они применяли по отношению к его членам; во-вторых, исчезновением Общества и сопутствующими обстоятельствами; в-третьих, моим собственным заключением и лишениями, которые они к нему добавили, и ущербом, который они нанесли моей репутации; все это общеизвестные факты. Я молю Бога, по Его благодати и милосердию, через заслуги Иисуса Христа, простить мне мои многочисленные грехи и простить также всех виновников вышеупомянутого зла, а также их пособников. С этим чувством и с этой молитвой я хочу умереть.

"Наконец, я умоляю и заклинаю всех тех, кто, возможно, читает эти заявления и протесты, обнародовать их по всему миру, насколько это возможно. Я прошу об этом всеми званиями

гуманности, справедливости и христианского милосердия, которые могут убедить их выполнить мою волю и пожелание. (подпись) Лоренцо Риччи."

Судебный процесс был намеренно затянут. На каждом заседании обвиняемому задавали только три или четыре вопроса, хотя он постоянно умолял инквизиторов продолжать. Затем наступал перерыв на восемь, десять и даже двадцать дней или больше. Время от времени допросы отправлялись на бумаге, пока, наконец, Андретти, главный инквизитор, не сказал, что дело закрыто и он больше не вернется. Тем не менее он появился несколько дней спустя.

"Без сомнения, - говорит отец Риччи, - кто-то сказал ему, что весь процесс недействителен; и я пожалел этого честного человека, несмотря на его преклонный возраст и столь долгую практику в своей профессии, которому теперь сказали, что он не знает условий, необходимых для действительности процесса. Те, кто дал ему эту информацию, должны были предупредить его задолго до этого. Поэтому он начал снова, исследуя ту же тему тем же способом, и я дал ему те же ответы. Его вопросам всегда предшествовали длинные формулы, на которые я не обращал внимания. После каждого вопроса он заставлял меня повторять мою клятву. Я попросил его сообщить мне причину моего заключения и не смог получить ответа; но, наконец, он произнес следующие слова: "Будьте довольны тем, что вы не были заключены в тюрьму ни за какое преступление; и вы могли бы сделать такой вывод из того факта, что я не допрашивал вас ни о чем криминальном".

Как необходимое следствие этого оправдания должностным лицом, уполномоченным судить его, следует, что Орден, главным начальником которого он был, также не заслуживал порицания; ибо, если бы бесчисленные преступления, вменяемые Обществу, были правдой, для генерала было бы абсолютно невозможно не знать о них; и, зная это, он был бы виновен и заслуживал самого сурового наказания, если бы в Ордене были разногласия, и он не пытался их подавить; если бы преподавалась слабая мораль, и он не осуждал бы их. это; если бы Общество потворствовало коммерческим сделкам, и он не осуждал такие отступления от закона; если бы оно было виновно в честолюбии, и он не подавил бы его. Будучи центром и источником всей власти и всей деятельности в Ордене, его знание происходящего простирается до мельчайших деталей, и, следовательно, если Орден был виновен, он был главным преступником. Но даже его крайне предвзятые судьи признали его невиновным, и поэтому он должен был быть освобожден.

В этот момент вмешалась испанский министр Флорида Бланка и от имени Карла III предупредила папу римского, чтобы он не смел освобождать его. Бурбоны все еще продолжали терроризировать Святой Престол. Проблему разрешил сам пострадавший, который умер 24 ноября 1775 года. Тогда ему было семьдесят два года. Он мог говорить до последнего момента, и часто было слышно, как он стонет: "Ах! бедное общество! По крайней мере, насколько мне известно, ты не заслужил того наказания, которое тебе было назначено.

Вечером 25-го числа останки отца Риччи были перенесены в церковь Святого Иоанна Флорентийского. Все здание было задрапировано черным, и гроб был установлен на носилки, вокруг которых были зажжены тридцать погребальных факелов. В богослужениях участвовало огромное количество людей. Епископ Коммачио, верный друг Общества, отслужил мессу. Он пришел, по его словам, не помолиться за генерала, а помолиться ему самому. Другой епископ воскликнул: "Узрите мученика!" Вечером тело отнесли в церковь. Оно должно было прибыть к 9 часам, но прибыло в церковь только в полночь. Чтобы избежать какой-либо демонстрации,

подходы к церкви были закрыты, и там присутствовало всего пять или шесть Отцов церкви. Из рассказа Карайона следует, что непокрытое тело везли в карете, и оно было одето в очень короткую и очень поношенную одежду. В экипаже находились приходской кюре и два других человека. Два других экипажа, пассажиры которых были неизвестны, но подозревались в шпионаже, следовали непосредственно за ними. После отпущения грехов тело положили в гроб и положили в склеп рядом с останками семнадцати предшественников Риччи. Затем гробницу закрыли и прикрепили к ней клочок бумаги с надписью: "Лоренцо Риччи, бывший генерал ордена иезуитов, скончался в замке Сант-Анджело 24 ноября 1775 года".

После изложения этих фактов Боэро спрашивает, почему бывшего генерала держали в таком длительном и суровом заключении? По его словам, ответа нет, кроме того, что таково было благоволение Его величества Карла III. Испанский министр Муньино заявил, что так оно и было. Выпустить его живым было бы косвенным осуждением давления, оказываемого Мадридским судом при руководстве работой комиссии, которая была специально создана для вынесения Обществу смертного приговора. Известие о том, что генерал и его помощники вышли живыми из темниц Сант-Анджело, нарушило бы покой Карла III и его соучастников по заговору; следовательно, несмотря на добрую волю и привязанность Суверенного понтифика, отца Риччи после двухлетнего заключения в гробнице Адриана вынесли мертвым. Те из его товарищей, кто выжил, были освобождены, но судьи приказали им соблюдать строжайшее молчание о том, что происходило во время их пленения, или не рассказывать, какие вопросы им задавали.

Одна из жертв выразила свое возмущение такой чрезмерной жестокостью и воскликнула: "Почему вы требуете от меня клятвы на Святых Евангелиях не говорить о моем судебном процессе, когда вы очень хорошо знаете, что он состоял из двух или трех незначительных и нелепых вопросов?" У другого помощника спросили только его имя и место рождения, и не более. Третий удовлетворил судей, ответив: "Я не сказал и не сделал ничего плохого". Его больше никогда не допрашивали. Секретаря Общества спросили, в каком подземном тайнике он хранит сокровища. Он ответил, что никаких подземных тайников и никаких сокровищ не существует. В этом заключалось все его обследование. Вскоре после этого он умер от болезни, подхваченной в тюрьме, и его смерть долгое время скрывали.

Отец Фор спросил одного из своих судей: "За какое преступление я сижу в тюрьме?" "Ни за что, - последовал ответ, - кроме страха перед вашим пером, и особенно перед тем, что вам придется писать против Протокола. Это единственная причина вашего заключения". "По тому же правилу, - возразил пленник, - вы могли бы отправить меня на галеры из страха, что я могу что-нибудь украсть, или быть повешенным, чтобы помешать мне совершить убийство". Он был единственным непокорным, и его так боялись, что во время заключения ему приказали не зажигать свет всю ночь, чтобы за ним могли наблюдать. Это было после того, как они обнаружили черное пятно на его кровати. Они подумали, что это чернила. Отец Риччи, однако, ухитрился вести точный учет задаваемых вопросов. Карайон опубликовал их в своих "Архивных документах".

Одной из этих грозных личностей, которых так строго держали в заключении, был отец Ромберг, немецкий ассистент, которому было восемьдесят два года. Он стал очень слаб, и с ним случился паралич, который приковал его к креслу. Когда комендант замка пришел с судьями и чиновниками, чтобы сообщить ему, что он свободен, он горячо поблагодарил их, но попросил оказать ему милость и оставить умирать в своей камере. "Видите ли, - сказал он, - у меня есть

два замечательных друга, которые находятся здесь в заключении, и они из милосердия регулярно приходят каждое утро и несут меня в моем кресле в часовню, где я могу отслужить мессу и причаститься. Если я покину это место, Бог знает, получу ли я такую же помощь и такое же утешение ". Это был образец людей, которые заставляли трепетать Карла III и Флориду Бланку. Несмотря на протесты испанского министра, 16 февраля 1776 года все были освобождены, а Пий VI отменил приказ инквизиторов, запрещавший их жертвам поддерживать какие-либо отношения со своими собратьями-иезуитами.

Способ, которым Краткое изложение было составлено за пределами Рима, варьировался в зависимости от менталитета и морали стран, которым оно было направлено. К большому огорчению Суверенного понтифика, это было с энтузиазмом встречено всеми протестантами и неверными Европы. Ибо разве это не было оправданием всей той ненависти, которую они неизменно обрушивали на Общество, где бы оно ни находилось? Теперь они могли поздравить себя с тем, что инстинктивно угадали пагубный характер Института, на обнаружение которого Церкви потребовались столетия, и логично пришли к выводу, что все хвалебные речи, расточаемые Обществу предыдущими понтификами, были преднамеренным обманом или невежественным заблуждением. Они могли бы возразить против этого, но, поскольку это было бы направлено против них самих, они воздержались. Они ликовали, потому что Суверенный понтифик убил их главного врага, и в память об этом событии они отчеканили медаль.

В "Приключениях" Бемер-Моно (стр. 278) мы находим следующее: "Культурная Европа восторжествовала в Подавлении Ордена, и люди повсюду выражали свое одобрение. То тут, то там некоторые благочестивые приверженцы возвышали свои голоса в скорби, но нигде в Европе или где-либо еще не было сколько-нибудь серьезного противодействия Брифингу. Орден утратил всякое уважение, и общественное мнение не проявило никакого сострадания ни к чему трагическому, что произошло в результате его падения. Оно оставалось совершенно равнодушным к злодеяниям, в которых был виновен Помбаль. Несправедливости, которым подвергались некоторые Отцы в разных местах, считались справедливым возмездием или, по крайней мере, считались необходимыми для продвижения света и добродетели". Это не очень лестно для "культурной" Европы.

Помимо самоуничижительных высказываний по поводу этой цитаты, например, о том, что "перенесенные несправедливости были справедливым возмездием или, по крайней мере, считались необходимыми для продвижения света и добродетели", а также о том, что некоторые Отцы пострадали в разных местах; в то время как те же авторы приводят 23 000 человек, которые пострадали по всему миру, утверждение, что "нигде в Европе не было серьезной оппозиции Брифу" и что "они повсюду высказывали свое одобрение и не проявляли сострадания ни к чему трагическому, произошедшему во время грехопадения", абсолютно противоречит фактам дела.

Во-первых, Фридрих Великий в Пруссии и Екатерина II в России не только не разрешали проведение Брифинга в своих владениях, но и запрещали его под страхом самых суровых наказаний. Польша долгое время отказывалась его принимать, а католические кантоны Швейцарии направили протест папе римскому. Более того, хотя еще до того, как документ был обнародован, Отцы секуляризировались по собственной инициативе, тем не менее, власти не позволили им отказаться от колледжей. Другая сторона картины заключалась в том, что в Неаполе Тануччи не только запретил читать Сводку под страхом смерти, но и запретил любое

упоминание о ней. В Португалии, конечно, не было никакого сопротивления, потому что там не было иезуитов, которых можно было подавлять, они были либо мертвы, либо в тюрьме, либо в изгнании. Это было, однако, поводом для общественного ликования, и документ был встречен грохотом пушек и звоном колоколов, как будто была одержана победа, но это правительственное устройство не погасило в сердцах страдающего народа глубокого сострадания к жертвам "зверств" Помбаля.

В Испании было категорически запрещено читать это или говорить о Брифе, потому что своим восхвалением добродетелей членов Общества оно изобличало ложь правительства, которое настаивало на подавлении Общества именно из-за безнравственности его членов. Во Франции его обнародование было запрещено по совершенно противоположной причине, то есть потому, что в нем восхвалялся Институт, который политики объявили порочным по своей сути; хотя они и признавали, что отдельные иезуиты были безупречны. Таким образом, как и Испания, Франция была официально обвинена Судом в клевете, разграблении и уничтожении великого религиозного ордена. Вольтер, комментируя ситуацию, предположил, что Франция и Испания могли бы провести своего рода национальный обмен. "Пошлите французских иезуитов в Испанию, - сказал он, - и они будут назидать людей, соблюдая Институт, а испанцев пошлите во Францию, где они удовлетворят людей, не соблюдая его".

Наиболее заметное противодействие Брифингу произошло во Франции. Вся иерархия и духовенство решительно отказались принять его, и архиепископ Парижский Кристофер де Бомон, которого папа особо просил обнародовать его, ответил письмом, которое иезуиту неприятно публиковать из-за его тона; ибо глубочайшая привязанность и почтение к Святому Престолу является одной из укоренившихся и отличительных черт Общества. Однако это исторический документ, и в данном случае он призван опровергнуть утверждение о том, что в Европе не было противодействия Брифингу. Это знаменитое письмо было датировано 24 апреля 1774 года, то есть более чем через восемь месяцев после Подавления. Оно адресовано самому Святому Отцу и гласит следующее:

"Это краткое изложение - не что иное, как личное суждение. Среди прочего, что отмечает в нем наше духовенство, - это экстраординарная, одиозная и неумеренная характеристика Буллы "Pascendi Munus" святого Климента XIII, память о котором будет вечно славной и который снабдил рассматриваемую Буллу всеми надлежащими формальностями, подобающими таким документам. Краткое изложение описывает его не только как неточное, но и как "вымогательство", а не получение; в то время как оно имеет все полномочия генерального совета; поскольку оно не было обнародовано до тех пор, пока Святой Отец не проконсультировался почти со всем духовенством Церкви и всеми светскими князьями. Духовенство с общего согласия и в один голос приветствовало намерение Святого Отца и горячо умоляло его осуществить его. Книга была задумана и опубликована в манере столь же общей, сколь и торжественной. И разве это не именно то, Святой Отец, что действительно придает действенность, реальность и силу генеральному совету, а не материальному союзу нескольких людей, которые, хотя и физически объединены, могут быть очень далеки друг от друга в своих суждениях и взглядах? Что касается светских князей, то если и были те, кто не объединился с другими, чтобы выразить свое одобрение, то их число было незначительным. Ни один из них не протестовал против этого, ни один не возражал против этого, и даже те, кто в то самое время строил свои планы изгнания иезуитов, позволили опубликовать Буллу в своих владениях.

"Но поскольку дух Церкви един и неделим в ее учении об истине, мы должны заключить, что она не может учить заблуждению, когда серьезно относится к вопросу высшей важности. И все же это ввело бы нас в заблуждение, если бы оно не только провозгласило Институт Общества благочестивым и святым, но торжественно и недвусмысленно заявило: "Нам известно определенное знание, что оно распространяет повсюду и в изобилии аромат святости". Сказав это, оно наложило на этот Институт печать своего одобрения и заново подтвердило не только само Общество, но и членов, которые его составляли, функции, которые оно выполняло, доктрины, которым оно обучало, славные дела, которые оно совершало, - все это проливает на него свет, несмотря на клевету со стороны других организаций. который подвергся нападению, и бури преследований, которые были обрушены на него. Таким образом, Церковь обманула бы нас наиболее эффективно в тот раз, если бы сейчас заставила нас принять это Постановление, разрушающее Общество; а также если бы мы предположили, что это Постановление находится на том же уровне по своей законности и универсальности, что и Конституция, на которую мы ссылаемся. Мы абстрагируемся, Святой отец, от личностей, которых мы могли бы легко назвать, как светских, так и церковных, которые вмешивались в это дело. Их характер, состояние, доктрина, чувства, не говоря уже о большем, настолько мало заслуживают уважения, что оправдывают нас в выражении официального и положительного суждения о том, что Краткое изложение, разрушающее Общество Иисуса, является не чем иным, как изолированным, частным и пагубным суждением, которое не делает чести тиаре и наносит ущерб славе Церкви, а также росту и сохранению православной Веры.

"В любом случае, Святой отец, я не могу просить духовенство принять Сводку; ибо, во-первых, меня бы не послушали, если бы мне не повезло оказать помощь своему служению в ее принятии. Более того, я опозорил бы свою должность, если бы сделал это, поскольку память о недавней генеральной ассамблее, которую я имел честь созвать по просьбе Его Величества, чтобы выяснить, насколько мы нуждаемся в Обществе во Франции, его полезности, чистоте его доктрин и т.д., Слишком свежа в моей памяти, чтобы отменить свой вердикт. Возложить на себя задачу, которую вы хотите, чтобы я выполнил, значило бы нанести серьезный ущерб религии, а также бросить тень на образованность и честность прелатов, которые представили королю свое одобрение тех самых пунктов, которые сейчас осуждаются в Брифе. Более того, если это правда, что Порядок подлежит осуждению под благовидным предлогом невозможности мира, пока существует Общество, почему бы не испытать это на тех органах, которые завидуют Обществу? Вместо того, чтобы осуждать его, вы должны канонизировать его. То, что вы этого не делаете, вынуждает нас составить суждение о Кратком Изложении, которое, хотя и справедливо, не в его пользу.

"Ибо что такое тот мир, который несовместим с этим Обществом? Этот вопрос вызывает поразительные размышления, поскольку мы не в состоянии понять, каким образом подобный мотив имел силу побудить Ваше Святейшество принять столь рискованную и наносящую такой ущерб меру. Совершенно несомненно, что мир, несовместимый с существованием Общества, - это мир, который Иисус Христос называет коварным, ложным, лживым обманом. Одним словом, то, что в Брифе обозначается как мир, миром не является; *Мир, мир и не вечный мир*. Это мир, который принимают порок и распутство; это мир, который не может объединиться с добродетелью, но который, напротив, всегда был главным врагом добродетели.

"Это именно тот мир, против которого благочестивые иезуиты во всех четырех частях света объявили активную, энергичную, кровавую войну; который они довели до предела и в котором

достигли величайшего успеха. Чтобы положить конец этому миру, они посвятили свои таланты, претерпели боль и страдание. Своим рвением и красноречием они стремились перекрыть все пути, по которым этот ложный мир мог проникнуть в лоно Церкви и разорвать его; они освободили души людей от его рабства и преследовали его до самого сокровенного логова, не обращая внимания на опасность и не ожидая никакой другой награды за свою смелость, кроме ненависти к распущенным и преследования нечестивых.

"Можно привести бесконечное количество великолепных примеров их мужества в длинной череде запоминающихся достижений, которые никогда не прерывались с первого момента существования Общества до того рокового дня, когда Церковь увидела его гибель. Если этот мир не может сосуществовать с Обществом, и если восстановление этого пагубного мира является мотивом уничтожения иезуитов, тогда жертвы увенчаны славой и заканчивают свою карьеру подобно апостолам и мученикам; но честные люди встревожены этим холокостом благочестия и добродетели.

"Мир, который непримирим с Обществом, - это не тот мир, который объединяет сердца; который полезен другим; который каждый день способствует росту добродетели, благочестия и христианского милосердия; который отражает славу христианства и проливает сияние на нашу святую религию. Нет необходимости доказывать это, хотя доказательство могло бы быть приведено не несколькими примерами, которые это Общество могло бы предоставить со дня своего рождения до рокового и вечно прискорбного дня его подавления, но бесчисленным множеством фактов, которые свидетельствуют о том, что иезуиты всегда и в любом климате были сторонниками, промоутерами и неумолимыми защитниками истинного и прочного мира. Эти факты настолько очевидны, что они убеждают каждого.

"В этом письме я не претендую на то, чтобы выступать апологетом иезуитов; но я излагаю Вашему Святейшеству причины, которые в данном случае освобождают нас от повиновения. Я не буду упоминать место или время, поскольку Вашему Святейшеству легко убедиться в истинности моих высказываний. Ваше Святейшество знает о них.

Более того, Святой Отец, мы с ужасом заметили, что это разрушительное краткое изложение самым возвышенным образом восхваляет некоторых людей, чье поведение никогда не заслуживало похвалы от Климента XIII, святой памяти. Отнюдь не делая этого, он всегда считал своим долгом отстраняться от них и действовать в их отношении с самой абсолютной сдержанностью.

Такая разница в оценке неизбежно привлекает внимание ввиду того факта, что ваш предшественник не считал достойными пурпура тех, кого Ваше Святейшество, по-видимому, предназначили для славы кардинала. Твердость с одной стороны и попустительство с другой проявляются слишком явно. Но, возможно, последнему можно было бы найти оправдание, если бы не тот факт, который не был успешно замаскирован, что пером, написавшим Резюме, руководило инопланетное влияние.

"Одним словом, Святейший Отец, духовенство Франции, которое является самым образованным и самым прославленным в Святой Церкви и которое не имеет иной цели, кроме содействия славе Церкви, теперь, после глубоких размышлений, приходит к выводу, что принятие Краткого Изложения Вашего Святейшества бросит тень на славу духовенства Франции; и оно не намерено соглашаться на меры, которые в грядущие века запятнают его

славу. Отвергая Краткое Изложение и оказывая ему активное сопротивление, наше духовенство передаст потомкам великолепный пример честности и ревности к католической вере, к процветанию Церкви и особенно к чести ее Видимого Главы.

"Таковы, Святой Отец, некоторые из причин, которые побуждают нас, меня и все духовенство этого королевства, никогда не разрешать публикацию такого Краткого Отчета и доводить до сведения Вашего Святейшества, как я делаю этим настоящим письмом, что таково мое отношение и отношение всего духовенства, которое, однако, никогда не перестанет объединяться со мной в молитве к нашему Господу за священную личность Вашего Святейшества. Мы обратимся с нашими смиренными мольбами к Божественному Отцу Света, чтобы Он соизволил распространить его так обильно, чтобы можно было распознать истину, чье великолепие было затемнено".

Епископ Квебека монсеньор Бриан отказался обнародовать Сводку и сообщил некоторым своим близким друзьям, что при этом он не боится отлучения от церкви по той причине, что находится в постоянной связи с папой Климентом XIV, который одобряет его действия. С епископом был связан губернатор Карлтон, который был заинтересован в этом деле по своим личным причинам. Его соперник, генерал Амхерст, завоеватель Квебека, стремился изгнать иезуитов, чтобы сохранить их собственность для себя. Карлтон, напротив, предложил сохранить его для будущих образовательных целей. Он не мог завладеть им немедленно, поскольку договор, заключенный при конквесте, гарантировал защиту канадцев в их религии. Поэтому он не приставал к Отцам, хотя и не допускал вступления в их ряды ни новичков, ни бывших иезуитов. В результате они постепенно вымерли. Последним из всех был достопочтенный Казот, который испустил дух в 1800 году после того, как раздал все свое имущество бедным. То, что не было доступно таким образом, он передавал религиозным общинам или церквям. Реликвии Бребефа и Лалемана теперь находятся среди сокровищ Отель-Дье. Иезуитский колледж, находившийся напротив нынешнего собора базилика, был занят солдатами и сначала был известен как "Иезуитские казармы", а впоследствии как "Чеширские казармы". Позже это было убежище для бедных, пока, наконец, кардинал Ташеро не приказал снести его как небезопасное. Таким образом, судебное разбирательство не было проведено в Канаде. Иезуиты Нового Орлеана уже были изгнаны Шуазелем, и не осталось никого, кому это можно было бы прочесть.

Подавление общества на территории нынешних Соединенных Штатов представляет особый интерес для американцев, хотя оно имеет и общую ценность в том факте, что, насколько нам известно, в нем содержится единственный отчет на английском языке о том, что произошло в Бельгии несколько лет назад в качестве прелюдии ко всеобщему подавлению. Это основано на высочайшем авторитете, поскольку является личным повествованием Джона Кэрролла, основателя американской иерархии. Четырнадцатилетним мальчиком он уехал в Сент-Омерс во Французской Фландрии, а после окончания колледжа поступил в иезуитский послушничество в Ваттене, примерно в шести милях отсюда, где познакомился с несколькими своими соотечественниками, которым позже предстояло отличиться в иезуитской миссии Мэриленда. Это были Хорн, Дженкинс, Найт, Эммот и Тайрер. Был также английский иезуит Рив, чья "Библейская история" когда-то была незаменимым сокровищем в каждой католической семье.

По окончании послушничества Кэрролл был направлен изучать теологию и философию в Льеж и был рукоположен в священники в 1769 году, после того как доказал свои способности

блестящей публичной защитой по теологии. Затем он преподавал в Сент-Омерсе, а впоследствии был назначен профессором философии и теологии схоластики в Льеже. Он произнес свои четыре торжественных обета как Предполагаемый Отец 2 февраля 1771 года, чуть более чем за два года до подавления Общества. Поскольку Сент-Омер находился во Франции, иезуиты были изгнаны из него в 1764 году. То, что обитатели дома были англичанами, не имело значения. В те дни международной вежливости уделялось мало внимания. Всех выгнали, кроме отца Брауна, которому тогда было девяносто четыре года. Его оставили умирать там в одиночестве. Остальные под руководством отца Рива пересекли границу и направились в Брюгге, где власти пригласили их основать колледж.

Здесь начинается рассказанная Кэрроллом история о двуличии правительства, которая показывает, насколько сильно мотив грабежа проник во все движение подавления. Бельгия в то время находилась под властью Австрии, и правительство постоянно убеждало Отцов церкви начать строительство колледжа с большим размахом в этом месте. В полной уверенности, что их никто не побеспокоит, они потратили на первый комплекс зданий сумму в 37 000 долларов - значительную сумму по тем временам. Они бы пошли дальше, но их деньги были исчерпаны.

Во время преподавания там отца Кэрролла отправили в короткое турне по Европе в качестве наставника маленького сына лорда Стортон, английского дворянина. Он проехал через Эльзас и Лотарингию, где иезуиты все еще находились под защитой; был принят в Гейдельбергском университете и, наконец, добрался до Рима. Там, хотя и на глазах у папы римского, он был вынужден скрывать, что он иезуит, и поэтому не встречался ни с кем из своих братьев. Он повсюду видел не только позорную клевету на Общество, которая продавалась на улицах, но и книги и брошюры, осуждающие преданность Святому Сердцу Иисуса и высмеивающие церемонии Мессы. Свержение иезуитов было общей темой для разговоров, и с минуты на минуту ожидалось известие от короля Испании. Генри Стюарт, кардинал Йоркский, последний потомок Якова II, находился там в то время, но поскольку он был ярким врагом Общества, отец Кэрролл не осмелился представить ему молодого католического дворянина. Он возвращался через Францию, повсюду видел руины и, наконец, прибыл в Брюгге, чтобы принять участие в трагедии в качестве одной из жертв.

Краткое изложение было обнародовано 16 августа, и начальники двух колледжей Брюгге, воодушевленные общим ожиданием города, что их статус не будет изменен, написали письмо президенту совета в Брюсселе, предлагая свои услуги в качестве светского духовенства для продолжения образовательной работы. Ректоры были приглашены в Брюссель и заверены, что к ним будут относиться с уважением, им позволят сохранить частную собственность и обеспечат надлежащее содержание. Даже после получения Брифинга епископ Брюгге заверил их, что через несколько дней волнение пройдет и все пойдет своим чередом. Австрия, однако, уже приняла и обнародовала Сводку.

Первые уполномоченные по Подавлению с отвращением бросили эту работу. Затем ее передали грубому молодому парню по имени Маруэкс, который стремился сделать себе имя. Ему это удалось. Прибыв в колледж 20 сентября, он созвал к себе общину и приказал зачитать Краткое изложение и указ. Затем он запретил кому бы то ни было выходить из дома, или разрешил входить, или писать какие-либо письма, или руководить колледжем, или учить учеников. Он завладел бухгалтерскими книгами и начал охоту за спрятанными сокровищами. Каждого члена общины допрашивали индивидуально, приводили к присяге и приказывали

предъявить все, что у него было, даже семейные письма; "это объясняет, - говорит Ши, - почему нет никаких следов писем Кэрролла от его матери и родственников в Америке".

14 октября Маруэкс в сопровождении отряда солдат ворвался в общественные помещения и приказал отцам Энджеру, Плоудену и Кэрроллу следовать за ним. Он даже не позволил им ни на минуту зайти в свои комнаты, чтобы взять то, что им было нужно, но отправил их под охраной к повозкам, ожидавшим снаружи, и поспешил отвезти во фламандский колледж, который уже был разграблен. Там их заперли на несколько дней без возможности прилечь. Община все еще находилась там под замком. Трех из них держали в качестве заложников, а остальным было приказано покинуть страну. Так Мария Терезия позволила обращаться со своими любимыми иезуитами в обмен на те блага, которые они приносили ее империи с тех пор, как Фабер, Ле Жей, Канисиус и их великие сподвижники спасли ее от разрушения.

Совершенно убитый горем, Кэрролл направился в протестантскую Англию. Прежде чем покинуть Континент, он написал следующее трогательное письмо своему брату Дэниелу, который находился в Мэриленде. Из-за личного характера Кэрролла и его выдающегося положения в американской истории это драгоценное свидетельство любви и приязни к Обществу, а также великолепное подтверждение этого для всего мира. Оно датировано 11 сентября 1773 года.

"Я был готов занять вакантный пост префекта здешнего округа, но теперь все возможности для обсуждения исчерпаны. Враги Общества и, прежде всего, неумолимая настойчивость испанского и португальского министерств при пассивности венского двора наконец добились своего; и нашего так долго гонимого и, я должен добавить, святого Общества больше нет. Да свершится святая воля Божья, и да будет благословенно Его Имя во веки веков! Этот смертельный удар был нанесен 21 июля, но хранился в секрете в Риме до 16 августа, и мне стало известно только 5 сентября. Я еще не оправился и, возможно, никогда не оправлюсь от потрясения, вызванного этим ужасным известием. Величайшим благословением, которое, по моему мнению, я мог бы получить от Бога, была бы немедленная смерть, но если Он откажет мне в этом, пусть Его святые и восхитительные замыслы относительно меня полностью исполнятся.

"Я нахожу невозможным понять, что Божественное Провидение должно допустить такой конец для организации, всецело преданной и стремящейся с самым бескорыстным милосердием обеспечить своим ближним любое утешение и преимущества, будь то проповедью, обучением, катехизацией, миссиями, посещением больниц, тюрем и любыми другими проявлениями духовного и телесного милосердия. Такой я видел ее на каждом этапе своих путешествий - первую из всех церковных организаций, пользующуюся уважением и доверием верующих, и, безусловно, самую трудолюбивую. Что станет с нашими с вами процветающими общинами и с теми, которые культивируются немецкими отцами? Эти размышления так быстро овладевают мной, что я почти теряю рассудок. Но я постараюсь подавить их на несколько мгновений. Вы видите, что теперь я сам себе хозяин и предоставлен самому себе. Вернувшись в Мэриленд, я буду утешаться не только тем, что буду с вами, но и тем, что буду дальше от скандала и клеветы, а также вдали от сцен горя многих моих самых дорогих друзей, которым я не смогу помочь. Поэтому я наверняка отправлюсь в Мэриленд в начале следующей весны, если смогу".

На момент Подавления в Мэриленде и Пенсильвании насчитывалось девятнадцать иезуитов; поскольку это было за три года до Провозглашения независимости, они все еще были

английскими подданными. 6 октября 1773 года епископ Чаллонер, викарий Лондона, хотя Чандлери в своих "Fasti breviores" говорит, что это был Тэлбот, отправил им следующее письмо:

"Господам миссионерам в Мэриленде и Пенсильвании.

"Повинуясь приказу, который я получил из Рима, я уведомляю вас этим Приказом о полном роспуске Общества Иисуса; и посылаю вместе с этим форму заявления о вашем послушании и покорности, под которым вы все должны подписаться, как это сделали здесь ваши братья, и пришлите мне обратно формулу с подписью всех вас, поскольку я должен отослать их в Рим.

"Всегда твой,

"Ричард Деборен. Против Ап."

Попутно можно отметить, что как послание Настоятеля ряду преданных священников, в адрес которых никогда не было произнесено ни слова упрека и чьи жизни были разрушены этим официальным актом, это сообщение викария не может быть расценено как проявление чрезмерной отцовской нежности.

Формула, под которой они должны были подписаться, в английском переводе звучала следующим образом:

"Мы, нижеподписавшиеся священники-миссионеры Лондонского округа Мэриленд и Пенсильвания, до настоящего времени известные как Клерки Общества Иисуса, будучи проинформированы декларацией и публикацией Апостольского Брифа, опубликованного 21 июля 1773 года нашим Святейшим Господом Папой Климентом XIV, которым он полностью подавляет и уничтожает вышеупомянутую Конгрегацию и Общество во всем мире, и приказывает священникам полностью подчиняться правлению и авторитету епископов как части светского духовенства, мы, вышеупомянутые, полностью и искренне подчиняемся Брифу, и смиренно соглашаясь с полным подавлением указанного Общества, мы, как светские священники, полностью подчиняемся юрисдикции и правлению вышеупомянутого епископа, Апостольского викария".

В этом документе викария есть некоторые особенности, заслуживающие внимания. Во-первых, он был передан не лично заинтересованным лицам — а по почте - и, возможно, это подделка. Во-вторых, было неверно говорить, что он был издан 21 июля 1773 года. Он был подписан 21 июля, но издан только 16 августа того же года и до этой даты не имел юридической силы. В-третьих, не было никакого упоминания о возобновлении полномочий настоятелю, чей церковный характер теперь был полностью преобразован из религиозного в светский священник; и, таким образом, они были вынуждены предполагать, что они не были отстранены от должности и что их право передавать полномочия не было лишено. В-четвертых, перед Подавлением Протестов апостольский викарий предупредил Пропагандистов, что он ничего не может сделать, чтобы помочь мэрилендским миссионерам, а после Революции он категорически отказался иметь с ними какое-либо общение. Таким образом, не было никакой возможности выполнить предписание стать светскими священниками, как предписывало Краткое Изложение.

Что касается иезуитского обычая, то здесь не было никаких трудностей, потому что в Обществе нет особых привычек. Иезуиты находятся в церковном звании "регулярных

священнослужителей" и могут носить одеяние любого светского священника, точно так же, как они это делают в настоящее время во многих частях мира. Святой Франциск Ксаверий когда-то носил зеленый шелк, а в наши дни одежда английских иезуитов - это скорее академическая мантия, чем сутана. Опять же, в Мэриленде и Пенсильвании в то время не было светских священников; все миссионеры были иезуитами, и было бы трудно раздобыть какую-либо другую церковную одежду. То, что они носили, фактически использовалось только на церковных мероприятиях. Аналогичное препятствие возникло в названии. Народ продолжал признавать в них иезуитов, и было бы очень неосмотрительно публично объявлять, что они больше таковыми не являются. Однако сохранилось несколько писем, в которых иезуиты советуют своим друзьям отказаться от S. J. в своей переписке, но это не является чем-то необычным даже сейчас. Внешне жизнь этих старых мэрилендских иезуитов оставалась точно такой же, какой была всегда.

Более того, они сохранили за собой право владения своей собственностью, поскольку, в отличие от иезуитов Канады, Иллинойса и Луизианы, они владели своими поместьями на основании личного, а не корпоративного титула; и регулярно передавали их по завещанию или переходили от одного к другому. В Мэриленде поступить иначе было невозможно, поскольку английское правительство не признавало иезуитов как юридическое объединение.

Действительно, Чаллонер сообщает Талботу, что, по его мнению, обнародование Сводки в соответствии с предписаниями Папы было бы сопряжено с серьезной опасностью, и поэтому он был убежден, что метод, принятый для уничтожения иезуитов Англии и ее колоний, был единственно возможным и что Папе было бы рекомендовано поступить именно так.

Может представлять интерес жалоба одного из миссионеров Мэриленда. Автор - отец Мосли. "Я не могу думать об этом, - говорит он, - без слез на глазах. Да, дорогая Сестра, наша Организация или Фабрика распущена, членами которой являются ваши два брата; и что касается меня, то я знаю, что я недостоин, когда вижу так много достойных, святых, благочестивых, образованных, трудолюбивых миссионеров, мертвых и живых, которые были или остаются членами одной и той же организации на протяжении последних двух веков. Я не знаю ни одной нашей вины. Я убежден, что наш труд чист, праведен и искренен во славу Бога и на благо наших ближних. Что наш Верховный Судья на земле может подумать о наших трудах, для меня загадка. Это правда, что он заклеил нас позором во всем мире и объявил нас непригодными для нашего бизнеса или служения ему. О нашем распаде знает весь мир, об этом пишут в каждой газете, и мне стыдно показывать свое лицо. Поскольку нас считают непригодными для работы, мы работаем без особого энтузиазма и, что еще хуже, без каких-либо Правил.

"К моему великому сожалению, Общество упразднено, и вместе с ним должно умереть все рвение, которое было основано и воспитано в нем. Труд для нашего ближнего - удовольствие иезуита; уничтожьте иезуита, и труд станет болезненным и неприятным. Я должен признать, что то, что было моим удовольствием, теперь утомительно. Каждая усталость, которой я подвергался, вызывала тайное и внутреннее удовлетворение; теперь это неприятно. Я пренебрег этим нездоровым климатом и всеми его лихорадками, которые действительно доставляли мне удовольствие, ради своего правления. Ночь была такой же приятной, как и день; мороз и прохлада - как теплый огонь и мягкая постель; чрезмерная жара - такой же желанной, как прохладная тень или приятный ветерок, но теперь картина изменилась. Иезуит превращается не знаю во что. В моем представлении он чудовище; пугало. От радости я

подорвал свое здоровье и сломал конституцию, заботясь о своей пастве. Это был призыв иезуита; это было всей его целью и делом. Иезуита больше нет. Теперь он пытается восстановить свои жалкие остатки здоровья и пошатнувшуюся конституцию, поскольку у него нет правил, призывающих его разоблачать это.

"Джозеф Мосли, С.Дж. навсегда, как я думаю и надеюсь".

Должно быть, для апостольских викариев-иезуитов в различных иностранных миссиях было очень тяжелым испытанием быть палачами своих собственных братьев при исполнении этого указа. Одна из таких печальных сцен произошла в Нанкине, где монсеньор Лаймбекховен, С.Дж., был викарием. Он не дожил до Реставрации, так как умер в 1787 году.

ГЛАВА XX ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОДАВЛЕНИЯ

Невыполнение папского приказа о мире Церкви — Лигуори и Тануччи — Иосиф II разрушает Церковь в Австрии — Вольтерьянство в Португалии — Болезнь Климента XIV — Смерть — Обвинения в отравлении — Избрание Пия VI — Синод Пистойи — Февронианство в Австрии — Визит Пия VI к Иосифу II — Пунктуация Эмса — Испания, Сардиния, Венеция, Сицилия в оппозиции к Папе — Политический крах в Испании — Падение Помбала — Освобождение его жертв — Протест де Гусмана — Смерть Иосифа II — Занятия рассеянных иезуитов — *Theologia Wiceburgensis* — Пророчество Феллера — Борегара — Заккария — Тирабоски — Боскович — Миссионеры — Осуждение репрессий во Французской Ассамблее — Убитые во время Французской революции — Обездоленные иезуиты в Польше — Убежище в России.

Климент XIV не принес Церкви мира, как он надеялся. Напротив, в самом Святом Городе на его глазах постоянно происходили ужасные скандалы. На улицах распространялись скандально известные книги и памфлеты, направленные против Церкви, а актеры и шуты пародировали самые священные церемонии на общественных площадях. В других местах были те же условия. Тануччи, правивший Неаполем более сорока лет, продолжал свое безжалостное преследование всего святого и обогащался за счет разграбления церковной собственности. Даже святой Альфонс Лигуори не смог добиться от папы признания редемптористов конгрегацией, потому что Тануччи выступал против этого. Доктринальные взгляды, ведущие к расколу в Церкви, открыто пропагандировались в школах и университетах Австрии, несмотря на мольбы и угрозы Суверенного понтифика. Мария Терезия оказалась слабой или лживой, а ее сын Иосиф II был в сговоре с принцами Бурбонов в их разрушительной работе. В Португалии Помбал все еще свирепствовал, как дикий зверь; он заполнял школы учениками Вольтера, пренебрегал папским нунцием и держал в темных и грязных застенках членов ненавистного Ордена, который он истребил. Философы и янсенисты радовались своему триумфу и подавляли все религиозные общины и захватывали их собственность; мораль и православие Польши быстро развращались; Екатерина российская назначала епископов и учреждала епархии, как подсказывала ей фантазия, а масонские ложи множились по всей Европе. Хуже всего то, что собственная семья папы, за немногими исключениями, держалась от него в стороне и хранила молчание о том, что он сделал, в то время как многие епископы различных стран Европы и все

епископство Франции поддерживали чувства, выраженные в ужасном письме архиепископа Парижского, осуждающем Репрессии.

Невыразимо потрясенный всем этим, папа начал проявлять признаки депрессии, и все были в ужасе. Святой Альфонс Лигуори, особенно, беспокоился о нем и постоянно повторял: "Молитесь за Папу; он огорчен, ибо нигде нет ни малейшего проблеска мира для Церкви. Он молится о смерти, настолько он сокрушен скорбями, которые переполняют Церковь; он постоянно пребывает в уединении, ни с кем не встречается и не занимается никакими делами. Я слышал о нем такие вещи от тех, кто находится в Риме, которые вызвали бы у вас слезы на глазах. Его разум был неуравновешен, и один из его преемников, Пий VII, позже рассказал, что ему сказал прелат, присутствовавший при подписании рокового приказа: "Как только он поставил свою подпись на бумаге, он отбросил ручку в одну сторону, а бумагу - в другую. Он сошел с ума". До этого Пий сказал то же самое кардиналу Пакке в Фонтенбло, испытывая муки раскаяния за то, что подписал Конкордат с Наполеоном: "Я не могу выбросить из головы эту жестокую мысль. Я не могу спать по ночам, и меня преследует страх сойти с ума и кончить, как Климент XIV ". Другой писатель, получивший информацию от Григория XVI, рассказывает ту же печальную историю (де Равиньян, "Климент XIII и Клемент XIV", I, 452). Святой Альфонс Лигуори был с папой, когда тот умер, но, по словам редemptориста, это произошло "по духу", а не из-за раздвоения тела. Конец наступил 22 сентября 1774 года, через тринадцать месяцев после публикации злополучного Отчета.

Конечно, когда он умер, за границу распространился слух, что иезуиты отравили его, введя дозу *aqua toffana*, но хотя никто так и не узнал, что такое *aqua toffana*, и поскольку в то время в Риме не было иезуитов, многие, тем не менее, поверили в эту историю и привели ее как доказательство мудрости папы в подавлении беззаконной организации. Янсенисты даже причислили умершего понтифика к лику святых и распространяли удивительные романы о нетлении его тела и чудесах, которые были совершены у его могилы.

Канту в своей "Истории века Анни" говорит, что "папа, чье здоровье и разум были серьезно затронуты, умер в бреду, преследуемый призраками и умоляющий о прощении. Утверждалось, что он был отравлен иезуитами, но правда в том, что врачи не обнаружили в теле никаких следов яда. Если бы иезуиты обладали силой или желанием сделать это, можно было бы спросить, почему они не сделали этого до, а не после того, как Климент ударил их. Но страсть часто пренебрегает здравым смыслом ". Вскрытие, произведенное в присутствии большого количества людей, показало, что болезнь, от которой он скончался, возникла из-за ожогов и геморроя, от которых он страдал в течение многих лет и которые усугубились из-за чрезмерной работы и применяемой им системы искусственного потоотделения даже в летнюю жару ".

Бедный папа, прежде чем подписать Протокол, воскликнул: "Questa soppressione mi darà la morte" (это подавление убьет меня.) "После этого, - говорит Сен-Прист в своем "Chute des Jésuites", - он в агонии мерил шагами свои покои, крича: "Пощадите! Поощадите! Они заставили меня сделать это. *Принудительный уход*. Однако в последний момент к нему вернулся рассудок. Он выразил свое возмущение сделанным ему уже тогда предложением возвести в кардиналы некоторых врагов Общества и с отвращением отогнал их от своей постели.

Бернис, французский посол в Риме, написал Людовику XV, что "наместник Христа молился, как Искупитель, за своих непримиримых врагов", и намекнул, что его отравили. Зная об этом, д'Аламбер предостерег Фридриха II от подобной участи, но король ответил: "Нет ничего более

лживого, чем история об отравлении; правда в том, что он был глубоко уязвлен холодностью, проявленной кардиналами, и часто упрекал себя за то, что пожертвовал Орденом, подобным Ордену иезуитов, ради удовлетворения прихоти своих мятежных детей". Бекантини ("История Пио VI", i, 31) говорит: "В наши дни никто не верит в историю об отравлении Климента XIV. Даже Бернис, который сначала отстаивал это, впоследствии отрекся от этого." Канчеллери, один из самых выдающихся ученых Италии, отрицает этот факт; то же самое делает Гавани, злейший враг Церкви и общества. Наконец, врач апостольского дворца Сальчетто и личный врач папы Римского Адинольфи в своем официальном отчете мажордому Арчинто заявляют, что это была абсолютно естественная смерть, и объясняют, что начавшееся разложение произошло из-за чрезмерной жары, царившей в то время.

Поговаривали даже, что папа выразил главнокомандующему монастырями Марцони опасения, что тот был отравлен. После чего Марцони опубликовал следующее заявление:

"Я, нижеподписавшийся генеральный министр ордена монашествующих Святого Франциска, полностью осознаю, что своей клятвой я призываю суверенного и истинного Бога в свидетели того, что я говорю; и будучи уверенным в том, что я говорю, я сейчас без всякого стеснения и в присутствии Бога, который знает, что я не лгу, этими словами, которые являются абсолютной правдой, и которые я пишу и обводлю своей собственной рукой, клянусь и подтверждаю перед всей вселенной, что никогда, ни при каких обстоятельствах Климент XIV никогда не говорил мне ни о том, что его отравили, ни о том, что он испытывал малейшие симптомы отравления". от яда. Клянусь также, что я никогда и никому не говорил, что тот же Климент XIV заверил меня по секрету, что он был отравлен или почувствовал действие яда. Да поможет мне Бог.

"Дано в монастыре Двенадцати апостолов в Риме 27 июля 1775 года.

- Я, брат. Луи-Мария Марцони
"Генеральный министр ордена".

Таким образом, Климент XIV, далекий от того, чтобы принести мир Церкви, оставил печальное наследие своему преемнику Анджело Браски, который был избран папой 15 февраля 1775 года и принял имя Пий VI. Новый папа с болью сознавал, что была совершена ошибка, когда он подавил Орден без суда и даже без осуждения, и что это отразилось на огромном количестве понтификов, которые были безграничны в своих похвалах ему, и никто в большей степени, чем непосредственный предшественник Климента. Этот закон также дал янсенистам потрясающий инструмент в подразумеваемом одобрении их Суверенным понтификом. Они стали более агрессивными, чем когда-либо, и организовали свои силы, чтобы внедрить свои доктрины в саму Италию.

По любопытному совпадению лидер движения происходил из той же семьи, что и генерал репрессированных иезуитов: Сципио Риччи, епископ Пистойи. В гражданском мире его поддерживал великий герцог Тосканский, брат австрийского короля Иосифа II. Риччи созвал знаменитый Синод в Пистойе 31 июля 1786 года. Несомненно, 31 июля было выбрано намеренно; это был праздник святого Игнатия. На нем присутствовали 247 членов, все исключительно янсенисты и регалисты. Были одобрены четыре галликанские статьи, и среди мер было предоставление гражданской власти права создавать препятствия для брака. Он выступал за сведение всех религиозных орденов к одному; отмену вечных обетов; народную литургию; удаление из церкви всех алтарей, кроме одного, и т.д. Акты синода были

обнародованы с королевской санкции. Действительно, Пий VI оказался вынужден осудить восемьдесят пять предложений синода.

Хуже этого было февронианство Австрии, которое по своей бунтарской агрессивности выходило далеко за рамки галликанизма Франции или Италии. В нем утверждалось, что первенство Рима не имело основания во власти Христа; что папство не ограничивалось Римом, но могло быть размещено где угодно; что Рим был просто центром, с которым отдельные церкви могли быть объединены; что папская власть была просто административной и объединяющей, а не юрисдикционной; что папская власть осуждать ереси, утверждать епископские выборы, назначать коадьюторов, переводить и смещать епископов, возводить первосвятительские кафедры и т.д., - все это основывалось на Фальшивых Декреталиях. Утверждалось, что папа не может издавать никаких указов для Вселенской Церкви и что даже постановления генеральных соборов не имеют обязательной силы до тех пор, пока не будут одобрены отдельными церквями.

Напрасно Климент XIV умолял Марию Терезию остановить это движение. Она была полностью во власти своего сына Иосифа II, самые первые постановления которого запрещали получение папских указов без санкции правительства. Епископы, постановил он, не должны были обращаться к папе за получением должностей; они не могли даже давать инструкции своей собственной пастве без разрешения гражданской власти. Он учредил приходы, назначил дни поста, определил количество месс, которые нужно отслужить, и проповедей, которые нужно произнести. Он даже решал, сколько свечей следует зажигать на алтаре; он сделал брак гражданским договором и отменил церковные церемонии.

В надежде, что личное обращение может принести пользу, папа решил отправиться в Вену, чтобы умолять императора воздержаться. Он прибыл туда 22 марта 1782 года и был вежливо принят самим Иосифом, но жестоко его министром Кауницем, который запретил любому священнослужителю появляться в городе, пока там находится папа. Пий пробыл в столице месяц, и ему удалось лишь добиться обещания, что ничто не будет сделано против Веры или уважения, подобающего Святому Престолу. О том, насколько было сдержано королевское слово, можно судить по тому факту, что, сопровождая папу до монастыря Марианбрунн, Иосиф пресек это учреждение через час после того, как папа возобновил свое путешествие в Рим.

В Германии три церковных выборщика Майнца, Трева и Кельна вместе с архиепископом Зальцбурга встретились на съезде в Эмсе в 1786 году и попытались ограничить полномочия папы Римского в общении с епископами. Это собрание также было сильно янсенистским. Тридцать одна из его статей была направлена против папы Римского. Папский нунций Пакка даже не был принят архиепископом Кельна, а трое епископов-выборщиков отказались принять его верительные грамоты. Знаменитый "Эмский пунктуационный кодекс", состоящий из двадцати трех статей, провозглашал, что немецкие архиепископы независимы от Рима из-за "Ложных декреталий". Они высказались за отмену всех прямых сношений с Римом; все монастыри должны были подчиняться епископам; религиозные ордена не должны были иметь высших генералов, проживающих за пределами Германии; исключительное право Рима предоставлять факультеты было отвергнуто; Папские буллы имели силу только после того, как епископ епархии отдал своеместо; все апостольские нунциатуры должны были быть упразднены и т.д. Короче говоря, синод, или "Конгресс", как его называли, был направлен на создание раскольнической церкви. Но замечательное письмо папы к диссидентам и прогресс

Французской революции, которая в то время свирепствовала, помешали применению где бы то ни было доктрин, выдвинутых на собрании.

Испания, Сардиния, Венеция и Сицилия были участниками этого движения против Церкви, и Фердинанд IV Сицилийский заявил о праве назначения на все церковные должности, а также о праве аннулировать все папские указы, которые не получили его одобрения.

Не способствовал период Подавления и политической стабильности стран. В Неаполе, например, Тануччи был отстранен от власти, когда молодой король женился на эрцгерцогине Австрийской; так что он исчез со сцены через три года после подавления Общества. В 1798 году бурбоны бежали из Неаполя; город был захвачен толпой, которой руководил трактирщик по имени Майкл Безумец; герцог делла Торре и его брат были сожжены заживо на площади; Сенат был распущен; дворцы разграблены; была провозглашена республика, и весь полуостров Италия перешел в руки французов.

Король Испании Карл III умер в 1788 году, и ему наследовал Карл IV, которого Арнадо описывает как более слабого по характеру и способностям, чем его отца. Грубая Флорида Бланка, которая так выделялась своей жестокостью, терроризируя Климента XIV, была отстранена от должности неумелым Годоем, который объединил Испанию с Францией против Англии и вызвал Трафальгарскую катастрофу. Король был свергнут со своего трона и страны своим мятежным сыном Фердинандом, а затем возложил свою королевскую корону к ногам Наполеона Бонапарта. С тех пор в стране царит брожение, потому что ее политика наполнена идеями Французской революции и английского либерализма.

В Португалии возмездие свершилось быстрыми темпами. Помбал отстранен от власти в 1777 году после смерти короля. Он был уличен в заговоре с целью добиться того, чтобы молодой принц Бейры унаследовал трон, исключив королеву Марию. Возможно, с той же целью он пытался развязать войну с Испанией. Он захватил испанские посты в Америке, мобилизовал войска и укрепил Лиссабон, но военные действия так и не были объявлены. Первым действием королевы Марии при вступлении на престол было открытие темниц Помбала. Восемьсот человек всех сословий вышли из этих склепов, в которых некоторые из них находились восемнадцать лет без суда и следствия. Они были похожи на привидения; истощенные; с ввалившимися глазами и жуткого вида; некоторые были незрячими, многие полуголыми. Среди них было шестьдесят иезуитов. Население было настолько разъярено этим ужасным зрелищем, что Помбаль боялся выходить на улицу. Его могли разорвать на куски, и его под охраной отвезли в его загородные поместья. Отец Оливьера, духовник королевы, был представлен ко двору, и почтенный отец де Гусман обратился к общественности со следующим заявлением:

"В возрасте восьмидесяти одного года, перед тем как предстать перед трибуналом Божественного Правосудия, Джон де Гусман, последний помощник Общества Иисуса в провинциях и доминионах Португалии, считал бы себя виновным в непростительном грехе бездействия, если бы, пренебрегая возможностью обратиться к трону Вашего Величества, где царят милосердие и справедливость, он не положил к вашим ногам это смиренное прошение от имени шестисот подданных Вашего Величества, о прискорбных остатках причиненного им зла.

"Он умоляет Ваше Величество Святым Сердцем Иисуса Христа, той нежной любовью, которую Ваше Величество питает к Августейшей королеве, Его матери, и к прославленному королю Дону Педро, к принцам и принцессам королевской семьи, чтобы вы соизволили и даже приказали

пересмотреть судебный процесс над столь многими верными подданными Вашего Величества, которые были заклеены позором в глазах мира. Они стонут под обвинением в совершении бесчинств и преступлений, которые сами дикари боялись бы даже вообразить и которые ни одно человеческое сердце никогда не смогло бы постичь. Они жалуются и стонут из-за того, что их осудили, даже не предав суду, не выслушав и не позволив выступить в какую-либо защиту. Те, кто сейчас вышел из тюрьмы, все согласны в этом вопросе и единодушно подтверждают, что за все время своего заключения они даже не видели лица ни одного судьи.

Со своей стороны, ваш проситель, который сейчас обращается с этим призывом и который в течение многих лет занимал должность, на которой он мог получить глубокое представление о том, что происходило, готов самым торжественным образом поклясться, что начальство и члены испанского отделения Общества Иисуса были безупречны. Он и все остальные изгнанники готовы претерпеть страдания более суровые, чем те, которым они подвергались до сих пор, если хоть один человек когда-либо был виновен в малейшем преступлении против государства.

Более того, ваш проситель и его братья, высшие руководители Общества, были допрошены в Риме снова и снова самым тщательным образом и были признаны невиновными. Папа Пий VI, ныне великолепно правящий, ознакомился с протоколами этих расследований, и Ваше величество найдет в этом великом понтифике просвещенного свидетеля, с честностью которого ничто на земле не может сравниться; и в то же время вы найдете судью, который не мог совершить проступок, не признав себя виновным в беспрецедентном беззаконии.

"Тогда соблаговолите, ваше величество, проявить к нам милосердие, которое принадлежит вам так же, как и ваш трон; соблаговолите внять молитвам стольких несчастных, чья невиновность была доказана и которые среди своих страданий никогда не переставали быть верными подданными Вашего Величества; и которые никогда не дрогнут и ни на минуту не ослабнут в любви, которую они с детства питали к королевской семье".

Эта апелляция возымела действие. Было назначено расследование, и в октябре 1780 года начался пересмотр судебного процесса над предполагаемыми заговорщиками 1758 года. 3 апреля 1781 года суд объявил, что "все те, живые или мертвые, кто был заключен в тюрьму или казнен на основании приговора от 12 января 1759 года, были абсолютно невиновны". Сам Помбаль предстал перед судом, был признан виновным и приговорен к "примерному наказанию". Он избежал тюремного заключения из-за своего возраста, но умер от проказы 8 мая 1782 года. Его труп лежал непогребенным до тех пор, пока Общество, которое он сокрушил, тридцать один год спустя не было восстановлено на своем прежнем месте в Португалии. Одной из первых обязанностей Суда было отслужить заупокойную мессу над его останками. Подробности судебного процесса были утаены по просьбе папы римского по той причине, что в нем было замешано слишком много видных деятелей Церкви. Была и другая причина. Дух Помбала настолько пропитал правящие классы, что доклад был утаен из страха перед революцией. Действительно, королева была настолько напугана опасностью, что потеряла рассудок. Наконец, в 1807 году французская армия заняла Лиссабон, и королевская семья бежала в Бразилию. С тех пор Португалия, которая когда-то была такой великой, мало что значит в политическом мире.

Нет необходимости упоминать Францию, за исключением того, что именно Шуазель купил Корсику и таким образом отдал свою страну, которую он помог разорить, чужеземному правителю: Наполеону Бонапарту, который положил конец оргиям Революции, залив Европу

французской кровью; который заключил в тюрьму папу Римского; уничтожил династии Бурбонов везде, где только мог их найти, и заковал Францию в оковы, которые она так и не сбросила, несмотря на многочисленные смены правительств.

Когда Иосиф II Австрийский закончил свое одинокое и несчастливое существование в 1790 году, он увидел во Франции начало крушения, которому способствовал его друг Вольтер; он не дожидаясь казни своей собственной сестры Марии-Антуанетты, но произошло достаточно событий, которые наполнили его ужасом, особенно когда существование его собственной монархии оказалось под угрозой; Бельгия была потеряна; Венгрия пребывала в диком беспорядке, а другие части империи были готовы восстать. Перед смертью он написал свою собственную эпитафию. Она гласила: "Здесь покоится Иосиф II, который так и не преуспел ни в одном из своих начинаний".

Что стало с рассеянными иезуитами? Схоласты и братья-миряне, конечно, вернулись в мир, но во Франции суды с изощренной жестокостью объявили их неспособными к наследованию даже от своих собственных родителей из-за обетов, которые они дали, вступая в Общество. То, что обетов больше не существовало, не имело значения для законодателей. Что касается священников, то они были секуляризованы, и во многих местах епископы приветствовали их в качестве ректоров или профессоров колледжей и семинарий. Они были востребованы также в качестве руководителей религиозных общин, и немало из них стали епископами. Таким образом, в Америке первые два члена иерархии, Кэрролл и Нил, были старыми иезуитами, как и Лоуренс Грэссел, который был назван преемником Кэрролла, но умер до прибытия "Буллз". У Кретино-Жоли есть список из двадцати одного епископа только в Европе. Другие были призваны на епископские престолы, но в надежде на восстановление Общества они отказались от этой чести.

Мария Терезия назначила отца Уолчера имперским директором по навигации и математике; Кабрал, Леччи и Риккати были привлечены различными правительствами к инженерным работам; Цепличал был нанят Фридрихом II для разработки шахт. Венский терезианский колледж под их руководством стал одной из лучших школ в мире; и Бреслау почувствовал эффект от их помощи, как и другие колледжи, такие как Восточный в Вене, Будапештский университет, школы Майнца и различных городов Италии.

Их, должно быть, часто забавляли некоторые ситуации, в которых они оказывались. Так, например, в 1784 году парламент Лангедока, который был одним из злейших врагов Общества, собрался, чтобы организовать торжественное погребение отца-иезуита Сесана, "друга бедных", а церковные власти были заняты сбором юридической информации для его канонизации. Опять же, хотя Совет Солеза и не разрешил свое существование в Швейцарии, он воздвиг статую в честь отца-иезуита Кролланды, который всю свою жизнь избегал почестей и отличался смирением. On the pedestal was the very delightful inscription: "Pauperum patrem, ægrorum matrem, omnium fratrem, virum doctum et humillimum, in vita, in morte, in feretro suavitate sibi similem amabat, admirabatur, lugebat Solodurum." Точно так же Мария Терезия в официальном документе, датированном 1776 годом, заявила, что "движимые вниманием к блестящим добродетелям, науке, эрудиции и регулярной и образцовой жизни Жана-Теофила Дельпини; и, кроме того, размышляя о его апостольских трудах в Венгрии и княжестве Трансильвания, где, к нашему великому утешению, он вернул огромную толпу анабаптистов к истинной Вере, мы выбрали и настоящим назначаем упомянутого Теофила Дельпини, который многого заслужил от

Церкви и государства, и который поэтому очень ценен". приемлемый для нас лично на должность настоятеля храма Пресвятой Богородицы в Колос-Моностро".

Пархамер получил аналогичное звание в Австрии и Каринтии. Он был передовым сторонником того, что сейчас называется социальным служением, и использовал свое положение духовника и друга императора Франциска I для создания полезных народных учреждений, среди которых был приют для детей солдат, погибших за свою страну. Это было что-то вроде детского дома инвалидов. Дисциплина была исключительно военной, с учениями, лагерной жизнью и так далее. Иосиф II хотел сделать его епископом, но Пархамер попросил два месяца на обдумывание, и не прошло и двух месяцев, как он умер. Это было уже в 1786 году. Тем временем Мария Лечинская, королева Франции, хотела, чтобы ее исповедь выслушали только эти предписанные иезуиты, и на эту должность были выбраны два поляка, Радомивиский и Буганский. Из-за их национальности они не могли быть высланы из Франции. В Австрии отец Вальхер был занят строительством дамб для предотвращения наводнений. Отцу Кабралу, португальцу, пришлось обуздать водопад Велино, который так долго сеял хаос в городе Терни, а затем он сделал то же самое для своей собственной страны, ограничив Тежу его руслом. При этом он не помнил, что его страна держала его в изгнании восемнадцать лет. Хименес строил дороги и мосты в Тоскане и Риме. Риккати спас Венецию от наводнений, установив контроль над реками По, Адидже и Brenta, а по приказу короля Пруссии Фридриха II отец Цепличал должен был найти металлические рудники в Глатце и так далее. Все это было сверх их церковной работы, к которой их призывали все, даже папа, который подавлял их.

Знаменитый астроном Максимилиан Хелл был еще одним бездомным иезуитом того периода; и поскольку так случилось, что с самого начала астрономия всегда была в почете в Обществе, огромное количество таких людей разбросалось по миру, когда у них отобрали их собственные обсерватории. У увлеченного историка Общества Кретино-Жоли есть расширенный список их имен, а также тех, кто был замечателен в других областях науки.

"Theologia Wiceburgensis", столь популярная в современном обществе, была составлена рассеянными иезуитами, и, по словам кардинала Пакки, "в трудностях, возникших между папскими нунциями и церковными выборщиками Германии, именnobывшие иезуиты появились в списках как защитники Святого Престола, чтобы просветлять и укреплять умы верующих своими солидными и победоносными трудами". Франсуа Ксавье де Феллер принадлежал к этому периоду, и, по мнению Герлаха, историка Нидерландов, "он оказал большое влияние на Бельгийский конгресс 1790 года". Именно он возглавил наступление на жозефинизм и февронианство. Вместе с ним в этой борьбе был Франческо Антонио Заккария, который вынудил автора "Феврония" признать свои ошибки. Гийом Бертье возродил знаменитый "Журнал Треву", а Фрерон заработал репутацию "Журнала дебатов". Джироламо Тирабоски написал свою "Историю итальянской литературы", Хуан Андрес - свою "Происхождение всей литературы", Франсиско Клавиджеро продолжил свою "Историю Мексики", а Антуан де Бери-Беркастель, Франсуа де Линьи, Жан Гру, Джулио Кордара написали свои различные известные произведения. Помимо написания своей все еще популярной "Библейской истории", Рив перевел на латынь стихами большую часть поэзии Поупа, Драйдена и Янга. Список можно продолжать бесконечно. Франко-канадец Ксавье дю Плесси в те дни был знаменит на кафедрах Франции, как и Николас де Борегар, который в 1775 году поразил всю Францию своим высказыванием во время проповеди в Соборе Парижской Богоматери.

"Эти философы, - воскликнул он, - нападают на короля и религию. В их руках топор и молот. Они только ждут момента, чтобы опрокинуть алтарь и трон. Да, Господь, Твои храмы будут разграблены и разрушены, Твои праздники отменены, Твое имя объявлено вне закона. Но что я слышу? Великий Боже! что я вижу. Вместо святых песнопений, которые до сих пор звучали под этими освященными сводами, я слышу похотливые и богохульные песни. И ты, печально известное божество язычества, похотливая Венера, ты осмеливаешься прийти, чтобы занять место живого Бога, воссесть на престоле Святая Святых и принимать грешные благовония своих почитателей". Это видение было реализовано восемнадцать лет спустя.

Проповедь вызвала переполох в церкви. Проповедник был осужден как мятежник и как клеветник на свет и разум. Даже Кондорсе назвал его *лигером* и фанатиком. Тем не менее он продолжал проповедовать, и его старые соратники последовали его примеру. Во время одного Великого поста из двадцати великих проповедников шестнадцать были иезуитами.

Трое из этих бывших иезуитов особенно привлекли к себе внимание в то время в области литературы и науки: Заккария, Тирабоски и Боскович.

Франческо Антонио Заккария, чье имя иногда пишется *Zaccheria*, был венецианцем, который поступил в австрийское послушничество в 1731 году, когда ему было семнадцать. Он преподавал литературу в Горице, но впоследствии был отправлен в Рим, где очень прославился как своим красноречием, так и замечательными энциклопедическими знаниями. В 1751 году он был назначен преемником Муратори на посту герцогского библиотекаря в Модене, хотя кардинал Кирины просил о нем, и впоследствии знаменитый граф Крустиани пытался перевезти его в Мантую. Его слава была настолько велика, что самые знаменитые академии Италии занесли его имя в свои реестры. В Риме он стал литературным историографом Общества и оказал настолько большую помощь Клименту XIII в борьбе с галликанством, что папа назначил ему пенсию. Это было как раз перед подавлением Общества; когда это событие произошло, он был лишен пенсии, и после того, как часто подвергался риску быть заключенным в замок Сант-Анджело, ему было приказано не пытаться покинуть Рим. Когда Пий VI стал папой римским, жизнь Заккарии стала немного счастливее. Его пенсия была восстановлена и даже увеличена; он был назначен ректором Колледжа духовенства и вернул себе прежнюю кафедру церковной истории в Сапиенце. Он умер в 1795 году в возрасте восьмидесяти двух лет. В "Всемирной биографии" говорится, что, помимо бесчисленных рукописей, Заккария оставил сто шесть печатных книг, важнейшей из которых является "Литературная история Италии" в 14 томах октаво с дополнениями к томам IV и V. Его метод ведения читателей по литературному лабиринту заслуживает не меньшей похвалы, чем проникновенность его взглядов и хороший вкус его критики. Помимо этого литературного произведения, он писал по моральному богословию, Священному Писанию, каноническому праву, истории, нумизматике и т.д.

Джироламо Тирабоски, родившийся в Бергамо 28 декабря 1731 года, учился в иезуитской школе в Монце, а оттуда вступил в Общество. Его первой характерной работой, когда он преподавал литературу в Бергамо, было повторное редактирование латино-итальянского словаря Мандозио. Он внес так много исправлений, что это была по существу новая работа. Работая библиотекарем в Милане, он обнаружил набор ценных рукописей о подавленном ордене Унимилиати. Публикация этих рукописей. заполнил пробел в церковных анналах и укрепил репутацию Тирабоски в мире литературы. Герцог Моденский назначил его своим библиотекарем, должность, которую ранее занимал Заккария. Благодаря щедрости князей Эсте

библиотека стала литературной сокровищницей, и Тирабоски задумал собрать окружающие его богатства и написать хорошую историю итальянской литературы; задача, которая казалась непосильной для одного ума. Трудность усугублялась завистью различных итальянских государств, так что для непредвзятого суждения о достоинствах этой армии писателей требовался человек, обладающий достаточным мужеством, чтобы заткнуть уши воплям местных предрассудков. Это предполагало также глубокое знание древней и современной литературы, достаточное знакомство с искусствами и науками и достаточные навыки, чтобы не быть перегруженным массой материала, с которым ему приходилось работать. Ему потребовалось одиннадцать лет, чтобы завершить эту работу.

Испанцев раздражала "История", поскольку их обвиняли в том, что они испортили литературный вкус Италии, и три испанских иезуита яростно атаковали его по этому поводу. Тем не менее, Академия приняла экземпляр этого произведения в самых лестных выражениях. Итальянцы считали его наиболее полной историей своей литературы и памятником, воздвигнутым во славу их страны. Герцог произвел его в рыцари и назначил советником княжества. Пока он был занят этой работой, Общество было подавлено, и, подобно Босковичу и Заккарии, он не дождался его возрождения. Он умер в Модене 3 июня 1794 года.

Руджеро Джузеппе Боскович был далматинцем из Рагузы, где он родился 18 мая 1711 года. Он учился в иезуитском колледже этого города и вступил в Общество в раннем возрасте четырнадцати лет. Его отправили в Римский колледж, где его необычные литературные и философские, а также математические способности сразу привлекли внимание. Он смог занять место своего профессора математики, когда еще изучал теологию, и впоследствии с большим отличием занимал кафедру математики в течение целого поколения. Однако его склонность была в основном к астрономии, и каждый год он выпускал трактат по тому или иному предмету этой науки. Среди них можно упомянуть: "Солнечные пятна" (1736); "Прохождение Меркурия" (1737); "Северное сияние" (1738); "Применение телескопа в астрономических исследованиях" (1739); "Фигура Земли" (1739); "Движение небесных тел в неподатливой среде" (1740); "Различные эффекты тяготения" (1741); "Абerrация неподвижных звезд" (1742); и бесчисленное множество других. Иностранные и итальянские академии, в том числе Болонская, Парижская и Лондонская, приняли его в члены. Именно он первым предложил массивные колонны университетской церкви Св. Игнатий основал Обсерваторию в Риме; но Подавление Общества помешало ему осуществить этот план. Когда огромный купол собора Святого Петра начал трескаться, он успокоил всеобщую тревогу, обмотав его железными полосами. К нему обратились за советом по осушению Понтийских болот; он обследовал Папскую область по приказу Бенедикта XIV и убедил папу отозвать устаревший указ в Индексе, направленный против системы Коперника.

Когда король Португалии Иоанн V попросил десять отцов-иезуитов провести тщательное обследование Бразилии, Боскович предложил себя для выполнения трудной задачи, надеясь таким образом провести обследование в Эквадоре, чтобы получить данные для окончательного решения проблемы формы земли, которая тогда привлекала большое внимание в Англии и Франции, но папа оставил его для обследования Италии, что Боскович и сделал, и в 1755 году он опубликовал большой том в кварто с описанием этой работы. В 1748 году он уже возродил лейбницеву систему динамизма в строении тел - точку зрения, которую его собратья-иезуиты в целом отвергали. Когда этот том был выпущен, издатель добавил список предыдущих работ Босковича. Их было шестьдесят шесть, и вскоре он добавил еще три кварто по "Элементам

математики". Он даже писал стихи на латыни, в основном хвалебные речи папе Римскому и выдающимся людям, и опубликовал пять томов стихов "О недостатках солнца и Луны".

К Босковичу обратились за советом как к инженеру по перекрытию плотинами озер, угрожавших городу Лукка; и он проявил себя настолько хорошо, что был удостоен звания почетного гражданина, а впоследствии были оплачены его расходы на научные исследования в Италии, Франции и Англии. Он разрешил спор между своим родным городом и королем Франции. Он отправился с венецианским послом в Константинополь, чтобы завершить свои археологические исследования, но это путешествие серьезно подорвало его здоровье. Затем он принял назначение профессором математики в Университете Павии и помог основать обсерваторию Брера в Милане, которая вместе с обсерваторией Романо является одной из самых известных в Италии. Лондонская академия хотела отправить его в Калифорнию в 1769 году для наблюдения за прохождением Венеры, но противодействие иезуитам, которое четыре года спустя привело к их подавлению, привело к тому, что приглашение было отозвано. Затем Людовик XV вызвал его во Францию, где он был назначен директором отдела оптики военно-морского флота с жалованьем в 8000 франков. Он занимал эту должность до 1783 года, то есть через десять лет после того, как Общество Иисуса прекратило свое существование. Затем он отправился в Италию, чтобы опубликовать еще пять книг, и в возрасте восьмидесяти шести лет удалился в монастырь монахов Валломброзо. Из-за его больших способностей, или, скорее, из-за того, что он был иезуитом, он подвергся ожесточенным нападениям со стороны Кондорсе, д'Аламбера и других неверных Франции.

Больгени, умерший в 1811 году, был отправлен в тюрьму Пием VI в знак признания его заслуг в борьбе с янсенизмом и жозефинизмом. Однако, к сожалению, он выступал за принятие какого-то плана Наполеона, за что папа Пий VII отстранил его от должности и вызвал на его место отца Муццарелли из Пармы. В 1809 году, когда Пий VII был сослан, Муццарелли поехал с ним в Париж или, по крайней мере, последовал вскоре после этого. Его работа "Правильное использование разума в религии" составила одиннадцать томов, помимо которых он выпустил другие книги против Руссо и несколько благочестивых трактатов, таких как "Месяц май", который был переведен на многие языки.

Возможно, определенное количество миссионеров осталось со своими неофитами, потому что они были слишком далеки, чтобы до них можно было дотянуться. Другие, которые не были преданы королю, отдавшему приказ об изгнании, не обратили на это внимания, как, например, английский король, принявший мученическую смерть в Сиаме после Подавления; или ирландец О'Рейли, похоронивший себя в лесах Гвианы со своими дикарями; Пуаро содержался при пекинском дворе в качестве императорского музыканта; а Бенуа построил фонтаны для императорских садов, изобрел знаменитый водяной кран, который выпускал воду изо рта животных по два часа для каждого животного, таким образом, в течение двадцати минут. четыре часа в день; он проводил астрономические наблюдения, делал гравюры на медных пластинах с картами и так далее и, наконец, умер от апоплексического удара в 1774 году, через год после того, как Климент XIV распустил Общество. Галлерштейн, имперский астроном, тоже был там, ожидая известий о надвигающейся катастрофе.

Б. Н. в книге "Иезуиты; их история и основание" (II, 274) и Кретино-Жоли заявляют, что на генеральном уровне, созданном в Париже в начале революции, было четверо запрещенных иезуитов: Дельфо, де Розавен, Сан-Эставан и Аллен. Конечно, Розавен в данном случае был не

тем Джоном Розавеном, который стал таким известным позже. В 1789 году Джону было всего восемнадцать лет. На заседании 19 февраля 1790 года знаменитый аббат Грегуар, который впоследствии стал конституционным епископом Луары и Шера, поразил собрание, выкрикнув: "Среди сотен тысяч неприятностей старого правительства, чья рука была так тяжела для Франции, мы должны поместить подавление знаменитого ордена иезуитов". Заместитель шерифа Лави также потребовал справедливости в их пользу. Протестант Барнав заявил, что "первым актом нашей новой свободы должно стать исправление несправедливостей деспотизма; и поэтому я предлагаю поправку в пользу иезуитов". "У них есть, - сказал следующий оратор, аббат де Монтескью, - право на ваше великодушие. Вы не откажете в справедливости этому знаменитому Обществу, в колледжах которого некоторые из вас учились; чьи ошибки мы не можем понять, но чьи страдания были ожидаемы".

Высказываниям ораторов восторженно аплодировали, но все это было забыто по мере того, как ужасная Революция шла своим чередом. Иезуиты, как и другие священники, были отправлены на гильотину; но поскольку сейчас не сохранилось никаких записей, невозможно выяснить, сколько человек было казнено. Однако из "Мучеников" Леклерка мы узнаем, что только в Париже их было одиннадцать: Дюперрон, Бенуа, Боннан, Кекс, Фритейр, дю Роше, Ланфан, Виллекроэн, Ле Ге, Руссо и Секунданты. Кретино-Жоли добавляет к этому списку двух Рошфуко; Дюло, который был архиепископом Арле; Дельфо; Миллу; Ганьер; Ле Ливек; еще одного Дю Роше; Вурла; Дю Рура; Рушона; Тома; Андрие и Веррона; всего их двадцать пять. В "Преступлениях Революции" есть два тома с именами осужденных во всех частях Франции, но поскольку церковные жертвы описываются просто как "священники", невозможно выяснить, сколько иезуитов было среди них. Двадцать пять, однако, хороший показатель для одного города. Вероятно, пропорция была такой же и в других местах.

Старые иезуиты снова появляются на мгновение в Испании, когда в 1800 году Карл IV отозвал их. Когда они прибыли, в Андалусии бушевал мор, и они немедленно погрузились в работу по уходу за больными. Двадцать семь иезуитов погибли при исполнении этого акта милосердия; но правительство вскоре забыло об этом и снова отправило в изгнание людей, к которым они обратились за помощью. В Австрии они остались в колледжах в качестве светских священников. Во Фрибурге, Люцерне и Солере люди настаивали на сохранении колледжей. В Китае они цеплялись за свои миссии до прибытия лазаристов в 1783 году. В Португальской Индии, еще до Подавления, они были насильственно изгнаны, и то же самое происходило в Южной Америке, где правила Португалия. Испанские миссии как в Южной, так и в Северной Америке также были отняты у них. В Турции французский посол Сен-Прист настоял на том, чтобы они остались на своих постах в Константинополе из-за их успехов в борьбе с мусульманами и раскольниками. Как мы видели, когда миссионеры понадобились в смертоносных лесах Французской Гвианы, правительству хватило бесстыдства попросить португальских иезуитов посвятить себя этой работе; и просьба была удовлетворена. Их также умоляли остаться во Французской Индии.

Говоря о Бразилии, Саути говорит (III): "Столетия не исправят зла, причиненного их внезапным изгнанием. Они были защитниками преследуемой расы; поборниками милосердия, основателями цивилизации; и их терпение при незаслуженных страданиях составляет не самую

почетную часть их характера ". То, что Саути говорит о Бразилии, применимо к Парагваю, Чили и другим миссиям.

Монтукла в своей "Истории математики" рассказывает нам, что отец Халлерштейн, председатель астрономического трибунала в Китае, слушавший дело о подавлении, умер от потрясения, как и двое его выдающихся товарищей. История, рассказанная протестантским историком Кристофером де Мюрром в его "Дневнике", также иллюстрирует общее настроение людей в этой сложной ситуации. Как он сообщает нам, незадолго до Подавления восстания французский правительственный корабль отправился из Марселя в Пекин с четырьмя иезуитами на борту. Один был художником, другой врачом, а двое других были математиками. Все они должны были входить в личную свиту китайского императора. Это были австрийцы из Тироля, но Франция, которая несколько лет назад изгнала французских иезуитов, посылала этих иностранных иезуитов представлять ее интересы и продвигать интересы науки при китайском дворе. Они отплыли в июле 1773 года, и им не было сказано ни слова о всеобщем Подавлении, которое, как прекрасно знал Шуазель, вскоре должно было произойти. Архиепископ Парижа де Бомон предупредил их о том, что витает в воздухе, но они не могли поверить, что это возможно, и поэтому отправились на Дальний Восток.

После утомительного четырехмесячного путешествия они прибыли в Макао. Тем временем Отчет был опубликован, и епископ Макао, приспешник Помбала, поспешил сообщить им об этом факте. Если бы он промолчал, не возникло бы никаких трудностей с продолжением поездки в Пекин и их последующим положением при дворе, поскольку Сводка не вступала в силу до тех пор, пока не была обнародована. Но как только они узнали об этом, бедняги оказались перед дилеммой. Не прислушаться к приглашению китайского императора означало смерть, если бы он ухватился за них; но, с другой стороны, отправиться в Китай, не имея права отслужить мессу, проповедовать или выслушать исповедь, а именно в качестве отстраненного от должности священника, было немыслимо. В течение трех дней несчастные странники с болью в сердце изучали проблему и, наконец, решили рискнуть быть схваченными китайцами с последующим смертным приговором. Они расселись по разным кораблям и таким образом вернулись в Европу. Кстати, это служит доказательством того, что иезуиты отправились в Китай не для того, чтобы стать мандаринами, как утверждали некоторые из их врагов. Они принимали оказанные им почести, но только для того, чтобы помочь им в их апостольской работе.

Впоследствии выяснилось, что этим беднякам повезло бы больше, если бы они продолжили свое путешествие в Китай вместо возвращения в Европу. Обнародование Брифа и соблюдение всех юридических тонкостей, связанных с его исполнением, было практически невозможно в Китае, и поэтому мы находим письмо отца Буржуа из Пекина своему другу Дюпре во Францию, датированное 15 мая 1775 года, в котором сообщается, что "Бриф уже в пути". Он был выпущен двумя годами ранее. Конечно, Буржуа в слезах из-за предстоящего бедствия и говорит своему другу: "Сейчас у меня нет ничего, кроме вечности, и это не за горами. Счастливы те из нас, кто с Игнатием, Ксаверием и Алоизиусом Гонзагой и бесчисленной толпой святых, которые следуют за Агнцем под славным знаменем Имени Иисуса".

Кретино-Жоли обнаружил еще одно письмо от итальянского брата-мирянина по имени Панци, который написал на восемнадцать месяцев позже Буржуа. Оно датировано 11 ноября 1776 года. В нем он говорит, что "миссионеры были уведомлены о Булле о Подавлении (он не уточняет, каким образом), тем не менее они живут вместе в одном доме, под одной крышей и едят за

одним столом". Очевидно, в обнародовании "Буллы" или Брифа был какой-то изъян. Брат продолжает говорить, что "Отцы проповедуют, исповедуют, крестят, сохраняют владение своей собственностью точно так же, как и раньше. Никто не был задержан или временно отстранен от работы по той причине, что в такой стране, как эта, было бы невозможно поступить иначе. Все это делается с разрешения епископа Нанкина, которому мы подчиняемся. Если бы здесь придерживались того же курса, что и в некоторых частях Европы, это положило бы конец не только миссиям, но и всей религии, не говоря уже о большом скандале для китайских христиан, которые не могли быть обеспечены и которые отказались бы от Веры.

"Благодарение Богу, наша святая Миссия продвигается успешно, и в настоящее время все очень спокойно. Число обращенных увеличивается с каждым днем. Отец Долльер привел с собой целое племя, которое живет в горах в двух днях пути от Пекина. Император пока не проявляет никаких признаков принятия католической веры, но он защищает ее повсюду в своих обширных владениях, как и другие великие люди Империи. Я все еще занимаюсь живописью. Я рад, что делаю это для Бога; и я полон решимости жить в этой святой миссии до тех пор, пока Бог не пожелает забрать меня к себе".

Примерно в это же время Отцы Церкви обратились с совместным письмом к кардиналу де Бернису, послу Франции в Риме, который проявил столь заметную активность в том, что добился от Климента XIV Запрета на въезд в Рим и распространил клевету об отравлении папы.

"Не могли бы вы, ваше высокопреосвященство, - говорится в документе, - взглянуть на прилагаемый отчет о нынешнем состоянии французских миссий в Китае и Индии, о котором просила Святая Конгрегация распространения веры. На эти миссии, как вы знаете, его величество направил большие суммы денег и большое количество своих подданных, зная, что интересы Франции связаны с интересами религии, и продвижение последней было тем, что он имел в виду главным образом. Вам будет приятно узнать, что китайскому императору доставляет большое удовольствие нанимать этих французских миссионеров в свой дворец; он часто берет их с собой в свои путешествия по империи и использует для составления карт страны, которые оказывают ему неоценимую услугу. С другой стороны, миссионеры, из-за уважения, которым они пользуются, используют все свое влияние, чтобы предотвратить преследование христиан, и преуспели в получении благосклонности европейцев и особенно французов, прибывающих в Кантон, защищая их от неприятностей, которым они подвергаются. Кроме того, некоторые из Отцов Церкви поддерживают переписку с Парижской академией наук, а также с государственными министрами и посылают им результаты своих астрономических наблюдений и своих открытий в ботанике, естественной истории, короче говоря, все, что может способствовать развитию науки и искусства.

"Король и его министры в последние несколько лет предоставляли бесплатный проезд отцам Церкви, которые направляются сюда, во французские миссии в Индии, и это заслуженно, поскольку эти миссионеры часто оказывали важные услуги Франции, и по этой причине Верховный совет Пондишери выступил в их защиту от постановлений парламента Парижа, который направил сюда офицеров для захвата небольшого имущества, которым мы владеем. Власти Пондишери согласились только на то, что Отцы могли бы внести небольшие изменения в свою сутану и называться "господами миссионерами Малабара". Именно в соответствии с этим соглашением мы продолжаем выполнять наши функции под юрисдикцией епископа. Мы единственные, кто понимает очень сложный язык страны, и, кажется, нет никаких причин, по

которым мы не должны оставаться такими, какие мы есть. Помимо этих двух миссий, в Леванте есть еще две: одна в Греции, другая в Сирии. Они всегда были и до сих пор находятся под защитой Франции. Месье шевалье де Сен-Прист, который является послом в Турции, сказал по прибытии в Константинополь, что король недвусмысленно рекомендовал ему французские миссии и приказал ему заверить Отцов Церкви в продолжении его защиты".

О миссиях в Индостане, возможно, будет полезно процитировать здесь высказывание месье Перрена из миссии Этранж, который отправился в Индию через три года после уничтожения миссий иезуитов в тех краях. "Меня нельзя заподозрить, когда я восхваляю этих Отцов. Я никогда не был связан с ними. Действительно, они уже вымерли как единое целое, когда Провидение поставило меня перед счастливой необходимостью иметь дело с некоторыми из бывших членов. Я принадлежал к ассоциации, которая вела длительные и иногда очень оживленные споры с отцами-иезуитами, которые могли бы считать нас своими врагами, если бы христиане были способны испытывать такое чувство; но я чувствую себя обязанным сказать, что, несмотря на эти дискуссии, мы всегда питали друг к другу высочайшее уважение, и настоящим я бросаю вызов самому дерзкому клеветнику, доказывающему, что Обществу Иисуса когда-либо приходилось краснеть за поведение кого-либо из своих малабарских миссионеров либо в Пондишери, либо во внутренних районах страны. Все они были созданы рукой добродетели, и от них веяло добродетелью в их поведении и проповедях". (Voyage dans l'Indostan, II, 261.)

Среди французских иезуитов в Китае отец Амио был замечен. Ланглес, французский академик, который был послом в Китае, посвятил ему перевод книги Холма "Путешествия по Китаю", в котором иезуит описывается как "Апостольский миссионер в Пекине, корреспондент Академии надписей и художественной литературы; неутомимый ученый, глубоко сведущий в знаниях и истории наук, искусств и языка Китая и ярый пропагандист татаро-маньчжурского языка и литературы". С Амиотом был отец Жозеф д'Эспинья, который был президентом императорского трибунала астрономии и одновременно администратором Пекинской епархии. Отцы де Роша и Родригес председательствовали в математическом трибунале, а отец Шелбарт заменил Кастильоне на посту главного художника императора; были и другие иезуиты, которые проповедовали евангелие в различных провинциях страны под руководством Ординарца.

Такое положение вещей продолжалось десять лет, и только тогда встал вопрос о передаче этой работы лазаристам. Так, в письме отца Буржуа, о котором мы уже говорили, он говорит: "они передали нашу миссию отцам-лазаристам". Письмо датировано 15 ноября 1783 года, то есть через десять лет после подавления Общества. "Они должны были приехать в прошлом году", - продолжает автор.; "Придут ли они в этом году? Они прекрасные люди, и они могут быть уверены, что я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь им и привести их в хорошую форму". Только в 1785 году лазарист, отец Раукс, возглавил Пекинскую миссию, а в 1788 году, три года спустя, Буржуа смог сказать отцу Борегару, который ухитрился остаться в Париже, несмотря на революцию: "Наши преемники-миссионеры - люди достойные, замечательные добродетелью, талантом и утонченностью. Мы живем вместе, как братья, и таким образом Господь утешает нас в утрате нашей доброй матери, Общества, которое мы никогда не сможем забыть. Ничто не может вырвать эту любовь из наших сердец, и поэтому каждое мгновение мы должны смиряться с обрушившимся на нас бедствием. Между тем в нашем доме трудно сказать, живут ли лазаристы как иезуиты или иезуиты любят лазаристов".

Старые и немощные иезуиты, которые были бездомными и не могли найти церковной работы, сильно страдали. Они стали жалкими объектами благотворительности. Заленский в "Les Jésuites de la Russie Blanche" (I, 77) приводит пример этого в обращении к королю Польши ста пяти из этих отверженных, многие из которых были выдающимися профессорами в великолепных колледжах страны. Им были предоставлены жалкие гроши из их собственного имущества в качестве пенсии, но даже их часто не получали. Напомнив Его Величеству, что эта пенсия была гарантирована им Церковью, их страной и Верховным Понтификом, и что пособие выплачивается из их собственного имущества; и причитается им по естественному закону; а также что необходимая сумма с каждым днем уменьшается из-за большого числа умирающих среди них, они умоляюще спросили его: "Неужели Польша, так долго известная своей гуманностью, будет жестока только к нам; позволишь ли ты нам, помазанникам Господним, старым учителям польской молодежи, просить милостыню на улицах, в нашей одежде, испорченной?" в лохмотьях и подвергается оскорблениям; допустите ли вы, чтобы наши слезы и наши вопли, которые мы вынуждены исторгать из-за горя и заброшенности, до которых мы доведены, усугубляли страдания нашей страны; допустите ли вы, чтобы нашу страну обвиняли в бесчеловечности и оскорбляли из-за того, что она удерживает нашу пенсию? Для нас достаточно печально потерять Общество, самое дорогое и близкое нашему сердцу в этой жизни, не добавив к этому новых страданий. Разве вы не должны сжалиться над нашей судьбой и назначить нам пенсию? Не сведи нас в могилу с этим новым горем". Были ли услышаны их молитвы или нет мы не знаем. Однако, поскольку кардинал Паллавичини называет короля "нечестивым и инертным", весьма вероятно, что бедных стариков оставили умирать с голоду.

Совершенно неожиданно протестант Фридрих Великий из Пруссии и раскольник Екатерина II из России настояли на том, чтобы иметь столько иезуитов, сколько они могли получить для образовательной работы в своих соответствующих областях. Поскольку ни один из монархов не разрешал зачитывать Папскую грамоту в странах, которыми они управляли, туда стекалось множество изгнанников из различных частей Европы. Были предприняты попытки обнародовать Сводку в обеих странах, но безуспешно, поскольку Екатерина, так же как и Фридрих, отрицали какие-либо права папы в отношении них; и ни один из них не прислушался ни к какой просьбе иезуитов опубликовать ее. Им было велено хранить молчание. Конечно, их враги осуждали их за то, что они приняли эту неортодоксальную защиту; но ее обвиняли почти во всем, поэтому они продолжали свою работу, благодаря Богу за неожиданное убежище и прекрасно зная, что Климент XIV был не прочь сохранить жизнь некоторым жертвам.

ГЛАВА XXI

РОССИЙСКИЙ КОНТИНГЕНТ

Фридрих Великий и "Философы" — Защита иезуитов — Смерть Вольтера — Екатерина Российская — Четыре колледжа — Императрица в Полоцке — Иосиф II в Могилеве — Арчетти — Барон Гримм — Черневич и послушники — Согласие Пия VI — Потемкин — Сестренцевич — Генеральная конгрегация — Бениславский — "Одобрение; *Approbo*" — Вступление бывших иезуитов. Грубер и император Павел — Александр I — Миссии в России.

Еще до всеобщего подавления Общества Фридрих II Прусский поверг в шок европейских политиков и своих друзей - *философов* Франции, приняв изгнанных иезуитов в свои владения и наняв их в качестве учителей. Поэтому д'Аламбер написал с протестом; хотя на первый взгляд кажется, что он одобряет действия короля, его оскорбительный тон, когда он говорит о папе, раскрывает враждебность этого врага Бога. Оно гласило следующее:

- Говорят, что Кордельер Ганганелли не обещает Обществу Иисуса спелых груш и что святой Франциск, скорее всего, убьет святого Игнатия. Мне кажется, что Святой отец, каким бы Кордельером он ни был, поступил бы очень глупо, распустив свой гвардейский полк в угоду католическим князьям. Такой договор был бы очень похож на договор между овцами и волками, первая статья которого гласила, что овцы должны отдавать своих собак волкам. Но в любом случае, сир, это будет любопытное положение дел, если в то время, как самые христианские, Самые католические, Самые апостольские и самые верные короли уничтожают гренадеров Святого Престола, ваше Самое еретическое Величество будет единственным, кто защитит их ". Немного позже он пишет: "Я уверен, что папе-кордельеру придется изрядно потрепать его за рукав, чтобы заставить упразднить иезуитов. Я не удивлен. Предложить папе уничтожить этот храбрый отряд - все равно что просить Ваше величество распустить вашу личную охрану".

Д'Аламбер вел двойную игру. Он, как никто другой, стремился добиться Подавления этого Закона, и 3 апреля 1770 года Фредерик написал ему, что "Философией, которая была так популярна в этом столетии, хвастаются более нагло, чем когда-либо. Но какого прогресса она достигла? "Она изгнала иезуитов", - говорите вы мне. Согласен, но я докажу, если вы хотите, чтобы я это сделал, что все началось с тщеславия, злобы, коварства и эгоизма ".

7 июля 1770 года Фредерик написал Вольтеру: "Добрый кордельер Ватикана разрешает мне оставить у себя моих дорогих иезуитов, которых они повсюду преследуют. Я буду беречь драгоценное семя, чтобы когда-нибудь передать его тем, кто, возможно, захочет выращивать это редкое растение в своих странах ". Фридрих аннексировал Силезию, которая была полностью католической, в то время как та часть Польши, которая была выделена ему во время раздела, оставалась верующей лишь наполовину. Чтобы удовлетворить их и сохранить мир, он подумал, что не может сделать ничего лучшего, чем попросить иезуитов позаботиться об образовании молодежи этих стран, "пусть *философы* протестуют против этого, как только могут". Поэтому 4 декабря 1772 года он написал д'Аламберу: "Я принял посла от генерала игнатианцев, просившего меня открыто объявить себя защитником Ордена; но я ответил, что, когда Людовик XV счел нужным подавить полк Фицджермса (янсенистов), я не думал, что смогу заступиться за этот корпус; и более того, папа вполне способен осуществить такую реформу, не привлекая к этому еретиков".

Иезуит по имени Пинто действительно явился к Фредерику, чтобы попросить его о защите, но у него не было на это ордера. Кто-то в Риме предложил это, и Мария Терезия поддержала его в этом предприятии. Узнав об этом, генерал сделал очень строгий выговор послу-добровольцу, и это избавило отца Пинто от должности. Больше о нем ничего не было слышно.

Фредерик показал себя очень энергичным защитником Общества. Когда Отчет был опубликован, он издал следующий указ: "Мы, Фридрих Милостью Божьей, король Пруссии, всем и каждому из наших подданных приветствуем:

"Поскольку вам уже сообщили, что вам не разрешается распространять какие-либо Буллы или Записки Папы Римского без нашего одобрения, мы не сомневаемся, что вы подчинитесь этому общему порядку, на случай, если сообщение о том, что Папа подавляет Общество Иисуса, поступит в какой-либо департамент в пределах вашей юрисдикции. Тем не менее, мы сочли необходимым напомнить вам об этом, и поскольку в соответствии с датой Берлина, шестого числа этого месяца, мы решили, по причинам, побуждающим нас к этому, что это уничтожение Общества, которое недавно произошло, не должно быть опубликовано в наших штатах, мы милостиво предписываем вам принять все необходимые меры в вашем округе для подавления вышеупомянутой Буллы Папы Римского; с этой целью вы от нашего имени, как только получите это сообщение, издадите четкий приказ, под страхом строгого наказания, всем священнослужителям вашей страны. римско-католической религии, проживающей на вашей территории, запрещается публиковать вышеупомянутую Буллу, аннулирующую Общество Иисуса. Вам приказано тщательно следить за исполнением этого приказа и немедленно информировать нас на случай, если какие-либо высокопоставленные иностранные священнослужители попытаются тайно ввезти в наше королевство Булл такого рода ".

Этот мандат имел целью защиту иезуитов, находившихся в его владениях; поскольку каноническое право сделало обнародование Сводки обязательным условием подавления, из этого следовало, что иезуиты в Пруссии могли добросовестно продолжать жить там как иезуиты. Действительно, король ранее уведомил Папу о том, что таков будет его план действий, и депеша с автографом прусскому представителю в Риме, датированная Потсдамом 13 сентября 1773 года, гласит следующее: "Аббат Колумбини: Вы скажете всем, кого это может касаться, но без какой-либо показухи или наигранности, и действительно, вы попытаетесь найти возможность естественным образом сообщить как Папе, так и его премьер-министру, что в отношении дела иезуитов я принимаю решение оставить их в моих Штатах такими, какими они были до сих пор". . Бреслауским мирным договором я гарантировал *statu quo* католической религии, и я не нашел священников лучше, чем они, во всех отношениях. Вы добавите, что, поскольку я еретик, папа не может освободить меня ни от обязанности сдерживать свое слово, ни от аннулирования моих обязательств как честного человека".

Последняя фраза, конечно, очень обидная, но ничего не поделаешь. Она принадлежала королю. Когда д'Аламбер услышал об этом письме, он раскрыл свое истинное лицо и предупредил Фредерика, что пожалеет об этом, напомнив ему, что во время Силезской войны иезуиты были против него; иными словами, силезские иезуиты были верны Силезии. Фредерик ответил 7 января 1774 года: "Вам не нужно беспокоиться за мою безопасность. Мне нечего бояться иезуитов; они могут учить молодежь страны, и у них это получается лучше, чем у кого-либо другого. Это правда, что они были на другой стороне во время войны, но, как философ, вы не должны упрекать меня в том, что я добр и гуманен по отношению к каждому представителю человеческого рода, к какой бы религии или обществу он ни принадлежал. Старайтесь быть больше философом и меньше метафизиком. Добрые поступки приносят обществу больше пользы, чем самые тонкие системы и самые экстравагантные открытия, в которых, вообще говоря, разум блуждает безудержно, так и не найдя истины. В любом случае, я не единственный, кто защищал иезуитов. Англичане и российская императрица сделали то же самое ". Эта переписка с д'Аламбером продолжалась около года; и в 1777 году, когда Вольтер умирал, король написал ему письмо, советуя вспомнить свои старые школьные годы в Луи-ле-Гран. "Вспомни отца Турнемина, который был твоей кормилицей и напоил тебя сладким

молоком Муз. Смирись с Порядком, который в прошлом столетии дал Франции ее величайших людей". Судя по всему, Вольтер не последовал совету своего царственного друга.

Политики Испании были особенно раздражены этим поступком Фридриха, но он не обратил внимания на их гнев. Говорят даже, что папа приказал своему нунцию в Варшаве отстранить всех иезуитов в Пруссии от их церковных и педагогических функций и что к королю была обращена просьба сделать это *для проформы* с обещанием немедленно снять запрет - предложение, которое кажется слишком глупым, чтобы когда-либо делалось всерьез. Но когда умер Климент XIV, Пий VI после нескольких формальных протестов, чтобы не раздражать другие державы, дал понять, что он не недоволен статусом иезуитов в Пруссии, и он не только написал в этом смысле Фридриху, но и призвал его продолжать защищать отверженных. После чего Фридрих отправил следующее письмо настоятелю Бреслау. Оно датировано 27 сентября 1775 года:

"Достопочтенный, дорогой и верный Отец: Новый понтифик заявил, что он оставляет за мной выбор наиболее подходящих средств для сохранения ордена иезуитов в моем королевстве, и что он не будет чинить препятствий на моем пути никакими заявлениями о нарушениях, вследствие чего я предписал моим епископам оставить ваш Институт *in statu quo* и не беспокоить никого из ваших членов или отказывать в рукоположении кого-либо из ваших кандидатов в священники. Поэтому вы будете соблюдать это соглашение и посоветуете своим собратьям поступить так же".

До смерти епископа Кульмского Байера, который был верным другом Отцов Церкви, на горизонте не было ни облачка; но ему наследовал епископ Гогенцоттен, принадлежавший к Бранденбургскому дому. Он был чрезвычайно дружелюбен до своего назначения епископом, но сразу после этого посоветовал королю секуляризовать иезуитов и запретить учреждение послушничества. Король, однако, не пошел ни на что большее, чем разрешить им одеваться как светским священникам, и до его смерти в 1786 году они продолжали жить общиной под названием "Священники Королевского института". Его преемник не был столь великодушен, поскольку он конфисковал все доходы домов и таким образом положил конец их существованию в Пруссии, и они, как и их собратья в других местах, встали на путь изгнания. Некоторые присоединились к светскому духовенству, а другие отправились в Россию.

Еще более удивительным было покровительство, оказанное им ужасной российской императрицей Екатериной II. Действительно, именно она сделала возможным неразрывное сохранение связи между старым и новым обществом. С другой стороны, немало фарисеев упрекали Общество за то, что оно приняло защиту этой императорской тигрицы. По той же причине они могли бы придраться к Даниилу во рву Льва. Он не мог выбраться из этого; и животные были добрее, чем люди на земле.

Екатерина Российская была не русской, а пруссачкой. Ее звали София Августа Ангальт-Цербстская. Она и ее несчастный муж были усыновлены царицей Елизаветой в качестве ее преемников на императорском троне России при условии, что они сменят свое имя и религию. Ни с тем, ни с другим не было никаких трудностей, особенно с последним. Согласно Олифанту, Колю, Деллингеру и другим, которые описали состояние империи таким, каким оно было примерно сорок лет спустя, шестнадцать миллионов, или примерно четверть всего населения России, не исповедовали греческую веру. Образованные классы не заботились и не делали вид, что заботятся о государственной религии. Из торговых классов, большинства их служащих

и земельной аристократии ушла всякая вера. Крестьяне были разделены примерно на пятьдесят сект, и ненависть и презрение друг к другу, а также вражда всех них к православной Церкви были крайними. Ни один из двух русских епископов не имел духовной зависимости или связи с кем-либо другим. Они были просто наемными чиновниками общего хозяина, который назначал, унижал или увольнял их по своему усмотрению. Де Местр, который жил в России примерно в то время, говорит. "Слова "Восточная церковь" или "Греческая церковь" не имеют никакого значения". "Я не признаю, - сказал Петр Великий, - никакого другого законного Патриарха, кроме папы Римского. Поскольку вы не хотите повиноваться ему, вы должны повиноваться только мне. Вот ваш папа". На этой основе была построена Русская церковь.

Строго говоря, иезуиты не въезжали в Россию, а просто останавливались в своих старых заведениях, которые все еще были польскими, хотя географически назывались Россией. Тем не менее, с собственно Россией у них уже было значительное знакомство. Таким образом, еще в 1612 году отец Сгода позволил татарам увезти себя в Крым, чтобы проповедовать евангелие казакам. Позже отец Шмидт появился при дворе Петра Великого в качестве капеллана австрийского посольства. В 1685 году отец Дебуа привез царю письмо от папы Иннокентия XI, а в 1687 году отец Вота, воодушевленный несколькими известными русскими богословами, набрался смелости предложить Петру Великому союз с Римом. Сестра Петра Софья благосклонно отнеслась к проекту, и момент казался благоприятным, но группа монахов-фанатиков, поддержанных патриархом, яростно осудила этот план, и он был отменен. Однако в Москве была основана школа, но когда Софья умерла, Петр изгнал Отцов. Однако в 1691 году он пришел в лучшее расположение духа и разрешил московским католикам построить церковь и пригласить иезуитов взять на себя ее управление. Но в 1719 году он снова изгнал их, поскольку у него возникла идея собственной Церкви, независимой не только от Рима, но и от Константинополя и полностью находящейся под его собственным контролем — говорят, что эту точку зрения ему подсказали французские янсенисты, с которыми он познакомился в Париже во время визита туда в 1717 году.

Это положило конец всем надеждам на католицизм в России, но в 1772 году, когда Польша была расчленена, к населению России добавилось большое количество католиков, и Екатерина II, убившая своего мужа, чтобы стать верховной в государстве, занялась преобразованием этих русифицированных поляков в независимую католическую церковь. Она нашла амбициозного польского епископа по имени Сестренцевич, который разделял ее взгляды, и 23 мая 1774 года императорским указом она учредила епархию Белой Руси. Заленский, С. Дж., автор книги "Les Jésuites et la Russie Blanche", силен в своем осуждении Сестренцевича, как и Пирлинг и Маркович, но Годлевский более благожелателен и пытается оправдать епископа как человека, который действительно прибегал к сомнительным методам, но стремился предотвратить открытое преследование католиков. У Заленски более вероятная точка зрения.

Это название "Белой" России является загадкой для большинства людей, как и противоположные описания "Черной" и "Красной" России. Действительно, у Окольского, писавшего в 1646 году, есть книга под названием "Россия Флорида", название, не соответствующее популярным представлениям об этой стране. Существует также "Большая", "Малая" и "Западная" Россия. Географические границы Белой Руси можно найти в любой энциклопедии. Это регион, в котором находятся Полоцк, Витебск, Орша, Могилев, Мотиславе и Гомель, и ограничен реками Дуна, Днепр, Перипет и Буг. Это была доля России в первом разграблении Польши, и ее население составляло 1 600 000 человек. Москва находится

недалеко на востоке, но Санкт-Петербург (Петроград) находится на большом расстоянии к северу.

В 1772 году Екатерина объявила о своих намерениях относительно иезуитов, которых она обнаружила обучающими в той части Польши, которая перешла под ее скипетр. Они даже должны были сохранить свои четыре колледжа в Полоцке, Витебске, Орше и Дюнаберге, а также две резиденции и четырнадцать миссий. Она нуждалась в них как в учителях, и поскольку они первыми заявили о своем согласии с новыми условиями и таким образом подали пример своим соотечественникам, она отменила древний запрет Петра Великого, направленный против Общества в самой России, а также уведомила другие провинции Европы, что в будущем она будет их опекуном.

Когда было объявлено о Запрете, Отцы Церкви были совершенно уверены, что, подобно Фридриху II, она не допустит его обнародования, как потому, что Русская Церковь отказалась от верности Риму, так и потому, что она уже связала себя обещанием защищать их. Тем не менее, через своего начальника они направили ее "Священному Императорскому Величеству" следующее письмо:

"Именно Вашему Величеству мы обязаны привилегией публично исповедовать Римско-католическую религию в ваших славных государствах и зависеть в духовных вопросах от Суверенного Понтифика, который является видимым главой нашей Церкви. Вот причина, по которой мы, иезуиты, все принадлежащие к римскому обряду, но являющиеся самыми верными подданными Вашего Величества, сейчас падаем ниц перед вашим августейшим императорским тронem, умоляем Ваше Величество всем самым священным разрешить нам незамедлительно и публично повиноваться власти, пребывающей в лице Суверенного Римского понтифика, и исполнить присланный им эдикт об упразднении нашего Общества. Снизойдя до публичного объявления этого Запрета, Ваше Величество, таким образом, осуществит свою королевскую власть, и мы, незамедлительно подчинившись, покажем себя послушными как Вашему Величеству, так и Суверенному Понтифику, который приказал это объявить. Таковы чувства и молитвы всех и каждого из иезуитов, которые я сейчас выражаю Вашему Величеству, чьим я имею честь быть, с самым глубоким почтением и самой почтительной покорностью, самым смиренным, самым преданным и самым верным подданным,

"Stanislas Czerniewicz."

"Ее Священное Величество" категорически отказалась удовлетворить просьбу. Напротив, она настаивала на том, чтобы Краткое изложение не было обнародовано в ее владениях. Она проявляла к ним величайшее уважение и настаивала, чтобы ее дворяне подражали ее примеру, так что у высокопоставленных лиц империи вошло в моду посещать различные иезуитские заведения; со своей стороны, иезуиты никогда не упускали случая продемонстрировать свою признательность за такую честь как можно более пышным образом. Самым запоминающимся из всех подобных визитов был тот, в котором "Семирамида Севера" была центральной фигурой. Екатерина покинула Санкт-Петербург 20 мая 1780 года и прибыла в Полоцк десять дней спустя. В ее свите были Потемкин, Черничев, де Кобенцель, князь-маршал Боржантынский и князь Долковицкий. По прибытии, когда она была окружена всеми знатными людьми, поспешившими ей навстречу, ей указали на иезуитов, и она любезно поприветствовала их. Вечером колледж был великолепно иллюминирован в ее честь, а на следующее утро она пришла в церковь, так

как горела желанием стать свидетельницей католического обряда. После мессы она прошлась по дому, и как при ее приходе, так и при уходе священник прославил ее в эпической поэме.

Оттуда она отправилась в Могилев, где ее ожидал Иосиф II Австрийский. Он уже посещал колледж в этом месте и был принят с подобающими почестями ректором и провинциалом. Он наводил всевозможные справки о причине, по которой репрессированным иезуитам было разрешено существовать в России, и епископ лаконично ответил ему: "Они нужны народу; так приказала императрица, а Рим ничего не сказал". "Ты поступил правильно, - ответил император, - ты не должен был и не мог поступить иначе". Вместе с императором по этому случаю появляется неожиданная фигура одного из репрессированных иезуитов: отца Фрэнсиса Ксавье Калатаи. Он был попутчиком его величества и оставил письмо, в котором рассказал нам, что произошло по этому случаю.

"В Могилеве, - пишет он, - на самой дальней окраине недавно расчлененных польских провинций, иезуиты все еще остаются на своей прежней почве. Они находятся под покровительством императрицы из-за их способностей обучать молодежь страны науке и благочестию. Я попросил представить меня настоятелю, когда мы посетили колледж, и обнаружил, что он очень почтенный старик. Я спросил его и других членов общины, на чем они основывают свое неподчинение Сводке о Подавлении, и они ответили в той же формуле, что и епископ: "*Clementissima imperatrice nostra protegente, populo derelicto exigente, Roma sciente et non contradicente*" (то есть на защите нашей милосерднейшей императрицы, нуждах покинутого народа, а также на знании и молчаливом согласии Рима). Затем они показали мне письмо от папы Римского, выражающее его привязанность к ним и призывающее их оставаться такими, какими они были, до тех пор, пока не будут приняты новые меры. Он настаивал на том, чтобы они принимали послушников и принимали иезуитов из других провинций, которые желали возобновить вместе с ними сладостное иго Христа, от которого они были так жестоко вырваны. Провинциал добавил, что все иезуиты России были готовы отказаться от всего, что у них было, при первом же подлинном знаке воли папы Римского, и что они ждали только канонического объявления на этот счет. Таким образом, я обнаружил, что истинный дух Общества сохранил свой первый пыл среди этих разрозненных его остатков в России".

Императрица прибыла, проделав по пятьдесят лье в день на пути из Полоцка, убив по дороге десять лошадей. Встреча двух государей была необычайно пышной; десять тысяч солдат стояли на страже в городе, и, помимо государственных приемов, здесь были театральные представления, публичные спортивные состязания, банкеты и прочее. Иезуиты из других заведений засвидетельствовали свое почтение и были представлены императрице губернатором. 12 июня "Семирамида" отбыла в Санкт-Петербург. Такая услуга, конечно, сделала иезуитов еще более популярными и в то же время сдержала папского нунция Арчетти, который еще не оправился от своей неспособности добиться эффективного подавления. Тем не менее, он продолжал упорствовать в своих усилиях, несмотря на угрозы императрицы. Но она так и не сдалась.

Отец Брукер в "Этюдах" (том. 132, 1912, 558-59) приводит характерное письмо императрицы барону Гримму, который был другом и сподвижником Руссо, Дидро, д'Аламбера, Гольбаха и остальных. В то время Гримм был посланником герцога Саксен-Готского при французском дворе, а позже - полномочным представителем самой Екатерины в Нижней Саксонии.

Письмо датировано 7 мая 1779 года и гласит следующее: "Ни я, ни мои *коллеги по званию* (мои достопочтенные негодяи), *члены церкви Р. Бл.* (иезуиты Белой Руси) не собираемся причинять папе никакого беспокойства. Они очень покорны ему и хотят делать только то, что он пожелает. Я полагаю, это вы написали статью в "Газетт де Кельн" о теплице (послушничестве иезуитов). Вы говорите, что я развлекаюсь, проявляя доброту к ним. Несомненно, вы приписываете мне благие побуждения, тогда как у меня нет никаких других, кроме желания сдержать свое слово и стремиться к общественному благу. Что касается ваших бакалейных лавок (the Bourbon kings) Я делаю вам их подарок; но я знаю одно, а именно, они не собираются приходить ко мне в гости и петь песню: "Добрый человек! ты не хозяин в своем доме, пока мы в нем".

Уже в 1776 году, то есть всего через три года после Подавления, иезуиты Белой России насчитывали 145 членов и имели двенадцать учреждений: колледжи, резиденции, миссии и т.д. В 1777 году обсуждался вопрос об открытии послушничества, и у Отцов Церкви было достаточно доказательств того, что Пий VI был бы рад этому и что даже Климент XIV не был против. Более того, при рассмотрении письма, отправленного епископу Сестренцевичу, было установлено, что оно не является "грозным указом", как описали его друзья в Риме, поскольку оставляло ему право создавать и обновлять только то, "что он сочтет необходимым". Наконец, поскольку это не было изложено в обычной форме апостольских документов, настоятель, отец Черневич, отбросил свои сомнения и написал как епископу, так и твердому другу Общества, генерал-губернатору Черничеву, что он решил открыть это заведение.

Поддержка Чернихефа, должно быть, была очень сильной, поскольку, когда отец Черневич прибыл в Могилев, чтобы уладить дела с епископом, он получил от прелата указ от 29 июня 1779 года, уполномочивающий его осуществить свою цель. Этот указ начинался словами: "Папа Климент XIV, светлой памяти, снисходя к желанию Августейшей императрицы Российской, нашей Милостивейшей Государыни, разрешил не распространять в ее владениях Буллу "Dominus ac Redemptor"; и наш Святой Отец Папа Пий VI, ныне счастливо царствующий, проявляет такое же уважение к желаниям Ее Императорского Величества, воздерживаясь от всякого противодействия сохранению обычаев, имени и профессии Штатными Служащими Общества Иисуса во владениях ее Величества, несмотря на то, что "..... булла "Dominus ac Redemptor". Более того, поскольку Августейшая императрица, перед которой и мы, и многочисленные католические церкви в ее обширных владениях в столь серьезных обязательствах, рекомендовала нам как устно, так и письменно сделать все, что в наших силах, чтобы вышеупомянутые Штатные служащие Общества Иисуса могли обеспечить сохранение своего Института, мы спешим выполнить эту обязанность, которая так приятна для нас и за которую мы могли бы упрекнуть себя, если бы ограничили наши усилия при ее выполнении. До сих пор у них не было послушников в этой стране, и, поскольку их число постепенно уменьшается, очевидно, что они не могут осуществлять свое полезное служение, если им не будет предоставлено послушничество".

В силу этого разрешения 2 февраля 1780 года в Полоцке был основан послушничество, и десять послушниц вступили в общину и начали общественную жизнь под руководством отца Любовицкого. По этому случаю, по словам де Мюрра, отец Майкл Корицки сочинил потрясающую латинскую поэму в 169 гекзаметров в честь епископа Сестренцевича. Так был учрежден дом; и, несмотря на настойчивые требования послов Бурбонов в Риме, Суверенный понтифик Пий VI никогда не высказывал, ни лично, ни через своего нунция в Польше, никаких публичных протестов против этого. Все доносы на предполагаемых "непокорных иезуитов" были

либо письмами частных лиц, либо секретной официальной перепиской, написанной, несомненно, от имени папы Римского, но косвенно, то есть по каналам государственного секретаря и нунциатуры; и никогда не выходили за пределы узкого дипломатического круга. Нет также ни малейшего положительного доказательства того, что папа относился к иезуитам Белой Руси иначе, как к религиозным.

"Напротив, - говорит Заленский (I, 330), - Пий VI очень хорошо знал, как и все остальные в Риме, что Климент XIV опубликовал Сводку о подавлении вопреки себе и только после четырех лет колебаний и конфликтов с дипломатами. Более того, кардиналы Антонелли и Калини, очевидцы произошедшего, заявили Пию VI в личных записках, что подавление было недействительным. Сам Пий принадлежал к той части кардиналов, которая не одобряла разрушения, и, как уже было сказано, когда он был папой, он освободил узников замка Сант-Анджело, восстановил их память и приказал похоронить отца Риччи с почестями, подобающими генералу ордена. Короче говоря, Пий VI, как настаивали и Фридрих II, и Черничев, был действительно рад, что Общество сохранилось, и его молчание было подтверждением этого. Действительно, он не мог, как Отец христианского мира, исключить иезуитов из-под защиты общего закона Церкви и считать их угнетенными и освобожденными от своих обетов до того, как ординарий епархии должным образом ознакомил их с Указом Климента XIV. Конечно, их враги систематически отвергали эту аксиому, хотя и признавали ее как общим, так и каноническим правом. Они осудили это как "тщетную уловку", и даже апостольский нунций в одном из своих посланий объявил это таковым; но Святой Отец, по совести говоря, не мог согласиться с такой точкой зрения.

В феврале 1782 года Черничев, большой друг Общества, был отстранен от власти, но его преемник Потемкин показал себя еще более преданным защитником. К счастью, отец Бениславский, бывший иезуит, а ныне каноник, был очень близок с ним и убедил его оказать помощь Обществу. Поскольку епископ Сестренцевич тем временем стал архиепископом Могилева, вновь возродились опасения, что он будет претендовать на роль религиозного настоятеля иезуитов. Действительно, различными назначениями в приходы он начал показывать, что таково было его намерение, и Арчетти, нунций в Варшаве, убеждал его упорствовать в своих нападках. Чтобы предотвратить опасность, отцы Церкви решили приступить к выборам генерального викария и получили на этот счет разрешение императрицы. 23 июня 1782 года она издала указ, в котором говорилось, что иезуиты должны подчиняться верховному епископу во всем, что касается его прав и обязанностей, но что он должен быть очень осторожен, чтобы не нарушать какие-либо правила Ордена, которые должны оставаться неизменными "в той мере, в какой они согласуются с нашими гражданскими конституциями". Сестренцевич был весьма расстроен этим приказом и, не зная, что он был получен благодаря вмешательству Потемкина, попросил князя Вяземского, который в то время был президентом Сената, получить от этого органа указ о подчинении иезуитов его юрисдикции. Сенат постановил так на основании рескрипта от 12 сентября 1781 года, но с их стороны это было очень опрометчиво, поскольку это настроило их против императрицы и могущественного Потемкина, помимо того, что архиепископ стал мятежником, а нунций вмешался.

Пока между этими двумя выдающимися священнослужителями велась оживленная переписка по этому вопросу, Отцы встретились в Полоцке 10 октября 1782 года, в праздник святого Франциска Борджиа, чтобы провести двадцатое собрание Общества. Все было сделано в соответствии с правилом, которым руководствуются подобные собрания, и отец Станислав Черневич, вице-провинциал, был избран генеральным викарием Общества. На следующей

сессии было постановлено, что для тех, кто вернулся в Общество, годы, проведенные неволью и по принуждению в миру, будут засчитываться как столько-то лет в религии. На этом собрание закончилось, поскольку в Полоцк пришел приказ главному викарию немедленно явиться к императрице в Санкт-Петербург. Соответственно, назначив отца Фрэнсиса Кареу вице-провинциалом, он отправился в столицу и был встречен Кэтрин словами: "Я защищала вас до сих пор и буду делать это до конца".

Теперь возник вопрос, как архиепископ примет делегатов конгрегации, которые проигнорировали его заявление о контроле над внутренними делами Общества. Всемогущий Потемкин позаботился об этом. Он призвал прелата к ответу за то, что тот осмелился воспротивиться прямому приказу императрицы, и предупредил его об опасности такого курса действий. Поскольку Сестренцевич был в первую очередь политиком, ему не составило труда изменить свои взгляды. Более того, каноник Бениславский, который изучал его с близкого расстояния и знал его особенности, позаботился о том, чтобы подготовить его к визиту делегатов. Когда они прибыли, он принял их с величайшей вежливостью и отправил поздравительное письмо новоизбранному викарию. Таким образом, будущее Общества было обеспечено. Был избран преемник отца Риччи; была созвана генеральная конгрегация, и ее работа проводилась в строгом соответствии с Конституцией. Кроме того, был учрежден послушничество, члены рассеянных провинций были официально признаны принадлежащими к Обществу; и все это делалось с молчаливого согласия Суверенного Понтифика.

Отец Черневич оставался в Санкт-Петербурге более трех месяцев, в течение которых его часто вызывали для обсуждения с императрицей и Потемкиным вопросов, касающихся образования, но главным образом для организации переговоров в Риме, чтобы получить явное одобрение папы Римского на избрание. Этот вопрос требовал значительного дипломатического мастерства, поскольку в Действиях конгрегации были использованы некоторые очень смелые выражения, которые могли привести к провалу всего предприятия. Таким образом, в нем было заявлено, что "Приказ Климента XIV разрушил Общество за пределами России"; и опять же, что "викарий был избран авторитетом Святого Престола". Второе утверждение было особенно опасным, поскольку папский нунций Арчетти считал выборы незаконными, и даже некоторые из самих иезуитов сомневались в правильности этого утверждения. Были также опасения по поводу личной позиции папы Римского по этому вопросу.

Чтобы устранить все эти трудности, Екатерина отправила Бениславского своим послом в Рим с очень четкими инструкциями никоим образом их не изменять. Он не должен был останавливаться в Варшаве, но мог бы навестить нунция Гарампи в Вене, а также русского посла Галлицына. Он должен был отправиться кратчайшим путем в Рим, не встречаться там с кардиналами, но немедленно предстать перед папой. Во время аудиенции он должен был обратиться с тремя просьбами. Это были: во-первых, предварительное назначение Сестренцевича архиепископом; во-вторых, назначение самого Бениславского коадьютором; и, в-третьих, одобрение иезуитов в Белой России, и особенно признание действий конгрегации. Отказ кого-либо из них должен был повлечь за собой разрыв переговоров с Россией.

21 февраля 1783 года Бениславский прибыл в Рим и в тот же день встретился с папой Римским. Он был принят весьма любезно; его собственное назначение епископом было подтверждено; но, по словам папы, "Сестренцевич не имел права открывать послушничество". "Это было сделано, - ответил Бениславский, - по приказу императрицы". "Раз это так, - сказал папа, - я

забуду об оскорблении, нанесенном мне епископом". Затем он спросил об иезуитах и их генерале, и было ли избрание официально санкционировано императрицей. Когда его заверили в последнем пункте, он ответил: "Я не возражаю". После двухчасового интервью Бениславский удалился.

На второй аудиенции отношение папы было холодным и безразличным, поскольку послы Бурбонов тем временем оказали на него влияние. Заметив перемену, Бениславский упал на колени и попросил у папы благословения. "Что это значит?" его спросили. "Мне приказано немедленно отступить, если мои просьбы не будут удовлетворены". Это поразило папу, и он немедленно сменил тон; он доброжелательно заговорил с Бениславским и велел ему изложить свои просьбы в письменном виде. Всю ночь напролет верный посол трудился за своим столом, формулируя каждый запрос и отвечая на каждый аргумент, который мог быть выдвинут против него. Заленский приводит весь документ (I, 386), который по существу сводится к следующему: "Неспособность епископа упразднить Общество в России; учреждение послушничества и избрание генерала - все это было вызвано ясными и позитивными приказами Екатерины. Поскольку она угрожала преследовать католиков России и вынудить поляков перейти в православную церковь, было ясно, что у них не было другого выбора, кроме как подчиниться ее требованиям.

Что касается возражения о том, что принцы Бурбонов будут разгневаны поддержкой Екатериной иезуитов, Бениславский ответил, что, "поскольку императрица не высказывала никаких возражений против подавления Ордена во владениях этих правителей, она не видела, почему они имели какое-либо право подвергать сомнению ее действия по его сохранению. Она не была обязана быть верной этим королям. "Во-вторых, одобрение Общества не отразилось бы на нынешнем папе, который имел такое же право отменить решение Климента XIV, как Климент XIV должен был отменить решение тридцати своих предшественников. Если ни один из королей и дипломатов не обвинял Климента в том, что он действовал подобным образом, то почему они должны обвинять Пия VI в том, что он воспользовался своим правом в этом помещении? Более того, Бриф так и не был опубликован в России, и не было ни малейшей перспективы, что он когда-либо будет опубликован. Наконец, императрица дала торжественное обещание не причинять вреда своим подданным-католикам; но она была убеждена, что не могла нанести им большего вреда, чем лишить их церкви священников, а школы учителей, которые, по ее мнению, были бесценны". Что касается обвинения в том, что весь курс императрицы был вызван предложением иезуитов, Бениславский ответил, что "все знали, что они просили ее обнародовать Краткое изложение, и что она сказала им, что они спрашивают о том, что ей не нравится".

На следующий день Папа Римский прочитал заявление, улыбнулся и сказал: "Вы хотите решить этот вопрос путем дебатов со мной. Но на ваше утверждение не может быть ответа. Ваши аргументы неопровержимы. Очень кстати пришло письмо от императрицы, которая выражала готовность принять папского легата для урегулирования дела униатского архиепископа Полоцкого и просила хиротонию Бениславского в Санкт-Петербурге. Письмо было зачитано папе римскому в присутствии ряда кардиналов, которым был представлен Бениславский. Затем Святой Отец дал свое согласие на преосвящение архиепископа и хиротонию Бениславского. "Что касается третьего, - сказал он, повысив голос, - *Approbo Societatem Jesu in Alba Russia degentem; approbo, approbo*" (то есть я одобряю Общество Иисуса, которое сейчас находится в России; Я одобряю, я одобряю). Поскольку устные высказывания пап по общественным

вопросам Церкви имеют ту же силу, что и письменные, и обозначаются канонистами и теологами как *vivæ vocis oracula*, Бениславский удовлетворился этим одобрением. Кроме того, опасаясь происков бурбонских политиков, он не мог просить большего. Он выиграл свое дело и получил заверения Папы Римского в том, что Общество в России не подавлялось и никогда не было подавлено. Большого и не требовалось.

Вопреки подавляющему большинству историков всех оттенков мнения, Тейнер в своем "Понтификате Климента XIV" осуждает этот отчет о посольстве как "выдумку иезуита Бениславского", хотя Бениславский тогда не был иезуитом и никогда больше не возвращался в Общество. Кроме того, хотя Тейнер характеризует выдающегося канониста, которого папа только что возвел в сан епископа, как "лжеца" и "интригана", он в то же время признает, что тот был "добродетельным человеком" и "благочестивым священником". Если бы отчет об аудиенции не соответствовал действительности, папа, несомненно, был бы вынужден осудить его, поскольку он был немедленно опубликован во "Флорентийской газете", и фальсификатор, несомненно, никогда бы не получил свою митру. Тем не менее, чтобы окончательно решить этот вопрос и развеять все сомнения и подозрительности, Бениславский, после того как он был поставлен епископом Гадаринским, был приглашен во вторую конгрегацию иезуитов. Оно собралось в Полоцке 25 июля 1785 года, и там он сделал следующее заявление под присягой:

"Будучи послан в Рим Самой Прославленной императрицей всея Руси для беседы с Папой Римским с целью разрешения трудностей, связанных с архиепископством Могилева и с адъютантством этого престола, а также для получения от Папы одобрения Общества Иисуса в Белой Руси, я представил Его Святейшеству положение проживающих там иезуитов в соответствии с законами их Института, и я ознакомил его с фактом, что они избрали Генерала, повинаясь приказу Самой Прославленной императрицы. Выслушав меня, Его Святейшество любезно одобрил образ жизни, который иезуиты вели в Белой Руси, и утвердил избрание генерала, трижды повторив: *"одобрение, approbo, approbo."* Я подтверждаю самой торжественной клятвой истинность этого словесного одобрения; в подтверждение чего я ниже ставлю свою печать и подпись".

Тейнер приводит три записки Пия VI, чтобы компенсировать эти показания Бениславского под присягой, но две из них предшествуют эпизоду в Риме; третья была опубликована месяцем позже и не имеет ничего общего с рассматриваемым вопросом. Кроме того, через несколько лет после этого утверждения, когда отец Джозеф Пиньятелли, который, возможно, однажды войдет в число канонизированных святых Церкви, попросил разрешения Папы Римского поехать в Белую Русь, "если там существует Общество", Его Святейшество ответил: "Да, оно там существует; и если бы это было возможно, я бы распространил его повсюду по всему миру. Отправляйся в Россию. Я разрешаю тебе носить рясу иезуитов. Я считаю тамошних иезуитов настоящими иезуитами, а Общество, существующее в России, - законно существующим". (Bonfier, *Vie de Pignatelli*, 196.)

Теперь, когда их статус был определен, Отцы обратились к реформе образования, которую императрица хотела провести в школах России. Она заключалась главным образом в придании особого значения физическим наукам. Им не составило труда выполнить ее пожелания, и отец Грубер, который был выдающимся физиком, немедленно основал учебное заведение для подготовки будущих профессоров, а в марте 1785 года несколько ученых-иезуитов были вызваны Потемкиным в Санкт-Петербург.

20 июня того же года скончался генеральный викарий Черневич. Он родился в 1728 году и вступил в Общество в шестнадцать лет; после преподавания в Варшаве его вызвали в Рим в качестве секретаря отца Риччи; позже он был заместителем помощника в Польше. Затем его отправили настоятелем в Полоцк, и он находился на этом посту, когда Климент XIV издал указ о подавлении. На собрании, которое было созвано 1 октября, его преемником был избран отец Ленкевич.

К этому времени многие старые иезуиты присылали свои прошения о приеме. Среди них были такие выдающиеся личности, как астроном Хелл; двое помощников отца Риччи, Ромберг и Корицки, и другие. Всех их нельзя было принять в самой России, но где бы они ни находились, в Америке, Европе, Китае, Ост- и Вест-Индии и т.д., всех их с радостью принимали обратно, и их имена были занесены в каталог. Для американцев представляет особый интерес найти имена Адама Бритта из Мэриленда и еще нескольких человек, которые были отправлены из Белой России в Соединенные Штаты, когда Кэрролл получил полномочия восстановить Общество в 1805 году. Это Энтони Кольманн, Малевы, Браун, Эпинетт и другие. Тем, кто по той или иной причине не смог лично выехать в Россию, сообщали, что они должным образом признаны иезуитами и получили разрешение возобновить свои обеты. Это было сделано специально для бывших членов церкви, которые были назначены в епископства или выполняли какие-либо важные функции, такие как королевские духовники, придворные проповедники, ученые и т.д., Или, опять же, которым возраст и немощь помешали совершить долгое и трудное путешествие.

В "Catalogus mortuorum", или списке умерших членов церкви, который охватывает период между 1773 и 1814 годами, Заленский насчитывает 268 человек из *других провинций*; представлены все нации под солнцем. Бывшие иезуиты присылали подарки отовсюду. Так, отец Рачинский, ставший примасом Польши, собрал на различных аукционах до 8000 иезуитских книг и отправил их в Полоцкий колледж. Другие последовали его примеру, и в 1815 году библиотека колледжа насчитывала на полках 35 000 томов. Другие пожертвования поступили в виде денег. Уже в 1787 году в Полоцке была типография, выпускавшая собственные учебники, помимо публикации ряда вышедших из печати произведений. Отец Грубер продолжал работать, формируя корпус способных ученых, и он даже сделал многих братьев-коадьюторов архитекторами, художниками и искусными мастерами различных ремесел. Учреждение вскоре прославилось своими физическими и химическими лабораториями, великолепным театром, картинами, скульптурой и т.д. Его примеру вскоре последовали второстепенные колледжи, а церкви иезуитов вновь обрели свое обычное великолепие. Были созданы братства, предпринимались дальние миссии, а среди соседних латышей миссионеры-иезуиты создали настоящий Парагвай.

Екатерина правила тридцать пять лет и до самой своей смерти, как и обещала, никогда не переставала защищать Общество. В России считалось только ее слово. Она была одинока на троне, потому что убила царя, своего мужа, из-за того, что он отрекся от ее сына Павла, а также из-за своей естественной нетерпимости к равным. Это правда, что отец Кэрролл в далекой Америке сокрушался о том, что у его братьев была такая защитница, но это было вне их контроля. По крайней мере, можно утверждать, что они ни на йоту не уступали в исполнении своих обязанностей католических священников. В течение всего своего правления она держала своего несчастного наследника почти в полном уединении. Он был доверен заботам главным образом отца Грубера, который, помимо того, что был святым, обладал замечательными способностями. Он был музыкантом, художником, архитектором, физиком и математиком. Одна

из его картин маслом украшает сегодня трапезную Джорджтауна; привезена, без сомнения, кем-то из польских отцов церкви. Это очень далеко от работы любителя. Поэтому, естественно, Пол по-доброму отнесся к нему, и эта привязанность продолжалась до самого конца. Находясь на троне, он приумножил колледжи Общества, расширил число послушников, назначил Отцов церкви в Виленский университет и даже убедил Великого турка вернуть иезуитам их древние миссии на Эгейском архипелаге.

Близость была настолько велика, что предполагалось, что Грубер сможет добиться любой благосклонности Пола, и поэтому его жизнь была отравлена толпой поклонников, которые окружали его; но он был не настолько глуп, чтобы лишиться благосклонности принца, став инструментом для достижения эгоистичных целей просителей. Однако он попросил царя обратиться к новоизбранному папе римскому Пию VII с просьбой об официальном признании Общества в России. Папа был только рад предоставить это, но сохраняющаяся враждебность к иезуитам даже в самом Риме несколько затрудняла это. Действительно, определенное количество кардиналов высказались очень решительно против этого и уступили только тогда, когда папа заставил их взять на себя всю ответственность за отказ. Он назначил комитет из самых враждебных среди них, чтобы доложить о просьбе императора, таким образом поставив их лицом к лицу с последствиями противостояния правителю великой империи и превращения его из друга в гонителя Церкви. Посмотрев на это с этой точки зрения, они быстро пришли к благоприятному заключению, и 7 марта 1801 года была издана Булла "Catholicæ Fidei", недвусмысленно восстанавливающая Общество Иисуса в России. Это был первый важный шаг к общему восстановлению во всем мире тринадцать лет спустя. Одобрение пришло очень кстати, поскольку через шестнадцать дней после его получения Павел I был убит.

При своем восшествии на престол Александр, хотя и менее демонстративно, чем Павел, продемонстрировал свое уважение к Обществу до такой степени, что, когда генерал, отец Кареу, был при смерти, царь лично отправился в Полоцк, чтобы выразить свои соболезнования. Эта снисходительность была настолько заметной, что отец Грубер воспользовался случаем, чтобы добиться публикации папской буллы, официальному обнародованию которой помешали беспорядки, последовавшие за убийством Павла. Император не стал затруднять себя по этому поводу и издал указ на этот счет. Он даже пошел дальше в своем одобрении, поскольку, когда Грубер был избран генералом вместо отца Кареу, его вызвали в Санкт-Петербург, чтобы занять должность в великолепно оснащенном Колледже знати, который Павел основал в самом городе. Именно там Грубер познакомился со знаменитым графом Жозефом де Местром, который в то время был послом Сардинии при императорском дворе. Между двумя великими людьми возникла глубокая и искренняя привязанность, и в буре, которая позже разразилась против Общества, де Местр показал себя его бесстрашным и преданным защитником.

Екатерина II в свое время предприняла попытку колонизации обширных степей своей империи, и Павел I проявил энергию в осуществлении ее планов. Александр I также стремился продвинуть проект, который требовал немалого героизма со стороны тех, кто за него взялся. Между прочим, это избавило бы правительство от значительной тревоги; поскольку новые поселенцы прибывали со всех концов Германии и исповедовали всевозможные религиозные верования, считалось первостепенно важным с политической точки зрения установить между ними какое-то единство и приучить их к российскому законодательству и образу жизни. Для выполнения этой задачи были выбраны иезуиты, и, несмотря на трудности и изоляцию, которым они подвергались, а также перед лицом ненависти и противодействия их врагов, а также

обычно угрюмого настроения озверевших иммигрантов, изгнанных из своей страны голодом и притеснениями, порядок был восстановлен в течение года, и правительство сообщило, что эти несколько священников достигли того, чего никогда не смогла бы достичь целая армия солдат. Говорили, что миссии в Астрахани были столь же успешными. Но, как представляется, в свете последующих событий, никаких твердых или постоянных результатов достигнуто не было.

Взгляд на карту покажет нам, что эти две области деятельности находились на крайнем восточном и западном концах огромной российской империи. Рижский район расположен на Балтийском море или, точнее, на берегу Рижского залива. Под ним расположены ныне знаменитые города Кенингсберг и Данциг. Астрахань находится на берегу Каспийского моря, в которое впадает великая река Волга. По обе стороны этой реки, как и в самом городе, иезуиты основали свои миссии. Но и с Балтики, и с Каспия им пришлось уйти, когда Александр изгнал их из России в 1820 году.

Нынешнее состояние этих двух частей ныне расчлененной империи в высшей степени плачевно. Действительно, еще в 1864 году Маршалл (Христианские миссии, I, 74) говорит о них: "Давайте начнем с провинций Прибалтики. Латыши, населяющие Курляндию и южную половину Ливонии, хотя и долгое время были обычными христианами и окружены лютеранами и русско-греками, приносят жертвы домашним духам, расставляя для них еду в своих садах, домах или под старыми дубами. Об эстонцах Коль говорит: "Старые обычаи язычества сохранились у них более полно, чем у любого другого лютеранского народа. Есть много мест, где крестьяне все еще приносят жертвы. "Давайте теперь сопроводим мистера Лоуренса Олифанта вниз по Волге к Каспийскому морю. Везде его опыт одинаков. Калмыки, которых он обнаружил, все еще буддисты. Недалеко от устья Волги он посещает большую и густонаселенную деревню, пребывающую в состоянии крайнего язычества и, по-видимому, обреченную оставаться таковой. В Сарепте, недалеко от Астрахани, моравы попытались обратить в свою веру соседних язычников, но греческое духовенство помешало им. Одно племя состоит из последователей Великого ламы, другое - из язычников, третье - из магометан. В городе Казани, некогда столице могущественного государства, проживает 20 000 магометан, а огромное татарское население всего региона, доходящее до Астрахани, приняло сочетание христианства, исламизма и шаманизма или является таким же отъявленным язычником, каким они были до присоединения к Российской империи".

Среди этих деградировавших народов работали иезуиты, руководя своими колледжами в Полоцке, Санкт-Петербурге и других местах до 1814 года.

ГЛАВА XXII СПЛОЧЕНИЕ

Отцы Святого Сердца — Отцы веры — Слияние — Пакканари — Разрыв — Исход в Россию — Варин в Париже — Клоривер — Сомнения Кэрролла — Пиньятелли — Пуаро в Китае — Одиссея Грасси.

Пока Общество поддерживало свою корпоративную жизнь в России, к нему начали поступать пожертвования из различных частей Европы. Наиболее заметным было объединение, которое сформировалось на глазах и с одобрения мудрого и добродетельного Жака-Андре Эмери, настоятеля Парижской семинарии, который сам прошел обучение в иезуитском колледже Макона. Под его руководством и очень привязанная к нему небольшая группа семинаристов состояла из Шарля и Мориса де Бройлей, сыновей знаменитого маршала с тем же именем, оба из которых носили титул принцев; Франсуа Элеонора де Турнели, который был вдохновляющим духом маленькой ассоциации, и, исключая других, Жозефа Варина, который сменил де Турнели на посту руководителя растущего сообщества.

Когда разразилась революция, Варин, поддавшись своим воинственным инстинктам, покинул семинарию и стал солдатом роялистской армии; но Шарль де Бройль сохранил группу вместе, и под руководством Пэя, выдающегося каноника Парижа, они погрузились в изучение духовной жизни и продолжали мечтать об ассоциации, которая могла бы так или иначе продолжить работу упраздненного Общества Иисуса. В 1791 году они были вынуждены искать убежища в Люксембурге. Два года спустя они бежали в Антверпен и наконец оказались на старой иезуитской вилле в Лувене, которая до сих пор стоит рядом с замком герцога д'Аренберга. Там к ним присоединились брат де Бройля, Ксавье, и Пьер Леблан, оба из которых прослужили два года в армии принца де Конде. Варин присоединился к ним в том же году. Он был солдатом с тех пор, как закрылась семинария, и отказался от всякой мысли когда-либо возобновить ношение сутаны. Но случилось так, что его не было в своем полку, когда произошло сражение, и с отвращением он отправился в Бельгию просить о переводе в другой корпус. Находясь там, он попал в руки своих старых друзей по семинарии; через несколько дней к нему вернулся былой пыл, и он был принят шестым членом того, что де Турнели решил назвать "Обществом Святого Сердца".

В тот самый день, когда Варин появился на свет, он и пятеро его помощников отправились пешком, с сумками за спинами, просить милостыню на пути в Баварию. Им потребовалось пять дней, чтобы добраться до Аугсбурга, и там они остались, хотя их намерением было обосноваться в Мюнхене. Но епископ Аугсбурга сказал им, что если они хотят узнать, что такое Общество Иисуса, нельзя найти лучшего места, чем город, в котором они тогда оказались, поскольку память о многих прославленных иезуитах все еще свежа в сердцах людей. Епископом, оказавшим им такое радушное гостеприимство, был Клеменс Венцеслаус, который помимо того, что был прелатом, был принцем Саксонии и Польши. Поддавшись его совету, они поселились в Аугсбурге, где вскоре к ним присоединились два выдающихся человека, которым впоследствии предстояло стать заметными в восстановленном Обществе: Гривел, которого должны были отправить в Джорджтаун в Америке в качестве наставника послушников, и знаменитый Розавен, которому предстояло спасти Общество от краха на первом общем собрании, проведенном после Реставрации, и который впоследствии должен был стать помощником генерального директора как в Фортисе, так и в Рутаане.

Поскольку все они были французами, их неизбежно отстраняли от апостольской работы среди людей, на языке которых они не могли говорить. Но это было провидением, ибо таким образом у них появилась лучшая возможность посвятить себя изучению духовной жизни. 12 марта 1796 года Варин и некоторые другие были возведены в сан священника, а примерно в середине декабря они были установлены сначала в Нойдорфе, а затем в Хагенбрюнне, недалеко от Вены, поскольку вторгшиеся армии Моро и Журдана сделали Аугсбург небезопасным местом для

проживания. Теперь их было шестнадцать, и их близкое подражание иезуитскому образу жизни произвело там сенсацию, поскольку незадолго до этого Австрия подавляла это Общество.

Де Турнели умер 9 июля 1797 года, и Варин был избран на его место при первом же голосовании. Однако организация еще не получила разрешения Суверенного понтифика, поскольку Наполеон держал его пленником то в одном, то в другом месте, и было невозможно подать какое-либо личное заявление о его одобрении новой организации. Поэтому была составлена петиция, подписанная двадцатью пятью или тридцатью епископами с просьбой одобрить ее Святейшим Отцом. Ответ пришел в сентябре 1798 года, заверяя их, что их проект доставляет ему величайшее утешение, и от всего сердца он дал им свое благословение.

Создание этого Общества не было, как было сказано, "тайной работой иезуитов", поскольку Варин и его единомышленники до сих пор не встречали ни одного члена старого Общества и не знали о существовании какой-либо подобной организации в Италии. Действительно, когда из Рима пришло письмо, подписанное Николасом Пакканари, в котором сообщалось, что он является их настоятелем и является таковым "в силу прямого желания Папы объединить две общины", партнеры расценили это как ликвидацию их Общества "Отцов Святого Сердца", тем более что этот неизвестный человек сообщил, что в это время он направлялся в Хагенбрюнн для осуществления плана.

Николас Пакканари был очень любопытной личностью. У него не было никакого образования, и в молодости он занимался различными занятиями, которые, казалось, едва ли подходили ему для роли основателя религиозного ордена. Он родился недалеко от Трента и некоторое время был солдатом, затем мелким торговцем, а когда его обманул компаньон, он стал кочевать из города в город, продавая, как говорит Гиде, "предметы любопытства", то есть был странствующим коробейником. Он был благочестивым человеком, и поскольку он принадлежал к одной из гильдий Каравиты в Риме, дух, царивший в этом знаменитом Ораторском искусстве, побудил его сделать нечто большее, чем обычно, во славу Божью. Сначала он думал о том, чтобы стать кармелитом, а потом им овладела фантазия, что ему суждено возродить Общество Иисуса. Как ни странно, хотя он даже не был священником, к нему присоединились доктор Сапиенца и два французских священнослужителя, Халнат и Эпинетт, последний из которых вступил в Общество и позже преподавал философию в Джорджтаунском университете, округ Колумбия. Он, несомненно, был умен и настолько убедителен в своей речи, что завоевал доверие самых выдающихся личностей Европы: кардиналов, дворян и глав религиозных орденов, в результате чего он и двое его друзей дали свои обеты накануне Успения 1797 года в часовне Каравита, округ Колумбия. и Пакканари был избран настоятелем. Ему удалось даже повидаться с папой, который в то время находился в плену в Сполето, и получить его одобрение и благословение. Он назвал свою организацию "Обществом отцов веры Иисуса", которое позже было сокращено до "Отцов веры". В "Бемер-Моно" мы находим, что их называют "Братями по вере".

Пакканари долгое время не мог прибыть в Хагенбрюнн, поскольку попал в руки полиции и содержался в заключении в Сант-Анджело. Его беспокойная деятельность и постоянная смена места жительства привлекли внимание властей, и его заподозрили в причастности к какому-то политическому заговору против Римской Республики, который французы как раз тогда организовали в папских владениях. Его сообщники были арестованы в то же время и не выходили на свободу в течение четырех месяцев. Именно во время заключения Пакканари

отправил Варину второе письмо, более шокирующее, чем первое. В нем было объявлено, что Отцы Святого Сердца были приняты в ассоциацию Пакканари и что отец Варин назначен настоятелем общества в Германии. Такое сообщение от человека, которого они даже не видели, заставило их сделать вывод, что они имели дело с сумасшедшим. Наконец, в феврале 1799 года пришло третье письмо, разъясняющее то, что было сказано во втором. Предложенное объяснение состояло в том, что, не зная, выпустят ли его когда-нибудь из тюрьмы, и не желая, чтобы привилегии, которые он получил от Святого Престола, утратили силу, он в качестве меры предосторожности допустил Варина и его единомышленников в Общество Отцов Веры.

Когда, наконец, его освободили, он отправился в Вену и по пути решил повидаться с некоторыми рассеянными иезуитами, находившимися в Парме и Венеции. Они были очень добры к нему, оказали финансовую помощь, но не встретили его с тем энтузиазмом, которого он ожидал. Они заметили, что он никогда не говорил об объединении своих единомышленников с иезуитами России. Пакканари был достаточно проницателен, чтобы разгадать их мотивы, и поэтому он еще больше стремился присоединиться к людям в Хагенбрюнне, поскольку у него было всего двадцать собственных членов, не более трех из которых были священниками. Он прибыл в Вену 3 апреля и, естественно, был принят с некоторой сдержанностью, но когда кардинал Мигацци и нунций сообщили о желании папы, всякое противодействие прекратилось и началось обсуждение способа объединения. Заседания длились десять дней и завершились избранием Пакканари генеральным. Таким образом, Общество Отцов Святого Сердца прекратило свое существование 18 апреля 1799 года.

Дом в Хагенбрюнне сразу же приобрел другой вид. Было меньше учебы, меньше упражнений в благочестии, развлечения были неумеренно продолжительными, и Отцы были фактически вынуждены выполнять серию спортивных упражнений, которые заставляли их думать, что они вернулись во времена учебы в колледже. Конечно, вскоре это стало невыносимым, но мало чего другого можно было ожидать от такого человека, как Пакканари, который был абсолютно несведущ в первых элементах общественной жизни. Что еще более любопытно, так это то, что он еще даже не был пострижен в монашество; но, тем не менее, он был настолько удивительно вкрадчив в своих манерах, что ему удалось убедить всех, кроме его собственных домочадцев, что он был человеком дня. Общественность восхваляла его, но его подданные были раздражены его самоуверенностью, его деспотизмом, его частыми отлучками из дома и, прежде всего, тем, что он избегал любых контактов с рассеянными иезуитами. Все это быстро убедило отцов Святого Сердца в том, что была допущена серьезная ошибка. Это правда, что 11 августа 1799 года Пакканари сделал официальное заявление о том, что его единственной целью было объединение с иезуитами России, но было совершенно ясно, что если у него когда-либо и было какое-либо подобное намерение, то оно быстро улетучилось из его головы. Он начал с того, что основал несколько заведений в различных частях Европы, причем предпочтение в этом отношении отдавалось даже Моравии. В этом распределении де Бройль и Розавен были отправлены в Англию, а Халнат, Роже и Варин - во Францию.

По примеру старых иезуитов, первой работой, за которую взялись Варин и его товарищи, прибыв в Париж, было обслуживание больниц Сальпетриер и Бисетр, в первой из которых было 6000 пациентов, и в течение десяти лет в палатах не было священника. Теперь правительство признало безрассудство своих прежних методов ведения дел и обратилось за помощью к служителям религии. Немедленно произошла огромная трансформация. Да и не могло быть

иначе, потому что ревностные священники проводили там по тринадцать-четырнадцать часов в день, переходя от койки к койке, чтобы утешить пациентов.

Именно Халнат первым обнаружил существование достопочтенного отца де Клоривера, иезуита старого общества, которому предстояло стать первым провинциалом Франции после реставрации. Благочестивая мадемуазель де Сисе, племянница архиепископа Бордо, также попадает в поле зрения в этот период. Она была директором ассоциации дам, учрежденной отцом де Клоривьером, чтобы, насколько это возможно, заменить изгнанных монахинь в уходе за молодыми девушками Парижа. Варин стал ее духовным наставником, а также руководил мадемуазель де Югон, замечательная женщина, впоследствии вышедшая замуж за богатого дворянина; но после его смерти она с большим рвением возобновила благотворительную деятельность, которая ранее так прославляла ее благочестие и рвение.

Как раз в это время была предпринята попытка покушения на Наполеона. "Адская машина", как ее называли, была взорвана под его каретой, и мадемуазель Дж. де Сисе подозревали в том, что она что-то знала об этом, главным образом из-за ее связи с таинственной личностью Эйджес, которая недавно прибыла во Францию, — Марином и его спутниками. Действительно, хотя святость жизни доброй женщины подтверждалась множеством свидетелей, главным образом получателями ее благотворительных пожертвований, она могла быть приговорена к смертной казни, если бы отец Варин не предстал перед судом, где он откровенно объяснил характер своего общества, которое преследует единственную цель - религию и благотворительность, без какой-либо политической привязанности. Его хорошее настроение на суде было удачным дополнением к вспышке гнева отца Халната, которая едва не спровоцировала неблагоприятный вердикт. Позже Халнат подал заявление о приеме в Общество Иисуса, но было сочтено небезопасным принимать его.

На этом этапе появляется фигура Мадлен-Софи Барат, основательницы Ордена Дам Святого Сердца, титул, выбранный в то время не для обозначения каких-либо социальных различий; действительно, мадам Барат происходила из людей в самых обычных обстоятельствах, но название "религиозная" было в немилости в тот беспокойный период, и было сочтено целесообразным без необходимости не подчеркивать тот факт, что она и ее товарищи образовали общину монахинь. Они были просто *пъезовидными* дамами, которые жили вместе ради благотворительной и просветительской работы. Имя "деймс" - старинный титул монахинь в Англии.

Она была сестрой отца Луи Барата, который был одним из Отцов Веры, и когда Варин искал какую-нибудь способную женщину, которая могла бы дать девочкам Парижа и других мест христианское образование, Барат предложил ее в качестве возможной кандидатуры. Он обучил ее латыни, греческому, испанскому, итальянскому и натурфилософии, а также подвергнул очень строгому и несколько суровому обучению аскетизму. Ей было тогда двадцать лет, и, со свойственной ей привычкой подчиняться, она и трое ее спутников взялись за выполнение этой задачи. Это было в 1801 году. До 1857 года ей удалось основать более восьмидесяти фондов в различных частях мира, и сейчас она причислена к Лику Блаженных.

Варину также следует отдать должное за формирование в религиозной жизни еще одной женщины, которая принадлежит к числу Блаженных; Основательницы Ордена сестер Нотр-Дам-де-Намюр, Жюли Биллиар. Возможно, его молитвы имели какое-то отношение к восстановлению здоровья этой замечательной женщины, которая была парализована и почти

лишилась дара речи в течение тридцати одного года. К ней вернулась прежняя юношеская энергия в 1804 году, в конце новены "Святому Сердцу", которая была предложена ее духовником. В то время она была в Амьене, и Варин объединил ее и ее товарищей в учительское сообщество и разработал правила и конституцию, которых они неуклонно придерживались до сих пор. Действительно, именно эта верность дала им название Нотр-Дам-де-Намюр. Ибо в отсутствие Варина видный священнослужитель попытался изменить их правление, после чего возмущенные женщины покинули Амьен и всем скопом эмигрировали в Намюр. С тех пор этот город считается их духовной родиной. В течение двенадцати лет, а именно между 1804 и 1812 годами, эта бывшая парализованная основала пятнадцать женских монастырей и совершила целых сто двадцать путешествий, некоторые из которых были очень долгими и трудными, выполняя свою великую работу на благо Церкви. Подобно дамам Святого Сердца, сестры Нотр-Дам-де-Намюр имеют представительства по всему миру.

Тем временем в тоне различных представителей Отцов Веры проявилась весьма заметная разница. Те, кто были последователями Пакканари, не имели ни малейшего представления об истинной природе религиозной жизни, в то время как ученики Варина по большей части были духовными людьми и стремились к совершенству. Насколько это было заметно, видно из письма епископа Кэрролла из Америки. Он попросил помощи у новой организации, и ему пообещали четырех священников, но прибыл только один — итальянец по имени Цукки. Сбилсся он с пути или нет, или воображал, что может следовать своим собственным указаниям, но сначала он отправился в Квебек, но тамошние правительственные чиновники быстро сообщили ему, что его присутствие нежелательно. Наконец он добрался до Мэриленда, и Кэрролл описывает его в письме отцу Плоудену в Англию следующим образом: "Здесь есть священник по имени Цукки, *Романо ди насцита*, человек ограниченного понимания, который только и делает, что тоскует по приезду своих товарищей. Тем временем он не будет предпринимать никакой работы. Этот образец нового порядка наводит меня на мысль, что они очень мало знакомы с принципами Института нашей достопочтенной матери, Общества. Хотя они утверждают, что у них нет никаких других правил, кроме наших, Цукки, похоже, ничего не знают о структуре нашего общества и даже не читали *Правил Коммуны*, которые даже наши новички знают почти наизусть".

Епископ также слышал об основании одной из женских общин отцом Марином, и это вызвало у него еще большие подозрения относительно подлинности Отцов Веры. "В какой-то момент, - пишет он Плоудену, - они, кажется, отошли от Св. Игнатий, учредив в их Учреждении новый орден монахинь, который должен находиться под их управлением".

Раскол в рядах Отцов Веры произошел в 1803 году. В предыдущем году Розавен и Варин ездили в Рим и там утвердились в своих подозрениях, что Пакканари не был искренен в своих заявлениях о своем желании присоединиться к иезуитам в России. Они также были шокированы отсутствием религиозного духа в доме пакканаристов в Риме. В следующем году Розавен снова вернулся в Рим, и, помимо подтверждения своей убежденности в том, что Пакканари работал на развитие независимого общества, он был проинформирован о некоторых обвинениях, направленных против личности этого человека. Объяснение Пакканари обвинений, далеко не убедившее Розавена, лишь утвердило его в своем мнении. Результатом стало то, что он добился частной аудиенции у папы римского и получил разрешение разорвать свою связь с Отцами Веры.

К своему изумлению, вернувшись в Лондон, он обнаружил, что его коллеги уже взяли это дело в свои руки и обратились к отцу Груберу в Россию с просьбой о приеме в Общество. Ходатайство было удовлетворено, однако не для того, чтобы поступить корпоративно, а индивидуально, а именно после того, как профессия каждого была тщательно изучена. Заявление должно было быть подано отцу Стрикленду в Англии, который был членом старого Общества. Вместе с другими кандидатами из Голландии и Германии двадцать пять новых членов перешли в Россию.

Очень прискорбно отмечать, что отец Шарль де Бройль, который вместе с де Турнели положил начало всему движению, не входил в эту группу. Он и еще трое остались в Лондоне в качестве светских священников, и, к сожалению, его отношения с определенным количеством непокорных французов привели его к расколу, известному как *Маленькая Эглиза*. Он упорствовал в своем бунте вплоть до 1842 года, когда наконец подчинился Церкви.

Розавен написал из Полоцка Варину, рассказав ему о том, что произошло с ним в Риме, настаивая на оправданности этого поступка и напоминая ему, что они присоединились к Отцам Святого Сердца, а впоследствии и к Отцам Веры, исключительно ради объединения с иезуитами в России. Поскольку Пакканари не только не намеревался осуществлять эту цель, но и делал все, что в его силах, чтобы предотвратить это, долг верности прекратился, и так решил папа. Немедленно Варин, с одобрения всех своих подданных во Франции, уведомил Пакканари, что они разорвали все связи с его Обществом. Однако тем временем они сохранили за собой название Отцов Веры.

Но Варина эта независимость не устраивала. Что ему оставалось делать? Должен ли он распустить свои общины, которые выполняли очень эффективную работу во Франции, или подождать развития событий? Апостольский нунций в Париже делла Генга решил, что ему следует продолжать в том же духе, пока не представятся более благоприятные обстоятельства. Им не пришлось долго ждать. Дядя императора, кардинал Феш, до сих пор защищал их, но в 1807 году Наполеон публично и гневно упрекнул его за это покровительство и 1 ноября приказал всем отцам явиться в свои епархии в течение пятнадцати дней под страхом отправки в колонию для каторжников в Гвиане. Фуше предложил Варину несколько почетных должностей, а когда тот отказался принять их, выгнал его из Парижа. Однако к этому времени Варин был иезуитом и следовал указаниям достопочтенного отца Клоривера, который был уполномочен принять его.

Отделению Отцов Церкви Франции и Англии быстро подражали общины в других частях Европы. Тем временем поведение Пакканари стало публичным скандалом. В 1808 году против него был возбужден канонический процесс, и он был приговорен к десяти годам тюремного заключения. Но когда французы овладели городом в 1809 году и открыли двери тюрьмы, Пакканари исчез из виду, и никто так и не узнал, что с ним стало.

В то время как работа Отцов Веры продвигалась во Франции и других странах, святой Пиньятелли, который был Ангелом-хранителем испанских иезуитов, когда они были изгнаны со своей родной земли, многое делал для общего становления Общества. Высадившись в Италии, где иезуиты еще не были тронуты, он по совету провинциала переехал в Феррару и там, как мог, разместил изгнанников. Он также учредил послушничество в связи с переданным ему колледжем; но все это было сметено, когда Приказ Климента XIV подавил все Общество в 1773 году. Конечно, первой мыслью Пиньятелли после этой катастрофы было присоединиться к своим собратьям в России, и с этой целью он написал папе Пию VI, сменившему Климента XIV, с вопросом, действительно ли иезуиты, которых приютила Екатерина II, принадлежат к Обществу.

Ответ обрадовал его сверх всякой меры, ибо он сказал ему, что он может отправиться в Россию со спокойной совестью и принять привычки Общества. Тамошние иезуиты действительно принадлежали к Обществу, поскольку Кратковременные Репрессии никогда не достигали этой страны. Понтифик также добавил, что восстановит Общество как можно скорее; и если он не сможет этого сделать, он порекомендует это своему преемнику.

Радости Пиньятелли не было предела, и он немедленно приготовился к путешествию на Север, но Провидение Божье удержало его в Италии, поскольку герцог Пармский, хотя и был сыном испанского короля Карла III, решил отозвать иезуитов в свое герцогство и с этой целью написал Екатерине II в Россию письмо с просьбой выделить трех членов Общества для организации домов. Императрица была только рада удовлетворить его желание; в феврале 1794 года три иезуита прибыли в Парму и начали свою работу в Калорно, как раз когда Пий VI проезжал через этот город по пути в тюрьмы Франции. Была использована возможность попросить у августейшего пленника разрешения открыть послушничество, и он с большой охотой удовлетворил эту просьбу. Паниццони, который в то время был провинциалом Италии, назначил Пиньятелли настоятелем и наставником послушников. К несчастью, герцог Пармский умер, и герцогство перешло к Франции; однако иезуитов не трогали в течение полутора лет, и за это время Пиньятелли, исполнявшему обязанности провинциала, удалось восстановить Общество в Неаполе и на Сицилии. Это было в 1804 году. Но когда Наполеон наложил свои руки на весь полуостров, был издан приказ об изгнании иезуитов. К счастью, его исполнение не требовало строгого соблюдения, и колледжи были открыты в Риме, Тиволи, Сардинии и Орвието.

Тем временем дела в России развивались благоприятно, настолько успешно, что в 1803 году отец Анджелини был направлен императорским послом к папе римскому просить милостыню для миссий. Когда он появился в Риме в костюме иезуита, он стал сенсацией того времени. Верховный понтифик принял его с искренней любовью и предоставил все, о чем он просил. Он остался там в качестве прокурора Общества и в следующем году смог сообщить отцу Груберу приятную новость о том, что по просьбе короля Фердинанда Общество было восстановлено в Обеих Сицилиях. Отца Пиньятелли сделали провинциалом, и целых 170 из тех, кто выжил после того, как Тануччи изгнал их тридцать семь лет назад, приехали из различных мест, которые приютили их во время Подавления, чтобы вернуться к своему прежнему образу жизни. Несколько из них, ставших епископами, попросили у папы разрешения вернуться, но всем было отказано, за исключением двоих, Авогадо Веронского и Бенкасси Карпи.

Все королевство с энтузиазмом приветствовало возвращение изгнанников. Король лично прибыл, чтобы открыть Церковь, в которую он упорно отказывался входить с момента изгнания; на первой мессе он и вся королевская семья приняли Святое Причастие. Он также передал Отцам их бывший колледж и обеспечил ему ежегодный доход в размере сорока тысяч дукатов. Этот пример воодушевил других; колледжи были основаны повсюду, и число абитуриентов было так велико, что условия приема в Общество должны были быть максимально строгими. К сожалению, это счастливое положение дел длилось недолго, поскольку в марте 1806 года Жозеф Бонапарт сменил Фердинанда IV на неаполитанском троне, и иезуиты снова встали на путь изгнания. Папа предложил им убежище в Риме, и когда они возразили, что такой курс навлечет на него гнев Наполеона, он ответил, что они страдают за Церковь и что он должен принять их так же, как это сделал Климент XIII, когда они были изгнаны из Неаполя.

Пока эти события происходили в Италии и Франции, российским иезуитам представилась возможность возродить свои старые миссии в Китае. К сожалению, она была сорвана. История, рассказанная в "Письмах Вудстока" (IV, 113), представляет собой настоящую одиссею и особенно интересна американцам по той причине, что главным действующим лицом, участвовавшим в этом героическом предприятии, впоследствии стал президент Джорджтаунского колледжа Джон Энтони Грасси.

Грасси был уроженцем Бергамо и в 1799 году поступил в послушничество, основанное отцом Пиньятелли в Калорно. Таким образом, он получил подлинно иезуитское воспитание и избежал влияния учреждений, которые Пакканари открывал в Италии как раз в то время. Из Калорно он был отправлен в Россию и назначен ректором коллегии дворян, которая зависела от учреждения в Полоцке. Тем временем он готовился к миссии в Астрахани и уже углубился в изучение армянского языка, когда китайский вопрос был доведен до сведения отца Грубера письмом от члена старого Общества, который ухитрился остаться в Китае с момента Подавления Восстания. Это был Луи Пуаро. Похоже, что его способности музыканта очаровали императора и, таким образом, позволили ему продолжить свою евангелическую работу в Поднебесной.

Услышав об учреждении Общества в России, он подумал о том, чтобы вернуть иезуитам их старое место в Китае, очевидно, не подозревая, что в Сводке от 1801 года прямо говорилось, что Общество было учреждено "только в пределах Российской империи". Но, не зная этого, он воспользовался возвращением миссионера-лазариста и написал два письма: одно Папе Римскому, а другое отцу генералу, в которых он сказал: "Мне восемьдесят лет, и есть только одна вещь, ради которой я хочу жить. Это для того, чтобы увидеть, как иезуиты возвращаются в Китай". Его письмо генералу заканчивается просьбой разрешить ему возобновить свои обеты, "чтобы умереть истинным сыном Общества Иисуса". Между тем временем, когда он написал это письмо, и его прибытием в Европу ограничение одобрения Общества Россией было снято, и отец Грубер немедленно приступил к удовлетворению просьбы почтенного и верующего старика. К счастью, как раз в это время из Санкт-Петербурга в Китай должна была отбыть торжественная дипломатическая миссия, и послу Головкину было настоятельно предложено взять с собой в свою свиту нескольких иезуитов. Предложение было с радостью принято, но было решено, что священникам лучше отправиться обычным морским путем, чем сопровождать посольство по суше.

Отец Грасси считался самым доступным человеком в сложившихся обстоятельствах, и ему просто сказали, что он должен отправиться на отдаленный пост, а его спутниками будут отец Корсак, уроженец России, и немецкий брат-мирянин по имени Сюрмер, который оказался скульптором. 14 января 1805 года они покинули Полоцк и, путешествуя день и ночь, прибыли в Санкт-Петербург 19 января. Только тогда им сообщили, что их пунктом назначения является Пекин. 2 февраля они отправились на санях в Швецию. Через три дня все они были больны и измучены, но храбро продолжали путь, пока не достигли границы, где нашли приют в маленькой гостинице. К счастью, там случайно оказался врач, и он помог им справиться с их недугами, так что через десять дней они смогли возобновить свое путешествие. Затем они отправились в Або, столицу Финляндии, и оттуда на предельной скорости пересекли замерзшее море, пока не достигли острова Аланд. 20 марта они пересекли Ботнический залив в почтовом пакете и благополучно высадились на берег Швеции. 22 марта они были в Стокгольме, но аббат Морретт, настоятель шведской миссии, к которому они должны были явиться, был мертв. Итальянский

джентльмен по счастливой фамилии Фортуна, который был российским консулом в том месте, позаботился о них и подарил Алопеусу, российскому министру.

Алопеус отговорил их от поездки в Англию, как им было указано, и предложил Копенгаген в качестве подходящего места для посадки. Прибыв туда, они были проинформированы, что в гавани стоит корабль, ожидающий отплытия в Кантон, но что капитан отказался брать каких-либо пассажиров; после чего они решили следовать своим первоначальным инструкциям и после бурного плавания прибыли в Грейвсенд 22 мая. Оттуда они отправились в Лондон, где встретились с отцом Кольманом.

То же несчастье постигло их и в Лондоне, поскольку, хотя лорд Макартни, знавший иезуитов в Пекине, сделал все, чтобы обеспечить им проезд в Китай, он потерпел полную неудачу. Затем, действуя в соответствии с новыми инструкциями, 29 июля они отплыли в Лиссабон, но встречный ветер загнал их в ирландский Корк, где, конечно же, они встретили самый сердечный прием от всех, особенно от епископа. Наконец 28 сентября они высадились в Лиссабоне, миновав при входе в гавань мрачную крепость Святого Юлиана, где Помбал заключил в тюрьму столько их собратьев. Там с ними подружился ирландский торговец по имени Стэк, а также ректор Ирландского колледжа; но в конце концов их поселили в старом разрушенном монастыре, где они спали на полу. Затем, переодевшись в одежду светских священников, они предстали перед апостольским нунцием, который был очень дружелюбен к Обществу и который сам был бы иезуитом, если бы не противодействие его семьи. Он предупредил их, чтобы они были очень осторожны в своих действиях и словах, и сообщил им, что в Макао направляется очень мало кораблей.

Находясь в Лиссабоне, они посвятили себя изучению математики и астрономии, и через два месяца их друг, ирландский купец, пришел сообщить им, что корабль вот-вот отплывет. Они поспешили сообщить об этом нунцию, но затем им сказали, что они не могут поехать в Китай без разрешения папы римского по той причине, что в этой стране Общество было подавлено. Они также узнали от священника-миссионера из "Пропаганды", что Рим был очень взволнован их предполагаемым путешествием; отец Анджелини, который тогда был в Риме, написал о том же. Тогда был март 1806 года. Не зная, что делать, они начали курс астрономии в обсерватории Коимбры, но, к сожалению, основатель обсерватории, бывший иезуит, Жозе Монтейру да Роша, был очень враждебен Обществу; и даже зашел так далеко в своем противодействии, что в публичной речи перед университетом экстравагантно похвалил Помбала за то, что тот упразднил Орден.

Странники оставались в Коимбре два месяца, а затем вернулись в Лиссабон. По пути в столицу они увидели непогребенный гроб Помбала. 4 июня пришло письмо из Англии, которое возродило их надежды, тем более что за ним последовала денежная помощь от царя; но вскоре после этого они получили известие о том, что российское посольство не смогло добраться до Китая, и они также услышали, что страна их мечты была в диком волнении, потому что тамошний миссионер прислал в Европу карту империи. Неосмотрительный картограф был заключен в тюрьму, а императорский эдикт объявил, что месть должна быть совершена над всеми христианами в империи. Кем был этот бедняга, мы не знаем. Это не мог быть старый отец Пуаро. Он был всего лишь музыкантом, а не составителем карт. 2 декабря 1806 года нунцию в Лиссабоне сообщили, что папа вполне одобрил проект Отцов Церкви и призвал своих чиновников помочь им в его осуществлении. Причина такого изменения мнения со стороны

Святого Отца объясняется тем фактом, что он стремился умиловить Россию. Тем не менее, нунций посоветовал им дождаться дальнейшего развития событий.

Прошел еще один год, в течение которого они продолжили учебу и совершили несколько переходов. Они также имели удовольствие быть представленными маркизе Таворской, единственной оставшейся в живых представительнице прославленного дома, который Помбаль так безжалостно преследовал. Наконец их отозвали в Англию, куда они прибыли 16 ноября 1807 года, после месяца тяжелых испытаний на море. В Ливерпуле их приветствовал американский иезуит отец Сьюэлл, который в то время укрывал в своем доме четырех других членов Общества. Когда небольшое сообщество собралось за столом, они представляли семь разных национальностей — американцев, англичан, французов, немцев, итальянцев, поляков и бельгийцев. Отец Грасси оставался в Англии, главным образом в Стонихерсте, до 1810 года, а 27 августа того же года отплыл из Ливерпуля в Балтимор, куда прибыл 20 октября. Таким образом, он провел три года в Англии, где общественная жизнь протекала почти без перерыва со времен старого общества. Ибо хотя в Своде законов о пресечении это было прямо запрещено, тем не менее преемник Климента санкционировал это еще в 1778 году и разрешил произносить религиозные обеты в 1803 году — привилегия, которая была распространена на Неаполитанское королевство в 1804 году. Прибыв в Соединенные Штаты, отец Грасси обнаружил, что традиции Общества в этой части мира практически не прерывались. Отцы церкви поддерживали тесные связи с Россией еще в 1805 году, и их постоянно поддерживали члены Общества в Европе. Когда была издана Булла о восстановлении, в Соединенных Штатах насчитывалось девятнадцать иезуитов.

ГЛАВА XXIII ВОССТАНОВЛЕНИЕ

Трагическая смерть отца Грубера — Падение Наполеона — Освобождение Папы Римского — Общество восстановлено - Открытие колледжей — Клоривер — Приветствие Общества в Испании — Отвергнуто в Португалии — Против Выступают католики в Англии — Объявлено в Америке — Кэрролл — Фенвик — Нил.

В 1805 году Общество столкнулось с катастрофой, которая в сложившихся обстоятельствах казалась почти непоправимой. В ночь с 25 на 26 марта ее выдающийся генерал патер Грубер был сожжен заживо в своей резиденции в Санкт-Петербурге. Его друг, граф де Местр, который все еще был послом при русском дворе, поспешил на место происшествия вовремя, чтобы получить его предсмертное благословение и попрощаться. Влияние Грубера в России было настолько велико, что опасались, что никто не сможет заменить его. Его преемником стал Тадеуш Бжозовски, который был избран второго сентября. Великолепные планы, особенно в области образования, были составлены Грубером и получили горячее одобрение императора, но их пришлось отложить для более насущных нужд. Наполеон как раз тогда опустошал Европу, и на карту было поставлено само существование России, как и других наций. Это правда, что империя находилась в мире с Францией, но после разрыва Амьенского мирного договора Наполеон пожаловался на политические меры Санкт-Петербургского кабинета министров, и послы обеих стран получили бумаги об увольнении. В результате была сформирована коалиция

России, Англии, Австрии и Швеции, призванная помешать амбициям Наполеона, который в то время претендовал на весь Итальянский полуостров. Война была объявлена в 1805 году. Аустерлиц вынудил империю принять условия Наполеона, но Пруссия и Россия продолжали борьбу вплоть до катастроф при Йене, Эйлау и Фридланде. Затем император России и король Пруссии встретились с Наполеоном на плоту, стоявшем на якоре в Немане, где восьмого и девятого июля был заключен мир.

В Эрфурте в 1808 году Наполеон и Александр разработали то, что было известно как "Континентальная система", в соответствии с которой все английские товары должны были быть исключены из каждой континентальной страны. За этим последовал оборонительный союз Австрии и Англии, и поскольку Австрия была союзником России, Александр снова вступил в борьбу с Наполеоном, но победа при Ваграме и женитьба Наполеона на австрийской эрцгерцогине Марии Луизе изменили положение дел, и "континентальная система" была восстановлена, но в настолько измененной форме, что война вспыхнула снова, и в 1812 году Наполеон начал свою русскую кампанию. Смоленская битва открыла ему путь на Москву, но когда завоеватель прибыл, он обнаружил, что город объят пламенем. Он принял это за акт капитуляции, и Александр намеренно задержал его, обсуждая условия мира до наступления зимы. Затем завоеватель решил вернуться, но было слишком поздно. 22 февраля 1813 года Александр обратился с призывом ко всем королям Европы объединиться против Наполеона, и они с готовностью откликнулись. Он разбил их при Лютцене и Бауцене, а также в Силезии, но, несмотря на свой успех, ему пришлось продолжить отступление. Он снова одержал победу при Дрездене и Лейпциге, но они безжалостно преследовали его, пока, наконец, не достигли Рейна. Мир был предложен в декабре 1813 года, но когда его принятие было отложено, союзники вступили во Францию и 3 марта 1814 года осадили Париж. Город сдался на следующий день.

Тем временем Наполеон освободил Пия VII из плена не добровольно, а в качестве политической меры, чтобы умиловить гнев католиков всего мира, у которых начали открываться глаза на масштабы этого безобразия. Восемнадцать месяцев назад он вытащил достопочтенного понтифика из Рима и день и ночь гнал его через Альпы, совершенно не обращая внимания на возраст и немощь своей жертвы, пока, наконец, папа не прибыл в Фонтенбло пленником. По словам Пакки, это была скорее тюрьма, чем дворец. Там угрозами и жестоким обращением Наполеон настолько истощил силы старика, что был подписан Конкордат, который принес в жертву некоторые из самых священных прав Святого Престола. Впоследствии оно действительно было отменено, но это почти свело папу с ума, когда он осознал всю важность того, на что его вынудили пойти. "Я умру, как Климент XIV", - воскликнул он. Но его тюремщик был бессердечен, и только после полутора лет заключения, когда союзники действительно вступали во Францию как завоеватели, он принял решение отправить понтифика обратно в Рим. Если бы он сделал это с меньшей жестокостью, то, возможно, даже тогда преуспел бы в своих расчетах, но сопровождать заключенного был послан только один слуга. Несколько дней спустя кардиналов намеренно распустили по партиям и приказали разъезжаться разными маршрутами, чтобы предотвратить любую народную демонстрацию по пути.

Пакка догнал папу в Синигалье 12 мая, а 24 мая, после краткого пребывания в Анконе, Лорето, Мачерате, Толентино, Фолиньо, Сполето, Терни и Непи, вступил в Рим. То, что произошло в этих местах, заслуживает того, чтобы быть описанным, поскольку это показывает, что Вера не только не умерла, но и стала более сильной из-за бесчинств, объектом которых был Наместник Христа. В Анконе, например, Арто рассказывает нам: "его встретили с восторгом. Моряки в гавани

столпились вокруг его кареты, распрягли лошадей и на желтых и красных шелковых веревках торжественно протащили ее по городу, в то время как с крепостных валов гремели пушки, а колокола на каждой башне возвещали радость народа. С вершины триумфальной арки папа благословил коленопреклоненную толпу, а затем благословил широкую Адриатику. Оттуда он отправился во дворец Пичи, чтобы немного отдохнуть. На следующий день он короновал статую Пресвятой Девы, королевы Всех Святых, а затем отправился в Осимо в сопровождении почетного караула в алых одеждах до самого Лорето. Въезжая в Рим через Порто-дель-Пополо, его карету запрягли молодые дворяне, и его встретила процессия маленьких сирот, выбранных из Покровительницы Провидения. Все они были одеты в белые одежды, а в руках держали золотые пальмовые ветви, которыми размахивали над головами, в то время как их молодые голоса наполняли воздух ликующими песнями. Когда толпа стала слишком плотной, малыши опустили перед ним на колени, чтобы преподнести свои символы мира, которые он с любовью принял, в то время как слезы катились по его щекам. Наконец, он добрался до городских ворот, и он двинулся по улицам, по обе стороны которых стояли на коленях толпы людей, переполненных радостью при его возвращении".

Едва ли не первым официальным актом папы Римского было восстановление Общества. О том, как это произошло, лучше всего рассказать словами его верного слуги кардинала Пакки.

"Пока мы вместе сидели в тюрьме, - говорит прославленный кардинал, - я никогда не уставал ловко подводить разговор к этому важному вопросу, чтобы снабдить Его Святейшество полезной информацией, если когда-нибудь случится так, что он снова взойдет на кафедру Святого Петра. В этих интервью он никогда не переставал демонстрировать величайшее уважение и привязанность к Обществу. Ситуация, в которой мы оказались, была замечательной, и это свидетельствует о замечательном Промысле Божьем по отношению к этому знаменитому Обществу.

"Когда Барнабо Кьярамонте был молодым бенедиктинцем, у него были учителя и профессора теологии, настроенные антииезуитски, и они наполнили его разум теологическими взглядами, которые были наиболее противоположны тем, которых придерживалось Общество. Всем известно, какие глубокие впечатления оставляет в уме раннее обучение; что касается меня самого, то я также с юности питал чувства отвращения, ненависти и, я бы сказал, своего рода фанатизма по отношению к знаменитому Обществу. Достаточно будет добавить, что мои учителя дали мне в руки и приказали сделать выдержки из знаменитой "Провинциальной литературы", сначала на французском, а затем на латыни, с примечаниями Вендрока (Николь), которые были еще более отвратительными, чем текст. Я также совершенно добросовестно прочитал "Моральную практику евреев" и другие работы подобного рода и принял их за правду.

Кто бы тогда поверил, что первым поступком бенедиктинца Кьярамонте, ставшего папой сразу после выхода из страшной бури Революции и перед лицом стольких сект, бушевавших тогда против иезуитов, будет восстановление Общества во всем католическом мире; или что я подготовлю путь для этого нового триумфа; или, наконец, что папа назначит меня выполнять те приказы, которые были для меня столь приемлемы и оказали мне столько чести? И для папы, и для меня этот поступок был источником высшего удовлетворения. Я присутствовал в Риме при двух памятных событиях - Подавлении и восстановлении Общества, и я могу засвидетельствовать, какие разные впечатления они произвели. Таким образом, 17 августа 1773 года, в день публикации Краткого отчета "Dominus ac Redemptor", на каждом лице были

написаны удивление и печаль; тогда как 7 августа 1814 года, в день возрождения Общества, Рим огласился возгласами удовлетворения и одобрения. Народ последовал за папой от Квиринала до Джезу, где должна была быть зачитана Булла, и устроил триумфальную процессию по возвращении папы в его дворец.

"Я счел уместным углубиться в эти подробности, чтобы воспользоваться случаем, представившимся в этих "Мемуарах", и торжественно опровергнуть неосторожные высказывания, которые я, возможно, высказывал в юности против Общества, которое так хорошо заслужило признание Церкви Иисуса Христа".

Некоторые кардиналы были против Реставрации, опасаясь переполоха, который она, несомненно, вызовет. Даже Консальви предпочел бы, чтобы рассмотрение дела было отложено на несколько месяцев, но было бы клеветой говорить, что он был настроен враждебно по отношению к Обществу. Уже 13 февраля 1799 года он написал следующее Альбани, легату в Вене: "Вы причиняете мне большое, очень большое зло, если когда-либо сомневались в том, что я не был убежден в том, что иезуиты должны быть возвращены снова. Я призываю Бога в свидетели, что я всегда так думал, хотя я получил образование в колледжах, которые не были благоприятны для них, но я не думал о них плохо из-за этого. Однако в те дни я сказал о них одну вещь, а именно, что, хотя я был полностью убежден в их важности, я заявил, чтобы было бы фанатизмом притворяться, что Церковь не может выстоять без них, поскольку она существовала за столетия до их существования, но когда я увидел Французскую революцию и когда я по-настоящему понял янсенизм, я тогда думал и думаю сейчас, что без иезуитов Церковь находится в очень тяжелом положении. Если бы это зависело от меня, я бы восстановил Общество уже завтра. Я часто говорил об этом Папе, который всегда желал их восстановления, но страх перед правительствами, которые были против этого, заставил его отложить это, хотя он всегда лелеял надежду, что сможет это осуществить. Он сделал бы это, если бы был жив; а если бы не смог, то посоветовал бы своему преемнику сделать это как можно быстрее. Правители народов поймут, что иезуиты укрепят их троны, вернув религию".

Конечно, мысль о восстановлении Общества возникла не у Пия VII и Пакки. Пий VI неоднократно заявлял, что добился бы этого, если бы это было вообще возможно. Даже после возвращения Пия VII в Рим некоторые из самых преданных друзей иезуитов, как мы видели, считали трудности непреодолимыми; но папа рассудил иначе, и отсюда та привязанность, с которой Общество всегда будет относиться к нему. Действительно, он уже далеко продвинулся в подготовке пути для этого. Он одобрял Общество в России, Англии, Америке и Италии. Он разрешил отцу Фонтейну основывать общины в Нидерландах; отец Клоривер с его одобрения делал то же самое во Франции, так что все ожидали, что полное восстановление произойдет в любой момент. Отец-провинциал Италии объявил, что Булла будет издана до Пасхального воскресенья 1814 года, хотя некоторые из его собратьев смеялись над ним и думали, что он сходит с ума. Однако это его не беспокоило, и в июне 1814 года он преклонил колени перед Верховным понтификом и от имени отца генерала Бжозовского представил следующее прошение:

"Мы, отец генерал и Отцы, которые, по милости Святого Престола, проживают в России и на Сицилии, желая удовлетворить пожелания некоторых князей, которые просят нашей помощи в образовании молодежи своих королевств, смиренно умоляем Ваше Высочество устранить трудности, возникшие в связи с Указом Климента XIV, и восстановить Общество в его прежнем

состоянии в соответствии с последним подтверждением этого Климентом XIII, чтобы в какой бы стране нас ни попросили, мы могли оказывать упомянутым выше князьям любую помощь, которую могут потребовать нужды их нескольких стран". ."

17 Июня Пий VII дал понять, что он более чем горит желанием удовлетворить желание просителей; а несколько дней спустя, когда кардинал Пакка сказал ему: "Святой отец, вам не кажется, что мы должны сделать то, о чем мы так часто говорили?" он ответил: "Да, мы можем восстановить Общество Иисуса в следующий праздник святого Игнатия". Даже Пакка был ошеломлен назначенной ранней датой, поскольку на подготовку к ней не было и полутора месяцев. Внешний мир был удивлен еще больше, и враги Общества попытались принизить папский акт, начав с сообщения о том, что к жизни будет возвращено не старое Общество, а только новая конгрегация. Эта идея завладела общественным сознанием до такой степени, что отец де Суньи, провинциал Сицилии, довел ее до сведения Суверенного понтифика. "Напротив, - сказал Пий, - это то же самое Общество, которое существовало двести лет, хотя теперь ограничено некоторыми ограничениями, потому что в Булле не будет упоминания о привилегиях, и есть другие вещи, которые необходимо будет включить из-за обстоятельств во Франции и Испании и потребностей некоторых епископов".

Главная трудность заключалась в составлении проекта документа. Времени было очень мало, и некоторые кардиналы придерживались мнения, что по этому поводу следует проконсультироваться с европейскими дворами. Но Пакка и папа Римский отвергли это предложение. У них был печальный опыт общения с европейскими дворами. Следовательно, кардинал Литта, который, будучи аббатом в Санкт-Петербурге, попросил подтверждения Общества в России, был выбран для составления Буллы. Он с восторгом взялся за это дело и представил папе великолепную защиту Общества, которое, по его словам, "не было ни в чем виновато"; но когда он добавил, что "подавление было санкционировано Климентом XIV неохотно" и что "это должно было быть приписано злым замыслом, чудовищной клевете и нечестивым принципам ложной политической науки и философии, которые, уничтожив Орден, глупо вообразили, что Церковь может быть уничтожена", формулировка была сочтена слишком резкой, и даже кардинал ди Пьетро, который был верным другом Климента XIV, был убежден, что Церковь может быть уничтожена. общество яростно протестовало против этого. Действительно, ди Пьетро зашел так далеко, что заявил, что в Институте должны быть внесены определенные изменения до издания Буллы. Другие члены Священной коллегии придерживались того же мнения, но не высказывались так открыто. Они боялись сделать это, потому что народная радость была настолько выражена при известии о предполагаемой реставрации, что любой, кто выступал против нее, рисковал быть причисленным к врагам.

В качестве компромисса папа отложил Буллу, составленную Литтой, а также исправления ди Пьетро и поручил эту работу Пакке. Именно его черновик был наконец опубликован. В нем не упоминается о каких-либо изменениях или искажении Института; в нем также не названы и не отменены какие-либо привилегии; оно адресовано не какому-то конкретному государству, как того хотели некоторые, а всему миру; оно никого не осуждает и не подвергает Пропаганде зарубежные миссии, которые могло бы предпринять Общество. Некоторые из "черных кардиналов", такие как Бранкадоро, Габриэлли, Литта, Маттеи и даже ди Пьетро, просили в нем большей похвалы Обществу, в то время как другие хотели, чтобы оно было таким, как написал Пакка; Маттеи возражал против выражения "примитивное правило Св. Игнатий", потому что эти слова, по-видимому, подразумевают, что Общество приняло другое в какой-то момент своей

истории, и он также хотел, чтобы была четко указана причина реставрации, а именно: "глубокое убеждение Папы в полезности Общества для Церкви". Его причина заключалась в том, что многие просили об этом, но были приняты только некоторые из его предложений.

Эти детали помешали публикации Буллы 31 июля, поэтому была выбрана октава праздника 7 августа.

Несколько выдержек из него будет достаточно. Его название - "Конституция, по которой Общество Иисуса восстанавливается в его первоизданном виде во всем католическом мире". В преамбуле сначала говорится о Краткой "Католической вере", которая утвердила Общество в России, а также о "Per alias", который восстановил его в Обеих Сицилиях. Далее в нем говорится: "Католический мир единодушно требует восстановления Общества Иисуса. Каждый день мы получаем самые срочные прошения по этому поводу от наших достопочтенных братьев, архиепископов и епископов Церкви, а также от других наиболее выдающихся личностей. Рассеивание самих камней святилища в те катастрофические дни, о которых мы содрогаемся даже при воспоминании, а именно разрушение религиозного ордена, который был славой и опорой Католической церкви, теперь настоятельно требует, чтобы мы откликнулись на всеобщее и справедливое желание его восстановления. По правде говоря, мы должны были бы считать себя виновными в тяжком грехе перед Богом, если бы среди великих опасностей, которым подвергается христианское содружество, мы не воспользовались помощью, которую особое Провидение Божье предоставляет сейчас в наше распоряжение; если бы, сидя на Барке Петра, мы отказались от помощи испытанных и энергичных моряков, которые предлагают себя, чтобы противостоять морским волнам, угрожающим нам кораблекрушением и смертью. Поэтому мы решили сегодня сделать то, к чему стремились с первых дней нашего Понтификата, и, следовательно, после того, как в горячей молитве воззвали к Божественной помощи и обратились за советом к большому числу наших достопочтенных братьев, кардиналов Святой Римской Церкви, мы постановили, с определенным знанием дела и в силу полноты нашей Апостольской власти, что все уступки и полномочия, предоставленные нами Российской империи и, в частности, Двум Сицилиям, впредь будут распространяться на Российскую империю. навсегда для всех других стран мира.

"Посему мы признаем и наделяем нашего горячо любимого сына Фаддея Бжозовски, в настоящее время генерала Общества Иисуса, и других делегированных им членов Общества всеми надлежащими и необходимыми полномочиями для свободного и законного приема всех тех, кто желает быть принят в Обычный Порядок Общества Иисуса, и что под руководством Генерала на данный момент такие лица могут быть приняты и распределены в один или несколько домов, колледжей или провинций, в зависимости от необходимости, где они должны следовать правилу, предписанному Святым Игнатием". Лойола, что было подтверждено Конституциями Павла III. Сверх этого, мы заявляем, что они обладают, и настоящим мы уступаем им право свободно и законно посвящать себя воспитанию молодежи в принципах католической религии; воспитывать их в нравственности; руководить колледжами и семинариями; проповедовать и отправлять таинства по месту жительства, с согласия и одобрения рядовых. Мы берем под нашу защиту и под наше непосредственное послушание, а также Апостольскому Престолу, все коллегии, все дома, все провинции, всех членов Ордена и всех тех, кто собран в их учреждениях, оставляя, тем не менее, за Собой и Римскими понтификами, нашими преемниками, право декретировать и предписывать все, что мы считаем своим долгом декретировать и предписывать по мере необходимости для все большей консолидации одного

и того же Общества, чтобы сделать его сильнее и очистить его от злоупотреблений, если когда-либо (чего да предотвратит Бог) таковые в нем могут быть обнаружены. И мы от всего сердца призываем, во имя Господа, всех настоятелей, ректоров и провинциалов, а также всех членов и учеников этого восстановленного Ордена везде проявлять себя верными подражателями своего Отца. Пусть они в точности соблюдают правила, предписанные для них их великим основателем, и пусть они со все возрастающим рвением следуют полезным наставлениям и советам, которые он оставил для руководства своими сыновьями.

Наконец, мы искренне рекомендуем в Господе это Общество и его членов прославленным королям, принцам и светским владыкам различных стран, а также нашим достопочтенным братьям, архиепископам и епископам и всем, кто может занимать почетные и авторитетные должности. Мы призываем их, более того, мы заклинаем их не только не терпеть, чтобы эти религиозные люди подвергались какому-либо насилию, но и следить за тем, чтобы к ним относились с благожелательностью и милосердием, которых они заслуживают".

Теперь возникла трудность с человеком, в руки которого должен был быть передан Бык. Присутствовать генералу было невозможно, поскольку он не смог получить разрешение императора на участие в том, что касалось его больше, чем любого другого члена Общества — положение вещей, которое делало очевидным, что резиденция следующего генерала должна была находиться не в России, а в каком-либо другом месте. Этого, конечно, царь никогда бы не допустил, и с того момента изгнание Общества из России было предрешено. Первым на ум пришел Анджолени, который в то время был довольно замечен в Риме, возможно, потому, что за несколько лет до этого прибыл в город в качестве посланника от русского двора. На самом деле папа уже назначил его, но Альберс в своей "*Liber sæcularis*" без колебаний говорит, что Анджолени добивался этой чести и преуспел в том, чтобы заручиться поддержкой кардинала Литты в его пользу. Но он был известен как человек с порывистым характером, готовый вмешиваться во все важные дела и решительно упрямый. Поэтому провинциал был выбран представлять генерала, и Анджолени утешился тем, что его назначили консультантом Конгрегации обрядов. Трудность кажется почти детской, поскольку какой бы известностью ни обладал Анджолени, она была сугубо личной, в то время как отец Паниццони носил официальный характер. Возможно, однако, что дружба Анджолени с Рецци, который пытался разрушить Общество на первом собрании, навлекла на него подозрения.

Наконец великий день настал. Было воскресенье, и весь Рим стекался к Джезу. Уже в восемь часов утра около сотни иезуитов вместе с коллегией кардиналов ожидали приема папы. Наконец он прибыл и отслужил мессу у главного алтаря. Затем он проследовал в часовню Братства, которая была переполнена епископами и большинством знати, находившейся тогда в городе. Среди них были королева Мария Луиза Бурбонская, жена Карла IV Испанского, со своей племянницей и тремя сыновьями. Это было возмещение Испании за зло, которое она причинила Обществу. За кардиналами в двойной ряд стояли испанские, итальянские и португальские иезуиты; самому молодому из которых было шестьдесят лет, в то время как другим все еще исполнилось восемьдесят шесть. Утверждается даже, что там присутствовал один старый иезуит, которому было сто двадцать шесть лет. Его звали Альберт Монтальто, и он состоял в Обществе сто восемь лет. Он родился в 1689 году, был принят в послушничество в 1706 году, и, следовательно, на момент Подавления ему было шестьдесят четыре года.

За эту прекрасную сказку ручается Кретино-Жоли (V, 436), но Альберс в своей "*Liber sæcularis*" сообщает нам, что таких имен, как Монтальто или Монто, нет ни в Каталоге 1773 года, ни в "*Catalogus Mortuorum Societatis Jesu*" Вивье.

Когда папа занял свое место на троне, он вручил Буллу Белисарио Кристальди, который ясным голосом, под аплодисменты всех присутствующих в часовне, прочел утешительные слова, которые иезуиты выслушали со слезами и рыданиями. Затем один за другим одни, прихрамывая с помощью своих тростей, другие, опираясь на руки присутствовавших выдающихся людей, преклонили колени у ног понтифика, который обратился ко всем им с глубочайшей и нежнейшей любовью. Для них это был самый счастливый день в их жизни, и старики среди них теперь могли спеть свой "*Nunc dimittis*".

Затем Пакка вручил Паниццони бумагу о назначении его настоятелем римского дома до тех пор, пока кандидатура не поступит от отца генерала. Дом исповеди, послушничество Сант-Андреа и другое имущество также были переданы Обществу с ежемесячной выплатой в размере пятисот скуди.

Войдя в Джезу, отцы обнаружили дом почти в том же состоянии, в каком он был, когда отец Риччи и его помощники покинули его в 1773 году, чтобы отправиться в подземелья Сант-Анджело. Он был занят общиной священников, в большинстве своем бывших иезуитов, которые продолжали служить соседней церкви, которая, хотя и лишилась большей части своих сокровищ, все еще хранила останки св. Игнатий. Два года спустя послушничество Святого Андреа было настолько переполнено, что пришлось открыть второе в Реджо. Среди новичков в этом заведении был Карл Эммануил, король Сардинии, который отказался от своей короны, чтобы вступить в Общество. Он умер там в 1819 году. В 1815 году у иезуитов были колледжи в Орвието, Витербо, Тиволи, Урбино, Ферентино и Галлоро, Модене, Форли, Генуе, Турине, Новарре, а чуть позже и в Ницце. В Парме и Неаполе они работали до 1814 года.

Всего за восемь дней до этих событий в Риме престарелый иезуит в Париже увидел собравшихся вокруг него десять выдающихся людей, которых он принял в Общество. Было 31 июля, праздник св. Игнатий, и место встречи было полно трагических воспоминаний. Это была часовня аббатства де Карм, где во время всеобщей резни священников, произошедшей там в 1792 году, были убиты двенадцать иезуитов. В голове старика были и другие воспоминания. Пятьдесят два года назад он и его религиозные братья были изгнаны, как преступники, со своей родной земли. Прошло сорок лет с тех пор, как все Общество было подавлено. Он был свидетелем всех ужасов Французской революции, и теперь, когда он приближался к вечности — ему было тогда восемьдесят пять, — он увидел у своих ног группу людей, некоторые из которых уже добились отличия в мире, но у которых в тот момент было только одно стремление: быть принятыми в Общество Иисуса, которое, как они надеялись, однажды будет восстановлено. Им и в голову не приходило, что через семь дней после того, как они таким образом встретились в аббатстве, чтобы отпраздновать праздник св. Игнатий, Пий VII, вернувшийся из своего плена во Франции, Буллой "*Sollicitudo omnium ecclesiarum*" торжественно восстановит Общество по всему миру.

Старого священника звали Пьер-Жозеф Пико де Клоривер. Он родился в Сен-Мало 29 июня 1735 года и вступил в Общество 14 августа 1756 года. Он преподавал в классе в Компьене, когда Шуазель изгнал Общество из страны, но, хотя он был всего лишь схоластом, это никак не повлияло на его призвание. Он присоединился к английской провинции и, окончив курс

богословия в Льеже в Бельгии, принял постриг в четырех обетах примерно через месяц после того, как Климент XIV издал свой Запретительный приказ. Этот указ еще не был обнародован в Нидерландах. Вместо того чтобы отправиться в Англию, как можно было бы ожидать, он вернулся на родину в качестве светского священника, и мы находим его управляющим приходом в Параме с 1775 по 1779 год. Он также был директором епархиального колледжа Динана, где оставался вплоть до революции. Тем временем он писал благочестивые книги и основал две религиозные конгрегации: одну для священников, другую для благочестивых женщин во всем мире. Первая прекратила свое существование в 1825 году. Последнее все еще процветает.

Отказавшись принести конституционную присягу, он был отстранен от всех церковных функций и начал подумывать о том, чтобы предложить себя своему старому другу и однокурснику по Льежу, епископу Кэрроллу, для работы в миссиях Мэриленда; но то или иное обстоятельство помешало ему осуществить свою цель, хотя, с другой стороны, удивительно, что он смог принять решение остаться во Франции. Его брат был гильотинирован в 1793 году; его племянницу постигла та же участь позже; его сестра, монахиня-визитантка, была посажена в тюрьму и избежала смерти только благодаря падению Робеспьера от власти; несколько его духовных последователей погибли во время шторма, но ему удавалось скрываться до 1801 года, когда из-за его отношений с Лимоэлланом, который был замешан в заговоре с целью убийства Первого консула, он был заключен в тюрьму. Ему было тогда шестьдесят девять лет.

За семь лет своего тюремного заключения он написал объемистые комментарии к Библии, главным образом к Апокалипсису. Он также посвятил себя духовному совершенствованию своих товарищей-заключенных, один из которых, швейцарский кальвинист по имени Кристин, стал католиком. Поскольку Кристин был атташе российского посольства, он отправился в Россию после освобождения в 1805 году, взяв с собой письмо от Клоривьера генералу Общества, в котором писатель просил разрешения возобновить свою профессию и въехать в российскую провинцию. Конечно, обе просьбы были удовлетворены. Когда он, наконец, был освобожден из-под стражи в 1809 году, Клоривер снова написал в Россию, чтобы сообщить генералу, что епископ Кэрролл хотел, чтобы он отправился в Мэриленд в качестве наставника послушников. Что касается его самого, то, хотя ему было семьдесят пять лет, он был вполне готов удовлетворить просьбу епископа. Однако генерал решил, что будет лучше остаться во Франции.

Тем временем отец Варин, настоятель Отцов Веры, созвал членов своей общины, чтобы обсудить, как они могли бы осуществить первоначальную цель своей организации, а именно: объединиться с иезуитами России, но до 1814 года никакого прогресса достигнуто не было. В своем замешательстве он посоветовался с монсеньором делла Генгой, который впоследствии стал Львом XII, а также с отцом Клоривьером. Но, к его ужасу, они оба сказали ему оставить вопрос *всуществующем положении*. Это было тем более неприятно, потому что он только что услышал, что отец Фонтейн, находившийся в Амстердаме, уже принял нескольких Отцов Веры. После чего он отправился в Голландию, и ему сказали, что и делла Генга, и Клоривер ошиблись в своем решении. Чтобы развеять все сомнения, ему посоветовали немедленно написать в Россию, а еще лучше отправиться туда лично. Он решил сделать и то, и другое. В начале июня 1814 года он вернулся во Францию, чтобы рассказать своим друзьям о результатах своей встречи с отцом Фонтейном, но во время его отсутствия отец Бжозовский поручил Клоривьеру сделать во Франции то, что Фонтейн делал в Голландии. Это все решило, и 19 июля 1814 года

отцы Варин, Буассар, Роже и Дженнессо были приняты в послушничество; а несколько дней спустя Дюмушель, Беке, Ронсен, Кулон, Лорике с братом-мирянином последовали их примеру. 31-го, в День святого Игнатия, все они собрались в Аббатстве, чтобы умолять Основателя Общества благословить это открытие провинции Франция.

В силу своего назначения отец Клоривер обнаружил, что теперь ему приходится заботиться о семидесяти послушниках, большинство из которых были бывшими Отцами Веры; в этой быстро собравшейся толпе было невозможно реализовать всю схему обучения послушников во всех ее деталях. Действительно, единственным "экспериментом", данным новичкам, был тридцатидневный ретрит, и его почтенный старый настоятель предпринял сам. Возможно, возраст сделал его разговорчивым, возможно, это была переполняющая радость, потому что он не только выполнил всю программу, но и перестарался, и, вместо того чтобы объяснять основные моменты, он говорил во время каждой медитации в течение того, что французы называют "пятью четвертями часа". Но благодать восполнила то, что было утрачено из-за такой растянутости, и община загорелась рвением, когда Упражнения были закончены. Как скоро они получили известие о том, что произошло 7 августа в Риме, мы не знаем. Но не было в мире более счастливых людей, чем они, когда пришла радостная весть; и они продолжали оставаться такими, даже если Людовик XVIII не снизошел или побоялся обратить на Буллу никакого внимания и предупредил иезуитов и их друзей, чтобы они не устраивали демонстраций. Общество было восстановлено, и это сделало их безразличными ко всему остальному.

В Испании официальный указ от 25 мая 1825 года провозгласил восстановление Общества, и когда отец де Суньига прибыл в Мадрид, чтобы реорганизовать испанскую провинцию, у ворот города его встретила длинная процессия доминиканцев, францисканцев и членов других религиозных орденов, чтобы поприветствовать его. Впоследствии целых сто пятнадцать бывших иезуитов вернулись на родину из различных стран Европы, где они трудились, и начали восстанавливать свои старые учреждения. Многим из этих старых героев было за восемьдесят. Лойола, Оньяте и Манреса приветствовали их с восторгом, и сорок шесть городов прислали петиции о создании колледжей. Тем временем в Лойоле, Манресе и Севилье были основаны послушничества.

Португалия не только не признала их, но и издала яростный указ против Быка. Только пятнадцать лет спустя иезуиты вошли в эту страну, и тогда их первой работой было захоронение еще непогребенных останков их заклятого врага Помбала и принятие четырех его правнуков в один из своих колледжей. Бразилия, находившаяся в зависимости от Португалии, имитировала горечь метрополии. Император Австрии был благосклонен, но дух, воспитанный в народе его предшественником Иосифом, все еще свирепствовал и препятствовал внедрению Общества в его владения. Но, в целом, поступок папы Римского получил признание во всем мире. Так Пакка написал Консальви.

Конечно, в некаатолических странах поднялся шум. В Англии даже некоторые католики с оружием в руках выступили против Буллы. Один человек, написавший в "Католическом справочнике" 1815 года, счел это "падением католической религии". Несколько лет спустя в Экс-ла-Шапель состоялся конгресс, в котором приняли участие несколько англичан в знак протеста против восстановления Ордена. К счастью, это вызвало письмо от старого адмирала эрла Сент-Винсента, в котором говорится следующее: "Я с возмущением услышал, что сэр Дж. К. Хиппсли, член парламента, уехал в Конгресс. Поэтому я умоляю вас передать это письмо его

Святейшему Папе Римскому в качестве подтверждения моего мнения о том, что мы не только обязаны этому Ордену самыми полезными открытиями любого рода, но и что теперь они необходимы для образования католической молодежи во всем цивилизованном мире ". За исключением Джона Милнера, все апостольские викарии Англии были категорически против восстановления Общества в этой стране.

Как раз в то время Соединенные Штаты находились в состоянии войны с Англией, и случилось так, что за семнадцать дней до издания Буллы отец Грасси и его товарищи-иезуиты были свидетелями из окон Джорджтаунского колледжа бомбардировки Вашингтона британским флотом. Они видели охваченный пламенем город и были полностью уверены, что колледж будет взят врагом, но, к их великой радости, на следующее утро они увидели, как сорок кораблей подняли якоря и один за другим спустились по Потомаку. Они, конечно, не знали, что происходило в Риме, но как только весть о восстановлении достигла Америки, отец Фенвик, будущий епископ Бостона, который тогда работал в церкви Святого Петра в Нью-Йорке, написал об этом отцу Грасси, который был президентом Джорджтауна. Письмо датировано 21 декабря 1814 года и гласит следующее:

"Преподобный и Дорогой Отец,

Te Deum Laudamus, Te Dominum confitemur!

Таким образом, Общество Иисуса восстановлено! Это давно оскорбляемое Общество! Общество, которое было осуждено как развращающее молодежь, насаждающее нездоровую, нехристианскую и распущенную мораль! Это Общество, которое было унижено самой Церковью, отвергнуто ее служителями, объявлено вне закона ее королями и оскорблено ее мирянами! Восстановлен по всему миру и восстановлен публичной Буллой Суверенного Понтифика! До сих пор запертая в маленьком уголке мира и лишенная возможности расширяться, чтобы народы земли, любимцы небес, не вдохнули яд ее зловонного дыхания, она теперь призвана вперед как единственная опора для спасения потерпевшего кораблекрушение философствующего мира; единственный восстановитель церковной дисциплины и здоровой морали; единственная опора христианства в обновлении правильных принципов и распространении благочестия! Значит, это так. Какой триумф! Какая слава для Общества! Какое замешательство для врагов! *Gaudeamus in Domino, diem festum celebrantes!* Если после этого кто-нибудь скажет, что Бог не друг Общества, я без колебаний объявлю его лжецом.

"Я пользуюсь, дорогой сэр, первыми свободными минутами после получения вашего письма, чтобы передать вам мои поздравления с великими и славными новостями, которые вы недавно получили из Европы, — новостями, которые должны взволновать сердце каждого истинного друга христианства и распространения Евангелия; новостями, особенно благодарными этой стране, и особенно колледжу, ректором которого вы являетесь, который отныне сможет продолжать свою деятельность *secundum regulam et Institutum*".

Здесь будет уместно сказать несколько слов об этом выдающемся американском иезуите. Он родился в родовом поместье Фенвиков в округе Олд-Сент-Мэри, штат Мэриленд, и был прямым потомком Катберта Фенвика, который выделялся среди первых колонистов-католиков своей оппозицией Льюгеру, секретарю Калверта, тогда посягавшему на права Церкви в Мэриленде.

Когда Джорджтаунский колледж открыл свои двери, Бенедикт Фенвик и его брат Енох были одними из его первых студентов. После окончания курса он взял на себя то, что его старый поклонник, знаменитый отец Стоунстрит, называет "болезненными, но способствующими самосовершенствованию обязанностями в классной комнате", и в течение трех лет был профессором гуманитарных наук. Позже он начал изучать теологию в семинарии Святой Марии в Балтиморе, но ушел оттуда, чтобы стать иезуитом. Семья Фенвиков, как в Англии, так и в Америке, всегда была тесно связана с Обществом, и когда пришло известие о том, что оно вот-вот будет возрождено, Бенедикт и Енох были выбраны вместе с четырьмя другими претендентами в качестве краеугольных камней первого послушничества в Соединенных Штатах Северной Америки. Он был рукоположен 11 июня 1808 года в церкви Святой Троицы в Джорджтауне, округ Колумбия, епископом-иезуитом Нилом, соадьютором архиепископа Кэрролла, и был немедленно отправлен в Нью-Йорк с отцом Кольманом, чтобы подготовить эту епархию к приезду ее первого епископа доктора Конканена. Сам Кольманн был назначен на престол, но понтифик уступил мольбам отца генерала не лишать все еще беспомощное Общество такого ценного работника; поэтому вместо него был назначен доминиканец отец Ричард Люк Конканен.

Кольманна и Фенвика с большим энтузиазмом встретили в Нью-Йорке, который сильно пострадал от различных приезжих, время от времени совершавших там богослужения. Несколько выдающихся новообращенных были обращены в веру, и была предпринята попытка повлиять на знаменитого вольнодумца Тома Пейна, но несчастный негодяй умер, богохульствуя. Именно Кольман и Фенвик основали Нью-Йоркский литературный институт на месте нынешнего собора Святого Патрика. Он был достаточно успешным, чтобы привлечь сыновей самых выдающихся семей города, и заслужил похвалу таких людей, как знаменитый губернатор Нью-Йорка Де Витт Клинтон и губернатор Томпкинс, который впоследствии стал вице-президентом Соединенных Штатов. В то же время они строили старый собор Святого Патрика, который должен был стать кафедральным собором нового епископа. Епископ Конканен так и не добрался до Нью-Йорка, и когда в 1814 году прибыл его преемник епископ Коннолли, отец Фенвик был его утешением и поддержкой во многих горьких испытаниях, которые пришлось пережить в те беспокойные дни. Он был назначен генеральным викарием, и когда в 1817 году его отправили в Джорджтаун на должность президента колледжа, это произошло вопреки решительному протесту и искренним мольбам епископа, который, можно сказать мимоходом, чрезвычайно сожалел о закрытии Литературного института — чувство, разделяемое каждым американским иезуитом. Причина для этого приводится Хьюзом ("История общества Иисуса в Северной Америке", I, ii, 945).

Пока Фенвик находился в Джорджтауне, Чарльстон, Южная Каролина, был охвачен церковным волнением. Люди находились в открытом расколе, и архиепископ Балтиморский Марешаль, несмотря на свой антагонизм к Обществу, обратился к настоятелю ордена иезуитов с просьбой, чтобы кто-нибудь внес порядок в этот хаос. Послали Фенвика, и его такт, здравомыслие и доброта были таковы, что он вскоре овладел ситуацией, и в епархии воцарился мир, когда прибыл новый епископ, уважаемый Джон Ингленд. Как ни странно, епископ Ингленд имел то же предубеждение против Общества, что и епископ Конканен; такое умонастроение, которое можно объяснить тем фактом, что оно было подавлено высшей властью в Церкви и что даже образованные люди не знали о причинах, приведших к катастрофе. Но Фенвик вскоре

разубедил епископа. Действительно, он оставался генеральным викарием Чарльстона до 1822 года, и когда его отозвали в Джорджтаун, епископ Ингленд поначалу категорически отказывался его отпускать.

В надгробной речи, произнесенной над Фенвиком позже отцом Стоунстри, он сказал, имея в виду чарльстонские беспорядки: "Трудности возникли между французской и англо-ирландской частями конгрегации, каждая настаивала на том, чтобы проповедовать на своем родном языке; каждая не хотела оставаться в священном храме, в то время как слово Божье провозглашалось на языке другой. Добрый Отец, ничуть не смущенный представшей перед ним сценой противоречия, поднимается на кафедру, начинает свою речь на обоих языках, быстро чередуя языки Прекрасной Франции и англосаксонский, и своим горячим желанием объединить всю общину узами милосердия удивляет, смягчает, завоевывает и приводит в гармонию сердца всех. Был восстановлен прочный мир, который продолжается до сих пор".

Епископ Шеверус, который в то время находился в Бостоне, впоследствии был призван во Францию, чтобы стать архиепископом Бордо и кардиналом. Отец Фенвик, без консультаций, был назначен на вакантную кафедру. На самом деле, первое известие о повышении он получил, когда "Буллз" были у него в руках, так что протестовать было невозможно. Он был хиротонисан 1 ноября 1825 года, и его друг епископ Ингленд проделал весь путь из Чарльстона, чтобы помочь в качестве одного из хиротонизирующих. В то время Бостонская епархия была синонимом Новой Англии, но в ней было всего десять церквей, две из которых предназначались для индейцев. Фенвик, однако, принялся за работу в своей обычной героической манере. Он особенно любил индейцев и храбро сражался с нечестными белыми. Поскольку краснокожие были потомками абенаки, которым старые иезуиты принесли Веру, в его защите было родственное чувство. То же чувство родства побудило его основать газету, которую он назвал "Иезуит". Это был вызов фанатизму Новой Англии, которому предстояло найти множество серьезных проявлений. "Иезуит" был пионером католической журналистики в Соединенных Штатах.

Епископ Фенвик был против скопления католиков в крупных городах, и для их разделения он основал исключительно католическую колонию Бенедикта, но этот план создания Парагвая в лесах штата Мэн имел лишь ограниченный успех. Движимый тем же мотивом любви к Обществу, он посетил место, которое отец Рэсл освятил своей кровью, когда фанатичные пуритане Массачусетса казнили его в 1724 году. Отец Рэсл был апостолом Абенаки и обосновался на территории нынешнего Норриджвока в Кеннебеке. Фенвик отправился туда помолиться. Хотя это место находилось в дикой местности, он решил сделать его примечательным местом для будущих католиков Америки; и над разлагающимися останками Расле и его храбрых защитников-индейцев он воздвиг памятник - гранитный вал, на котором была вырезана надпись, повествующая о трагедии. Это было слишком для фанатизма, который тогда царил в тех краях, и памятник был снесен; но Фенвик снова поставил его на место; позже, когда со временем он отклонился от перпендикуляра, епископ Портлендский Уолш исправил дефект и при большом стечении народа торжественно освятил его заново.

Будучи епископом Бостона, Фенвик совершил благочестивое паломничество в Квебек; город, из которого иезуиты старого Общества отправились в свои опасные путешествия по евангелизации индейцев континента. Он увидел там огромное здание, на фасаде которого были вырезаны буквы I. N. S. "Что это?" - спросил он. "Это старый иезуитский колледж, ныне солдатские казармы", - последовал ответ. Его душа была полна негодования, и он в гневе

воскликнул: "Возмутительно, что эти люди крови заняли дом, освященный мучениками Жогом, Бребефом, Лалеманом и другими". Добрый епископ не знал, что мученики никогда не видели этого здания. Оно было построено после того, как они отправились за своими венцами на небеса.

Во время его епископства царил известный эгоизм, и во время одной из вспышек на монастырь урсулинок в Чарльзтауне в полночь было совершено нападение. В сестер стреляли, дом был разграблен, часовня осквернена, и все здание было предано огню. Почерневшие руины простояли пятьдесят лет, напоминая Содружеству о его позоре, пока, наконец, остатки здания, возведение которого обошлось так дорого, не пришлось убрать, чтобы избежать налогообложения. Именно Фенвик основал колледж Святого Креста в Вустере, штат Массачусетс, учреждение, которое является Альма-матер большинства последующих епископов Новой Англии. Он также отличается тем, что является единственным католическим колледжем, закон которого запрещает принимать студентов, кроме католиков. Фенвик похоронен там. Он умер 11 августа 1846 года, пробыв епископатом двадцать один год.

Странно, но Булла, воскрешающая Общество, была отправлена в Америку только 8 октября 1814 года, а 5 января 1815 года епископ Кэрролл написал отцу Мармадьюку Стоуну в Англию следующее письмо: "Ваша драгоценная и благодарная милость, сопровождаемая Буллой о Восстановлении, была получена в начале декабря и вызвала величайшее чувство радости и благодарности не только у выживших и новых членов Общества, но и у всех добрых христиан, которые что-либо помнят об их услугах или слышали об их несправедливом и жестоком обращении и были свидетелями последствий их подавления. Вы можете представить себе мои ощущения, когда я прочитаю отчет о том, как Его Святейшество лично отслужил мессу у великолепного алтаря собора Св . Игнатий в Джезу; собрание выживших иезуитов в часовне, чтобы услышать провозглашение их воскресения и т.д."

Вернувшись в Америку после подавления Общества в Бельгии, отец Кэрролл переехал жить в дом своей матери в Рок-Крик, штат Мэриленд, поскольку больше не считал себя имеющим право на поддержку из фондов иезуитов, которые все еще поддерживали свое существование в колониях. Они никогда не подавлялись, тогда как он принадлежал к общине в Нидерландах, которая была канонически прекращена в результате Судебного разбирательства. Он провел два года в миссиях в труднодоступной местности Мэриленда, а затем отправился вместе с Бенджамином Франклином, Сэмюэлем Чейзом и своим двоюродным братом Чарльзом Кэрроллом в Канаду, чтобы побудить тамошних французов выступить заодно с американцами против Великобритании. Континентальный конгресс особо просил его войти в состав посольства. Миссия провалилась, и Колонии сами были виноваты в этом; потому что двумя годами ранее они опубликовали "Обращение к английскому народу", осуждающее правительство не только за попытку установить англиканское епископство в английских владениях, но и за сохранение папистского епископата на берегах Святого Лаврентия. Очевидно, что для французских католиков, которым было гарантировано свободное отправление своей религии, было бы невозможно передать свою верность стране, которая считала эту уступку одной из причин, оправдывающих революцию.

Когда война закончилась, Кэрролл и пятеро других иезуитов встретились в Уайтмарше, чтобы придумать способы сохранить свое имущество в целостности и сохранности для продолжения своей миссионерской работы. У них не было других ресурсов, кроме продуктов со своих ферм, для

личной поддержки. Верующие ничего им не давали. На этой конференции они решили попросить Рим наделить кого-нибудь из них полномочиями подтверждать, предоставлять способности и диспенсации, освящать масла и т.д. Они добавили, что на данный момент епископ не нужен. Петиция была отправлена 6 ноября 1783 года, а 7 июня 1784 года Кэрролл был назначен начальником миссий в тринадцати штатах и получил полномочия для подтверждения. В то время в стране насчитывалось около девятнадцати священников и пятнадцать тысяч католиков, из которых три тысячи были рабами-неграми. В 1786 году Кэрролл поселился в Балтиморе и проявлял заметную активность в муниципальных делах, основывая школы, библиотеки и благотворительные организации. Возможно, именно благодаря ему в Конституцию Соединенных Штатов была включена статья 6, в которой говорится, что "никакой религиозный тест никогда не должен требоваться в качестве квалификации для получения какой-либо должности или общественного доверия в Соединенных Штатах"; и, вероятно, также поправка о том, что "этот Конгресс не должен издавать законов, касающихся установления религии или запрещающих свободное ее исповедание". Его фактическим спонсором на Съезде был К.К. Пинкни из Южной Каролины.

Кэрролл был назначен епископом Балтимора Пием VI 6 ноября 1789 года, за него проголосовали двадцать четыре из двадцати пяти священников страны. Он был освящен 15 августа 1790 года в замке Лалворт, Англия, старшим апостольским викарием Англии, епископом Уолмсли. По случаю избрания Вашингтона президентом он представлял духовенство в поздравительном обращении, на которое Вашингтон ответил; "Я надеюсь, что ваши соотечественники не забудут патриотическую роль в свершении Революции и создании правительства или важную помощь, которую они получили от нации, исповедующей римско-католическую веру".

Он созвал первый Синод в Балтиморе в 1791 году. На нем присутствовали двадцать два священника пяти национальностей. Он созвал сульпицианов в Балтимор в 1791 году; первым рукоположенным им священником был Стивен Бадин, любимый пионер Кентукки, а четыре года спустя знаменитый русский князь Димитрий Галлицын. Ему также удалось добиться назначения правительством миссионера для индейцев. Он намеревался иметь своим помощником и преемником на престоле отца Лоуренса Грасселя, который был новичком в старом Обществе и который по настоятельной просьбе Кэрролла приехал в Америку в качестве миссионера. Грассель, однако, умер до прибытия "Буллз". Затем был избран отец Леонард Нил, иезуит из Мэриленда, который был посвящен в 1800 году. Через год и два месяца после восстановления Общества, а именно 3 декабря 1815 года, Кэрролл умер. Вполне уместно, что этот сын святого Игнатия был призван на небеса в день памяти великого друга и сподвижника святого Игнатия, святого Франциска Ксаверия.

По этому поводу была процитирована заметка отца Хьюза (op. cit., Doc., I, 424), на которую часто ссылаются как на свидетельство изменения отношения Кэрролла к Обществу после того, как он стал архиепископом. Отец Чарльз Нил написал ему следующее: "Столь же несомненно, что у меня нет полномочий отказываться от каких-либо прав, которые вывели бы субъекта из-под власти его настоятеля, который должен и обязан быть лучшим судьей в том, что наиболее выгодно для всеобщего или индивидуального блага членов Общины". На обороте письма появляются слова "Недопустимые претензии", которые, по словам епископа Марешаля, были написаны Кэрроллом.

Отношение архиепископа Кэрролла к Обществу ясно проявилось в его письме от 10 декабря 1814 года, адресованном отцу Грасси, в котором говорится: "Поскольку я способствовал вашему величайшему счастью на земле, прислав чудесную буллу о всеобщем восстановлении, я почти не успел дочитать ее до конца, и я полностью ожидаю ее возвращения сегодня вечером вместе с письмом мистера Плоудена". Не следует забывать, что у Кэрролла было разбито сердце, когда Общество было подавлено, и что он жаждал смерти из-за горя, которое это ему причинило. Слова "Недопустимые претензии", отмеченные в письме Нила, относились к официальному протесту отца Чарльза Нила против устава синода епископов, созванного в Балтиморе. Нил, действительно, желал пользоваться особыми привилегиями Общества и управлять так, как это делалось в старом обществе или как в России, процедура, которая вызвала неодобрение широких масс. Грасси в письме Плоудену в Англию пишет: "Он (архиепископ Кэрролл) рассматривает мистера Часа. Нил как человек безрассудный, и люди, знавшие его в Льеже и Антверпене, придерживаются почти такого же мнения". Короче говоря, администрация Нила как президента Джорджтауна, так и руководителя миссии была самой катастрофической (ср. Хьюз, I, ii, *passim*).

Леонард Нил, как и Кэрролл, был американцем. Он родился недалеко от Порт-Тобакко в Мэриленде в 1746 году и вместе со многими другими молодыми мэрилендцами был отправлен в иезуитский колледж Сент-Омера во Франции. После Подавления восстания он уехал в Англию, где в течение четырех лет занимался приходской работой. Оттуда он был отправлен в Демерару в Британской Гвиане и продолжал работать в этой суровой стране с 1779 по 1783 год. Его здоровье наконец пошатнулось, и он вернулся в Мэриленд и присоединился к своим братьям-иезуитам. Он отличился во время эпидемии желтой лихорадки в Филадельфии и оставался в этом городе в течение шести лет в качестве викария епископа Кэрролла. В 1797 году произошла еще одна эпидемия лихорадки, и он был поражен, но выздоровел. В 1798 году он был направлен в Джорджтаунский колледж в качестве президента, а в 1800 году, еще будучи президентом, был рукоположен в сан коадьютора архиепископа Кэрролла. Он продолжал свою схоластическую работу до 1806 года, сменив на престоле Балтимор в 1815 году. Тогда ему было семьдесят лет, и у него было слабое здоровье. Он умер в Джорджтауне 18 июня 1817 года. Епископ Марешаль, которого предложил папе епископ бостонский Шеверус, уже был назван в честь престола.

Епископ Марешаль был сульпицианином. Он покинул Францию в начале Французской революции и, проведя несколько лет в Америке в качестве профессора как в Джорджтауне, так и в Балтиморе, вернулся на родину, но через несколько лет снова оказался в Мэриленде. Нил хотел, чтобы он стал епископом Филадельфии, но предложение было отклонено, и он был назначен коадьютором Балтимора с правом наследования. Он был освящен 14 декабря 1817 года и занимал престол до 1826 года. К сожалению, весь период с 1820 года был отмечен недопониманием с Обществом. Несмотря на эту полемику, которая временами была излишне резкой, архиепископ Марешаль стремился назначить посетившего его иезуита отца Питера Кенни епископом Филадельфии. (ср. Хьюз, указ. соч., Документы, для получения подробной информации о разногласиях.)

ГЛАВА XXIV

ПЕРВОЕ СОБРАНИЕ

Изгнание из России — Петруччи, викарий — Попытка разрушить Общество — Спасены Консальви и Розавен.

Генеральными руководителями, возглавлявшими Общество в России, были Станислав Черневич (1782-85), Габриэль Ленкевич (1785-98), Фрэнсис Кареу (1799-1802), Габриэль Грубер (1802-05) и Тадеуш Бжозовский (1805-20). Первые двое были всего лишь викариями, как и отец Кареу при первом избрании, но Кратким "Catholicæ Fidei" он был повышен до звания генерала 7 марта 1801 года. Два его преемника носили тот же титул. Отец Бжозовски прожил шесть лет после Реставрации. Но эти годы, должно быть, были для него временем больших страданий. Он был избран председателем быстро расширяющегося Общества, деятельность которого уже простиралась до краев земли, но фактически был узником в России. Вскоре стало очевидно, что такой порядок был невыносим, и правительство не только осуществляло жесточайшую слежку за каждым членом Ордена, но даже когда сам Бжозовски попросил разрешения поехать в Рим, чтобы лично поблагодарить Святого Отца за милость, оказанную Обществу Буллой о восстановлении, он получил категорический отказ. Поэтому было решено, что после его смерти должен быть избран генерал, который будет проживать в Риме, независимо от того, каковы могут быть последствия в России.

Трудность, однако, разрешилась сама собой. Хотя официально Александр был главой Православной церкви, его мало заботили ее доктрины, ее практика или традиции, и он приступил к созданию союза всех сект на основе того, что он считал фундаментальными истинами религии. Ему даже приписывают честолюбивое стремление к всеобщему духовному владычеству, которое затмило бы мечту Наполеона о всемирной империи, построенной на материальной мощи. Было ли это результатом его размышлений, — ибо в своем роде он был религиозным человеком, — или это было подсказано ему баронессой Джулией де Крюднер, которая в то время производила сенсацию как сторонница возрождения, установить невозможно. Однако нет никаких сомнений в том, что он попал под ее влияние.

Мадам де Крюднер отказалась от удовольствий и богатства, чтобы вернуть мир к тому, что она называла принципами первобытной Церкви. Она путешествовала по Германии и Швейцарии примерно с сорока своими поклонниками, которые непрестанно выкрикивали: "Мы призываем следовать за нами только избранных". Она открывала бесплатные столовые, куда бы ни пошла, и ее новообращенные преклоняли перед ней колени, когда им раздавали эту диетическую пищу, которую они считали даром небес. Естественно, сначала это влечение подействовало на бедняков, но вскоре баронесса достигла высших слоев общества. Ее возможность представилась в Вене, где союзные монархи заседали, чтобы определить политический облик мира, после того как они избавились от Наполеона. Они оказали ей честь присутствовать на некоторых ее встречах, и Александр, проявивший большой интерес, стал особым объектом ее внимания. Она называла его "Белым ангелом Божьим", в то время как Наполеона называли "Темным ангелом ада".

Такой серьезный писатель, как Канту, придерживается мнения, что именно баронесса разработала план Священного Союза, в котором четыре монарха согласились любить друг друга как братья; управлять своими соответствующими государствами как различными ветвями великой семьи наций и иметь Иисуса Христа, Всемогущее Слово, своим Суверенным Господом.

Но сразу же после заключения этого благочестивого договора они начали распределять между собой военные трофеи. Пруссия захватила Саксонию, Россия - Польшу, Австрия - Северную Италию, а Англия - Мальту, Гельголанд и Капские острова. Так была вознаграждена доблесть.

По предложению Голицына, своего священнослужителя, Александр начал благочестивый курс чтения Библии, чтобы вырваться из мрака, в который он, казалось, погрузился после войны. Очевидно, это оказало на него какое-то благотворное воздействие, и он стал восторженным сторонником этой практики для всех классов людей. Английское библейское общество должно было помочь пропаганде, а католический архиепископ Могилевский и его духовенство решительно поддержали имперский проект. Иезуиты неизбежно должны были противодействовать этому массовому распространению искаженных версий священного текста, и они пытались указать на глупость оставлять его толкование невежественным людям. Следствием этого стало то, что они вызвали гнев не только Библейского общества и императора, но и российского и частично католического духовенства. Беспокойный Сестренцевич, архиепископ Могилевский, не только решительно поддержал этот проект, но и предположил Голицыну, что позиция иезуитов предоставляет прекрасную возможность избавиться от них. Была и другая причина, по которой удар был неизбежен. Говорят, что польская католичка по фамилии Нарычкина отмежеввалась от царя из-за отказа в отпущении грехов во время Пасхи. Духовником был иезуит, отец Перковский, и, конечно, поскольку все его сообщники действовали бы точно так же, все Общество попало под запрет.

Заленский в своем "Русском бланше" находит другую причину потери благосклонности Александра. Он не только не был Романовым, но и в его жилах не было ни капли русской крови, кроме как через своего отца Павла, предполагаемого внебрачного сына Екатерины до того, как она стала императрицей. Он знал, что иезуиты знали об этом семейном пятне, хотя об этом никогда не было произнесено ни слова. Тем не менее, ему было не по себе, и он был вполне готов избавиться от их присутствия.

Поскольку он официально провозгласил, что все религии одинаковы, многие из тех, кто под политическим давлением исповедовал верность греческой церкви, стали материалистами или атеистками, а некоторые выдающиеся женщины стали католичками. На атеистов не обращали внимания, но в этих обращениях в Веру винили иезуитов, особенно трех французских отцов церкви, среди которых был Розавен. Граф де Местр, который в то время находился в Санкт-Петербурге, решительно заявляет, что они не имели к этому никакого отношения. Однако чувство против них было очень сильным, и им не хватало только повода проявить себя. Это произошло, когда племянник Голицына объявил, что собирается стать католиком. Это было слишком для слуги культа, чтобы смириться с этим, и хотя парень, который был учеником одного из иезуитских колледжей, дал понять, что Отцы Церкви не имели абсолютно никакого отношения к его проекту и что его решение было лишь результатом его собственного расследования, ему не поверили, и был издан указ от 25 декабря 1815 года, объявляющий об их изгнании из страны. Это было через семнадцать месяцев после Восстановления.

В указе обращалось внимание на тот факт, что "когда иезуиты были изгнаны из всех других народов Европы, Россия милосердно приняла их и доверила их заботам воспитание молодежи. В свою очередь, они разрушили мир Православной церкви и отвернули от нее некоторых учеников своих колледжей. Такой поступок, говорилось в документе, объясняет, почему к ним относились с таким отвращением в других местах. Указ переполнен благочестием, выражая

сожаление по поводу имевших место "отступничеств", а затем далее заявляет, что: во-первых, Католическая церковь в России настоящим восстанавливается по плану, который был принят со времен Екатерины II до 1800 года; во-вторых, иезуиты должны немедленно покинуть Санкт-Петербург; в-третьих, им запрещен въезд в любую из столиц.

Примечательно, что указ об изгнании не изобилует клеветой, подобной тем, которые были вынесены католическими судами Европы. Он был основан исключительно на религиозной почве. Изгнание также не характеризовалось каким-либо проявлением жестокости, как в Испании, Португалии и Франции; ибо, хотя полиция нагрянула в дома глубокой ночью и выгнала жильцов, по пути к местам их ссылки была проявлена почти материнская забота об их страданиях в малейшей степени. Конечно, все их бумаги и книги были изъяты, но, возможно, отцы были рады этому; ибо, хотя со времен Екатерины они были тесно связаны с отвратительными скелетами ее двора и ее преемников, в объемистой переписке, которая была так внезапно изъята правительством, не упоминалось ни о каком семейном скандале. Что касается обвинения в прозелитизме, то есть письмо отца Бжозовского отцу де Клориверу, датированное 20 февраля 1816 года, в котором говорилось, что не только никто из Отцов никогда не пытался повлиять на своих учеников, но и что за тринадцать лет существования Колледжа Санкт-Петербурга ни один русский православный студент не был принят в Церковь. Далее говорится, что в течение долгого времени шторм был предвиден и что все были готовы к нему.

Прежде чем был нанесен последний удар, отец Бжозовский обратился к императору с просьбой, по крайней мере, разрешить Отцам продолжить их труды в опасной миссии в Рижском округе, на Кавказе и на берегах Волги, во всех этих местах их успехи в цивилизации и христианизации населения были официально признаны императором. Но просьба не была удовлетворена, и в 1820 году, как раз когда отец Бжозовский был при смерти, иезуитам было приказано покинуть империю, а все их имущество конфисковано. Потеря была тяжелой во многих отношениях, но она имела свои компенсации. Ибо, во-первых, это эффективно решило вопрос о месте жительства генерала. Во-вторых, поскольку жившие в России иезуиты были почти всех национальностей Европы и поскольку многие из них отличались большими способностями во многих областях образования, таким образом, для наспех созданных колледжей в различных частях мира было доступно ценное подкрепление. В-третьих, традиции Общества в России оставались нерушимыми, и пример и руководство почтенных людей, которых там было 358, должны были передать различным провинциям истинный дух Общества. В любом случае преемник Александра изгнал бы их, поскольку он был жестоким гонителем Церкви, и, более того, масонство и неверие вносили печальный хаос в то, что осталось от религии нации.

Умирая, Бжозовски назначил викарием отца Петруччи, наставника послушников в Генуе, что было самым неудачным выбором; ибо Петруччи был не только стар и болен, но и катастрофически лишен житейской мудрости и оказался податливым орудием в руках хитрых людей. Его назначение показало невозможность руководить Обществом в сдерживаемой России, где генерал не мог быть достаточно информирован о характере различных членов Ордена. Собрание было созвано на 14 сентября 1820 года, но, хотя 2 августа в Риме уже находились семнадцать из двадцати одного делегата, кардинал делла Генга написал Петруччи, что папа хочет, чтобы собрание было отложено, потому что ему нужно время для прибытия польских отцов, которые представляли заметную часть Общества.

Поскольку никто никогда не ставил под сомнение тот факт, что польская провинция, которая единственная осталась нетронутой во время общего крушения, была заметной частью Конгрегации и Общества, и поскольку, более того, у польских делегатов не возникло бы трудностей с прибытием в Рим до 14 сентября, все подозревали, что затевается что-то злое. То, что Петруччи и кардинал делла Дженга были заодно друг с другом в этом вопросе, было ясно из того факта, что Петруччи, не посоветовавшись ни с кем из своих коллег, немедленно разослал письма во все провинции, объявляя о сокращении конгрегации, протестуя при этом, что должность викария слишком велика для человека его возраста и немощей. Было также отмечено, что с кардиналом была небольшая группа недовольных, состоящая из Рицци, Панкальди, который состоял только в ордена диакона, Пьетробони и определенного числа римских священнослужителей, некоторые из которых были прелатами, которые, как и делла Дженга, конечно, не принадлежали к Обществу.

Эти заговорщики держали умы ожидающих делегатов в состоянии лихорадочного возбуждения, заявляя, что существует большой страх не только среди широкой общественности, но даже при папском дворе, что может быть избран пакканарист. Действительно, среди выборщиков их уже было трое: Синео, Розавен и Гривель, и поэтому было желательно задержать собрание до тех пор, пока не будет уверенности, что больше никто не прибудет. Кроме того, некоторые из тех, кто недавно был принят в Общество, утверждали, что только те, кто принадлежал к старому Обществу или долгое время жил в России, должны быть приняты в качестве делегатов. Были также высказаны сомнения относительно того, следует ли считать иезуитами или светскими священниками тех, кто принял свои обеты до официального признания Общества в России в 1801 году или признания на Сицилии в 1804 году.

Короче говоря, Рицци и его единомышленники настолько наполнили умы посторонних сомнениями, что некоторые прелаты и даже кардинал посоветовали передать эти вопросы папе для урегулирования. Наконец, в день, первоначально назначенный для конгрегации, а именно 14 сентября, кардинал делла Генга отправил три письма отцам Церкви в Рим. В первом он сказал, что папа убежден в том, что собрание делегатов следует отложить, и что он передал викарию Петруччи все полномочия регулярно избираемого генерала. Второе письмо было направлено помощникам, которые были проинформированы о том, что Его Святейшество желает, чтобы все нарушения, которые, по словам делла Генги, существовали в конгрегации, были исправлены, и с этой целью он назначил комитет в составе его самого, кардинала Галиффи и архиепископа Нанцианзума, а также Петруччи и Рицци для их рассмотрения. Более того, этот комитет должен был председательствовать на выборах. В третьем письме предписывалось добавить новых помощников к тем, кто уже находится на своем посту, всего их было семь, что до тех пор было абсолютно неслыханно в Обществе.

Рицци и Петруччи были в приподнятом настроении, когда об этом стало известно, но не так, как другие делегаты, и они решили обратиться непосредственно к Папе Римскому. Затем возникли сомнения относительно того, какой кардинал должен был представить апелляцию. Маттеи и Литта, верные друзья Общества, были мертвы, и Пакка слегка склонялся к взглядам Рицци. Оставался Консальви. Отец Розавен написал ему апелляцию, но двое помощников и Петруччи отказались ее подписать. Консальви принял просителей с величайшей благосклонностью, пообещал представить документ папе римскому и призвал отцов церкви не унывать. Он объяснил ситуацию Святому Отцу, который немедленно одобрил просьбу и издал следующий приказ: "Выслушав просьбу, мы приказываем немедленно созвать генеральную конгрегацию и

как можно скорее избрать Генерального, несмотря на все обстоятельства, свидетельствующие об обратном". "Все, - писал Розавен, - были в восторге, за исключением, конечно, Петруччи, провинциала итальянской провинции Пьетробони и тех, кто был введен в заблуждение Рицци".

Собрание собралось 9 октября. Присутствовали двадцать четыре Священника, которые избрали генералом отца Алоизиуса Фортиса. Петруччи протестовал против законности выборов, но когда обычная делегация предстала перед папой, они были приняты самым сердечным образом, и он направил их к Консальви за указом о "санации", если таковая потребуется. "Он всецело предан вам, - сказал папа, - и с величайшей заботой следит за вашими интересами". Теперь, когда община была сформирована должным образом, отцы Церкви как можно быстрее приступили к наказанию заговорщиков. И Петруччи, и Пьетробони были смещены со своих соответствующих должностей викария и провинциала, а другие нарушители спокойствия были изгнаны из Общества; — папа высоко оценил эту акцию. Именно кардинал Консальви предотвратил катастрофу.

Учитывая позицию великого кардинала в этом вопросе, огорчительно слышать, что Кретино-Жоли заявляет, что Консальви поступил так, потому что он был дипломатом, светским человеком, а не священнослужителем. Его мало заботили иезуиты (*il aimait peu les Jésuites*), которых он считал добавляющими новых политических затруднений к реальным осложнениям в Европе, но он знал, как быть справедливым, и отказался быть соучастником заговора (VI, 1). Это клевета. У нас есть собственные слова папы о заботе Консальви об обществе, а в "Мемуарах", отредактированных самим Кретино-Жоли, утверждается прямо противоположное. Так, на странице 56 мы читаем: "Он сделал счастливыми наибольшее количество людей и при этом был счастливее их, потому что таким образом заставлял их почитать Церковь, свою Мать". На странице 11 он говорит, что всякий раз, когда Консальви писал о Наполеоне, "он ставил себя в присутствие Бога, чтобы беспристрастно судить своего преследователя". На странице 180: "Он жил, не заботясь о богатстве; он никогда не просил и не получал никаких подарков. Он понял, что святой Бернар и папа Евгений III сказали в свое время о кардинале Чибо: "Проходя через этот мир денег, он никогда не знал, что такое деньги. Он был расточителен в своей благотворительности и умер фактически бедняком". Это не черты "светского человека и политика".

Что касается "его неприязни к иезуитам", то в этих "Мемуарах", которые были закончены в 1812 году и, следовательно, за восемь лет до собрания конгрегации, мы находим следующие слова (II, 305): "Когда папа Пий VII вернулся в Рим в 1801 году, он получил письмо от Павла I, императора России, с просьбой восстановить иезуитов в его владениях. Папа был рад возможности угодить царю, а также совершить похвальный (*достоинный* уважения) поступок; ибо это было восстановление к жизни Института, который вполне заслуживал христианского мира и падение которого ускорило крушение Церкви, престолов, общественного, , , , , порядка, морали, общества. Можно утверждать это, не опасаясь быть обвиненным в преувеличении или лжи честными и разумными людьми и теми, кто не проникнут ложной философией или партийным духом".

Затем он рассказывает, насколько осторожным должен был быть папа, прежде чем удовлетворить просьбу Павла, "чтобы, - говорит Консальви, - не вызвать антагонизм врагов Общества: философов и ненавистников религии и общественного порядка, которые, добившись осуждения этого закона от Климента XIV, теперь использовали бы весь механизм

судов, которые просили о подавлении этого закона, чтобы предотвратить его реабилитацию". Папе это удалось, но несколько лет спустя, когда австрийский император обратился за помощью к иезуитам, его министры привели к провалу проекта. Они согласились принять иезуитов, но таким образом и в такой форме, что они больше не могли быть иезуитами. Папа не согласился бы на такие условия, а поскольку императорский двор не принял бы их такими, какими они были, вопрос был закрыт". Другими словами, папа Пий VII и его великий кардинал вместе с Климентом XIII верили, что в их Институт не следует вносить никаких изменений. *Sint ut sunt aut non sint*. Позвольте им быть самими собой или не позволяйте им быть вообще. Утверждать, что в сердце великого поборника Веры Консальви было мало любви к иезуитам, значит говорить то, что противоречит фактам.

Новый генерал, отец Алоизиус Фортис, родился в 1748 году, и, следовательно, на момент избрания ему было семьдесят два года. Однако, несмотря на свой возраст, он отличался крепким здоровьем и управлял Обществом в течение девяти лет. Он был в старом обществе в течение одиннадцати лет до Подавления. В 1794 году он был связан в Парме со святым Пиньятелли, который дважды предсказывал его избрание. Он был префектом учебных заведений схоластики в Неаполе, а когда Общество было восстановлено, его назначили викарием отца Бжозовски в Риме. В 1819 году Пий VII назначил его *епископским экзаменатором*. Поэтому его избрание, естественно, доставило удовольствие папе, и он засвидетельствовал это радостью, озарившей его лицо, когда ему официально объявили результат. Рвение, с которым он поставил свою подпись под официальным документом, также свидетельствовало о его удовлетворении. В Доме Исповедания Отцы Церкви с энтузиазмом приветствовали этот выбор, как и толпы людей, которые немедленно устремились к Джезу, чтобы услышать объявление. Всеобщий крик был "Они выбрали святого". Император Австрии Франциск I, принц Гессенский Фридрих и герцог Антоний, которому вскоре предстояло стать королем Саксонии, выразили свое удовольствие по поводу повышения отца Фортиса.

Письмо, написанное Антонием, стоит процитировать. "Я с величайшей радостью прочитал в открытой прессе, - сказал он, - об избрании человека, о котором вполне можно сказать, что он *Фортис* по имени и *фортис* по натуре. Я понимаю, что его смирение побудило бы его не согласиться со мной, но я надеялся, что таков будет мой выбор, и теперь мое желание исполнилось. Бог, руководивший этими выборами, даст вам ту силу, которой, как вы думаете, вам не хватает для выполнения обязанностей вашего поста. Сейчас более чем когда-либо я вверяю себя горячим молитвам вас самих и ваших товарищей. Я имею на них право, ибо с самой ранней юности я был самым преданным служителем Общества, которому я обязан своим религиозным воспитанием".

В собрании отец Фортис предложил резолюцию или декрет, как ее еще называют, который имеет первостепенное значение и который, само собой разумеется, был принят единогласно. Оно гласит следующее: "Хотя нет никаких сомнений в том, что обе Конституции, данные Нашим Святым Основателем, и все, что с течением времени Отцы решили добавить к ним, восстановили свою силу в самом начале восстановленного Общества, поскольку явным желанием нашего Святого Отца Пия VII было, чтобы восстановленное им Общество управлялось теми же законами, что и до Подавления, тем не менее, чтобы устранить все опасения на этот счет и положить конец упорству некоторых нарушителей мира, это собрание не только подтверждает, но и, насколько это необходимо, постановляет заново, в соответствии с властью, предоставленной Генералу и конгрегациям Павлом III, и подтверждает, что не только

Конституции с декларациями и декретами генеральных конгрегаций, но и Общие правила и правила нескольких должностей, Ratio Studiorum, рукоположения, формулы и все, что относится к законодательству Нашего Общества, остаются нетронутыми, и желает, чтобы все и каждая из вышеупомянутых статей имела такую же обязательную силу для тех, кто живет в Обществе, какую они имели до Буллы о подавлении Климента XIV".

Хотя Фортис был мягким и скромным, он не допускал послаблений, особенно в вопросе бедности, и тем, кто не желал мириться с требованиями, он разрешал покинуть Орден. "Нам нужны фрукты, - обычно говорил он, - а не корни". Опять же, несмотря на свое новое достоинство и великие природные дары, он всегда был тем же самым простым отцом Фортисом. Он был таким страстным любителем бедности, что хранил свою одежду до тех пор, пока она не истрепалась и не порвалась, и ее приходилось красть из его комнаты, чтобы заменить другой, более соответствующей его положению. В 1821 году он объединил в вице-провинцию различных членов Общества, разбросанных по Бельгии, Голландии, Швейцарии и Германии, и дал ему название, описывающее его состав: "Вице-провинция Швейцарии и германские миссии". В 1823 году была образована провинция Галиция. В ней было много старых Отцов России, но их число было настолько велико, что многих пришлось отправить в Италию, Францию и другие места. Таким образом, особенно выиграла Сицилия. Из созданной таким образом провинции за короткое время возникли три другие: Германия, Бельгия и Голландия.

Отец Фортис умер 27 января 1829 года. Скорбь о его потере была всеобщей, и никто не ощущал ее так остро, как король Саксонии, который написал еще одно нежное письмо, чтобы выразить свою скорбь. Следует отметить, что, хотя королевская семья Саксонии по-прежнему является католической, никто из тех, кто прошел обучение в иезуитской школе, не имеет права занимать там какие-либо церковные должности. Это любопытное состояние в королевстве, которым в 1821 году правил монарх, радовавшийся тому факту, что он был выпускником иезуитского ордена.

Главным среди выдающихся иезуитов конгрегации 1820 года, без сомнения, был француз Джон Розавен. Он родился в Кемпере в Бретани 9 марта 1772 года. Его дядя принадлежал к Этому Обществу, когда оно было подавлено во Франции в 1760 году, а затем стал приходским священником в Плогоннеке. Находясь там, в 1789 году, в начале революции, он был избран представителем на Генеральном уровне. Он принял конституционную присягу, но вскоре отказался от нее. Однако ему пришлось искупить свою измену Церкви, став жертвой своего епископа, который, как и он, присоединился к расколу, но не отрекся. Из-за этого дурного предчувствия Розавен покинул страну, прихватив с собой будущего иезуита, своего племянника, который в то время жил с ним. Они оба исчезли в ночь на 20 июня 1792 года, а 24-го прибыли на остров Джерси. Оттуда они отправились в Лондон и через несколько месяцев добрались до герцогства Клевское.

Услышав, что в Брюсселе есть французская духовная семинария, молодой Розавен поступил в нее, был рукоположен в иподьякона, но был вынужден покинуть ее через шесть месяцев из-за прибытия французских войск. Затем он и его дядя переехали в Падерборн и поселились в старом иезуитском заведении, где прожили четыре года, за это время молодой человек был рукоположен в священники, а затем покинул своего дядю, чтобы присоединиться к Отцам Святого Сердца под руководством отца Варина. Узнав о существовании иезуитов в России, Джон подал заявление о приеме и был принят 28 марта 1804 года. Впоследствии он был

назначен префектом учебных заведений и профессором философии в Дворянском колледже Санкт-Петербурга. В ходе своей министерской работы он обратил к Вере принцессу Елизавету Голицыну, хорошо известную как одну из первых дам Святого Сердца. Знаменитая мадам Свитчин была еще одной из его новообращенных. Он был профессором молодого Голицына, который наделал столько шума в Санкт-Петербурге своим предполагаемым участием в обращении.

После смерти отца генерала Бжозовски Розавен был направлен в качестве делегата конгрегации, и, как мы видели, именно его мудрость и мужество спасли Общество от кораблекрушения в тот раз. Он был избран помощником генерала и, за исключением одного короткого визита во Францию, до конца своей жизни оставался в Риме. Он был слишком ценным помощником для генерала, чтобы ему позволили даже побывать официальным гостем во Франции, хотя все там требовали его присутствия. Именно он разрушил философскую систему де Ламенне и в то же время удержал горячие головы французских провинций от принятия и преподавания нового учения. Его "Исследование некоторых философских доктрин" вышло в свет в 1831 году, и хотя должность ассистента давала ему много занятий, он преподавал теологию, был членом нескольких папских конгрегаций и выслушивал до 20 000 исповедей в год. Этот огромный труд стал возможным благодаря тому, что он вставал в половине четвертого утра, а также благодаря пунктуальности и систематичности, с которой он выполнял различные задачи дня. Во время эпидемии холеры 1837 года, несмотря на свой шестидесятипятилетний возраст, он погрузился в работу, как и остальные его собратья, и за время эпидемии выслушал 23 000 исповедей.

Когда разразилась революция 48-го года, Розавен оставался в Риме более или менее уединенным, но в конце концов, когда возникла опасность того, что его посадят в тюрьму, его друг, граф Рампон, сказал: "Вы придете в мой замок, и я прослежу, чтобы к вам не приставали". Покровительство было принято, и несколько дней спустя в замке был дан банкет, на который были приглашены французский посол и несколько известных антииезуитских деятелей. Когда гости расселись, было замечено, что рядом с графом освободилось место. "Вы ждете кого-то еще?" они спросили. "Да, - сказал он, - у меня здесь очень замечательный пожилой джентльмен, которого я хочу вам представить. Он мой друг и более достоин уважения, чем кто-либо в целом мире". Затем, выйдя из комнаты, он ввел отца Розавена за руку и громким голосом обратился к своим гостям: "Господа, я должен представить вам моего друга, отца Розавена, который соизволил воспользоваться моим гостеприимством. Он здесь под моей защитой, и я передаю его под вашу. Если, вопреки моим ожиданиям, ненависть загонит его в мой дом, граф Рампон будет защищать своего гостя до последней капли крови. Затем, сделав шаг назад, он распахнул дверь, за которой обнаружился внушительный набор мушкетов, пистолетов и шпаг, которые можно было достать, если возникнут непредвиденные обстоятельства, о которых он говорил. Излишне говорить, что к отцу Розавену относились с величайшим вниманием не только на банкете, но и впоследствии.

Оттуда он отправился в Неаполь, но позже присоединился к отцу Рутаану во Франции. Когда Пий IX вернулся в Рим, отец генерал и его верный помощник тоже вернулись. Но Розавен достиг конца своего паломничества. В 1851 году он серьезно заболел и испустил дух 2 апреля в возрасте семидесяти девяти лет. Он посвятил тридцать лет непрерывной работе с тех пор, как так доблестно сражался в двадцатой конгрегации.

Помимо Розавена, на двадцатом собрании присутствовал выдающийся английский иезуит Чарльз Плоуден. Он родился в Плоуден-Холле, Шропшир, в 1743 году, в семье, которая не только непоколебимо придерживалась Веры во время всех гонений, опустошивших Англию, но и отдала нескольких своих сыновей Обществу Иисуса, а нескольких дочерей - монахиням религиозных орденов. Он вступил в Общество в 1759 году и был рукоположен в Риме за три года до Подавления. Он был в Бельгии, когда была прочитана Сводка, и несколько месяцев провел в тюрьме. После преподавания в Льеже он вернулся в Англию, где был назначен капелланом в замке Лалворт и в этом качестве проповедовал там во время хиротонии епископа Кэрролла. Он имел большое отношение к созданию Стонихерста и был первым мастером послушников в Англии после восстановления, впоследствии он был ректором Стонихерста и провинциалом. Именно он вместе с отцами Мэттингли и Сьюоллом обратился к Бенджамину Франклину в Париже, чтобы убедить его разрушить план превращения Церкви Соединенных Штатов в зависимую от церковных властей Франции организацию.....Он умер в Юне, во Франции, по дороге домой с собрания, и был похоронен с воинскими почестями, потому что его сопровождающий сообщил властям маленького городка, что покойный был вызван в Рим для избрания генерала. Они неправильно поняли значение слова "генерал" и поэтому похоронили скромного иезуита со всей помпой и церемониями, которые обычно сопровождают погребение выдающегося солдата.

20 августа 1823 года скончался Пий VII, большой друг Общества, и иезуиты с немалым ужасом узнали об избрании Льва XII. Это был тот самый кардинал делла Генга, который пытался контролировать двадцатую конгрегацию и, как предполагалось, раскрыл свое отношение к Обществу много лет назад, когда посоветовал отцу Варину не пытаться создать союз между Отцами Веры и иезуитами в Белой России. У отца Розавена, в особенности, были основания для опасений, поскольку именно он сорвал планы делла Генги на выборах Фортиса; но опасения оказались беспочвенными, и Розавен поспешил заверить своих друзей во Франции, что за три года, прошедшие после той богатой событиями борьбы, Бог изменил мнение делла Генги. Как Суверенный понтифик, он стал одним из самых ярых друзей Общества.

ГЛАВА XXV СТОЛЕТИЕ БЕДСТВИЙ

Изгнание из Голландии — Беспорядки во Фрайбурге — Изгнание и отзыв в Испании — *Petits Seminaires* — Берриер — Монлозье — Мужское братство — Сент—Ашельтолпа — Четырнадцать иезуитов убиты в Мадриде — Погребение Помбаля — Памфлет де Равиньяна — Вейо — Монталамбер — де Бональд — Архиепископ АфFRE — Мишле, Кине и Кузен — Джоберти — Изгнание из Австрии — Культуркампф — Резня заложников в коммуне — Юг Америка и Мексика - Процветающее состояние до начала Мировой войны.

Когда Пий VII восстановил Общество в 1814 году, он сказал, что это произошло потому, что "ему нужны были опытные моряки на Барке Петра, которую швыряло по бушующим морям мира". Буря не утихала. Напротив, его жестокость возросла, и моряки, удостоившиеся этого призыва, не имели ни минуты отдыха с того богатого событиями дня, когда им было приказано возобновить свою работу.

Еще в 1816 году король Нидерландов Вильгельм I послал отряд солдат, чтобы изгнать иезуитов из своих владений. Он начал с послушничества в Дестельбергене. Некоторые изгнанники отправились в Ганновер, а другие - в Швейцарию. Рассеяние, однако, не повлияло на призвания. Например, в 1819 году Питер Беккс, который в то время был светским священником в приходе Уккле, конечно, не предполагая, что впоследствии он станет Генералом Общества, поступил в послушничество в Хильдесхайме. До 1830 года было получено более пятидесяти претендентов. Цифра поразительная, потому что она означала изгнание, отцовскую оппозицию и указ о бессрочном исключении из любой государственной должности в Голландии. Однако, несмотря на закон об изгнании, нескольким священникам удалось остаться в стране, тайно выполняя функции своего служения.

В России Общество, как упоминалось выше, находилось взаперти в ограниченной части Белой Руси с 1815 года; 13 марта 1820 года Александр II распространил действие указа о высылке на всю страну.

Затем во фрейбургском обществе разразилась буря, поводом послужила педагогическая ссора, к которой иезуиты не имели абсолютно никакого отношения. Жители города обсуждали относительные достоинства систем начального обучения Песталоцци и Ланкастера; и чтобы восстановить мир, городской совет по просьбе епископа закрыл все школы. Это обрушило общественный гнев на голову епископа, но поскольку почтение к его официальному положению защищало его от открытых нападок, кто-то предположил, что за этой мерой стояли иезуиты. В результате в полночь 9 марта 1823 года толпа напала на иезуитский колледж и требовала его разрушения. Епископ, однако, написал письмо, взяв на себя полную ответственность за эту меру, и проблемы прекратились.

После падения Наполеона Талейран предложил Людовику XVIII отозвать иезуитов для коллегиальной работы. Но прежде чем его величеству удалось принять решение, об этом предложении стало известно, и Талейран был отстранен от власти, несмотря на опубликованное им воззвание, заверявшее общественность, что он всегда был врагом Общества. В последовавшее за этим затишье Отцы смогли продолжить свою работу, но четыре года спустя, а именно в 1819 году, они были изгнаны из Бреста, но продолжали трудиться миссионерами в отдаленных сельских районах.

15 мая 1815 года Фердинанд отозвал их в Испанию в качестве возмещения за грехи его предков, и их прием стал поводом для всеобщего ликования — им был доверен сам Имперский колледж. Тогда их насчитывалось около ста, и в течение пяти лет в каталоге их было сто девяносто семь. На какое-то время их оставили в покое, но в 1820 году на улицах вокруг их домов собрались толпы, требующие их крови, и был составлен законопроект об их изгнании. По примечательному — или это было сделано намеренно? — совпадению на документе стояла дата 31 июля, в день памяти испанского святого Игнатия Лойолы. Чувство против них было настолько сильным, что трех Отцов, прославившихся по всей Испании своей преданностью больным чумой, подняли с постелей, бросили в тюрьму, а затем отправили в изгнание. Тем временем отец Уригойтия был убит толпой возле знаменитой пещеры святого Игнатий в Манресе. Папа и король протестовали напрасно. Действительно, король был осажден в своем дворце и содержался там до тех пор, пока не было удовлетворено все требования бунтовщиков; он оставался фактически пленником до тех пор, пока французские войска не вошли в Испанию. В

1824 году иезуиты были отозваны снова, в 1825 году подготовительная военная школа была вверена их попечению, как и Колледж дворян в Мадриде в 1827 году.

В 1828 году у французских иезуитов начались новые неприятности. Поскольку у них не было собственных колледжей, они приняли восемь *петитов-семинаров*, которые были предложены им епископами. Это было до того, как они стали известны как иезуиты, поскольку по всем внешним признакам они были светскими священниками. Но мало-помалу их учреждения приобрели сложный характер. Мальчики, у которых не было никаких духовных устремлений, просили о приеме, так что управление школами стало чрезвычайно трудным, и, конечно, их истинный характер вскоре начал вызывать подозрения у властей. Поэтому было приказано провести расследование в отношении всех *мелких* чиновников страны, хотя мера была направлена только против восьми человек, контролируемых иезуитами. Поскольку допрос был очень подробным, он вызвал большое раздражение епископов, которые увидели в нем попытку правительства контролировать начальное священническое образование по всей стране, и, следовательно, вызвал гневный протест со стороны всей иерархии, за исключением одного прелата, который был конституционным епископом.

Именно по этому случаю младший Берриер произнес свою виртуозную речь перед "Генеральным советом по защите католической религии". Он неопровержимо установил точку зрения закона о том, что "собрание, которое не разрешено, следовательно, не запрещено" — принцип, принятый всеми французскими судами до недавнего времени. Помимо умения и красноречия, это было тем более примечательно, что его отец был одним из самых известных нападавших в Обществе в 1826 году. Мольба заканчивалась таким замечательным высказыванием: "Узрите результат всех этих интриг, всей этой ярости, всех этих безобразий, всей этой ненависти! Два государственных министра вынуждают законную монархию сделать то, чего даже Революция не мечтала лишить трона. Один из этих министров является главой французской магистратуры и блюстителем законов; другой - католический епископ, официальный попечитель прав своих братьев в епископате. Оба они соперничают в своем рвении уничтожить духовенство и завершить кровавое дело Революции. Аплодируйте этому, кощунственная и атеистическая раса! Узрите священника, который предаст святилище! Узрите магистрата, который предаст суды закона и правосудие!"

Главным оппонентом Беррье был знаменитый граф де Монлозье, чьи "Мемуары" стали сенсацией того времени. Она состояла из четырех глав: 1. Братства. 2. Иезуиты. 3. Ультрамонтаны. 4. Клерикальные посягательства. Они были описаны как "Четыре бедствия, которые должны были подорвать трон". Братства особенно беспокоили его, поскольку, согласно его представлению о них, они были "внешне благочестивым собранием ангелов, сенатом мудрецов, но на самом деле кружком интригующих дьяволов". Эти братства или конгрегации, как их называют во Франции, приобрели значение и эффективность во благо, которым, возможно, нет равных в истории подобных организаций в других странах. Их основателем был отец Дельпюит, "называть имя которого - удовольствие, - сказал красноречивый Лакордер, - потому что, хотя другие, возможно, и заслужили больше аплодисментов за свое влияние на молодых людей, никто не заслуживал этого больше".

Когда Общество было изгнано из Франции в 1762 году, Дельпюит стал светским священником, и де Бомон, архиепископ Парижа, предложил ему стать каноником. Он проводил ретриты для духовенства и мирян, особенно для молодых коллег. Во время революции его посадили в

тюрьму, а затем сослали, но после бури он вернулся во Францию. Там он познакомился с молодым отцом Баратом, который только что вышел из тюрьмы и горел желанием присоединиться к иезуитам в России. Дельпюиты посоветовали ему остаться во Франции, где остро нуждались в людях его склада, и поэтому Барат не вступал в Общество до 1814 года.

В 1801 году, следуя старым традициям иезуитов, дельпюиты организовали братство, начав с четырех молодых студентов юридического факультета и медицины. Вскоре к ним присоединились другие, среди них Лаэннек, который впоследствии стал одной из знаменитостей медицинской профессии как изобретатель аускультации. Затем пришли два аббата и два брата из дома Монморанси. Будущий математик Огюстен Коши, а также Симон Бруте де Ремур, который позже должен был стать одним из первых епископов Соединенных Штатов; Форбин-Янсон, столь выдающийся в Церкви Франции, был содалистом, как и трое маккартистов, один из которых, Николас, стал иезуитом и считался Златоустом Франции. Список длинный. Когда Дельпюит умер в 1812 году, его сторонники воздвигли над ним скромный памятник и поставили S. J. после его имени. Это было за два года до восстановления. Затем за эту работу взялся Сульпициан, но в 1814 году он передал ее отцу де Клориверу, который, в свою очередь, поручил ее отцу Ронсену. Его добрые дела множились во всех направлениях, и филиалы были открыты по всей Франции. К тому времени, когда Монлозье начал свои атаки, в реестре значилось 1373 имени, хотя Монлозье заверил общественность, что их было не менее 48 000. Среди них было большое количество священников и даже епископов, в частности, Шеверус, первый епископ Бостона, а впоследствии кардинал-архиепископ Бордо. Последнее собрание братства состоялось 18 июля 1830 года. Париж тогда был охвачен Революцией, и братство было подавлено, но позже вновь возродилось к жизни.

Пока продолжалась эта атака на содалистов, иезуиты, конечно, подвергались нападкам со всех сторон. Борьба становилась ожесточеннее с каждым днем, пока "Журнал дебатов" не смог сказать: "Имя иезуит на каждом языке, но оно должно быть проклято; оно повторяется в каждой газете страны со страхом и тревогой; оно разносится по всей Франции на крыльях ужаса, который оно внушает". В Национальной библиотеке насчитывалось до ста книг, больших и маленьких, и все они были изданы только в 1826 году. Это были произведения не только анонимных писак, зарабатывающих деньги, но и таких людей, как Тьер и поэт Беранже, которые не считали подобную литературу ниже своего достоинства. Казимир Перье выступил на трибуне против Общества, и зловещее имя Паскье, носитель которого, возможно, был потомком знаменитого антииезуита времен Генриха IV, встречается в списке ораторов. Ламенне ввязался в драку, но не совсем в защиту иезуитов, а для того, чтобы провозгласить свой ультраантигалликанский настрой; таким образом, привнесся этот элемент в войну. К этому добавился старый янсенистский дух, который еще не был изгнан из Франции; более того, Бурнишон обнаруживает его следы у некоторых Отцов Веры, вступивших в Общество.

Наконец, произошла революция 1830 года, во время которой послушничество Монружа было разграблено. Та же участь постигла и другие дома Франции. 29 июля толпа из четырехсот или пятисот человек напала на Сент-Ашель, некоторые из нападавших кричали за короля, другие за императора, третьи снова за Республику, но все объединились в крике: "Долой священников! Смерть иезуитам! Отец де Равиньян попытался обратиться к толпе, но его голос потонул в грохоте падающих балок. Позвонили в колокол, призывая на помощь, но это только еще больше взбесило нападавших. Де Равиньян продолжал взывать к ним, но был ранен камнем в лицо и тяжело ранен. Затем кто-то из толпы крикнул, чтобы пили, и принесли вино. Это на некоторое

время успокоило бунтовщиков, но пока они были заняты опустошением бутылок и разбиванием бочек, на них обрушился отряд кавалерии из Амьена, и они обратились в бегство. Однако полицейские прибыли слишком поздно, чтобы спасти дом. Он был разрушен, и некоторых Отцов отправили в разные части света — Италию, Швейцарию, Америку или в зарубежные миссии. Но когда народных волнений больше не было, многие вернулись из-за границы и оказали свои услуги французским епископам, в результате чего в течение длительного времени не было периода, когда за кафедрами выступало так много ораторов и миссионеров, как в правление Луи-Филиппа.

Пий VIII умер 30 ноября 1830 года, и это стало сигналом к восстанию в Италии. Благодаря кардиналу Бернетти, викарию Рима, в самом городе поддерживался мир, но в других частях Папской области поднялся антииезуитский крик. Колледжи были закрыты, а все дома подверглись обыску под предлогом поиска спрятанного оружия. Тем временем усердно распространялись клеветнические слухи, очерняющие репутацию Отцов церкви.

Во время Испанской революции 1820 года были убиты двадцать пять иезуитов. В 1833 году вспыхнула гражданская война между сторонниками и противниками Изабеллы, и без всякой причины два иезуита были арестованы и брошены в тюрьму. Один из них умер после трех месяцев заключения. Тем временем в Мадриде раздавались угрозы убить всех верующих в городе. Иезуиты должны были стать особыми жертвами, поскольку их обвиняли в распространении холеры, отравлении колодцев и т.д. 17 июля 1834 года было назначено на этот день, и толпы людей собрались вокруг Имперского колледжа, чтобы посмотреть, что может произойти.

Ученики были на ужине. Вошел полицейский и отпустил их, после чего толпа ворвалась в дом. Внутри здания были убиты трое иезуитов: священник, схоласт и брат-мирянин. Священнику проломили череп, выбили зубы, а тело ужасно искалечили. Схоластика избивали дубинками, пронзали мечами насквозь, а когда он упал в крови, его голова была разрублена топором. Четверо членов общины переоделись и попытались сбежать, но были пойманы и убиты на улице. Еще трое были убиты на крыше; и два брата-мирянина, которые были схвачены где-то в другом месте, были также зарезаны. Остальным членам общины удалось добраться до часовни, и они стояли на коленях перед алтарем, когда офицер пробился сквозь толпу и позвал своего брата, который был одним из схоластов, отправиться с ним в безопасное место. Молодой иезуит отказался от предложения, на что солдат ответил: "Очень хорошо, я позабочусь обо всех вас". Он сдержал свое слово, и пятьдесят четыре иезуита последовали за ним из часовни и были отведены в безопасное место. Дом, однако, был опустошен; в часовне творились невыразимые ужасы; все, что нельзя было унести, было сломано, а тем временем снаружи выстроилась шеренга солдат, которые не только наблюдали, но даже приняли сторону бунтовщиков.

Очевидно, прошли времена, когда нужно было идти к дикарям, чтобы умереть за Веру. Дикари пришли в Мадрид. Это не было и обычным антииезуитским восстанием; ибо в то ужасное 17 июля 1834 года глубокой ночью в столице католической Испании были убиты семьдесят три члена других религиозных общин. Тем не менее, отец генерал Рутаан написал своим сыновьям-иезуитам: "Я не беспокоюсь о наших четырнадцати, которые так славно умерли, ибо "блаженны те, кто умирает в Господе". Что вызывает у меня наибольшую боль, так это опасность для тех, кто остается; большинство из них все еще молоды, они рассеяны за границей, в окружении, где их призвание и добродетель будут подвергаться многим опасностям ". С убийцами ничего не

сделали, и не прошло и года, как был издан указ об изгнании иезуитов со всей Испании; но поскольку Дон Карлос как раз в это время был на поле боя, отстаивая свои притязания на трон, большое количество изгнанников из других частей Испании смогли оставаться в Лойоле в Пиренеях до 1840 года.

Португальцы ждали пятнадцать лет после того, как Пий VII восстановил Общество, прежде чем дать согласиена повторный прием иезуитов. Дон Мигель издал соответствующий указ 10 июля 1829 года, и графиня Оливьера, племянница Помбала, была первой, кто приветствовал их возвращение и пристроил своих мальчиков в их колледж. Отцам была предоставлена их прежняя резиденция в Лиссабоне, и вскоре после этого епископ Эворы поселил их в их старом колледже в этом городе. В 1832 году им подарили их собственный колледж в Коимбре, и по пути туда они опустили в могилу все еще непогребенные останки своего заклятого врага Помбала, которые оставались в морге с 5 марта 1782 года, то есть на протяжении полувека. Это было похоже почти на сон. Действительно, это было немногим иным, поскольку дом Мигель, находившийся тогда на троне, вскоре после этого был свергнут своим соперником, домом Педру, и 20 июля 1833 года лиссабонские иезуиты были снова изгнаны. Этот указ был излишним, поскольку ранней весной их дом был разграблен, и тогда обитатели были бы убиты, если бы на сцене не появился молодой англичанин, бывший студент Стонихерста. Четверых, которые были там, он отвез на своей яхте в Англию, остальные уже отбыли в Геную.

Ненависть к Обществу, однако, не имела к этому никакого отношения. Все дело было чисто политическим. Если бы Отцы приняли приглашение дома Педро выйти к народу и убедить его отказаться от дела свергнутого короля, им было бы позволено остаться. Они были изгнаны за то, что не были предателями своего законного государя. Отцы Коимбры умудрились остаться еще на год, но 26 мая 1834 года они были схвачены отрядом солдат и отправлены маршем в Лиссабон. К счастью, французский посол барон де Мортье заступился за них, иначе они закончили бы свои дни в застенках Сан-Себастьяна, к которым они уже были приговорены. Они были освобождены 28 июня 1834 года и отправлены на корабле в Италию, а оттуда вместе с рассеянными испанцами были отправлены отцом Рутааном во Францию и Южную Америку.

Швейцария, которая является страной свободы до такой степени, что может приютить худших анархистов, отказалась принять иезуитов, по крайней мере, в некоторых своих частях. Существовало семь католических кантонов: Ури, Швиц, Унтервальден, Люцерн, Цуг, Фрибург и Вале. Эти секции сформировали коалицию, известную как Сандербунд. Между ними и другими кантонами разразилась война, но Зондербунд потерпел поражение. Затем иезуиты были изгнаны из маленького городка Сион, где у них была важная школа. В 1845 году жители Люцерна попросили открыть колледж, и хотя отец Рутаан отказался, папа Григорий XVI настоял на этом. Ожидаемое произошло. Радикалы взбесились и с 10 000 человек осадили Люцерн. Они были разбиты, это правда, но это не гарантировало постоянства колледжа. В 1847 году Сандербунд снова потерпел поражение, а в 1848 году, когда разразилась общеевропейская революция, Фрибургский колледж был разграблен, а его коллекция естественной истории, которая считалась одной из лучших на Континенте, была выброшена на улицу.

Раскаты шторма начали слышны во Франции 1 мая, в праздник апостолов Филиппа и Иакова, в день именин Луи-Филиппа. Кто-то в Тюильри сказал, что иезуиты затевают заговор против трона. К счастью, одна выдающаяся женщина услышала это замечание и призналась, что оно задело ее вместе с 300 другими выдающимися представителями лучших семей Франции. Это

была благотворительная лотерея, и большинство заговорщиков получили по горшку или корзине цветов за свое участие в заговоре.

Когда этот миф был развеян, "Journal des Débats" атаковал де Равиньяна за его широкое влияние на многих важных людей в Париже и, хотя и признал его неоспоримую честность, добавил: "Какое значение имеет его добродетель, если он приносит нам вредителя?" Это слово привлекло всеобщее внимание, но вызвало в памяти знаменитый ответ де Равиньяна: "О существовании и институте молодежи". Она была принята с огромной благосклонностью, ей аплодировали такие люди, как Ватемениль, Дюпанлу, Монталамбер, Бартелеми, Беньо, Беррье и другие. Только в этом 1844 году было продано 25 000 экземпляров.

Корнем проблемы была университетская монополия на образование, которая была неприятна даже тем, кого мало интересовала религия. Католики возражали против этого главным образом потому, что Кузен, позитивист, контролировал его философию. Многие епископы не видели опасности, пока отец Дельво не опубликовал сборник высказываний многих университетских профессоров на религиозные темы. Затем началась битва. На стороне католиков были такие борцы, как Вейо, Монталамбер, кардинал де Бональд, монсеньор Паризи. Им противостояли Мишле, Кине, Сент-Бев и их последователи. Со временем битва становилась все жарче; иезуиты вскоре стали главной мишенью. Кузен ввел в курс "Провинциальную литературу". Вильмен в своих отчетах осуждал "неспокойное и властное общество, которое отвергает дух свободы и дух нашего правительства". Дюпен прославлял Этьена Паскье, старого антииезуита времен Генриха IV; аналогичные панегирики старому врагу произносились в различных частях Франции; Кине и Мишле в своих исторических лекциях только и делали, что нападали на Общество, в то время как Эжен Сю получил 100 000 франков от редактора "Конституцонель" за свой "Странствующий юноша", который представил публике самую гротескную картину иезуитов, которая когда-либо была задумана. Однако это было принято за подлинный портрет.

Антииезуитский клич, конечно, был обычным средством предвыборной кампании, призванным встревожить население. Она имела успех, главным образом из-за настойчивости, с которой ее поддерживала пресса, и с 1842 по 1845 год книжный рынок был переполнен всеми мыслимыми видами антииезуитской литературы. Заметными среди сторонников иезуитов были Луи Вейо и граф де Монталамбер. Роялистские газеты выступали в защиту Общества, но слабо или не выступали вовсе. Наконец, некий маршал Марсе де ла Рош Арно, который как схоласт был изгнан из Общества в 1824 году и которому заплатили за то, чтобы он писал против него, внезапно дезавуировал все, что он когда-либо говорил. Кретино-Жоли также бросился в бой со своими быстро написанными шестью томами "Истории общества".

Было бы сравнительно легко продолжать борьбу с внешними врагами, но в самый разгар битвы архиепископ Парижский Аффре встал на сторону врага. Он отрицал, что иезуиты были религиозным орденом, по той экстраординарной причине, что они не были признаны государством; следовательно, их обеты не были торжественными; и члены Общества во всем подчинялись кюре прихода, в котором находилось их учреждение. Он даже потребовал, чтобы его информировали обо всем, что происходит в общине, и если кто-то должен был измениться, его светлость должен был быть уведомлен об этом за месяц. Архиепископ, однако, не был особенным в этих взглядах. Они были выведены из теологии Бувье, которая тогда преподавалась во всех семинариях Франции.

Конечно, это затронуло другие религии, а также иезуитов, и, следовательно, когда дом Геранже захотел основать бенедиктинцев в Париже, архиепископ не возражал, за исключением того, что "они не имели законного существования во Франции". На это Геранже немедленно ответил: "Монсеньор! епископство не имеет законного существования в Англии, Ирландии и Бельгии, и, возможно, настанет день, когда его не будет во Франции, но епископство при всем этом будет не менее священным". Затем великий бенедиктинец обратился к Папе, и когда ему был вручен ответ, апостольский нунций сказал: "Я даю вам не обычную справку, а апостольскую конституцию". В нем Его Святейшество сообщил архиепископу, что французские религиозные организации не были уничтожены из-за отказа правительства предоставить им легальное существование. Его преосвященство также получил сообщение от отца Рутаана, генерала, который, напомнив ему о положениях канонического права по данному вопросу, предупредил его, что, если он будет настаивать на своем мнении, иезуиты просто уйдут из его епархии.

Тем временем папа приостановил исполнение приказов архиепископа и вскоре после этого направил ему следующее суровое предостережение: "Мы признаем, достопочтенный брат, нашу неспособность понять ваше весьма бесцеремонное постановление в отношении права выслушивать исповеди, которое вы отняли у отцов-иезуитов, или каким авторитетом или по какой причине вы запрещаете им покидать город или входить в него, не уведомив вас за месяц; тем более, что это Общество, из-за огромных услуг, которые оно оказало Церкви, пользуется большим уважением у дальновидных и проникательных людей. ревностными католиками и самим Святым Престолом. Мы также знаем, что это клеветают люди, оставившие Веру, и те, кто не уважает авторитет Святого Престола, и мы сожалеем, что теперь они будут использовать авторитет вашего имени в поддержку своей клеветы".

Конечно, архиепископу не оставалось ничего другого, как подчиниться. Но он не изменил своего мнения в отношении объектов своей враждебности. Возможно, он был конституционально неспособен на это. Ибо он точно так же относился к своему соборному капитулу, и мы читаем в сообщении французского посла в Риме Гизо, который в то время был главой правительства, что парижские каноники жаловались на то, что их абсолютно лишили всякого влияния или власти в управлении епархией. Эта заметка дает представление о методах галликанизма, который допускал, что споры или разногласия духовенства с архиепископом должны были передаваться государственному министру, даже если он был протестантом.

Проблемы на этом не закончились, и парламентская сессия 1844 года ознаменовала собой очень заметную эпоху в истории Французской провинции, Общества и Церкви Франции. М. Вильмен представил законопроект, в котором предлагалось подтвердить монополию университета на образование в стране. Это недвусмысленно исключало всех членов религиозных конгрегаций из функции преподавания. Это правда, что в нем не было ни единого слова об иезуитах, тем не менее в бурных дебатах, которые он вызвал и в которых участвовали самые выдающиеся люди нации, не упоминалось ни об одном другом учебном заведении. Едва ли не самый первый оратор, Дюпен, напыщенно провозгласил, что "Франции не нужно это знаменитое общество, обязанное верностью иностранному начальнику и чьи наставления диаметрально противоположны тому, чего желают все любители страны", и не желательно, чтобы "эти религиозные спекулянты проскользнули через сети закона". Его последним словом было: "Давайте будем неумолимы". Однако в официальном отчете "неумолимый" превратился в

"непреклонный". Министерский и университетский орган, "Журнал дебатов", признал, что такова была цель законопроекта.

Виллмен воображал, что заставил епископов замолчать, предоставив им полную власть над маленькими семинариями. Он быстро разочаровался. Вся иерархия, индивидуально и коллективно, с негодованием отвергла эту меру, и ни один протест не был более яростным, чем протест монсеньора. Аффре, архиепископ Парижский. Он осудил университет как "центр нерелигиозности" и как наиболее вопиющим образом развращающий молодежь Франции. "Вы упрекаете нас, - сказал он, - в том, что мы своими протестами взбудоражили страну. Да, мы подняли свой голос, но преступление совершил университет. В настоящее время мы можем опозорить трон, но в университете таятся все опасности будущего ". Волнение было настолько сильным, что правительство фактически посадило аббата Комбало в тюрьму за статью, которую он написал против законопроекта, и всей иерархии пригрозили предстать перед государственным советом, если они будут упорствовать в своем несогласии.

Монталамбер был более чем обычно красноречив в ходе парламентской войны. Дюпену, который призывал пэров быть "неумолимыми", он ответил: "Среди свободного народа мы, католики, отказываемся быть рабами; мы преемники мучеников и не дрогнем перед преемниками Юлиана Отступника; мы сыновья крестоносцев и не отступим перед сыновьями Вольтера".

Прозвучало тридцать пять или сорок выступлений, и двенадцать или пятнадцать ораторов называли Общество "ненавистным собранием", в то время как члены, признавшие несправедливость и отвратительную тиранию предлагаемого законодательства, поспешили заверить своих избирателей, что иезуиты им ни к чему. Кузен потратил три часа, нападая на них; другой член семьи Дюпен видел "ужасающую опасность для государства в том факте, что Монталамбер мог говорить о них, не проклиная, и что пэры могли слушать его молча, в то время как он перевозносил отравителей благочестивого Ганганелли". Другие настаивали на том, что иезуиты втянули епископат в борьбу; даже Гизо заявил, что "общественное мнение неумолимо отвергает иезуитов и другие конгрегации, которые являются поборниками власти и врагами частного суждения". Великий человек не подозревал, что такой же упрек может быть адресован и адресуется Церкви.

В конце концов мера была поддержана 85 голосами против 51, но значительное меньшинство привело правительство в замешательство, и в нижней палате, которой Вильмен представил свой законопроект 10 июня, появились большие надежды. Там оно было оставлено в руках Тьера, и оно не доходило до Ассамблеи в целом в течение целого месяца. Приближались летние каникулы, и *отпроекта "Луи"* отказались. Затем Гизо задумал обратиться непосредственно к папе римскому с просьбой подавить французских иезуитов. Он выбрал своим посланником итальянца по имени Росси, который был изгнан из Болоньи, Неаполя и Флоренции как революционер. После короткого пребывания в Женеве он отправился во Францию, где благодаря протестантскому влиянию, главным образом влиянию Гизо, быстро продвинулся до очень выдающихся и прибыльных должностей. Страна была потрясена, услышав, что итальянец и протестант должен представлять нацию при дворе папы римского, из владений которого он был изгнан, но Гизо намеревался таким образом выразить чувства своего правительства. Это была открытая угроза. Росси прибыл в Рим и вручил свои верительные грамоты 11 апреля.

Французские иезуиты, изгнанные из Португалии, не вернулись на родину; ибо Карл X, обнаружив, наконец, что либералы, как они себя называли, обманули его, решил создать полностью монархическое правительство и, чтобы осуществить свою цель, назначил неумелого Полиньяка премьер-министром. 25 июля он подписал четыре указа, первый из которых ограничивал свободу прессы; второй распускал парламент; третий уменьшал число избирателей до 25 000. На следующий день пресса взбунтовалась; Чарльз отрекся от престола и отплыл в Англию. Конечно, Революция была антирелигиозной, и иезуиты пострадали первыми. Дом за домом разрушался, схоластов собирали вместе и спешно разъезжали по разным странам Европы. Так закончились первые шестнадцать лет существования Общества во Франции после обнародования Буллы Пия VII "Sollicitudo omnium ecclesiarum".

Первым преемником отца де Клоривьера на посту вице-провинциала был отец Симпсон. Франция была объявлена провинцией в 1820 году, и после смерти отца Симпсона новый генерал, отец Фортис, назначил отца Ричардо, который по истечении своего трехлетнего срока попросил освободить его от должности. В 1814 году был назначен Годино, потому что ни один из тех, кто был предложен на эту должность, не проработал в Обществе более десяти лет. Сам Годино был принят только в 1810 году. Он был вице-провинциалом Отцов веры и через одиннадцать лет после своего поступления руководил разрозненными иезуитскими учреждениями в Швейцарии, Бельгии, Голландии и Германии. В Швейцарии он дал толчок созданию Фрибургского колледжа, который впоследствии стал таким знаменитым. Стоит отметить, что когда он был Отцом Веры, он был членом общины Сиона в Вале, которая пользовалась исключительной привилегией быть объединенной как единое целое с Обществом. Во всех остальных местах каждый человек должен был приниматься отдельно.

14 апреля пары встретились, чтобы обсудить очень волнующую тему. Из Марселя пришел протест, подписанный 89 избирателями, против книг Мишле и Кине. Кузен немедленно вскочил на ноги и приписал это иезуитам. Несколько дней спустя их внимание привлекла другая тема. "Руководство по церковному праву" Дюпена было осуждено кардиналом де Бональдом, и более шестидесяти епископов согласились с ним в запрете этой книги. В Риме она была внесена в Указатель вместе с "Историей философии" Кузена. Антикатолики были в ярости, и 24 апреля Кузен обратился к Палате представителей. В конце трехчасовой речи, которую он начал, хотя и был неверующим, с заявления о своем уважении к "августейшей религии своей страны", он завершил словами, что "вероятно, действия епископов были вызваны иезуитами", и поэтому он призвал к применению закона для их пресечения. Теперь возник вопрос, могут ли они приступить к подавлению с помощью силы закона, в то время как у правительства фактически был посланник в Риме, который уладил это дело другим способом. Было решено, что несанкционированные собрания будут подавлены, независимо от того, каков может быть исход миссии России. Такая резолюция была грубым дипломатическим оскорблением, но их это мало волновало.

Между тем от России не поступало никаких известий. Его оставили в приемной папы до тех пор, пока аббату де Боннешозе не удалось добиться для него аудиенции - услуги, которую де Боннешозу было трудно объяснить, когда впоследствии он стал кардиналом. Была созвана конгрегация кардиналов для обсуждения предложения Гизо, и было единогласно решено отклонить его; и когда Росси спросил, что он должен делать, ему сказали, что он может обратиться к Генералу Общества. Чтобы облегчить ему задачу, Ламбрушини, государственный секретарь папы Римского, предложил отцу Рутаану сократить персонал некоторых домов,

которые были слишком заметны, или переместить их в другое место. Что касается роспуска общин или изгнания из Франции, то не было сказано ни слова.

Росси немедленно отправил гонца в Париж с отчетом о том, что было сделано, и двенадцать дней спустя "Монитор" сообщила: "Правительство получило известие из Рима о том, что переговоры, которые были поручены мсье Росси, достигли своей цели. Конгрегация иезуитов прекратит свое существование во Франции и сама по себе разойдется. Ее дома будут закрыты, а послушники распущены". 15 июля пэры попросили Гизо показать предполагаемые документы. Он ответил, что "они слишком ценны, чтобы показывать их общественности". С тех пор их раскопали, и оказалось, что сообщение Гизо в "Монитор" не соответствует сообщению Росси, который просто сказал: "Прихожане расходятся"; и вместо того, чтобы сказать: "дома будут закрыты", он написал: "в каждом доме останется лишь небольшое количество людей". Короче говоря, знаменитый Гизо, столь известный своей честностью, в данном случае уклонился от ответа, а один из злейших врагов всего иезуитского, Дибидус, написавший "Историю церкви и государства во Франции с 1789 по 1870 год", прямо заявляет, что заметка Гизо в "Монитор" была не просто ложью, но "наглой ложью".

Очень многие воинствующие католики во Франции были возмущены тем, что отец Рутан не бросил вызов правительству в этом случае. И все же, вероятно, те же самые пылкие души осудили бы его, если бы он действовал так, как они хотели. Он прекрасно знал, что правительство было слишком озабочено тем, чтобы выбраться из той неразберихи, в которой оно оказалось, и небольшая побочная игра, к которой прибегли, никому не причинила вреда и обеспечила по крайней мере временную передышку.

"Чтобы заручиться поддержкой католиков против анархических элементов, которые повсюду проявляли себя, - говорится в "Кембриджской истории" (XI, 34), - Гизо терпел несанкционированные собрания. Непосредственным следствием этого стало сосредоточение общественного внимания на тех религиозных страстях, о существовании которых население, если бы его предоставили самому себе, могло бы забыть. Даже коллеги Гизо, такие как Вильмен и редакторы "Journal des Débats", ведущего органа министерства, начали с заявления, что они повсюду видят палец иезуитов. В каждой партии мнения людей были настолько разделены по вопросу об иезуитах или, скорее, о свободе образования, которая была так тесно связана с ними, что в данный момент не возникло ничего серьезного для правительства". Либералы, или, скорее, республиканцы, такие как Кине и Мишле, на своих лекциях в Коллеж де Франс подняли тревогу и распространили ее по радио.

Бурнишон в своей "Истории древнего Мира" (II, 492) обращает внимание на тот факт, что это нападение было направлено, по-видимому, против иезуитов, но на самом деле против Церкви. "Независимое ревю" без колебаний признало, что "иезуитизм - это всего лишь формула, достоинством которой является объединение всей народной ненависти ко всему одиозному и ретроградному в дегенеративной религии". Кузен в данном случае поднял шумиху, и Тюр-Данжен в своей "Истории монархии Жюлье" (стр. 503-10) говорит, что "Кине и Мишле превратили свои действия в горькие и злобные обличительные речи против иезуитов. Оба были наняты для этой работы и говорили не по убеждению". "Кине, - говорит Бурнишон (II, 494), - был совершенно равнодушен к религиозным вопросам и до того момента слыл безобидным мыслителем и мечтателем. Что касается Мишле, то он получил свою должность в Нормальной школе от монсеньора. Фрейссиноус, однако он забыл своего благодетеля и утверждал, что не только

иезуиты, но и христианство было препятствием на пути человеческого прогресса; язычество или даже фетишизм были предпочтительнее, и Христа нужно было свергнуть с престола".

Гизо отстранил Вильмена от должности министра общественного просвещения и объявил выговор Мишле и Кине. Затем Тьер воспользовался случаем, чтобы осудить Гизо за покровительство религиозным конгрегациям, и ему удалось сорвать меры министра по обеспечению свободы образования. Именно на этом этапе Гизо отправил своего посланника Росси в Рим, чтобы убедить папу Григория XVI отозвать иезуитов, чтобы вывести французское правительство из затруднительного положения. Как мы видели, папа отказался, и отец Рутаан просто отдал приказ членам Общества во Франции не привлекать к себе внимания.

В 1847 году Джоберти опубликовал свою "Джезуиту модерно", которая, к сожалению, породила в умах итальянского духовенства глубокое предубеждение против Общества. Джоберти был священником и профессором теологии. Сначала он проповедовал розминианство, а затем выступил против него. Под псевдонимом "Демофило" или "Друг народа" он писал статьи для Мадзини в "Giovane Italia" и был автором книг "Del Buono" и "Del primato morale e civile degli Italiani". Его первая атака на Общество появилась в 1845 году в "Пролегоменах аль примато"; "Il Gesuita Moderno", брошюра большого размера, полная вульгарных оскорблений, появилась в 1847 году. За ним в 1848 году последовала "Апология современного учения". Ему ответил отец Курчи. Покинув Мадзини, Джоберти встал на сторону короля Карла Альберта и основал общество по пропаганде идеи федеративной Италии во главе с королем Пьемонта. Его последняя книга "Rinnovamento civile d'Italia" показала, что он враг светской власти папства. Его философия представляет собой смесь пантеистической онтологии, рационализма, платонизма и традиционализма. Будучи революционером, он отрицал суверенитет народа. Полное собрание его сочинений занимает тридцать пять томов.

Конечно, общество испытало шок от итальянской революции 1848 года. Творчество Джоберти взволновало всю Италию, и, как следствие, дома иезуитов были заброшены. В Неаполе изгнанникам освистали, когда они садились на корабль, отплывающий на Мальту; в Венеции и Пьемонте на них напали толпы. Генерал отец Рутаан покинул Рим 28 апреля в компании священника и брата-мирянина, и когда он стоял на палубе в Генуе, то услышал крик с берега: "У вас на борту иезуиты; выбросьте их за борт". Однако во всем этом не было ничего удивительного, поскольку Росси, премьер-министр папы Римского, был зарезан, когда поднимался по ступеням Канцеллерии. На следующий день сам папа был осажден на Квиринале; Пальма, папский прелат, был застрелен, стоя у окна; и, наконец, 24 ноября папа Пий переодетый бежал в Гаэту.

В Австрии иезуиты были изгнаны в апреле месяце. Община Инсбрука, который находится в Тироле, некоторое время держалась вместе, но в конце концов перебралась во Францию, или Америку, или Австралию, или еще куда-нибудь. Император подписал указ 7 мая 1848 года. Он распространялся также на Галицию, Швейцарию и Силезию, и все иезуитские дома в этих частях исчезли.

Что случилось с иезуитами во Франции за это время? Ровным счетом ничего. Они подчинились генералу в 1845 году и просто скрывали свою деятельность от посторонних глаз. Они не стали дожидаться Революции, и поэтому, хотя "Журнал дебатов" официально объявил 18 октября 1845 года, что "в настоящий момент во Франции больше нет иезуитов", их было очень много. Действительно, каталоги 1846 и 1847 годов были выпущены как обычно, однако не печатным

способом, а в литографии, и, как будто они чувствовали себя совершенно свободно в 1848 году, каталог того года появился в печатном виде. Тем временем де Равиньян проводил конференции в Нотр-Дам и проповедовал по всей стране. Единственное изменение, внесенное Отцами Церкви, заключалось в переносе двух своих заведений за пределы страны. Таким образом, был организован колледж в Брюгелетте в Бельгии и послушничество в Иссенхайме. Схоластика Лавалья продолжалась в обычном режиме. То, что делалось в провинции Париж, было идентично тому, что делалось в Лионе. В течение года или около того каталоги были литографированы, но после этого они появились в обычном виде.

В течение двух лет отец Рутаан путешествовал с места на место по Франции, Бельгии, Голландии, Англии и Ирландии, а в 1850 году вернулся в Рим. Буря утихла, и вызванные ею разрушения были быстро восстановлены, по крайней мере, во Франции, где Закон Фаллу, принятый в 1850 году, разрешал свободу образования, и Отцы поспешили воспользоваться возможностью основать колледжи по всей стране.

Однако в других местах преобладали другие условия. В 1851 году в Испании произошло рассеяние; в 1859 году провинции Венеция и Турин были разделены, и члены Общества были распределены по пятнадцати другим провинциям. В 1860 году приход Гарибальди уже положил конец иезуитам в Неаполе и на Сицилии. Разрушения были значительными, и из жалобы, представленной королю Виктору Эммануилу отцом Бексом, следует, что Общество потеряло три учреждения в Ломбардии; в Модене - шесть; на Сардинии - одиннадцать; в Неаполе - девятнадцать и на Сицилии - пятнадцать. Полторы тысячи иезуитов были изгнаны из своих домов, как если бы они были преступниками, и брошены в общественные тюрьмы, подвергаясь оскорблениям и жестокому обращению. Им было запрещено принимать убежище даже у своих самых преданных друзей, и старики и немощные должны были страдать так же, как и все остальные. Эти бесчинства были совершены не возбужденной толпой, а властями, созданными тогда на Сардинии, Сицилии, Неаполе, Модене и в других местах. "Этот призыв к справедливости и возмещению хотя бы части причиненного вреда, - сказал отец Беккс, - помещен, так сказать, на могиле вашего предка Чарльза Эммануила, который отказался от своего королевского сана и вступил в Общество Иисуса в качестве брата-мирянина. Он, конечно, не стал бы вести такой образ жизни, если бы он был незаконным". Но нигде не зафиксировано, чтобы Виктор Эммануэль демонстрировал свою признательность за добродетель своего предшественника, залечивая какие-либо раны Общества, одежду которого носил Чарльз Эммануэль.

Венецианские иезуиты возобновили работу в своей провинции, когда в 1866 году была объявлена война между Пруссией и Австрией. Садова разбил австрийские войска, и хотя итальянцы были жестоко разбиты при Кустоццо, Венеция была передана им по договору, положившему конец войне. Это, конечно, означало еще одно изгнание. Большинство изгнанников отправились в Тироль и Далмацию. Затем последовало расселение по всем провинциям Италии, за исключением Рима.

Испанские иезуиты несколько оправились от разгона 1854 года, но в 1868 году, как раз в тот момент, когда провинциальные конгрегации завершили свои заседания, по всей Испании вспыхнула революция. Многие дома подверглись нападению, но никто не пострадал. Через некоторое время в Мадриде было создано временное правительство, которое держало толпу в узде, но не делало вид, что сдерживает нападения на священников и монахинь. Более того, оно

само по себе положило начало жестоким преследованиям. Министр юстиции издал указ, который не только приказал иезуитам покинуть всю Испанию и прилегающие острова в течение трех дней, но и запретил любому испанцу вступать в Общество, даже в чужих краях. Разумеется, все имущество было конфисковано. Вероятно, это было главным мотивом всей процедуры. Изгои по большей части уехали во Францию, и на территории, известной как Ле-Ланды, был основан временный послушничество. Через некоторое время они вернулись домой, но ожидали очередного изгнания в 1912 году, когда надвигалась великая война. Возможно, на данный момент революционеры сочли достаточными отвратительные сцены, разыгравшиеся в Португалии в 1912 году.

Изгнание иезуитов и других религиозных деятелей из Португалии, которое было санкционировано республиканским правительством 10 октября 1910 года, через шесть дней после бомбардировки королевского дворца и бегства короля Мануэля, является типичным для манеры проведения подобных демонстраций в Европе. У нас есть отчет об этом от отца провинциала Кабрала, который мы частично цитируем.

"После того, как пресса в течение трех лет приводила население в надлежащее состояние духа рассказами о подземных арсеналах в иезуитских колледжах; о безграничном богатстве Отцов Церкви; связанных с ними тайных организациях; их политических заговорах и т.д., колледжи Камполиде и Сан-Фьель подверглись нападению. Оккупантов выгнали и повели между рядами солдат сквозь воющую толпу в общую тюрьму. Тех, кто бежал до прибытия солдат, преследовали по полям с ружьями, а когда их ловили, оскорбляли, били и плевали в них и, как и остальных, вели в тюрьму. Им приходилось есть из тарелок руками, а по ночам над ними стояли часовые с заряженными ружьями и предупреждали жертв, что, если они встанут, их пристрелят. Среди них были брошенные женщины, но эти бедняги вскоре ретировались. Затем заключенных перевели в Кайшас, где они спали на полу. Двадцать три человека были заперты в помещении, которое едва могло вместить троих. Их продержали там четыре дня, и им не разрешили покинуть комнату ни по какой причине, и сказали, что их будут держать в таком состоянии до тех пор, пока они не начнут гнить, и что тогда кто-нибудь из их богатых друзей выкупит их. Их сфотографировали, подвергли антропометрическим исследованиям, сняли отпечатки пальцев и т.д. Затем их выдворили из страны и запретили когда-либо возвращаться. На них была только одежда, и у них не было денег, кроме тех, что дали им друзья; их колледжи с их великолепными музеями и библиотеками были конфискованы, и в таком состоянии они отправились в путь, старые и молодые, больные и сильные, просить убежища у своих братьев в других странах. Это было почти возвращение ко временам Помбала".

В Германии Культуркампф начался в 1870 году, а в 1872 году 14 июня 1872 года кайзер подписал указ об изгнании всех членов Общества, а вместе с ними редемптористов, лазаристов, Отцов Святого Духа и Общества Святого Сердца. Некоторые из иезуитов отправились в Голландию, другие - в Англию и Америку. Вопреки ожиданиям, этот акт тирании не причинил вреда немецкой провинции, поскольку, если тогда в ней насчитывалось всего 775 человек, то сейчас (1920 год) в ее списке числится 1210 человек, из которых 664 священника.

Франция пережила свой ужас в 1871 году, когда 24 и 26 мая отцы Оливен, Дюкудре, Коубер, Клерк и де Бенги были застрелены коммунистами, которые тогда владели Парижем. Однако это не было восстанием против иезуитов. Всего было убито пятьдесят семь человек: священники, религиозные и светские, были принесены в жертву. Во главе их стоял достопочтенный

архиепископ Парижа монсеньор Дарбой. И снова, 29 марта 1880 года, указ, изданный Жюлем Ферри, привел к новому рассредоточению и замене штата нерелигиозных преподавателей в иезуитских колледжах. Однако закон не был приведен в исполнение, и мало-помалу Отцы вернулись на свои посты. Затем последовал закон Вальдека-Руссо в 1901 году против несанкционированных собраний, который закрыл все их дома, поскольку эти религиозные деятели отказались обращаться за разрешением, в котором, как они знали, им будет отказано, а если нет, то оно будет использовано для их притеснения. Таким образом, общины были разбросаны по разным домам Европы. Последним ударом стал призыв, разосланный во все концы света каждому французу, не освобожденному от военной службы, принять участие в великой мировой войне в качестве капелланов, помощников в госпиталях или простых солдат.

Одновременность, а также сходство методов осуществления этих многократных изгнаний достаточно ясно показывают, что они были не случайными, а частью всеобщей войны против Церкви. Таким образом, на других концах земли совершались аналогичные бесчинства. Когда, например, консерваторы пали от власти в Колумбии, Южная Америка, в 1850 году, иезуиты были изгнаны. Оттуда они отправились в Эквадор и Гуаякиль, но там их не трогали всего год. В 1861 году они были вновь приняты, и вскоре у них было пятьдесят миссионерских пунктов, и им удалось обратить в свою веру 10 000 местных жителей. Но Гарсиа Морено, пригласивший их, был убит, и сразу же они были изгнаны. Во второй раз они были отозваны, но оставались там только с 1883 по 1894 год, а оттуда они вернулись в Колумбию, где находятся в настоящее время. В Аргентине, куда они были вызваны в 1836 году, их дома были закрыты в 1841 году. Они прибыли в Парагвай в 1848 году, где старое общество добилось таких триумфов, но им разрешили остаться там всего на три года. Они попросили чилийское правительство разрешить им проповедовать евангелие свирепым арауканским дикарям, но им было отказано. После смерти диктатора Росаса в 1873 году они снова отправились в Аргентину, и с тех пор их никто не беспокоил. Им повезло и в Чили.

Иное положение вещей, однако, сложилось в Бразилии. В тот самый 1873 год, когда Росас умер в Аргентине, иезуитский колледж Олинды в Бразилии был разграблен, а отцы изгнаны. Причина заключалась не в том, что иезуиты были неуютны, а в том, что епископ отстранил от должности молодого священнослужителя, который был масоном. Колледж Пернамбуку был разгромлен толпой, и один из священников был опасно ранен. С ними обошлись еще хуже, когда император Дон Педро был свергнут в 1889 году. С тех пор, однако, проблем сравнительно не было.

Конечно, когда пьемонтцы разрушили Ворота Пиа, иезуитам пришлось покинуть Рим, где до тех пор их никто не беспокоил. Первым был захвачен послушничество Святого Андреа, затем Святого Евсевия, дом третьего испытательного срока, а после этого Святого Виталия, Джезу и, наконец, Римский колледж. У жильцов было три месяца, чтобы освободить помещение. Другие религиозные ордена, генеральный директор или прокуратор которых проживал в Риме, могли сохранить один дом для ведения бизнеса, но иезуитам такая льгота не была предоставлена. Их генералу не суждено было остаться, и поэтому отцу Питеру Бекксу, хотя ему тогда было семьдесят восемь лет, пришлось отбыть со своими братьями во Фьезоле, где он был принят в семье графов Рикасоле 9 ноября 1873 года. С этого места он руководил Обществом до 1884 года, когда его сменил отец Энтони Андерледи, который оставался в том же городе до самой смерти. Отец Луис Мартин, следующий генерал, вернулся в Рим в 1893 году, так что Фьезоле был центром Общества в течение двадцати лет.

Поскольку главный представитель Христа на Земле является самой заметной жертвой этих грабежей, и поскольку его часто отправляли в изгнание, и в настоящее время его терпят только на его собственной территории, Общество Иисуса вместе с другими религиозными орденами не может считать упреком, а скорее славой, что с ним обращаются так, как с ним. Как Общество переживает все эти катастрофы? Это продолжается как ни в чем не бывало, и с изумлением читаешь заявление отца генерала Вернца на совещании прокуроров, состоявшемся в сентябре и октябре 1910 года, когда почти ликующим тоном он поздравляет Общество с его "процветающим состоянием". Он сказал вкратце:

"Есть пять новых провинций; возрождение исповедальных домов; новые послушничества, схоластические отделения, третианские степени и курсы в лучших колледжах для студентов специальных дисциплин; и превосходный курс канонического права для студентов-иезуитов в Григорианском университете. В следующем году в Инсбруке планируется разместить 300 теологов (пансионеров), и это учебное заведение станет Максимум коллегиумом по философии, теологии и специальным исследованиям. Послушничество планируется перенести в пригород Вены. В провинции Галиция было куплено достаточно земли, чтобы сделать Краковский колледж похожим на Инсбрукский, и там строится красивая церковь. Провинция Германия, хотя и разрозненная, построила в Голландии огромное послушничество и дом уединения, а Люксембургский дом литераторов должен быть объединен с Коллегиумом Максимум в Валкенбурге. Провинция Голландия имеет больше дипломированных профессоров, чем любая другая в Обществе, и собирается создать новую академию. Лувен все больше и больше становится центром специальных исследований. В Англии дом Кэмпиев в Оксфорде продолжает пользоваться успехом, и встает вопрос о переносе церкви Святого Бьюно. Ирландская провинция ищет другое место для новициата и юниората и использует университет для подготовки лучших преподавателей. Канада ищет другое место для своего послушничества, как и Мексика, Бразилия и Аргентина, в то время как Мэриленд пытается разместить свое учебное заведение поближе к Нью-Йорку.

"В Испании осталось сделать не так уж много. Однако Толедо основал схоластическую школу в Мурсии, а Арагон планирует создать такую же в Таррагоне. Франция разрозненна, но она подготовила отличных профессоров для Библейского института и Григорианского университета. В Калькуттской миссии 130 000 язычников были обращены к вере, а в одной китайской миссии - 12 000. Это число можно было бы удвоить, если бы там было больше работников ". Это было в 1910 году, и через неделю после этого заявления произошло изгнание в Португалии; в 1914 году разразилась война, которая расколола Бельгию и сделала Францию еще более несчастной, чем когда-либо. Каким будет будущее, никто не знает.

ГЛАВА XXVI

СОВРЕМЕННЫЕ МИССИИ

Во время подавления — призыв Рутаана — Южная Америка — Филиппины — Индейцы Соединенных Штатов — Де Смет — Канадские резервации — Аляска — Британский Гондурас — Китай — Индия — Сирия — Алжир — Гвинея — Египет — Мадагаскар —

Машоналенд — Конго — Миссии, истощенные Мировой войной — Фактическое количество миссионеров.

Помимо своей просветительской работы, Общество Иисуса всегда стремилось к отчаянной и отважной работе среди дикарей. Во время Подавления, а именно в 1773 году, три тысячи его членов были заняты таким образом; и безжалостное и жестокое разлучение с этими покинутыми людьми было одной из самых мрачных черт трагедии. Судя по всему, миллионы язычников были таким образом безнадежно потеряны. К счастью, катастрофа оказалась не такой масштабной, как ожидалось. В своих "Христианских миссиях" Маршалл говорит: — Может показаться, что Бог решил оправдать своих слуг особым и чудесным Провидением перед лицом всего мира и оставил их работу, казавшуюся неизбежной, на разорение только для того, чтобы показать, что ни мир, ни дьявол, ни преследования, ни обман, ни пренебрежение не могут погасить жизнь, которая в ней была. И вот, когда они пришли посмотреть на это, после шестидесяти лет тишины и запустения они обнаружили живое множество там, где они ожидали сосчитать только трупы умерших. Некоторые действительно потерпели неудачу, и язычество или ересь пропели свою победную песнь над жертвами; другие сохранили только великие истины о Троице и Воплощении, в то время как невежество и его сестра-близнец, суеверие, застилало их глаза пеленой, но все же был открыт поразительный факт, что в одной только Индии насчитывалось более миллиона туземцев, которые после полувека заброшенности все еще с постоянством цеплялись за веру, которая проповедовалась их отцам, и все еще склоняли головы с любовным трепетом, когда произносились имена их ушедших апостолов. произнесенный среди них. Таков удивительный вывод из испытания, не имеющего аналогов в истории христианства, и которое, если бы оно выпало на долю христиан других стран, хвастающихся своей наукой и цивилизацией, возможно, привело бы к иным результатам, чем среди презираемых азиатов. Естественным выводом было бы то, что помимо этого особого Провидения в их отношении, эти неофиты были хорошо обучены своими старыми учителями (I, 246).

Конечно, какое-то время некоторые иезуиты оставались в миссиях, несмотря на приказы правительства об обратном. Таким образом, мы находим очень выдающегося человека, тирольца из Больцано, который умер в Лакхнау 5 июля 1785 года. Его звали Джозеф Тиффенталлер, и он прожил сорок лет в Индостане. Нам сказали, что его надгробие до сих пор можно увидеть на кладбище Агры, где были похоронены его драгоценные останки. Он был человеком необычных способностей и, помимо владения своим родным языком, был знаком с латынью, итальянским, испанским, французским, индостанским, арабским, персидским и санскритом. Он был первым европейцем, написавшим описание Индостана. Это подробный отчет о двадцати двух провинциях Индии с их городами, поселками, крепостями, географическое положение которых было рассчитано с помощью простого квадранта. Работа содержит большое количество карт, планов и набросков, нарисованных им самим, а список мест занимает двадцать одну кварто-страницу. Он также составил большой атлас бассейна Ганга и является автором трактата о регионах, в которых берут начало реки Индии; карта Гагры, которую Бернулли называет "произведением огромного труда", является еще одной частью реликвий Тиффенталлера.

В области религии он написал книги "Брахманизм", "Индийское идолопоклонство", "Индийский аскетизм", "Религия парсов и магометанство с их отношениями друг к другу". Он также опубликовал свои астрономические наблюдения о солнечных пятнах, о зодиакальном свете,

помимо рассуждений об астрологии и космологии индусов, с описаниями флоры и фауны страны. Помимо всего прочего, он был историком и оставил нам отчет на латыни о происхождении и религии индусов, другой на немецком языке об экспедиции Надир-шаха в Индию; третий на персидском о деяниях Великого могола Алама и четвертый на французском, в котором рассказывается о вторжениях афганцев и взятии Дели, а также о современной истории Индии за 1757-64 годы. В области лингвистики он написал парсийско-санскритский словарь и трактаты на латыни о парсийском языке, произношении латыни и т.д. Он пользовался высочайшим уважением научных обществ Европы, с которыми он поддерживал связь. На протяжении большей части его жизни в Индии шла борьба между французами и англичанами за обладание полуостровом.

Конечно, в то время он был не один в Индии, поскольку Бертран сообщает нам в своих "Представлениях об Индии и миссиях" (стр. 30), что "иезуиты имели резиденцию в Дели еще в 1790 году", но, к сожалению, больше он ничего не мог сказать о них. Однако весьма вероятно, что, когда агенты Помбала попытались загнать 127 иезуитов, работавших в различных районах Индостана, на корабль, на котором были жилые помещения — и такие жилые помещения — всего на сорок или пятьдесят человек, многим из них волей-неволей пришлось остаться или, возможно, не явиться к месту посадки. Держась подальше от Гоа, они могли легко ускользнуть от преследователей. Джунгли, например, были удобным укрытием. Однако, поскольку они не получали рекрутов, работа пошла прахом, когда умерли старые герои, так что в начале девятнадцатого века там, скорее всего, не было иезуитов. Как раз в это время Англия завладела большей частью Индостана, и, как следствие, страна вскоре кишела протестантскими священниками всех сект, стремившимися пополнить свои поредевшие ряды новообращенными с Востока.

Маршалла наняли, чтобы он доложил об их успехе, но, как всем известно, расследование привело его в Церковь. Его исследования дают очень достоверную и интересную информацию об условиях, преобладающих в тех краях среди старых прозелитов иезуитов. Цитируя "Справочник Мадраса" 1857 года, он показывает, что в миссиях Мадур, основанных де Нобили, все еще насчитывалось 150 000 католиков, а в Вераполи - до 300 000, при этом ежегодно присоединялось 1000 обращенных из мусульманства. Эти индуисты также не были просто номинальными христианами. Бертран, досконально знавший Индию, писал в 1838 году о санарах: "Можно почти сказать, что они не вкусили от древа познания добра и зла вместе с Адамом и что они были созданы во времена изначальной невинности. Среди этих индусов есть немало таких, которые, когда их спрашивают, совершают ли они тот или иной грех, отвечают: "Раньше я совершал, но это было много лет назад. Я рассказал об этом Отцу, и он запретил мне это делать. С тех пор я этого не совершал." Мы насчитываем более 7000 христиан этой касты". Отец Гарнье, S. J. писал в том же году следующее: "Христиане этой страны, в целом, хорошо настроены и сильно привязаны к Вере. Обычаи, введенные среди них иезуитами, все еще существуют: общая утренняя молитва за час до восхода солнца; вечерняя молитва с духовным чтением; катехизис для детей, который каждый день читает катехизатор; Месса по воскресеньям в часовне. Но, несмотря на эти прекрасные обычаи, все еще остается много невежества и суеверий, и нам предстоит многое сделать, чтобы превратить их в народ истинных христиан, прежде чем мы обратим наше внимание на язычников. Мы сделаем это, когда нас станет больше".

Конечно, некоторые люди могут отвергнуть эти свидетельства иезуитов, но протестантские миссионеры в Индостане в то время не оставляли места для сомнений относительно реальных условий. Бьюкенен, например, который был особенно замечен среди своих собратьев и перевозносим в Англии, говорит: "В Индии есть члены Римской церкви, которые заслуживают любви и уважения всех хороших людей. Только на берегу моря, от мыса Комморин до Кочина, насчитывается около ста церквей. Перед каждой возвышается высокий крест, который, как и сама церковь, виден издали. В Джафне по воскресеньям церковь посещают около тысячи-тысячи двухсот человек, а в праздничные дни - три тысячи и выше. В Манааре все они - римские христиане. В Тутикорине все племя, без исключения, являются христианами римского вероисповедания. Прежде чем поднять парус и выйти в море, несколько лодочников объединяются в молитве к Богу о защите. Каждый человек на своем посту, с веревкой в руках, произносит молитву".

Один из этих священников, носивший весьма неподходящее имя Джозеф Малленс и чьи сочинения обычно являются воплем против Церкви, говорит, что "в 1854 году иезуитские и римско-католические миссии были очень широко распространены через президентство Мадраса. В Пабне проживает 13 000 душ. Все это благодаря католическим миссионерам. Я допускаю, что они одеваются просто, едят просто и не имеют дома роскоши; они много путешествуют; подвергаются сильному воздействию; живут бедно и тяжело трудятся, и я слышал о епископе, живущем в пещере на пятьдесят рупий в месяц и преданно ухаживающем за больными, когда друзья и родственники бежали от страха. Но все это гораздо проще сделать, руководствуясь принципами иезуита, которого поддерживают мотивы самоправедности, чем быть верным служителем, руководствуясь принципами Нового Завета".

Кровавые гонения 1805 года в Китае показали, насколько ревностными и сильными были эти христиане в своей вере. Очень немногие отступили, хотя к ним были применены новые и ужасные наказания. Доктор Уэллс Уильямс, протестантский агент в Китае, говорит, что "многие из них проявили величайшее постоянство в своей профессии, подвергаясь преследованиям, пыткам, изгнанию и смерти, вместо того чтобы отречься от своей веры, хотя магистраты предлагали им все возможные способы уклонения от ответа и психологической сдержанности, чтобы избежать необходимости прибегать к крайним мерам". Это закончилось только тогда, когда выяснилось, что христианство проникло даже в королевскую семью и что судьи иногда судили своих ближайших родственников. Однако в 1815 году, в тот самый год, когда протестантские миссионеры прибыли в Китай, преследования вспыхнули снова. Епископ Дюфресс был одной из жертв, и когда настал день казни, он вместе с тридцатью двумя другими мучениками взобрался на эшафот. В 1818 году многие были отправлены в татарские пустоши, а в 1823 году, когда было предложено помилование всем, кто отречется от своей веры, после пяти лет страданий в пустыне только пятеро оказались изменниками. В разгар всей этой бури один из миссионеров сообщил, что он крестил сто шесть взрослых.

О том, что очень многие китайцы оставались верными католиками в течение длительного периода, прошедшего после Подавления, свидетельствует примечательное событие, описанное Бру в книге "Миссионеры-евреи".

"1 ноября 1903 года, - пишет он, - в Зикавэе, городке, расположенном примерно в шести милях от Шанхая, состоялась траурная церемония. Это было больше похоже на триумф великого героя, чем на траур. Народ был в состоянии большого энтузиазма по этому поводу и собрался

огромными толпами вокруг могилы выдающегося человека, чья слава прославлялась. Объектом этих почестей был Поль Цзы, или Син, литературная знаменитость своего времени, премьер-министр императора в далеком прошлом и один из первых обращенных знаменитого отца Риччи, которому он с необычайной щедростью помогал строить церкви и утверждать Веру в окрестностях Шанхая.

"Празднование в 1903 году было третьим столетием со дня его крещения, и все его родственники или потомки, которых было очень много, собрались в Зикавэе по этому случаю. Среди них Отцы обнаружили большое количество христиан, которые оставались верны учению Церкви в течение этих 300 лет; и было много других по всей стране, которые в этом особенно напоминали семью Цзы. В округе Павла, то есть по соседству с Шанхаем, через 60 лет после крещения великого человека насчитывалось до 40 000 христиан, а в 1683 году их число возросло до 800 000, но столетие спустя гонения сократили их число до 30 000, хотя, несомненно, было много тех, кому удалось скрыться".

С Кочином иезуиты никогда не имели ничего общего, за исключением того, что их великий герой де Родс был его первым успешным миссионером в прежние дни. Именно по его предложению было основано Общество миссий Этранж, которое взялось за работу, которую иезуиты были не в состоянии выполнять в одиночку.

Что касается Кория, Маршалл сообщает нам два очень интересных факта. Первый заключается в том, что Англия имела честь отдать Кория мученика, английского иезуита Томаса Кинга, который умер там в 1788 году, то есть через пятнадцать лет после Подавления Восстания. К сожалению, имя "Кинг" не фигурирует в "Записях" Фоули.

Второе подтверждается "Анналами" (стр. 190), в которых рассказывается, что французский священник, известный как месье де Местр, в течение десяти лет тщетно пытался проникнуть в запретное королевство и потратил 60 000 франков, бродя по его непроходимой границе. Он принимал всевозможные обличья, сталкивался со всевозможными опасностями в своих путешествиях из портов Китая в пустыни Леао-тонга, попеременно прося китайские джонки и французские корабли высадить его где-нибудь на побережье. Смерть была настолько очевидным результатом его предприятия, что самый отважный моряк отказался помочь ему. Требовалось рвение апостола, чтобы понять этот героизм и поддержать его усилия. Отец Эло, будучи священником, понимал, чего требует от него Крест, и как член общества, традиция которого заключается в том, что они никогда не сталкивались с какими-либо трудностями или опасностями, чувствовал себя на том посту, на котором его Компания желала его видеть. Иезуит становится лоцманом потрепанного корабля, благополучно доставляет своего бесстрашного пассажира в неизвестную страну и, высадив его на берег, некоторое время присматривает за ним и возвращается к своим неофитам с утешительным удовлетворением от того, что отдал свою жизнь ради миссии, которая не была его собственной.

Из каталогов Общества мы узнаем, что Луи Эло родился 29 января 1816 года. Он был послушником в Сент-Ашеле в 1835 году, и в том же доме случайно оказался некий Исидор Добресс, однако не послушник, а богослов, который позже стал хорошо известен в Нью-Йорке. Наставником послушников был Амброз Рубийон, который впоследствии был помощником генерала во Франции. К 1850 году Эло был в Китае и провел остаток своей жизни, охотясь за душами в регионе Нанкин. Он умер вскоре после 1864 года. Де Местру удалось въехать в страну,

и мы видим, как однажды вечером в Страстную пятницу он ждал первого епископа, с которым были три священника, один из которых был иезуитом.

До восстановления немногочисленные иезуиты в Белой Руси поддерживали миссионерские традиции Общества. Их миссии простирались по всей Волге, и в 1800 году они были в Одессе. В 1801 году, благодаря заступничеству императора Павла, они вернулись на свои древние посты на Эгейских островах, которые находились во владениях Великой Турции; к 1806 году они достигли Астрахани; а в 1810 году были на Кавказе. До того, как отец Грасси приехал в Америку, он учился в Санкт-Петербурге, чтобы подготовиться к миссионерской деятельности в Астрахани.

В Америке, несмотря на Подавление, деятельность старых иезуитов не преминула оставить свои следы. Таким образом, в Бразилии, где когда-то трудились Нобрега и Анчиета, плодом их труда теперь являются более 800 000 одомашненных индейцев. Лишенные на протяжении шестидесяти лет своих отцов и наставников и слишком часто оскорбляемые людьми, которые являются христианами только по названию, коренные народы не только сохранили Веру во всех своих печалях и испытаниях, но повсюду отвергали взятки и обещания ереси. В этом обширном регионе, простирающемся от устья Сан-Франциско до Панамского перешейка, омываемом самыми могучими реками нашего земного шара и включающем район Амазонки с его 45 000 милями судоходных водных коммуникаций, "туземцы, которые все еще находят убежище в его лесах или направляют свои лодки через мириады ручьев, - говорит протестантский писатель, - доводят свое исповедание католической религии даже до фанатизма".

Конечно, можно было рассчитывать на то, что парагвайцы не забудут своих отцов во Христе. И приход сэра Вудбайна, и д'Орбиньи свидетельствуют, что последствия преобладающего влияния монастырских учреждений все еще заметны в привычках большинства людей. Одно несомненно, говорят они, и об этом следует объявить во славу Отцов Церкви, что со времени их изгнания материальное процветание Парагвая пошло на убыль; многие земли, которые раньше обрабатывались, перестали быть таковыми; многие населенные пункты, которые когда-то были населены, представляют собой в наши дни лишь руины. В чем следует признаться, так это в том, что они знали, как с такой силой запечатлеть в своих сердцах почтение к власти, что даже по сей день племена Парагвая, помимо всех тех, кто населяет эту часть Америки, являются самыми мягкими и покорными велению долга.

В книге "Компания Иисуса в республиках Северной Америки" отец Эрнандес рассказывает нам, что в начале девятнадцатого века в Чили было трое бывших иезуитов: отец Кальдера, Вильдаурре и Карвахаль. Первые двое умерли соответственно в 1818 и 1822 годах, дата кончины Карваджала неизвестна, и нет никакой информации о том, возвращались ли они когда-либо в Общество. В старой провинции Парагвай жил отец Виллафаньеэ, которому в 1814 году было семьдесят четыре года. Услышав о восстановлении, он написал папе римскому с просьбой возобновить свои обеты, когда "ему будет угрожать смерть". Просьба, конечно, была удовлетворена, но он продолжал жить до 1830 года. Подождал ли он до тех пор, чтобы возобновить свои обеты, неизвестно. В том же году в Буэнос-Айресе скончался ирландский иезуит по имени Патрик Моран. Его имя начертано не только на надгробии над его останками на кладбище Реколта, но и на плите, вделанной в стену церкви. Вероятно, он был капелланом в какой-нибудь выдающейся семье или, что более вероятно, осуществлял свое служение в ирландской колонии того места.

Когда мы приезжаем в северную часть полушария, мистер Рассел Бартлетт рассказывает нам, что индейцы яки из Соноры, рыбаки и ловцы жемчуга в Калифорнии неизменно честны, преданны и трудолюбивы. Они были одними из первых, обращенных иезуитами. Первоначально чрезвычайно воинственные, их дикая натура была полностью подавлена после обращения в христианство, и они стали самыми послушными и сговорчивыми из людей. Сейчас они очень густонаселенны в южной части Соноры.

Любой, кто посетил абенаки в Олдтауне в штате Мэн, или Ла-Джун-Лоретт в Квебеке, или Коунавагу на реке Святого Лаврентия, или индейские поселения в Веквемиконге и Килларни на озере Гурон, засвидетельствует превосходные результаты учения, внедренного в их сердца старыми миссионерами-иезуитами, которые избавили их от дикости.

Самый замечательный пример такой верности своим бывшим учителям показали индейцы Каунаваги. В основном это были ирокезы из Нью-Йорка, которые после обращения в Веру были отправлены или отправились сами в христианскую деревню, которая была закреплена за ними выше Монреаля. Спустя долгое время после подавления Общества, а именно в первой трети девятнадцатого века, группа этих индейцев, возглавляемая двумя вождями со знаменательными именами Игнас и Франсуа Режи, почти полностью пересекла континент и без помощи священника, поскольку такового найти было невозможно, обратила целое племя в христианство и сделала это таким удивительным образом, что первые белые люди, посетившие этих новообращенных, были поражены чистотой, честностью, сдержанностью и благочестием, царившими в племени. Снова и снова Игнаций ездил в Сент-Луис, каждый раз проделывая путь в две тысячи миль, чтобы попросить Черную рясу у бедного епископа-миссионера, которому нечего было ему дать. Преданный Игнаций, наконец, расстался с жизнью, выполняя свое апостольское предназначение. Он пал среди враждебных индейцев, и хотя мог бы спастись, поскольку был одет как белый человек, он признал себя ирокезом и умер вместе со своим народом.

Отец Фортис, первый генерал после восстановления Общества, в настоящее время испытывал некоторое отвращение к любому миссионерскому начинанию, поскольку считал, что у него пока нет свободных людей для такой опасной работы. Отец Рутаан, его непосредственный преемник, придерживался иного мнения, и когда в 1833 году он призвал миссионеров, ответ последовал незамедлительно. Таким образом, в 1834 году была основана Бенгалия; в 1836 году - Мадуро, Аргентина и Парагвай, а в 1840 году - Скалистые горы и Китай. В 1852 году по просьбе Наполеона III была принята исправительная колония Французская Гвинея, а также предложения Фернандо По в Африке и на Филиппинах от королевы Испании Изабеллы.

Испанские миссии в Латинской Америке были наименее успешными из всех в Обществе. Отцам церкви было запрещено какое-либо общение с местными племенами, даже с теми, которые ранее были обращены ими в христианство и цивилизованы, а если разрешение и давалось, то вскоре под каким-либо надуманным предлогом или иным образом аннулировалось, как мы упоминали выше.

Бельгийские иезуиты отправились в Гватемалу в 1843 году, но только после значительных проблем их существование было подтверждено правительственным актом в 1851 году. Однако в 1871 году, они были изгнаны и удалились в Никарагуа, откуда были изгнаны в 1884 году. Бразильская миссия была открыта иезуитами, которых Росас изгнал из Аргентины. Они были приемлемы, потому что священники были нужны в опустошенной провинции Риу-Гранди-ду-

Сул, которая была театром неудачной войны за независимость. Конечно, были применены обычные правительственные методы, которые были в моде в этой части мира.

Подавление Общества вызвало хаос на Филиппинах, и нам говорят, что в 1836 году мусульманские пираты угнали в рабство до 6000 человек, катастрофу, которую, вероятно, удалось бы предотвратить, если бы миссионеры остались там. Они сделали бы солдат из местных жителей, как это было в Парагвае. Только в 1859 году они вернулись к этой сфере деятельности. Они возобновили свою просветительскую деятельность в Маниле и в то же время с замечательным успехом проповедовали евангелие на Минданао. В 1881 году на этом острове проживало 194 134 христианина, а в 1893 году - 302 107. За тридцать шесть лет Отцы привели к Вере 57 000 филиппинцев и утвердили их в Сокращениях, как в Парагвае. Большой успех был также достигнут с морос, которые были объединены в три отдельные деревни. Испанская война принесла свои потрясения, но мало-помалу иезуиты восстановили то, что они потеряли, и в настоящее время на островах работают 162 члена провинции Арагон.

В Соединенных Штатах коренные расы в значительной степени исчезли, за исключением самого дальнего Запада. Остатки, конечно, беспокоят иезуитов, и, возможно, самая достоверная официальная оценка достигнутого ими успеха была высказана сенатором Вестом во время обсуждения законопроекта об ассигнованиях на нужды Индии в Сенате Соединенных Штатов в 1900 году:

"Я был воспитан протестантом, - сказал он. - Я ожидаю, что умру протестантом. Я никогда в жизни не был в католической церкви, и у меня нет ни малейшей симпатии ко многим ее догмам; но прежде всего я не испытываю никакого уважения к безумному страху, что католическая церковь вот-вот свергнет это правительство. Мне было бы стыдно называть себя американцем, если бы я потворствовал такой невежественной вере. Я сказал, что я протестант. Я вырос в шотландской пресвитерианской церкви; мой отец был в ней старейшиной, и моим самым ранним впечатлением было то, что у иезуитов были рога, копыта и хвосты, и что в окружающем воздухе чувствовался слабый привкус серы всякий раз, когда кто-нибудь из них попадался вам на пути. Несколько лет назад Сенат поручил мне проверить индийские школы в Вайоминге и Монтане. Я посетил каждую из них. Теперь я хочу сказать то, что я говорил ранее в Сенате, и это ни в коем случае не популярная сторона вопроса: за все время моего путешествия я не видел ни одной школы, которая проводила бы какую-либо образовательную работу, достойную названия воспитательной работы, если только она не находилась под контролем иезуитов. Я не видел ни одной государственной школы, особенно дневных, где вообще велась какая-либо работа. Иезуиты возвышали индейцев везде, где им было позволено это делать, без вмешательства фанатизма и трусости политиков. Они сделали из него христианина, сделали из него работника, способного прокормить себя и тех, кто от него зависит. Поезжайте в резервацию Флэтхед в Монтане и посмотрите на работу иезуитов, и что вы обнаружите? Удобные жилища, стада крупного рогатого скота и лошадей, уважающие себя индейцы. Я не боюсь сказать это, потому что я говорю по личному наблюдению, и ни один человек никогда не жил среди этих индейцев с более сильными предубеждениями, чем у меня, когда я покидал город Вашингтон, чтобы выполнить этот долг. Каждый доллар, который вы отдаете государственным дневным школам, с таким же успехом может быть брошен в Потомак под тонну свинца". (Отчеты Конгресса, Приложение 7, 1900, стр. 7. 4120.)

Наиболее заметным миссионером среди североамериканских индейцев является отец Питер де Смет. Он родился в Дендермонде на Шельде, и ему было двенадцать лет, когда грохот пушек Ватерлоо потряс маленький городок. Он приехал в Мэриленд в 1821 году и, пробыв некоторое время в Уайтмарше в бревенчатой хижине, которая тогда приютила послушников провинции Мэриленд, отправился пешком с группой молодых иезуитов на тогдашний Дикий Запад. Они прошли пешком от Уайтмарша до Уилинга, расстояние в 400 миль, а затем на плоскодонках спустились по Огайо до Шаунтауна, а оттуда снова пешком отправились в Сент-Луис. Это было путешествие продолжительностью в полтора месяца.

Его первая работа была среди потавотами, а затем его отправили к замечательным Плоскоголовым, которых обратили в свою веру ирокезы из Каунаваги. С этого времени его жизнь была похожа на меняющуюся панораму. В этой истории есть индейцы всех видов, которые были до нас. Описаны Гро Вентрес, Плоскоголовые, потавотами, Пенд д'Орейль и сиу; их заклинания, каннибализм, танцы, массовые убийства и отвратительные пиршества; есть сцены в неплодородных Землях, горах и лесах; есть бури в середине Тихого океана и более тревожные затишья; есть советы с индейскими вождями и беседы с папами, президентами, королями, послами, архиепископами, великими государственными деятелями и лидерами мормонов, всегда и исключительно в интересах Церкви. Жизнь великого человека была написана в четырех томах двумя восхищенными протестантами, а недавно из-под пера бельгийского иезуита вышла еще одна биография. В них приводится высказывание архиепископа Перселла об этом герое, которое заслуживает того, чтобы его процитировать. "Никогда, - говорит он, - со времен Ксавье, Бребефа, Маркетта и Лалемана не было миссионера, на которого так ясно указывали и призывали, как на отца де Смета". Турлоу Уид, один из самых выдающихся американских государственных деятелей того времени, сказал о нем: "Ни один белый человек не знает индейцев так, как отец де Смет, и ни один человек не пользуется их доверием в такой степени". Томас Х. Бентон написал ему в 1852 году: "Вы можете сделать больше для благополучия индейцев, поддерживая их мир и дружбу с Соединенными Штатами, чем армия со знаменами".

Правительство снова и снова посылало его умиротворять индейцев. Его миссия в 1868 году была особенно примечательной. Сидящий Бык вышел на тропу войны и опустошал целые районы Верхнего Миссури и Йеллоустоуна. Их вызвали на переговоры, и де Смет вышел один среди раскрашенных воинов. Он держал в руке знамя Пресвятой Девы и так искренне умолял их забыть прошлое, что они отправились в самую гущу войск Соединенных Штатов и подписали мирный договор, который позволил 50 000 индейцев сохранить верность правительству. Де Смет в своих путешествиях пересек океан девятнадцать раз и преодолел 180 000 миль на парусных судах, речных баржах, каноэ, собачьих упряжках, снегоступах, фургонах, верхом или пешком. "Мы никогда не забудем, — сказал генерал армии Соединенных Штатов Стэнли, и этого панегирика великому человеку будет достаточно, — и мы никогда не перестанем восхищаться бескорыстной преданностью преподобного отца де Смета, который в возрасте шестидесяти восьми лет, не колеблясь, в разгар летней жары предпринял долгое и опасное путешествие по выжженным равнинам, лишенным деревьев и даже травы, не имея ничего, кроме испорченной и нездоровой воды, постоянно подвергаясь скальпированию со стороны индейцев, и все это без каких-либо почестей или вознаграждения, а исключительно для того, чтобы арестовать пролить кровь и спасти, если это возможно, несколько жизней и сохранить несколько жилищ".

В Канаде индейской резервацией Ла-Жени-Лоретт, которая была основана в первые дни отцом Шомоно, в настоящее время управляет светское духовенство Квебека. Поселение Когнавага близ Монреаля было, конечно, потеряно для Общества во время Подавления, но в последние годы было возвращено своим основателям. Канадские иезуиты также заботятся об индейцах озер Гурон и Верхнее. Их последнее начинание - на Аляске, которое началось с трагедии.

Святой епископ Чарльз Джон Сегерс, который был помощником епископа Орегона, сам перешел в Ванкуверскую епархию, чтобы посвятить свою жизнь дикарям Аляски. В 1886 году, когда он попросил иезуитов прийти к нему на помощь, к этой работе были привлечены отцы Този и Робут. В июле епископ, два иезуита и наемный работник отправились через перевал Чилкут к верховьям Юкона. Было решено, что два иезуита проведут зиму в устье реки Стюарт, в то время как епископ со своим человеком поспешил на отдаленный пост, чтобы предупредить членов секты, которые намеревались установить пост в том же месте. Во время ужасного путешествия протяженностью 1100 миль слуга сошел с ума и глубокой ночью убил епископа. В результате пришлось принять новые меры, и в 1894 году отец Този был назначен апостольским префектом. Его здоровье вскоре пошатнулось из-за ужасных лишений миссии, и он умер в 1898 году, хотя ему был всего пятьдесят один год. Его сменил отец Рене из Общества, который ушел в отставку в 1904 году, и его место занял нынешний действующий отец Кримон, С. Дж.

Состояние Аляски сильно изменилось со времени прихода миссионеров. Открытие россыпных месторождений золота с притоком старателей лишило часть Аляски ее примитивной изоляции. За вторгшимися белыми нужно было присматривать, и поэтому в Джуно, Дугласе, Фэрбенксе, Номе, Скагуэе, Сент-Майкле и Сьюарде постоянно живут священники-иезуиты. Большое количество должностей обслуживается из этих центров. Индейцы Тен'а и эскимосы - единственные местные жители, которых миссионеры смогли евангелизировать на данный момент. В Косерефски для них есть школа, где мальчиков обучают различным видам садоводства, плотницкого и кузнечного дела, а девочек - кулинарии, шитью и другим домашним искусствам. Эта работа особенно тяжела не только из-за физических страданий, которые она влечет за собой, но и из-за ужасного однообразия и изоляции этих безлюдных арктических регионов. Некоторое представление об этом можно составить из нескольких выдержек, взятых из письма одного из миссионеров. Оно датировано 29 мая 1916 года.

"Округ Скуларак площадью 15 000 квадратных миль, в зависимости от миссии Святой Марии, - говорит автор, - размером с епархию. В нем семьдесят или восемьдесят деревень. Вся страна вдоль побережья представляет собой обширное болото, покрытое сетью рек, топей, озер и прудов. На каждые десять-двенадцать квадратных миль приходится только один житель. О дорогах не может быть и речи, за исключением зимы, и тогда, поскольку все покрыто глубоким снегом, невозможно сказать, едешь ли ты по суше, озеру или реке. Когда мы стартовали, термометр показывал 28 ° ниже нуля по Фаренгейту. У нас было девять собак; но две были нокаутированы вскоре после старта. Одиннадцать часов пути привели нас к нашим первым домикам. На следующее утро мы встали в пять, отслужили мессу на импровизированном алтаре и отправились на юг. В полдень мы остановились пообедать, который состоял из замороженного хлеба и чая из нашей термोकружки. Только в семь часов мы добрались до маленькой "деревушки" из трех домов у подножия гор Кусилвак, высота которых составляет две или три тысячи футов. Они служили ориентиром для направления нашего курса". На другом этапе путешествия он пишет: "На закате, когда мы потеряли всякую надежду добраться до какой-либо деревни, мы направились к далекой зарослям кустарника, намереваясь провести

там ночь. Сейчас полнолуние, и его лучи освещают безупречно белый пейзаж, яркое безоблачное небо, и все так тихо, что вы даже не можете дышать без отчетливо слышимого звука ".

Какого рода людей он преследовал? В любом случае не очень интересно. "Я наткнулся на новый стиль туземного жилища, жалкую лачугу с низкой крышей площадью около двенадцати квадратных футов; в центре была яма глубиной около двух с половиной футов, служившая раковиной и местом для сброса домашнего мусора. Там мы должны были спуститься, если хотели получить привилегию стоять прямо. Именно там я устроился, чтобы совершить крещение последнего прибывшего члена семьи, которого мать держала на коленях, присев на возвышении, служившем кроватью. Привычки туземцев невозможно описать." "Наши собаки были так измучены, - говорит он в ходе своего повествования, - что сразу легли, не дожидаясь, пока с них снимут упряжь. Мы накормили их сухой рыбой, они свернулись калачиком в снегу и уснули. Что касается нас самих, то мы попытались развести костер, но не смогли вскипятить достаточно талого снега даже для чашки чая; коробка сардин, содержимое которых было настолько заморожено, что мне пришлось крошить их зубцом вилки, составила мой королевский ужин. Вскоре в снегу была вырыта яма, используя снегоступы вместо лопаты и несколько палок, брошенных внутрь, чтобы предотвратить прямой контакт со снегом. Я открыла свою сумку с одеялами, надела меховую куртку и попыталась плотнее закутаться в одеяла, чтобы не замерзнуть. Через пару часов я почувствовал, что мои конечности немеют, и был вынужден вылезти наружу и поискать вокруг твердую снежную насыпь, где я начал исполнять танец, который поставил бы в тупик самый лучший оркестр. Пятнадцать или двадцать минут я вертелся на месте и, почувствовав, что снова жив, снова накрылся одеялом, но холод был слишком сильным, и я смог произнести только несколько молитв и мирно применить медитацию "de propriis peccatis".

В другой раз, после бесплодного осматривания горизонта в поисках признаков деревни, мы оказались вынуждены провести ночь под открытым небом. На этот раз я соорудил для себя научное спальное место в пультмане. Выбрав подветренную сторону ледяной глыбы, я вырыл траншею в снегу, используя жаровню как лопату. Я вырезал подушку у изголовья и сделал могилу (действительно, она выглядела как могила) примерно в два фута шириной и два глубиной и точно моей длины. Натянув на него ряссу, используя снегоступы в качестве подставки для ног, я забрался в него и провел сносно комфортную ночь, хотя десятки раз просыпался от сильного кашля, который преследовал меня с момента моего пребывания в Тумне. Так продолжалось до 8 апреля. Мы были в пути три недели. Никогда еще поездка в Тумну не длилась так долго. Это произошло из-за того, что собаки были измотаны, и нам пришлось возвращаться пешком около 250 миль по снегу".

Миссионеры старого Общества признали бы этого беззаботного современного американского апостола своим братом.

Другой пример из региона, прямо противоположного Аляске, убедит скептика в том, что современные иезуиты сохраняют старый героический дух миссий. На этот раз мы находимся в смертоносных болотах и лесах Британского Гондураса, и тамошний апостол - отец Уильям Стэнтон из провинции Миссури. Будучи схоластом, он обучал темнокожих мальчиков Белиза и попутно собирал бесчисленные образцы тропической флоры и фауны для Смитсоновского института в Вашингтоне. Оттуда он отправился на другой конец земли и был привлечен к

научной работе в обсерватории в Маниле. Он был первым американским священником, рукоположенным на Филиппинах, и его первоначальная служительская работа заключалась в оказании помощи американским солдатам, которые десятками умирали от холеры. После этого мы снова находим его в Гондурасе, уже не в колледже, а в буше с примерно 800 индейцами майя, языка которых он не знал, но вскоре выучил. Он все еще был натуралистом, но в первую очередь был поглощен заботой о ленивых и деградировавших индейцах. Его хижина была сделана из палок, обмазанных глиной, и крыта пальмовыми листьями, и он был совсем один.

"Дороги! Дороги! - пишет он, - их просто невозможно описать. От Бенке-Вьехо до Кайо всего чуть больше девяти миль, но мне потребовалось пять часов, чтобы преодолеть их верхом. Дождь и темнота застали меня врасплох. Было так темно, что я не мог разглядеть голову моей лошади, но мой Ангел-хранитель провел меня через все это.... Единственные животные, которые меня беспокоят, - это гаррапаты (клещи). Мне приходится тратить от полутора до двух часов на то, чтобы выковыривать их из своей плоти, и все мое тело густо усеяно пятнистыми язвами там, где они оставили свой след. Но даже в райском уголке Бенке нельзя ожидать, что в этой жизни все будет по--своему. Кстати, пока я не забыла, не могли бы вы прислать мне умывальник или миску из глазурованного металла. У меня нет ничего, кроме огромного оловянного таза для мытья посуды на кухне, чтобы умыться. Немного неудобно вытирать жир каждый раз, когда я хочу помыться, а я не хочу облачаться в настоящие испанские *костюмы*". Его столом служил упаковочный ящик, стулом - коробка с консервами, кроватью - четыре веревки и циновка, сплетенная из пальмовых листьев. У него были одна чашка, тарелка и блюдо.

- Мне нужно успеть проехать сорок станций, и у меня нет ни приличного распытия, ни цибории, и только одна чаша. Я взываю не к своему дому, а к Господнему. Мой славный маленький глинобитный домик - настоящий дворец, даже если деревенские свиньи и козы время от времени врываются сюда, чтобы поживиться чьими-то старыми сапогами или ножнами от мачете. Моя церковь в буше прекрасна; та же архитектура, что и у моего дома, только больше. В церкви мужчины стоят вдоль стен, в то время как женщины и дети сидят на корточках на глиняном полу, а младенцы катаются повсюду, облаченные только в ангельскую невинность".

Об одном из своих путешествий он пишет: "Я только что вернулся с прогулки по реке, после того как провел вдали от дома тридцать один день, переезжая с места на место среди моих рассеянных людей по берегам реки и в зарослях кустарника. Мое здоровье было хорошим до прошлой недели, когда у меня случился небольшой инсульт из-за высокой температуры, за которым последовала многодневная лихорадка, из-за которой я пролежал на спине четыре дня, но теперь я снова в себе. К счастью, у меня оставалось всего три дня пути, и с помощью двух моих верных индейцев я благополучно прибыл в Бенке". Эти "три дня", хотя он и не говорит об этом, были днями пыток, и его индейцы задавались вопросом, смогут ли они вернуть его живым. "Сейчас я возвращаюсь в Кайо, прибываю сегодня в 1.30 утра. Все затоплено грязью и водой. Я должен сегодня же взять лошадь и отправиться в Бенке, так как слышал, что отец Хеннеман слег с лихорадкой. Мне предстоит проехать еще десять миль, причем по ужасной дороге через кустарник, большую часть времени лошадь по брюхо в грязи и воде; но с Божьей помощью я надеюсь до наступления ночи быть дома в безопасности. Я отсутствовал всего неделю, проехав верхом около ста шестидесяти миль, и все это по густым джунглям. Мне пришлось прорубать себе путь своим мачете, потому что густая растительность и свисающие лианы полностью закрывали узкую тропу".

Он отправился навестить деревню и по дороге перешел вброд. Река была высокой, а течение сильным. Его лошадь сбило с ног, а отец Стэнтон выскользнул из седла и поплыл рядом с животным. Примерно в четверти мили ниже был опасный обрыв в реке, но им удалось выбраться на берег в сотне футов над обрывом. Он ухватился за ветку, но она сломалась, и его унесло вниз по течению. Помолившись своему Ангелу-хранителю, он направился к самой глубокой воде и перемахнул через водопад. Несколько индейцев, находившихся неподалеку от берега, видели, как бородатый белый человек перебирался через ревущий водопад, и они подумали, что это волшебник, но он благополучно преодолел его, а затем длинными мощными гребками (он был прекрасным пловцом) направился к берегу. Затем, махнув рукой испуганным индейцам, он прорубил себе путь мачете сквозь кустарник в поисках своей лошади. В другой раз мы застаем его возвращающимся после того, что он называет "трудным путешествием", все время мокрым, потому что ему пришлось переплывать быструю реку в сапогах и одежде, он весь день был в седле, однажды ночью его поймали в джунглях на болоте, в кромешной тьме, по колено в грязи — "Тучи комаров и рои огненных муравьев насытились мной, - пишет он, - в то время как кровососущие летучие мыши-вампиры облепили мою бедную лошадь. Мы выбрались оттуда целыми, и меня утешил индеец, рассказавший, что в прошлом месяце неподалеку от этого места были убиты три больших тигра (ягуара)".

13 апреля 1909 года он говорит: "В данный момент я лежу на спине с приступом чего-то, по-видимому, острого суставного ревматизма". Он почувствовал это в первый раз, когда работал в саду. "Я просто извивался на земле и визжал, как дикий индеец". И все же он отправляется верхом в Белиз, чтобы повидаться с доктором, что означало далекое путешествие продолжительностью в четыре дня, и ему пришлось провести одну ночь в кустах. Из Белиза он вернулся по воде на "питпане", грузовом судне для мелководных рек, которое может легко перевернуться при малейшем течении. Это означало восемь утомительных дней, когда не было места даже для того, чтобы вытянуться ночью; днем не было навеса, защищающего от солнца, и часто шли проливные дожди. В сентябре он следует за своей лошадью по грязи джунглей. В октябре врач из Белиза снова послал за ним, и он во второй раз возвращается к своей миссии, которая означала восемь дней в одиночестве в лесу.

Наконец, отцу Стэнтону было приказано вернуться домой в Сент-Луис, и было обнаружено, что все его тело было окружено чудовищным разрастанием рака. Он умер в невыносимых муках, но никогда не рассказывал о своих страданиях. В бреду он говорил о Гондурсе. Только однажды он сказал: "Я так долго умирал". В конце концов, он скончался 10 марта 1910 года. Ему только что исполнилось сорок лет, но его миссионерская работа была равна чему угодно в старом обществе.

Когда иезуиты возобновили работу в Китае в 1841 году, они обнаружили, что по всей стране было большое количество туземцев, сохранивших Веру, несмотря на жестокие преследования, которым они подвергались во время отсутствия миссионеров. Провинция Кианг-Нань, столицей которой является Нанкин, и город, где Риччи начал свои апостольские труды, приветствовали возвращение братьев великого человека.

Кианг-нан - территория, вдвое меньшая по размеру, чем Франция. На западе и юго-западе он холмистый, но остальная его часть представляет собой огромную равнину, орошаемую Янцзыцзянгом и бесчисленными озерами, ручьями и каналами. Она удивительно плодородна и

ежегодно дает двойной урожай. Реки кишат рыбой, а земля - людьми. В нем много крупных городов, таких как Шанхай с его 650 000 жителями; Ченкян с 170 000, Одиси с 200 000 и так далее. Нанкин является резиденцией вице-короля и раньше был "столицей юга" и соперником Пекина, но позже в его стенах проживало всего 130 000 человек. Однако в настоящее время он возрождается, и считается, что в нем проживает триста или четыреста тысяч человек. До прихода иезуитов о стране заботились другие религиозные ордена, главным образом лазаристы и отцы восточных миссий.

В окрестностях Шанхая проживало 48 000 китайцев-католиков, чьи предки восходили ко временам миссионеров-иезуитов семнадцатого века. Возможно, еще четыре тысячи можно было бы найти в остальной части провинции, но они были потоплены в массе 45 000 000 идолопоклонников. Перспективы в целом были утешительными, поскольку апостольский викарий монсеньор де Беси основал семинарию, в которой до 1907 года обучалось более ста местных священников. Работа "Святого детства" была с энтузиазмом продолжена, в результате чего в 1847-48 годах в метрических книгах о крещении появилось 60 963 имени. В 1849 году у иезуитов были учреждения в Нанкине, Уси и вдоль Большого канала. Однако тот год был омрачен наводнениями, голодом и болезнями. Тем не менее, судебные процессы привели к хорошему результату, вынудив к строительству сиротских приютов, где Вере можно было обучать без труда. В 1852 году вспыхнуло восстание против маньчжурской династии, а в 1853 году Нанкин и Шанхай были разграблены. Все христианское исчезло во всеобщей бойне; но в 1855 году императорские войска с помощью французского адмирала Лагерра вошли в Шанхай, но Нанкин и провинции остались в руках повстанцев.

В то время также произошли определенные церковные изменения. Пекин и Нанкин исчезли как епархии, а провинция Кианг-нань стала апостольским викариатством, управление которым было поручено парижским иезуитам под руководством монсеньора Борнье. Он был назначен на этот пост в 1856 году. Викариатство Юго-Восточного Чехии было передано провинции Шампань и монсеньору Лангуйя. Лангуйя начал свою работу там с тремя отцами Церкви и 9475 старыми христианами, потомками пекинских неофитов.

В 1860 году в Китае разразилась война, и тайпины воспользовались этим для очередного восстания. Англичане и французы, сражавшиеся с императором, придерживались разных мнений о том, что делать с повстанцами, и в конце концов удовлетворились защитой Шанхая, предоставив остальную часть страны разоряться по своему усмотрению. Отец Масса был брошен в тюрьму и должен был быть казнен, но ему удалось совершить побег. Однако его брат Луи был казнен в Цай-киа-уане вместе с толпой сирот, которых он пытался защитить. В 1861 году отец Вийом был убит в Поу-тонге, а другие подверглись ограблению, взятию в плен и жестокому обращению. В 1862 году в провинции вспыхнула эпидемия холеры, которая длилась два года; апостольский викарий монсеньор Боргниет, шестнадцать монахов и четыреста верующих умерли от чумы. В следующем году погибло еще шесть иезуитов. В это время генерал Гордон начинал свою великую карьеру. Тогда он был всего лишь майором, но он реорганизовал императорскую армию, разгромил повстанцев и взял Нанкин. Это дало миссионерам передышку; но в 1868 году тайпины снова вышли на свободу под другим именем, и на целый год воцарилась анархия.

Тем временем города Шанхай и Зикавэй пострадали относительно мало, а окончание войны дало миссионерам право строить церкви, повсюду нести служение и даже получать

компенсацию за уничтожение их имущества. Но права были только на бумаге, и последовали четырнадцать или пятнадцать лет ссор с каждым маленьким мандарином в стране. Тем не менее работа продолжалась. В Зикавэе, например, были открыты школы, типография, а в 1872 году была открыта обсерватория, которая вскоре прославилась на весь Восток. Прогресс был достигнут и в Шанхае. Конечно, обычные поджоги и грабежи, время от времени сопровождавшиеся массовыми убийствами групп христиан, продолжались, но этим беспорядкам не уделялось особого внимания до 1878 года, когда была подожжена церковь в Нанкине, а Сестры милосердия, священники и христиане в целом, среди которых был французский консул, были безжалостно убиты. Затем имперское правительство приняло к сведению вспышку, и одиннадцать предполагаемых виновников были приговорены к смертной казни. Это помогло успокоить толпу, и евангелическая работа возобновилась, так что Кианг-нань, в котором в 1866 году насчитывалось 70 685 христиан, в 1882 году насчитывал более 100 000. В 1900 году насчитывалось 124 000 человек, из которых 55 171 были взрослыми. Также 50 000 оглашенных готовились к крещению. Число священников выросло до 159, из которых 42 были китайцами. В 940 школах обучалось 18 563 ребенка.

Восстание боксеров было самым серьезным испытанием, которому до сих пор подвергалась миссия. Она была организована при самом дворе Тоаном, дядей императора, генералом Тун-Фоу-Сиангом и государственным секретарем Канги-и, и ее шумиха была слышна за годы до самой вспышки. В Сет-чуане была разрушена треть церквей, деревни подожжены, миссионеры брошены в тюрьму, а многие христиане убиты. Священник и его люди были сожжены в церкви в Куанг-тунге; а в Хоу-пе еще один был предан смерти. Эти бесчинства пока носили локальный характер, но были все основания полагать, что действовал всеобщий заговор с целью изгнания всех иностранцев из империи. Наконец Боксеры, или *Великие сабли*, заявили о себе, и по приказу вице-короля Ю хина было уничтожено 360 христианских деревень. Это было только начало. Больше всего пострадал Чайка. Это был оплот повстанцев. Осенью 1899 года повсюду были пожары и беспорядки. В 1900 году северная часть миссии была объята пламенем, и сорок пять христианских центров превратились в пепел, но отступников было немного, если вообще были, хотя тысячи были преданы смерти самым ужасным образом. 20 июня отцы Исоре и Андлауэр были убиты у алтаря. 20 июля отцы Мангин и Денн были убиты, а 26 апреля 1902 года, после заключения мира, отец Ломюллер со своим катехизатором и слугой были убиты.

Во время этого шторма были убиты пятеро миссионеров; преп. Анри Булте умер от истощения; 5000 христиан исчезли из страны; 616 церквей были разрушены вместе с 381 школой и тремя колледжами. Но о том, что кровь мучеников является семенем Церкви, свидетельствует тот факт, что сейчас в округе больше христиан, чем было до гонений. Церкви были восстановлены; священников и катехизаторов стало больше; семинария переполнена, а школы, ученики и учителя работают, как ни в чем не бывало. Точные цифры можно найти в книге Броу "Миссионеры XIX века". Шанхай и Зикавэй образуют центр викариатства Кианг-нань. В Шанхае есть кафедральный собор и три приходские церкви, которые обеспечивают католическое население численностью 9724 человека. Есть три больницы; детский дом с профессиональными школами; шесть школ; дом престарелых; конференции Святого Винсента де Поля. В Зикавэе есть схоластика Общества; большая и малая семинарии; метеорологическая и магнитная обсерватории; музей естественной истории; колледж с 266 студентами, из которых 105 язычников; типография; выходящее раз в две недели издание и зарождающийся университет, который, как мы надеемся, пресечет тенденцию местных жителей отправляться за образованием в Японию или в японские школы, основанные в самом Китае.

Когда Григорий XVI отправил иезуитов в Китай, считалось, что оттуда им будет легко отправиться в Японию, чтобы возобновить работу, в которой они так отличились в прежние времена. С тех пор прошло восемьдесят лет, и только недавно несколько иезуитов проявили себя в этой стране. Отцы миссий Этранж заняли эту землю и преуспели в создании полной иерархии из пяти епископов и заслужили похвалу своей работой в миссиях и приходах, в полемике и на конференциях. Была предпринята попытка открыть школу, и недавно американский иезуит был принят в штат Университета Токио. Только это и ничего больше. Кто может сказать, что нас ждет в будущем?

Это был счастливый день для нового общества, когда в 1841 году Григорий XVI приказал ему отправиться на миссии в Индостан; страну, освященную трудами Франциска Ксаверия, де Нобили, де Бритто, Криминали и множества других святых миссионеров. Никакая работа не могла быть более приемлемой. Главным препятствием на пути к успеху был протекторат, который Португалия осуществляла над церквями Востока. Во времена католицизма ее короли имели право не только назначать всех епископов Востока, но и издавать законы почти по всей церковной процедуре в пределах своих владений. Даже ризничий не мог быть отправлен в Индию без официального разрешения португальского правительства. Такое положение вещей было достаточно плохим во времена католицизма, но когда политика Португалии находилась в руках неверных и врагов Церкви, с этим никак нельзя было мириться, независимо от того, насколько настойчивыми были утверждения о том, что право по-прежнему принадлежит короне. Еще одна ненормальность этого заявления заключалась в том, что страна больше не принадлежала Португалии, а в значительной степени была английской, и, следовательно, если и должна была быть какая-либо диктовка, то она должна была исходить от правительства этой страны.

Первым актом папы римского было создание ряда апостольских викариев, которые должны были быть независимы от архиепископа Гоа. Это положило начало войне, которая длилась шестьдесят лет. Это называлось гоанским расколом, или борьбой за двойную юрисдикцию. Апостольским викарием округа Калькутта был Роберт Сент-Леджер, ирландский иезуит, который приехал в Индию с пятью членами Общества после своего назначения 15 апреля 1834 г. Юрисдикция Сент-Леджера оспаривалась рядом приверженцев Гоа, и он ушел в отставку в декабре 1838 года. Иезуиты вместе с ним основали колледж, который с энтузиазмом поддерживал его преемник, епископ Жан-Луи Таберд. К сожалению, он скоропостижно скончался в 1840 году, и доктор Патрик Кэрю, третий викарий, не поддержал его, в результате чего начавший процветать колледж был закрыт. В 1846 году иезуиты покинули Калькутту, но в 1860 году они были отозваны монсеньором. Олифф, преемник доктора Кэрю.

Миссионеры пришли под руководством отца Депельчина, который, завершив свою работу в Калькутте, позже приумножил свою славу, основав миссию Замбези в Африке. Они нашли все в руинах. Из 2 300 000 человек, проживавших в городе и пригородах, насчитывалось не более семи или восьми тысяч католиков, многие из которых были тамулами из Мадраса. Лишь немногие из верующих находились в легких обстоятельствах, и их влияние в городе не имело значения. Поэтому ничего не оставалось, как реанимировать Колледж Святого Франциска Ксаверия, который был закрыт четырнадцать лет назад. В нем не было мебели, а библиотека состояла из нескольких книг со снятыми обложками. Тем не менее колледж был открыт, и в первый день на скамьях сидели восемьдесят студентов. Когда умер епископ Олифф, возникла ужасная возможность назначения епископа из Гоа, что для иезуитов означало собрать вещи во

второй раз и покинуть Калькутту. Поэтому была подана апелляция в Рим, и был назначен отец Огюст Ван Хойле, но он умер в 1865 году вскоре после своего прибытия, а в 1867 году епископ Уолтер Штейнс был вызван из Бомбея, чтобы занять его место. К этому времени в колледже обучалось 350 студентов; требовалось новое здание и другая ситуация, но Депельчин справился с этой задачей, и перед отъездом из Калькутты в Африку в его списке было 500 студентов.

Первоначальной работой миссионеров было развитие колледжей, но впоследствии они обратились к евангелизации всего населения города и пригородов, и сегодня у них есть шесть приходов с населением 13 000 душ, которые обеспечены школами, больницами, приютами и тому подобным. Коренное население, бенгальцы, как их называют, были признаны безнадежными. Контакт с белыми сделал их скептическими в религии и морально хуже, чем они были изначально. Единственные индусы-христиане в Калькутте - тамулы с Юга.

Не найдя бенгальцев способными к евангелизации, они обратились к своим соотечественникам, урии из дельты Ганга. Их дом имел несчастливую особенность называться "районом голода", поскольку ужасное бедствие было вызвано либо слишком большим количеством воды, либо ее отсутствием. В 1866 году была засуха, которая уничтожила все посевы, а затем последовали наводнения, которые охватили 68 000 акров земли, снесли сотни деревень и сократили население на половину миллиона человек. Сирот, конечно, было предостаточно, и в 1868 году для них был построен приют в Баласоре, который также служил евангелическим центром для миссионерских экспедиций в глубь страны. Но это предприятие оказалось не очень успешным, поскольку после многих лет тяжелого труда в результате обратилось всего около 1600 человек. Было обнаружено, что оуриа обладали всеми дурными качествами своих друзей бенгальцев. Возможно, также движение было остановлено из-за того, что их территория была своего рода Святой Землей для индуизма. Каждый год 500 000 паломников прибывали туда, чтобы помолиться у святилища Вишну, и идолопоклонство всех видов, от кровавого фетишизма предков до утонченного культа Вед и неразбавленного брахманизма, пустило там корни и процветало. Отсюда была начата миссия среди ориссов еще южнее.

Лучше, чем где-либо еще, у оуриа с близкого расстояния можно увидеть, насколько велики моральные, интеллектуальные, социальные и исторические препятствия, препятствующие прогрессу христианства в Индостане. Сложность усугублялось тем, что протестантизм с его множеством сект утвердился там и требовал в то время 15 000 приверженцев. Но когда в 1868 году по стране прокатилась холера, протестантские миссионеры бежали, и многие новообращенные из числа местных жителей перешли на сторону священников, которые, конечно, не стали подражать своим некатолическим соперникам в дезертирстве своих подопечных. Отец Гоффине особенно отличился в этом случае, путешествуя повсюду в своем узком каноэ и щедро оказывая духовную и телесную помощь пострадавшим. В 1873 году к нему присоединился отец Дельплас, который отправился еще ближе к морю. Другие последовали за ними, жили в хижинах местных жителей, утоляли свой голод несколькими горстями риса, по воскресеньям заменяемого рыбой, чтобы нарушить монотонность рациона, в результате чего за три года между Хугли и Мутлой открылось тридцать католических миссий, в которых приняли участие 3000 новообращенных на территории, ранее бывшей оплотом индуистского протестантизма.

В том же году отец Шофф отправился к северу от Калькутты в Бардван — "Сад Западной Бенгалии". Он держался подальше от богатых и посвятил себя отбросам общества. Снова и снова начальство сомневалось, стоит ли этого делать, но сегодня харисы, которые раньше были настолько деградировавшими, живут в красивых деревнях, и порядок, благочестие и честность, которыми они отличаются, заставляют забыть невежество, разврат и нечестность прошлого. В настоящее время там проживает группа из более чем 5000 католиков.

В этих краях кастовая система преобладает во всей своей силе, но если вы отправитесь еще дальше на запад, в сердце провинции Чхота-Нагпур, вы наткнетесь на полудиких людей, отбросы человечества, которых арийцы-завоеватели с равнин загнали в холмы и леса. Это ураоны дравидийского происхождения; маленькие, черные, как негры, грязные, часто обмазанные коровьим навозом и покрытые татуировками по всему телу, но, тем не менее, беззаботные, крепкие и гордящиеся своей способностью выполнять тяжелую работу. С ними также живет более древняя раса, известная как колеса: мужчины с широкими плоскими лицами, напоминающими монгольский тип. Вероятно, это аборигены. Их религия чрезвычайно элементарна — смутное преклонение перед Высшим Существом, суеверия и культ предков; но с оттенком гордыни, который характеризует ужасную кастовую систему индусов. Немецкие лютеране пытались обратить их в свою веру. За каждое присоединение было выплачено пятьдесят рупий, и пятьдесят служителей посвятили себя этому апостольству. Им приписывают выплату 3 700 000 франков к 1876 году. Затем пришли англикане, которые потребовали 40 000 из них. В 1869 году прибыл отец Стокман и открыл миссию в Чайбасе. В 1873 году у него была всего группа из тридцати обращенных. Девять лет спустя ему удалось крестить только 273 человека, но к 1885 году в Чхота-Нагпуре было четыре резиденции с одной внешней миссией. Этой задачей занимались пять священников.

Однако работа продвигалась сравнительно медленно, пока молодой отец Констант Ливенс не стал чемпионом местных жителей в судах. Это дало ему феноменальный импульс. В течение многих лет этих бедных горцев жестоко эксплуатировали индийские торговцы из Калькутты. Как только туземцы ухитрились обрабатывать клочок земли, их обложили налогами и принудительными контрибуциями, приводили к магистратам и бросали гнить в тюрьму. К сожалению, все полицейские правила были в пользу агрессоров. Отсюда происходили непрекращающиеся бунты и массовые убийства, и когда английские власти добросовестно пытались исправить положение, они не могли найти среди этих бедных изгоев никого, кто мог бы занять какую-либо ответственную должность. Лютеране представились и пообещали защиту тем, кто присоединится к секте, и многие перешли к ним, но правительство не одобрило эту недостойную тактику, поскольку рассчитало только на то, чтобы в конце концов ухудшить положение. Это было похоже на искушение на горе.

В этот момент в пролом шагнул отец Ливенс. Он мог говорить на всех языках: бенгальском, индуистском, мундари и ураонском; а затем он погрузился в изучение законов и обычаев страны; казалось бы, это был запутанный лабиринт, но менее чем за год он стал мастером всей действовавшей тогда юридической процедуры. Вооруженный таким образом, он появлялся в суде всякий раз, когда жертве предъявлялось обвинение, и почти неизменно добивался вынесения вердикта в свою пользу. Его репутация распространялась, и жертвы акул стекались к нему со всех сторон. Он отстаивал интересы всех них, не забывая, однако, о своих министерских занятиях проповедью, обучением, сочинением песнопений, помощью нуждающимся и поиском душ повсюду. Он сократил так много работы для своих коллег, что его

начальство было в панике. Но он преуспел. Местные протестанты приходили толпами, и начался прилив обращений в Веру. Это действительно стоило ему жизни, ибо он умер в 1892 году, подавленный своими трудами и лишениями, но он положил начало великому движению, и через два года после его смерти паства выросла с 16 000 до 61 312 человек, и более 2566 оглашенных готовились к крещению. Сегодня район совершенно не похож на себя прежнего. Место старых языческих песнопений заняли священные песнопения, а безнравственные танцы неизвестны. Даже язычники, составляющие большинство, не осмеливаются совершать определенные обряды публично.

В районе Чхота-Нагпур, отличном от того, в котором работал Ливенс, обращения еще более выражены. Работают шесть миссионеров, и число их оглашенных превышает 25 000 человек. Они предложили себя, несмотря на то, что раджа был в ярости по этому поводу на своих подданных; многих из них немилосердно избили и бросили в тюрьму. Действительно, английскому правительству пришлось вмешаться, чтобы остановить его. Если бы священников было достаточно, не было бы никаких трудностей с обращением в христианство всей сельской местности. Последние доступные источники сообщают нам, что жители пятнадцати деревень объявили себя христианами и остригли свои волосы, чтобы дать миру знать, что они отказались от идолопоклонства. Пятьдесят лет назад во всей Западной Бенгалии было всего несколько тысяч католиков. В 1904 году их было 106 000; в следующем году - 119 705; в 1906 году - 126 529. Только в Чота-Нагпуре проживает еще 102 000 человек, и это число могло бы удвоиться, если бы на месте были двадцать новых миссионеров. В Западной Бенгалии сейчас 27 церквей, 346 часовен, 124 школы и два отличных колледжа. Там работают 101 священник, 55 схоластов и 27 братьев-коадьюторов Общества, а также 34 брата-христианина и 158 сестер.

Когда епископ Стейнс покинул Бомбей, его преемник монсеньор. Жан-Габриэль Мерен построил уже запланированный колледж и назвал его колледжем Святого Франциска Ксаверия. Предприятие было трудным, поскольку раскольнические гоанцы насчитывали 40 000 человек из 60 000 католиков в городе, и их церковные лидеры были не только безразличны к проекту, но и отказались внести какой-либо вклад в его осуществление, как если бы это было мусульманское или еретическое учреждение. Люди, однако, были настроены лучше. Все - католики, язычники и еретики - горели желанием построить колледж, ибо Бомбей гордился тем, что является великим интеллектуальным центром; и поэтому, когда правительство пообещало удвоить сумму, которую можно было собрать, энтузиазм был всеобщим, и деньги полились рекой. Обсерватория до сих пор носит имя богатого парса, который ее построил.

Бомбейская миссия включала Белуджистан вплоть до границ Афганистана; ее южной границей была епархия Пуны. На этой обширной территории были деревни коренных жителей, военные посты, англо-индийские поселения, индо-португальцы и чистокровные индусы. В этой амальгаме насчитывалось всего около 33 000 христиан, не считая 70 000 человек, верных гоанцам. В различных районах этой территории были построены четыре колледжа, но, в отличие от крупных учебных заведений Бомбея и Калькутты, они были исключительно католическими. Они дали инструкции соответственно 500, 690, 298 и 306 ученицам. Девочки из двух епархий также были обеспечены, и численность учащихся средней школы превысила 10 000 человек. Большим преимуществом этой схемы было то, что она очень быстро привела к расколу через детей повстанцев.

Кармелиты были в Мангалоре; но им было слишком трудно противостоять кальвинистам из Бале, у которых в 1880 году было двадцать станций, шестьдесят пять школ и годовой бюджет в полмиллиона; следовательно, они умоляли Святой Престол призвать иезуитов. Когда в декабре 1879 года прибыли новые миссионеры, кармелиты вышли им навстречу на корабле, увешанном флагами и полотнищами, и по прибытии представили их восторженной толпе, ожидавшей на берегу. Колледж Св. Алоизий сразу же начались и открыла свои занятия с 150 студентов. Таким образом, случилось, что большая часть территории Святого Франциска Ксаверия вернулась Обществу; немецкие иезуиты находились в Бомбее, бельгийцы - в Калькутте, французы - в Мадуре и итальянцы - в Мангалоре. В последней миссии при населении 3,685,000 есть в день только 93,000 католики, но есть приняло участие 1500 студентов-христиан в Святой Алоизия колледжа в 1920 году. Следует отметить, что Мангалор приобрел всемирную известность благодаря своей больнице для прокаженных, которая была основана отцом Мюллером, ранее уроженцем провинции Нью-Йорк. В этом округе также больше местных священников, чем в любой другой части Индии. Всего их насчитывается 60, и они обслуживают около 32 приходов. Однако они не чистокровны, поскольку носят отчетливо португальские имена, такие как Коэльо, Фернандеш, Салданья и Пинто. Такой рост местного духовенства обнадеживает, но было бы ошибкой считать их полезными для распространения Веры. Они обращают относительно мало людей. Они оставляют это посторонним. Они просто цепляются за то, что было завоевано для них другими.

В 1884 году колледж Негапатама был переведен в Тричинополис, причина заключалась в том, что в последнем проживало 20 000 католиков. Конечно, англиканские педагоги города пытались воспрепятствовать этому переезду, но потерпели неудачу. В колледже одно время обучалось 1800 учеников, и хотя в 1905 году их число сократилось до 1550 из-за новых конкурентов в этой области, по последним данным, посещаемость составила 2562 человека. В средней школе святого Ксаверия в Тутикорине при миссии Мадура в 1920 году было 563 ученика, а в церкви Святой Марии, возведенной в 1910 году в самом сердце брахманизма, - 441. В Тричинополе дисциплина и работа студентов привлекли большое внимание, но особенно предприимчивость содалистов, которые сформировали двадцать групп катехизаторов и занимаются религиозным обучением 700 детей. Наиболее примечательным, однако, является успех колледжа в разрушении кастовых барьеров. Действительно, миссионеры былых времен с изумлением посмотрели бы на группировку в классах брахманов, веллаланцев, одеянов, калланов, параверов и двадцати других социальных групп вплоть до самых парий, все они учились в одном доме и ели за одним столом. Сначала были перегородки, потом ширмы, потом скамейки, и теперь есть только воображаемая линия между классами, которые раньше не могли приблизиться друг к другу без загрязнения.

Среди этих каст брахманы проявляют величайшее любопытство ко всему христианскому, но, подобно богатому молодому человеку из Евангелия, когда они слышат правду, они печально отворачиваются. "Почему Бог позволил мне встретиться с вами, - сказал один из них, - если я собираюсь страдать и здесь, и в будущей жизни?" Один из них, наконец, сдался и сбежал в духовную семинарию на Цейлоне. Когда новость распространилась за границей, священники из пагод и профессора национальных школ пришли в колледж и устроили штурм против других оглашенных, но безрезультатно. На следующий год еще один брамин объявил себя христианином; трое в 1896 году, трое в 1897 году, четверо в 1898 году, шестеро в 1899 году и двое в 1900 году. Всем им предстоит тяжелая борьба; ибо они изгнаны из своей касты и лишены наследства своими семьями. Двое из этих обращенных умерли, и есть подозрение, что по

крайней мере один был отравлен. Уже 60 брахманов приняли крещение, и в Индии по этому поводу поднялся шум. Для тех, кто знает страну, эти обращения имеют большее значение, чем обращения тысячи обычных людей, и почти забавно узнать, что хорошо известный лидер теософов Анни Безант поспешила вернуться в Индию, чтобы осудить католическую церковь за ее бесстыдство. Этот инцидент, это правда, дал новую жизнь идолопоклонству, но, возможно, это был последний вздох перед смертью.

Район Мадур был захвачен Отцами Иностранных миссий после того, как иезуиты были подавлены в 1773 году. Когда папа Пий VII восстановил Общество, эти преданные и перегруженные налогами миссионеры настойчиво призывали иезуитов вернуться на свое старое место в этой части полуострова. Петиция была услышана, и иезуиты вернулись в Мадур в 1837 году. Они столкнулись с ужасающим положением дел. Несмотря на героические труды их непосредственных предшественников, скандалов было неисчислимое множество, и значительная часть населения впала в самые грубые суеверия и идолопоклонство. Сначала миссионеры были хорошо приняты, но гром из Гоа подтолкнул людей к восстанию. Более того, их труды были настолько сокрушительными, что только в 1843 году четверо Отцов умерли от истощения. Однако постепенно настроения начали меняться, и уже в 1842 году в миссии насчитывалось 118 400 католиков, многие из которых перешли из протестантизма и язычества. В 1847 году Мадур стал апостольским викариатом при монсеньоре. Алексис Каноз, через год после основания индоевропейского колледжа в Негапатаме.

В активе Мадур есть еще одно великое достижение. Английское правительство положило конец сутти: ужасному и обязательному обычаю вдов бросаться в погребальные костры своих мужей, которых сжигали. Запрет был встречен всеобщими аплодисментами, но Отцы Церкви начали другое движение. Это было против принудительного безбрачия вдов, некоторые из которых были замужем в младенчестве, часто за каким-нибудь стариком, и, следовательно, были вынуждены вести холостяцкую жизнь после его смерти. Можно представить себе моральные последствия такого обычая. Поначалу было трудно убедить новообращенного в том, что для него совершенно правильно жениться на вдове, но мало-помалу предрассудок был устранен. Конечно, в процветающей Мадуре есть сиротские приюты, дома престарелых, приюты Магдалины, родильные дома, промышленные училища и другие благотворительные учреждения.

Работа среди низших классов в сельских районах характеризуется самыми тяжелыми испытаниями. Странствующему миссионеру нигде найти приют в деревнях, кроме как в какой-нибудь жалкой хижине. Действительно, в 1853 из этих деревень из 2035 вообще нет жилья для священника, который, возможно, несколько дней путешествовал по лесам, чтобы навестить их. Более того, хотя у этих людей есть свои хорошие качества и большая склонность к религии, они непостоянны, легковозбудимы, неблагодарны, временами невнимательны, как дети, и ими трудно управлять. В определенных кварталах, особенно на юге, число обращений увеличивается с каждым днем. Движение началось еще в 1876 году, после страшного голода, охватившего страну, и в одном месте христианское население выросло за пятнадцать лет с 4800 до 68 000 человек. В 1889 году вокруг Тутикорина собрались целые деревни. В декабре 1891 года 600 человек требовали крещения в одном месте, и они представляли дюжину разных каст. В 1891 году один миссионер был вынужден возвести тридцать две новые часовни. "Я сказал, что у нас появилось 75 новых деревень, - пишет другой. - Если бы у нас было достаточно священников, у нас могло бы быть еще 75".

В 1920 году в епархии Тричинополи, помимо епископа, монсеньора. Августина Фейсандье, насчитывалось 119 священников-иезуитов, из которых 28 были уроженцами. Есть несколько местных схоластов. Помимо этой группы, 27 местных жителей изучают философию и теологию в семинарии в Канди. Добавьте к этому 32 Брата Святого Сердца, института индийских религиозных мирян, которые помогают миссионерам в качестве катехизаторов и школьных учителей; 75 монахинь в европейских и 346 в индийских учреждениях; и 75 облат, или благочестивых женщин, которые посвящают себя крещению языческих детей; и у вас есть часть рабочего корпуса этой процветающей миссии. В 1916 году католическое население составляло 267 772 человека. В стране насчитывается 1100 церквей и часовен, 2620 почтовых отделений, 27 378 детей посещают школу и 7 католических периодических изданий.

С миссиями в мусульманских странах было особенно трудно справляться, потому что Турция - настоящее Вавилонское столпотворение рас, языков и религий. Здесь есть турки, и сирийцы, и египтяне, и арабы, а также метуальцы с горного Ливана и бедуины пустыни. Есть друзья, у которых есть тонкая связь, связывающая их с исламом; есть идолопоклонники всех мастей; есть греки-раскольники, которые называют себя православными и зависят от Константинополя; и есть объединенные греки или мелхиты, которые подчиняются Риму; армяне-монофизиты и армяно-католики; и копты, также придерживающиеся той же разделенной верности. Затем идут сирийские якобиты и объединенные сирийцы, несториане, халдеи, марониты, латиняне, русские, английские, немецкие и американские протестанты и, в конце концов, вездесущие евреи. Миссионеры, которые трудятся в этом хаосе, также принадлежат к разным расам и носят всевозможные религиозные одеяния. Каков будет результат изменений, последовавших за Мировой войной, никто не может предсказать. Нам не на что надеяться со стороны евреев или мусульман; и лишь очень слабая возможность объединить раскольников с Римом или обратить протестантов, которым не на что опереться, кроме чувств и укоренившихся предрассудков. Однако многое еще предстоит сделать, чтобы удержать католиков от рационализма и ереси; поднять духовенство до должного уровня, привив им науку и благочестие; подготовить священников и епископов для униатов; привить любовь к кафедре Петра; и при этом не только не задевать восприимчивость униатов, но и демонстрировать величайшее уважение к ревливой автономии каждой Восточной Церкви.

До Подавления Войны миссии Леванта были в основном поручены иезуитам провинции Лион. Союз Великого турка с королями Франции гарантировал безопасность миссионеров, и поэтому у них были станции не только в Константинополе, но и в Румелии, Анатолии, Армении, Мингрелии, Крыму, Персии, Сирии, Египте и на островах Эгейского моря. Работой пристрастия во всех этих местах был труд на галерах с каторжниками или в лазаретах с больными чумой. Между 1587 и 1773 годами от чумы умерло более 100 миссионеров-иезуитов. В 1816 году, то есть через два года после восстановления Общества, епископы Леванта обратились к Риму с петицией о возвращении иезуитов. Благодаря Павлу Русскому, они возобновили свои прежние должности в 1805 году в Эгее, где один из бывших иезуитов по имени Мортелларо остался светским священником и прожил достаточно долго, чтобы один из Отцов Церкви из России испустил свой последний вздох и услышал, как он возобновляет свои религиозные обеты. Это было началом нынешних миссий сицилийских иезуитов на Архипелаге. У галисийской провинции есть четыре отделения в Моравии, а у венецианской - в Албании и Далмации.

В 1831 году Григорий XVI приказал Обществу отправиться с миссиями в Сирию; но в то время Мехмет Али из Египта находился в состоянии войны с султаном, и друзья и марониты убивали

друг друга по своему желанию. Наконец, от имени султана эмир Хайдар пригласил Отцов начать миссию в Бекфайе, на западном склоне горы Ливан, примерно в 10 милях к западу от Бейрута. Одновременно эмир Бекир, который был сторонником Египта, основал их в Муаллаке, пригороде Захле, по другую сторону горы. В Хауране, на границе пустыни, они обнаружили христианское население среди друзей и бедуинов. Их презирали, с ними плохо обращались и фактически обратили в рабство. У них не было ни церквей, ни священников, они пребывали в абсолютном неведении о своих обязанностях христиан и были ошеломлены, обнаружив, что Рим зашел так далеко, чтобы найти их. Работа по их поднятию была достаточно тяжелой, но получить поручение Рима разрешить споры, которые постоянно возникали между христианами, православными и турками, и даже между церковными властями, было непростой задачей. Отец Планше был главным миротворцем во всех этих распрях, и в наказание за это был назначен апостольским делегатом в 1850 году, рукоположен в епископа Мосульского в 1853 году и убит в 1859 году, когда собирался отправиться в Рим.

Отец Планше был французом; вместе с отцом Рикадонной, итальянцем, и братом Хенце, ганноверцем, он отправился в Сирию в 1831 году по совместной просьбе мельхитского епископа Музлума, Джозефа Ассемани, прокурора маронитского патриарха и маронитского архиепископа Алеппо Германа Харвы. Неопубликованный документ, недавно отредактированный отцом Жюльеном в "Новой миссии в Сирии", дает подробный отчет о путешествии этой прославленной троицы из Ливорно в Сирию.

"Судно называлось "Воля Божья", и путешествие было, — говорит Рикадонна, - непрерывной чередой несчастий: лихорадки, обмороки, гнилая вода, сломанный такелаж, разбитые мачты, бурные волны, ужасные штормы, команда, страдающая морской болезнью, и побеги с английских, турецких и других крейсеров в открытом море. Когда они сошли на берег, холера свирепствовала по всей стране". Повествование полно интереса благодаря живописным описаниям людей, их жилищ, их праздников, их караванов, их грязи, их фанатизма и постоянно повторяющихся массовых убийств христиан. Путешественники побывали в Бейруте, Камаре, Багдаде и Дамаске и дают яркие картины условий, в которых они находились в те первые дни. Медицинские способности брата-мирянина оказали им большую услугу. Он был единственным врачом в стране, в результате чего, по словам Рикадонны, каждое место остановки было *probatica piscina*, и каждый стремился добраться до него первым. "В Аравии, - говорит Родственник, - как и на равнинах Баальбека, нет ничего, кроме невежества и греха. В каждой деревне есть колдуны и колдуньи; преобладают всевозможные суеверия, ложь, богохульства, лжесвидетельство инечистоплотность. Для христиан обычным делом является носить мусульманские имена и молиться Магомету. Они никогда не постятся, а в праздничные дни никогда не ходят к мессе. О духовных книгах или таинствах они ничего не знают; клановая и личная месть и убийства обычны, а сексуальная безнравственность неопишима". Таково было состояние этих стран в 1831 году.

В 1843 году миссия, которая до тех пор зависела от генерала, была передана провинции Лион. В том году в Газире, в старом заброшенном замке, купленном у горного эмира, была открыта семинария для местных священников. Все началось с двух студентов, но к концу года на скамейках сидело двадцать пять человек, и в этом небольшом количестве было представлено множество Обрядов. Вскоре вокруг него вырос колледж для мальчиков и была создана религиозная община местных монахинь для обучения детей. По последним данным, у сестер около 4000 учеников.

Новые посты были открыты в Захле и древнем Сидоне, а также в Дейр-эль-Камаре. В тот момент перспективы казались радужными, ибо разве французы и турки не были товарищами по оружию в Крыму? Но в 1860 году ужасные массовые убийства в Сирии начались как протест ультра-мусульман против либеральной уступки Константинополя христианам. В длинном списке жертв иезуиты кое-что значили; ибо 18 июня четверо из них были зарезаны в Захле, а пятый - в Дейр-эль-Камаре. В этой бойне было убито восемь тысяч христиан, разрушено 560 церквей, опустошено триста шестьдесят деревень и сожжено сорок два монастыря. Три месяца спустя турецкие войска из гарнизона Дамаска вырезали восемь тысяч пятьсот человек, четырех прелатов, пятьдесят сирийских священников и всех францисканских монахов в городе. Они сравняли с землей три тысячи восемьсот домов и две церкви и могли бы сделать еще больше; но резня была остановлена, когда на место происшествия прибыл алжирец Абд-эль-Кадер. Они все еще живут на вулкане. До и во время войны 1914 года массовые убийства христиан продолжались как обычно.

Армения - это Арарат Священного Писания. Маленькая Армения, в которой трудятся иезуиты, представляет собой полосу территории неправильной формы, которая начинается от Александреттского залива и продолжается до Черного моря. Его главными городами являются Адана, Кесария, Сивас, Токат, Амасия и Марсван, расположенные примерно в двух-трех днях пути друг от друга. Страна гористая, без железных дорог или других видов транспорта. Шоссе кишат разбойниками; климат здесь чрезмерно жаркий и чрезмерно холодный. Трудности, с которыми приходится сталкиваться Церкви в этом негостеприимном регионе, - это, во-первых, турецкое правительство; во-вторых, тайные общества, которые постоянно строят заговоры против своих турецких хозяев; и, в-третьих, американские протестантские секты, которые покрывают страну церквями, сиротскими приютами, школами и профилакториями и наводняют ее антикатолической литературой и деньгами. В 1886 году все школы были закрыты турками, но когда французы выразили протест, они были вновь открыты. В 1894 году двое священников умерли, ухаживая за жертвами холеры, и это помогло распространить Веру, поскольку, конечно, при таких бедствиях на месте происшествия никогда не бывает священников. Под турецким правлением массовые убийства, естественно, носят хронический характер, но Бру сообщает нам, что в таких случаях протестанты страдают больше, чем католики; поскольку последних не подозревают в принадлежности к тайным революционным обществам, в то время как другие, как известно, глубоко вовлечены.

Население этого региона насчитывает 500 000 христиан, из которых 14 000 протестантов и 12 000 католиков. Остальные - монофизиты-раскольники. В миссии, помимо светских священников, работают 57 иезуитов и 50 сестер-учительниц из Франции. Есть 22 школы, в которых обучается 3309 учеников, но только 504 из этих детей являются католиками-униатами. Их называют григорианами, поскольку традиция гласит, что Армения была обращена в веру святым Григорием Просветителем. Обращений немного, но раскольники принимают любую католическую истину, которую им преподают. Они верят в Непорочное Зачатие, молятся за умерших, любят Папу Римского, перебирают четки и взывают к Святому Сердцу. Для них разница между римлянами и григорианцами - всего лишь вопрос ритуала. Однако в нескольких местах целые деревни просили принять их в римское единство. Как народ, они надеются главным образом на Россию в поисках избавления от турок, но ни турок, ни русский сейчас не имеют значения в мировой политике, и никто не может предвидеть будущее.

Отец Рутаан давно мечтал послать миссионеров на то, что до недавнего времени называлось Неизвестным или Темным Континентом - Африкой. Поэтому, когда авторитеты Пропанды рассказали ему о предложении, сделанном священнослужителем, признанным честным, об учреждении там миссии, Рутаан немедленно принял его и в 1846 году приказал отцу Максимилиану Рилло с тремя спутниками подняться по Нилу как можно дальше и доложить об условиях в стране. Рилло родился в России в 1802 году и переехал в римскую провинцию в 1820 году. После многих лет миссионерской работы в Сирии, на Мальте и Сицилии 4 июля 1844 года он был назначен ректором Городского колледжа в Риме и занимал этот пост, когда отец Рутаан отправил его в новую миссию в Центральной Африке.

В 1845 году Рилло был в Александрии в поисках "выдающейся личности", которая предложила эту миссию и была рукоположена епископом *in partibus* целью продвижения предприятия. Но "выдающуюся личность" нельзя было найти ни там, ни в Каире. Таким образом, после напрасного ожидания в течение месяца Рилло и его спутники отправились в Хартум, который должен был стать центральным пунктом будущих исследований. После небольшого отдыха они отправились вверх по Белому Нилу. Они находились тогда под экватором, и у них были скудные запасы провизии для путешествия и никаких средств защиты от ужасной жары, и, кроме того, они находились в постоянной опасности от крокодилов, которые кишели на берегах реки. Первые негритянские племена, с которыми они встретились, говорили на арабском диалекте, поэтому их было легко понять. Дома туземцев представляли собой пещеры на склонах холмов - стиль жилья, который был необходим из-за палящей жары. Их образ жизни был патриархальным; они были либеральными и добрыми и, казалось, были доступными краеугольными камнями для будущей Церкви, которую миссионеры надеялись построить там. Удовлетворенные тем, что они обнаружили, они вернулись в Хартум, но когда они своевременно сообщили об этом в службу пропаганды, эта миссия им поручена не была. Он был передан Веронской конгрегации миссионеров.

В 1840 году иезуиты отправились в Алжир. Работа не была непосильной. Им поручили присмотр за сиротским приютом. Но, к сожалению, хотя у них было много сирот, у них не было денег, чтобы прокормить их. Тем не менее, уповая на Бога, отец Брюмо не только не закрыл заведение, но и приобрел 370 акров земли, в центре которой возвышалось несколько зданий, которые ранее были официальными банями алжирских дейсов. В 1848 году приют приютил 250 сирот. Отец Брюмо просто ходил по кафе и ресторанам, и деньги сыпались ему в шляпу, потому что это предприятие понравилось каждому. Он даже собирал в гостиницах остатки еды и приносил их маленьким попрошайкам, оставшимся без матери и отца, которых подбирал на углах улиц. Они были грязными, оборванными и порочными, но он отмыл их дочиста и одел, научил нравственному закону и наставил в полезных ремеслах. Маршал Бужо, губернатор, влюбился в священника, и когда ему сказали, что он иезуит, ответил: "Он может быть самым дьяволом, если хотите, но он делает добро в Алжире и навсегда останется моим другом". Однажды привели нескольких арабских детей, и он сказал отцу Брюмо: "Постарайтесь сделать из этих детей христиан. Если тебе это удастся, однажды они не будут стрелять в нас из подлеска."

Приют стоял на большой дороге, ведущей в Блидак, и было испрашено разрешение связаться с местными жителями. Отцу Брюмо разрешили построить дом, который служил кафе для арабов. В нем был большой зал для путешественников и сарай для животных. Рядом с ним находилась школа, в верхней части которой были отведены комнаты для его маленькой общины. Это был *зау* христианских марабутов, место встречи французов и местных жителей и нейтральная

территория, где фанатизм не разжигался, а угасал. Все губернаторы, Пелисье, герцог д'Омаль, Мак-Магон, адмирал де Гейдон и генерал Шанзи, любили Отца и поощряли его в работе. Однажды генерал д'Отсуль похвалил его за успех и посоветовал открыть другое заведение. Это предложение было немедленно реализовано. К правительству обратились с просьбой, и вскоре в Буффарики, южнее, заработал второй детский дом. Наконец, поскольку число арабских сирот сокращалось из-за улучшения домашних условий, Брюмо спросил, почему он не может принимать сирот из Франции? Конечно, он мог, и он был счастлив, когда 200 из них были присланы в подарок из Парижа. На улицах столицы было бы намного меньше гейменов.

Тем временем в городах Аль-Оран, Константин и Алжир создавались резиденции и колледжи, но когда по просьбе епископа отец Шимбри открыл небольшой дом по соседству с Селифом и стал втираться в доверие к местным жителям, власти потребовали его немедленного отзыва. Позже, когда епископ попросил разрешения открыть туземную миссию, его осудили в Париже за влияние на несовершеннолетних, потому что он попросил нескольких лазаристов обучить нескольких арабских детей-бродяг; но правительство, чье неуважение к религии было притчей во языцех среди туземцев, без колебаний построило мусульманские школы, позволив французскому генералу произнести хвалебную речь исламу с кафедры мечети. Хотя он запретил религиозные процессии, он предоставил корабль для перевозки арабских паломников в Мекку. Он был настолько скрупулезно заботился о мусульманской совести, что запретил монахиням вешать распятие в больнице, когда эти святые женщины ухаживали за больными мусульманами.

В 1864 году в двух фортах были капелланы-иезуиты, и оттуда они отважились общаться с местными жителями, у которых вскоре приобрели популярность. С этим было слишком трудно мириться, поэтому им было приказано прекратить работу, потому что, по правде говоря, они посягали на право на свободу совести. Результатом этой правительственной политики стало то, что во время восстания кабил в 1871 году лидерами повстанцев были арабские студенты, получившие исключительно светские и нерелигиозные инструкции в форте Наполеон. Отец Бру говорит (viii, 218), что Мак-Магон, который был губернатором колонии, выступал против усилий кардинала Лавиджери по обращению туземцев в христианство, но что Наполеон III поддержал кардинала, который после своей победы поселил иезуитов в сиротском приюте, а также сделал отца Терасса начинающим мастером сообщества белых отцов, которое тогда основывалось; двум другим было поручено наладить связь с племенами Сахары, и когда они сообщили, что все благоприятствует, новый Орден начал свою триумфальную карьеру. Это было в 1872 году. Когда вице-адмирал де Гейдон был назначен губернатором, он охотно разрешил кардиналу привлекать иезуитов, а также белых отцов к работе среди кабил, но де Гейдон был быстро отстранен от должности, и старые методы преследования были возобновлены. Когда наступил 1880 год и правительство было занято закрытием домов иезуитов, единственный оставшийся у них дом в Алжире был конфискован.

Португалия любезно подарила Испании остров Фернандо-По в Гвинейском заливе. Брау называет это "островом ада", где жара, как в печи для обжига извести, и воняет желтой лихорадкой. Его населяла раса негров по имени бубис, которые были карликами, с рахитичными конечностями, уродливыми, покрытыми татуировками с головы до ног, вымазанными смесью из красной глины и масла, говорившими на пяти разных диалектах, каждый из которых был непонятен носителям других; их обвинили в отравлении ручьев, чтобы избавиться от португальцев, и пытались умертвить испанцев голодной смертью. Вряд ли этот

португальский подарок был вызван братской любовью. В это прекрасное место королева Испании Изабелла пригласила иезуитов в 1859 году, и они приняли предложение. Они жили среди чернокожих, распутали клубок из пяти диалектов и завоевали любовь туземцев. Их успех в приобщении к цивилизации этих деградировавших существ был таков, что всякий раз, когда в какой-либо из деревень вспыхивала ссора, губернатору стоило только прислать своих чиновников, и в поселении воцарялся мир. Другими словами, миссионеры превратили Фернандо По в Парагвай. Такое положение вещей продолжалось двенадцать лет, но когда Изабелла сошла со своего трона, первым актом революционеров было изгнание иезуитов из миссии.

Лев XIII приказал генералу отцу Бекксу открыть семинарию в Каире. В ней было двенадцать учеников. Три года спустя произошла резня турецкими войсками Дамаска и Ливана и бомбардировка Александрии англичанами. Вследствие всего этого семинаристы бежали в Бейрут, и после войны в заброшенном заведении лазаристов в Александрии был открыт колледж. Каир был рядом, но между двумя городами существовал такой антагонизм, что пришлось поддерживать два разных колледжа с разными методами обучения. Каир был египетским по тону, Александрия - французской. Тем временем на берегу Нила в Найне, расположенном на некотором расстоянии к югу от Каира, была основана миссия. В этой миссии были наняты молодые священники, прошедшие обучение в Бейруте, и они показали себя такими превосходными апостолами, что Лев XIII сделал троих из них епископами и таким образом заложил фундамент Объединенной коптской иерархии. В 1905 году в Египте насчитывалось 20 000 объединенных коптов, четыре пятых из которых были восстановлены после раскола. Это тем более примечательно, что протестанты потратили огромные суммы денег на школы, больницы и приюты.

Первоначально Мадагаскар назывался островом Святого Лаврентия, потому что впервые он был замечен в день праздника великомученика Диего Диасом, который вместе с португальским первооткрывателем Кабралом исследовал Индийский океан в 1500 году. В 1540 году там был убит португальский священник; в 1585 году туземцы отравили доминиканца, а в семнадцатом веке два иезуита прибыли из Гоа вместе с местным принцем, попавшим в плен к португальцам. Их благосклонность к принцу обеспечила им разрешение проповедовать христианство на некоторое время, но когда их влияние начало проявляться, туземцы, повинаясь королевскому приказу, категорически избегали их, так что один умер с голоду; другому удалось добраться домой. Лазаристы пришли в 1648 году, но пробыли там всего четырнадцать месяцев, двое из них тем временем умерли. Были предприняты и другие попытки, но все они закончились катастрофой для миссионеров. Больше ничего не делалось до середины девятнадцатого века. В 1832 году отцы де Солаж и Далмонд были отправлены в отставку, но их опередили протестантские миссионеры, у которых уже в 1830 году было 32 школы с 4000 учениками. Де Солаж вскоре сдался, и Далмонд продолжал работать на небольших островах у побережья до 1843 года, когда он вернулся в Европу, чтобы попросить отца Рутаана прислать ему нескольких иезуитов. Шесть членов Общества вместе с двумя Отцами Святого Духа откликнулись на призыв, но они не смогли продвинуться дальше островов Носси-Бе, Святой Марии и Реюньона, или Бурбона, как их называли.

Королева Ранавало, которая была свирепой и кровожадной язычницей, не нуждалась ни в каких евангелистах, ни в протестантах, ни в католиках, но в столице жил француз по имени Лаборд, которого ее величество очень уважала, потому что он был изготовителем пушек, мебели и мыла.

Помимо этих достижений, которые позволяли рекомендовать его, он завоевал уважение предполагаемого наследника. Кстати, Лаборд свел принца с миссионерами с побережья. Вскоре после этого в королевском городе появился еще один француз, который умел делать воздушные шары, устраивать театральные представления и составлять составные наркотики. Его приняли на службу королеве. Он был переодетым иезуитом. Его звали Финаз, и он продолжал оставаться в Тананариву до 1857 года, когда жестокость королевы, которая была безумно суеверной, вызвала восстание против нее, организованное протестантскими миссионерами. Она одержала победу над повстанцами, и, как следствие, все европейцы были изгнаны с острова, и среди них отец Финаз. Он мог поздравить себя с тем, что, по крайней мере, выучил язык и познакомился с местными жителями.

Четыре года спустя (1861) королева умерла, и на трон взошел король Радама II; после чего шесть иезуитов открыли миссию в Тананариву. Вскоре у них было 2 школы с 400 учениками и бесчисленным количеством оглашенных, но их успех не был прочным, поскольку мальгасси легко переходил с одной стороны на другую, как того требовала его личная выгода. Радама был убит, а затем последовала сорокалетняя борьба между французами и англичанами за контроль над островом. На какое-то время англичане одержали верх, и в 1869 году протестантизм был объявлен государственной религией. Число евангелистов неимоверно возросло, но они были всего лишь правительственными агентами и почти ничего не знали о христианской истине или морали. Путаница усилилась, когда к английским священникам добавились американские квакеры и норвежские лютеране. Евангелическая статистика всех них в 1892 году была наиболее впечатляющей. Таким образом, независимые кандидаты заявили о себе 51 033, а норвежцы - 47 681, при этом в их школах учатся 37 500 детей. Имена были в списках, но здания школ часто пустовали, и в промежутках между различными официальными визитами инспекторов часто никаких инструкций не давалось. Против этого у католиков было всего 22 часовни и 25 школ, и находились они в основном в окрестностях Тананариву.

Впоследствии Франция оказала доминирующее влияние на Мадагаскар, но, поскольку на метрополии религия была табуирована, в колониях это мало беспокоило. Когда франко-прусская война показала слабость Франции, уважение к предполагаемой религии Франции исчезло, особенно когда начался крестовый поход против католических школ. Тем не менее число верующих продолжало расти, и в 1882 году их насчитывалось 80 000 человек со 152 церквями, 44 священниками, 527 учителями и 2000 учениками. В 1881 году разразилась война, и миссионеры были изгнаны, но вернулись после прекращения военных действий и обнаружили, что их неофиты под руководством принцессы королевской крови твердо придерживались своей религии, несмотря на закрытие школ и разграбление церквей. После этих неприятностей число обращений увеличилось, и в 1894 году на острове насчитывалось 75 священников-иезуитов; и, помимо начальных школ, число которых увеличилось, были построены колледж и девять средних школ, а также типография и две больницы для прокаженных. Кроме того, была построена обсерватория и началась серьезная работа в области географических исследований, картографии, этнографии, естественной истории, фольклора и филологии.

Как раз на пике этого процветания начались преследования. Миссионеры были изгнаны, их здания разграблены, а обсерватория разрушена. В 1896 году епископ насчитал 108 своих часовен, которые были опустошены, но в 1897 году прибыл генерал Галиени, и королева исчезла со сцены. После этого вера процветала, и только в 1900 году было совершено 94 998

крещений. В 1896 году пропаганда разделила Мадагаскар на три викариатства: одно вверено лазаристам, другое - Отцам Святого Духа, а третье - иезуитам провинций Тулуза и Шампань. Что касается иезуитской части, то последняя статистика дает 160 080 христиан и 170 000 оглашенных, в том числе 74 священника, 8 схоластов и 11 братьев-мирян. Главная трудность, с которой приходится бороться, - это вопиющая безнравственность людей, которые, как следствие, почти невосприимчивы к религиозному учению и в то же время легко попадают в плен к деньгам, которые льются в страну из Англии и Норвегии. Конечно, нельзя ожидать, что французские официальные лица будут продвигать дело католицизма.

В 1877 году, когда епископ Рикардс из Грэхамстауна в Южной Африке попросил иезуитов принять миссию Замбези, отец Уэлд горячо взялся за эту работу, и в апреле 1879 года отец Депельчин, бельгиец, отправился из Кимберли с одиннадцатью спутниками в Матабелленд, которым правил король Ло Бенгела. Это было пятимесячное путешествие, и миссионеры прибыли в королевский крааль только 2 сентября. Но поскольку перспективы обращения многоженственного короля и его сторонников в христианство были не особенно радужными, только одна часть экспедиции осталась с Ло Бенгуэлой, в то время как две другие направились во внутренние районы страны. Там заболели и умерли несколько сильнейших миссионеров. Однако работа продолжалась десять томительных лет, когда король приказал им прекратить преподавать религию и показать людям, как возделывать землю. В противном случае им придется уйти. Они, конечно, приняли предложение, поскольку это дало им лучший способ передавать религиозные наставления.

Затем между британцами, португальцами, бурами и Ло Бенгелой вспыхнула ссора за обладание Машоналендом. Британцы, как обычно, выиграли битву, но когда Сесил Родс прибыл в крааль, чтобы уладить дела, Ло Бенгела приказал всем белым покинуть его владения, и Отцы отступили. Затем между англичанами и португальцами возникли новые трудности, и миссия была разделена между Верхней и Нижней Замбези, причем последняя была передана португальским иезуитам. Некоторое время были проблемы с выходцами из обеих секций, а затем разразилась англо-бурская война, так что в течение двадцати пяти лет был достигнут очень незначительный апостольский прогресс. В Верхней Замбези, или Родезии, как ее еще называют, в настоящее время насчитывается 40 священников-иезуитов и 24 брата, а также 3 миссионера Марианнхилла, со 115 монахинями, 20 церквями или часовнями и 30 школами, из которых 26 предназначены для местных жителей, и около 5000 католиков. Естественно, результат едва ли оправдывает затраты, но цель сверхъестественна и понятна только с этой точки зрения. В Нижнем Замбези, который был передан португальским иезуитам, не было никаких проблем, потому что там стоял гарнизон португальских солдат; четыре станции в этом районе с их тридцатью пятью Отцами выполняли великолепную работу, когда произошла португальская революция; иезуиты были затем изгнаны, но их место заняли двадцать шесть Отцов Божественного Слова.

Первые дни замбезийской миссии вызвали великолепные проявления древнего героического духа Общества. Так, мы читаем об одном из миссионеров, отце Веле, который был отделен от своих товарищей и двадцать шесть дней скитался по бушу, к счастью спасшись от диких зверей и, наконец, попав в руки нескольких кафров, которые собирались предать его смерти, когда его спасло своевременное прибытие английского золотоискателя. Но голод и болезни подорвали его здоровье, и он потерял рассудок. Шесть месяцев спустя он умер.

Тем временем двое его товарищей, отец Лоу и брат Хедли, нашли приют среди туземцев, но им пришлось жить в глиняной хижине, которая представляла собой настоящую печь. Они оба заболели лихорадкой; им почти не давали еды, и они медленно умирали от голода. Они лежали бок о бок друг с другом, ни один из них не мог помочь своему товарищу, и когда, наконец, Отец испустил дух, все, что мог сделать бедный одинокий брат, это приложить к лицу носовой платок, но когда утром он снял покрывало, то обнаружил, что мясо объели крысы. Мертвый миссионер пролежал там некоторое время, потому что суеверные туземцы не хотели прикасаться к трупам; когда, наконец, вокруг него обвязали веревку, они вытащили его из хижины и оставили в лесу. В течение трех недель после этих ужасных похорон бедному брату приходилось отбиваться от крыс, которые нападали на него самого; наконец вождь сжалился над ним и велел отнести его на носилках к группе других миссионеров, которые приближались. Когда его друзья увидели его, они разрыдались. Он не менял одежду пять месяцев, и она была в лохмотьях. Все его тело было покрыто язвами, а раны были заполнены паразитами. Когда он прибыл, он был в состоянии ступора, но, как ни странно, пришел в себя. Его погибший товарищ, священник, был морским офицером, принявшим христианство и внуком одного из лорд-канцлеров Англии.

Миссия Конго была организована бельгийскими иезуитами в 1885 году под эгидой короля Бельгии Леопольда II, который основал Свободное государство Конго. Его величество просил Отцов оказать ему помощь, но он не оказал им никакой финансовой помощи, хотя его об этом настойчиво просили. Свободное государство Конго начинается в 400 милях от Атлантического океана и простирается до Центральной Африки. План Леопольда состоял в том, чтобы отменить рабство в пределах этих владений; затем сделать взрослое мужское население своими солдатами, а тем временем поместить сирот и брошенных детей в приюты, которыми будут управлять миссионеры. Некоторые из этих заведений должны были поддерживаться за счет государственных доходов, другие - за счет благотворительности. Вся надежда миссии была на эти приюты, поскольку от взрослого населения ничего нельзя было ожидать. Мальчиков должны были обучить ремеслу, а затем в надлежащее время женить. Миссионеры должны были посещать эти семьи и присматривать за ними.

Это был превосходный план, но ему воспротивились бельгийские антиклерикалы, которые возражали против наделения священников такой властью. Ряд английских протестантов также занимались распространением клеветы на эти поселения и доводили свои обвинения до суда, где приговор часто выносился без заслушивания обвиняемых. Обвинения были основаны на предполагаемых происшествиях на трех из сорока четырех станций миссии. Преследование стало настолько острым, что иезуиты обратились к королю и получили благодарность его величества и правительства за проделанную ими работу, но клевета не была опровергнута до 26 мая 1906 года, когда Свободным государством был издан официальный документ, в котором говорилось, что оно высоко ценит работу, проделанную католическими миссионерами в цивилизации государства. В следующем году, 22 мая, он добавил: "Поскольку невозможно обойтись без миссионеров в обращении чернокожих, и поскольку их помощь имеет величайшую ценность в распространении наставлений, мы рекомендуем сделать миссию еще более эффективной, предоставив им субсидию на содержание их учреждений". В начале 1913 года у иезуитов было семь станций и сорок миссионеров. Однако, несмотря на все это, работа по систематической клевете все еще продолжается.

Великая война 1914 года принесла абсолютный крах всем миссиям в Азии и Африке. Таким образом, Франция призвала в армию каждого французского священника или брата-мирянина,

который не был искалечен возрастом и немощью, и заставила его сражаться в строю как простого солдата или санитаря в госпитале или на поле боя. Так было не только с иезуитами, но и с другими религиозными орденами и светским духовенством. Этот призыв к цвету одежды не ограничивался теми, кто находился во французских колониях; он затронул всех священников или братьев французского происхождения, которые трудились в Нигерии, Сьерра-Леоне, Бельгийском Конго, Анголе, Замбези, Канаде, Гаити, Соединенных Штатах или Южной Америке. Шестидесяти священникам или братьям пришлось покинуть Японию. Из сорока трех миссионеров Общества африканских миссий, находившихся в Египте, половине пришлось уехать. Из двадцати двух человек, находившихся на берегу Слоновой Кости, шестнадцать были мобилизованы. Действительно, четыре епископа были призваны в ряды, Mgrs. Мури из Кот-д'Ивуара, Террьер из Бенина, Перрос из Сиам и Эрмель с Гаити. К началу войны в армии служило тридцать пять иезуитов из Леванта, не считая других выходцев с Мадагаскара, Мадур и Китая.

ГЛАВА XXVII КОЛЛЕДЖИ

Ответственность Общества за потерю веры в Европе — Лои Фаллу — Бомбей — Калькутта — Бейрут — Американские колледжи — Ученые, археологи, метеорологи, сейсмологи, астрономы — Этнологи.

Общество Иисуса часто обвиняют в том, что оно несет ответственность за нынешнее нерелигиозное состояние латинских народов, в частности Франции, потому что, имея абсолютный контроль над образованием в прошлом, оно не научило своих учеников противостоять нашествиям атеизма и неверия.

Во-первых, обвинение основано на предположении, что общество полностью контролировало образование в католических странах, что на самом деле не так. Так, например, Монтескье, один из первых и наиболее опасных нападавших на Церковь в восемнадцатом веке, получил образование у ораторианцев. За тридцать семь лет до Французской революции, а именно в 1752 году, отец Вителлески, генеральный директор Общества, направил иезуитам по всему миру следующее письмо:

"Чрезвычайно важно, чтобы о том, что мы называем *школами низшего уровня* (то есть о тех, кто стоит ниже философии и теологии), заботились с особой тщательностью. Этим мы обязаны муниципалитетам, которые основали для нас колледжи и доверили нам образование своей молодежи. Это особенно важно для нас в настоящее время, когда повсюду проявляется такое сильное стремление к схоластическому образованию, вызвавшее к существованию так много школ такого рода. Следовательно, если мы не будем осторожны, существует опасность того, что наши колледжи сочтут ненужными. Мы не должны забывать, что долгое время почти не существовало других латинских школ, кроме нашей, или, по крайней мере, очень немногих; так что родители были вынуждены посылать к нам своих сыновей, которые в противном случае не поступили бы так. Но сейчас во многих местах многие школы конкурируют с нашими, и мы выставляем себя напоказ, чтобы нас считали не на должном уровне, и таким образом теряем

как свою репутацию, так и наших ученых. Следовательно, наших учеников не следует задерживать слишком надолго из-за увеличения количества курсов, и они должны быть более чем умеренно ознакомлены с классикой. Если у них не самые лучшие хозяева, то очень следует опасаться, что они переберутся в другое место, и тогда все усилия с нашей стороны по устранению ущерба будут тщетны".

Во-вторых, после 1762 года, то есть за двадцать семь лет до революции, во Франции вообще не было не только иезуитских колледжей, но и самих иезуитов, и, следовательно, существовало целое поколение, получившее образование в школах, которые были явно и сильно враждебны всему, что связано с Обществом. Более того, неоспоримым фактом, доказуемым хронологически, является то, что наиболее заметные люди в том ужасном перевороте, а именно Робеспьер, Демулен, Тальен, Фрерон, Шенье и другие получили образование в школах, из которых иезуиты были изгнаны еще до того, как родились некоторые из этих яростных молодых демагогов. Дантону, например, в 1762 году было всего три года; Марат был протестантом из Женевы и, конечно, не был учеником иезуита; а Мирабо обучался у частных репетиторов. Тот факт, что Робеспьер и Демулен были вместе в Луи-ле-Гран, ввел некоторых в заблуждение, заставив поверить, что они были студентами-иезуитами, тогда как колледж, когда они там учились, уже давно не находился в ведении Общества. То же самое верно для Португалии и Испании. Общество прекратило свое существование в Португалии еще в 1758 году, а в Испании - в 1767 году.

Вся история французских иезуитов далека от контроля над школами Франции, они представляют собой непрерывную борьбу за то, чтобы вообще получить школы. Против них с самого начала были Парижский университет и различные парламенты Франции, которые представляли высшую культуру нации и горько возмущались вторжением общества в сферу образования.

Это верно не только для периода, предшествовавшего Французской революции, но и для периода, последовавшего за ней. Только в 1850 году, а именно через семьдесят семь лет после подавления Общества, иезуитам в силу *Лоу Фаллу* было разрешено открыть единственную школу во Франции. Удивительно, что последовавшие за этим непрекращающиеся конфискации и подавления позволили добиться какого бы то ни было образовательного успеха. Тем не менее, за те короткие передышки, которые им были предоставлены, они пополнили армию и флот офицерами, которые были не только заметны в своей профессии, но в то же время были убежденными католиками. Маршал Фош - один из их триумфов. Действительно, именно превосходство их образования спровоцировало последнее подавление иезуитских школ во Франции.

Именно эта государственная монополия на образование во всех континентальных странах представляет собой нынешнюю трудность как для Общества Иисуса, так и для всех других учебных орденов. Таким образом, после 1872 года в немецкой провинции не было ни одного колледжа на всей территории Германской империи. Он мог только пытаться делать что-то за пределами границ. У него есть один в Австрии, второй в Голландии и третий в Дании. Австрия имеет в своем активе только один; Венгрия - один, Богемия - другой. В провинции Рим есть один; на Сицилии два, один из которых находится на Мальте, а Мальта является английской территорией; в Неаполе было три, а в Турине четыре, но некоторые из них уже исчезли. Все великолепные колледжи Франции были закрыты Вальдеком-Руссо в 1890 году. В Испании есть

пять превосходных учебных заведений, но у них нет гарантии постоянства. В Бельгии есть тринадцать колледжей, переполненных студентами, но ужасная мировая война, по крайней мере на какое-то время, истощила их. В Голландии есть три собственных колледжа. Англия - четвертая, Ирландия - третья.

Изгнания, однако, имеют свои компенсации. Таким образом, когда Бисмарк изгнал иезуитов из Германии, английское правительство приветствовало их в Индии, и результатом стал великолепный бомбейский колледж. Италия также выиграла от катастрофы. Не говоря уже о других выдающихся людях, отец Эрле стал библиотекарем Ватикана, а отец Вернц - ректором Григорианского университета, а впоследствии генеральным директором Общества. В Южной Америке изгнанники отлично поработали в Аргентине и Эквадоре. Иезуиты Нью-Йорка позволили им поступить в Буффало, и с этой отправной точки они основали сеть колледжей на Западе, а позже, когда того потребовали условия, они были ассимилированы в провинциях Мэриленд, Нью-Йорк и Миссури, что значительно повысило эффективность работы этих слоев общества.

Будучи изгнанными из своей страны, португальские иезуиты перебрались в Бразилию, где их помощь была крайне необходима; итальянцы отправились в Нью-Мексико и Калифорнию; а французские миссии в Китае и Сирии извлекли выгоду из антиклерикализма местного правительства; поскольку Зикавей стал важным мировым научным центром, а в Бейруте открылся университет. Последний, пока не началась война, был крупным центром востоковедения.

Самыми внушительными учреждениями в Бейруте, городе с населением более 150 000 человек, состоящем из мусульман, греков, латиноамериканцев, американцев и евреев, являются учреждения иезуитов. Они содержат и руководят за пределами Бейрута 192 школами для мальчиков и девочек, в которых работают 294 учителя и 12 000 учеников. В городе есть университет с медицинским факультетом (120 студентов), основанный в 1881 году с помощью французского правительства; экзамены в нем проводятся перед французскими и османскими врачами, а его дипломы признаны как Францией, так и Турцией. В университете также есть семинария (60 студентов) для всех местных обрядов. До 1902 года он направил 228 студентов, включая трех патриархов, пятнадцать епископов, сто пятнадцать священников и восемьдесят три монаха. Его факультет философии и теологии присуждает те же степени, что и Григорианский университет в Риме. Его факультет восточных языков и наук, основанный в 1902 году, преподает литературный и разговорный арабский, иврит, сирийский, коптский и эфиопский языки; сравнительную грамматику семитских языков; историю и географию Востока; восточную археологию; греко-римскую эпиграфику и древности. В его классическом колледже 400 учеников, а в трех начальных классах - 600. Типография, открытая в 1853 году, в настоящее время считается ведущей по своей продукции в этой части мира. С 1871 года он издает еженедельную арабскую газету, а с 1898 года - двухнедельное обозрение на том же языке, редакторы которого сразу же вошли в число лучших востоковедов. Помимо постоянного пополнения своей коллекции филологических работ, они вносят свой вклад во многие научные европейские обзоры. (Католическая энциклопедия, II, 393.)

Также по всей Индии есть иезуитские колледжи, такие как великие институты Бомбея и Калькутты с их дочерними колледжами, а дальше по полуострову расположены Тричинополи, все они отличаются успешными курсами обучения. Действительно, первое усилие, которое

предпринимает Общество, чтобы утвердиться в любой части мира, где это позволяют условия, - это организация колледжа. Если бы они отказались от этой единственной работы, их оставили бы в покое.

В связи с Бейрутским университетом появляется интересный персонаж: Уильям Гиффорд Пэлгрейв. Это правда, что один период его удивительной карьеры унизил его бывших коллег, но, поскольку это вопрос истории, об этом необходимо рассказать.

Он был сыном выдающегося английского протестантского юриста сэра Фрэнсиса Пэлгрейва, и в его жилах текла еврейская кровь. Он родился в 1826 году и после блестящего курса обучения в Оксфорде начал свою романтическую карьеру путешественника. Сначала он отправился в Индию и был офицером сипаев в британской армии. Находясь там, он стал католиком, а затем явился в новициат Негапатама в качестве претендента на поступление. К сожалению, его просьба была удовлетворена, и немедленно он сменил свое имя на Майкла Коэна, как он сказал, чтобы скрыть свою личность. Это была самая удивительная маска, потому что Пэлгрейв остался бы незамеченным, тогда как все немедленно спросили бы, кто этот еврей-иезуит? Как его приняли, остается загадкой, тем более что он так открыто заявлял о своей расе.

После послушничества его отправили в Рим изучать теологию — еще одна загадка. Почему его не заставили сначала изучать философию, как всех остальных? Затем он настоял на том, что Рим не согласен с состоянием его здоровья, и его перевели в Бейрут, куда он отправился сам, но не на обычном пароходе, а на парусном судне, заполненном мусульманами. По дороге он выучил арабский. В течение года, а именно в 1854 году, он был рукоположен в сан священника и возглавил мужское братство, которое он очаровал своей легкостью в использовании родного языка; тем временем он совершил много рискованных путешествий в глубь страны, чтобы обратить местных жителей, но каждый раз терпел неудачу. В 1860 году он был отправлен во Францию на третий год испытательного срока под руководством знаменитого отца Фуйо, которого он очаровал своим планом проникновения в Аравию Петреа в качестве ее апостола. Ему удалось уговорить Луи Наполеона дать ему 10 000 франков под предлогом того, что он таким образом осуществит план шевалье Ласкариса, которого Наполеон Бонапарт отправил на Восток.

В Риме он обнаружил, что отец генерал довольно холодно отнесся к этому предложению, и когда у него хватило наглости попросить у пропаганды разрешения отслужить мессу на арабском, ему ответили: "Сначала обращайтесь своих арабов, а потом посмотрим, что будет с мессой". Брат, который должен был отправиться с ним, заболел, и тогда генерал настоял, чтобы он не отправлялся в путешествие без сопровождающего священника; после чего Пэлгрейв убедил греческого епископа Захле посвятить в сан одного из профессоров-мирян колледжа после нескольких дней занятий по моральному богословию. К счастью, у этого импровизированного священника все получилось, и им стал Его Блаженство монсеньор Герагри, патриарх греческих мельхитов.

В 1862 году путешественники отправились через Газу в Палестину, Пэлгрейв в качестве врача, другой - в качестве его помощника. Они объехали весь Аравийский полуостров и через четырнадцать месяцев снова вернулись в Бейрут. Пэлгрейв так и не обратился в свою веру, да и сам был другим человеком. Это заметили даже его сторонники. Что произошло, никто так и не

узнал. В 1864 году его отправили в Мариа-Лаах в Германии, где святой отец Беренс некоторое время тщетно боролся с ним, но он покинул Общество и перешел в протестантизм, добившись тем временем назначения прусским консулом в Мосуле. В следующем году он опубликовал отчет о своих путешествиях, и книга стала европейской сенсацией. В нем он не скрывал, что был членом Общества, которое, по его словам, было "так прославлено в анналах мужественной и преданной филантропии". Многие годы, которые я провел на Востоке, были самыми счастливыми в моей жизни ". В 1884 году он был британским консулом в Монтевидео и оставался там до 1888 года, когда умер.

В течение двадцати лет он, казалось, никогда не стыдился своего отступничества, но за три или четыре года до смерти на него снизошла Божья благодать. Перемена была замечена по его возвращении из поездки в Англию. Он снова стал католиком. Он посетил мессу и принял Святое Причастие. Хотя он был правительственным чиновником, он отказался пойти в протестантскую церковь даже на юбилей королевы, несмотря на волнение, вызванное его отсутствием. Он умер от проказы. Иезуит ухаживал за ним во время его последней болезни, и он был похоронен по всем церковным обрядам. Эти подробности взяты из недавней публикации отца Жюльена, С.Дж., озаглавленной "Новая миссия компании Иисуса в Сирии" (II, iii.)

Большой трудностью, с которой сталкиваются воспитатели молодежи в наше время, является государственный контроль. В Соединенных Штатах это еще не дошло до крайностей, но время от времени можно обнаружить тенденции в этом направлении. Тем временем общество развивается удовлетворительно в образовательном плане. Согласно отчету от 10 октября 1916 года (Woodstock Letters, V 45), в американских колледжах и университетах обучалось 16 438 студентов. Из них 13 301 были дневными учениками и 3 137 пансионерами. 3943 человека обучались на факультетах колледжей, 10 502 - в средних школах и 1416 - на подготовительных. Помимо всего этого, были коммерческие и специальные секции, насчитывающие 737 человек. Общее увеличение по сравнению с предыдущим годом составило 523.

В провинциях Мэриленд и Нью-Йорк обучалось 1848 студентов юридического факультета, 341 - медицинского, 127 - стоматологического, 122 - фармацевтического. В штате Миссури было 786 студентов юридического факультета, 643 - медицинского, 776 - стоматологического, 245 - фармацевтического, 126 - инженерного, 530 - финансового, 240 - социологического, 425 - музыкального, 43 - журналистского и 61 - в школе подготовки медсестер. В Новом Орлеане было 81 юридическое учебное заведение, а в Калифорнии - одно из 232 студентов.

Иногда в качестве возражения против католических колледжей выдвигается утверждение, что они дают только классическое образование и, таким образом, не идут в ногу с внешним миром. Чтобы показать, что это возражение на самом деле не имеет под собой никаких оснований, было бы достаточно зайти в любой иезуитский колледж, который хоть сколько-нибудь стоит на ногах, и увидеть обширные и полностью оборудованные химические и физические лаборатории, сейсмические установки и, в некоторых случаях, ценные музеи естественной истории, которыми они располагают. Если бы это было иначе, они были бы неверны всем своим традициям, ибо Общество всегда выделялось своими достижениями в области естественных наук. Она произвела на свет не только великих математиков и астрономов, но и исследователей, космографов, этнологов и археологов. Так, например, не было бы абсолютно никаких знаний об аборигенах Северной Америки, их обычаях, образе жизни, пище, одежде, суевериях, танцах, играх, языке, если бы не мельчайшие подробности, сообщаемые

миссионерами старого и нового Общества своим начальникам. В каждой стране, где они побывали, они нанесли на карту территории, по которым путешествовали или на которых работали, описали их природные особенности, составили каталог их фауны и флоры, обогатили мировую фармакопею лекарствами, продуктами питания и растениями, а также обнаружили соли, минералы и рудники.

То, что это не пустое хвастовство, можно с первого взгляда увидеть в "Библиотеке изгнанников" Зоммервогеля. Таким образом, названия публикаций по математике заполняют двадцать восемь колонок на страницах огромного фолианта. Затем следуют другие длинные списки по гидростатике и гидравлике, навигации, военному делу; геодезия; гидрография и гномика; физика, химия и сейсмология требуют тридцати колонок; медицинские науки; зоология, ботаника, геология, минералогия, палеонтология, сельская экономика и сельское хозяйство требуют восьми. Затем идут две колонки, посвященные черному искусству. Изобразительные искусства, включая живопись, рисунок, скульптуру, архитектуру, музыку, конный спорт, книгопечатание и мнемонику, представлены в колонках с 927 по 940.

Согласно этому каталогу, новое общество уже имеет в своих списках сто шестьдесят четыре автора по предметам, относящимся к естественным наукам: физике, химии, минералогии, зоологии, ботанике, палеонтологии, географии, метеорологии, астрономии и т.д. Имена ныне живущих писателей не записаны. В это число также не входят писатели, опубликовавшие свои произведения во время Репрессий, такие как де Майя, который в 1785 году выпустил в тринадцати томах "Историю Китая с планами и картами", результат официального обследования страны — работы, порученной императором иезуитам. Отец де Майя был произведен в мандарины за свою долю работы.

Выдающуюся работу по зоологии Китая французского иезуита Пьера Юда можно было бы привести в качестве иллюстрации аналогичной работы более поздних времен. Он начал свое обучение в детстве как ботаник, но бросил эту отрасль науки, когда отправился на Восток. Проработав там миссионером в течение тридцати лет, он посвящал зоологии каждую минуту своего свободного времени.

Сначала он путешествовал по всем рекам Ближнего и Восточного Китая, чтобы классифицировать пресноводных моллюсков этих регионов. Только на эту тему он опубликовал десять иллюстрированных томов в период с 1876 по 1885 год. Его трактат "О наземных моллюсках долины Блю" сегодня является авторитетом в этой области. Затем он обратил свое внимание, в частности, на систематическое и географическое распространение восточноазиатских видов млекопитающих, а также на сравнительную морфологию классов и семейств в соответствии с формированием зубов и скелета. Его пригодности к этой работе способствовали чрезвычайно острый глаз, точная память и огромное количество материала, который он накопил, частично в ходе своих ранних путешествий, а частично в более поздних экспедициях, которые увлекали его во всех направлениях. Эти экспедиции охватывали в основном восемь лет - с 1892 по 1900 год. Они отвезли его на Филиппины, которые он посетил трижды; в Сингапур, Батавию, Целебесские острова, Молуккские острова, Новую Гвинею, Японию, Владивосток, Кочин-Китай, Камбоджу, Сиам и Тонкин. Он продолжал свою работу с абсолютной независимостью от метода. Он довольствовался имевшимися перед ним фактами и мало обращался за помощью к авторитетам; он также не боялся делать теоретические выводы из своих собственных наблюдений, которые категорически противоречили другим авторитетам.

Он продолжал свою научную работу незадолго до своей смерти, которая произошла в Зикавэе 3 января 1902 года. (Католическая энциклопедия, VII, 308.)

Альберс в своей "*Liber Sæcularis*" утверждает, что "в развитии естественных наук возрожденное общество завоевало большую известность, чем старое", и что "одного взгляда на людей, которых произвели на свет одни итальянские провинции, было бы достаточно, чтобы убедить сомневающегося". Наиболее заметным, конечно, выделяется Анджело Секки, а чуть позже - отец Барелло, который вместе с Барнабитом Дензой основал Метеорологическую обсерваторию Мальты. Джамбаттиста Пьянчани пользовался величайшим почитанием в Риме из-за своей обширной ученой эрудиции, как и Караффа, Манчини и Фолиньи за их знания в математике. Марчи был человеком, который обучал знаменитого де Росси как археолога, а также иезуита Раффаэле Гарруччи, чья "*Monumenta delle arte cristiane primitive nella metropoli del Cristianesimo*" заложила основы нового исследования археологии. Труды отца Гонди и Фрэнсиса Тонгиорги также внесли большой вклад в развитие этих областей знаний.

Фаустино Аревало был одним из изгнанников из Испании во время Подавления восстания. Он родился в Кампанарио в Эстремадуре в 1747 году и вступил в Общество в 1761 году. Шесть лет спустя Карл III депортировал его в Италию. В Риме он завоевал уважение и доверие кардинала Лоренцано, который проявил себя его меценатом, взяв на себя расходы на научные публикации Аревало. Он пользовался большим почетом в Риме и был назначен на различные доверенные должности, в том числе папским гимнографом и теологом пенитенциарии, сменив таким образом знаменитого Муццарелли. Когда Общество было восстановлено, он вернулся в Испанию и стал провинциалом Кастилии. Одной из его работ была "Испанская гимнодия", восстанавливающая древние испанские гимны до их первоначального метрического, музыкального и грамматического совершенства. Это издание было высоко оценено кардиналом Май и Домом Геранже. К нему прилагалась любопытная диссертация о Требнике кардинала Киньонеса. Он также отредактировал стихи Пруденция и Драконтia, а также стихи христианина пятого века из Римской Африки. Кроме того, в его активе четыре тома "Евангельской истории" Жуванси, труды Седулия и святого Исидора и готический молитвенник. Он стоит в авангарде испанских исследователей святоотечества и пролил большой свет на Испанскую церковь благодаря своей обширной образованности, тонкому литературному вкусу и патриотической преданности христианским писателям своей родины.

Основателем науки археологии, по словам Хертера, был Стефано Антонио Морчелли. Он был членом старого Общества и вернулся в него, когда оно было восстановлено. Еще до Подавления, которое произошло через двадцать лет после его прихода, он основал археологический отдел в Римском музее Кирхера. Когда он оказался бездомным из-за публикации "Краткого изложения Климента XIV", его назначили библиотекарем кардинала Альбани. Он отказался от архиепископства Рагузы и продолжил свои литературные труды в Риме. Его первой публикацией был "Стиль надписей". В городе Кьяри, на родине, куда он впоследствии переехал, он основал учебное заведение для девочек, реформировал всю школьную систему, передал свою великолепную библиотеку в общественное пользование и восстановил множество зданий и церквей. Тем временем его репутация мастера эпиграфического стиля возросла, и он был поставлен в своем классе выше всех конкурентов. Помимо своих многочисленных работ по своей специальной теме, он подарил миру пять томов проповедей и аскетических трактатов. Когда Общество было восстановлено, он снова занял

свое место в его рядах и умер в Брешии в 1822 году в возрасте восьмидесяти четырех лет. Хертер относит его также к историкам и географам.

Не стал исключением и Морчелли. Отцы Артур Мартин и Шарль Кайе до сих пор пользуются большим авторитетом как археологи, главным образом благодаря своей монографии, в которой они, будучи правительственными чиновниками, описали кафедральный собор в Бурже; а также благодаря своим "Археологическим памятникам Меланжа", в которых обсуждаются священные сосуды, эмали и другие сокровища Экс-ла-Шапель и Кельна. Они также писали на старинной слоновой кости из Бамберга, Ратисбона, Мюнхена и Лондона; на византийских и арабских тканях; а также на картинах и таинственных барельефах римского и карловингского периодов. Их работы появились между 1841 и 1848 годами.

Всего несколько лет назад умер очень известный археолог-иезуит, и французское правительство, которое только что изгнало иезуитов, установило памятник в Пуатье, чтобы увековечить его память. Это был отец Камиль де ла Круа. Он был отпрыском старинной фламандской знати и родился в замке Сент-Обер, недалеко от Турне в Бельгии, но почти всю свою жизнь провел во Франции, и поэтому французы считали его своим. Он получил свое первое образование в Брюгелетте, а когда этот колледж был закрыт, уехал со своими старыми учителями во Францию. В 1877 году мы находим, что он упоминается в каталоге как преподаватель и автор музыки. Три года спустя французские провинции были разогнаны правительством, и затем он был зачислен археологом в бывший иезуитский колледж в Пуатье.

Успех де ла Круа как первооткрывателя был поразительным. Недалеко от Пуатье он обнаружил огромные римские бани площадью в пять акров, о существовании которых никто даже не подозревал. Здесь были могилы христианских мучеников; чудесный склеп, датируемый началом христианской эры; храм, посвященный Меркурию, с его священными колодцами, обетными вазами и т.д. В Сосе, в девятнадцати милях от Пуатье, он раскопал руины целой римской колонии; настоящие Помпеи с их храмом Аполлона, театрами, дворцами, банями и так далее. Такого же успеха он добился в Нанте, Сен-Филибере и Бертувиле; французское правительство снабдило его необходимыми средствами. В "Галльская", - сказал о нем, что "в первые десять лет он обнаружил больше памятников, чем сделал бы двадцать archæologists знаменитым." Тем временем он жил в деревянной хижине на берегу реки Клейн, и там он умер в возрасте восьмидесяти лет 14 апреля 1900 года; и там же французское правительство воздвигло ему памятник. На посвящении присутствовали все ученые страны, и король Бельгии прислал своего представителя.

Хотя хорошо известный Франсуа Муаньо разорвал свою связь с Обществом, это произошло только после того, как он достиг величия, еще находясь в его рядах. Он поступил в послушничество 2 сентября 1822 года, когда ему было восемнадцать лет. Он изучал теологию в Монруж, а в свободные минуты посвящал себя изучению естественных наук. В начале революции 1830 года он вместе со своими братьями отправился в Бриг в Швейцарии, где занялся изучением языков, главным образом иврита и арабского. Когда беспорядки во Франции утихли, он был назначен профессором математики в Париже на почтовой улице и стал широко известен как человек необычных достижений. Он был в близких отношениях с Коши, Араго, Ампером и другими. Он был занят одной из своих самых известных работ: "Принципы дифференциального и комплексного расчета" и уже опубликовал первый том, когда покинул Общество. Он был иезуитом двадцать один год. Затем он был назначен капелланом Луи-ле-

Грана, одного из знаменитых колледжей, принадлежавших иезуитам до Подавления, и стал научным редактором "La Presse" в 1850 году; "Le Pays" в 1851 году, а в следующем году основал известный научный журнал "Космос", за которым в 1862 году последовал "Les Mondes", редактируя тем временем "Les Actualités scientifiques". На самом деле, именно Общество сформировало его и позволило опубликовать свои величайшие произведения.

Немец, отец Людвиг Дрессель, который много лет был директором Политехнического института в Кито, хорошо известен своими трактатами по геологии, химии и физике. Крамерс из Голландии является автором трех томов по химии. В области энтомологии отец Эрих Васманн является одним из мастеров современности и написал серию работ, которые вызвали аплодисменты научного мира, особенно его "Современная биология и теория познания". (Современная биология и теория эволюции.) Труды Больсиуса по биологии принесли ему членство в научных обществах России, Бельгии, Италии и Голландии.

Первое метеорологическое общество, "Палатина", было основано отцом Иоганном Хеммером в 1780 году, и примечательно, что почти все его участники были членами различных религиозных орденов Австро-Венгрии, Италии и Франции. Сфера его деятельности не ограничивалась изучением метеоров, поскольку в него принимались статьи по этнологии, лингвистике и т.д. Поэтому мы находим, что отец Добрицхоффер пишет ему из Парагвая, Джозеф Лафито из Канады, Иоганн Ханксleden, ученый-санскритолог из Индостана, и Лоренцо Эрвас. Ханксleden и его коллега Ротбыли пионерами в изучении санскрита. Первый был первым европейцем, написавшим грамматику санскрита и составившим малабарско-санскритско-португальский словарь. Хервас был одним из иезуитов, изгнанных из Мексики, и после Подавления был назначен Пием VII префектом Квиринальской библиотеки. Находясь там, он работал совместно с несколькими своими бывшими братьями над составлением научных работ, в основном этнологического характера. Он также написал ряд образовательных работ для глухонемых.

Обсерватория Стонихерста датируется 1838-39 годами, когда посреди сада было возведено здание, состоящее из восьмиугольной центральной части с четырьмя примыкающими конструкциями. Но только в 1845 году на его куполе был установлен 4-дюймовый экваториал Джонса. Метеорологические наблюдения были начаты еще в 1844 году, а магнитные - в 1856 году отцом Уэлдом. В 1867 году был установлен 8-дюймовый экваториал. Главными рабочими были отцы Стивен Перри, Уолтер Сидгривз и Алоизиус Корти. Все трое были членами Королевского астрономического общества и часто избирались на официальные должности. Отец Перри добился особой известности. Он был директором с 1860 по 1862 год, и снова с 1868 года до своей смерти в 1889 году. Он был участником большего количества научных экспедиций, чем любой другой ныне живущий астроном. Он был в Кадисе во время солнечного затмения в 1870 году; в 1874 году он был направлен в качестве королевского астронома для наблюдения за прохождением Венеры на Кергелен, или остров Запустения, и для еще одного наблюдения на Мадагаскар в 1882 году. В 1886 году он наблюдал полное затмение в Карриаку в Вест-Индии. На затмение 1887 года его отправили в Россию, а на затмение 1889 года - в Кайенну. Во время последней экспедиции на него напала чумная лихорадка, и он умер на борту военного корабля "Комус" у берегов Джорджтауна, Демерара, после принятия последних причастий от французского аббата, проживающего в Джорджтауне. Отец Перри был похоронен там, на кафедральном кладбище. Его смерть была смертью святого, и трогательный отчет об этом оставил его помощник, брат-иезуит-мирянин.

О выдающемся положении отца Перри в научном мире можно судить по оказанным ему почестям. Он был членом Королевского общества и Совета; также был членом Королевского астрономического общества, и незадолго до своей смерти ему предложили пост вице-президента. На момент своей смерти он занимал пост президента Ливерпульского астрономического общества. Он был членом Королевского метеорологического общества, членом Лондонского физического общества и сотрудником Папской академии Нуови Линчеи, старейшего научного общества в Европе. Он также принадлежал к Антверпенскому географическому обществу и получил степень доктора наук *honoris causa* в Королевском университете Ирландии. В течение нескольких лет до своей смерти он работал в комитете совета по образованию, а также в комитете по сравнению и сокращению магнитных наблюдений, для работы в котором он был назначен Британской ассоциацией содействия развитию науки, органом, пожизненным членом которого он был. В 1887 и 1889 годах он присутствовал в Париже на заседаниях Астрографического конгресса по составлению фотографических карт небес.

В "Ежемесячных уведомлениях" Королевского астрономического общества (L, iv) по случаю его смерти появляется следующая резолюция: "Совет, с глубочайшим сожалением узнав о смерти преподобного С. Дж. Перри во время экспедиции Общества по наблюдению полного затмения на островах Салют, желает официально заявить о своем чувстве огромной потери, которую понесла астрономия из-за смерти столь увлеченного и способного наблюдателя, и выразить его родственникам и коллегам в Стонихерсте искреннее сочувствие и соболезнования по поводу этого печального события". Список его научных работ занимает двенадцать страниц его биографии. Отец Корти, его коллега по Стонихерстской обсерватории, говорит о нем: "Его смерть была славной, потому что он умер жертвой своего чувства долга и рвения к науке. Поистине, он может претендовать на звание "мученика науки", и частью истории затмения 22 декабря 1889 года станет рассказ о том, как отца Перри подняли с постели больного, чтобы сделать его последнее наблюдение".

Помимо обсерваторий в Гранаде и Онье, у испанских иезуитов есть еще одна недалеко от Тортосы. Основным объектом последней является изучение земного магнетизма, сейсмологии, метеорологии, изучение солнца и др. Он состоит из пяти отдельных зданий и ценного периодического издания, регулярно издаваемого the observers.

Обсерваторией Цзо-се близ Зикавэя в Китае руководят отцы Франции. Обсерватория имеет около 80 футов в длину. В его библиотеке 20 000 томов с многочисленными ценными китайскими рукописями. У них есть еще одна станция на Мадагаскаре, которая находится на высоте 4600 футов над уровнем моря и, следовательно, на 100 метров выше, чем обсерватория Лик в Калифорнии. Когда иезуиты были изгнаны с Мадагаскара, Обсерватория была разрушена туземцами, которые считали ее крепостью. Позже он был перестроен за счет французского правительства, а директор, отец Колин, стал членом-корреспондентом Французской академии. В 1890, 1895, 1898 и 1899 годах правительство их страны наградило наблюдателей кошельками значительной ценности, один из которых был в 6000, а другой в 3000 франков.

Есть и другие обсерватории в Калькутте, Родезии, Фельдкирхе, Лувене, Ауденбосе (Голландия), Пуэбле (Мексика), Гаване, Вудстоке и других иезуитских колледжах в Соединенных Штатах; они привлекают внимание главным образом своими сейсмографическими отчетами. Наиболее заметной из всех этих североамериканских обсерваторий является обсерватория в

Джорджтауне, которая была основана в 1842-43 годах, примерно в то же время, что и Военно-морская обсерватория. Он был построен под руководством отца Керли, чье определение долготы Вашингтона совместно с сэром Г. Б. Эйри, королевским астрономом Гринвича, Англия, было произведено путем наблюдения за серией прохождений Луны, и позже электрический телеграф показал, что оно было правильным с точностью до десятой доли секунды. Отцы Де Вико, Сестини и Секки работали в Джорджтауне. "Исследования в области электрической реометрии" Секки были опубликованы в 1852 году Смитсоновским институтом. Это был его первый литературный вклад в науку. Рисунки Сестини солнечных пятен были опубликованы Военно-морской обсерваторией. В 1889 году отец Хаген, тогдашний директор, опубликовал свой "Звездный вариабелиум". В 1890 году отец Фаргис решил вопрос о "личном уравнении" в астрономических наблюдениях, изобретая фотохронограф. Это пытались сделать патер Браун в Калоче (Венгрия) и Репсола в Кенигсберге, но оба потерпели неудачу. Профессора Пикеринг и Бигелоу в Соединенных Штатах также отказались от этой идеи, но отец Фаргис решил эту трудность с помощью неподвижной фотопластинки и узкого металлического язычка, прикрепленного к якорю электромагнита. Он показал себя удовлетворительно во всех тестах.

В "Библиотеке" Зоммервогеля список астрономических работ, написанных Секки, занимает девятнадцать страниц кварто, в две колонки. Он был одинаково активен в области физики и метеорологии, и его большой метеорограф, описанный в книге Гано "Физика", заслужил Гран-при (100 000 франков) и Крест Почетного легиона на Всемирной выставке в Париже в 1867 году. Оно было вручено ему рукой императора Наполеона в присутствии императоров России и Австрии и королей Пруссии и Бельгии. Император Бразилии прислал ему золотую розу в знак признательности.

"Звездный переменный атлас" отца Иоганна Хагена, согласно "Популярной астрономии" (№ 81, стр. 50), является самым важным событием в звездном мире. Эрнст Хартург (V. J. S., т. 35) говорит: "Без сомнения, со временем это станет незаменимым атрибутом библиотеки каждой обсерватории, точно так же, как стали боннские карты". Отец Хаген также прославился в математическом мире своим "Кратким изложением сути математики" в четырех томах кварто.

Сейсмологический отдел Джорджтауна под руководством отца Фрэнсиса А. Тондорфа приобрел особую известность в Соединенных Штатах. Его оборудование соответствует последнему слову техники, а сообщения о землетрясениях чаще всего цитируются в ежедневной прессе Америки.

Важными в своей сфере являются книги "Астрономические исследования в Вавилоне" отцов Джозефа Эппинга и Иоганна Непомука Штрассмайера и "Вавилонский мир" Эппинга. Ф. К. Гинзеля (в V. J. S., vol. 35.) выражает следующее мнение о них: "Хорошо известно, что исследования, проведенные отцом-иезуитом Эппингом совместно с ассириологом отцом Штрассмайером во многих вавилонских астрономических справочниках, привели к тому, что научный уровень, на который история астрономии ранее ставила вавилонян, должен быть значительно повышен. Исследования Эппинга теперь получили очень ценное продолжение благодаря труду отца Куглера из Валкенбурга, Голландия. Из полученных сообщений о работе Куглера можно сделать вывод о важности его книги для истории астрономии".

"Die Gravitations-Constante" (Вена, 1896) отца Карла Брауна из Мариашейна, Богемия, представляет собой около восьми лет терпеливой работы, и, согласно Пойнтингу (Proc. of the Royal Soc. Inst, Великобритания, XVI, 2) "несет внутреннее свидетельство большой тщательности и точности. Он получил почти такой же результат, как профессор Бойз, в отношении

средней плотности Земли. Патер Браун выполнял свою работу вдали от обычных механических лабораторных помещений, и ему приходилось самому изготавливать большую часть оборудования. Его терпение и настойчивость вызывают наше глубочайшее восхищение".

Что касается "Космогонии в качестве основы христианства Виссеншафта" отца Брауна, доктор Фостер говорит: (V. J. S., vol. 25) "эта проблема, могущественная во всех аспектах, рассматривается со всех точек зрения с ясностью и впечатляющей. В то время вряд ли можно было найти в какой-либо другой книге все существенные черты теории солнца, собранные воедино таким директивным образом".

Возможно, знаменитая фраза св. Игнатий, *Quam sordet tellus quum cælum aspicio*, имел какое-то отношение к увлечению Общества астрономией. "Какой мерзкой кажется земля, когда я смотрю на небо". Его сыновья с самого начала смотрели на небо не только духовно, но и в телескопы, и многие из них прославились как астрономы. Это тем более примечательно, что созерцание звезд было для них лишь второстепенным объектом. Прежде всего, они были священниками, а затем учеными. Еще в 1591 году отец Перререн в своем "Астрологическом предсказании" осудил астрологию как суеверие, хотя его друг-протестант, великий Кеплер, не признавал различия между ней и астрономией. Книга Перререна выдержала пять изданий. Отец де Анджелис опубликовал в 1604 году пять томов под названием "In astrologos conjectores" (Против астрологических гадателей). Даже в 1676 году эта работа все еще пользовалась спросом, поскольку такие выдающиеся личности, как Рудольф II, Валленштейн, Густав Адольф, Екатерина Медичи и даже Лютер, Меланхтон и множество других, постоянно составляли свои гороскопы.

Другим выдающимся деятелем был отец Риччоли, о котором мы читаем: "Если вы хотите узнать о древних безумствах по этому поводу, обратитесь к Риччоли". (Littrois in "Wunder des Himmels," 1886, 604.) Может подразумеваться, что Риччоли одобрял их, но на самом деле все наоборот, поскольку, как Фома Аквинский приводит список всех действительных и почти всех возможных теологических и философских ошибок, но после каждой добавляет *videtur quod non*, который он подкрепляет опровержением, так и Риччоли в своей Астрологии. Он был гением. Он стал иезуитом, когда ему было шестнадцать, и в течение многих лет никогда не думал о телескопах. Он преподавал поэзию, философию и теологию в Парме и Болонье и занялся астрономией только тогда, когда начальство поручило ему это изучение. Будучи итальянцем, он не любил Коперника или Кеплера. Они были с протестантского Севера и отказались принять григорианский календарь. Он действительно признавал, что система Коперника была самой красивой, самой простой, лучше всего продуманной, но не надежной, поэтому он создал свою собственную, но не придерживался ее упорно.

Признавая недостатки астрономии древних, он составил знаменитый "Новый альмагест", который поставил всю науку на новую основу. Начав с измерения поверхности Земли, он составил, хотя и допускал ошибки, первую метеорологическую систему. Его лунные наблюдения выявили 600 пятен на Луне, что на пятьдесят больше, чем было обнаружено Гевелием. Его коллега Гримальди, величайший математик своего времени, составил карты. Его замечания о либрации занимают целый том, и автор в "Биографии вселенной" ставит ему в заслугу эксперименты с колебаниями маятника еще до Галилея. Его здоровье всегда было слабым, но он работал как гигант. Его "Альмагестум" состоит из 1500 страниц-фолиантов и описывается как сокровище астрономической эрудиции. Лаланд постоянно цитирует его. Его

"Реформатская астрономия" состоит из двух томов, и у него есть двенадцать томов по географии и гидрографии. Его знания поразительны. Так, например, во второй части его "Хронологии" есть список основных событий от сотворения мира до 1688 года, наряду с именами царей, патриархов, наций, ересей, соборов и великих личностей, что на самом деле было второстепенным вопросом.

То, чего астрономы-иезуиты достигли в Китае со времен Риччи до Галлерштейна в 1774 году, продолжается там и по сей день. Первая государственная обсерватория в Европе была построена в Венском университете, находившемся тогда в руках иезуитов. Другие были в Вильно, Шветцингене и Мангейме. Двенадцать других частных школ были построены в различных европейских колледжах Общества. Создание этих обсерваторий было провидением, поскольку, когда Общество было подавлено, они предоставили занятие и поддержку большому числу рассеянных иезуитов, которые оставались во главе их в течение сорока лет бездомности и поддерживали старый дух Ордена в его привязанности к этому конкретному исследованию. Как и в старом обществе, эта работа по-прежнему остается делом частного предпринимательства. Насколько нам известно, есть только одна обсерватория, которой помогает правительство, - Обсерватория в Маниле, сотрудники которой получают зарплату от правительства Соединенных Штатов. Однако само оборудование было предоставлено иезуитами, которые сократили свои расходы на проживание до минимума, чтобы построить дом и купить инструменты.

С другой стороны, количество настоящих иезуитских обсерваторий в строгом смысле этого слова уже соперничает с количеством старого общества. Римский истец Шайнером, Готтиньом, Асклепием, Боргондиусом, Майром и Босковичем, был продолжен во время Подавления светским священником Каландрелли. В 1824 году Лев XII вернул его Обществу, и отец Дюмушель возглавил его вместе с Де Вико в качестве помощника. Репутация последнего была европейской. Он был известен как Охотник за кометами, поскольку открыл восемь из них. Хорошо известная периодическая комета продолжительностью пять с половиной лет носит его имя. Он сменил Дюмушеля на посту директора в 1840 году и занимал этот пост, когда революция 1848 года изгнала иезуитов из Рима. Араго с большим энтузиазмом принял его во Франции, а в Англии ему предложили пост директора Мадрасской обсерватории, но он предпочел уехать в Джорджтаун в Соединенных Штатах. Будучи вызван в Лондон по делам, он умер там 15 ноября 1848 года в возрасте 43 лет. Гершель написал свой некролог в "Уведомлениях астрономического общества".

Секки отправился с Де Вико в Джорджтаун, но в 1849 году был отозван в Рим Пием IX и назначен руководителем обсерватории. Он родился в Реджо в 1818 году и, проучившись там в иезуитском колледже, вступил в Общество в возрасте шестнадцати лет. Он начинал преподавателем физики и продолжил эту работу, когда переехал в Джорджтаун. Астрономия тогда еще не привлекала его, но в Вашингтоне он познакомился со знаменитым гидрографом, метеорологом и астрономом Мори, между ними возникла глубокая привязанность, и Секки посвятил одну из своих книг своему американскому другу. Его назначение в Римскую обсерваторию в 1859 году произошло по рекомендации Де Вико, и через два года его блестящий успех в качестве наблюдателя привлек внимание научного мира. Он начал с пересмотра "Каталога двойных звезд" Струве, что потребовало семи лет напряженной работы, и ему удалось проверить 10 000 записей. Тем временем он изучал физическое состояние Сатурна, Юпитера, Марса и четырех больших спутников Юпитера. В 1852 году Луна стала особым объектом его исследований, и составленная им микрометрическая карта большого кратера была настолько точной, что

Лондонское королевское общество опубликовало множество ее фотографий. In 1859 he published his great work "Il quadro fisico del sistema solare secondo il piu recenti osservazioni." Изучение солнечных пятен было его любимым занятием, и его экспедиция в Испанию в 1860 году для наблюдения за полным затмением установила тот факт, что красные выпуклости по краю затмеваемого солнца были реальными особенностями самого солнца, а не оптическим освещением или подсвеченными горами Луны. Он начал вести "Солнечные записи" в Риме, и они ведутся по сей день. Ни в одной другой обсерватории нет ничего подобного. Все это, благодаря его изобретениям и изучению спектроскопа, гелиоспектроскопа и телеспектроскопа, помимо массы научных результатов, к которым он пришел, выдвинуло его в самый первый ряд астрономов. Он был одинаково замечен и как метеоролог, и как физик. Когда пьемонтцы захватили Рим, Секки предложили звание сенатора и руководить всеми обсерваториями Италии, если он покинет Общество. Конечно, он посмеялся над этим предложением; но его авторитет в Италии был так велик, что захватчики не посмели изгнать его из обсерватории. Он умер в 1878 году.

Клерк говорит о нем: "Настоящими основателями звездной фотографии были отец Секки, выдающийся астроном-иезуит из Коллегио Романо, и доктор Хаггинс, с которым был связан покойный профессор Маллен. Работа каждого из них с радостью дополняла работу другого. Используя менее совершенные приборы, римский астроном стремился сделать свою работу обширной, а не точной; в то время как в Аппер-Талс-Хилл была поставлена цель и достигнута точность поиска по более узкой колее. Отцу Секки принадлежит заслуга в том, что он выполнил первый обзор небес с помощью спектроскопа. Все более 4000 звезд были рассмотрены им и классифицированы в соответствии с различными качествами их света. Его временное установление (1863-187 гг.) четырех типов звездных спектров оказало подлинную помощь знаниям благодаря возможностям, предоставляемым им для упорядочивания и сравнения быстро накапливающихся фактов. Более того, едва ли можно сомневаться в том, что эти спектральные различия соответствуют различиям в физических условиях заметного рода".

"Я видел великого человека, - сказал один из слушателей великолепного зала Канцеллерии, - когда он читал курс по солнечному спектру. Огромный зал был переполнен блестящей толпой, в которой можно было увидеть кардиналов, архиепископов, монсеньоров и мирян, представляющих высшие религиозные, дипломатические и научные круги. Хотя Секки был итальянцем, он говорил по-французски абсолютно безупречно. Все были в восторге, но что меня покорило, так это мягкость и даже почтение, с которыми он разговаривал с мужчинами, устанавливавшими экраны. Казалось, он был почти их слугой, и я не могла не сказать себе: "О! Я люблю тебя". Я увидела его позже на улице. Это было в беспокойные дни итальянской оккупации. Он шел один, слегка опустив голову. Внезапно послышался крик: "Смерть иезуитам!" - и было видно, как возбужденная толпа устремилась к нему. Он остановился; сжал в руке толстую палку, свирепо посмотрел на них; и они убежали. Я никогда не видела ничего подобного. Я любила его раньше. Я обожала его сейчас". Короче говоря, Секки был великим человеком в глазах мира, но он был более религиозным. Действительно, говорят, что, когда начальство посоветовало ему заняться математикой, он расплакался. Он хотел быть миссионером. Он был миссионером, будучи в то же время одним из самых выдающихся людей в научном мире.

Манильская обсерватория на Филиппинах, строго говоря, начала свою метеорологическую деятельность в 1865 году, хотя наблюдения проводились много лет назад. В 1881 году он был

официально одобрен правительством Испании, а в 1901 году - правительством Соединенных Штатов. Метеорологическая важность и эффективность Манильской обсерватории затмевает астрономическую по той причине, что она расположена на восточном пути тайфунов. Астрономией, однако, ни в коем случае нельзя пренебрегать. С 1880 года и по настоящее время она оказала миру очень ценные услуги. Сначала официальное время было установлено для города Манила, а после американской оккупации оно было распространено на все телеграфные станции по всем островам. Во-вторых, ежегодно в Обсерватории бесплатно сравниваются и оцениваются около ста корабельных хронометров.

В 1894 году отец Хосе Альге приступил к комплектации астрономического оборудования и возвел новое здание стоимостью 40 000 долларов, оснастив его инструментами новейшего и лучшего типа. Три года спустя ему поручили руководство всем предприятием, и теперь он оказывает огромную и незаменимую услугу судоходным интересам Дальнего Востока своими предсказаниями погоды. Его бароциклонометр есть на каждом корабле в этих водах. В 1900 году правительство Соединенных Штатов направило его в Вашингтон для надзора за печатанием его огромного труда под названием "Филиппинский архипелаг", а позже он подарил Всемирной выставке в Сент-Луисе один из ее замечательных экспонатов — рельефную карту, охватывающую огромное пространство на земле и представляющую каждый остров, реку, залив, мыс, полуостров, вулкан, деревню и город Архипелага. До своего назначения в Манилу отец Алгуэ несколько лет проработал в Джорджтаунской обсерватории.

Что касается богословского преподавания, то достаточно будет отметить, что Collegium Germanicum был возвращен Обществу в 1829 году и доверен отцу Алоизию Ландесу в качестве ректора. Правительство Германии на некоторое время запретило немецким студентам посещать его занятия, но в 1848 году в списке было 251 человек. С тех пор как он открыл свои двери и по сей день, он дал Церкви 4 кардинала, 4 архиепископа, 11 епископов, 3 епископа-коадьютора, 1 апостольского викария, а также ряд выдающихся профессоров, каноников и священников.

Очень заметное признание Общества в области образования было оказано Пием IX, когда он доверил ему управление колледжем, известным как Pium Latinum. Выдающимся священнослужителем, предложившим это, был апостольский протонотарий Хосе Игнасио Эйзагирре, чилиец по происхождению. Колледж был основан в 1858 году для подготовки ученых священников для различных стран Южной Америки. В 1908 году, в свой золотой юбилей, он мог похвастаться послужным списком не только выдающихся священников, но и кардинала Иоахима Арковерде де Альбукерке Кавальканти и 30 епископов, хотя вначале в нем было всего 15 студентов. Дом, который впервые приютил их, был очень маленьким, но папа позаботился о том, чтобы у них было заведение побольше. Призывая епископов Латинской Америки оказать ей щедрую поддержку — поскольку, будучи апостольским делегатом в Чили, никто лучше него не знал о настоятельной необходимости такой школы, — он сам щедро дарил деньги, книги, облачения и т.д. В 1867 году часть старого иезуитского послушничества была выкуплена у правительства, и хотя в 1870 году иезуиты были изгнаны из Рима, жителей Пио Латино никто не потревожил. В 1884 году недалеко от Ватикана и на берегу Тибра было найдено новое место, где сейчас находится великолепный колледж вместимостью 400 студентов. В 1905 году кардинал Вивес-и-Тутто опубликовал Апостольскую конституцию, которая присвоила колледжу титул "Папский" и передала образование *in perpetuum* Обществу. Об этой Конституции просили латиноамериканские епископы во время Собора, она была обещана Львом XIII и, наконец,

реализована Пием Х. Когда ее официально передали иезуитам, присутствовало 104 выпускника. Траст был принят от имени отца генерала отцом Катерини, провинциалом римской провинции.

ГЛАВА XXVIII ЛИТЕРАТУРА

Граматики и Лексиконы всех языков — Драмы — Истории литературы — Картография — Китаеведение — Египтология — Санскрит — Католическая энциклопедия — Каталоги иезуитских писателей — Acta Sanctorum — Отношения с иезуитами — Номенклатура — Периодические издания — Философия — Догматическое, моральное и аскетическое богословие — Каноническое право — Экзегеза.

Литературная активность Общества всегда была очень велика, не только в теологических, философских и научных областях, но и в тех, которые специально обозначены как относящиеся к *художественной литературе*. Так, в "Библиотеке" Зоммервогеля под рубрикой "Лингвистика" мы находим трактаты по филологии, происхождению языка, грамматическим теориям, пятигранному словарю, лексикону двадцати четырех языков, первому языку и т.д. Затем идет классика. В разделе "Греческий" есть две огромные страницы с названиями различных грамматик; помимо словарей, упражнений и сборников древнегреческих авторов. В разделе "Латынь" мы находим четыре страницы грамматики и лексикона; некоторые из последних содержат эквиваленты на португальском, тамульском, китайском, французском, польском, бразильском, чешском, сирийском, армянском и японском языках. После этого у нас есть: "Изящества", "Корни", "Древняя и современная латынь", "Антологии", "Произношения", "Медуллы" и т.д. Шесть страниц посвящены грамматикам и словарям европейских языков, не только обычных, но и баскского, чешского, кельтского, хорватского, иллирийского, венд, провансальского, русского и турецкого. Далее по порядку следуют азиатские языки: аннамитский, сиамский, арабский, армянский, грузинский, китайский, кохинхинский, иврит, индостанский, японский, персидский, санскрит и сирийский; с двумя столбцами анголезской, кафрской, египетской, эфиопской, кабийской и мальгашской грамматик. Все мальгашские языки датированы концом девятнадцатого века, и есть эскимосская грамматика отца Барнума, датированная 1901 годом.

Представлены языки большинства индейцев Северной и Южной Америки; все словари южноамериканских индейцев были написаны Отцами старого общества.

Книги, посвященные изучению красноречия, ужасают своим количеством. Они на всех языках и на всевозможные темы, священные и мирские. Здесь есть панегирики, надгробные речи, коронационные речи, хвалебные речи, епископские хиротонии, королевские успехи, патриотические речи, но лишь изредка взгляд ловит современную дату в внушительном списке из шестидесяти трех страниц.

Латинская поэзия отводит названиям сочинений или исследований пятьдесят семь страниц. Поэзия на современных языках гораздо скромнее и требует всего столько столбцов, сколько страниц требовалось древним. Английский список очень краток; итальянский очень длинный; и хотя древние иезуиты, казалось, не боялись раздражаться стихами, современные почитатели

Музы, за исключением тех случаев, когда они высказывают свои мысли на мальгашском, шуанском, тагале или японском, очень осторожны.

Набожные люди, возможно, будут шокированы, услышав, что иезуиты старого Общества много писали для театров; однако это было сделано не для театров всего мира, а для театров их колледжей. Следовательно, в главе, озаглавленной "Театр", после ряда трактатов об "Ограничении комедий", "Греческий театр", "Литургическая драма", "Размышления об опасности зрелищ", "Мнение святого Павла, святого Фомы Аквинского и святого Франциска Сальского о пьесах"; и т.д., мы сталкиваемся лицом к лицу с названиями пьес, которые заполняют своим мелким шрифтом не менее десяти огромных страниц фолианта. Они предоставлены иезуитами всех стран. Германия была особенно плодотворна в этом виде литературы, потребовав целых четырех страниц названий; всего в Англии представлено всего семь драм, три из которых современные. Автором трех старинных пьес был не кто иной, как Блаженный Эдмунд Кэмпбелл. Они назывались "Жертвоприношение Исаака", "Трагедия царя Саула", в то время как Саутвелл приписывает ему "Нектар и амброзию", которая разыгрывалась перед императором. Все это было написано в 1575 году, когда он был профессором риторики в Богемии.

Бельгия имеет в своем активе длинный список, и среди драматургов фигурирует очень выдающийся Игнас Карбонель, но только как автор текста кантаты к юбилею Пия IX в 1877 году. Во Франции встречается имя Арсена Каура, написавшего множество трагедий и даже водевилей, который он назвал "Приключение отца Симона, брокера". В списке есть хорошо известные студенческие пьесы Лонгхэя.

Ораторий много, но есть опасения, что робкие будут шокированы, услышав, что для имен авторов *балетов* требуется целая колонка. Один из авторов - не меньшая личность, чем выдающийся историк Жуванси. Балеты представляют собой интермедии; однако в этих танцах не было ничего неприличного, поскольку не появлялись женские персонажи, и мальчики из колледжа, для которых они были написаны, должны были танцевать все сами.

"Многие из этих драм, - говорит отец Швикерат, цитируя Янсена, - были представлены со всем возможным великолепием, как, например, те, что давались в Ла Флеше в 1614 году перед Людовиком XIII и его двором. Но, кажется, нигде не было продемонстрировано большей помпезности, чем в Мюнхене, где двор щедро способствовал тому, чтобы выступления были особенно блестящими. В 1574 году трагедия "Константин" игралась два дня подряд, и весь город был красиво украшен. В спектакле приняли участие более тысячи актеров. Константин въехал в город на триумфальной колеснице, окруженный четырьмя сотнями всадников в сверкающих доспехах. На представлении "Есфири" в 1577 году самые великолепные костюмы и драгоценности были предоставлены из сокровищницы герцога; а на банкете царя Ассуэра было использовано сто драгоценных блюд из золота и серебра".

Эти старые иезуиты, казалось, выполняли знаменитый "орден рыцаря Ламанчи", когда обычная сцена была слишком мала: "Тогда постройте дом или разыграйте его на равнине"; или, как заявляет недавний автор, "Подобно Рихарду Вагнеру в наши дни, иезуиты стремились объединить все искусства в рамках драмы и преуспели в этом". Эффект от таких пьес был подобен эффекту от пьесы "Страсть в Обераммергау" - захватывающий, всепоглощающий. Даже люди, не знающие латинского языка, были очарованы этими представлениями, и стечение людей обычно было очень велико. В 1565 году "Юдифь" была представлена перед судом в

Мюнхене, а затем повторена на площади. Даже окружающие стены и крыши домов были покрыты нетерпеливыми зрителями. В 1560 году комедия "Еврипид" давалась во дворе колледжа в Праге перед толпой более чем в восемь тысяч человек. Это пришлось повторить три раза, и меня просили снова и снова".

Первые немецкие священники осуждали эти драмы как средства пропаганды идолопоклонства, но, с другой стороны, очень способный критик Карл фон Рейнхардштоттнер говорит: "В первом столетии своей истории иезуиты проделали огромную работу в этом направлении. Они исполняли драмы, полные силы и величия, и хотя их драматические постановки не шли ни в какое сравнение с прекрасной лирикой поэтов-иезуитов Бальде и Сарбиевского, все же в драмах Фабрициуса, Агриколы и других безошибочно чувствуется поэтический дух и благородная серьезность. Как иначе можно было объяснить огромный успех их выступлений? И кто бы мог хоть на мгновение усомниться в том, что своими драмами они оказали огромную услугу своему веку, что они продвинули культуру и сохранили вкус к театру и вспомогательным видам искусства? Было бы чистой неблагодарностью недооценивать то, чего они добились своими драмами".

Гете присутствовал на спектакле, поставленном в 1786 году в Ратисбоне. Это было во время подавления, но, к счастью, в колледже сохранились традиции иезуитов. Он оставил свои впечатления в письменном виде: "Это публичное выступление вновь убедило меня в сообразительности иезуитов. Они не отвергали ничего, что могло бы принести им хоть какую-то мыслимую пользу, и они знали, как преданно и ловко обращаться со своим оружием. Это не сообразительность чисто абстрактного порядка; это реальный результат самой вещи; всепоглощающий интерес, проистекающий из практического использования жизни. Подобно тому, как у этого великого духовного общества были свои изготовители органов, свои скульпторы, свои позолотчики, так, кажется, есть и такие, кто по природе и склонности увлекается драматургией; и поскольку их церкви отличаются приятной пышностью, так и эти благоразумные люди воспользовались чувственностью мира с помощью приличного театра ". (Italien Reise, Goethe Werke, Cotta's Ed. 1840 XXIII p. 3-4.)

Тирабоски начал свою литературную деятельность молодым профессором в Модене с редактирования латино-итальянского словаря Монцы, но он внес так много исправлений, что это была практически новая работа. Впоследствии он был назначен библиотекарем в Милане и с помощью документов, которые он обнаружил, написал "Историю Унижати", которая заполнила пробел в церковных анналах. Будучи библиотекарем в герцогской библиотеке в Модене, он начал свою монументальную работу над "Историей итальянской литературы". Эта история простирается со времен этрусков до 1700 года, и для ее завершения потребовалось одиннадцать лет постоянного труда.

Хертер говорит нам: "Майкл Косма Петрус Денис был самым знаменитым библиографом, чьи почти бесчисленные работы следует отнести к категории гуманистической литературы". Он вступил в Общество в Верхней Австрии 17 октября 1747 года и в течение двенадцати лет преподавал риторику в Терезианском колледже для дворян, где снискал некоторую известность своими стихами. Во время подавления Общества, которому он всегда оставался благодарен и привязан, ему поручили заведовать библиотекой Гарелли, и он посвятил себя изучению литературы и библиографии. Его публичные лекции привлекали огромные толпы людей отовсюду. Император Леопольд повысил его до королевского советника и назначил хранителем

Императорской библиотеки. К тому времени он был европейской знаменитостью. Де Бакер в своей "Библиотеке" упоминает девять три его публикации. Хертер относит к наиболее важным "Основные принципы христианского воспитания в Глаубене и Ситтенлехре". Его стихи, которые он подписал "Синед", что означало Денис, написанный задом наперед, принесли ему звание дунайского барда и значительно помогли продвинуть изучение немецкого языка в Австрии. Он был одним из группы поэтов, главной целью которых было пробудить немецкий патриотизм. Оссиан был их идеалом и источником вдохновения, и Денис перевел гэльского поэта на немецкий (1768-69), а вдобавок опубликовал два тома стихотворений всего за год до репрессии. Естественно, эти патриотические излияния в стихах иезуита привлекли значительное внимание. Денис умер в Вене 20 сентября 1800 года.

Отец Баумгартнер занял высокое место в области литературы своим большим трудом, озаглавленным "История литературы всего мира". Кроме того, на его счету три тома о "Гете", еще один о "Лонгфелло"; пятый о "Вонделе", шестой под названием "Путешествие в страну чудес" и седьмой под названием "Остров и смерть вдали".

Об отце Фаустино Аревало, выдающемся составителе гимнов и патрологе, мы говорили выше.

Географические темы привлекали многих писателей как старого, так и нового общества, а также писателей промежуточного периода. Темы касаются каждой части света. Есть, например, "Немецкий Тироль" итальянца Брешиани; "Долгота Милана" Лагранжа; "География архипелага" Ф. Х. Лихтле. Этим архипелагом была Вест-Индия. Его брат Игнатий выполнил аналогичную работу на Греческих островах. Он отправился на Наксос в 1754 году и умер там в 1795 году. "Чота-Нагпур" описан в 1883 году, "Абиссиния" - в 1896 году, а "Бельгийское Конго" - в 1897 году. Вейга пишет об "Ориноко" в 1789 году, а Арман Жан - о "Полинезийцах" в 1867 году. Нет конца таким картам, как "Туркестан и Джунгария", "Китай и Татария", "Земля Ханаан", "Парагвай", "Озеро Верхнее", "Земля между Напо и Амазонками". Знаменитые карты Мексики работы отца Кино были воспроизведены Хьюбертом Бэнкрофтом в его книге "Коренные народы".

Великий труд Джозефа де Майории де Майя под названием "Тунг-Киан-Кан-моу", представляющий собой краткое изложение китайских летописей, был отправлен во Францию в 1737 году, но опубликован только в 1785 году. Он был первым европейцем, познакомившим мир с классическими историческими трудами китайцев. Его работа имеет огромную ценность по той причине, что она обеспечивает самую важную основу для взаимосвязанной истории Китая. Он прислал вместе с ним много очень ценных карт и наметок — результат его работы по составлению картографического обзора страны; часть, отведенная ему, включала провинции Хо-нань, Кианг-хинан, Че-Кианг, Фо-Киен и остров Формоза. В награду за его труд император произвел его в мандарины, и когда он умер в возрасте семидесяти девяти лет, императорским указом были заказаны очень тщательно продуманные похороны.

Отец Джозеф Фишер, профессор Фельдскирхского университета, известен во всех ученых обществах мира своей книгой "Путешествие норманнов в Америку", а также своим "Введением в космографию" Мартина Вальдзимюллера, на карте которого впервые появилось название "Америка". Карты и исследования старой Гуронии, сделанные отцом Джонсом, были опубликованы канадским правительством.

Джон Баптист Белот, умерший в 1904 году, завоевал репутацию востоковеда, как и его соратник отец Шейко, своей "Хрестоматией арабики" в пяти томах, а также своим арабским лексиконом.

Их коллега по работе, отец Ламменс, сейчас является профессором Библейского института в Риме. Поскольку они долгое время прожили в Сирии, у них есть явное преимущество перед другими европейцами в этом конкретном исследовании.

Эндрю Зоттоли - авторитетный китаевед. Несчастье, связанное с изгнанием из Италии в 1848 году, дало ему преимущество, которого в противном случае у него не было бы, - он овладел китайским языком, поскольку прожил пятьдесят четыре года в Киангнане. Помимо своего китайского катехизиса и грамматики, он опубликовал полный курс китайской литературы в пяти томах и универсальный словарь китайского языка в двенадцати.

К этому списку можно добавить то, что недавний критик назвал монументальным произведением прославленного отца Беккари, известным как "Scriptores rerum egyptiacarum". Она состоит из шестнадцати томов и включает в себя весь период истории Египта с шестнадцатого по девятнадцатый век. В этой категории отец Штрассмайер представляет Общество своими работами по ассириологии и клинописным надписям. С ним отец Дальман, чьи "Das Mahabharata als Epos und Rechtbuch", "Нирвана", "Будда" и "Mahabharata Studien" завоевали всеобщие аплодисменты.

Луиджи Ланци, итальянский археолог, родился в Ольмо близ Мачераты в 1732 году и вступил в Общество в 1749 году. После его подавления великий герцог Тосканский назначил его помощником директора Флорентийского музея. Он посвятил себя изучению древней и современной литературы и был принят в ряды аркадцев. Расшифровка памятников, в основном этрусских, была одним из его любимых занятий и привела к написанию им в 1789 году своего труда "Саджио ди лингва этруска". Четыре года спустя он выпустил свою знаменитую "Историю живописи в Италии". Другие его работы включали критический комментарий к "Трудам и дням" Гесиода с латинским и итальянским переводом в стихах; три книги "Inscriptiones et carmina", переводы Катутла, Феокрита и других, а также две аскетические работы о святом Иосифе и Святом Сердце соответственно. Он умер в 1810 году, за четыре года до Реставрации.

Анджело Май - одна из самых привлекательных фигур начала девятнадцатого века. Он учился в семинарии Бергамо, и профессором у него был отец Моцци, член запрещенного общества. Когда святой Пиньятелли открыл послушничество в Парме в 1799 году, Моцци присоединился к нему, и юный Анджело, которому тогда было семнадцать лет, отправился туда послушником. В 1804 году его отправили в Неаполь преподавать гуманитарные науки, но он был вынужден уехать, когда французы оккупировали город. Затем его вызвали в Рим, и рукоположили в священники. Там он познакомился с двумя изгнанными иезуитами из Испании: Монеро и Моначо, которые помимо обучения его ивриту и греческому, дали ему первые инструкции по палеографии, показав, как манипулировать палимпсестами и расшифровывать их. В 1813 году он был вынужден по приказу герцога вернуться на родину и был назначен хранителем Амброзианской библиотеки в Милане. Там он сделал свои первые великие открытия в виде ряда драгоценных рукописей, которых одних было достаточно, чтобы занять важное место в ученом мире. В 1819 году по предложению кардиналов Консальви и Литты, самых верных друзей Общества, Пий VII с согласия генерала назначил его библиотекарем Ватикана.

Из всего этого очень трудно понять, почему Мэй обычно считают покинувшей Общество. Альберс говорит об этом в своей "Liber sæcularis", Хертер в своем "Nomenclator", как и Зоммервогель в своей "Bibliotheca", и его имя не фигурирует в списке Террье на тех, кто умер в Обществе. Однако, несмотря на все это, выражение "покинул Общество" кажется несколько

жестоким по отношению к тому, кого, очевидно, никто не упрекал и за кого просил Суверенный понтифик. Григорий XVI сделал его кардиналом - повышение, которое предсказал его старый наставник-послушник отец Пиньятелли, когда Анджело пригласили на должность библиотекаря в Милан. Он продолжил свою работу в Ватикане и подарил миру неопубликованные страницы трехсот пятидесяти древних авторов, которые он обнаружил.

Отец Хьюго Хертер называет Франческо Заккарию из старого общества самым трудолюбивым работником в истории литературы. Эту похвалу вполне можно было бы отнести к нему самому, если бы не его замечательный "Nomenclator literarius theologiae catholicae". Это каталог имен и работ всех католических писателей-богословов с 1564 по 1894 год. Это не просто список имен, поскольку в нем дается краткое описание жизни авторов и оценка их работы и их относительных заслуг в том специальном предмете, которому они посвятили себя; таким образом, он охватывает всю область схоластического, позитивного и морального богословия, а также патрологии, церковной истории и смежных наук, таких как эпиграф, археология и литургика. Он состоит из пяти томов с двумя напечатанными мелким шрифтом колонками на каждой странице. Последняя колонка во втором томе пронумерована как 1846. После этого идут пятьдесят три страницы указателей и одна страница *исправлений* только в этом томе. Стоит отметить, что во всей этой сбивающей с толку массе материала всего шесть ошибок; кроме того, есть три добавления, не к тексту, а к указателю, из которого случайно были опущены имена трех авторов.

Шрифт настолько сжат, что только тире отделяет одну тему от другой. Тем не менее, благодаря оригинальным указателям, как лиц, так и предметов, искомую тему можно найти немедленно. Наконец, между текстом и указателями помещены две замечательные хронологические диаграммы. С помощью первого учащийся может год за годом следить за развитием различных отраслей богословия и знать имена всех авторов в каждой из них. На второй таблице представлены различные страны Европы — Италия, Испания, Португалия, Франция, Бельгия, Германия, Англия, Польша и Венгрия, — и по мере того, как вы перемещаетесь по годам в последующие столетия, вы можете увидеть, какие исследования пользовались наибольшим успехом в разных частях мира и на разных этапах их истории. Не только это, но и стиль шрифта, варьирующийся от крупного черного шрифта до очень бледного и мелкого оттиска, придает вам относительную известность каждого из огромного множества авторов. Такая работа продлится до конца времен и не теряет своей ценности, и как отец Хартера, кто был любимым духовником Университета Инсбрука, чей богословский факультет он поступил в 1858 году, и который, к тому же публикуя его необычайно привлекательным теологии и редактирования пятьдесят восемь томов Отцов Церкви, могли бы найти время и силы для того чтобы произвести его энциклопедичность "номенклатурный перечень" это почти немыслимо.

В 1907 году в Нью-Йорке была запущена программа создания католической энциклопедии. Редакторами были выбраны доктор Чарльз Херберманн, более пятидесяти лет преподававший латынь и самый выдающийся член Колледжа города Нью-Йорка. Томас Шахан, ректор католического университета в Вашингтоне, позже возведенный в епископский сан; доктор Эдвард А. Пейс, профессор философии в том же университете; доктор Конде Бенуа Паллен, известный католический публицист, и отец Джон Дж. Уинн из Общества Иисуса.

Объем этой работы не похож на объем других католических энциклопедий. Она не является исключительно церковной, поскольку в ней записано все, что католики сделали не только во

имя благотворительности или морали, но и в интеллектуальном и художественном развитии человечества. Следовательно, охватывая всю область догматического и морального богословия, церковной истории и литургии, ей удалось предоставить своим читателям информацию об искусстве, архитектуре, археологии, литературе, истории, путешествиях, языке, этнологии и т.д., Таковую, какую нельзя найти ни в одной другой энциклопедии на английском языке. Только самых выдающихся писателей попросили внести в него свой вклад, и поэтому его статьи можно цитировать как самое последнее изложение обсуждаемых вопросов. Она появилась с поразительной быстротой, вся серия из шестнадцати томов была завершена за девять лет. К нему добавлен дополнительный том под названием "Католическая энциклопедия и ее создатели", который состоит из фотографий и биографических очерков всех авторов.

Энциклопедия оказалась огромным благом для Церкви в Америке. Главная заслуга в публикации, как правило, принадлежит отцу Джону Уинну, уроженцу Нью-Йорка. Именно он задумал его, заручился поддержкой редакционного совета и, как заявил его выдающийся коллега епископ Шахан с почти нежным рвением на публичном заседании профессорско-преподавательского состава и студентов духовной семинарии Нью-Йорка: "именно он поощрял и поддерживал редакторов своим жизнерадостным оптимизмом на опасных этапах его разработки". Эта информация может быть полезна за границей, чтобы показать, что Общество в Америке делает что-то во славу Божию и для спасения душ. Апостольский характер работы еще более усиливается тем фактом, что в различных епархиях создаются фонды, позволяющие каждому семинаристу стать личным владельцем всего набора с самого первого момента, как он начинает свое обучение. Влияние такого устройства на церковный разум нашего столетия неоценимо. Рыцари Колумба и богатые католики также размещают его на линкорах и военных постах Соединенных Штатов, а также в гражданских библиотеках и клубах.

Первый каталог иезуитских писателей был составлен отцом Рибаденейрой в 1602-1608 годах. Шотт и Алегамбе продолжили работу в 1643 году, а Натаниэль Бэкон, или Саутвелл, или Сотвел, как его называли на Континенте, опубликовал третью работу в 1676 году. Однако старое Общество больше ничего не делало в этом направлении, и только на двадцать первой конгрегации, на которой председательствовал отец Рутаан, был представлен постулат с просьбой возобновить эту ценную работу. Что-то помешало сделать это на данный момент, и только в 1853 году за эту работу взялись два бельгийца, Огюстен и Алоиз де Бакер.

До 1861 года вышла серия из семи выпусков, но поскольку к тому времени число названий увеличилось до десяти тысяч, пришлось сделать новую аранжировку, и в 1869 году работа вышла в трех больших фолиантах. В 1885 году, после смерти Огюстена де Бакера, за эту работу взялся ШарльЗоммервогель. К счастью, он был хорошо подготовлен для этой задачи, поскольку, хотя его постоянно нанимали на другие задания, иногда просто в качестве наблюдателя во французском колледже, он ухитрился опубликовать в 1884 году "Словарь анонимных религиозных псевдонимов Общества Иисуса". Он начал с переработки всего, что сделали его предшественники, и только через четыре года опубликовал первый том. Однако за ним быстро последовали другие, и в 1900 году появился девятый том. Десятый том, именной указатель, был незакончен на момент его смерти, но с тех пор был завершен отцом Блиардом. Помимо своих статей в "Этюдах", он также выпустил в печать "Настольную методику воспоминаний Треву" в трех томах, "Марианскую библиотеку С. Дж." и "Библиографический журнал компании Иисуса". Он намеревался опубликовать исправленное издание "Исторической библиографии" Карайона, но ему помешала смерть.

Еще в 1658 году папа Александр VIII без колебаний заявил, что "никогда не было предпринято более полезного или более славного литературного произведения", чем "Acta Sanctorum" отца Болландуса и его единомышленников, а ученые протестанты тех дней не удержались от восхваления научного духа, в котором велась эта работа. "Акт", действие которого началось в середине семнадцатого века и продолжается до сих пор, читается как роман. Рассказ об этом Де Смедта рассказывает нам, как у первых авторов библиотеки была только мансарда, и они были вынуждены складывать свои книги на полу; как кардинал Беллармин осудил это произведение как химерическое; как кармелиты были в ярости из-за того, что Папebroх отрицал, что Элиас был основателем их ордена; как испанская инквизиция осудила это произведение и осудила тридцать томов как еретические, и как, наконец, оно достигло своего нынешнего статуса.

Болландисты не сразу почувствовали удар, который обрушился на остальную часть Общества Иисуса в 1773 году. Действительно, комиссары объявили, что правительство удовлетворено работой болландистов и склонно проявлять особое внимание к ним. В 1778 году они переехали в аббатство Кауденберг в Брюсселе, и писатели получали небольшую пенсию. В 1788 году были опубликованы три новых тома. Тем временем Иосиф II сменил Марию Терезию, и небо начало темнеть. 16 октября 1788 года правительство приняло решение прекратить выплату пенсий писателям, а их книги и рукописи, которые официальные инспекторы называли "мусором", было приказано продать. Через год отцы сделали предложение премонстратинскому настоятелю Тонгерлоо купить книги и рукописи за сумму, которая сейчас была бы эквивалентна примерно 4353 долларам; деньги, однако, должны были быть выплачены австрийскому правительству, а не владельцам библиотеки. К счастью, писатели нашли приют в монастыре со своими книгами, и, хотя Брабантская революция на какое-то время встревожила их, они беспрепятственно продолжали свою работу до 1794 года, когда выпустили еще один том.

К счастью, им удалось запустить этот том в печать, потому что в тот самый год французы вторглись в Бельгию, и как премонстратенцы, так и болландисты были вынуждены разойтись. Некоторые из сокровищ библиотеки были спрятаны в домах крестьян, а другие были поспешно сложены в повозки и перевезены в Вестфалию, с единственным результатом, который можно было предвидеть, — потерей огромного количества ценнейших материалов; определенное количество книг было возвращено аббатству и пролежало там в пыли до 1825 года. Поскольку в то время не было никакой надежды на то, что болландисты когда-либо смогут возобновить свою работу, монахи продали большую часть библиотечных ценностей на публичных торгах, а то, что не было продано, было передано правительству Голландии и включено в Гаагскую библиотеку. Рукописи были перевезены в Брюссель и переданы на хранение в Бургундскую библиотеку. Они все еще там.

В 1836 году агиографическое общество во Франции под патронажем Гизо и нескольких епископов предложило продолжить работу болландистов, и был направлен посланник для приобретения документов у бельгийского правительства. Это предложение вызвало патриотическую бурю в маленькой стране, и министру внутренних дел де Те была подана петиция, умоляющая его, не теряя времени, обеспечить своей родной стране честь завершить работу и доверить эту задачу отцам-иезуитам, которые начали ее и выполняли в течение двух столетий. В результате 29 января 1837 года провинциал Бельгии назначил четырех Отцов, которые должны были жить в Сен-Мишеле в Брюсселе. Правительство выделяло им ежегодную

субсидию в размере шести тысяч франков, но она была отозвана либералами в 1868 году и никогда не восстанавливалась, хотя католики контролируют ситуацию с 1884 года.

К настоящему времени на счету авторов более ста томов, шестьдесят пять из которых представляют собой огромные фолианты. О том, что они содержат, можно узнать у самого компетентного из всех авторитетов, Чарльза де Смедта, директора-болландиста, который написал наиболее полный и научный отчет о коллекции болландистов для Католической энциклопедии. Достаточно констатировать, что, по мнению наиболее выдающихся и способных ученых в этой области, работы более поздних болландистов ни в чем не уступают работам их выдающихся предшественников семнадцатого и восемнадцатого веков.

В рецензии на недавнюю публикацию работы болландистов научное издание "American Historical Review" (июль 1920 г.) пишет следующее: "Следует надеяться, что более широкое распространение знаний о том, что болландисты делали для изучения человечества, исторического и литературного, может принести американскую помощь для заполнения пробелов в их ресурсах, вызванных разрушениями войны. Приятно знать, что издательство Принстонского университета намерено выпустить английский перевод замечательной книги отца Делехэ, в которой рассказывается о трудах болландистов с 1638 года по наши дни".

Было сказано, что у иезуитов был способ держать своих самых выдающихся членов на виду у публики, в то время как низших людей отправляли в миссии на съедение дикарям. О том, что это не общепринятое мнение в Америке, свидетельствует публикация так называемых "Отношений с иезуитами" в семидесяти двух томах фирмой из Кливленда, штат Огайо, члены которой не были связаны с католиками или иезуитами и чье предприятие было сопряжено с огромными финансовыми рисками. "Отношения иезуитов и связанные с ними документы" - так называется работа. Дополнительное название - "Путешествия и исследования миссионеров-иезуитов в Новой Франции, 1610-1791. Оригинальные тексты на французском, латинском и итальянском языках с английскими переводами и примечаниями, иллюстрированные портретами, картами и факсимиле".

Редактор - Рубен Голд Туэйтс, секретарь Государственного исторического общества Висконсина. В своем предисловии он говорит: "Американские историки из Ши и Паркман-даун уже широко использовали "Отношения", и кое-где антиквары и исторические общества опубликовали фрагментарные переводы. Однако большая часть "Отношений" и связанных с ними документов никогда не переводилась на английский; следовательно, эти интересные документы никогда не были доступны большинству студентов-историков. Настоящее издание впервые предлагает вниманию публики английский перевод наряду с оригиналом.

Авторы дневников, составляющих основу "Отношений", были по большей части людьми с тренированным интеллектом, проникательными наблюдателями и практиковались в искусстве ведения записей о своем опыте. Они покинули самую высокоразвитую страну своего времени, чтобы сразу же отправиться в сердце дикой природы и попытаться обратить в христианскую веру самых свирепых дикарей, известных истории. Чтобы завоевать этих дикарей, сначала необходимо было близко узнать их, их речь, их привычки, их образ мыслей, их сильные и слабые стороны. Эти первые исследователи истории американских индейцев были не только вполне подготовлены к своей задаче, но и с тех пор ни у кого не было лучшей возможности для ее

выполнения. Они оказали огромную услугу человечеству, опубликовав свои летописи, которые являются для историка, географа и этнолога нашими лучшими авторитетами.

"Многие из "Отношений" были написаны в индейских лагерях среди хаоса отвлекающих факторов. Бесчисленные насекомые мучили журналистов; они были погружены в сцены убожества и деградации, измучены усталостью и отсутствием надлежащего питания, часто страдали от ран и болезней, подвергались сотням способов жестокого обращения со стороны хозяев, которых временами правильнее было бы назвать тюремщиками; и нередко дикие суеверия достигали таких высот, что видимость составления меморандума наверняка вызывала свирепую вражду группы. Неудивительно, что композиция этих дневников иногда грубовата; удивительно, что они вообще могли быть написаны. Почти всегда стиль прост и серьезен. Рассказчик никогда не опускается до самовосхваления и не заикливается без необходимости на деталях своего постоянного мученичества. Он никогда не жалуется на свою судьбу, а излагает свой опыт в обыденных фразах.

"Из этих трудов мы получаем яркую картину жизни в первобытных лесах. Мало того, что эти преданные миссионеры — никогда ни в одной области не было засвидетельствовано большего личного героизма, чем у них, — живут и дышат перед нами в этих "Отношениях", но в них мы имеем наш первый компетентный отчет о краснокожих индейцах, относительно незагрязненных контактом с европейцами. Немногие исторические периоды освещены так хорошо, как французский режим в Северной Америке. Этому мы в значительной степени обязаны существованию связей с иезуитами".

"Существованием этих Отношений", по выражению мистера Туэйтса, мы обязаны современному ученому-иезуиту отцу Феликсу Мартину, основателю и первому ректору колледжа Святой Марии в Монреале, который в 1858 году убедил правительство Квебека перепечатать старые издания Крамуази семнадцатого и восемнадцатого веков. Именно Мартин развил в Гилмари Ши, в то время иезуитском схоластике в Монреале, исторический инстинкт; и дал Паркману большую, если не всю информацию, которая сделала этого автора знаменитым, несмотря на фанатизм или непонимание, которые иногда проявляются на его страницах. Первая публикация Мартина состояла из трех октаво, напечатанных крупным шрифтом в две колонки на французском языке. Ему и в голову не приходило, что интерес к книге будет расти до тех пор, пока великолепное издание Туэйтса в семидесяти двух томах не продемонстрирует научному миру ценность этих документов, "написанных в каноэ или в глубине лесов", как говорит Туэйтс, "за десять лет до высадки плимутских пилигримов".

Пока публиковались эти "Сообщения" о канадских миссиях, отец Ле Гобьен начал выпускать свои "Письма о прогрессе религии Китая", которые в конечном итоге превратились в хорошо известные "Письма об эдифиантах и курьезах", описывающие миссионерские предприятия по всему миру. Во время Подавления они были изданы двадцатью шестью томами объемом в два десятка томов. Австрийский иезуит начал в 1720 году переводить некоторые из этих писем, озаглавив свою работу "Neue Welt Bött". Вскоре оно стало независимым от "Писем" и появилось в виде пятитомного фолианта. Оно все еще публикуется.

Обществом издается определенное количество периодических изданий, наиболее важными из которых являются "Civiltà Cattolica", "Этюды", "Стиммен аус Мария-Лаах" и "Разон и Фе".

"Гражданская война" была начата в 1850 году по прямому распоряжению Пия IX. Его первыми редакторами были отцы Курчи, Брешиани, Либераторе, Тапарелли, Орелья, Пиччирилло и Пьянчани - сотрудники, которые обеспечили бы успех любому изданию. Его статьи самого серьезного характера, касающиеся вопросов теологии, философии, социологии и литературы. Первый номер журнала тиражом 4200 экземпляров вышел в Неаполе; позже он был опубликован в Риме. В 1870 году сотрудники были переведены в Неаполь, но в 1887 году вернулись в Рим. Журнал выходит каждые две недели, и в настоящее время его тираж превышает 12 000 экземпляров. Он находится под прямым контролем папы римского и, в отличие от других светских изданий того же рода, не связан с каким-либо домом или колледжем. Он получил высочайшие похвалы от Пия IX и Льва XIII.

В 1856 году "Этюды" были начаты иезуитами во Франции под редакцией Даниэля Гагарина и Годфруа. По характеру они очень напоминают "Цивилту". Смуты 1876 года привели к приостановке выхода журнала почти на год, но различные рассеяния по французским провинциям не повлияли на него, за исключением, возможно, масштабов его распространения. Он издается в Париже, но одно время издавался в Лионе. В последние годы из ежемесячника он превратился в двухнедельный обзор.

У немецких отцов есть свой ежемесячник "Stimmen aus Maria-Laach", первый номер которого вышел в 1865 году. Защита учебной программы положила начало его созданию. Когда Культуркампф выгнала редакторов из Мария-Лааха, они переехали в Тервюрен в Бельгии. Там они оставались до 1880 года, когда переехали в Блайенбек в Голландии. В 1910 году мы находим их в Валкенбурге, Голландия, прикрепленными к Scholasticate. Способности сотрудников вывели "Стиммен" на очень высокий уровень как периодическое издание.

Ежемесячник "Razón y Fe" был основан испанскими отцами церкви в 1901 году, а "Studies" - ирландскими иезуитами в 1912 году. Это последнее, однако, допускает вкладчиков, которые не являются членами Общества. То же самое можно сказать о "Month" (Лондон), еженедельнике "America" (Нью-Йорк), "Irish Monthly" (Дублин) и ряде второстепенных периодических изданий. Существуют также публикации для частного распространения, такие как "Вудстокские письма", "Письма и уведомления"; "Наставительные письма" различных провинций Общества, большинство из которых напечатано в scholasticates и передают информацию о различных работах Общества в разных частях мира. Они в значительной степени носят характер древних "Отношений супругов" древнерусских отцов церкви и представляют большую ценность как исторический материал. Наконец, американский "Вестник Святого Сердца" издает ежемесячный тираж в 350 000 экземпляров, помимо миллионов листовок для пропаганды преданности. Существует пятьдесят одно издание "Вестника", опубликованное на тридцати пяти различных языках.

Причина, по которой Обществу не удалось создать после Реставрации ни одного богослова, подобного Суаресу, Толетусу и другим, та же, что помешала Наполеону Бонапарту вернуть свою империю, когда он был пленником на острове Святой Елены. Условия изменились. Суарес, де Луго, Рипальда и их блестящие коллеги провели свою жизнь в католической Испании, которая прославилась такими университетами, как Саламанка, Вальядолид или Алькала. Там эти великие люди писали и преподавали; Беллармин и Толетус трудились в Риме, а Лессий в Лувене; тогда как богословы-иезуиты в наши дни были не только изгнаны из великих университетов, но и лишены своих библиотек, брошены на произвол судьбы и вынуждены

искать не ученого досуга, а крова, который мог бы их приютить. Они были изгнаны из Франции в 1762 году, и им никогда не разрешалось открывать школу даже для маленьких мальчиков до 1850 года. В настоящее время им разрешено проливать свою кровь на поле битвы за свою страну, из которой они были изгнаны. Их неоднократно изгоняли из Италии, и с 1872 года они так и не смогли закрепиться в Германии; их нет в Португалии, и в любой момент их могут изгнать из Испании. В Англии и Ирландии католики не были эмансипированы до 1829 года, и правительство лишь неохотно разрешает Ирландии иметь университет, который католики могут безопасно посещать, и даже там ни одна кафедра католического богословия не может содержаться на обычные доходы. В Америке все находится в стадии становления, и те деньги, которые есть в наличии, должны быть использованы для начального обучения, как религиозного, так и светского, миллионов людей, которых бедность и преследования изгнали из Европы. Очень сомнительно, что Суарес и его великие единомышленники написали бы свои великолепные произведения в такой обстановке.

Когда взгляд скользит по тщательно подготовленной Хертером хронологической таблице, он улавливает лишь случайный отблеск былой славы, когда в конце шестидесятых годов девятнадцатого века появляются имена Вицебургенс, Заккариа, Май, Муццарелли, Аревало и Морчелли. Но то были дни Французской революции и ее последующих потрясений. Сама Церковь находилась в таком же затруднительном положении между 1773 и 1860 годами, и число ее великих богословов любого рода чрезвычайно невелико. Таким образом, абстрагируясь от иезуитов, мы находим в 1773 году только Флореса, августинца, написавшего церковную историю; в 1782 году эрудированного маронита Ассемани, которого причисляют к моралистам; в 1787 году святого Альфонса Лигуори; и в 1793 году бенедиктинца Герберта, который также является моралистом. Барнабит Гердил фигурирует под датой 1802 года как апологет, и с того года вплоть до 1864 года нет никого, кому Хартер придавал бы значение в какой-либо области богословия. Возможно, причина в том, что столетие переживало полный триумф своей материальной цивилизации и что люди высмеивали и презирали догматические учения религии.

Изучение "Номенклатуры" Хертера поучительно. В 1774 году, через год после Подавления, было опубликовано всего четыре публикации иезуитских авторов; в 1775 году их стало девять; а затем их число начало уменьшаться. В 1780 году эта цифра возрастает до десяти, и несколько примечательно, что в 1789 и 1790 годах, в первые годы Французской революции, появляется семнадцать писателей. Затем поток течет до 1814 года, года Реставрации, когда мы находим только одну книгу с буквами S. J. после имени ее автора. На следующий год их нет.

Иезуитом, который рассеивает тьму того периода, является Тадеуш Ногарола, которого Хертер описывает как "члена самой благородной семьи Вероны". Он родился 24 декабря 1729 года. Следовательно, на момент Реставрации ему было восемьдесят пять лет. Он писал об освящающей благодати; и в 1800 году у него с другим иезуитом произошла ожесточенная теологическая битва на тему истощения, в которой он защищал свою позицию с чрезмерной горячностью. В 1806 году он опубликовал свой великий трактат против галликанизма. Его отважный противник вернулся в Общество в 1816 году. Он очень энергично высказывался по поводу присяги Наполеону во Франции, а его книги были запрещены в Цизальпинской республике.

В 1816 году было опубликовано четыре книги, но их число по-прежнему невелико, и в 1823 году не было опубликовано ни одной. В 1824 году вышло две публикации, одна из них написана Аревало, выдающимся патрологом, который составил гимны и поучения к празднику Богородицы, помогающей христианам. Это очень печальный список с 1826 по 1862 год, с чередой единиц и нулей. Появляются только три сколько-нибудь примечательных имени: Кольман в 1836 году, Лорике в 1845 году и де Равиньян в 1858 году. За этот почти сорокалетний период произошли революции 1830 и 1848 годов, и ни в одном иезуитском иезуитском институте не было стабильности. Наконец, однако, в 1862 году появились Пьянчани, Тапарелли и Брешиани, а в 1865 и 1866 годах Тонгиорги и Гурий соответственно. Только тогда Общество смогло начать свою богословскую работу после своей новой интеграции. Промежуток между 1862 годом и нынешним временем невелик, но с тех пор были Перроне и великий голландец и теолог Виктор де Бак, которые появились в 1876 году; Эдмунд О'Рейли в 1878 году; Баллерини и Патрици в 1881 году; Клютген в 1883 году; а в 1886 году кардиналы Францелин и Маццелла.

В тот период не прекращались конфискации и высылки даже тех, кто не занимался воспитательной работой. Так, немецкие иезуиты приобрели старый бенедиктинский монастырь Мария-Лаах в 1863 году на юго-западном берегу прекрасного озера близ Андернаха в Рейнской области. Там они организовали учебный курс для схоластов, а также колледж писателей. Среди них были ученые Шнееман, Рисс и другие, которые начали великую работу церковных соборов и "Языческой философии", помимо публикации иезуитского "Стиммена". Как долго они там пробыли? Всего десять лет. Культуркампф изгнал их с родной земли, и им пришлось продолжать свой труд в изгнании. Такова история Общества почти в каждой европейской стране, а также в испанских республиках Южной Америки и Мексике. Однако, несмотря на все это, таблица Хертера показывает, что с 1773 по 1894 год не менее четырехсот богословов-иезуитов опубликовали работы в защиту доктрин Церкви, и некоторые из них добились известности.

В философии, например, был Тапарелли, который умер в 1863 году. Он был первым ректором Римского колледжа, когда Лев XII вернул его Обществу. Он пятнадцать лет преподавал философию в Палермо, а в 1840 году опубликовал свой великий труд, который назвал "Теоретическое эссе о естественных правах с исторической точки зрения". Седьмое издание вышло в 1883 году и было переведено на французский и немецкий языки. Next in importance is his "Esame critico degli ordini rappresentativi nella società moderna." Помимо его поразительных монографий о "Национальности", "Суверенитете народа", "Причинах войны", он написал большое количество статей в "Сивилте" по вопросам политической экономики и социальных прав. Его первая великая работа была в некотором смысле началом современной социологии. Пальмиери опубликовал свои "Философские институты" в 1874 году и с самого начала завоевал репутацию великого мыслителя даже у тех, кто не соглашался с его выводами и образом мышления.

В той же отрасли Либераторе долгое время был выдающимся, и его "Institutiones" и "Composito humano" выдержали одиннадцать изданий. "Философия схоластики спекулятивной" Корнольди также была заметной постановкой. "Лербух" Лемана вышел третьим изданием незадолго до его смерти в 1910 году. Беддер хорошо известен англоговорящим людям благодаря своим многочисленным работам, написанным во время его профессорства в колледже Святого Бьюно в Уэльсе. Книга Катрейна "Социализм" была переведена на девять разных языков, а его "Моральная философия" пользовалась большой популярностью. Позиция Пеша утвердилась; его последняя работа, "Христианская жизнь-философия", вышла четвертым изданием в течение

четырёх лет. Клютген, который, пожалуй, является самым известным из этих немецких иезуитов, был назван Львом XIII "князем философов" и считается реставратором католической философии по всей Германии. В Испании отец Куэвас написал "Полный курс философии" и "Историю философии". Мендиве текстах "книги о философии" на испанском языке используется в нескольких вузах, но писатель, который доминировал над всеми остальными в этой стране считается Уррабургу, кто преждевременно скончался в 1904 году. Его "Cursus philosophiae scholasticae" воскрешает в памяти знаменитых старых философов более ранних эпох.

Не только поучительно, но и вдохновляюще слышать, что достопочтенный отец де Клоривер, находясь в тюрьме парижского тампля во время революции, занимался написанием комментариев к Священному Писанию. Ему было за семьдесят, и он ожидал, что его в любой момент вызовут на гильотину, но у него было достаточно времени, чтобы писать, поскольку его заключение длилось пять лет. Зоммервогель приписывает ему комментарии к "Песне песней", "Посланиям святого Петра", "Беседе на тайной вечере", "Животным Иезекииля", "Двум Серафимам Исаяи", а также Уставы религиозных орденов, которые он основал, жития святых, новены и религиозные поэмы. Он также перевел "Потерянный рай" на французский. Очевидно, что комментарий, написанный в тюремной камере, не соответствовал современной научной экзегезе, но, возможно, по этой причине он легче доходил до души. В любом случае, изучающие Священные Писания в современном обществе отлично начали со святого и виртуального мученика.

Фрэнсис Ксавье Патрици проявил себя как экзегет. Он был одним из первых, кто вступил в Общество после Реставрации, и его так уважали за его добродетель и способности, что он был очень близок к тому, чтобы быть избранным генеральным директором Общества. Его первая публикация "Толкование Священного Писания" появилась в 1844 году. Он перевел Псалмы слово в слово с иврита. Его работы полны эрудиции, скрупулезной точности цитирования и величайшей скрупулезности в защите Священного Текста от протестантов начала девятнадцатого века. "Cursus Scripturae" отцов Марии-Лаах: Корнели, Кнабенбауэра, Хуммелауэра и других - памятник эрудиции и труда и, без сомнения, самый блестящий триумф экзегетики в нынешнем столетии.

В 1901 году Суверенный понтифик назначил и утвердил Библейскую комиссию для надлежащего толкования и защиты Священного Писания. В ее состав входят пять кардиналов и сорок три советника. Среди выдающихся людей, выбранных для этой работы, мы находим отцов Корнели, Делаттра, Гисмонди, фон Хаммелауэра, Мехино и Прата. Одной из обязанностей, возложенных на комиссию, было создание специального института для изучения высшей библеистики. В 1910 году отец Фонк, его первый ректор, начал серию публичных конференций, которые были одной из задач Института. Он публикует "Библейские летописи". Французские отцы в Сирии являются очень ценным дополнением к этому институту из-за их знания восточных языков. Один из них, отец Ламменс, в течение многих лет был редактором арабского периодического издания "Башир".

Когда отец Джон Кэрролл отправился в Англию, чтобы стать хиротонисанным епископом Балтимора, он, вероятно, встретил в замке Лалворт, где проходила церемония, французского иезуита из старого общества, который нашел убежище у семьи Уэлд во время революции и исполнял обязанности их капеллана. Это был отец Гру, человек святой жизни. It was while he was in England that he wrote "La Science de crucifix" the "Caractère de la vraie dévotion," "Maximes

spirituelles," "Méditation sur l'amour de Dieu," "L'intérieur de Jésus et de Marie," "Manuel des âmes intérieures," "Le livre du jeune homme." Эти работы часто переиздавались и переводились.

Очень интересно обнаружить, что до изгнания из Франции отец Гру был страстным учеником Платона и даже опубликовал восемь книг о великом философе. Он также написал ответ на нападки Ла Шалоте на Общество. Зоммервогель упоминает еще одну книгу, написанную им совместно с отцом дю Роше. Она называется "Сказочные времена", исторический и догматический трактат об истинной религии.

Среди других известных писателей-аскетов были Виджителло, автор книги "Сапиенца криштиану", Мисли, написавший "Великое дело Иисуса Христа" и "Иисус Христос и его сын Криштиану", Хиллегер, Дюфо, Вербеке, Веркрюсс, де Досс, Пети, Мешлер, Шнайдер и Шеньон, чей "Новый курс священной медицины" выдержал бесчисленное количество изданий; Ватриган провел обширные исследования "Упражнений"; "Апостолат Приера" Рамьера обошел весь мир и дал первый импульс Лиге Святого Сердца. "Жизнь Господа Нашего" Кольриджа, состоящая из тридцати томов, является кладезем размышлений и особенно ценна для руководителей религиозных общин.

В 1874 году отец Камилло Тарквини был возведен в сан кардинала за свои способности канониста. Его диссертация на тему *Regium placet ehequatur* сделала его международной знаменитостью. Вместе с ним высоко в рядах канонистов стоят отец генерал Вернц, Лаврентий, Хильгерс, Берингер, Освальд, Сангинетти, Охетти, Вермерш и нынешний помощник генерала отец Файн.

Стивен Энтони Морчелли, выдающийся историк и считающийся основателем эпиграфики, родился в Тренте в 1737 году. Он учился в Римском колледже и там основал академию археологии. После Подавления он стал библиотекарем кардинала Альбани. Он вернулся в восстановленное общество. Ему было тогда восемьдесят четыре года. У него не было превосходства как у latinoамериканского стилиста. Его "Календарь Константинопольской церкви", охватывающий тысячу лет, его "Чтения четырех Евангелий" по различным кодексам и его заметки о "Христианской Африке" представляют огромную ценность.

Возможно, к этому списку известных авторов можно было бы причислить португальца Франсиса Маседо. Это правда, что он покинул Общество, но поскольку он был членом Общества двадцать восемь лет, это заслуживает некоторой похвалы за развитие его замечательных способностей. Мейнард называет его вундеркиндом своего времени. Так, в Венеции в 1667 году Маседо провел публичный диспут почти по всем отраслям человеческого знания, особенно по Библии, теологии, патрологии, истории, литературе и поэзии. В своем причудливом и экстравагантном стиле он назвал это представление "Литературным рычанием Льва Святого Марка". Оно было подготовлено за восемь дней. Благодаря его успеху Венеция предоставила ему свободу передвижения по городу и должность профессора моральной философии в Падуанском университете. В своем "Myrothecium morale" он сообщает нам, что произнес триста пятьдесят панегириков, шестьдесят латинских речей, тридцать две надгробные речи и сочинил сто двадцать три элегии, сто пятнадцать эпитафий, двести двенадцать посланий-посвящений, две тысячи шестьсот героических поэм, сто десять од, четыре латинские комедии, две трагедии и сатиры на испанском языке, помимо ряда теологических трактатов, таких как "Учения святого Фомы и Скотта", "Учение святого Духа", "Позитивная теология для опровержения еретиков",

"Ключи Петра", "Папская власть", "Основы церковной истории" и "Опровержение янсенизма". Общество сделало его великим, но не смогло научить его смирению.

В большинстве теологических библиотек, которые даже умеренно оборудованы, можно увидеть длинные ряды книг, на которых фигурирует имя Муццарелли. Они бывают разного рода: аскетические, религиозные, образовательные, философские и теологические, и многие из них переведены на различные языки. Он принадлежал к старому обществу, вступив в него всего за четыре года до подавления. Тогда ему было двадцать четыре года. Поскольку он происходил из знатной семьи Феррары, во время своего изгнания он получал пособие в своем родном городе, а чуть позже герцог Пармский назначил его ректором Колледжа знати. Пий VII призвал его в Рим и назначил теологом Пенитенциария, что означало, что он был папским теологом. Когда Общество было восстановлено в Неаполе, он попросил разрешения присоединиться к своим братьям там, но папа отказался. Это было даже к лучшему, поскольку войска Наполеона вскоре закрыли учреждение. Когда Пий VII был взят в плен в 1809 году, Муццарелли также был депортирован. Он так и не вернулся в Рим, но умер в Париже за год до восстановления Общества. Однако он не был забыт в своем родном городе, который считал его одной из своих достопримечательностей. Среди его работ было несколько аскетического характера, таких как "Святое сердце", "Месяц Марии", а также "Житие святого Франциска Иеронима".

Было также несколько современных иезуитов, которые были заметны в области морального богословия. Первым по времени был Жан-Пьер Гюри, родившийся в Майеронкуре 23 января 1801 года. Тридцать пять лет он преподавал теологию в Анси и Римском колледже. Он умер 18 апреля 1866 года. Его работа была принята в качестве учебника в ряде семинарий из-за ее краткости, честности и основательности. Это правда, что временами его краткость снижала точность, а также научность изложения вопросов, но его преемники, такие как Зайц, Черча, Меландри и Баллерини, восполнили пробелы с помощью решений Конгрегаций и более поздних заявлений Святого Престола. Помимо своей "Моральной теологии", он также опубликовал свой "*Casus conscientiae*". Это делало его типичным "иезуитским казуистом" и навлекало на него всю традиционную ненависть протестантских полемистов, особенно в Германии. Его работа многое сделала для искоренения того, что осталось от янсенизма в Европе.

Антонио Баллерини занимал кафедру морального богословия в Римском колледже с 1856 года до своей смерти в 1881 году. По осторожному выражению Хертера, он был "почти принцем моралистов нашего времени". Помимо своих "*Principi della scuola Rosminiana*", он написал свою замечательную "*Sylloge monumentorum ad mysterium Immaculatæ Conceptionis illustrandum*", а в 1863 году выпустил свою "*De morali systemate S. Альфонси М. де Лигорио*". В 1866 году вышел его "Компендиум теологии морали". Стиль был несколько едким, особенно в спорах, которые он вызвал с яркими защитниками святого Альфонса. Его заметки были кладезем эрудиции и в то же время обнаруживали очень необычную интеллектуальную проницательность и правильность суждений. Его книга, в целом, оказала большое влияние на продвижение основательных теологических исследований; и ее разоблачение надуманных причин, на которых основывались многие мнения, и недостоверности многих цитат определили тон последующих работ других авторов. Вслед за Баллерини последовали другие иезуиты, такие как Лемкюль, Саббетти, Нолдин, Генико и Пальмиери, снискавшие известность как моралисты.

Пальмиери был не только теологом, моралистом и философом, но и экзегетом. Он преподавал Священное Писание и восточные языки в Маастрихте в течение семи лет, а в 1886 году опубликовал Комментарий к Посланию к Галатам и еще один комментарий к исторической значимости Книги Иудифь. Он был одним из первых, кто забил тревогу по поводу неортодоксальности Лоизи, и написал несколько книг против модернистских ошибок. Его репутация основана главным образом на его догматическом богословии; каждые два года, начиная с 1902 года, он выпускал трактаты, которые сразу привлекали внимание своей блестящей оригинальностью и исчерпывающей изученностью. Он умер в Риме 29 мая 1909 года. "Этот высшей степени проницательный человек, - говорит Хертер, - объединил Гурия и обильные комментарии Баллерини в один непрерывный текст, включив, конечно, свои личные взгляды в свои семь огромных томов, в результате чего читать его - настоящее удовольствие". Замечательная теологическая проницательность, проявленная в этой, как и в других его работах, очевидно, вернула ему расположение Льва XIII, которому не нравились некоторые из его философских рассуждений. Следовательно, когда отец Штайнхубер стал кардиналом, Пальмиери был назначен его преемником на посту теолога Пенитенциария.

Помимо всего этого, Пальмиери восхитительно раскрыл свой нежный характер преданного сына, когда написал, по просьбе своей матери, Комментарий к Данте. Охетти говорит, что "он привнес в свою задачу всю глубину своей философии и теологии и создал произведение, которое поразило тех, кто был способен оценить глубину мысли и научную эрудицию, использованные в изложении каждой отдельной песни".

Великий Перроне родился в Кьери в 1794 году и вступил в Общество 14 декабря 1815 года, одним из первых новичков после Восстановления. Он начал свою карьеру в качестве профессора догмы в Орвието, а оттуда был переведен в Рим, где оставался до начала революции 1848 года. После трехлетнего пребывания в Англии он возобновил свое обучение в Римском колледже. Он был консультантом различных конгрегаций, был известен как антагонист Гермеса, а также в дискуссии, которая закончилась догматическим определением Непорочного Зачатия. Его "Prælectiones theologiae" в девяти томах вышли тридцать четвертым изданием, в то время как его "Компендиум" - пятьюдесятью семью.

Карло Пассалья - еще одно великое богословское светило. Он вступил в Общество в 1827 году, и когда ему едва исполнилось тридцать лет, преподавал в Сапиенце и был префектом Германской коллегии. Затем он поступил в Григорианский университет, и в 1850 году он принял ведущее участие в подготовке определения догмата Непорочного зачатия, по которому написал три больших тома. На его счету и другие великие работы, но его историко-лингвистический метод подвергся критике. Говорили, что он заменил догму грамматикой. Однако Пассалья покинул Общество в 1859 году. Пий IX предоставил ему кресло в Сапиенце; там он вступил в контакт с агентом Кавура и под его влиянием написал свою книгу "Pro causa italica". Это было внесено в "Указатель", и Пассалья бежал в Турин, где преподавал моральную философию до самой своей смерти и редактировал еженедельник под названием "Il Mediatore", который приветствовал статьи недовольных священников. Он также издавал ежедневную газету под названием "La Pace", а также "Il Gerdil", богословское обозрение. Он был отстранен от своих священнических обязанностей, одет как мирянин и был достаточно дерзок, чтобы критиковать Учебную программу. Епископ Мондови пытался примирить его с Церковью, но он отказался от своих слов только за несколько месяцев до своей смерти. Хертер называет его "выдающимся профессором догмы, который увлекся политикой, покинул Общество, напал на Светскую власть

и своим печальным отступничеством запятнал свою былую славу. Его цитаты из Отцов Церкви слишком размыты, и хотя его работа о Непорочном зачатии демонстрирует огромную эрудицию, она поражает читателя своим объемом".

Карло Мария Курчи также принес горе своим соратникам в те дни. Он приобрел большую известность благодаря своей защите прав папы римского от либеральных политиков полуострова, но, к сожалению, вскоре после этого сам стал либералом и покинул Общество. Однако он вернулся снова незадолго до своей смерти, которая наступила 19 июня 1891 года. Он был одним из первых сотрудников "Цивильты" и, кроме того, был замечательным оратором. Его "Природа и благодать", "Христианский брак", "Уроки из двух книг Макхавеев и четырех Евангелий" и "Иосиф в Египте" были наиболее известными из его произведений.

Йозеф Вильгельм Карл Клютген был вестфальцем. Он вступил в Общество 28 апреля 1834 года в Бриге; чтобы избежать трудностей с немецким правительством, он стал натурализованным швейцарцем и некоторое время носил фамилию Петерс. В 1843 году он был профессором священного красноречия в Германской коллегии, а впоследствии был назначен заместителем генерального секретаря Отца, консультантом Конгрегации Индекса и соавтором Ватиканского собора в подготовке конституции "De fide catholica". Он написал первый набросок энциклики папы Льва "Eterni Patris" о возрождении схоластического богословия и философии. Его познания в трудах Ангельского Доктора были настолько велики, что его звали *Томас редививус*. Его первая работа "Theologie der Vorzeit" и его "Philosophie der Vorzeit" против Гермеса, Хиршера и Гюнтера были объявлены эпохальными. Написание этих книг совпало с замечательным событием в его жизни, а именно с отстранением от должности священника за то, что он неосторожно позволил общине монахинь под его руководством почитать как святого одного из своих умерших членов. Впоследствии он удалился в затворничество, но на открытии Ватиканского собора Пий IX отозвал его для участия в нем. Все его работы отличаются основательностью доктрины, точностью и блеском изложения, а также благородством стиля.

Иоганн Францелин был тирольцем. Он вступил в Общество 27 июля 1834 года, но большую часть своей жизни провел за пределами своей страны. Он изучал теологию в Риме и стал таким знатоком греческого и иврита, что занимал кафедру, когда профессор был болен. Ему пришлось покинуть город в смутные времена 1848 года, но по возвращении он прочитал публичные лекции по восточным языкам в Римском колледже. В 1857 году он начал свою карьеру в качестве профессора догматики, и его огромная эрудиция привела к тому, что он был востребован во многих римских конгрегациях. В 1876 году Пий IX назначил его кардиналом. Его богословские труды известны во всей Церкви своей основательностью, эрудицией и скрупулезной точностью. Его сан не внес изменений в его простую и кропотливую жизнь. До конца своих дней он продолжал носить бедную одежду, занимал две маленькие комнаты в послушничестве Сант-Андреа, каждое утро вставал в четыре и проводил время до семи в молитвенных упражнениях. Он продолжал свои покаянные занятия до самой смерти, наступившей 11 декабря 1886 года.

ГЛАВА XXIX

СУВЕРЕННЫЕ ПОНТИФИКИ И ОБЩЕСТВО

Преданность, доверие и Привязанность каждого папы римского Девятнадцатого и двадцатого веков проявлялись в их официальных и личных отношениях с обществом.

Восстановленное общество, как и прежнее, получало множество милостей от Суверенных понтификов. Пий VI немедленно перечеркнул бы работу Климента XIV, если бы это было вообще возможно; и Пий VII навлек на себя гнев всех королей и государственных деятелей Европы, издав Буллу, которая вернула Обществу то место, которое оно ранее занимало в Церкви.

Избрание Льва XII, сменившего Пия VII 28 сентября 1823 года, поначалу вызвало ужас среди членов ордена из-за его прежней позиции в качестве кардиналаделла Генга. Он был связан с его врагами и произносил очень резкие слова в адрес Общества, но вскоре стало очевидно, что все это было из-за впечатления, которое произвели на него заговорщики, что они борются против влияния пакканаризма на определенных членов конгрегации. Когда он стал Папой Римским, он лучше разобрался в фактах этого дела и стал одним из самых теплых друзей, которые когда-либо были у Общества.

7 мая 1824 года он отозвал отцов церкви в Римский колледж и выделил им годовой доход в размере 12 000 скуди, помимо восстановления для них церкви Св. Игнатий, Оратория Каравита, музей, библиотека, обсерватория и т.д. Он доверил им руководство Колледжем знати; выделил им виллу в Тиволи; выделил новые здания для Collegium Germanicum, а 4 июля 1826 года учредил их в колледже Сполето, который он основал для преподавания гуманитарных наук, философии, гражданского и канонического права, теологии и священного Писания; на все это он выделил достаточные доходы.

В том же году он издал знаменитую Буллу "Plura inter", восстанавливающую древние привилегии Общества и добавляющую новые. Этот список духовных благ заполняет семь полных столбцов. "Всем известно, - сказал он в Булле, - как много и сколь велики были заслуги, оказанные этим Обществом, которое было плодотворной матерью людей, отличавшихся своим благочестием и ученостью. От него мы ожидаем еще большего в будущем, видя, что он так широко распускает свои ветви еще до того, как пустил новые корни. Ибо не только в Риме, но и в заальпийских странах и в самых отдаленных регионах мира это приветствуется с любовью, потому что это не оставляет ничего незавершенного для обучения молодежи благочестию и свободным искусствам, чтобы сделать их будущими украшениями своих стран".

27 июля он увеличил доходы Беневентского колледжа, а 11 октября того же года сообщил жителям Фаэнцы, что в данный момент не может предоставить им иезуитский колледж из-за нехватки средств, но что он выполнит их пожелания как можно скорее. За месяц до своей смерти он послал ободряющие слова отцам Церкви в Англии, которых преследовали всевозможные клеветнические обвинения, и сказал епископу Теспи, что "английские схоласты могут быть рукоположены *sub titulo paupertatis* имеют право на те же привилегии, что и другие религиозные ордена в Англии". Наконец, он назначил бы отца Кольмана епископом Нью-Йорка, а отца Кенни - епархией Дромора, если бы генерал не убедил его не делать этого. То же самое произошло и с отцом Паллавичини, который был назван в честь престола Реджо в Калабрии. Папа Лев XII скончался 10 февраля 1829 года, через несколько дней после кончины отца Фортиса, который был его любящим и близким другом.

Имя его преемника, Пия VIII, было Франциск Ксаверий Кастильоне — доброе предзнаменование для братьев великого Апостола. Действительно, каким бы кратким ни был его понтификат, он всегда давал понять, что Общество ему очень дорого. "Я всегда давал это понять, - сказал он Отцам Церкви, которые пришли поприветствовать его при вступлении на престол, - и я воспользуюсь любым случаем, чтобы заявить, что я люблю Общество Иисуса. С самого раннего детства это чувство было глубоко в моем сердце, и я всегда глубоко почитал святого Игнатия и святого Франциска Ксаверия. Я ношу, каким бы недостойным я ни был, имя Ксавье. Меня учили самые выдающиеся иезуиты, и я знаю, сколько добра они сделали для Церкви, так что, как Церковь не может быть отделена от Папы, так и он не может быть отделен от Общества. Это печальные дни, и никогда не было замечено большей дерзости и ненависти. Нечестие никогда не прибегало к большей хитрости против истины. Возможно, очень скоро Церкви будут нанесены и другие тяжкие раны, но вместе мы будем бороться с врагами Божьими. Поэтому возвращайтесь в свои провинции и пробудите в ваших братьях тот же пыл, который есть в ваших сердцах. Проповедуйте и учите послушанию и целостности жизни в ваших школах, с ваших кафедр, голосом и пером и всей своей душой. Пусть Бог поддержит ваши усилия. А пока оставайся непоколебимым в уверенности, что я всегда буду, прежде всего, твоим самым нежным и преданным Отцом".

2 декабря 1829 года в сопровождении кардиналов Сомальи и Одескальки он отправился в Джезу и, помолившись у алтаря святого Франциска Ксаверия, опубликовал беатификацию Альфонса Лигуори, основателя ордена редemptористов. Он расточал милости Германско-Венгерскому университету и Коллегии дворян; и когда Карл Август фон Райзах, студент Collegium Germanicum, который был очень молод в то время, был назначен ректором Отдела пропаганды, папа сказал тем, кто упоминал об этом: "Не обращайтесь к нему; он молод, но учился в лучшей школе, и все хвалят его за зрелость характера, безупречную жизнь и пригодность для этой должности".

Когда этот преданный друг Общества умер, кардинал Каппеллари, ученый камальдозский монах, вззошел на папский престол и принял имя Григорий XVI. Пятнадцать дней спустя вся Италия была охвачена революционными муками. Карбонарии были у власти, и, как обычно, общество почувствовало первый удар. 17 февраля, в тот же час, коллегии Сполето, Фано, Модены, Реджо, Форли и Феррары подверглись нападению, а преподаватели и ученики были выброшены на улицу. Был издан указ об изгнании, но народ восстал в гнев, подавил восстание, и Отцы были восстановлены.

Когда мир был восстановлен, папа продемонстрировал свое уважение к Обществу. Он созвал всех религиозных деятелей различных орденов Рима в Джезу для выполнения духовных упражнений. Вскоре после этого, по просьбе Пропанды, он доверил ей управление несколькими колледжами и сформулировал уступки в самых хвалебных выражениях, заявив, среди прочего, что долгий и счастливый опыт с самого начала существования Института до настоящего времени и в различных частях мира показал Святому Престолу неоспоримую способность Отцов руководить как духовными, так и светскими школами. По его словам позже, то же самое убеждение побудило его отдать им Иллирийский колледж.

Холера, охватившая Европу, наконец добралась до Рима. Папа уже установил машины скорой помощи и больницы в различных частях города, и его обращение к религиозным чувствам людей предотвратило ужасные оргии, которые опозорили Лондон, Мадрид и Париж, когда они

были охвачены подобным бедствием. Кардинал Одескальки, которому вскоре предстояло стать иезуитом, особенно отличился в успокоении населения, и торжественная церемония, в которой участвовал весь город, особенно достойна внимания, поскольку по замыслу Суверенного понтифика она должна была стать официальным объявлением о том, что, пока продолжается эпидемия, отцы-иезуиты должны были быть основным каналом папской благотворительности. Чудотворный образ Пресвятой Богородицы был пронесен процессией от церкви Святой Марии Мажорной до церкви Джезу, и, несмотря на удушающую жару, сам папа в окружении своих кардиналов, духовенства и высших гражданских чиновников сопровождал картину через коленопреклоненные толпы на улицах и возложил ее на алтарь в иезуитской церкви, которая, таким образом, стала молитвенным центром города на время эпидемии.

23 августа 1837 года он обрушился на город одновременно в нескольких местах. Две принцессы стали его первыми жертвами, но папа лично побывал там, где жатва смерти была наибольшей, и его пример вдохновил каждого подражать его преданности. Естественно, члены Общества выполнили свой долг в те ужасные дни, когда болезнь поразила 9 372 человека и более 5000 погибли. К октябрю чума прекратилась.

Кардинал Одескальки, завоевавший любовь народа Рима своей героической преданностью ему в этот кризисный момент, в следующем году поразил их отказом от высоких почестей, которыми он пользовался в Церкви и государстве, поскольку он был принцем, — чтобы облачиться в скромное одеяние и подчиниться послушанию Общества Иисуса. Папа и кардиналы пытались отговорить его от этого шага, ссылаясь на интересы Церкви, но он настаивал, и в день своего поступления, 8 декабря 1838 года, он написал отцу Рутаану, что не может описать то счастье, которое испытывал, и просил генерала поступить с ним так, как он поступил бы со смиреннейшим из своих подданных. Ему было тогда пятьдесят два года. Он умер в Модене 17 августа 1841 года и, таким образом, смог как один из ее сыновей отпраздновать третье столетие Общества, которое произошло в 1840 году. Однако публичного объявления об этой годовщине было мало, если вообще было, поскольку отец Рутаан разослал во все провинции напоминание о том, что опасности того времени заставляют сохранять все проявления счастья и благодарности Богу в пределах домашнего круга.

В 1836 году императорский указ в ответ на требование населения разрешил иезуитам открывать школы в любой точке Австрийской империи и следовать своим собственным методам преподавания независимо от университетского контроля. Император и императрица почтили своим присутствием открытие первого колледжа в Вероне. Другие города Италии приглашали Отцов открывать школы, и Меттерних, которого иногда называют их врагом, позволил им обосноваться в Венеции, где еще со времен Паоло Сарпи сохранялись остатки антагонизма; но ко Дню Святого Игнатия в 1844 году все это исчезло, и патриарх, дож, знать, духовенство и народ объединились, оказав Отцам сердечный прием.

На острове Мальта, который стал британским владением, жители послали благодарственное письмо государственному секретарю лорду Стэнли за то, что он предоставил им колледж Общества. Под письмом было подписано 4000 человек. Две Сицилии приветствовали Общество в 1804 году и вернули ему дом исповеди, а также Коллегиум Максимум и старые церкви; другие учреждения были открыты в других частях королевства. После того, как иезуиты были изгнаны карбонариями в 1820 году, последовала обычная реакция, и вскоре они вернулись на свои

посты. Холера 1837 года дала им новую власть над любовью народа, и на данный момент их положение в королевстве казалось абсолютно безопасным.

За пятнадцать лет своего понтификата Григорий XVI опубликовал не менее пятнадцати рескриптов в пользу Общества. 30 марта 1843 года он уполномочил Джорджтаунский колледж в Вашингтоне присуждать философские и теологические степени. В следующем году он восстановил Иллирийский колледж, который Григорий XIII основал в Лорето, и передал его Обществу вместе с Виллой Леонария. По просьбе кардинала Франзони, префект пропаганды, он передал в Городской колледж в обществе, и в рескрипте анонсируя передачи он заявил: "принимая во внимание Конгрегации пропаганды был убежден, что призыв молодых священнослужителей, которые должны быть отправлены в чужих краях, чтобы распространять свет Евангелия и возделывать виноградник Господа не могли быть лучше подготовлены для такой задачи, чем те религии, которые делают это специально в их институт, чтобы сформировать юности в благочестии, литература и Наука, и кто всегда стремиться интенсивно в том, что они обязуются способствовать вящей славе Божией; и принимая во внимание, что с самого момента создания Общества Иисуса, в церкви был ежедневный опыт, способности отцов общества в воспитании у молодежи светского и клерикального занятия во всех частях мира; и поскольку свидетельства, что даже враги Святого престола и Церкви вынуждены доказательство того, что платить в "Общество Иисуса" за отличную образования, молодежной своих колледжей получают, мы делаем поэтому согласие охотнее всего ходатайству господина кардинала Конгрегации пропаганды".

11 октября 1838 года в Римском колледже была открыта кафедра канонического права. В следующем году, 5 марта, Понтифик передал Обществу Колледж Фермо, а 28 сентября - Колледж Камерино. Короче говоря, духовным благосклонностям, которыми Григорий XVI одаривал Общество через его генерала, отца Рутаана, которого он почтил своей самой близкой дружбой, не было конца.

Пий IX сменил Григория XVI, и хотя он очень уважал Розмини, который подвергался нападкам за свои философские взгляды со стороны иезуитов, главным образом Мелии, Пассалии, Розавена и Баллерини, это не повлияло на привязанность великого понтифика к Обществу. Поэтому, когда прокураторы на своем собрании в 1847 году предстали перед Его Святейшеством, чтобы выразить протест против обвинения в том, что они не одобряют политику его правительства, он заверил их, что ему хорошо известен клеветнический характер обвинения. Он повторил те же слова в 1853 году избирателям двадцать второй генеральной конгрегации, а в 1860 году, когда Гарибальди изгнал иезуитов из Обеих Сицилий, папа Пий не только приветствовал беженцев в Риме, но, когда они прибыли, лично отправился утешать их. "Давайте терпеть хладнокровно, - сказал он, - все, что угодно Богу. Преследования всегда придают католикам мужества. То, что вы выстрадали, прошло. Кто знает, что будет дальше? Это великолепно, - сказал он, удаляясь, - видеть, что даже когда тебя бьют, ты не прекращаешь работать".

Он не только утешал их устно, но и издал целых сто тридцать два меморандума и Буллы, в каждом из которых Обществу оказывалась та или иная услуга. Он причислил к лику блаженных семьдесят семь иезуитов и причислил к лику святых троих из них. Он передал Колледж Тефернатум Обществу и щедро одарил его. В 1850 году он приказал отцу генералу, который колебался из-за сложности работы, основать "Гражданскую католику". В 1851 году он построил и финансировал колледж в Валитерно, а также подарил им еще один в Синигалье. Он доверил

им Collegium Pio-Latinum Americanum, уверенность в их способностях была подтверждена в 1908 году Пием X, когда он сказал: "В течение пятидесяти лет этот колледж приносил Церкви исключительную пользу, формируя образованный корпус святых епископов и выдающихся священнослужителей".

Что касается Льва XIII, то он всю свою жизнь был тесно связан с Обществом. "Вы, иезуиты, пользовались великой привилегией, - однажды сказал он отцу из Римской провинции, - иметь святых среди военачальников. Я знал отца Фортиса; он был святым. Я близко знал отца Рутаана; он был святым. Я был давно знаком с отцом Бекксом; он был святым. И теперь у тебя есть отец Андерледи.

25 февраля 1881 года он предоставил колледжу в Бейруте в Сирии право присуждать степени по философии и теологии. Четыре года спустя, когда возник вопрос о новом издании третьего тома Института, и отец Андерледи попросил Его Святейшество вновь подтвердить древние привилегии Общества, Лев XIII ответил кратким "Dolemus inter", которое рассматривается Обществом как одно из его величайших сокровищ. Выразив свою скорбь по поводу преследований, которым как раз в то время подвергалось Общество Иисуса во Франции, Папа говорит: "Для того, чтобы наша воля в отношении Общества Иисуса могла быть более тщательно понята, мы настоящим заявляем, что каждое апостольское послание, касающееся учреждения и конфирмации Общества Иисуса и которое было опубликовано нашими предшественниками, римскими понтификами, начиная с Павла III светлой памяти, вплоть до нашего времени либо в виде сводок, либо Булл, и все, что содержится в них или вытекает из них, и которое либо непосредственно, либо при участии других религиозных орденов было передано Обществу Иисуса". Общество и не было отменено полностью или частично Тридентским советом и другими Конституциями Апостольского Престола, а именно, его привилегии, иммунитеты, изъятия и индульгенции, мы настоящим подтверждаем этими письмами и укрепляем их силой нашей Апостольской власти и еще раз уступаем.... Пусть эти письма будут свидетельством любви, которую мы всегда лелеяли и продолжаем лелеять к прославленному Обществу Иисуса, которое было наиболее преданным Нашим Предшественникам и Нам; которое было плодотворной матерью людей, отличающихся своей святостью и мудростью, и распространителем здорового и основательного учения, и которое, хотя и подвергалось жестоким преследованиям ради справедливости, никогда не переставало трудиться с бодростью и непобедимым мужеством, возделывая виноградник Господень. Поэтому пусть это достойное Общество Иисуса, которое было одобрено самим Тридентским Собором и чья накопленная слава была провозглашена Нашими Предшественниками, продолжает, несмотря на многочисленные атаки порочных людей против Церкви Иисуса Христа, следовать своему Институту в его борьбе за вельможную славу Божью и спасение душ. Пусть Общество продолжает свои усилия по распространению среди языческих народов и еретиков света истины, чтобы наполнить молодежь нашего времени добродетелью и ученостью, и внедрять учения Ангельского доктора в наших школах философии и теологии. Тем временем, принимая это Общество Иисуса, которое Мы больше всего любим, Мы передаем его Генеральному Отцу и его викарию, а также всем и каждому из его членов наше апостольское благословение".

По случаю своего золотого юбилея в 1888 году он выразил свое уважение к Обществу, канонизировав Питера Клавера, и когда Отцы Церкви пришли выразить свою благодарность за этот знак привязанности, он ответил, что Общество всегда было дорого Суверенным понтификам, считая его, как и они, оплотом религии и самым доблестным легионом, который

всегда был готов предпринять величайшие труды для Церкви и спасения душ. Лично ему это всегда было очень дорого. Он проявил эту привязанность, как только стал папой, сделав кардиналом отца Маццеллу, чью добродетель и доктрину он высоко ценил, и привлекая кардинала Францелена, пока тот был жив, к самым важным и самым секретным переговорам. Ни один из них никогда не ждал выражения своего желания. Простого предложения было достаточно. Затем он начал рассказывать о своем детстве в колледже Витербо, где он научился любить учителей-иезуитов, и далее он сказал, что его привязанность возросла в Римском колледже под руководством таких выдающихся мастеров, как Тапарелли, Манера, Перроне, Караффа и других, которых он назвал. Он с энтузиазмом отзывался об отце Рутаане, а затем, вернувшись к блаженному Джону Берчмансу, которого он причислил к лику святых, рассказал, как его преданность юноше-святому началась в первые дни учебы в колледже Витербо.

В 1896 году он выразил свое одобрение теологии Общества, учредив для нее Леонинский институт в Ананьи, и в *Motu proprio*, который он выпустил по этому случаю, он сказал: "К славе, которую Общество приобрело еще в первые дни своего существования среди ученых людей благодаря своим научным достижениям и превосходной работе, которую оно проделало в вопросах доктрины, следует добавить искусство, которое так полно ума и инициативы прививать знания и благочестие в сердца своих ученых. Такой была их репутация на протяжении всей их истории, и мы с удовольствием вспоминаем, что у нас была возможность учиться у самых выдающихся иезуитов. Поэтому, как только по Промыслу Божьему мы были призваны к Верховному Понтификату, мы неоднократно просили, чтобы молодые люди, особенно те, кто должен был посвятить себя Церкви, проходили обучение у членов Общества, как в нашем родном городе, так и в отдаленных странах мира. В этой связи мы особенно вспоминаем их работу среди базилиан Галисии и в Ксаверианской семинарии, которую мы основали в Канди в Ост-Индии. Поэтому, желая открыть учебное заведение в нашем родном городе Ананьи, мы обратили внимание на членов Общества, и ни в одном случае мы не были разочарованы".

Упоминание о русских базилианах относится к чрезвычайно деликатной работе, порученной иезуитам. Что-то пошло не так в базилианской провинции Рутения, и по просьбе епископов и по приказу папы Римского несколько галицийских иезуитов поселились в монастыре этого древнего и почтенного Ордена, и после двенадцати лет труда он восстановил свой прежний пыл. Трудно сказать, что заслуживает большей похвалы: благоразумие и мастерство тех, кто взялся за эту трудную задачу, или смирение и покорность тех, кто был ее целью. Когда цель была достигнута, иезуиты попросили освободить их от бремени руководства и правления, и вместо того, чтобы оставить после себя какие-либо следы обиды, общая конгрегация монахов-базилианцев торжественно объявила, что узы привязанности, которые были установлены между двумя орденами, будут существовать вечно. Вторым апостольским делом, на которое ссылается папа в этом Кратком отчете за 1897 год, была Папская семинария для всей Индии, которую он построил на острове Цейлон и доверил бельгийским иезуитам.

В 1887 году он учредил иерархию из тридцати епархий в Индии, и поскольку необходимо было обеспечить местное духовенство, необходимо было создать духовную семинарию. Поэтому Пропаганде было поручено возвести здания и обеспечить содержание учителей, и в силу приказа в 1892 году было куплено 250 акров земли недалеко от города Канди на холмах Ампития. Отец Грожан, С.Дж., был назначен настоятелем и начал свою работу в бунгало. Потребовалось пять лет, прежде чем удалось обеспечить какие-либо подходящие постройки.

Курс обучения включал три года философии и четыре года теологии. В настоящее время штат насчитывает одиннадцать профессоров, и они преуспели в преодолении трудности, которая поначалу казалась непреодолимой, а именно в объединении под одной крышей нескольких людей, принадлежавших к разным кастам и расам. Епископы какое-то время воздерживались, и в первый год только одна епархия прислала своих учеников; три года спустя были представлены семь епархий, и сейчас здесь насчитывается сто семинаристов со всех концов Индии. Они настолько хорошо обучены, что для них редко бывает, чтобы они не удовлетворили своих епископов, когда они возвращаются в качестве священников. "Проект великого понтифика Льва XIII, - говорит бельгийский хронист, - казался дерзким, но результаты оправдали его".

Отцы Церкви нашли еще одного друга в лице Пия X. Они знали его, когда он был епископом Мантуи, и он не только часто бывал в их доме, но и с удовольствием стоял у ворот, раздавая обычное пособие бедным. Ему очень понравилась шутка брата-коадьютора, который сказал: "Епископ Сарто (*сарто* означает портной) сошьет прекрасную одежду для Церкви, когда станет папой", хотя святой прелат никогда не мечтал о такой чести ни в те дни, ни даже когда был патриархом Венеции. Отправляясь на свою новую кафедру, он взял с собой своего духовника-иезуита, и там, как и в Мантуе, он чувствовал себя как дома с общиной и находил особое удовольствие в беседах с братьями. Когда отец Мартин потерял руку в результате операции по поводу саркомы, папа разрешил ему отслужить мессу. "Я сам попробовал, возможно ли это, - сказал он, - и я обнаружил, что это можно сделать без особых трудностей, поэтому я разрешаю отцу генералу принести Святую Жертву при условии, что ему поможет другой священник". Когда новый генерал, отец Вернц, и его сподвижники предстали перед Папой после выборов, он поблагодарил Бога за то, что тот дал ему Общество, которое он описал как "избранный корпус солдат, искусных в войне, обученных сражаться и готовых по первому знаку своего лидера". Он еще раз доказал свое доверие к ним, передав в их руки Папский библейский институт, который был частью общей цели, которую он имел в виду, когда в 1901 году организовал уже описанную Библейскую комиссию.

Помимо уважения, проявляемого Верховными понтификами к самому Обществу как религиозному ордену, заслуживает внимания их личное уважение к каждому последующему генералу. Так, Пий VII, получив известие об избрании отца Бжозовского генералом, немедленно выразил в письме свое удовлетворение "тем, что Общество выбрало человека с такими заслугами и добродетелью". Лев XII, как мы уже говорили, жил в самых близких и нежных отношениях с отцом Фортисом. Только его недолгая карьера на посту понтифика помешала ему дать больше положительных доказательств своей привязанности. То же самое можно сказать и о Пии VIII, срок полномочий которого был даже короче, чем у Льва XII. Однако в течение этого времени он расточал благосклонность Общества. Григорий XVI сделал отца Рутаана своим близким другом и оказывал ему любую услугу, о которой тот просил, а Пий IX выразил пожелание, чтобы "Общество избрало генерала, обладающего таким же благоразумием и мудростью, который, подобно Рутаану, был бы человеком по сердцу Божьему". Любезный отец Беккс всегда был радушно принят Пием IX, и их общение друг с другом было почти дружеским. Когда генерал был на смертном одре, Лев XIII сказал римскому провинциалу: "Я глубоко тронут болезнью и страданиями отца Бекса, к которому я всегда питал большое уважение и даже сыновнюю привязанность. Я охотно посылаю ему свое благословение; сегодня вечером, несмотря на его боль и агонию, я буду рядом с ним духом и помогу ему своими молитвами".

Преемнику отца Беккса, отцу Андерледи, Лев XIII был абсолютно уверен. Точно так же возвращение отца Мартина в Рим из Фьезоле стало поводом для большой радости папы, который добродушно спрашивал кардинала Алоизиуса Масселлу: "Почему бы тебе не оставить свой пост и не стать иезуитом?" Когда отец Мартин появлялся на аудиенции в трудные времена, Лео ласково говорил ему: "Подойди сюда, отец генерал, и сядь рядом со мной, чтобы мы могли поговорить о наших горестях, ибо твои страдания - мои".

Конечно, от Пия X почти ожидали привязанности, и когда отец Мартин вернулся в Рим с немного улучшившимся здоровьем, папа принял его как сына, восставшего из могилы в объятия своего отца. Позже он постоянно был в курсе страданий отца Мартина и молился за него по несколько раз в день. "Мы не можем щадить таких людей", - таково было его выражение; и когда, наконец, Генерал умер, папа был глубоко тронут. "Он был человеком Божьим, - восклицал он, - святым! Святым! Святым!" При избрании отца Вернца Пий X говорил о великом благе, которое он принес всей Церкви своими глубокими знаниями в качестве преподавателя Григорианского университета. "Едва ли найдется хоть одна часть мира, - сказал он, - где его заслуги не были бы признаны. Он был известен всем как обладатель большого, цельного и уверенного ума; обширной эрудиции, которая нашла выражение в его ученых трактатах по закону декреталий и которые вызвали аплодисменты всех, кто был сведущ в каноническом праве".

Еще одним знаком такого уважения к Обществу, хотя и нежелательным, было возведение столь многих его членов в церковные чины Суверенными понтификами. Первым по времени было избрание Джона Кэрролла основателем американской иерархии. Это было тем более примечательно, что Чаллонер, апостольский викарий Лондона, неоднократно заявлял, что в Америке нет никого, кто соответствовал бы высоте епископского сана. Продолжение доказало, что понтифик был мудрее викария. Мы уже обращали внимание на тот малоизвестный факт, что на Балтиморскую кафедру был назначен другой иезуит, хотя он никогда не носил митру. Он умер до прибытия "Буллз". Его звали Лоуренс Грассель, и на момент Подавления он был новичком в Обществе в Германии. Кэрролл описывает его как "самого дружелюбного бывшего иезуита". Ши отмечает тот факт, что "преподобный Лоуренс Грассел, ученый и преданный священник, о святости которого традиция сохранила самые высокие оценки, возродил миссии в Нью-Джерси, которые посещали преподобные господа. Шнайдер и Фармер". (Том II.)

Леонард Нил, сменивший архиепископа Кэрролла на престоле Балтимора, был священником-иезуитом в Льеже во время Подавления восстания. Прежде чем вернуться на родину, он провел четыре года в Англии и еще четыре - в Демераре. В Филадельфии, когда он был генеральным викарием епископа Кэрролла, он заболел желтой лихорадкой, оказывая помощь больным во время эпидемии. Позже он был назначен президентом Джорджтаунского колледжа, а в 1801 году был назначен коадьютором Балтимора. Преемником прославленного Шеверуса на престоле Бостона был Бенедикт Фенвик, который вступил в Общество в Мэриленде за восемь лет до того, как Пий VII восстановил его по всему миру. Первым епископом Нью-Йорка также был бы иезуит Энтони Кольманн, если бы отец Рутаан не умолял папу отозвать свою кандидатуру.

Энтони Кольманн родился в Кайзерсберге в Эльзасе 13 июля 1771 года. Начало Французской революции вынудило его в молодости покинуть свою страну и перебраться в Швейцарию, чтобы продолжить прерванную учебу. Он окончил богословский курс и был рукоположен в сан священника во Фрибургском колледже. В 1796 году он присоединился к Конгрегации отцов

Святого Сердца и в течение двух лет проработал военным капелланом в Австрии и Италии. Следующим мы находим его в Диллингене в Баварии в качестве директора духовной семинарии. К этому времени Отцы Веры, организация Пакканари, объединились с организациями Святого Сердца, и Кольман был направлен в Берлин, а затем в Амстердам в качестве ректора нового колледжа в том месте.

Как только он услышал, что иезуиты в Белой Руси признаны папой римским, он подал заявление о приеме и 21 июня 1803 года поступил в послушничество в Дюнебурге, а в следующем году был направлен в Джорджтаун в качестве помощника наставника послушников. Занимая эту должность, он много путешествовал по Пенсильвании и Мэриленду, чтобы присматривать за несколькими группами немецких колонистов, поселившихся в этих штатах. Когда церковные неурядицы в Нью-Йорке достигли своего апогея, епископ Кэрролл выбрал Кольмана для восстановления порядка. С ним отправились отец Бенедикт Фенвик и четыре схоластика. В 1808 году ему было поручено управлять всем этим районом. В то время там проживало около четырнадцати тысяч католиков: французов, немцев и ирландцев. В 1809 году он заложил краеугольный камень старого собора Святого Патрика, который был второй церковью в городе. Он также основал Нью-Йоркский литературный институт как школу для мальчиков на месте нынешнего собора, но который тогда находился далеко за городом. В 1812 году он открыл поблизости школу для девочек и передал ее монахиням-урсулинкам, которые были присланы для этой цели из Ирландии.

Отец Кольман оказал большую услугу Церкви тем, что принял участие в вынесении вердикта о защите печати исповеди. Он действовал как агент по возврату украденных денег, когда их владелец потребовал назвать имя вора. Поскольку в этом было отказано, он вызвал священника в суд, но дело закончилось решением, вынесенным председательствующим судьей Девином Клинтоном, о том, что "ни одному служителю Евангелия или священнику какой бы то ни было конфессии не должно быть позволено разглашать любое признание, сделанное ему в связи с его профессиональным характером в ходе дисциплины, предписанной правилами или практикой такой конфессии". Это решение было воплощено в законе штата, принятом 10 декабря 1828 года. Его полемика с Джаредом Спарксом, хорошо известным унитарием, привела к его ответу, озаглавленному "Унитаризм, рассматриваемый с теологической и философской точек зрения". Это классика на эту тему.

Как упоминалось выше, Кольман был назначен епископом Нью-Йорка, но по просьбе генерального Общества папа отозвал свое имя. В 1815 году он вернулся в Джорджтаун в качестве наставника новичков, а в 1817 году был назначен президентом колледжа. В 1824 году он был вызван в Рим в качестве профессора богословия в Григорианском университете и занимал этот пост в течение пяти лет. Среди его учеников были будущий папа Лев XIII, кардинал Каллен Дублинский и кардинал Макклоски Нью-Йоркский. И Лев XII, и Григорий XVI питали к Кольману величайшее уважение и прикрепили его к себе в качестве консультанта при Коллегии кардиналов и нескольких важных конгрегациях, таких как управление по чрезвычайным церковным делам; епископы и постоянные члены; и инквизиция. Он умер в Риме в 1836 году из-за переутомления на исповеди.

Возможно, будет интересно процитировать здесь отрывок из "Жизни Джона кардинала Макклоски" кардинала Фарли: "Примерно в это время отец Макклоски перенес потерю очень дорогого и преданного друга, отца Энтони Кольманна, S. J. Будучи пастором церкви Святого

Петра на Барклай-стрит, он много лет был советником родителей молодого священника в Нью-Йорке. Он с детства видел, как тот вырос, и был его проводником и другом в Риме. Поэтому вполне естественно, что он с чувством отозвался о смерти этого святого человека, как в этом письме, адресованном самому преподобному доктору Пауэру:

Рим, 15 апреля 1836 года.

"Очень преподобный, дорогой сэр:

"Поистине, с глубоким сожалением я считаю своим долгом сообщить вам новость, которая, если вам еще не известна, не может не причинять вам боли. Нашего достопочтенного и достойнейшего друга, отца Кольманна, больше нет. Он был призван в другой мир после предупреждения всего за несколько дней. В пятницу, 8-го сентября, он, как обычно, был на исповеди. В течение дня его охватила сильная лихорадка, которая вынудила его лечь в постель, и в воскресенье утром, около пяти часов, он был мертв. В понедельник я имел печальное удовольствие лицезреть, как его положили в церкви Джезу, где собрались многие, чтобы выразить уважение к его памяти и ненадолго взглянуть на его бранные останки. Его болезнь была настолько непродолжительной, что смерть почти не изменила его внешность. Казалось, он погружен в нежный сон, такое спокойствие и безмятежность. Его лицо, казалось, не утратило своей обычной полноты или даже свежести. И таково было спокойствие каждой черты лица, что человек едва мог удержаться, чтобы не сказать про себя: "Он не умер, но спит". О его потере, как вы можете легко догадаться, глубоко сожалеют присутствующие здесь члены его Ордена, а также все, кто его знал.

Что касается меня, то я острее всего переживаю его смерть, потеряв в нем такого благоразумного руководителя, такого доброго отца и друга. Вы также, глубокоуважаемый и дорогой сэр, лишены его смертью самого активного и ценного друга в Риме".

В книге Хьюза "История общества Иисуса в Северной Америке" (I, стр. ii, 866) есть цитата из "Мемуаров" отца Грасси, которая относится к отцу Кольманну и требует рассмотрения. Его описывают под одиозным именем Пакканарист. На самом деле Кольманн присоединился к Отцам Святого Сердца в 1796 году, за три года до того, как о Пакканари вообще услышали. В апреле 1799 года по приказу папы римского Отцы Святого Сердца были объединены с "Отцами веры" Пакканари, но с самого начала между двумя секциями наблюдался явный раскол; и в 1803 году, когда стало очевидно, что Пакканари не имел намерения объединяться с иезуитами в России, Кольман был одним из первых, кто отделился от него и в том же году был принят в Общество. Если он был "пакканаристом", то такими же были Розавен и Варин.

Нам также сообщили, что Кольманн был бывшим капуцином. Странно, однако, что Гвиде не упоминает об этом в своих исторических очерках об отцах Святого Сердца. Более того, если он когда-либо и был членом этого Ордена, то, должно быть, на чрезвычайно короткий период; ибо он родился в 1771 году, и на момент начала Французской революции, уничтожившей все религиозные общины, ему было всего восемнадцать лет. Затем мы находим, что он заканчивает свое богословское образование во Фрибурге, где иезуиты были заметны до Подавления Восстания, и он был рукоположен в священники в 1796 году, когда ему было двадцать пять лет. Сразу после этого он присоединился к Отцам Святого Сердца. Так что, если он когда-либо и был капуцином, то, должно быть, в очень раннем возрасте; и в любом случае он не покинул свой Орден добровольно. Он был сметен с лица земли во время общего шторма.

Грасси также сообщает нам, что из сострадания к попавшим в беду верующим, которые в то время были изгнаны из своих домов, генеральный директор Общества попросил Папу Римского снять запрет на прием в свои ряды членов других Орденов — политику, которой Общество всегда придерживалось, как из уважения к самим Орденам, так и потому, что изменение в таком серьезном вопросе означало бы нестабильность характера заявителя. Отцу Пиньятелли было поручено передать дело Его Святейшеству, и Грасси восхищен безукоризненным послушанием Пиньятелли в выполнении того, что ему было сказано; но трудно представить, почему он должен быть так наставлен. Представители Общества дают особый и торжественный обет послушания Папе Римскому и безоговорочно принимают его решение. Даже когда Папа подавлял все Общество, они защищали его действия. Есть ли что-то героическое в том, чтобы быть всего лишь посыльным между генералом и папой римским? В любом случае, Кольман был принят в Общество с полного одобрения как Верховного понтифика, так и генерала, даже если он был капучином, в чем ни в коем случае нельзя быть уверенным.

Нам также сообщили, что власти Рима были удивлены тем, что Кольман был допущен к своим последним обетам до истечения обычных десяти лет, но в истории Общества много подобных примеров, и Генерал, ссылаясь на это, возможно, просто просил информации. Наконец, что касается предполагаемого беспокойства по поводу назначения Кольмана генеральным викарием Нью-Йорка; достаточно сказать, что эта должность по своей природе временная и не может быть классифицирована как прелатство; тем более что на всей епископальной территории, простиравшейся между рекой Гудзон и озером Эри, была только одна постоянная церковная структура, а духовенство в основном состояло из временных сотрудников.

В то время, когда отец Кольман был упомянут в качестве кандидата на престол Нью-Йорка, отцу Питеру Кенни было предложено стать епископом Дромора в Ирландии. Фоули в своем "Хронологическом каталоге ирландской провинции С.Дж." дает краткий отчет об этом очень выдающемся человеке, который, как и Кольман, некоторое время отождествлял себя с Церковью в Соединенных Штатах.

Он родился в Дублине 7 июля 1779 года и вступил в Общество в Ходдере, Стонихерст, 20 сентября 1804 года. Он умер в Джезу в Риме 19 ноября 1841 года. Мальчиком он привлек внимание отца Томаса Бетага, последнего из ирландских иезуитов старого общества, который в то время был генеральным викарием Дублина и был отправлен в Карлоу-колледж. Даже в ранней юности он отличался необычайным красноречием. Когда послушнику было велено спуститься с кафедры, его товарищи-послушники были настолько очарованы, что отказывались есть. В Стонихерсте он написал работу по математике и физике. В 1811 году он был вице-президентом Мейнутского колледжа. В 1814 году он купил Клонгоузский лес, а в 1819 году был направлен в качестве посетителя в иезуитские дома Мэриленда. В 1829 году он был назначен вице-провинциалом Ирландии, а в 1830 году снова приехал в Америку, где оставался три года, а затем назначил отца Макшерри первым провинциалом американской провинции. О его ретритах в Ирландии до сих пор с энтузиазмом упоминают и цитируют. В 1809 году, когда отец Анджелини заканчивал свое богословие в Палермо, он написал отцу Плоудену: "Отец Кенни на голову выше всех. Он обладает гениальностью, здоровьем, рвением, энергией, успехом в действии и благоразумием в замечательной степени. Да хранит его Бог для славы и

приумножения Ирландских миссий!" Бог сделал это, и миссии Америки также воспользовались его гением и добродетелью.

Позже отец Ван де Вельде был назначен епископом Чикаго, но он постоянно обращался в Рим с просьбой разрешить ему вернуться в Общество; в то время как отец Миге после двадцати четырех лет епископства и, не дожидаясь празднования своего серебряного юбилея, снова стал иезуитом и провел свои последние дни в Вудстоке, где он встретил отца Майкла О'Коннора, который оставил Питтсбургскую кафедру, чтобы принять одеяние святого. Игнатий. Его брат, прежде чем стать епископом Омахи, попросил разрешения вступить в Общество, но ему сказали: "Сначала будь епископом, как твой брат, а потом иезуитом". Одному из самых выдающихся иезуитов Нью-Йорка, отцу Ларкину, пришлось бежать из страны, чтобы избежать назначения епископом Торонто, а отец Уильям Дункан из Бостона занял бы кафедру Саванны, если бы не вступил в Общество.

То же самое верно и в отношении кардинала. Необычайно большое количество иезуитов было возведено в это достоинство за сто лет существования нового общества, несмотря на данную ими клятву сделать все, что в их силах, чтобы предотвратить это, клятву, которую все они преданно сдерживали, уступая только потому, что им было приказано сделать это под страхом совершения греха.

Камилло Маццелла вступил в Общество в 1857 году, и когда была открыта схоластика в Вудстоке в Мэриленде, он был назначен префектом учебных заведений. В 1878 году он был вызван в Рим, чтобы занять место Францелина в Григорианском университете. В 1886 году он был возведен в сан кардинала-дьякона, а через десять лет спустя - кардинала-священника, а в 1897 году был назначен кардиналом-епископом Палестрины. Камилло Тарквини стал кардиналом благодаря своей известности как канониста; ученость Андреаса Штайнхюбера и его великие труды в качестве библиотекаря Ватикана принесли ему звание пурпурного, в то время как Луи Бийо после преподавания догматического богословия в Анже и Григорианском университете был назначен кардиналом-дьяконом Санта-Мария-ин-Виа-Лата 27 ноября 1911 года. Но гораздо большее утешение новому Обществу принесла канонизация его святых, чем выбор его членов в кардиналы. Первое - это признание интеллектуальных способностей и личных достоинств; другое - официальное, хотя и косвенное, одобрение Института.

В то самое время, когда Помбаль, Шуазель и Карл III сокрушали общество в своих странах, Рим, словно осуждая этот поступок, ликовал от восторга по поводу героической добродетели итальянского иезуита Фрэнсиса Иеронимо; и люди спрашивали друг друга, как Общество могло быть плохим, если оно произвело на свет такого святого? В одном из номеров "Газетт" далекого Квебека того времени мы находим сбитого с толку англичанина-протестанта, который был корреспондентом журнала в Риме и задавал себе этот вопрос. Политические неурядицы того периода привели к приостановке процедуры канонизации, но Григорий XVI, сменивший Льва XII, причислил Франциска к лику святых в праздник Пресвятой Троицы в 1839 году. Пий IX причислил к лику блаженных Канисия, Боболу, Фабера, де Бритто и Берчманса, а также Питера Клавера, апостола негров, и брата-мирянина Альфонсо Родригеса, помимо того, что возложил мученический венец на множество мучеников в Японии, как европейцев, так и местных жителей, а также на Азеведо и его тридцать девять португальских соратников, которые были убиты в море недалеко от Азорских островов.

Лев XIII причислил к лику блаженных Антонио Бальдинуччи и Рудольфа Аквавиву вместе со своими товарищами-иезуитами, которые были казнены в Сальсете в Индостане, помимо причисления к лику святых Питера Клавера и Альфонсо Родригеса, а также причислил Джона Берчманса к той же категории, тем самым вновь подтвердив святость правил Общества, за реализацию которых святой юноша уже был причислен к лику блаженных. Канонизация Альфонсо примечательна еще и тем, что именно Львом XII, чье имя принял Лев XIII, скромный привратник с Менорки был возведен к первым почестям у алтаря. Наконец, Пий X продемонстрировал свою любовь к Обществу и одобрение правления, причислив к лику блаженных трех венгерских мучеников, о которых вряд ли кто-либо когда-либо слышал раньше: Марка Крисина, Стефана Понграча и Мельхиора Гродека. Также рассматривается вопрос о беатификации великих американских апостолов Жога, Бребефа, Лалемана, Даниэля, Шабанеля, Гарнье, Гупиля и Лаланда, пятеро из которых умерли за Веру в Канаде и трое - на территории нынешнего штата Нью-Йорк.

Новое общество не преминуло добавить новые имена в этот список почитаемых будущих святых. Это Джозеф Пиньятелли, умерший в 1811 году; отец Жозеф де Клоривер, 1820 год; Поль Каппелари, 1857 год; и Поль Гиньяк, 1895 год. В 1871 году коммунары казнили в Париже пятерых иезуитов, а именно Пьера Оливена, Анатоля де Бенги, Алексиса Клерка, Леона Дюкудре и Жана Коубера.

В период с 1822 по 1902 год еще сорок четыре человека прославили Общество либо героической святостью своей жизни, либо тем, что пролили свою кровь за Веру. Кроме них, есть тридцать пять иезуитов, которые были казнены в разных частях мира. Это: четверо итальянцев, Фердинандо Боначини и Луиджи Масса в 1860 году; Дженайо Пасторе в 1887 году и Эмилио Москозо в 1897 году; четверо немцев: Энтони Терорде в 1880 году; Стивен Циммерман, Джозеф Платцер и Клеменс Виггер, которые были убиты кафирами в 1895-6 годах. Французы могут похвастаться 12, а именно: епископ Планше в 1859 году; Эдуард Бийоте; Эли Жоунес, Хабиб Максуд и Альфонс Хабейш, которые были убиты в Сирии в 1860 году; Мартин Брутай в 1883 году; Гастон де Бац в 1883 году; Модест Андлауэр, Леон Мангин, Реми Изоре и Поль Денн, которые нашли свою смерть во время восстания боксеров в 1900 году; Леон Мюллер был убит боксерами двумя годами позже. Шестнадцать испанцев были казнены: Касто Эрнандес, Хуан Саури, Хуан Артигас, Хосе Фернандес, Хуан Элола, Хосе Урриетта, Доминго Барро, Хосе Гарнье, Хосе Санчо, Педро Демонт, Фирмин Барба, Мартин Баксонс, Эмануэль Остолоцца, Хуан Руэдас, Винсенте Гогорса, которые были убиты в Мадриде в 1834 году.

ГЛАВА XXX ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сменяющие друг друга генералы в Восстановленном Обществе — нынешний состав, миссии и провинции.

Как мы видели, первым генералом Общества, избранным после Реставрации, был отец Фортис, который умер 27 января 1829 года. 29 июня того же года отец Джон Рутаан был выбран его

преемником в результате четвертого голосования. Как и на предыдущих выборах, многие делегаты выбрали отца Розавена.

Джон Филип Рутаан, двадцать первый генерал Общества, родился в Амстердаме 23 ноября 1785 года и закончил классическое обучение в *Atheneum Illustre* под руководством знаменитого Якоба ван Леннепа. Когда в 1804 году он решил вступить в Общество в Белой России, его выдающийся учитель, хотя и протестант, дал ему следующее рекомендательное письмо: "Я полностью отдаю себе отчет в том, как в прежние времена Общество отличалось во всех отраслях знания. Его великолепные услуги в этом отношении никогда не могут быть забыты, и поэтому мне особенно приятно рекомендовать этого молодого человека, чьи заслуги я высоко ценю. Пусть он обогатится всей вашей наукой и вашими добродетелями, и я надеюсь снова увидеть его обладателем тех сокровищ, в поисках которых он зашел так далеко".

Похвала была вполне заслуженной, поскольку даже в тот ранний период своей жизни Рутаан владел французским, польским, латынью, греческим и ивритом. Он изучал философию в Полоцке, а в 1812 году был рукоположен в сан священника. После изгнания он отправился в Швейцарию в 1820 году и преподавал там риторику в течение трех лет. Как общественный деятель провинции, он трижды объехал все иезуитские дома в Германии, Швейцарии, Бельгии и Голландии, а затем был назначен ректором нового колледжа в Турине. Как генерал, его главной заботой было укрепление внутренней жизни общества. Его первые одиннадцать энциклик преследуют эту цель. Его издание "Упражнений" является классическим. В 1832 году он опубликовал "Пересмотренный порядок обучения", адаптировав Соотношение к потребностям времени; и он расширил деятельность Общества на миссионерских поприщах. Но длительный срок его полномочий был сплошной серией судебных разбирательств. О его вынужденном посещении большего числа палат уже рассказывалось в предыдущей главе.

Среди многих вещей, за которые Общество глубоко благодарно отцу Рутаану, есть очень замечательная публикация "Упражнений святого Игнатия". По словам Астрейна, "автограф был написан грубым и замученным кастильским языком", поскольку следует помнить, что святой автор был баскомцем. "Текст, - говорит он нам, - привлекает внимание" не своей элегантностью, а "энергичной точностью и краткостью, с которыми выражаются определенные мысли". Самого автографа больше не существует. То, что носит это название, является всего лишь копией в кварто, сделанной каким-то секретарем, но содержащей исправления, сделанные рукой автора. Оно воспроизведено по фотографии. При жизни Св. Игнатий. Сейчас остаются, во-первых, *versio antiqua* или древнелатинский перевод, который является буквальным вариантом, вероятно, написанным самим святым; во-вторых, вольный перевод отца Фрузия, более элегантный и в большей степени соответствующий стилю того периода. Обычно ее называют "Вульгатой". На *versio antiqua* стоит дата: Рим, 9 июля 1541 года. "Вульгата" написана позже 1541 года, но раньше 1548 года, когда обе версии были представлены Павлу III на утверждение. Он назначил трех экспертов, которые тепло похвалили обе версии, но напечатана была только Вульгата. Она была опубликована в Риме 11 сентября 1548 года и называлась "*Издание принцепса*".

Помимо этих двух переводов, есть еще два. Один - это все еще неопубликованный текст, оставленный блаженным Петером Фабером картузианцам Кельна до 1546 года. Она занимает среднее место между буквальным документом и Вульгатой. Второе было сделано отцом Рутааном, который из-за различий между Вульгатой и испанским автографом пожелал

перевести Упражнения на латынь как можно точнее, в то же время используя *древнюю версию*. В его намерения не входило вытеснять Вульгату, и по этой причине он опубликовал работу Фрузиуса и свою собственную в параллельных колонках (1835)".

Отца Рутаана сменил на посту генерала отец Беккс, родившийся в 1795 году в Сихеме, недалеко от Диеста, города, который славится тем, что является местом рождения святого Джона Берчманса. Он вступил в Общество в Хильдесхайме в 1819 году, пробыв светским священником восемь месяцев. В 1825 году он был назначен капелланом герцога Ангальт-Кетенского, который стал католиком после посещения дома одного из своих друзей-католиков во Франции. Ангальт-Кетен находится в прусской Саксонии, и когда Беккс прибыл туда, во всем герцогстве было всего двадцать католиков. Не прошло и четырех лет, как их число выросло до двухсот. В 1830 году его отправили в Вену, и какое-то время он был единственным иезуитом в этом городе. В 1852 году он был назначен провинциалом Австрии и имел счастье вернуть своих братьев в любимый Инсбрук, а также в Ленц и Лемберг. В следующем году он был избран генералом и занимал этот пост тридцать четыре года. Он часто говорил, что в то время, когда он вступил в должность, провинция Португалия состояла из полутора иезуитов. Первый скрывался в Лиссабоне, а "половина" была новичком в Турине. Даже сейчас их насчитывается всего триста. Все дома были захвачены республиканским правительством, а отцы церкви, схоласты и братья изгнаны со своей родной земли обычным жестоким способом.

За время правления отца Беккса восемьдесят иезуитов были возведены к алтарю. Все, кроме троих, были мучениками. Несмотря на это, Общество было изгнано из Италии в 1860 году, из Испании в 1868 году и из Германии в 1873 году, после чего генерал и его помощники покинули Рим, где после оккупации Пьемонта жить стало небезопасно. Они поселились во Фьезоле, и там курия, как ее называют, оставалась до смерти преемника отца Бекса. В 1883 году возраст и немощи генерала сделали выборы викария безапелляционными, и был избран отец Андерледи. Отец Беккс умер в возрасте девяноста двух лет, и тот, кто видел его в последние годы его жизни, так пишет о нем: "Этот святой старик, достигший возраста почти девяноста лет, такой скромный, такой смиренный, такой благоразумный, всегда одинаковый; всегда дружелюбный, со славой тридцатилетнего правления и внутреннего мученичества, причиненного ему неудачами Общества, представлял собой зрелище, способное преисполнить восхищения. Его ангельский вид привел меня в восторг. С каким великодушием он принял меня в своей комнате! С каким почтением! Его бедная сутана была залатана. Он так же пунктуален в выполнении упражнений, как и самые энергичные. Несмотря на свой преклонный возраст, он соблюдает все законы поста и воздержания. В четверть шестого он начинает мессу и проводит значительное время, преклоняя колени перед Святыми Дарами. Дай бог нам много подражателей его добродетелям".

Отец Андерледи был швейцарцем. Он родился в кантоне Вале в 1819 году и вступил в Общество в Бриге в 1838 году. Его отправили в Рим для изучения теологии, и сообщается, что он был таким упорным спорщиком, что однажды старый отец Перроне сказал ему: "Молодой человек, прекрати, или я рассержусь". Во время беспорядков 1847 года он направлялся в Швейцарию, когда его остановил отряд разъяренных солдат, которые спросили его: "Вы иезуит?" "Что вы подразумеваете под иезуитом?" - спросил он. Когда был дан обычный ответ, он сердито потребовал: "Вы принимаете меня за негодяя?" - и они пропустили его. В 1848 году он был отправлен в Америку и был рукоположен в Сент-Луисе архиепископом Кенриком, а затем поставлен во главе немецкого прихода в Грин-Бэй, штат Висконсин, места, богатого

воспоминаниями о старых миссионерах-иезуитах: Маркетте, Аллуэзе и других. По возвращении в Европу он ездил по Германии с проповедническими миссиями и завоевал репутацию великого оратора, хотя и работал совместно со знаменитым отцом Ро. Он был назначен ректором Кельнского колледжа, а впоследствии профессором схоластики Марии-Лаах. В 1870 году его вызвали в Рим, чтобы назначить ассистентом по немецкому языку, а в 1883 году он был избран викарием отца Беккса с правом наследования. Как генерал, он особенно усердствовал в продвижении изучения теологии и философии, а также в обучении людей физическим наукам. За время его правления Общество увеличилось с 11 840 членов до 13 275, но он был очень настроен против создания новых провинций. Создание независимой миссии в Канаде - это все, что он даровал в этом направлении. Он умер во Фьезоле 18 января 1892 года.

Луис Мартин Гарсия, или, как его обычно называют, отец Мартин, сменивший отца Андерледи, был пятым испанским генералом Общества. Он родился 19 августа 1846 года в Мельгар-де-Фермаменталь, маленьком городке примерно в двадцати пяти милях к северо-западу от Бургоса, и уже был семинаристом на втором курсе теологического факультета, когда начал подумывать о том, чтобы стать монахом. Однако поначалу быть иезуитом было для него так же отвратительно, как стать сарацином. Но его идеи на этот счет начали проясняться, когда он услышал, как его очень уважаемый профессор дон Мануэль Гонсалес Пенья, который был теологом в Ватиканском соборе, с энтузиазмом и при каждом удобном случае рассуждал о славе Суареса, Толетуса, Петавиуса, Беллармина и других великих светил Общества. Впечатление усилили некоторые письма филиппинских иезуитов, попавшие в его руки, а история Кретино-Жоли также способствовала изменению его взглядов. Разговор с настоятелем иезуитской резиденции в Бургосе и уход блестящего сокурсника в послушничество довершили разочарование, и 13 октября 1864 года он был принят в Лойолу.

В 1870 году, когда Общество было изгнано из Испании, он вместе с другими схоластами отправился во Францию в Валс, а позже в Пойанн. В последнем месте он оставался министром и профессором догматического богословия до 1880 года, а когда религиозные деятели были изгнаны из Франции, он вернулся в Испанию и был назначен настоятелем схоластики, которая была открыта в Саламанке. На него также была возложена обязанность преподавать теологию и иврит. В 1886 году он открыл дом исследований в Бильбао, и в том же году он был назначен провинциалом Кастилии. До этого он в течение года был редактором "Вестника Святого Сердца". В 1891 году отец Андерледи вызвал его в Рим, чтобы проанализировать и обобщить отчеты, присланные из всех провинций, о предлагаемом *пятилетии* теологии и новой организации обучения. После смерти отца Андерледи он был назначен генеральным викарием. Ему было тогда всего сорок пять лет. Его назначение совпало с началом эпидемии гриппа, жертвой которой он был очень близок к тому, чтобы стать. Как ни странно, именно эта же болезнь унесла его тринадцать лет спустя, развившись так же, как и ужасная саркома, от которой он долгое время страдал.

Как викарий, он созвал генеральную конгрегацию, назначив датой 23 сентября и выбрав местом встречи Лойолу в Испании. Это был первый случай в истории Общества, когда съезд проходил за пределами Рима, за исключением собраний в России во время Подавления. Причина такого решения заключалась в том, что папа дал понять, что оставаться на сессии в Риме в течение какого-либо значительного периода будет невозможно, хотя он предположил, что они могли бы избрать Генерального в Риме, а затем продолжить собрание в другом месте. После долгого обсуждения помощниками было решено не отделять выборы от других разбирательств. Что

касается места встречи, то был выбран Лойола, хотя предлагался бельгийский Троншъен. Выбор Испании был определен голосованием помощника, который не имел испанских связей. Отец Мартин был избран генеральным 2 октября, и заседания продолжались до 5 декабря.

На этом собрании отец Мартин обратил внимание делегатов на тот факт, что ни один иезуит никогда не брался за написание полной истории Ордена; можно было бы настаивать на воздержании, которое должно было бы снять с них обвинение в чрезмерном восхвалении Общества. Отец Аквавива действительно поручил Орландини начать работу, но выдающийся писатель не только не продвинулся дальше генерала Святого Игнатия, но даже не опубликовал свою книгу. Саккини, его продолжатель, должен был проследить за публикацией; его собственные материалы появились в 1615 и 1621 годах. Затем Жуванси был вызван в Рим, чтобы закончить вторую половину пятой части, которая к тому времени уже появилась, но он не продвинулся дальше 1616 года. Ему не повезло с ней даже на этом небольшом пространстве, поскольку в ней появились определенные мнения о правах суверенов, которые были неприемлемы для королей Бурбонов, и книга была запрещена во Франции декретами парламента от 25 февраля и 25 марта 1715 года. Наконец, итальянец Кордара взял на себя эту задачу и написал два тома, которые, хотя и были изящно выполнены, охватили не более семнадцати лет правления отца Вителлески (1616-33), и тогда был опубликован только один том. Прошло более ста лет, прежде чем появилась вторая. Она была отредактирована Раггазини в 1859 году.

Отец Мартин заявил, что давно пора что-то предпринять для исправления такого положения дел и что история общества должна быть написана в масштабе, соизмеримом с величием предмета, и в соответствии с методами, которые современные требования предъявляют к историческому письму. Поскольку предприятие в том виде, в каком оно было задумано, было бы непосильным для одного человека, был создан литературный синдикат, в котором отцу Хьюзу было поручено написать историю работы Общества в англоязычной Америке, отцу Астрейну - историю испанского ассистента, отцу Вентури - итальянца, отцу Фукере-француза, отцу Дюру и отцу Крессу - немца. Эта работа сейчас продолжается. Те, кто ею занимается, - люди безупречной честности. Тем временем в руки авторов попадает огромное количество доселе неопубликованных документов. Было напечатано и разослано по всем провинциям около пятидесяти объемистых томов, известных как "Monumenta historica Societatis Jesu", состоящих из хроник домов и провинций, интимной переписки многих великих людей Общества, таких как Игнатий, Лаинес, Борджиа и др. Да и сами иезуиты не ревниво охраняют эту массу материалов. Они доступны любому искреннему исследователю.

Поскольку Конгрегация выразила желание, чтобы резиденция генерала и его помощников во Фьезоле была закрыта и чтобы, если политические неурядицы позволят это, он вернулся в Рим, отец Мартин, посоветовавшись с папой, который с некоторыми колебаниями дал разрешение, обосновался в Германской коллегии 20 января 1895 года. Ожидаемого общественного ажиотажа не произошло. Газеты просто зафиксировали этот факт, но не подняли по этому поводу никакой шумихи. Отцу Мартину было чем утешить его во время его правления, как, например, беатификация нескольких членов Общества, но у него было также много печалей, таких как закрытие всех домов во Франции правительством Вальдека-Руссо и прискорбное дезертирство некоторых иезуитов в связи с модернистским движением.

В 1905 году проявились первые симптомы болезни, которая вскоре унесла его жизнь. В том же году на его правой руке появились четыре раковых опухоли. Он подвергся болезненному разрезанию двух из них без помощи анестетиков. Операция длилась два с половиной часа, и все это время он оставался в сознании. Чуть позже на других опухолях появились признаки гангрены, и было принято решение об ампутации руки, но в данном случае он воспользовался хлороформом. После операции он пришел в себя, и, несмотря на свое тяжелое состояние, папа разрешил ему отслужить мессу. Однако силы оставили его, и 15 февраля 1906 года на него напал грипп, а 18 апреля он умер в возрасте шестидесяти лет. На момент его смерти Общество насчитывало 15 515 членов.

Преемником отца Мартина стал Фрэнсис Ксавьер Вернц, родившийся в Вюртемберге в 1842 году. Когда Общество было изгнано из Германии в 1872 году, он отправился в Диттон-Холл в Англии, чтобы завершить учебу, проведя большую часть года в армейском санитарном корпусе во время франко-прусской войны 1870 года. В течение нескольких лет он преподавал каноническое право в Диттон-Холле, а в 1882 году был профессором школы Святого Бьюно в Уэльсе. Оттуда он был переведен в Григорианский университет в Риме, где читал лекции с 1883 по 1906 год. В сентябре последнего года он был избран генералом, на этом посту он прожил всего восемь лет. До своего избрания он выпустил четыре тома своего великого труда по каноническому праву. Два других были опубликованы позже, один из них после его смерти. Конец его трудам наступил 19 августа 1914 года. Ему тогда шел семьдесят второй год, и он провел в Обществе пятьдесят семь лет. Именно во время этого генералитета были созданы провинции Канада, Новый Орлеан, Мексика, Калифорния и Венгрия.

Отец Владимир Ледоховский был избран на вакантную должность 11 февраля 1915 года. Тогда ему было всего сорок девять лет. Он вступил в Общество в 1889 году, а в 1902 году, вскоре после своего рукоположения, был назначен провинциалом Галиции, а в 1906 году был избран помощником отца Вернца. Он племянник знаменитого кардинала Ледоховского, которого Бисмарк заключил в тюрьму за его мужественное отстаивание прав Польши.

Новое общество, как и старое, не преминуло произвести святых, и в настоящий момент жизни очень значительного числа тех, кто жил и трудился в течение столетия, прошедшего после реставрации, рассматриваются Церковью в качестве возможных кандидатов на канонизацию.

Число иезуитов, которые были под знаменами в качестве солдат, капелланов, санитаров или добровольцев во время мировой войны 1914-1918 годов, достигло 2014 года, что стало очень большой утечкой для Общества в целом, в списках которого в 1918 году было всего 17 205 имен, среди которых было очень много нетрудоспособных либо по возрасту, либо по молодости, либо по болезни для какой-либо активной работы. В 2014 году Бельгия предоставила 165, Австрия 82, Франция 855, Германия 376, Италия 369, Англия 83, Ирландия 30, Канада 4 и Соединенные Штаты 50. Из 83 английских иезуитов, служивших капелланами, 5 погибли во время службы, 2 были награждены орденом "За выдающиеся заслуги", 13 Военным крестом, 3 орденом Британской империи, 21 были упомянуты в депешах, 2 были упомянуты за ценные услуги и 4 получили иностранные награды — всего 45 знаков отличия.

Франция призывает к особому вниманию в этом вопросе. Из четырех французских провинций Общества было мобилизовано 855 иезуитов. Из них 107 были офицерами, 3 комендора, 1 капитан-лейтенант, 13 капитанов, 4 лейтенанта военно-морского флота, 22 лейтенанта, 50 младших лейтенантов, 1 морской прапорщик и 5 офицеров медицинских служб. Потери

убитыми составили 165 иезуитов, из которых 28 были капелланами, 30 офицерами, 36 младшими офицерами, 17 капралами и 54 рядовыми. Количество завоеванных наград почти невероятно. Орденом почетного Легиона были награждены 68 человек, военной медалью - 48, Медалью ветеранов - 4, Военным крестом - 320, марокканской или тунисской медалью - 3, при этом в депешах упоминалось 595 человек, и было получено 18 иностранных наград: всего 1056 отличий получили 855 иезуитов во французской армии и военно-морском флоте (Справочник иезуитов, 1921). "Какая партия, или группа, или клуб, или ложа, - пишет некогда недружественная газета "Италия", - может претендовать на подобное различие?" Еще одно из их отличий заключается в том, что Фош, де Кастельно, Файоль, Гинемер и многие другие французские герои прошли обучение в школах иезуитов. Наконец, французские иезуиты оказали эту чудесную услугу своей стране, несмотря на то, что правительство этой страны закрыло и конфисковало все их церкви и колледжи от одного конца Франции до другого и тем самым изгнало этих верноподданных с их родной земли. В довершение ко всему возмущению, их вызвали обратно, когда началась война, и ни один из них не отказался откликнуться немедленно, возвращаясь с дальних миссий среди дикарей на краю земли или из цивилизованных стран, которые были к ним более гостеприимны, чем их собственные, для защиты которых они охотно пожертвовали своими жизнями. Теперь, когда война закончилась, им некуда идти домой.

В 1912 году, за два года до войны, в списках Общества числилось 16 545 членов. В начале 1920 года в нем насчитывалось 17 250 членов: 8 454 священника, 4819 схоластов, 3977 братьев-мирян. Общество разделено на так называемые общества помощи. Итальянская организация помощи, в состав которой входят провинции Рим, Неаполь, Сицилия, Турин и Венеция, насчитывает всего 1415 членов. Частые разгоны и конфискации, которым подвергался этот участок, объясняют это небольшое число. Таким образом, в римской провинции их всего 354, а на Сицилии - 223. В ассистентуре насчитывается 748 священников, но перспективы увеличения этой категории отнюдь не обнадеживающие, поскольку схоластов всего 308. Братьев-мирян насчитывается 359. То, что действовало как сдерживающий фактор в Италии, парадоксальным образом, действовало в противоположном смысле в немецкой помощи. Несколько из этих провинций были разделены, но в них насчитывается до 4329 членов. Бельгия является сильным фактором в этом большом числе, поскольку она насчитывает 1279 человек, из которых 672 священника; немцы, у которых нет учреждения в своей собственной стране, но которые рассеяны по всей земле, имеют членство в 1210, из которых 664 состоят в священных орденах. В реестре Австрии значится 356, Польши - 464, Чехословакии - 114, Югославии - 113, Венгрии - 212, в то время как в Голландии их целых 581.

Закон об ассоциациях Вальдека-Руссо 1901 года не только конфисковал все учреждения иезуитов во Франции, но и лишил Общество права даже владеть собственностью. Тем не менее, в отличие от Италии, в каталогах провинций Шампань, Франция, Лион и Тулуза за 1920 год указано 2758 имен. В них 1647 священников и 583 схоласта, на которых можно опереться. Испанцы сгруппированы в провинциях Арагон, Кастилия, Мексика и Толедо, к которым была добавлена провинция Португалия. На счету этой комбинации 1760 голов. Возможно, цифры были бы больше, если бы революция 1901 года не привела к изгнанию иезуитов. Английское общество помощи, в которое до недавнего времени входили Соединенные Штаты, насчитывает сейчас 1622 члена, из которых 793 священника и 544 схоласта: Англия - 750, Канада - 472 и Ирландия - 400. Общество помощи Америке насчитывает 2892 члена, из которых 1230 священников, а в будущем можно будет воспользоваться услугами 1214 схоластов. Контингент

схолостов превышает контингент любого другого вспомогательного персонала более чем на сотню человек. Провинция Калифорния насчитывает 485 членов, Мэриленд-Нью-Йорк - 1080; Миссури - 1022 и Новый Орлеан - 305.

Помимо своих регулярно учреждаемых домов, у Общества есть миссии, разбросанные по всему миру. Таким образом, в Европе его миссионеров можно найти в Албании; в Азии они работают в Армении, Сирии, на Цейлоне, в Ассаме, Бенгалии, Бомбее, Пуне, Гоа, Мадуре, Манегалоре, Японии, Кантоне, Нанкине и Юго-Восточной Чехии. В Африке они находятся в Египте, Капской колонии, Замбези, Родезии, Бельгийском Конго, а также на Мадагаскаре, Маврикии и Реюньоне; в Америке они работают на Ямайке и среди индейцев Аляски, Канады, Южной Дакоты, Скалистых гор, Пимерии и Гвианы; наконец, в Океании они трудятся на Целебесе, Флоресе, Яве и Филиппинах. Этим миссиям 1707 иезуитов посвящают свои жизни в непосредственном контакте с аборигенами.

Напечатано в США

Пресс компании

J. B. Lyon

Олбани, Нью-Йорк

Примечания переписчика

Были исправлены простые типографские ошибки.

Пунктуация и орфография были приведены в соответствие, когда в этой книге было обнаружено преобладающее предпочтение; в остальном они не изменялись.

Не удалось устранить некоторые несбалансированные кавычки; те же несоответствия присутствуют по крайней мере в одном другом издании этой работы.

Многие названия похожи, отличаясь только использованием знаков ударения; некоторые записи в указателе приведены в соответствие со ссылками на них, но большинство других различий и несоответствий не были изменены.

И "отправка", и "dispatch" встречаются в этой книге.

Страница [377](#): "1620-1740" изменено на "1620-1704", чтобы соответствовать фактической продолжительности жизни Генриха Шерера.

Страница [416](#): "Появилось имя Гонсалеса", вероятно, должно быть "Появилось имя Гонсалеса".

Страница [792](#): "Отец Ломюллер" может быть "Леоном Мюллером" на странице [916](#).

Запись в индексе "Wendrok. See Nicole" относится к несуществующей записи.

Исправлены записи в указателях для "Демерары" и "Пия VI".

Обложка создана автором и размещена в общественном достоянии.